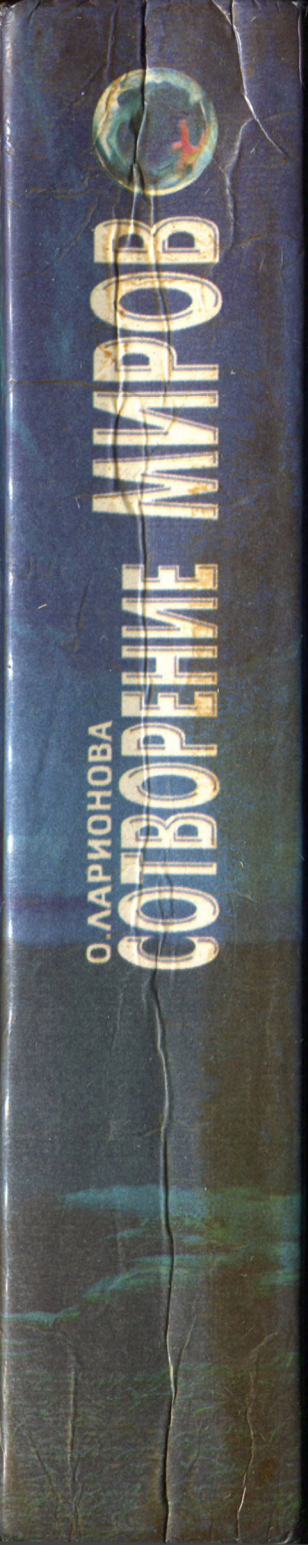
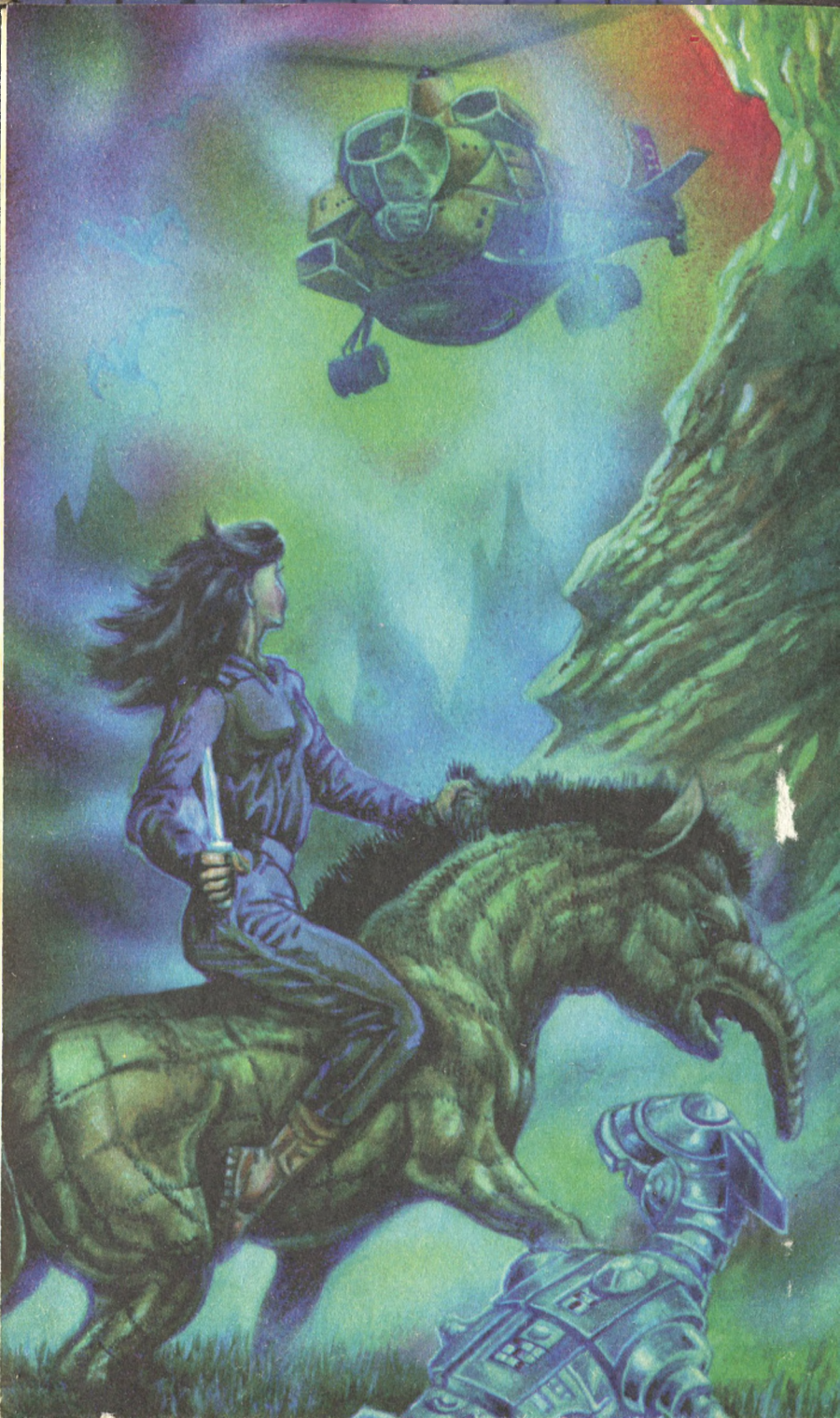


ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР

О. ЛАРИОНОВА

СОТВОРЕНИЕ МИРОВ



Книги Ольги Ларионовой давно и заслуженно вошли в золотой фонд отечественной фантастики и заслужили любовь не одного поколения читателей.

Сборник "Сотворение миров" включает одно из самых значительных произведений О. Ларионовой — "космическую" трилогию "Соната моря": повести "Соната моря" (удостоена премии "Аэлита" в 1987 г.), "Клетчатый тапир" и "Лабиринт для троглодитов".

Впервые собран воедино уникальный для мировой фантастики цикл повестей и рассказов, написанных "по мотивам" картин одного из наиболее поэтичных художников XX века Микалоюса Чюрлениса — "Знаки зодиака".

Также публикуются рассказы "Где королевская охота", "Сон в летний день" и повесть "Картель".

БИБЛИОТЕКА
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
ФАНТАСТИКИ

О. ЛАРИОНОВА

СОТВОРЕНИЕ МИРОВ

НПП «Параллель»
Нижний Новгород
1995

ББК 84Р7

Л25

Составитель серии
М. Редошкин

Серийное оформление
А. Гришина

Иллюстрации
Е. Лимановой

В оформлении обложки
использована работа Майкла Уэлана
(© 1988 by Michael Whelan).
Публикуется с разрешения автора и его агента
Александра Корженевского.

Ларионова О. Н.
Л25 Сотворение миров: Повести и рассказы. — Н. Новгород: НПП "Параллель", 1995. —700 с.: ил.

ISBN 5-86067-033-8

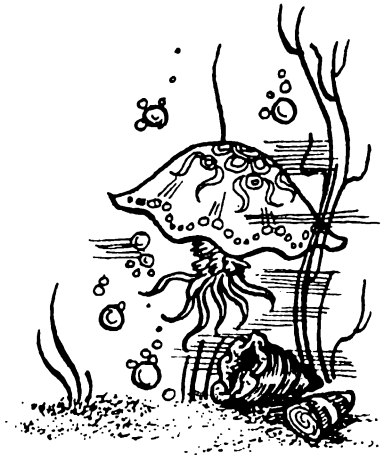
В сборник фантастических произведений Ольги Ларионовой "Сотворение миров" вошли трилогия "Соната моря" (повести "Соната моря", "Клетчатый тапир", "Лабиринт для троглодитов"), впервые собранный воедино цикл повестей и рассказов, написанных "по мотивам" картин одного из наиболее поэтичных и сложных художников XX века Микалоюса Чюрлениса — "Знаки зодиака", а также рассказы "Где королевская охота", "Сон в летний день" и повесть "Картель".

Л $\frac{4703040100\text{-}033}{3E8(03)\text{-}95}$ без объявления ББК 84Р7

ISBN 5-86067-033-8

© О. Н. Ларионова, 1995
© Издательство "Параллель", 1995

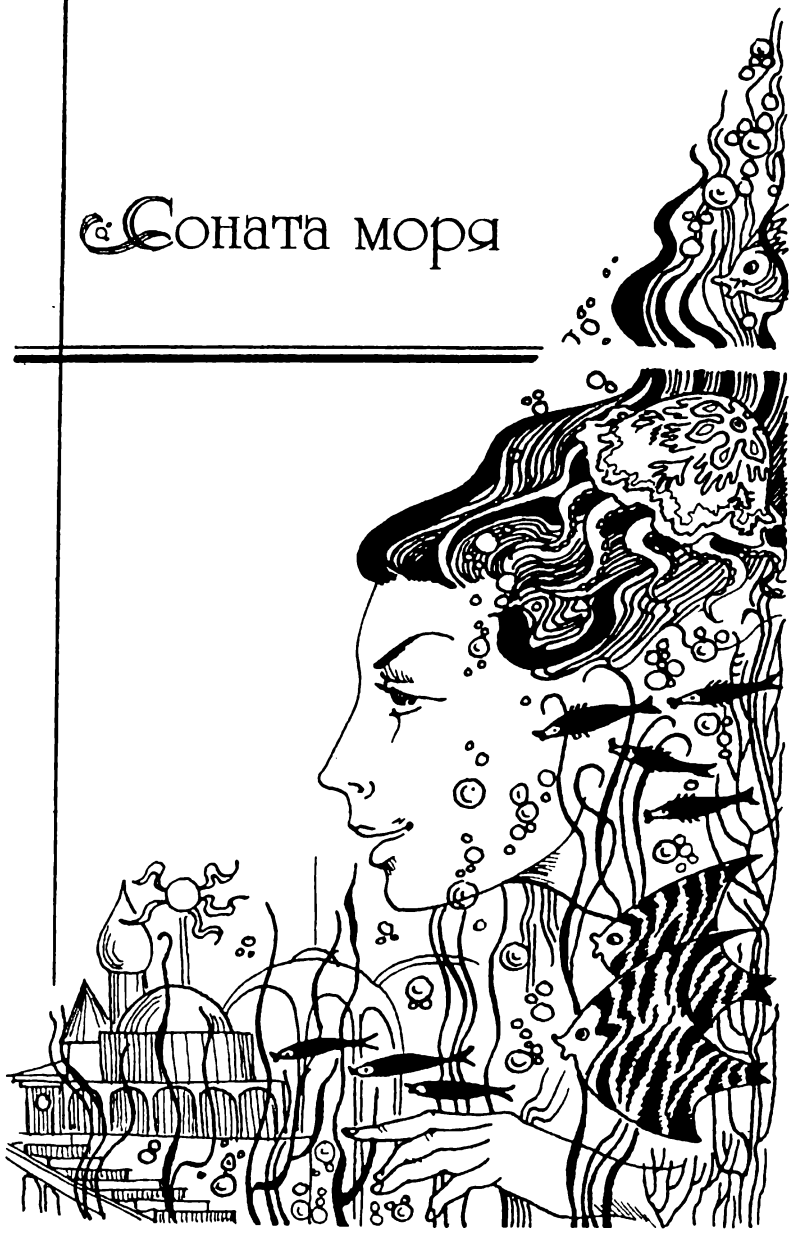
Соната моря



«Люди забыли эту истину, — сказал Лис, — но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».

Антуан де Сент-Экзюпери

Соната моря



— Шампанское в котором контейнере? — кричал мулат в кожаных штанах, скаля на солнце тридцать два золотых зуба и запрокидывая голову, чтобы голос его долетел до носовой части гигантского корабля, такого одинокого и чужеродного на этой нецивилизованной планете.

— В шес-то-о-ом! — донеслось из поднебесной вышины. — Скажи кибам, чтоб платформу подавали!

— Я са-а-ам!

Обладатель кожаных штанов обернулся и только тогда увидел Варвару, еще не вышедшую из кабины пассажирского лифта. Несколько секунд он оторопело взирал на нее, потом почесал за ухом и достаточно нелюбезным тоном изрек:

— Так. А дед где?

Варвара поймала себя на том, что ей тоже хочется почесать за ухом. Хм, дед. Пилот-механик был по-старчески брюзглив, штурман-пилот — бородат, механик-штурман — лыс, но седина подразумевалась. Значит, дедом могли назвать любого.

— Дед наверху, — коротко ответила она.

— Превосходно!!! — возопил мулат, словно в одном факте существования «деда» уже заключалось нечто феерическое.

На сем диалог прервался, потому что он метнулся в кабину громадного контейнеровоза — такого Варвара ни разу на Большой Земле не видела, — прогнал оттуда золотого членистоногого киба (да что у них тут, золотые россыпи, что ли?) и начал осаживать грузовик прямо к швартовочным опорам корабля с такой демонстративной лихостью, которая довела бы земного инспектора по технике безопасности до невменяемого состояния. «Вот сейчас либо машину покалечит, либо груз примет мимо платформы, — с непонятно откуда взявшимся раздражением подумала Варвара. — Ну, а мне-то что? Мне вот давно пора совершить исторический шаг и ступить наконец на девственную почву этой первой в моей жизни далекой планеты, занесенной в звездные каталоги под именем Земли Тамерлана Степанищева. А то я торчу тут на пороге лифта, как вечерняя фиалка, повергая космодромный персонал в изумление своей нерешительностью...»

И она совершила исторический шаг.

Правда, девственная почва оказалась рукотворным шершавым бетоном, а космодромного персонала вообще не было видно, но что могли значить такие мелочи перед сча-

стьем стоять на твердой земле? Несмотря на усиленные тренировки, Варвара, не без основания считавшая себя человеком крепким и закаленным, перенесла полет без восторга, а процедура посадки оказалась и вовсе тошнотворной мастой. И вот теперь ее тело, совсем недавно сжатое перегрузкой в нервный ощетинившийся комок, только-только начало обретать былую чуткость и восприимчивость. Глаза широко и удивленно раскрывались. Ветер доносил непредставимые досель запахи. Кожа теплела под тугим напором лучей. Вот она, чужая земля. Враждебная? Дикая? Нет, скорее наоборот — дружелюбная, доверчивая, как ластящееся животное.

Она еще немного постояла, проверяя, прошло ли головокружение. Прошло. Тогда она шумно вдохнула пряный прохладный воздух и пошла к веренице ожидающих погрузки контейнеровозов.

— Э-э, осторожненько! — крикнули сзади.

Она обернулась, и прямо в глаза ей ударил ослепительно желтый луч света. Не медовый, не лимонный — золотой до осязаемости. «Прямо не космодром, а танцплощадка какая-то», — подумала Варвара. Ни танцев, ни цветной иллюминации она отродясь не терпела. Пришлось заслониться ладошкой и попятиться так, чтобы навязчивый маскарадный прожектор оказался за массивным корпусом еще испускавшего тепло звездолета.

И тогда она вдруг поняла, что это вовсе не прожектор, а знаменитое тамерланское солнце, прижатое к самому горизонту многослойным шоколадным облаком. Из средней части корабля, загибаясь книзу, выползли два уса — разгрузочные направляющие; перечеркнув облако, они коснулись земли и растворились в быстро густеющих сумерках. Черной почкой выпятился первый контейнер, отделился от борта и заскользил вниз, навстречу фыркающему в полутьме грузовику. В какой-то момент контейнер попал в конус закатного света, и по всему космодрому разметнулся веер причудливых бликов, словно на бетон вытряхнули целый невод золотых разнокалиберных рыбок.

Бронзовый киб, напоминающий членистоногого кальмара, наблюдал за всей этой процедурой целым ожерельем видеодатчиков, опоясывающим его вычислительный бурдюк. Контейнер лег на платформу, и грузовик, натужно рыча, пополз прямо на Варвару. Она посторонилась; из кабины вывалился шофер, гаркнул:

— Повторять мое движение! — и звонко поддал ки-

ба по бурдюку, словно тот нуждался в начальном импульсе.

Киб, до сих пор не шелохнувшийся, внезапно ожил, догнал плавно идущую машину, запрыгнул в кабину на освободившееся место и повел контейнеровоз в голову колонны. Поставив машину (у Варвары появилось подозрение, что он водворил ее на прежнее место с точностью до миллиметра), он выключил мотор, пересел на следующий грузовик и покатил «повторять».

— Какой исполнительный рыжий! — невольно вырвалось у девушки, когда она заслышала шаги приближающегося шофера.

— А почему — рыжий?

Действительно, почему? Теперь, когда солнце село и включились настоящие прожекторы, стало ясно, что и киб этот был не бронзового цвета, а обычного серебристого, и мулат — не мулат, и зубы у него самые обыкновенные... Фокусы неземного солнца, вот и все, а она попалась, как первокурсница, еще не проходившая космической практики. Впредь надо держать язык за зубами, а то еще не раз вот так сядешь в галошу...

— Извините, — проговорила она, кляня себя за оплошность, — действительно, кибы — это не по моей части.

— А что — по вашей? Кто вы, собственно говоря, такая?

— Что вас конкретно интересует? — взъерошилась Варвара.

— Ваша профессия, если вы позволите, затем степень причастности к данному рейсу — может, вы тут только транзитом? У нас ведь из пассажиров ожидался только один дед, мы его, знаете ли, жаждем видеть в качестве свадебного генерала...

Почему искомого деда он упорно называет пассажиром? Ведь кроме нее на борту были только члены экипажа. А, не ее дело.

— Я радиооптик, — скупо обронила она. — Зовут Варварой. Сюда по распределению, то есть на два года. Земных.

После каждой пары слов она делала маленькую паузу — проверяла: не сказала ли чего лишнего? Вроде бы нет, не сказала.

Шофер, уперши руки в бока, разглядывал ее крепкую, мускулистую фигурку.

— Огнестрельным оружием владеете? — спросил он быстро и как будто без малейшей связи с предыдущим.

Да что он пристал как банный лист?

Ведь все, готовящиеся к работе на дальних планетах, сдают зачет по стрельбе. Вероятно, его интересовал не сам факт, а степень совершенства.

Но что здесь, на Тамерлане, считается совершенством?..

— Стреляю. Сносно.

Он вдруг развеселился, хлопнул себя по кожаным штанам:

— Знаете что, познакомлю-ка я вас прежде всего с нашим собственным дедом! У вас примерно одинаковая степень контактности. Мы-то поначалу думали вашего деда с нашим объединить, а то наш что-то совсем в грусть впал. А сейчас думаю, лучше вас ему пары и не надобно!

Варвара в очередной раз сдержалась, позволила себе только сухую реплику:

— Я бы не сказала, что испытываю желание быть с кем-то объединенной.

— А что нам тогда с Лероем делать? — взорвался вдруг шофер, переходя на тот естественный тон, каким обсуждают наболевшую проблему с хорошо знакомым человеком. — Связать его по рукам и ногам и сантранспортом на Большую Землю? Да? Или подстеречь его с гипноизлучателем где-нибудь в кустиках? Так он исключительно по пляжу вышагивает, кусты далеко, а со скал излучатель не возьмет. И варианта тут два: если так будет продолжаться, он либо помрет от неизвестной тоски, либо свихнется. Вас это устраивает?

Собственно говоря, в словах его присутствовала железная логика: если уж ты, голубушка, здесь не транзитом, а по распределению, то с первой же минуты твоего пребывания на Тамерлане тебя все должно касаться — от неведомого деда Лероя до последнего сигнального фонаря на грузовом прицепе. Так положено у нас, на дальних планетах.

Свойственный ее характеру жесткий самоконтроль поставил еще одну галочку в невидимой графе «промахи». Хотя — что ей было отвечать? Что-де всегда готова? И на все? Не умеет она так, даже если это здесь и принято. И вероятно, не научится.

Так что будет трудновато.

— Последняя платформа, — проговорил шофер уже совсем другим тоном, словно несколько минут назад вовсе и не он кричал на девушку, размахивая кулаками и скаля сияющие обманным золотом зубы. Экспансивен не в меру, определенно — дитя субтропиков. Кто там в группе Сусанина,

куда ее распределили? Из мужчин — Параскив и Кёлликер, как говорили на Большой Земле. Но этот определенно не подходит ни под одну из этих фамилий.

Она утвердительно кивнула, радуясь тому, что хоть на этот раз ей ничего не надо отвечать. В это время кабина пассажирского лифта, незаметно ускользнувшая вверх, задребезжала в коричневой вышине, сверху обрушились сразу три зычных голоса, и определенной смысловой нагрузки эти крики явно не несли, а служили только увертюрой к предстоящей встрече. В кабинку что-то со скрежетом затаскивали, всем не терпелось, и хозяин кожаных штанов, так и не потрудившийся представиться Варваре, тоже издал восторженный вопль, запрокинув голову и щуря свои и без того узенькие глазки. Словно в порыве естественного восторга он поднял над головой свои внушительных размеров лапищи, соединив их в приветственном жесте, и так же непринужденно уронил тяжкую левую ладонь на плечо Варваре.

Вот этого она терпеть не могла. Плечико у нее было крутое и для ее невеликого роста весьма сильное, так что одного движения было достаточно, чтобы прекратить подобное панибратство и притом заработать предубеждение к повторению опыта.

Но шофер и ухом не повел, словно под его ладонью мышь трепыхнулась; наоборот, рука его на Варварином плече стала еще тяжеловеснее: стой, где стоишь. Варвара замерла, но вовсе не потому, что подчинилась. Просто бывают такие моменты, когда перед глазами происходит что-то невероятное, алогичное и нужно все силы бросить на то, чтобы не упустить ни одну деталь, оценить происшедшее и понять, что же нужно делать именно тебе. В такие секунды замираешь, и со стороны может показаться, что это — страх; но это другое, потому что такое приходит раньше страха. И Варвара замерла, потому что правая рука ее собеседника нетерпеливо выдирала из незастегнутой кобуры тяжелый пистолет с граненой насадкой на дуле. «Вы, значит, стреляете, — процедил он сквозь зубы, и лицо его было совсем не прежним, смеющимся, — стреляете сносно...»

Если бы не эта неожиданная смесь отчаянья и усталости, она попросту подумала бы, что он хочет пальнуть вверх от избытка чувств. Может, у них так принято. Но она по-настоящему перепугалась, когда в какой-то миг ей показалось, что этот ненормальный сунет пистолет ей и заставит стрелять в кого-то...

Ничего подобного. Он вскинул руку, и она, невольно следуя за его движением, глянула влево, вдоль корпуса исполинского корабля, и на фоне золотисто-коричневого закатного облака увидала силуэт великолепного оленя, который небезуспешно разносил довольно шаткую ограду космодрома. Белоснежные рога подымались над изящной головой так легко, что казалось — над черной развевающейся гривой бьет живой фонтан. Гривистый олень, значит. Чудо-то какое! В каталогах Сусанина, успевших дойти до Большой Земли, его не значилось, да и много ли могло поместиться в двух компактных катушках феррографа! Да еще к тому же сколько места отнимал постоянный рефрен: специалистов, специалистов, и именно по дальним планетам!

Впрочем, этого требовали со всех осваиваемых планет...

Выстрел хлопнул совсем негромко, и тотчас же впереди, там, где сильные ноги оленя крушили бревенчатый заборчик, полыхнул столб веселого, брызжущего искрами огня. Огромная бенгальская свеча вымахала чуть ли не в ползвездолета, и в ответ из кабинки опускающегося лифта тоже принялись радостно и беспорядочно палить, отчего в небе послушно расцвели многоцветные укропные зонтички. Вольно или невольно они были направлены в одну и ту же сторону, если только Варвара не ошибалась, то на здешний юг, и вскоре оказалось, что все правильно, потому что там, за кромочкой бурых гор, тоже затеплилось ответное радужное сияние. Значит, увидели и тоже палили от избытка чувств. Конечно, этому зареву могло быть и другое объяснение, но оно как-то не приходило в голову.

Все правильно, говорила она себе, здесь такие порядки, такие законы. Надо оглядеться, прикинуть все на собственных ладонях (она даже приподняла свои широкие суховатые ладошки, словно взвешивая на них невидимое добро и зло). И стрельба под ноги этому сказочному оленю, несколько веков назад приснившемуся великому причуднику Карло Гоцци, тоже в порядке вещей. Ладошки непроизвольно потерлись друг о друга — не то стряхивали что-то постороннее, не то зудели... Нет, не принимало Варварино нутро некоторых здешних традиций. Категорически.

Бенгальский столб медленно опадал, на посадочной площадке становилось совсем темно. Там, где несколько секунд назад пронзительное желтое солнце выметывало лучи прямо из-под брюха исполинского оленя, уже никого не было. Только далекие косые жердочки поломанного забора перечеркивали тусклую лунообразную краюшку све-

тила, затуманенного надгорным облаком. Горы, со всех сторон горы. Под снижающимся кораблем она тоже видела одни скальные массивы. И почему, отправляя ее, Полубояринов как-то задумчиво проговорил: «Это ведь еще та степь...»

Кабинка лифта со скрежетом плюхнулась на амортизатор, и только тогда Варвара почувствовала, что на ее плече больше нет властной чужой руки.

— Осьмуха, забор чинить! — рявкнул шофер кибу-осьминогу и ринулся навстречу прибывшим.

В темноте возле лифта что-то восторженно кипело, фыркало, хлопало. Одним словом, бурлила радость. Выражалось это в том, что трое мужчин обнимали четвертого. Неужели каждые два месяца, когда прибывает звездолет, возникают такие необузданные эмоции? Ведь ничего особенного, почта прибыла, и только.

Хотя, может, и не всем удается в следующий раз выйти в космос — возраст, здоровье...

Мимо Варвары на полной скорости пронесся механический осьминог с жердиной в щупальцах — вероятно, забор чинить. Забор у космодрома! Помереть можно было бы со смеху, если б космодром был земной. А здесь привыкать нужно ко всему, в том числе и к этому. Потому как — дальняя планета.

Четверка, басовито и нечленораздельно выражавшая непреходящую радость встречи, возникла из темноты буквально в двух шагах от девушки, и тут только шофер, отделившись от общей массы, гулко хлопнул себя по лбу и горестно возопил:

— Летяги! Деда-то забыли!

«Летяги» недоуменно переглянулись.

— Какого еще деда? — осведомился кто-то из экипажа, кажется, механик-штурман.

— Да деда же, этого самого... чучельника!

— Дедов не возим.

Варвара с удовлетворением почувствовала, что наконец-то и этот шофер-весельчак прилюдно сел в галошу.

— Как же так? Меня Солигетти стопроцентно заверил, что он этого деда — впрочем, скорее, дед его — в сорок восьмом году на Белой Пустоши из анабиоза вытаскивал! И фамилия-то еще запоминающаяся, такая рыбная... А, Навага!

— Норега, — сказал пилот-механик. — Так это она.

Наступившая пауза страдала излишком мелодраматизма.

— Та-ак, — констатировал шофер с теми неподражаемыми модуляциями в голосе, с которыми невоспитанный директор инопланетной базы комментирует прибытие манекенщицы Дома Галактических Мод, присланной (даже без злого умысла) вместо заказанного противометеоритного кибер-снайпера. — И в котором же контейнере ваш багаж, картины-корзины-картонки?

Варвара позволила себе еще одну томительную паузу.

— Мои контейнеры ВСЕ. Кроме разве что пятого и шестого.

— Ну, спасибо, летяги, — сокрушенно проговорил шофер, кланяясь в пояс. — Привезли мне подарочек. Просил специалистов, прислали барышню. С приданым. Пошли спать по этому поводу, завтра повезу вас ни свет ни заря.

Четверка снова обнялась и двинулась куда-то в темноту, дружно брякая содержимым карманов. Варвара пожала плечами и направилась следом, сосредоточенно глядя под ноги, чтоб не споткнуться. По мере того как они отходили к краю площадки, дальние прожектора медленно отключались. Впрочем, толку от них было немного. Гостиничного типа домик вырос навстречу, слева и справа в его стены упирались толстые жерди деревенского забора. Все правильно, бетон ведь, наверное, возят с Земли.

Мужчины посторонились, пропуская девушку, массивная цельнометаллическая дверь откатилась с визгом, свидетельствующим о нерадивости хозяев. За дверью следовал неожиданно уютный холл, выстланный синтетическим ковром. Ковер тоже не холили, от входа, расходясь латинской «пятеркой», вели две грязноватые тропочки: к левой внутренней двери — едва заметная, деликатная, к правой — протоптанная широко и добротно.

Владелец кожаных штанов, все еще хмурый и разочарованный, сделал широкий жест, приглашая Варвару проследовать в левые апартаменты. Вероятно, там было все, что нужно для отдыха, потому что он только неприветливо буркнул:

— Разбужу.

— Спокойной ночи, — корректно ответила она и притворила дверь.

В маленькой комнатке действительно было все, что нужно: узкая, как и на звездолете, кровать, откидной столик и холодильник, рассчитанный отнюдь не на аскета, — сквозь его прозрачные стенки проглядывали аппетитные колбасы явно неземного происхождения, химический стакан с молоком и целая тарелка чего-то пузырчатого, отливаю-

щего свекольным цветом. Далее в задней зеркальной стенке отражалось смуглое насупленное личико со скифскими скулами и решительно очерченным ртом. Над верхней губой едва обозначался нежный темный пушок, как это бывает у очень смуглых девушек, придавая им редкостное своеобразие; но Варвара, как это случается в пору излишней к себе придирчивости, возвела едва уловимую поросль в ранг усов, свалила на них все свои реальные и мнимые несчастья и раз и навсегда возомнила себя окончательным уродом.

Это усугубило ее природную замкнутость и отвратило от девического пристрастия к верчению перед зеркалами.

Вот почему она несколько помедлила перед холодильником, выбирая между сомнительным удовольствием еще ближе очутиться к собственному ненавистному отражению и несомненной радостью вкусить не запретных, но абсолютно неизвестных плодов.

Второе пересилило.

Дверца распахнулась со старомодным звоном, и по внутренним стенкам заплясали малиновые блики. Варвара, как зачарованная, извлекла ледяную тарелку, на которой алели четыре ягоды, по форме и цвету напоминавшие шелковицу, но вот по габаритам сравнимые разве что с вернинским апортом. Если бы не сказочный аромат и упругое подрагивание живой кожицы, их можно было бы принять за елочные игрушки.

Варвара выпрямилась, коленом захлопнула дверцу. Вот тебе и «та степь»! Да если бы перед комиссией по распределению стояла бы такая вот тарелка, то весь курс запросился бы на Землю Тамерлана Степанищева. И не пришлось бы некоторым здешним плакаться по поводу отсутствия специалистов.

Стоя посреди комнаты, она взяла верхнюю ягоду за короткий хвостик, намереваясь разом отъесть добрую треть, и...

Кажется, раздался небольшой взрыв. В следующее мгновение девушка поняла, что звука, конечно, не было, а просто нормальный землянин не в состоянии даже представить себе такой обонятельный и вкусовой удар, который обрушился на нее. Все ароматы садов Шахрезады одним залпом!

Она попыталась утереться ладошкой — сок побежал по запястью и дальше, под обшлаг комбинезона. И конечно, в дверь тут же постучались. Вовремя, ничего не скажешь.

— Не заперто! — крикнула она.

— И напрасно, — проговорил штурман-пилот, просовы-

вая в дверь клочковатую бороду. — Разве вы не обратили внимание на то, что все здешние двери как раз и созданы для того, чтобы запираться, и понадежнее. Но раз вы этого еще не сделали, то не присоединитесь ли к нашему ужину?

Он смотрел на ее рожицу, заляпанную алым соком, как на что-то совершенно естественное. Пожалуй, из всего экипажа он был если не самым приятным, то наиболее воспитанным человеком.

— Спасибо, я уже, — сказала она, переводя взгляд на стену и обнаруживая там созвездие свежих пламенеющих клякс.

— Жаль, — искренне огорчился штурман. — Кстати, здешние ягоды не едят, а пьют. Соковыжималка на полочке. Ну, запритесь на ночь и земных вам снов.

Он бесшумно притворил за собой дверь. Варвара поглядела ему вслед и, вспомнив массивную титановую плиту и амбарные засовы на входной двери, несколько удивилась. Подошла к окну — так и есть, тяжеленные ставни. В комнате было прохладно и отнюдь не душно, но у нее уже автоматически включился врожденный комплекс противоречия, руки сами собой нащупали примитивные запоры, и ставни распахнулись.

Малиновый запах почти осязаемым потоком ринулся вон из комнаты. «Не слетелись бы птички-бабочки», — подумала Варвара, усаживаясь на подоконник.

Полноцветные крупные звезды нависали прямо над самым домом, образуя незнакомые созвездья; к горизонту плотность их заметно увеличивалась — видимо, так уж проходил здешний Млечный Путь. И кромка бархатных гор была чуть-чуть иной, чем на Большой Земле, — то ли пики острее, то ли злее и причудливее срезы обрывов... И звон — мелодичный, сладкоголосый, словно здешние цикады весь день объедались сказочным медом.

Впрочем, если судить по произрастающим тут ягодам, цветы, им предшествовавшие, должны быть фантастическими.

Внезапно где-то под окном, внизу и правее, захрустело и заскреблось. И было в этих звуках такое настойчивое отчаянье — а может, и не только в звуках, — что Варвара, перекинув ноги через подоконник, бесстрашно спрыгнула в темноту. Впрочем, если бы там ее подстерегала опасность, она почувствовала бы.

Гладкие, будто обглоданные жерди упирались торцами в стену домика, а дальше, сразу же за этим импровизированным забором, уходил вниз, в непроглядную темень, не-

определимой глубины обрыв. Девушка оперлась на теплое еще и такое земное дерево, нагнулась — внизу снова полошадиному зафыркали. И что-то белое, раскидистое, тонкопереплетенное, словно ветви только что расцветшей яблони, шевелилось там, силясь подняться. Варвара присела на корточки — снизу пахнуло теплым хлевным духом, и купа белоснежных рогов всплыла вверх, вознесясь до первой жердины забора. Олень стоял на задних ногах, а передние скребли камень, и тот повизгивал, словно копыта были железными. Лиловый фосфорический блеск широко раскрытого в темноте глаза мерцал жалобно и влажно, и Варвара, не удержавшись, просунула руку сквозь жерди и положила ее на шелковую подрагивающую шею. При этом движении рассеянный свет из окошка достиг наконец ночного пришельца, и девушка увидела клыкастую кабанью морду, увенчанную неподобающими ей королевскими рогами.

Должен был возникнуть страх — и не возник. Рука, доверчиво и естественно лежащая на гриве, не отдернулась.

— Бедненький ты мой, — проговорила Варвара нараспев и почесала безобразную морду между светящихся глаз.

Девушка уже немного привыкла к темноте и теперь разглядывала первого повстречавшегося ей тамерланского зверя с каким-то бабьим состраданием, как смотрят на уродов. А ведь это никакой не урод. По тутошним меркам, наверное, даже красавец. Король-олень. А если хорошенько приглядеться, то и на земной вкус он не так уж безобразен. Грива, как у яка, рога... не классической формы рога и пупырышками, точно приготовившаяся цвести верба, и такие теплые на вид. И глаза колдовские...

За спиной, в домике, что-то хлопнуло — то ли пробка, то ли дверь. Варвара быстро поднялась с колен.

— Давай-ка ты отсюда, — торопливо зашептала она, — а то этот чудак опять палить начнет...

Она перелезла обратно. Нет, в комнате никого не было. Ложная тревога. Но спать хотелось просто смертельно — видимо, сказалось предфинишное напряжение. Она подвинула койку к окну, отстегнула пояс с неразлучным охотничьим ножом, стянула с плеч комбинезон. Руки цепенели — так и заснула бы полураздетая. Нет, не одно только волнение было причиной этого изнеможения: тело, привыкшее ежедневно к нескольким часам активного плаванья, просто изнывало без воды. Она согласилась лететь на Тамерлану только потому, что база, как ей пообещали, располагалась на самом берегу теплого и совершенно безопасного моря.

Она жадно оглядывала его контуры сверху, при посадке — теперь оно было далеко, разве что завтра к полудню удастся добраться.

Что ж, потерпим до завтра.

В последний миг она нащупала на стене распределительный щиток и, блюдя правила безопасности, включила в оконном проеме поле силовой защиты.

Желтые звезды затуманились, значит, поле было мощнейшим. И что они тут так страхуются — ведь в инструкциях, которые она изучала перед полетом, говорилось абсолютно уверенно, что на Земле Тамерлана Степанищева — точнее, в обозримых окрестностях береговой базы — опасных для человека животных форм не имеется. И тем не менее...

Да, вот тебе и «та степь».

Она потыркала кулачком слежавшуюся подушку, вытянулась на прохладных простынях, пробормотала невесть откуда взявшееся: «На новом месте приснись жених невесте» — и заснула.

Приснился птеродактиль.

Брезентовая крыша над кабиной первого контейнеровоза была свернута, и когда туда кроме меднолицего шофера набились еще и все космолетчики, там стало тесновато — во всяком случае, две головы торчали наружу. Впрочем, Варваре приходилось на ее коротком веку путешествовать еще и не в таких условиях, но шофер, ни свет ни заря поднявший ее с постели и почему-то не заикнувшийся о завтраке, сухо кивнул ей на вторую, свободную, машину: «Поедете на этой». Девушка досадливо раздула ноздри — первое ее утро на Тамерлане начиналось не совсем так, как ей хотелось бы, — и вспрыгнула на высокую подножку. За рулем омертвело застыл флегматичный осьминог, не то вчерашний, которого гоняли по посадочному полю в хвост и в гриву, не то точная копия первого. Этих кибов ведь не отличишь друг от друга, особенно в сидячем положении, когда не видно крупно выведенного ниже пояса инвентарного номера.

Впрочем, нет худа без добра: можно без стеснения зевать и вообще заниматься чем вздумается. Вздумалось, естественно, позавтракать — Варвара достала из кармана предусмотрительно прихваченный из холодильника кусок колбасы, вынула неразлучный охотничий нож и точным движением отсекла ломтик. Колбаса резалась как масло и

благоухала тмином и сказочными травками маленького Мука. Киб, снабженный зачем-то блоком обоняния, неожиданно зашевелился, словно закачал головой, но Варвара сделала вид, что не поняла, и продолжала завтракать.

На пульте кабины что-то щелкнуло, голос шофера, усиленный динамиком, рявкнул: «Осьмухи, трогаем!» — разом взревели моторы, но с места никто не тронулся. Прошло секунд тридцать, потом впереди кто-то грохнул дверцей. Варвара опустила стекло, выглянула — в космодромных воротах прямо на пути колонны стоял ее ночной красавец, просительно выгнув шею и скосив лиловый глаз. Пришел проводить, умница. И не так уж он и сквернообразен, если внимательно приглядеться при дневном свете... Впрочем, нет, чудовищен. И клыков несколько, как у бабирусы, и уши свинячьи. Так и обхватила бы его голову страшную, щетинистую, и заплакала бы, точно аксаковская молодая дочь купецкая, и вымолила бы не облика человечьего, а лишь земной красы лесной...

Король-олень нетерпеливо топнул изящным копытом и тронулся в обход первой машины, но из ее кабины вылез совсем не почтительный к королевскому его достоинству шофер со здоровой жердиной в руках, и первый удар пришелся прямо по черногривой спине, так что Варвара с ужасом зажмурилась и отпрянула в глубину кабины, а потом послышались смачные шлепки — видно, били по бокам; затем поросячий визг, удаляющийся вместе с топотом, и машины наконец-то тронулись, но Варвара все еще сидела зажмурившись — так потрясли ее все эти художества.

А может, надо было оставаться на Большой Земле?

Когда она наконец нехотя открыла глаза, колонна неторопливо сползала по серпантину, проложенному в багровых чешуйчатых зарослях. Временами они редели, и тогда были видны железистые осыпи крупнозернистого песка да многослойные свежесрезанные обрывы, красноречиво свидетельствующие о недавних землетрясениях. Один раз девушке показалось, что на рыжую прогалину, метрах так в десяти над дорогой, выметнулась угольная тень с белоснежными рогами, но киб качнул коромыслом руля, и машина с удивительным для такой громадины послушанием вильнула вправо. Тени больше не было — наверное, показалось...

Первые пять километровых столбиков Варвара пропустила мимо себя с нарастающим разочарованием: заоконный ландшафт страдал однообразным отсутствием каких-то явно неземных примет. Обнадеженная ночной встречей, она

всматривалась в проносящиеся мимо заросли, надеясь углядеть там хоть кого-нибудь из легендарного каталога Сусанина. Справа с багряного откоса на дорогу посыпался ручеек песка и щебня — кто-то там продирался через пламенеющий кустарник, но к пролетающему на изрядной скорости каравану он явно опаздывал, и правильно делал, потому что между машинами почти не было интервала, а инерция у таких махин — не затормозишь. Варвара вытягивала шею, уж очень хотелось узреть воочию хотя бы одного из тех, кто фигурировал на довольно-таки дилетантски выполненных снимках (ну, уж она-то составит первоклассный атлас на уровне последних достижений цветной голографии, затем и прилетела!), но дорога сделала очередную петлю, и преследователь отстал. Но не успела она почувствовать себя разочарованной, как снова раздался треск, различимый даже сквозь натужное рычание моторов. Нет, она не ошиблась — это был он, черногривый олень, упрямо рвущийся наперерез каравану. На этот раз ему почти удалось выйти на уровень первых машин, потому что дорога спустилась в долину, но деревья, сменившие кустарник, стояли так вплотную друг к другу, что протиснуть рогатую голову между частоколом лишайчатых стволов не было никакой возможности. Широколиственные ветви нависали над самой дорогой, и один раз Варвара даже крепко стукнулась лбом о ветровое стекло, когда головная машина, а за ней и все остальные, неожиданно притормозила.

Оказалось, с разлапистой ветки свисал некто бесподобно зеленый, как огурец, и лохматый, точно щетинистый дикобраз. Кто-то из летчиков привстал и попытался отодрать это живое украшение от сука, но, по-видимому, с него легко было спустить шкуру, поэтому вскинулась еще одна рука — с портативным десинтором, ветку осторожненько срезали, и шофер вынес это зеленое чучело вместе с веткой, в которую оно вцепилось мертвой хваткой, на обочину дороги. Изумрудный ленивец — если только это был он — никак не реагировал на то, что его оскорбительно тащат за шиворот, как нашкодившего кота; но очутившись в придорожной пыли, он словно проснулся и развил бешеную для себя деятельность: разжал лапки и начал поворачиваться на бок со скоростью и изяществом амебы.

Машина резво рванула вперед, так что Варвара еще раз стукнулась головой — теперь уже о заднюю стенку кабины, — и колонна вылетела на берег разлившейся речушки, торопясь набрать запас скорости для следующего подъема.

Река была неглубокой, как и все горные речки, а здесь, на разливе, и вовсе едва плескалась. Машины шли по самой кромке, так что вода была прямо под колесами, и так хотелось побегать по ней босиком, чтобы зубы заломило от холода и брызги летели выше головы и падали сверху на макушку...

Брызги тотчас же влетели в окно кабины, и Варвара уже не с восторгом, а с какой-то досадой узнала своего кабаноподобного красавца, который с упорством, достойным совсем другого рода копытных, лез прямо под колеса грузовика.

Заметили его, по-видимому, и с первой машины, потому что колонна стала резво наращивать и без того немалую скорость. Оленю бежать по острым камням, устилавшим дно реки, было явно и неудобно, и страшновато.

— Отстал бы ты, оленок упрямый! — прошептала девушка. — Ноги ведь поломаешь!..

Киб скосил на нее фасеточный глаз — не к нему ли относится реплика? — и еще набавил скорость. Олень, запрокидывая голову, рванулся из последних сил, и не то все-таки споткнулся, не то разом обессилел, но передние ноги у него подогнулись, и он рухнул на колени в неглубокую воду. Варвара вылезла из окошка чуть не по пояс, опасаясь, не нужно ли остановить колонну и превратиться в ветеринара-травматолога, но в этот миг холодное щупальце захлестнуло ее жестким арканом, рывком вернуло на место, и Варвара увидела цепочку некрупных шаровых молний, которые сомкнутым кильватерным строем шли в каком-нибудь полуметре над поверхностью воды, тоже набирая скорость и обгоняя колонну, до которой им, по-видимому, не было никакого дела.

Тем не менее в следующую секунду окошко стремительно затянулось защитной пленкой, в кабине стало совсем темно — видно, киб переключился на инфракрасные рецепторы; впереди над первой машиной раздался резкий, булькающий звук, совсем не похожий на разряд молнии, затем точно то же возникло прямо над головой, потом сзади — бульканье прокатилось над всей колонной, и запахло чем-то кислым, от чего не мог избавить даже захлебывающийся от усердия кондиционер, и машины неистово рванулись вперед, оглушая себя собственным ревом.

Продолжалось это изнурительно долго, наверное, минут десять, потом окно прояснилось, словно с него краска стекла, но все равно ничего разглядеть было уже нельзя: справа и слева подымались метра на три прекрасно отполирован-

ные полосатые стены, отчего стало казаться, что едешь по земному метро, но вот для встречной машины в этом каньоне прохода уже не было.

Становилось все темнее, дорога глубже и глубже зарывалась в гору, так что уже не различить было нежной и глубокой слоистости камня; внезапно правая стена ощерилась трещиной, и в этот нежданный просвет хлынуло ослепительное желтое солнце, и ветер, и горный запах. На несколько секунд открылся вид на невероятно изрезанный горный массив, ближайший хребет которого удивительно напоминал окаменевшего ящера, залегшего параллельно дороге. Головы «ящера» видно не было, но по общему направлению можно было судить, что она непременно должна была загораживать дорогу, — значит, в ней должен был проходить тоннель.

И еще одно — в последний миг Варваре почудилось, что кто-то черный мчится нелепыми, бессмысленными прыжками вверх по склону, стараясь опередить захлебывающиеся от жары и тяжести до отказа набитых контейнеров машины.

Коридор снова сомкнулся, и Варвара почуяла впереди прохладу тоннеля. Грузовик медленно втянулся в его мерцающее ониксовое нутро, продолжая карабкаться все выше и выше, к неведомому перевалу; и только Варвара подумала, что в таком длинном тоннеле по инструкции положено прикрывать шторками окна, как темнота внезапно оборвалась и стены расступились, образуя довольно широкую площадку, — ну, ясно: ведь тут не двухпутка и время от времени должны были встречаться такие отстойники для встречных машин. По тому, как облегченно заурчал мотор, нетрудно было догадаться, что они наконец-то достигли перевала, и Варвара не удержалась и снова высунулась в окно, торопясь увидеть долгожданное море, и оно приветливо высветилось утренней голубизной далеко под радиатором первой машины, внезапно притормозившей и осевшей на задние баллоны.

Что-то было не так, потому что головы летчиков, торчащие над открытой кабиной, были обращены назад. Выражение лиц было скорее растерянное, нежели злое, но короткие резкие фразы, которыми они обменивались, произносились так тихо, что было ясно — энергетика их явно превышает порог допустимости. Варвара закрутила головой, стараясь отыскать предмет их внимания, и конечно увидала своего зверя, который с неослабевающим упорством шел по правой кромке скал, ограждающих перевалоч-

ную площадку, и высота этой кромки равнялась, по меньшей мере, трехэтажному дому. Сзади визжали тормоза, колонна скучивалась, как стадо мастодонтов, но из всей этой свалки, затененной облаком пыли и гари, настырному животному было нужно что-то одно, и он метался по самому краю, пригибая голову и кося глазом на людей.

Космолетчики высыпали на дорогу, шофер тоже, но из-за пузатого контейнера Варваре не было видно, что у них такое в руках. Только бы они не начали снова палить, как вечером, а то этот дурень совсем обезумеет и сорвется с такой высоты, потеряв голову, — вон как мечется, словно в клетке...

И точно в ответ на ее мысли олень замер. Он стоял как раз над кабиной второго грузовика, медленно закидывая назад голову, словно ее оттягивал белоснежный куст тяжелых рогов. Этот нескончаемый, глубокий вдох длился целую вечность, и еще секунду, не больше, олень смотрел прямо на солнце, потом, как пловец на трамплине, он спружинил на задних ногах и великолепным толчком выбросил свое угольно-черное тело прямо в утреннюю голубизну.

Половину своего воздушного пути он пролетел плавно, неторопливо распрямляя передние ноги, как будто собираясь едва коснуться земли и помчаться дальше такими же исполинскими, замедленными прыжками. Но на середине полета он вдруг утратил какой-то внутренний стержень, и, весь изломавшись, судорожно раскидывая ноги и конвульсивно мотая головой, пролетел в каких-нибудь двух метрах над Варварой и с жутким грохотом рухнул у правого борта головной машины.

Варвара спрыгнула с подножки и остановилась: подойти к ЭТОМУ у нее не хватило духа. Подбежали летчики; шофер суетился, наклоняясь, отскакивая и отчаянно жестикулируя. Потом все выпрямились и замерли, наклонив головы. Сзади к Варваре подошел еще кто-то, из последних машин, тоже замер, так что и дыхания не было слышно. Шофер первым встряхнулся, безнадежно махнул рукой и полез к себе в кабину. Летчики отошли в сторону, головной грузовик внезапно взревел и начал пятиться, занося задние колеса влево. Теперь перед Варварой целиком открылось то, чего она так не хотела видеть: бесформенная угольная туша и фарфоровые брызги рогов... Грузовик фыркнул, притормаживая, бампер со скрежетом развернулся и превратился в сверкающий бульдозерный щит. Девушка закусила губы и резко повернулась к тому, кто подошел сзади,

и, задохнувшись, замерла, забыв в этот миг даже про своего оленя.

В шаге от нее высилась двухметровая асфальтовая горилла.

Она была точно такая же, как в каталоге Сусанина: зеленовато-серая, бесшерстная, тупо уставившаяся в одну точку. Варвара осторожно повернула голову, глянула через плечо на летчиков; те стояли в тени, у самой стены, и удрученно, но без малейшей тревоги наблюдали за происходящим. Видимо, отталкивающая образина была для них не в диковинку.

Бульдозерный блок грохнул о дорожные плиты, и каменная масса, спеченная плазменным путеукладчиком, ответила глухим скрежетом. Словно разбуженная этим звуком, обезьяна качнулась, мерно зашагала вперед, и девушку едва не задела ее массивная лапа. Варвара профессионально насторожилась: привыкшая чутко улавливать специфику движения каждой лесной твари, она почувствовала что-то противоестественное, и эта неестественность была не сопоставима ни с кем из зверей.

Ей показалось, что мимо проплыла тугая, серая... пустота.

Варвара встряхнулась, отгоняя наваждение и призывая на помощь все, чему ее учили в лаборатории экспериментальной таксидермии, и в первую очередь — здравый смысл. Объяснение аномалии тут же нашлось: у этой зверюги абсолютно отсутствовали дифференцированные мускулы. Вероятно, их попросту скрадывала невероятной толщины жировая прокладка, недаром в приложении к каталогу Сусанин писал, что, в отличие от своих земных собратьев, эти гориллы не реагировали на усыпляющие ампулы.

Между тем обезьяна, почти не нагибаясь, обхватила оленье тело за шею и без малейшего усилия поволокла вперед свою многопудовую ношу. Одной лапой, между прочим. Дойдя до широкой трещины, она принялась так же деловито и без видимого напряжения заталкивать оленью тушу туда. За трещиной начинался обрыв, откуда послышался треск ломающихся сучьев, скрежет кости по камню, — и все бесследно исчезло; только бурая, мгновенно запекающаяся на солнце полоса перечеркивала дорожные плиты. Обезьяна наполовину влезла в щель — не то меланхолично следила за падением оленьего тела, не то раздумывала, не исчезнуть ли и ей в том же направлении. Она стояла бы так еще долго, но откуда-то из-под машин послышался визг, посвистывание и топоток.

— Не двигайтесь! — встревоженно крикнул штурман Варваре.

Предупреждение, собственно говоря, было излишним: инстинкт охотника, явно не исчезнувший в ее генетической памяти под давлением цивилизации, подсказывал, что следует затаиться, хотя и сейчас она не чуяла никакой опасности для себя.

Визг и топотанье принадлежали целой стае крупных, почти земных сурков, которые вынырнули из-под грузовиков и энергичной иноходью устремились к обезьяне. Они облепили ее задние ноги, повисли на передних лапах, и было в их суетне что-то забавно-трогательное, что-то от взаимоотношений птенцов и птичницы-кормилицы. Обезьяна попятилась, стараясь не раздавить ненароком нахальных приставал, кого-то погладила, потрепала по шерстке, потом развернулась, точно линейный корабль среди лодчонок, и флегматично зашагала обратно, к хвосту колонны, а сурки торжествующе свистели и старались куснуть ее за пятки.

Временами им это удавалось.

Странная компания достигла последней машины, провожаемая настороженными взглядами людей, просочилась между контейнером и стеной и исчезла в глубине тоннеля. Если бы не чудовищная, нелепейшая трагедия, разыгравшаяся на этом самом месте десять минут назад, можно было бы помереть со смеху. Но никто даже не улыбнулся — летчики облегченно вздохнули и разом кивнули Варваре, словно они все время опасались, не сделает ли она чего-то недопустимого. И снова все невольно взглянули в сторону расщелины, к которой вел бурый, шелушащийся на солнце след.

— Ну долго вы там?.. — крикнул шофер из своей кабины.

Летчики медленно пошли к нему. Приглушенные было моторы ожили, и колонна покатилась с перевала, виляя по серпантину и нацеливаясь прямо в циклопические ворота Пресептории.

На первом этаже что-то громыхнуло, и Варвара торопливо сбежала вниз по винтовой лесенке. Так и есть — посреди прихожей высились два контейнера, напоминающие здоровенные пластиковые чемоданы. Кибы, значит, постарались.

Произошла небольшая ошибка, и нужно было ее побыстрее исправить. Девушка выскочила на крыльцо и услы-

шала голос своего шофера. Ей и всего-то надо было спросить, в какой стороне Амбарная площадь, но желания объясняться с этим нахалом, с одинаковым мастерством владеющим как баранкой, так и жердью, у нее не возникло. Она хотела повернуть назад, но тут прозвучало имя загадочного деда Лероя, да еще и в связи с непонятной гибелью оленя. Она невольно задержалась на пороге.

— ...это в чистейшем виде синдром Лероя, ошибиться я не мог. Но вот вопрос: откуда? До сих пор этот синдром возникал только тогда, когда животное успевало привязаться к человеку. А этого ведь никто даже не погладил...

На душе у Варвары стало муторно, заскреблись невидимые коготки подозрения в собственной вине.

— Видно, уродился таким привязчивым... И что, хорош был? — спросил удивительно полнозвучный женский голос.

Варвара вытянула шею, пытаясь заглянуть за угол, но увидела только легкий край сиреневого платья.

— С ума сойти, до чего хорош!

И в словах этого парня была такая искренняя боль, что Варвара чуть было не простила ему все его грехи.

— Метра два в холке, рога — еще полтора и чуть ли не светятся; одним словом, иллюстрация к легенде о Губерте, покровителе охотников. Я сам чуть не заплакал.

— Вот уж в это трудно поверить... Ты — и слезы! А к зверюге надо было вовремя применить строгие меры, вплоть до...

— Да применил я, еще на космодроме. Видно, мало. Только рядом мой новый молодой специалист стоял, смущал меня.

— Ну и как сей молодой специалист?

— Да крепенький. Впрочем, сама увидишь. Смугленькая, усатенькая, в штанах и ножик на поясе.

— Какой еще ножик? — изумилась сиреневая.

— Столовый, надо полагать.

Этого Варвара стерпеть уже не могла.

— Извините, — сказала она, спрыгивая с крыльца, — где я смогу найти свой багаж?

— Личный багаж я велела отнести на вашу половину, — проговорила обладательница миланского контральто. — Разве вы не видели? Но прежде всего давайте познакомимся: Кони.

Рука у нее была полной, но удивительно легкой. И все ее большое тело напоминало три легких шара, подымающихся друг над другом. Идеально круглое лицо, обрамленное черными волосами. Круглые брови, круглые глаза. Со-

вершенно непонятно, каким образом вся эта геометрия создавала впечатление редкостной и яркой красоты. Шемаханская царица средних лет, да и только.

— Варвара, — намеренно скупо представилась девушка.

— Вот и прекрасно, Варюша...

— Варвара. Не терплю нежностей.

— Тогда мне будет с вами трудновато: я — человек нежный.

— Не обращай на нее внимания, Кони, — вмешался наблюдавший за этой сценой шофер. — Это просто маленькая мохнатенькая кобра. Подарок судьбы мне персонально.

— Ну, с судьбой мы как-нибудь договоримся, — не без высокомерия обронила Варвара, — тем более что она определила меня в биоэкспериментальный сектор, а не в автохозяйство. Так что постараюсь, чтобы наши судьбы впредь не пересекались.

— Ну, я ж сказал тебе, Кони, — сколопендра...

— Кстати, сами вы мне до сих пор не представились. Если при этом вы проявите столь же глубокие познания в энтомологии...

— Деточка, я — Сусанин, ваше непосредственное начальство. Хватит с вас энтомологии на первый случай?

«Нет, надо было мне оставаться на Большой Земле, — с отчаянием подумала Варвара. — Там бы я сейчас попросту удрала. А куда, спрашивается, я денусь тут?»

Но луноликая Кони спасла положение.

— Чего-то я недопонимаю, — развела она кисейными рукавами. — Эта юная строптивая дама — радиооптик. Зачем она тебе?

— Потому что она, по совместительству, и долгожданный чучельник, и специалист в практической голографии. То, что я и просил. Но к сожалению, она не дед, как я надеялся.

— Так вы действительно таксидермист? — былая нежность во взгляде Кони сменилась настороженным любопытством.

— Действительно. — Варвара уже привыкла к тому, какие эмоции вызывает ее достаточно экстравагантная профессия. — Мне предстоит создавать зоологический музей Земли Тамерлана Степанищева — голографические экспозиции, чучела, муляжи...

— Варюша, все это завтра! А сегодня вы прибыли удивительно кстати — прямо на праздник, а они у нас так редки! Переодевайтесь, и в шесть вечера прошу быть за об-

щим столом. Да, забыла предупредить: мы накрываем под Майским Дубом.

Варвара мысленно представила себе атлас растительности Тамерланы — ничего похожего на дуб там не наблюдалось.

— Хорошо, — сказала она, — но все-таки называйте меня Варварой. А переодеваться мне не во что, в тех контейнерах, которые доставлены ко мне в домик, мои роботы. Поэтому меня и интересовала Амбарная площадь, куда сгрузили остальное.

— Ой, бедная вы моя, боюсь, что в эдакой свалке вы так быстро ничего не отыщете! Впрочем, новичкам везет.

— Кони, — проговорил Сусанин обычным своим деловым тоном, в котором не было места шутливым интонациям. — Проводи молодого специалиста, а то ей и так хватило местной экзотики: мандрила асфальтовая, молнии шаровые... Сполохов не хватает.

— Вчера, когда вы сели, над перевалом такое воссияло!

Девушка невольно припомнила переливчатое зарево, выросшее за горами в ответ на ракетную пальбу, но промолчала.

— В янтарную лужу мы еще влезли, перед самыми воротами Пресептории, — продолжал Сусанин. — Так далеко эта живность еще ни разу не заползала. Я, как мы только въехали, осмотрел колеса — ни малейших следов...

— Осмотрел или провел анализ? — встрепенулась Кони.

— Ну ты и вопросы задаешь! Проанализировал. И снова подумал: уж не мираж ли? Ведь ни единого следа, ни клеточки! Подозреваю, что даже ни единой молекулы... Знаешь, есть идея: если в качестве ловушки приспособить...

— Постой, Жень, — Кони глянула на Варвару, с тревожной пытливостью старавшуюся понять, о чем идет речь, и мгновенно вернулась к прежней пленительной беззаботности. — Ну, не будем же мы решать эту проблему прямо тут, на улице! Тем более что перед нами сейчас более актуальная задача: добыть для Вареньки вечерний туалет. Тут уж, прости, Сусанин, не до тебя, встретимся под Дубом. Итак, бежим на Амбарную — если контейнеры уже разобраны, то это здорово усложнит поиски, если же нет...

И она потащила девушку за собой со скоростью, которую трудно было ожидать при ее комплекции вкупе с высоченными трехгранными, как стилет, каблуками. Прямая улица, образованная двумя рядами одинаковых двухэтажных коттеджей, наводила на мысль о том, что база была

рассчитана на гораздо большее число людей, чем работало здесь сейчас, и Варваре еще раз припомнился вопль сусанинской души: «Специалистов, специалистов, и именно по дальним планетам!» Почувствовав внутренний импульс пробудившейся совести, Варвара чуть было не остановила свою спутницу и не попросила ее указать на биоэкспериментальный корпус, но на сияющем лике очаровательной Кони (и как ее зовут на самом деле?) отражалась такая детская предпраздничная радость, что у нее не хватило духа снова заговорить о работе.

По правде сказать, было и еще одно: море. Оно угадывалось где-то совсем близко, и за прыжок с трехметровой вышки она сейчас, не задумываясь, отдала бы все праздники мира.

Между тем улица, монотонно отсчитав десятка три домов, закончилась стойбищем уже знакомых контейнеровозов. Собственно говоря, никакой Амбарной площади, а тем более амбаров, здесь не было и в помине, а просто довольно значительная территория вдоль древней стены была занята гаражами, складскими бастионами, аккумуляторными колодцами и стойлами кибов. И между всем этим громоздились небрежно набросанные монолиты, вытесанные из цельных скал много тысячелетий тому назад. Время строительства гигантского комплекса, кем-то случайно названного Пресепторией, никто точно не определял, и эти монолиты можно было принять и за блоки для контрфорсов, и за развалины циклопических амбаров — в скудной литературе по истории Тамерланы их осторожно именовали «руинами». Пока до них никто не дотрагивался — руки не доходили; глубинное зондирование уныло констатировало, что внизу под ними тоже нет ничего интригующего.

Несколько человек суетилось возле контейнера с алой четверкой на дверце, все остальные потрошили кибы, и было очевидно, что дело у них находится в самой безнадежной фазе, то есть максимум выгружен, но минимум разложен строго по местам.

— Опоздали маленько, — сокрушенно заметила Кони. — Так как же быть? Я предложила бы вам любое из своих платьев, но боюсь, что вместе с собой вам пришлось бы засовывать в него и своих роботов, и еще осталось бы место.

— А у вас роботов приглашают к столу?

— Думаю, что при нашем демократизме к ним относились бы по-человечески... если бы они вообще существовали на Степаниде. Беда в том, что они дороговаты в обращении —

тут им и робомеханики, и психотехники, и вариопрограммисты требуются... Одним словом, семь нянек на каждую единицу. Кибы проще — валяются где попало, и никаких обид. И чиним сами, своими руками.

Варвара не удержалась, вскинула уголки пушистых бровей. Кони засмеялась, помахивая пухлыми ладошками:

— Нет, нет, не этими. Я ведь тут состою в телятницах, так что мы с вами будем работать рядышком, под начальством уважаемого Евгения Илановича Сусанина, от которого я вас обязуюсь по мере сил защищать, тем более что вы мне очень нравитесь...

Варвара насупилась и изо всех сил прикусила язык.

— ...уже хотя бы тем, с каким мужеством вы воздерживаетесь от лишних вопросов. Это вы молодец. Наша Степушка — только на первый взгляд планета как планета, разве что моря коричневые да по вечерам все в золоте червонном. А если копнуть поглубже, то будет это сплошная сказка, без конца и без начала, так что каждый открывает се на своем месте и читает по собственным способностям. Вот так. Но что же нам все-таки делать с вашим вечерним облачением? Спросить у кого-нибудь из лаборанток-маринисточек, там найдутся примерно таких же габаритов...

Варвара категорически замотала головой. Уж лучше чехол от робота, чем чужое платье.

Другое дело — рубаха...

Это была светлая мысль.

— А белой рубашки у вас не найдется? Обычной, мужской?

— Что может быть проще! — Кони стремительно повернулась на каблуках — и как только они, сердечные, выдерживали! — Киб! Найти коттедж шесть «С», взять в стенном шкафу белую рубашку, доставить мне. Да выбери ту, что новая и получше накрахмаленная! — крикнула она уже вслед посыльному кибу, который метнулся по улице со скоростью, приближающейся к звуковой. — Рубашку мы, считайте, уже достали. А сейчас знаете что? Идите-ка да выкупайтесь с дороги. Вот так, прямиком мимо трапезной, а там ступеньки. В море безопасно. Купальник есть?

— На мне.

— Впрочем, сейчас там никого нет, одни аполины, заодно и познакомитесь — это ведь почти наши сотрудники. Ну, счастливо!

Варвара посмотрела на нее с благодарностью, граничащей с восторгом, а это по ее-то характеру ой как дорого стоило. Но продвинуться к морю ей удалось едва ли на де-

сять шагов. От шумливой кучи людей и кибов, потрошивших четвертый контейнер в поисках шампанского (одни кибы сделали бы это впятеро быстрее), отделился некто долговязый, как аистенок. Варвара со вздохом отметила, что у него прямо-таки на лице написано, какой он фантастический болтун. И он не замедлил это подтвердить:

— Степуха миа, кого я вижу! Новенькая, и прехорошенькая притом! Позвольте представиться: Солигетти, застенчивый гений.

— Норега.

— Что вы делаете сегодня вечером?

— По-моему, я приглашена на свадьбу. А вы?

— Четыреста чертей и спаржа в майонезе, совершенно забыл! В таком случае, куда вы направляетесь сейчас?

— Купаться.

— Разрешите...

— У меня нет купальника.

— О пульсары небесные, мигалки запредельные! Миллион килопарсеков извинений! Но уж вечером...

Она бесцеремонно повернулась к нему спиной, удивляясь тому, насколько может утомить трехминутный разговор с невоспитанным человеком. На сей раз ей удалось пройти шагов двадцать. За пустым контейнеровозом ей открылось весьма причудливое строение с широкими воротами в стиле пряничного терема, стены которого были расписаны под примитивную каменную кладку. На каждом условном камне виднелся рисунок или надпись, и какой-то убогий киб-инвалид всего с пятью конечностями торопливо закрашивал эти художества, орудуя четырьмя кистями сразу. Сбоку от резной арки недвусмысленно просматривался не злой, но довольно точный шарж на Кони вкупе с двумя истинно академическими личностями; на арке значилось: «ХАРЧЕВНЯ ТРИ СКЕЛЕТА», и даже мусорный бачок был украшен затейливой вязью, провозглашавшей, что «Наши отходы — самые отхожие во Вселенной». Во всем этом чувствовался стиль и дух скромного гения, и Варвара мысленно пожелала колченогому кибу завершить работу к началу застолья.

Из-за покачивающейся створки ворот виднелась стойка, с которой свешивалась пара безжизненных щупальцев.

— Новенькая, — произнесли за ее спиной негромко и в высшей степени удовлетворенно. — Только что прибыла со всеми этими невежами. Последние, естественно, не накормили.

Оборачиваться все равно пришлось бы, и Варвара решила, как советовал Эгмонт, мужественно идти навстре-

чу неминуемой беде, в очередной раз вставшей на ее пути к морю.

— Имею честь представиться: Артур Кёлликер, ксеноэколог.

— Варвара Норега... радиооптик.

— Из нашей трапезной изъяты все столы и стулья, но мы можем расстелить на полу циновку. Какую кухню вы предпочитаете?

— Я — эврифаг, сэр Артур. Поскольку я иду купаться, а обеда не предвидится, то съем сырую рыбку.

— Вы меня безмерно огорчили, юная леди. А я-то надеялся найти в вашем лице достойного сотрапезника. В нашей так называемой Пресептории проживает сто шестьдесят два едока, исключая юного наследника четы Пидопличко, который не в счет, ибо ему исполнилось едва три месяца. Так вот, ни в одном я не нашел единомышленника, ибо я придерживаюсь системы средневековой южноевропейской кухни, которая...

В бессильной тщете отыскать эпитет к упомянутой кухне он развел руками, и Варвара подумала, что его горбоносый хищный профиль, бесцветные кудри в едином ансамбле с отвислыми усами и холодный блеск чуть выкаченных зеленоватых глаз больше подходили бы изголодавшемуся кормчему северного драккара, нежели пресыщенному и утонченному потомку Гаргантюа.

— И все-таки я оставляю за собой право пригласить вас на печенку молодого оленя, когда высокочтимое начальство передаст мне лицензию на кухонные поставки, не вполне объяснимо присвоенные уважаемым Лероем. Я сочту за честь напомнить о своем приглашении. А что вы делаете сегодня вечером?..

Но Варвара уже не слушала его. Утренний ужас, отступивший перед пестрыми впечатлениями от нового места — и не просто места, а первой в ее жизни незнакомой планеты, — обдал ее липким густым жаром. Олень. Король-олень, выметнувший свое угольно-черное тело в бирюзовую прозрачность горного утра...

Как могло забыться такое?

И совсем по-иному зазвучали в памяти восторженные слова Кони: «Наша Степушка — это сплошная сказка, без конца и без начала, так что каждый открывает ее на своем месте и читает по собственным способностям». Да, вот тебе и сказка. Вернее, вот тебе и твое место в ней...

Она круто повернулась и, рискуя показаться крайне невежливой, нырнула в тень зеленой галереи, причудливыми

уступами бегущей вниз навстречу шуму и запаху тамерланского моря.

Она с разбегу выскочила на узенький пляж и остановилась.

Пляж воображения не поражал. Перед нею лежала бухта, ограниченная двумя далеко выдвинутыми в море горами; левая, благодаря причудам выветривания, казалась средневековым замком, правая, порядком обезображенная метеостанцией с грузовым фуникулером, не вызывала никаких романтических ассоциаций. Узкая дуга галечника пестрела под ногами. Слева над нею, на монолитной и подозрительно ровной плите, расположились три ангароподобных сочлененных корпуса биолаборатории. Виадуки стрельчатых пирсов уходили от каждого корпуса прямо в море. Похоже, что ни прибоя, ни штормов здесь не боялись. Впрочем, гряда темно-рыжих голых островов, с различной четкостью просматривающихся вдали, должна была ограждать бухту от шалостей здешнего Нептуна.

И снова Варвара подивилась тому, что ни сама бухта, ни внутреннее чутье, которому девушка привыкла доверять как слуху или зрению, не подавали сигналов тревоги — а она ждала этого сигнала с особенным страхом именно сейчас, когда до воды остался всего один шаг. Море, небо, скалы — не прозвучит ли предостерегающее: «Стой, ты ведь не на Земле!» Нет. Тихо кругом.

Бесшумно погружая ступни в тепловатую воду, она вошла в море. По колено. По пояс. Вода была какая-то нейтральная, не враг и не друг. Из глубины тянуло и осторожной медлительностью придонных ползунов, и плескучей резвостью кого-то сильного и сытого. Сонные золотистые искорки — не то кусочки янтаря, не то плавучие икринки — мерцали неподалеку, метрах в трех; Варвара потянулась к ним — не то растворились, не то ушли в глубину. А поодаль опять заискрились. Ну, не всё сразу...

Больше озираться она просто не могла. Море тянуло, словно и оно соскучилось по ней. Тело привычно вошло в экономный, естественный ритм. Метров пятьсот — и обратно. Ну шестьсот...

В бок легонечко поддали. Варвара изумилась и на всякий случай пошла в глубину — надо же хорошенько разглядеть того, кто к тебе пристает. У себя дома она настолько привыкла, что из любой массы купающихся дельфины выбирают именно ее, что нисколько не удивилась и тут, тем более что и прикосновение было знакомым, точно в бок тебя ткнули галошей. Она узнала его сразу по многочис-

ленным рисункам и снимкам, чуть ли не в первую очередь переданным на Большую Землю, — это был аполин, и не очень крупный — значительно меньше касатки, с удивительной длинной шеей, делающей его похожим на плезиозавра. Поглядывая на нее небольшим поросячьим глазком, он ходил кругами над купой сиреневых водорослей и как-то по-собачьи дружелюбно вилял хвостом. От его движений из зарослей выметывались разнокалиберные рыбки, и он внимательно выбирал ту, что поупитаннее.

Наконец выпорхнуло нечто радужное — Варвара не сразу признала морского фазана, редкой красоте которого в атласе Сусанина было отведено предостаточно места. Аполин цапнул красавца поперек живота, впрочем не повредив шести кружевных плавников; подлетел к девушке, галантно переместил добычу из пасти в правую клешню и неловко преподнес свой дар.

— Спасибо, — сказала она. Пузырьки воздуха вырвались у нее при этих звуках, и аполин испуганно шарахнулся в глубину. Трусишка...

Варвара вынырнула на поверхность, легла на спину и резким движением подбросила фазана вверх. Плавники затрепетали, слились в единое радужное сияние, словно на воду медленно опускалась причудливая японская игрушка, а потом рыбка сложила свои плавники и крошечной торпедой без всплеска ушла в глубину. Да, зрелище было редкостное, жаль, камеры с собой не захватила.

Аполин, вероятно, обиженный, что его подарком пренебрегли, больше не показывался, и девушка без помех проплыла метров четыреста. Оглянулась: белые полукружья лабораторных корпусов выглядели изящно и совершенно безлюдно; остальной поселок утопал в пятнистой растительности — оливковое вперемешку с пурпурным. Ей хотелось, конечно, размяться по-настоящему, но вдруг на берегу забеспокоятся... Варвара повернула назад.

Но через несколько взмахов совсем еще не уставших рук она скорее даже не услышала, а почувствовала, что ее догоняют. Изрядная стая аполин шла весьма странным образом: в середине группировалось несколько животных, двигавшихся плавно и неторопливо, зато все остальные являли собой самый беспорядочный эскорт, который носился и взад, и вперед, и по кругу, нередко совершая трехметровые ориентировочные прыжки. Как только они завидели Варвару, к ней устремилось сразу пять или шесть крупных самцов, отличающихся ярко-лиловой полосой вдоль хребта. Все они были гораздо больше, чем ее давешний знакомец,

и тем не менее, явно не соизмеряя свои габариты с достаточно изящным телом девушки, они повели себя, по крайней мере, как старинные и довольно развязные друзья — один даже пристроился рядышком, задрал хвост и легонечко хлопнул им девушку по спине.

— Но-но, полегче, — сердито крикнула Варвара, — а то еще утопите по простоте душевной...

Топить они ее, естественно, не собирались, но явно направляли ее внимание на центральную группу, которая осторожно несла нечто зеленовато-бурое и бесформенное. Не иначе, как решили преподнести еще один дар из морских глубин!

Аполины приподняли этот зеленый тючок над поверхностью воды, на Варвару пахнуло мерзким запахом прелых водорослей, и вдруг она увидела перед собой растерянную щенячью мордочку с подрагивающими вибриссами. Это был детеныш ламантина... нет, пожалуй, кого-то покрупнее, но неважно, кого именно, главное, он, совершенно очевидно, был новорожденным, и по мутноватой пленочке на глазенках нетрудно было догадаться, как ему плохо.

— Да держите же его, держите! — Варвара протиснулась между скользкими тушами аполин и приподняла мордочку звереныша как можно выше, и аполины по мере сил и понимания подставляли свои диковинные плавники-клешни, помогая ей.

Звереныш забился, хлебнул воды и заперхал.

— Э-эй, на берегу! — отчаянно закричала Варвара. — Да кто-нибу-у-удь! Сусанин!

Из крайнего павильона вылетела незнакомая фигура, скатилась по пирсу вниз, шлепнулась в крошечную лодчонку и издала неопределенный клич. Тотчас же три аполина ринулись к нему, подхватили какую-то сбрую, свешивающуюся с борта, и потащили навстречу Варваре со скоростью, которой позавидовал бы и неплохой катер. По мере того как сей своевременный спасатель приближался, Варвара рассмотрела, что одет он в стандартный халат, наброшенный прямо на алые кардинальские плавки, бос, бородат и прекрасен в степени, для мужчины прямо-таки недопустимой. «Ну вот и погибель моя», — сказала себе Варвара.

— Зеленький, — с тихим восторгом пробормотал бородатый Антиной. — Ну, давайте, давайте...

Он свесился с кормы, запустил руки в воду; звереныш отчаянно трепыхнулся и принялся тыркаться в намокший белый рукав.

— Ах ты, дурашка, думаешь, если белое, то обязатель-

но мамино брюхо? — Он засопел и принялся втаскивать увесистого малыша в лодку. — Тяжеленький, килограммов на сорок...

Он снова издал переливчатый птичий звук, только уже другой тональности, и аполины повлекли лодку к берегу. То, что Варвара оставалась в окружении целой стаи похожих на плезиозавров морских чудищ, его нисколько не волновало. Лодка ловко прилепилась к пирсу, он вылез и засеменил к распахнутым дверям биолаборатории, неловко прижимая «зелененького» к животу.

— Похоже, что за меня тут переживать не будут, — сказала Варвара аполинам. — И правильно сделают. Так что поплыли!

Она выбрала направление на ближайший остров — это было километра четыре с половиной, так что если пройти всю дистанцию в хорошем темпе, то можно и поразмяться после нудного сидения в каюте, а потом еще и в грузовике. Она пошла классическим кролем, который у нее был доведен до предела элегантности, но у аполин, видимо, отсутствовало эстетическое восприятие, потому что они без особого восторга проводили ее туда и обратно, не приближаясь к ней на длину прыжка, но и не теряя из виду. Варвара пожала плечами — легонько, дабы не выйти из ритма. Обогнула рыжий столпообразный островок, шелушащийся лишайником и окольцованный исчезающим при ее приближении плавучим точечным янтарем. Повернула назад. Хватит на сегодня впечатлений. И разбираться с медовыми пузырьками, и налаживать дружественные взаимоотношения с вольным братством аполин будем завтра. Сегодня — еще встречи с сотрудниками.

Аполины, по всей видимости, рассуждали аналогично, потому что, проводив девушку до берега, они равнодушно вильнули хвостами и отправились по своим делам, не прощаясь.

На Большой Земле ее дельфины такого себе бы не позволили...

Когда она выползла наконец на пляж, тело изнывало от блаженной усталости. Теперь с полчасика поваляться бы... Только сначала выжать купальник, а то время к вечеру и отнюдь не жарко.

Варвара огляделась, примериваясь, под какой обрывчик или пирс сподручнее забраться, и в каких-нибудь ста метрах от себя увидела то загадочное существо, которое в пресловутом атласе Сусанина именовалось «асфальтовой обезьяной».

Девушка удивилась.

Во-первых, секунд тридцать назад на этой прибрежной полосе абсолютно никого не было, а обрыв, подымающийся от галечника к пятнистому кустарнику, составлял метров пять.

Во-вторых, на территории, ограниченной Древней стеной, никаких диких животных не должно было находиться. Во всяком случае, по собственной инициативе они сюда не забирались. Никогда.

В-третьих, эта особь не была голой: тело покрывала великолепная бурая шерсть, вот только на груди сиял удивительно правильный серебряный круг величиной с тарелку.

Обезьяна стояла на самой черте прибоя, свесив тяжелые лапы и с какой-то безнадежностью глядя в морскую даль.

Несомненно, Варвара углядела бы и другие особенности этого двухметрового меланхолика — хотя бы то, что бронзово-бурое тело гиганта опоясывают такие же коричневатые шерстяные плавки, но она невольно проследила за взглядом этого удивительного существа — и оцепенела: между скалистыми островами, сверкая на солнце золотой чешуей, точно резвящийся уж, вольно и плавно бороздил морские воды настоящий водяной змей.

— Ну, это уж слишком для одного дня! — сказала она и принялась натягивать комбинезон прямо на мокрый купальник.

«Майское дерево», к дубу, как она и подозревала, отношения не имеющее, было щедро украшено бумажными цветами, пестрыми полосками шелка, надутыми и раскрашенными лабораторными перчатками и одним зеленым ленивцем средней упитанности. Неопытный глаз мог бы принять его за игрушку или чучело, но Варвара, бывалый таксидермист, сразу определила, что он жив-здоров.

Между тем ее окружили все жаждущие получить последние новости с Большой Земли. Сусанин, неожиданно элегантный в черном не летнем костюме, представил ее собравшимся как «нашего нового радиооптика — очаровательного, но крайне немногословного». И Варвара тут же подтвердила правильность его слов. Обстановка праздничного стола не располагала к разговорам о работе, но всем хотелось услышать о своих друзьях и близких, оставшихся на далекой родине; к досаде окружающих, девушка не припомнила ни одного общего знакомого. Поэтому толпа любопытных тут же отхлынула от нее, и центром внимания

и шума сразу же сделалась блистательная Кони, рядом с которой можно было углядеть и Сусанина, и бородатого красавца, повелителя аполин, и всех троих космолетчиков. Все они располагались на противоположной стороне кольцеобразного стола, замкнувшегося вокруг Майского Дуба. Стол был застелен разномастными скатертями и заставлен самой разнообразной посудой, включая и лабораторную.

Между тем по тому как все принялись торопливо рассаживаться, стало ясно, что прибыло начальство. Возле Варвары остался один юноша, почти мальчик, потому что аскетическая худоба отнимала у него добрый пяток лет, которыми обычно так дорожат в его возрасте. Он все допытывался, не передавали ли для него годовой комплект «Галактического следопыта», — Варвара о таком не помнила, но обещала порыться в багаже. Она еще раз оглядела стройную фигурку в оливковой рубашке — покрой и размер на удивление совпадал с той, которую ей доставил киб. Да, похоже было, что хозяин ее вечернего туалета определился; но вот запонки, тоже найденные ею на диване рядом со снежнокрахмальным заказом, были явно не мужские — тонкие срезы великолепнейшего лабрадорита, отливавшего глубокой лазурью, были скреплены причудливым захватом из серебряных птичьих лапок. Подарок Кони?

Тогда надо не забыть ее поблагодарить.

— Кстати, — не слишком громко обратилась она к юноше, — а как полное имя Кони? А то мне как-то неудобно...

— Консуэло, но она этого не любит. Идемте-ка к столу. А мое имя — Теймураз, и я очень не люблю, когда меня зовут Темрик.

Варвара молча кивнула, усаживаясь от него справа. Место по другую сторону от нее осталось пустым.

Все еще немножечко подождали, затихая, и тут появились сразу две пары: одна — в традиционном свадебном наряде, другая — более чем запросто и с орущим младенцем, вероятно, первым малышом, появившимся под золотыми небесами Тамерланы.

Чету с отпрыском приветствовали даже более восторженно, чем новобрачных. На столе появились пузатые бутылки, покрытые пылью и какой-то бутафорской плесенью. Поплыл сказочный, но уже знакомый по космодрому малиновый запах.

Ленивец на дереве проснулся и принюхался.

Варвара наклонилась к уху своего соседа:

— А разве на Тамерлане не действует сухой закон?

— На нашей Степухе действуют все законы дальних планет, и перед вами — сок ежевики. Но главное, не называйте этот шарик Тамерланой. У нас это считается дурным тоном.

Бокалы зазвенели, и Варвара, естественно, приготовилась услышать первый тост, обращенный к виновникам торжества, но за полтора года существования колонии здесь уже установились четкие и незыблемые традиции.

— За нашу Степаниду! — проговорил кто-то на той стороне стола, и хотя его негромкие слова едва были слышны, все встали и наклонили бокалы, проливая несколько капель на землю.

Что поразило Варвару более всего, так это серьезность, с которой был совершен сей языческий обряд. Она искоса глянула на Теймураза — он тоже прошептал несколько слов на незнакомом и, вероятно, древнем языке и капнул соком себе на брюки.

Девушка поймала себя на том, что ей совершенно не хочется следовать общему примеру.

— Ваша очередь! — шепнул ей Теймураз.

— Я пока воздержусь, — так же шепотом отвечала она. — Для меня это как-то неорганично...

Юноша посмотрел на нее примерно так же, как полчаса назад она сама глядела на морского змея.

Но кругом закричали, зазвенели, двинулись в обход стола к новобрачным с протянутыми бокалами; перекрывая общий гвалт, возопил отпрыск Пидопличко и, вероятно, произвел еще какое-то решительное действо, потому что раздался звон разбитой посуды и единодушное «к счастью, к счастью!..».

Варвара, насупившись, жевала какую-то душистую травку с майонезом, в которую были зарыты крошечные крутые яички, вероятно, черепашьи. Кому к счастью, а кому и не очень. Сейчас бы сидеть где-нибудь на стене, свесив босые ноги, и принюхиваться к прелому вечернему духу прибрежных зарослей, и только теперь, когда солнце стало по-вчерашнему желтым, а ближние горы словно окатило кофейной гущей, потихонечку вживаться в то, что ты все-таки не на Земле и это надолго. Дневное знойное марево сгустилось, обернувшись хорошо взбитыми предзакатными облаками, и небо сразу стало много ниже, словно все происходило уже в торжественном зале, где до изжелта-зеленоватого свода рукой подать, и от него время от времени отделялись блестки-шелушинки, падающие вниз так неспешно, как будто они делали это не из уважения к силе

тутошнего тяготения, а исключительно по собственному капризу...

Но в геофизических описаниях Земли Тамерлана Степанищева ничего о подобном явлении не говорилось.

Варвара облизала вилку, тихонечко постучала ею по рукаву Теймураза и скромно указала вверх.

— Внимание, небо!!! — крикнул он, срывая голос, и в тот же миг завыла сирена.

За долю секунды все были на ногах.

В стороне Амбарной площади что-то крякнуло, как распахивающийся сундук, засвистело, и по крутой параболе пошел, расправляя куцые крылышки, автоматический зонд. За кустами что-то недружелюбно лязгало; осьминоги, подобрав бурдюки, проскакивали по касательной мимо Майской поляны и ныряли в парковую зелень. Безмятежное спокойствие хранил один полусонный ленивец, на котором не дрогнул ни один зеленый волосок.

Что же касается первенца планеты, то он, воспользовавшись тем, что родители переключили внимание с него на вечерние небеса, вцепился в скатерть и сдернул ее на землю со всем содержимым, сопровождая сей агрессивный акт победным воплем.

А с близкого небосвода, мерно покачиваясь, падали на землю гигантские медузы. Сейчас они не казались уже золотыми, а призрачно отдавали изжелта-розовым, как лепестки чайной розы. Пока об их размерах было трудно судить, к тому же создавалась иллюзия, будто они растут по мере приближения к земле. Правда, не совсем к земле — упасть они намеревались в море, и Сусанин рявкнул: «Биосектор, за мной!» — и первый помчался к пляжу. В первую секунду Варвара даже обрадовалась: вот ведь удача, сразу можно будет познакомиться со всем своим сектором, но не тут-то было — с места сорвались абсолютно все сто шестьдесят человек, населяющих Пресепторию, плюс три космолетчика, и впереди мчалась, подобрав кисейный подол, новобрачная, а где-то в арьергарде довольно похрюкивал на отцовском плече юный Пидопличко.

Все разом высыпали на пляж и остановились молча, даже галька не скрипела под ногами. Потому что в море, к неуемной радости аполин, падали никакие не медузы, а невиданной величины снежинки — двух, трех, пяти метров в поперечнике. Они шлепались в воду с хрустом, разламываясь на бесформенные ноздреватые куски, которые стремительно таяли, не давая аполинам наиграться вволю. Были они редки и бутафорски неправдоподобны, и только одна

промазала и тяжко шлепнулась о гальку на самой черте прибоя, так что кибы, выхватывая и выдвигая всевозможные датчики из своих бурдюков, плотной цепью двинулись на нее, хищно подрагивая вибриссами хеморецепторов.

И это было все.

Небеса, если не считать кучевых облаков, опустели, море слизнуло последние капли талой воды, кибы безмолвствовали, не обнаружив никакой опасности, а аполины, наглотавшись снежной массы, недовольно пошли в глубину.

И только тогда кто-то прочувствованно произнес:

— Во наша Степуха дает!..

И все восторженно зашумели; жених скинул ботинки и полез в воду за последним кусочком льда и, выудив его, понес на протянутых руках невесте, а к мокрым до колен брюкам налипли водоросли и какая-то чешуя; и Степка Пидопличко, почувствовав себя обойденным вниманием, обиженно взревел и уже больше не успокаивался, пока его не понесли спать; и все потрусили обратно, весело перекидываясь репликами, так что стало ясно — вечер вступал в фазу дружеской непринужденности, шуток и экспромтов; и Варвара тоже повернулась, раздумывая, не пойти ли домой по примеру первенца планеты, и в этот миг на прежнем месте и в прежней позе увидела асфальтовую гориллу.

С той только разницей, что теперь на ней был классический вечерний костюм — что-то вроде смокинга и галстук бабочкой. И Кони на своих невероятных каблуках летела навстречу этому чудовищу, а когда приблизилась, то повисла у него на локте и, похоже было, принялась его с жаром уговаривать.

Варваре было крайне неудобно вот так стоять и глазеть на них, пришлось идти обратно за стол, тем более что ее подхватил под руку донельзя скромный гений, утверждавший (на весь парк), что именно он первым опознал в странном атмосферном явлении самый обычный снегопад, потому что однажды уже сталкивался с подобным феноменом, только никто ему не поверил, хотя в тот раз снежинки были не больше сорока сантиметров в диаметре, но тогда в ямбах он был один и без фотоаппаратуры, а кстати...

Варвара почувствовала, что разговор переходит в профессиональную область, где прекратить его будет просто невозможно, и завертела головой, беспомощно отыскивая глазами Теймураза, — тот на удивление все сразу же понял, бесцеремонно схватил Варвару за рукав и со словами «Так мы с тобой еще не обговорили одну деталь...» потащил к опустевшему было столу.

— Извини, — сказал он, когда дистанция между ними и говорливым гением достигла безопасной, — но у того, кто обращается на «ты», всегда имеется преимущество в свободе действий. К тому же мне было бы проще и приятнее решить проблему наших взаимоотношений раз и навсегда.

Варвара сухо кивнула. Вообще-то, она терпеть не могла подобных форсированных сближений, но сейчас она была благодарна Теймуразу за его мальчишескую естественность и еще за то, что он обошелся без такого традиционного и удручающе уместного здесь, за праздничным столом, предложения выпить на брудершафт.

— А ты, собственно, кто? — с той же степенью бесцеремонности спросила она, закрепляя обращение на «ты».

— Гелиотермист. Закончил КАТ — Кутаисский аккумуляторный техкурс. Здесь на двухлетней стажировке, но думаю, что задержусь подольше. Степуха на редкость привязывает к себе. Потом думаю подавать в университет.

Варвара ловила эти коротенькие, в ее собственном стиле, фразы и невольно косила глазом — искала Кони и того, с пляжа. Они подошли к столу последними — примолкшие, чопорные; мужчина подвел Кони к ее стулу, и все кругом засуетились, сдвигаясь и освобождая ему место, но он повернулся и пошел вкруг стола, пока не заметил рядом с Варварой единственный свободный табурет. Сел, так что ножки со скрипом вдавились в землю, наполнил бокал соком и замер, глядя как-то сквозь толстенный ствол Дуба и больше ни к чему не прикасаясь. От него пахло прелыми водорослями, просоленной галькой и осенней травой.

И еще Варвара почувствовала — по его усталой оцепенелости, по безрадостному неприятию всей этой праздничной суеты, — как же он бесконечно стар.

Ей стало безотчетно жалко его, и она поискала глазами, что бы такое положить ему на тарелку, и даже обернулась к Теймуразу, но тот, не обращая на нее внимания, вытягивал шею, прислушиваясь к разгоравшемуся спору, какой обычно вот так мгновенно вспыхивает за столом, вокруг которого собрались люди, всего несколько минут назад оторвавшиеся от общей работы. Реплики уже летели слева и справа, подобно лазерным вспышкам, и сути дела Варвара за недостаточностью информации уловить не могла, и она не знала даже, на кого нападает Теймураз, когда тот крикнул: «Да это же худшая сторона аболиционизма!» — на что из-за Майского Дуба ему тут же отпарировали: «От консерватора слышим!»

Похоже было, что здесь уже сложились две какие-то непримиримые партии, потому что никто не спрашивал чужого мнения, а только утверждал собственное типа: «Я согласен получать с Большой Земли только зонды, только, и ни-ка-кой другой аппаратуры, и год, и два...» — «Можно два года варить крутое яйцо, и оно не станет всмятку!» — «Тогда нам грош цена, потому что мы вырождаемся в конвейеры для переброски на Землю допотопной биомассы!» — «Ну да, автохтонов не спросили; не взяли, видишь ли, письменное согласие у стеллерова бычка Васьки». — «Тогда чем мы отличаемся от тех граждан Вселенной, которые энное число тысячелетий назад крали все это с нашей планеты и перетаскивали сюда?» — «Этот факт еще доказать надо, а вы рвете у нас время и людей, не говоря уже об оборудовании, вместо того чтобы обеспечить спокойную работу палеоэкологов!» — «Ага, договорились — палеоэкологам все коврижки, полная свобода действий... может, и право работать на «черной стороне» тоже?» — «Но ведь это — действительно работа во имя самой Степухи, а не для Большой Земли...» — «А вам не кажется, что сама Степуха не очень-то довольна?» — «Значит, мы в чем-то были чересчур бесцеремонны для гостей...» — «Так вы наконец соглашаетесь с тем, что мы здесь не хозяева, а только гости? Да или нет?»

Похоже, что вопрос был традиционный и отнюдь не риторический. «Да, здесь не соскучишься», — подумала Варвара.

Но тут на той стороне, за стволом, кто-то мерно постучал ложечкой по хрустальному кувшину. Спорщики, против ожидания, стали послушно затихать.

— Друзья мои! — раздался властный и спокойный голос. — Несвоевременные споры отвлекли нас от приятного повода, по которому мы нынче собрались. Здесь нет хозяев, здесь только гости. Помните это. А теперь, Лерой, прошу вас, провозгласите тост, как вы один умеете это делать!

Варварин сосед поднялся, и тишина под «майским деревом» стала прямо-таки мертвой. Девушка догадывалась, что рядом с нею сидел виновник всех раздумий и тревог Сусанина, но разглядывать его снизу вверх было опять-таки неудобно. Она нарочито равнодушно отвернулась и невольно обратила внимание на то, с каким выражением все глядели на Лероя: как будто ожидали от него чего-то сверхъестественного.

А он медленно выпрямился и поднял руку, в которой бокал скорее угадывался, чем был виден:

— За дам, благослови их небеса Вселенной! — сказал он.

И по тому, как потрясенно поднялись все мужчины разом, она поняла, что такого тоста не слышал никто и никогда.

— Вот такой у нас дед! — шепнул Теймураз, усаживаясь. А Кони высунулась из-за штурманской спины и крикнула через все пространство, разделявшее противоположные стороны праздничного стола:

— Лерой, а ведь дам у нас прибавилось — рядом с вами сидит ваша новая соседка по коттеджу!

У девушки екнуло сердце, хотя она совершенно не могла себе представить, какие последствия могут возыметь эти небрежно брошенные слова. А последствий не было. Лерой поставил пустой бокал на голубоватую миллиметровку, словно ничего не расслышал.

Значит, вот кто будет жить у нее за стеной и мягко, по-медвежьи топать по ночам широкими босыми ступнями, и наполнять весь дом, невзирая на перегородки, запахом мятой травы и водорослей. Недаром над его крыльцом, с другой стороны домика, висели два пожухлых пучка бессмертника и гирлянда луковок. Сказочный дед-лесовик, хозяин трав, повелитель пчел, владелец заповедных тайн и даров дремучих чащ. Этот не терял предрассветных росных часов, когда в каждом бутоне вся нераскрытая, не выплеснутая наружу колдовская сила, высосанная стеблем из благодатной почвы; этот не пропустил уж точно ни одной скалистой расщелины, из которой сочится...

Она замерла. Неужели правда? Ведь у него, может, есть даже...

Это было мечтой и страстью всего ее курса — восстановить рецепт старинного консервирующего снадобья под алхимическим названием «мумиен-пульвер», которым придворный таксидермист (впрочем, вряд ли носивший в действительности подобный титул) Петра Первого обрабатывал экспонаты будущей Кунсткамеры — экспонаты, просуществовавшие целые века!

— Скажите, пожалуйста, — порывисто обернулась она к своему соседу справа, — а не доводилось ли вам находить здесь природное горное мумие?

Теймураз дернул ее за рукав, но было поздно. Лерой бесконечно долго сидел не шевелясь, словно раздумывал, к нему ли обращен вопрос, затем начал медленно, всем корпусом, оборачиваться к девушке, и она впервые так близко увидела его лицо с бесчисленными набегающими

друг на друга морщинками, с дважды перебитым плоским носом и глазами, лиловыми и скорбными, как у негра с вирджинской плантации.

— Мумие? — переспросил он глубоким колодезным басом, и все кругом снова примолкли. — Зачем же искать мумие в горах? Получить его можно гораздо проще.

Половина стола, что была по эту сторону дуба, уже зачарованно и привычно глядела ему в рот.

— Возьмите мышку.

Воцарилась пауза, которую никто не посмел заполнить ни словом, ни шорохом.

— Полевку. Горную.

И снова пауза. Ох, и зачем так рано унесли этого горластого карапуза, он так непосредственно издавал вопли в самый неподходящий момент!

— Се-реб-рис-ту-ю.

Варвара всей кожей чувствовала, как уже все сто шестьдесят тамерян плюс три космолетчика переводят взгляд с Лероя на нее и обратно. Над верхней губой у нее начали собираться маленькие капельки пота. Этот спектакль пора было прекращать.

— Серебристость принципиально необходима? — спросила она деловым тоном.

— Весьма.

Он протянул широкую ладонь к своему бокалу, и пока рука двигалась, емкость была уже снова наполнена.

— Благодарю вас, — раскатилось над столом, словно эта благодарность относилась ко всему коллективу колонии.

Лерой наклонился над столом, углядел на каком-то блюде пучок травы, напоминающий листом и духом большеземельную кинзу, и ухватил его двумя перстами.

— И вышеупомянутую мышку-полевку, горную, серебристую, пол значения не имеет, необходимо накормить травкой, которая называется гетеропаппус седеющий.

Псевдокинза была гадливо отброшена, как не имеющая ничего общего с гетеропаппусом.

— Но это еще не все.

Там, за стволом Майского Дуба, кто-то застонал. Варвара поймала вдруг себя на мысли, что если бы адресатом лероевского монолога была не она, а кто-нибудь другой, то от всего происходящего можно было бы получить бездну удовольствия. Лерой же невозмутимо осушил свой бокал и продолжал:

— К травке, именуемой гетеропаппус седеющий, нужно

присовокупить зизифору пахучковидную, а также оносму ферганскую и абрикос — самый обыкновенный.

— Теперь-то все? — с надеждой вырвалось у Варвары.

— Отнюдь нет. Чрезвычайно существенно не забыть можжевельник туркестанский, горец альпийский и лук... многолиственный, если я не ошибаюсь.

— А чеснок? — мстительно вставила Варвара.

— О! Вы далеко пойдете, моя юная натуралистка. Чеснок — это непременнейший компонент, равно как и эфедра хвощевая, щетинник зеленый и тополь белый. И разумеется, кипрей.

— Вульгарис? — не сдавалась Варвара, впрочем прикладывая все усилия к тому, чтобы голос у нее не дрожал.

— Кипрей, кипрей, кипрей... Так, запоминайте хорошенько: кипрей мохнатый, кипрей широколистый, кипрей высокогорный и кипрей тянь-шаньский.

— Это одно и то же! — с отчаяньем проговорила она.

— Ну знаете, тогда нам не о чем разговаривать!

И он отвернулся от нее, возмущенный до глубины души.

К ней со всех сторон тут же потянулись рюмки и бокалы:

— За чеснок вульгарис!

— За абрикос можжевелолистный!

— За мышку гетеропапуасовую, седеющую!

Теймураз наклонился к ее плечу:

— Ну вот, Лерой и сделал из тебя принцессу вечера, как он один это умеет. Поздравляю.

— Посмешище он из меня сделал. Иду спать. Все.

Она поднялась, но уйти было не так-то просто.

— Темрик, перестань секретничать с новенькой! — снова возникла царствующая за столом Кони. — Да что это, она уходит? Нет, Варюша, нет, этот номер не пройдет. Вы уже двадцать четыре часа находитесь на Степаниде. На нашей сказочной, неповторимой Степаниде. Теперь за вами тост. Скажите, за какое из ее достоинств вы хотели бы выпить в первую очередь?

Мало ей было одного Лероя! Конечно, она всего-навсего маленькая усатая сколопендра, когда пребывает в ярости — особенно; но врать и притворяться противно, тем более что и они все — просто фанатики со своей Степухой.

— За то... — она помедлила, облекая свои смутные ощущения в более или менее четкую формулировку. — За то, что Земля Тамерлана Степанищева — такая, какой со-

здала ее космическая эволюция, — в принципе ничем не отличается от нашей Большой Земли.

Она отпила глоток, поставила бокал на миллиметровку и пошла прочь, в быстро разливающуюся вечернюю полутьму.

За стеной плотной массой застыла возмущенная, не пожелавшая понять ее тишина.

Она нашла свой коттедж по запаху, исходящему от Лероевых трав. Разделась. Опрокинулась в жесткую прохладную постель. Ладно. Сегодняшний день не в счет. Вот завтра — уже работа, приемка помещения, да еще и эту парочку распаковывать — Пегаса и Пегги; и первое время они от изумления будут только путаться под ногами, как и полагается верным, но не чрезмерно информированным роботам, и посему преимущественно мешать, и если все пойдет подобру-поздорову, то после обеда можно будет начать монтаж аппаратуры, то есть монтировать-то будут кибы, нужно только ходить за ними по пятам и следить, чтобы они какую-нибудь моечную камеру или холодильник не приспособили вверх ногами. А это, прямо скажем, занятие не творческое и посему утомительное. Следовательно, и завтра — день не из приятных...

В окошко ненавязчиво постучали. Болтливый гений, не иначе.

— Я сплю! — зарычала Варвара.

— И на здоровье, — раздался веселый голос Сусанина. — Утречком, пока кибы всю вашу аппаратуру не раскидают по разметкам, вам в своей лаборатории делать нечего. Так что брошу-ка я вас на капусту. В восемь на пирсе, радость моя!

Варвара чуть не подпрыгнула от бешенства. Это ж надо, обрела себе начальника, который будет распоряжаться каждым рабочим часом в ее же собственной таксидермичке! Обретешь тут здоровый сон. Но ничего не поделаешь, теперь только отдать себе приказ проснуться ровно в половине шестого по среднеземному, чтобы успеть выкупаться. В половине шестого.

В половине...

Проснулась она много раньше от жуткого ощущения, будто ее лицо лизнул огненный язык.

За окошком полыхал беззвучный пожар.

Она бросилась к окну, распахнула его — навстречу дохнула черемуховая ночная прохлада. Многослойные

красно-зеленые ленты летели, извиваясь, по небу, словно тутошняя Ирида, позабытая богиня радуг и прочих красочных атмосферных эффектов, вздумала заниматься художественной гимнастикой на ночь глядючи. Вовремя иллюминация, ничего не скажешь. Как бы это назвать? А, северностепанидское сияние.

Она сердито фыркнула, предчувствуя жесточайший недосып, и тут же пожалела о собственной несдержанности: справа, под соседним окном, принадлежащим половине Лероя, высилась монументальная фигура, расцвеченная радужными бликами.

— А-а, — протянул он своим звучным, точно из глубины колодца, басом, — моя юная натуралистка!

Варвара мысленно застонала.

— Вы уж простите меня, старика, — продолжал он так, что его было слышно в радиусе двухсот метров. — Дело в том, что я совершенно забыл про дороникум продолговатолиственный!

Она в сердцах захлопнула ставни.

Они обогнули мыс, и воздух сразу же наполнился подозрительным душком гниющих водорослей, рыбы и конюшни. Сопровождавшие суденышко аполины проделали два-три дружных курбета, разом повернули и отбыли в сторону островов.

Теймураз управлялся с парусом отменно, и берег (вместе с запахом) стремительно надвигался.

— Ага, кибы уже навалили целую кучу капусты, — удовлетворенно заметил Теймураз. — Когда пристанем, ты в воду не прыгай, тут на дне всякое... Вон те две плиты — наше обычное место.

— А вон тот камень удобнее, — заметила Варвара, кивая через левое плечо.

— Это не камень. Это — корова.

Варвара, несмотря на предупреждение и все свои тревожные ощущения, едва не вывалилась за борт.

— Ты что? — изумился Теймураз.

— Естественная реакция человека, впервые увидевшего живую стеллерову корову...

— Почему впервые? Тебе ж вчера аполины теленка подарили!

— Это зелененького-то? А я думала — ламантеныш. Впрочем, я его и рассмотреть не успела — приплыл некто, влекомый аполинами, словно Лоэнгрин в челноке, забрал и спасибо не сказал.

— Лоэнгрина транспортировали лебеди, коих на Степухе пока не обнаружено. А был это, несомненно, Светик Параскив, наш старый телятник и ксенопсихолог по совместительству.

— Почему несомненно?

— Иначе у тебя не возникло бы ассоциаций с Лоэнгрином. Беда Светозара в том, что он красив, как языческий бог. Держись!

Лодка ткнулась носом в берег, и они соскочили на камни. Продолжать разговор о бородатом ксенопсихологе, вызывающим определенные ассоциации, девушка воздержалась.

— Я пойду посмотрю, а? — просительно проговорила она, кивая на темно-бурую тушу.

— Успеешь. Это, по-моему, молодой бычок. Они всегда голодные. Сейчас наши осьминоги явятся, попробуем отобрать у них что-нибудь лакомое. С коровьей точки зрения, разумеется.

Мысли свои он всегда выражал с каким-то особенным, корректным изяществом и точностью, обычно свойственным более зрелым мужчинам. Варвара заключила, что это — следствие безупречного воспитания, одинаково редкого во все века.

А кибы тем временем медленно восходили из глубин морских, и у каждого из них был здоровенный канат, если можно так выразиться, «через плечо». Не то тридцать три богатыря, не то репинские бурлаки на Степухе. На буксире у них тянулся здоровенный сетчатый кошель, набитый спутанными водорослями. Внутри этой массы что-то безнадежно трепыхалось.

— Собственно говоря, наша задача — следить, чтобы кибы не пропустили ничего опасного. Коровы, конечно, феноменально всеядны — Степуха вообще обитель всеядных, — но ведь среди подводной живности встречаются и ядовитые. О, вот, кстати, и демострационный экземпляр.

И точно: один из киберов замер, прицеливаясь, и вдруг молниеносным рывком выдернул из кучи водорослей полуметровую членистую тварь, подозрительно напоминавшую скорпиона, отложил в сторону и придавил плоским камнем. Скоро обнаружился и еще один красавец, чуть ли не крупнее первого; киб сгреб обоих поперек членистых животов и понес обратно в воду.

Чудища извивались, вскидывая хвосты с далеко не безобидными тельсонами, жутковато клацали клешнями и старались ухватить киба за манипулятор. Если это им удава-

лось, раздавался душераздирающий скрежет, на который киб, естественно, не обращал ни малейшего внимания.

— Отнесешь зверей на место — сразу же возвращайся на подзарядку! — крикнул ему вдогонку Теймураз, наблюдавший за тем, как остальные кибы швыряют обратно в воду похожих на севрюгу рыбин. — Минуточку... Вон ту рыбку, зубастенькую, преподнесите даме. На ужин.

Ближайший киб завертелся, оглядывая пляж и решая непосильную для него задачу: кто же из этих двоих в одинаковых комбинезонах — дама? Не решив, он положил требуемое посредине: разбирайтесь, мол, сами.

— Премного благодарна, — сказала Варвара. — Но это — для меня, а где обещанная конфетка для бычка?

— Конфетка — это вот... — в изломанных капустных листьях перекатывалось нечто, напоминающее черный футбольный мяч. — По-нашему, «морской кокос». Сусанин говорит, что благодаря изобилию этих фруктов аполины, коровы и еще кое-кто сохранили на передних конечностях пальцы. Ну, пойдем, покормим малышку. Кибы, всем вязать водоросли в тюки!

Он подцепил кокос, на деле оказавшийся необыкновенной четырехстворчатой раковиной, сквозь меридиональные щели которой проглядывало нежно-розовое, и они пошли по самой кромке воды, увязая в мелкой агатовой гальке. Стеллерова корова, чуточку отличавшаяся от тех макетов, над которыми привыкли скорбеть жители Большой Земли, никак на реагировала на их приближение и только по-лошадиному отфыркивалась. Четырехпалые бахромчатые ласты слева и справа загребали водоросли, уминая их в компактный ком, а обросшие щетиной губы, вытягиваясь хоботком, уминали эту буровато-зеленую массу с непредставимой быстротой.

Теймураз положил «фрукт» примерно в полуметре от коровьей морды и оглянулся на Варвару: смотри, мол, что дальше будет. Посмотреть было на что. Громадная туша чуть ли не в тонну весом приобрела вдруг дивную подвижность, ласты заработали, как движущий механизм, и корова, смущенно кося маленькими лиловыми глазками, навалилась на черный шар правым боком. Послышался слабый хруст, ласты заработали в обратную сторону, выгребая из-под себя гальку вместе с черной скорлупой. Наконец показалось розовое тело моллюска — вот это-то и было конфеткой...

— Ишь как щелкает?! — изумилась Варвара. — Ну прямо как арахис. И сколько она может за один раз уничтожить?

— Мы пробовали установить — со счета сбились.

— А если попадется этот... скорпионоподобный?

— Птериготус? Она отщелкивает у него заднюю треть, и в остальном характер действий сохраняется. Я наблюдал.

— Послушай, а кто из нас биолог?

— Да мы тут все, независимо от начальной профессии, обионились, если можно так сказать. Сусанин нас всех подчинил.

— У него что, синдром лидерства?

Теперь настала очередь изумляться Теймуразу:

— Почему синдром? Он просто прирожденный лидер, и надо сказать, на своем месте. Ты видела, как он улыбается? От уха до уха. Так вот, он во всем такой. Когда он рассказывает байки, все валяются по траве от хохота. Включая младенца.

— И Лероя?

— Лерой улыбается.

— Ого!

— Вот тебе и «ого». А когда он выхаживает теленка, вся Пресептория ходит на цыпочках. А сам он не спит по семьдесят два часа. И уж если он влюбился без памяти в эту Степуху...

— Понятно, — сказала Варвара.

— Ничего тебе не понятно. Ну, да такое не объяснишь, в людях самому надо разбираться, а не с чужих слов. Так что покорми животное, развлекись, а я пока проверю свои аккумуляторы, они у меня тут на скальных присосках. Только ты не зазевайся, руку в пасть не засунь — корова она хоть и не хищник, а может сжевать просто по причине предельной флегматичности.

Теймураз махнул ей рукой и побежал к своим селеновым коврижкам, распластавшимся на искристом камне. Кибы, закончившие погрузку тюков с капустой, потянулись к источникам питания и замерли, набираясь энергии на несколько суток вперед. А Варвара все сидела на корточках, прислушиваясь к размеренным всхрапам, доносящимся из глубин исполинской туши. Корова жевала, жевала и с каждым движением челюстей становилась все обычнее...

Когда лодка отвалила от берега, Варвара устроилась на корме, свесив босые ноги в воду. Было немножечко смешно, до чего же быстро происходит привыкание к необычному. Ну, не нашла ничего особенного в стеллеровых коровах — это еще полбеды. Но птериготусы, жившие на Земле чуть ли не четыреста миллионов лет назад, — а они-то какую реакцию вызвали? Легкое отвращение да еще мысль о том,

что ввиду своей жесткости сублимационную камеру они будут проходить за рекордно короткий срок.

Это уже дань профессионализму.

Нет, зверье, конечно, радовало, но не потрясало. И в то же время на душе было легко, почти празднично. Стоило задуматься, почему. Неизгладимый образ прекрасного ксенопсихолога? Радость от того, что ошиблась в Евгении Сусанине? Нет, ближе, гораздо ближе. Уникальный дар судьбы — такой парень, как Теймураз. Ведь общий язык нашли с первой же секунды, да и отношения по-товарищески ровные, и осложнений не предвидится. Одна беда: понимает он, кажется, несколько больше, чем ей бы того хотелось, — как это он выразился насчет Лоэнгрина?..

— Купаться будем? — спросила она.

— Здесь не аппетитно, сама видела, какие гады на дне. Вот зайдем за мыс, в нашу бухточку, спустим парус, и плавай себе, пока твое начальство не узрит тебя ястребиным оком и не определит на очередные работы.

— То ты его хвалил, а теперь запугиваешь...

— Так это ж не от врожденной жестокости, а по причине острейшего дефицита рабочих рук. Да ты не горюй, тебе в основном придется контачить с Параскивом, а вы прекрасно сработаетесь. Ты — молчунья, а у него комплекс бесконечной проблемонеразрешимости. Он будет тебе изливаться, потому что всем остальным он уже надоел, а ты все-таки новенькая...

— Теймураз, — перебила его девушка, — а в воде птериготусы не опасны для аполин?

Последовала неуловимая секундная пауза — юноша понял, что о Параскиве она говорить не хочет.

— У них устоявшийся симбиоз. Видишь ли, на Степухе вообще в моде эдакие популяционные свалки: где коровы, там обязательно лысые черви и пескари-навозники; где навозники — там рядышком двуосесимметричные ракушки и скорпиончики; где скорпионы — там и каракуртицы, и так далее.

— Дело житейское, — понимающе кивнула Варвара. — Сосуществуют и едят друг друга поэтажно.

— Представь себе, предпочитают обходиться падалью и травой. На мой непрофессиональный взгляд, здесь агрессивность вообще не в моде. Впрочем, понырнешь — увидишь. Ты как, ныряешь?

Ей почему-то припомнился первый вопрос Сусанина.

— Ныряю, — кивнула она точно так же, как вчера. — Сносно.

— Тогда можешь приступать. Здесь уже чистая вода, скорпионий пляж кончился. Только аполин что-то нет.

— А ты?

— Сейчас, только управлюсь с парусом. И потом, я не очень люблю водные процедуры.

Варвара медленно отстегнула пояс с неизменным ножом.

— Знаешь, у меня странное ощущение: позавчера я прилетела, вчера эта свадьба, нынче — капуста... Дни замелькали как-то мимо меня. Что-то происходит дьявольски сложное, а я плаваю широкими кругами и ничегошеньки не вижу... — Она нашарила в сумке свою маску, перегнулась за борт и сполоснула ее теплой водой. — Такое ощущение, как на глубине — и без очков.

Теймураз рывком затянул какой-то узел, фыркнул:

— Сравнение точное. Ты просто не видишь, а все уже закрутилось-завертелось, и не сейчас, а в тот самый миг, когда ты вышла из космолета. Ты уже в самой гуще событий, только... как бы это тебе понагляднее... не в фокусе. Потом, месяца через два-три, если тогда тебе представится возможность спокойно поразмышлять, ты это осознаешь. А сейчас давай-ка в воду!

Варвара проследила за его взглядом: над центральным корпусом трехангарной биолаборатории показались светящиеся голубовато-пепельным светом шары. Шли они, как дикие гуси — неровным живым клином. К их присутствию интереса не проявляли.

— А они представляют опасность для нашего поплавка? — не удержалась Варвара.

— Да вроде бы нет. До сих пор их привлекали только всевозможные двигатели и моторы. Парус им, видите ли, не интересен. Но ведь все тут только до поры до времени...

Клин невозмутимо прошел метрах в ста пятидесяти и растаял в начинающем зеленеть небе.

Варвара кивнула и без всплеска ушла под воду.

И сразу же почувствовала, что сегодня все не так, как вчера. Вода, колючая и враждебная, была полна каких-то самостоятельно живущих, растущих и растворяющихся теней, которые давили на нее со всех сторон, упруго и легко, как пена, и начисто скрадывали ощущение реальной глубины. Контуры этих теней были так маняще-неопределенны, что Варвара безотчетно двинулась им навстречу, совершенно потеряв способность понимать, куда она плывет — вниз или вперед. Это было мгновенное опьянение волшеб-

ством, потому что волею какого-то чуда она оказалась внутри янтарно-коричневого калейдоскопа, менявшего свои картинки раньше, чем она могла сообразить, на что они похожи.

Тени отступали. Контуры, неузнанные, но вот-вот готовые сложиться в целый подводный город, расплывались, ломались, разбегались золотистыми водомерками. Снова сбегались и сливались в почти законченную картину — и снова все это возникало буквально на расстоянии протянутой руки, словно она сама была тем проекционным фонарем, который и создавал этот театр без действующих лиц, пьесы и зрителей.

Но остаточным, до конца не притупленным логическим разумом она попутно замечала, что построены эти декорации на каком-то другом принципе, чем досконально известный ей голографический эффект.

Сама того не сознавая, она постепенно уходила в глубину, и тени по-прежнему маячили кругом, то обретая четкость, то размываясь; все было так, словно кто-то настраивал фокусировку, столь быстро проходя точку наилучшей видимости, что Варвара не успевала ничего толком разглядеть. Но похоже, это был все-таки подводный город... Вот опять невидимый шутник улучшил фокус — и на миг явилось видение сказочного замка с прозрачными колоннами, разлетающимися балюстрадами, лесенками и расписными фризами... Или только показалось?

Варвара внезапно уловила, что ее воля, ее напряженное внимание как-то передаются всей этой колдовской системе, и она напряглась, стараясь уловить ритм этой постоянной смены фокусировки и включиться в него; и тело вдруг стало острым и звонким, как металлическая антенна, и ритм отыскался, — это было биение собственного сердца, и с каждым его ударом, разносящимся под водой, с цепенящей, ужасающей яркостью вспыхивало видение легких золотящихся куполов, игольчатых минаретов, змеящихся виадуков — и все это с каждой пульсацией теряло солнечную янтарную прозрачность, обретая тягостность темной бронзы; и все труднее давался следующий удар, словно у сердца не хватало голоса разнести по толще воды его певучий звук, и все тяжелее и тяжелее становилось наливающееся металлом тело...

Что-то черное, постороннее метнулось к ней сверху и тут же локоть обожгло острым уколом нейростимулятора. Животная воля к жизни проснулась на миллисекунду раньше, чем обрело ясность человеческое сознание, и тело при-

вычным, автоматическим движением послало себя вверх. И тут же хлестнул страх: глубина!

Впервые в жизни она потеряла ощущение глубины.

Ее тащили вверх, и она понимала, что это просто необходимо: сама она вряд ли всплыла бы.

Но когда она наконец вынырнула и хлебнула теплого солоноватого воздуха, ей почудилось, что вот теперь-то она и начнет по-настоящему тонуть.

— Знаешь, Тёмка, я ведь ни рукой, ни ногой, — шепотом призналась она. — Будь добр, подгони свой пароход...

Теймураз кивнул, внимательно вглядываясь в ее лицо. Видно было, что все приключившееся ему очень не нравится, но от замечаний он воздержался. Просто повернул и поплыл к лодке, которая тяжело осев под грузом тюков, хлюпала приспущенным парусом совсем неподалеку.

Варвара перевернулась на спину, раскинула руки и закрыла глаза. Хорошо... Вот и все по-прежнему, аполины хрюкают где-то неподалеку, и теплая, живая вода только прибавляет сил. Все так же, как и все ее девятнадцать лет, когда она нередко чувствовала себя скорее земноводным существом, нежели нормальным млекопитающим; все так же, и море, которое одарило ее нечеловеческой приспособляемостью, и недевичьей выносливостью, и ранним развитием, снова ласково вылизывало ее, делая каждый сантиметр ее кожи трепетным и чутким, как язык хамелеона. Короче, море снова стало земным, но тем невероятнее стало то неземное, постороннее, что посмело родиться в этом море. Это не было предательством воды — здесь вмешалась какая-то другая сила.

Она еще не успела уяснить себе эту внезапно пришедшую на ум формулировку, как рядом зашелестела рассекаемая бортом волна и Теймураз крикнул:

— Руку давай! — И рывком втащил ее в лодку.

Он стоял на корме в плавках и прилипшей к мокрому телу рубашке, и его трясло.

— С-сколько я там проб-болталась? — спросила Варвара, обнаруживая, что и ее бьет такая же неуемная дрожь.

— Шесть минут. С большими секундами.

— С-смотри-ка, даже не на пределе...

Он смотрел на нее, как на чудо морское.

— Что ты на меня так смотришь, я синюшная, да?

— Есть малость.

Она поразилась его сдержанности — ведь на его месте она обязательно спросила бы, как это получилось — шесть

минут. Ведь для обычных людей и половина этого срока была недоступной.

— Ладно, не удивляйся, — сжалилась она над ним, — я ведь нэд'о, рожденная в воде, слыхал? Полжизни в море провела, отсюда и минутки лишние. И глубина более чем приличная. Геллеспонт переплываю в любую погоду, как этот... певец Гюльнары. Ну и еще кое-что от морской ведьмы.

— Ляг на дно, не так холодно будет. Морские ведьмы не тонут, между прочим.

— Между прочим, они не тонут в обычном море, а тут...

— Тут тоже обычное море. Впрочем... — он закусил губы, и его сухая кожа еще сильнее натянулась на скулах. — Может, ты и права. В нашем море, как и во всей Степаниде, что-то бесовское. Только каждый видит это «что-то» по-своему.

Он причалил подальше от лабораторного пирса, чтобы кто-нибудь не пристал с расспросами. Быстро и бережно провел по запутанным тропочкам через парк.

По ступенькам своего домика Варвара поднималась, уже с трудом переставляя ноги и заботясь только об одном: как бы не улечься прямо тут, на крылечке, и не уснуть на пороге. Но Теймураз коротко бросил:

— В душ. И погорячее.

И она поплелась в душевую, тихонечко дивясь тому, что она слушается этого мальчишку, хотя у нее хватало ершистости восставать даже против Сусанина.

Пока она отогревалась, он сварил кофе, густой, сладковато-соленый и чуть ли не с кайенским перцем, а может, и с заветной лероевской травкой. Тошнота разом прошла, но спать хотелось с неослабевающей силой. Пришлось признаться:

— Знаешь, Теймураз, я окончательно скисла.

Он внимательно вглядывался в нее, и она подумала, что тоже впервые так близко видит его узкое оливковое лицо с тяжелыми веками и мокрой прядью волос. Лицо было напряженным.

— Не выйдет, — сказал он. — Во сне ты забудешь какие-то детали. А мне нужно, чтобы ты подробно — очень подробно! — пересказала все, что произошло там, на глубине. У нас тут со многими... происходит. Но похоже, с тобой было не то, что с другими.

Варвара опустила ресницы, нахмурилась, в глубине закрытых век заструились зеленовато-мерцающие разводы. А похоже...

— Трудно определить одним словом... Полумиражи.

— Подробнее, пожалуйста. Это не прихоть.

Она вдруг вспомнила Майский Дуб и неистовый спор, вспыхнувший внезапно, и, вероятно, традиционно, спор фанатиков, в котором она ничегошеньки не поняла; вот и сейчас со своими впечатлениями подольет несколько капелек масла на ту или другую из пылающих сторон... Но на крыльце в этот миг загрохотало, и зычный голос рявкнул:

— Экспонаты тут надобны?

Теймураз страдальчески приподнял брови, отчего стал похож на грустного Пьеро, и двинулся навстречу незваному гостю, нимало не заботясь о том, какое впечатление мог произвести его костюм, состоящий из плавок и плохо отжатой рубахи, местами прилипающей к телу.

Впрочем, на территории биостанции, похоже, экзотичности костюма не придавали ни малейшего значения.

— Надобны, надобны! — крикнула Варвара из-под двух одеял. — Только не входите, я сейчас оденусь!

Экспонаты оказались двумя крупными, с поросенка, разномастными кротами, которых небрежно держал за шкирку белобрысый увалень былинного новгородского типа. Теймураз, по-петушиному взъерошенный, едва-едва доставал ему до груди.

— Любимое начальство жалует на предмет разминки аппаратуры, — пробасил гость, протягивая девушке обмякшие тушки.

Ей почему-то подумалось, что в его памяти, наверное, еще не изгладился образ Кота в сапогах, преподносящего королю двух кроликов от имени маркиза Карабаса.

— Спасибо, я... — Варвара, машинально принявшая на ладони два пестрых тельца, вдруг осеклась и посуровела.

Таксидермия — дело безжалостное, и жестоко оно, в первую очередь, к самому таксидермисту. А объект, так сказать, производственного процесса — что ему? Его уже приносят не живым зверьком, а такой вот безжизненной тушкой. Случайность ли, болезнь, старость — что бы ни было причиной его гибели, она все равно уже позади и, следовательно, непоправима. Причина ее теперь повлияет разве что на какие-то тонкости при обработке шкурки. Казалось бы, несколько лет практики и привычка исключат возможность горевать по каждому поводу.

А на деле выходит не так. И сколько уж бывало, когда протянешь руки — и вот так ударит по всем нервам разом. Потому что окажется или старый знакомый, пусть не прирученный, но хотя бы узнающий тебя в толпе других лю-

дей, или зверь красоты сказочной и щемящей... Или вот так, как сейчас. Потому что это никакие не кроты, а новорожденные детеныши, и даже не из одного злосчастного, случайно погибшего выводка, а зверьки разной породы.

— Как же это вы так? — невольно вырвалось у девушки.

Белобрысый мóлодец воззрился на нее с удивлением:

— Мы? При чем здесь мы?

— Ты еще не в курсе, — досадливо нахмурился Теймураз, которому явно не хотелось объяснять некоторые вещи Варваре при посторонних. — Я не успел тебя предупредить, что здесь это в порядке вещей. Как экспедиция, так с пяток слепышей обязательно подбираем. Прямо под кустами валяются. Хотя это и не вяжется...

Выразительное лицо его приобрело гримасу холодной брезгливости, отнюдь его не украшающей, словно он узрел на блистательном лике Степухи грязную кляксу. Ну естественно, ведь брошенные слепыши — это просто несовместимо с общим характером их обожаемой планеты. Воплощенного рая. Тарелки обетованной.

— Да, в высшей степени странно, — безжалостно подтвердила Варвара. — По земным меркам это детеныши сильные, жизнеспособные. Все способы реанимации перепробовали?

— Ну, Евгений Иланович вам живого бы не отдал. — От добродушного великана так и пахнуло омерзительным холодом, словно из сублимационной камеры. — А вы что, не были у него в вольере?

— Нет. Меня отрядили на капусту.

— А-а, — многозначительно изрек непредставившийся молодец. — Так вот, Евгений Иланович считает, что эволюция на Степаниде гораздо стремительнее и пластичнее, чем мы можем себе представить. Несколько тысяч лет назад — точную масштабную шкалу палеоэкологи нам выдадут не скоро — здесь внезапно началось падение численности большинства видов. Может, виноваты те, кто прилетел сюда раньше нас, но это вопрос пока спорный. Но так или иначе, природа ответила изменением репродуктивной схемы, то есть вместо одного-двух крупных детенышей стало рождаться пять-шесть мелких. Но некоторые особи просто не в силах угнаться за этими капризами эволюции, и вот результат — теряют собственных слепышей. Или позволяют им потеряться...

— Где это ты видел, чтобы самка потеряла самого сильного из выводка? — мрачно проговорил Теймураз, отбирая

пеструю тушку у Варвары и для пущей убедительности встряхивая ее перед самым носом у гостя. — Не знаю, как там по гипотезе Сусанина, но ты же не в первой вылазке за Стену, где это ты видел выводки по пять-шесть медоедышей? Их два-три, и только один — такой крупный. А подгонять это под прилет неизвестно кого...

— Знаешь, мне ваши дилетантские вопли на каждом симпозиуме вот как надоели! Вместе с вашей угрозой вырождения...

— Ну, она стоит вашей не менее дилетантской теории иридиевого отравления, не говоря уже о гипотезе «магнитопароксизма»!

— Брэк, — сказала Варвара. — Мне еще роботов распаковывать.

— Кстати, Сусанин просил передать, что если вечером у вас будет свободное время, то с девяти до двенадцати дежурить некому: Параскив заболел, а Евгению Илановичу хоть пару часов поспать надобно.

— Кибами обойдутся, — жестко отрезал Теймураз. — Ишь моду завели: человек освоиться не успел, а им уже все дырки в расписании затыкают. Ты не позволяй, Варвара.

— А что... с ним? — неожиданно для себя спросила девушка.

— Ничего особенного, простудился. Вчера очередного новенького выхаживал, которого мамаша бросила. Корова.

Последнее прозвучало отнюдь не зоологическим термином.

— А я думала, аполины его украли, играючи.

— Аполины подбирают только тех, которых мамаши забывают, уходя в море, — по тону Теймураза нетрудно было догадаться, что он старается как можно быстрее развязаться и с неприятной темой, и с непрошеным посетителем. — Ну ладно, скажешь своему диктатору, что я вечером приду.

— Нет, почему же? — быстро возразила Варвара. — С тебя довольно и того, что ты меня выхаживаешь. Как теленка. Так что передайте Сусанину: я подежурю, как только отогреюсь.

— Тогда до полуночи, а там мы вас сменим. — Кивок, предназначенный Теймуразу, мало было назвать предельно сухим.

Теймураз, сумрачно уставясь на свои босые ноги, долго выдерживал паузу, дожидаясь, пока стихнут шаги на крыльце.

— Добился своего, фе-но-тип. — Было очевидно, что раздражение его относится не столько к непрошеному посетителю, сколько к вышеупомянутому Сусанину. — И с мысли сбил к тому же. А я хотел тебя предупредить. Видишь ли, то, что с тобой приключилось, не кажется мне случайным. Ты смотришь на нашу Степуху недоброжелательно, предвзято... Она отвечает тем же.

Варвара изумилась: он мялся и подбирал слова, что было совсем на него не похоже.

— Я понимаю, — продолжал он, — ты такой человек... Я даже имею в виду не твое водоплаванье, а профессию...

— Да, — резко оборвала она его: терпеть не могла разговоров о собственной особе. — Да, я такой человек. Все, рожденные в воде, удивительно общительны и дружелюбны, а вот все таксидермисты, насколько я их знаю, феноменально неконтактны. Вот и получился из меня гибрид, которого только подведи к стене с двумя воротами, черными и белыми, — он обязательно влезет в черную дверь. Потому что за ней заведомо интереснее.

Она снова забралась под два одеяла, и оттуда ее приглушенный голос звучал особенно ворчливо:

— А что касается инцидента в бухте, то просто я пробыла под водой гораздо дольше, чем любой из вас. Ведь легко допустить, что эффект янтарного миража возникает только на пятой или шестой минуте. Ну, как пленка проявляется — нужен определенный интервал времени. Никто из вас просто до начала представления под водой не досидел: ведь, кроме меня, здесь больше нет нэд'о?

— Нэд'о... — гортанно повторил он. — Нет, таких больше нет. Таких же, как ты, по-видимому, вообще больше на свете нет. Потому что ты выбираешь не черную дверь... А, закончим.

— Ладно уж, договаривай!

— Не стоит. Кстати, и насчет моря ты не права — мы спускались с аквалангами, и надолго. Не видели ничегошеньки.

— Это только означает, что загадочный «фактор икс», по воле или расчету которого зажигаются миражи, не считает аквалангиста человеком или, вернее, аквалангиста он принимает за разумное существо, а голенького пловца — нет.

— Вот-вот! — мрачно обрадовался Теймураз. — Вот именно это я и имел в виду, что ты не выбираешь реальную дверь, ни черную, ни белую; а вместо этого ты на глухой стене рисуешь новую, в действительности не существующую, серо-буро-малиновую...

— В крапинку! — подхватила Варвара. — А знаешь, что это такое? Бадахшанский порфирит — дивной красоты камень.

— Мне кажется, мы перестали понимать друг друга, — с какой-то детской обидой проговорил Теймураз. — А я-то поначалу обрадовался, что появился у нас человек, с которым мне наконец-то будет легко и просто...

Варвара вдруг ощутила острую жалость и к нему, и к себе. Она ведь тоже радовалась.

— Это потому, что ты меня принял, как Степуху свою — всю в белом. Полутораметровая снежинка. А я ведь даже не черная. Я — в крапинку, и, увидев чудо эдакое, ты решил сбежать, чтобы не запутаться. А я такая. И в довершение всего, я еще и не умею слепо верить. Даже друзьям. Хотя некоторые считают это обязательным условием для дружбы.

— Ну дай хоть слово, что не полезешь в морс одна!

— Тоже не могу. Потому что именно этим я и собираюсь усиленно заняться.

Она ждала, когда подплывут аполины, лежа на воде и закинув руки за голову. В ноги толкался надувной плотик с поражающими воображение морскими кокосами.

Первым объявился крупный самец с характерными темно-лиловыми обводами вдоль нижней челюсти. Несмотря на внушительные габариты, он, как самый обыкновенный земной дельфин, взлетел вверх метра на два, изогнулся в пируэте и шлепнулся в воду, намеренно окатив девушку фонтаном брызг. Вероятно, и здесь это служило знаком неудовольствия: мол, отчего не позвала?

Четыре светлолицые самочки заплюхали следом. У нее руки так сами собой и потянулись погладить крутолобую голову, почесать горлышко. Так ведь нельзя. Вчера она часов до двух пытала добра молодца Кирюшу Оленицына (познакомились-таки) по поводу здешней зоопсихологии вообще и всего, что касалось неописуемой привязчивости, именуемой «синдромом Лероя», в особенности. Но оказалось, что ничего они толком не знают, людей не хватает набрать нужную статистику, да и группы уходят за пределы Пресептории от силы на три-четыре дня. Пока установлено, что все зверье поголовно тянется к человеку, ластится, чуть ли не на брюхе ползает — как не приласкать! Но девяносто девять этих врожденно-преданных человеку четвероногих аборигенов только сильнее завиляют хвостом,

когда их погладишь, а вот сотый — тот, захлебнувшись от восторга и нежности, помчится за тобой следом и, безнадежно потеряв тебя из виду, разобьет себе голову о первую попавшуюся скалу.

А может, и не сотый, а пятидесятый. Или двадцать второй. Или четырнадцатый.

Или, как Варварин король-олень, — первый.

Отгоняя навязчивое видение, девушка встряхнулась, точно калан, подняв облачко брызг. Это будет очень трудно: держаться с аполинами середины, — и обходясь без нежностей, и в то же время не ослабляя контакта, чтобы не удрали. Ведь сегодня она начинала целую серию экспериментов, целью которых было установить: а появится ли вчерашний янтарный мираж в присутствии этих хозяев моря? Почему-то Варваре заведомо казалось, что — нет; если же она ошибалась, то в случае опасности на аполин можно было положиться. Вытащат на белый свет, и даже проворнее, чем это сделал Теймураз. И Кирюша Оленицын был того же мнения, что они не подведут. Вот только бы не уплыли...

Варвара пошарила рукой по плотику, нащупала черный, глянцевито поблескивающий шар и, размахнувшись, послала его прямо в группу аполин. Самочки шарахнулись, защелкали по-аистиному, и тут же вокруг кокоса поднялась форменная чехарда, которая затянулась бы на самое неопределенное время, если бы Варвара не приняла соломоново решение и не кинула каждому по шару.

Ракушечный хруст, хлопанье куцепалых плавников по воде, восторженный блеск маленьких глазок... Все сыты? Нет, оказывается, не все. Черногубый аполин, поматывая зажатым в зубах розовым моллюском, уже очищенным от створок четырехдольной раковины, подплыл и с плохо скрытым сожалением предложил ей лакомую добычу.

— Ой ты, глупый, — растрогалась Варвара, — ешь сам, у меня ведь тут целая кладовая!

Аполин жмурился и тряс головой, так что розовые ошметки шлепались в воду, привлекая мелких рыбешек-побирушек; пришлось и в самом деле доставать еще один кокос и демонстрировать ему.

— Ну, заморили червячка? — спросила Варвара, когда он наконец управился со своим полдником. — А теперь, как говаривала Жанна д'Арк, все, кто любит меня, за мной!

Вся пятерка с готовностью выразила свою любовь и продолжала демонстрировать ее при помощи всевозможных

фигур водной акробатики вплоть до самого острова, рыжим крабом подымавшегося из морской воды. Варвара ныряла вместе со всеми, с каждым разом все глубже и глубже уходя в толщу воды. Но море, спокойное, безразличное, подслеповато помаргивало отдаленными янтарными искорками и не желало показывать никаких фокусов.

Возле самого острова резко похолодало, так что Варвара не стала даже вылезать из воды — ржавые камни не вызывали у нее ни малейшего любопытства; она повернула обратно, и аполины продолжали ее эскортировать на пути к берегу.

Итак, можно считать установленным, что все, произошедшее на капустной фелюге, было или из ряда вон выходящей случайностью, или отравлением какими-то донными газами, свойственными только Коровьей бухте. Мир праху янтарных миражей. И даже жаль. Она обернулась: горизонт был чист, солнце едва начало склоняться к красновато-бурым зазубренным горам, и безмятежные стайки морских желтоперых уклеек порскали во все стороны, тревожимые приближением прожорливых аполин...

И золотой призрачный парус, точно плавник исполинской акулы, бесшумно шел прямо на девушку, толкая перед собой внушительную волну высотой в двухэтажный дом. Варвара стремительно развернулась навстречу волне и забила ладонями по поверхности воды, пытаясь привлечь внимание своих расшалившихся спутников. Озорные темно-лиловые глазки оглядели горизонт, но ни одно животное и ухом не повело.

— Братцы, ныряем! — крикнула Варвара, прекрасно понимая, что надеяться можно только на их врожденные обезьяньи способности, кои были продемонстрированы безотлагательно: четверка белолицых подружек разом выставила из-под воды крутолобые головы, щелкая клювами и даже высовывая языки. — Вы мне еще подразнитесь! — сердито фыркнула Варвара. — Сейчас вам будет ох как не смешно, да и мне тоже. Да будете вы нырять?..

Ультимативный тон не возымел ни малейших последствий. Она изумилась такой беспечности: ведь разумные же твари, в конце концов! Но в этот момент «парус», до которого оставалось каких-нибудь двадцать метров, беззвучно растаял, и на его месте обнаружилась совершенно неправдоподобная промоина в самой середине наступающей волны. Девушка даже зажмурилась и потрясла головой, настолько это зрелище противоречило всем известным и неизвестным законам природы: слева и справа от их тесной

группы прошли два пенящихся гребня, а их самих — и ее, и пятерку аполин — едва качнуло на фантастически спокойной дорожке.

Варвара потерла глаза мокрым кулачком: уж не показалось ли? Но тут обе волны, и левая, и правая, с одновременным грохотом обрушились на берег, так что из лабораторных корпусов повыскакивали перепуганные лаборантки в халатиках и гидрокостюмах. Вода торопливо отхлынула, и в этом своем обратном движении она показалась девушке подозрительно желтой и искрящейся.

Или такой ее делало начинавшее клониться к закату солнце?

Она рванулась к берегу и прошла эти несколько сот метров с рекордной для себя скоростью, совершенно забыв о сопровождавших ее животных. Они, напротив, честно выполнили свой долг и не забыли проводить ее до самого мелководья, самым препротивнейшим образом забитого тиной, дохлыми медузами и какой-то слизкой протоплазмой. Варвара вылезла на галечную полосу, брезгливо встряхиваясь, и первым делом наткнулась на двух лаборанток, которые укладывали на кусок клеенки что-то зеленовато-бурое и обмякшее. Теленок. Не новорожденный, но сосунок.

— Помочь? — спросила Варвара.

— Идите в душ, — недружелюбно ответила та, что отличалась сайгачьим профилем. — Тем более что все ваше унесло в море.

Они подняли клеенку и потащили, держа за углы и семеня от тяжести. Да, такое занятие не способствует улучшению настроения. Варвара пошарила взглядом по берегу: кругом валялись разнокалиберные звезды, гигантские черви и многостворчатые раковины. И еще нечто, по окраске напоминающее светло-серую чайку... Нет, аполиненок, и редкого вида: с трехцветной черно-бело-розовой меткой на лбу. Может, хоть этого посчастливится выходить? Она подобрала зверька, который казался мокрой ватной игрушкой, двинулась следом за сердитыми девицами, но дверь первого корпуса распахнулась и выпустила Параскива в его празднично-алых плавках, столь дисгармонирующих с печальным изуродованным берегом, в каком-то клочковатом свитере и с замотанной шеей. Варваре подумалось, что за один такой внешний вид следовало запретить ему пребывание на дальних планетах.

Он отобрал у Варвары аполиненка, положил его на гальку и, присев рядом, заговорил так, словно продолжал какой-то недавно прерванный разговор:

— И не пытайтесь с ним что-нибудь сделать — это бесполезно, я гарантирую. Мы тут ютимся друг у друга на голове, и я не могу оборудовать даже мало-мальски приличную реанимашку... Вот вы прилетели с последним грузовиком: что нам шлют? Комбикорм. Не для них, — он кивнул на покачивающуюся клеенку, которую заносили в тамбур, — а для нас, как это ни парадоксально. Но нам шлют замороженное мясо, которое в свежем виде буквально ломится в ворота Пресептории и мечтает попасть к нам на кухню. Здесь могли бы прокормиться не сто шестьдесят, а тысяча шестьсот человек, и поверьте мне, как специалисту, — это никак не отразилось бы на экологическом балансе видов. Но зато на оборудование и наблюдательную аппаратуру места на космолетах уже не хватает! И называется это — бережное отношение к чужой фауне.

Он сокрушенно, как-то по-стариковски кивал головой после каждой фразы, и соболиные брови скорбно складывались уголочками, вызывая у девушки состояние щемящей смятенности.

— А Степанида идет к нам на поклон. Даже не идет — бежит. Выплескивается. Швыряет к ногам своих подкидышей и волчицей воет: разумные и гуманные, помогите!

Варвару вдруг охватило непонятное раздражение. Все, что сейчас говорил этот обладатель княжеского имени и лоэнгриновского облика, было несомненно верным, но требовало какого-то естественного дополнения. Нет реанимационного кабинета, так не сиди здесь, на галечке, а иди и строй. Каменных глыб навалом, кибов бесхозных — тоже. А что касается оборудования, то один из грузовиков с мороженым мясом можно просто неразгруженным завернуть обратно на Большую Землю. В другой раз пришлют только то, что действительно необходимо. А так вот объясняться в бесконечной любви к несчастной Степухе — слушать противно...

Девичья мечта начинала как-то блекнуть. Не было в Светозаре тех черт, которые она в первую очередь искала в человеке, который должен был бы стать для нее гораздо больше, чем просто первый встречный: внутренней зоркости, но не холодной, граничащей с липким любопытством, а теплой и сильной, готовой в любой миг на дружескую поддержку. И еще — доверия к чужой чуткости. А вместо этого нашла узкотерриториальные восторги, заслоняющие весь белый свет. Видите ли, эта заброшенная планета — самая лучшая в мире и все потому, что здесь живем и работаем мы. Как там значилось на фасаде трапезной? «Наши

простейшие — самые простые во Вселенной!» Характерная надпись. И беда в том, что это не просто устаревшая студенческая шуточка. Чтобы не высказать все это вслух, Варвара изо всех сил стиснула зубы, от чего встопорщились усики над верхней губой, и, круто повернувшись, пошла к ангароподобному строению, именуемому телятником. Она шагнула через порог и очутилась нос к носу с пиратской физиономией Сусанина.

— А вы зачем сюда? — напустился он на нее без малейшего вступления и повода. — Я вас не вызывал. И в график дежурств не включал. Пока. Но могу и передумать, если вы чересчур свободны.

— Добрый вечер, Евгений Иланович, — сколь возможно вежливо проговорила Варвара. — Я зашла за каким-нибудь халатом: все мое унесло в море.

— А разве я вас посылал в море?

— Евгений Иланович, — еще более вежливо и спокойно ответствовала девушка, — в море я купалась после окончания рабочего дня. И буду делать это ежевечерне.

— Рабочий день экспедиционника заканчивается, когда он закрывает глаза, — мрачно проговорил Сусанин. — Засим начинается рабочая ночь, ибо собственный сон должно рассматривать как биологический эксперимент. Новичкам ясно?

— Ясно, — сказала Варвара, влезая в чей-то — а похоже, сусанинский — халат. — Возвращаюсь на рабочее место.

Она повернулась и вышла из лабораторного «предбанника». Дверь фукнула на нее сложным комплексом противобиотической защиты, убивающей споры земных растений, составляющих рацион здешних стеллеровых телят, которых готовили для переброски на свою прародину. После такого душа стало еще холоднее, и девушка искренне обрадовалась, когда наткнулась на Кони.

— А море вас ограбило! — почти радостно воскликнула та — похоже, здесь с восторгом воспринимали любые капризные выходки несравненной Степухи. — Накиньте мою кофточку, холодает.

Варвара дважды обернулась в шуршащую ткань, которая достала до колен, и без малейшего на то основания подумала, что это — второй после Теймураза человек, которому она могла бы до конца довериться.

— Что-нибудь еще, Варюша?..

— Нет-нет, — поспешно возразила она, уже не противясь ненавистному обращению. — Впрочем... Вы ведь в хо-

роших отношениях с семьей этого малыша, Пидопличко, кажется?

Кони удивленно кивнула. Ее поразил не столь неожиданный поворот в разговоре, а сомнение в том, что она хоть с кем-то может не быть в хороших отношениях.

— Тогда подскажите им мысль сделать несколько голографических снимков своего малыша — и даже лучше в движении.

Кони удивилась еще больше, но промолчала.

— У меня появилось странное ощущение, — Варвара поняла, что ей придется как-то объяснить свою просьбу, а лгать этой обаятельной женщине совсем не хотелось. — Мне кажется, что каждого из нас здесь как-то проверяют... Тестируют.

— Кто?!

— Не знаю, не знаю. И боюсь, что не кто, а что. Если это предположение хоть как-нибудь подтвердится, то придется и с нашей стороны ставить опыты, а уж тут-то живым ребенком рисковать будет нельзя, потребуется голографическая копия.

По доброжелательному, но абсолютно непроницаемому лику Кони совершенно невозможно было догадаться, как она относится к подобным фантазиям. Тем не менее, она сказала:

— Я постараюсь сделать так, чтобы у мамы Пидопличко самостоятельно появилась мысль обратиться к вам — ну, хотя бы для составления семейного альбома. А теперь ступайте да загляните в трапезную, выпейте чего-нибудь погорячее.

Варвара благодарно кивнула и затрусила по парковой тропинке, полами необозримого одеяния цепляясь за колючий кустарник. Вчера — погорячее, сегодня — погорячее... Нет, не складывались у нее отношения со здешним морем.

Киб с неполным комплектом конечностей был занят нетипичной для него деятельностью — закрашивал надписи на косяке, раскрашенном под камешки. К резной арочке была пришпилена записка: «Просим больше не изощряться в остротах — Степка учится читать».

Гм. В три-то месяца.

— Кофейком напоите? — спросила она, приблизясь.

Киб тотчас же засунул кисть за притолоку, метнулся внутрь и занял свое исходное положение: брюхом на стойке, три щупальца свешиваются по ту сторону, два — по эту.

— Ром, абсент, вишневая настойка! — гаркнул он голосом, пародирующим Артура Кёлликера.

Даже новичку было ясно, что перечисленных напитков на далеких планетах попросту не держат, да и на Большой Земле их отыщешь разве что в кафе, стилизованных под старину. А помимо всего, кибы вообще не имели речевых приставок, не то что роботы. При большом желании их можно было запрограммировать так, чтобы они скрипом, звоном или щелчками подавали звуковые сигналы, но даже простейшая фраза азбукой Морзе доводила их до катастрофического перегрева.

В данном случае было похоже, что кто-то из местных остряков впаял в обрубок недостающего щупальца микромагнитофон.

— Чашечку кофе погорячее и без цитат из Ремарка, но с сахаром.

— Ром, абсент, вишневая настойка! — Вероятно, магнитофон срабатывал на любой звук человеческой речи. Надоедало это со второго же раза.

Из-под стойки показался подносик с подозрительной полоскательницей кубиков так на четыреста пятьдесят. Это, разумеется, и отдаленно не напоминало то живительное питье, которым пользовал ее Теймураз после вчерашнего бесславного ныряния. Она, обжигаясь, опустошила всю емкость и побежала к себе в таксидермический корпус, выделяющийся среди окрестных коттеджей казенным однообразием квадратных окон и распахнутым сейчас громадным фонарем скульптурно-моделировочной мастерской, находящейся во владениях Пегаса.

Если прибавить к тому подземный голографический блок и химическую «кухню», где заправляла Пегги, то в целом лаборатория производила чуть ли не ошеломляющее впечатление. И работать здесь практически предстояло одной Варваре.

Разумеется, девушка и не подозревала, что Полубояринов, отправляя ее на Тамерлану, прекрасно отдавал себе отчет в том, что один человек, родись он семи пядей во лбу или будь он даже легендарным Заславским, не сможет создать музея фауны целой планеты. «Очень уж она воинственная, — сказал он своему заместителю, когда за Варварой закрылась дверь его кабинета. — Вот и пусть повоюет там с Сусаниным, понаделает грамотных голограмм и хотя бы разберется с теми шкурами, которые накопились на кухне. А годика через полтора, когда станет у нас полегче с кадрами, подошлем ей двух-трех специалистов и, разумеется, начальство, чтобы ни от кого не зависеть».

Варя Норега этого монолога не слышала и по крайней

своей наивности, извиняемой возрастом, полагала, что перед ней стоит трудная, но посильная задача, с которой она справится с помощью двух роботов и, естественно, без начальства.

Дело только в сроках.

Одинокой она себя тоже не чувствовала, так как Пегас и Пегги работали по двадцать четыре часа в сутки, то есть каждый за троих, и на них можно было положиться.

Подходя к зданию таксидермички, девушка опасливо оглянулась: не увидел ли ее кто-нибудь в столь экзотическом наряде? Но улочки были пусты, а вот из помещения доносилось голосистое ржанье Пегги. Та-ак, опять она Пегасу байки на биохимические темы рассказывает!

Варвара толкнула дверь и замерла от негодования: вместо обычного Пегаса ее роботессу самым естественным образом развлекал Теймураз, и это в то самое время, когда она сама только что получила выволочку за безделье в нерабочие часы!

— Что, все пластинки уже обработаны? — напустилась она на Пегги, словно не замечая присутствия юноши. — И просушены? А вчерашние экспонаты готовы к дезинсекции? И растворы отфильтрованы и подогреты?

Пегги выдержала паузу, чтобы было слышно, как в одном из баллонов среднего уровня взбалтывается жидкость — вероятно, мышьяково-кислый натр или еще какой-нибудь столь же аппетитный нектар для протравки чучел. Затем верхний ее баллончик презрительно дернулся, и Пегги констатировала хриплым меццо-сопрано:

— Кобра мохнатая.

Теймураз тихонечко ахнул.

— Пегги! — крикнула Варвара. — Изволь при посторонних держаться в рамках!

— Посторонних? А я их звала, этих посторонних?

— Пегги, еще одно слово в подобном тоне, и я запру тебя в вытяжной шкаф.

— Вот поди сама и запрись в шкафу! Пигалица земноводная! Амбистома усатая...

Варвара вскинула руку и хлопнула Пегги по жужеличной спинке, отключая речевую приставку.

— Извини, пожалуйста, — проговорила она, смущенно улыбаясь. — Когда целые дни проводишь в обществе одних роботов, невольно становишься ворчливой. Когда я это заметила, то запрограммировала эту особу таким образом, чтобы она самым наглядным образом демонстрировала мне все недостатки дурного воспитания.

— Метод «от противного», — заметил Теймураз.

— Ага. И, надо тебе сказать, очень действенный, намного эффективнее простого зеркала. С тех пор как мы стали с ней вести диалоги в подобном режиме — она со словарным запасом посудомойки, а я с высокомерной сдержанностью классной дамы, — я стала замечать, что поубавила сварливости и прибавила юмора.

— Как хорошо, что мы с тобой встретились уже на данном этапе твоего самовоспитания! А то боюсь, что даже я не смог бы найти с тобой общий язык.

— Боюсь, что это общая беда всех людей моей профессии, — с ними не очень-то и стремятся войти в контакт... Фу, кажется, я уже перешла на жалостливый тон.

— А твой второй робот запрограммирован аналогично? — на всякий случай поинтересовался юноша.

— Ну что ты! Пегги — уникум, если не сказать — жертва эксперимента.

Поскольку была затронута тайна генезиса, Пегги не могла остаться равнодушной и, лишенная дара речи, пустила в ход все свои свободные щупальца, довольно примитивными приемами демонстрируя, что она думает по поводу умственных способностей, внешнего вида и прочих качеств своей хозяйки.

— Это что еще за танец живота в кибер-исполнении? — раздалось вдруг из дальнего угла.

На консольном экране связи возникла фигура Сусанина в полный рост. Кожаный передник был заляпан подозрительными кляксами, рукава халата недвусмысленно изжеваны. Было ясно, что его выход на связь предвещал какую-то производственную коллизию, но по мере того как затягивалась пауза, становилось очевидно, что всем вниманием начальника биосектора завладела отчаянно жестикулирующая роботесса.

Между тем Пегги разошлась так, что у нее звенели все пустые емкости. У Сусанина загорелись глаза, рот невольно растянулся в не очень осмысленной улыбке: да что он, роботов не видел на своем веку?

— Пегги, изволь стоять смирно! — шепотом приказала Варвара.

— Ни-ни! — воспротивился с экрана Сусанин.

Он присел на корточки и наблюдал за происходящим с таким всепоглощающим восторгом, словно был десятилетним мальчишкой, которому впервые показали модель квантового звездолета. Варвара вдруг поймала себя на том, что она тоже улыбается. Сусанин протянул руку и постучал пальцами по экрану:

— Эй ты, канистра с бубенчиками, поди-ка сюда!

Пегги возмущенно всплеснула едким натром, так что он чуть было не вылетел за пределы баллона, и двинулась куда-то вбок.

— Иди, иди, тебе человек приказывает! — ласково понукал ее Сусанин.

Раздираемая противоречивыми побуждениями, продиктованными первым законом роботехники с одной стороны и дурным характером — с другой, Пегги выбрала оптимальное решение — двинулась к экрану по синусоиде.

— Прелестно! — возопил Сусанин. — Это же интеллект! И какая скорость реакции!

Его пиратская физиономия сияла, и Варвара вдруг поняла, почему в первую их встречу он показался ей золотым. Виновато было не только тамерланское солнце, теперь она это понимала.

— Беру, — заключил Сусанин.

— То есть как? — ошеломленно подалась вперед Варвара, готовая всем телом заслонить имущество таксидермического блока.

— В долг, разумеется! На недельку дадите?

— И на сутки не дам. Без нее лаборатория остановится. И потом, зачем вам она?

— Видите ли, — Сусанин устало поднялся с корточек, потирая поясницу. — Мы тут зашли в тупик с одной элементарной проблемой — не можем отобрать ни одной пробы так называемых янтарных гранул. Эта плесень не подпускает ни киба, ни человека — улетучивается. Но ведь сие диво хрустальное — и не киб, и не гуманоид. Попробуем...

— Исключено, — жестко проговорила Варвара. — Я слышала, что у вас тут бывает с механизмами: шаровая молния — и ни гаечки, ни релюшечки. Пегги стоит целой лаборатории. И потом, у меня работы накопилось выше головы, вы и сами видите.

— Ну, Варюша, кто старое помянет, тому глаз вон. А что касается вынужденного простоя, то я и это беру на себя; на ближайшие два дня зачисляю вас в комплексную группу, которая совершит прогулку по морскому берегу. Согласны?

— Некогда мне... — начала Варвара и осеклась, почувствовав резкий толчок в спину. Теймураз, о котором она начисто забыла, какой-то линейкой или указкой пихал ее под лопатку, чтобы не было видно с экрана. — Я... я подумаю.

— Подумал за вас я! А вы берите себе второго вашего робота, грузите на него регистрирующую аппаратуру, и завтра в шесть — сбор на пикник. Да, подробности прогулки будут обсуждаться через полчаса в конференц-зале, можете зайти.

Экран погас.

Она, ничего толком не понимая, обернулась к Теймуразу.

— Ты с ума сошла! — с чисто южной экспансивностью, прорывающейся у него нечасто, воскликнул юноша. — Тебе предлагают выход за Стену, и это буквально на второй день, а ты мнешься! Да другие добиваются этого месяцами и выходят на пятнадцать минут! На твоем месте я бы на шею ему кинулся!

— Ну, а я, как видишь, от последнего воздержалась. К тому же это всего-навсего воскресная прогулка.

— Можешь называть ее прогулкой, можешь — разведкой. Скорее, последнее, раз тебе разрешили взять второго робота, да еще и с фиксирующей аппаратурой. А тем временем твоя запрограммированно-невоспитанная Пегги будет ловить янтарную пену.

— Да, к вопросу о воспитании, как человек, тоже не вполне воспитанный, я хочу спросить: а что ты сюда пожаловал?

Теймураз смущенно развернул утлый кулечек, откуда полетели клочки остро пахнущей голубоватой шерстки.

— Да вот принес... По-моему, это была кошка. Голубая, травоядная и врожденно-ручная. Я хотел сделать чучело...

У Варвары натянулась кожа на скулах:

— Во всяком случае, прошедшее время употреблено уместно. Была. А теперь есть только загубленная шкурка, которую не потрудились как следует вычистить от жира и просушить. Не говоря уже о прочих тонкостях таксидермии.

— Знаешь, — виновато пробурчал Теймураз, — мне как-то казалось, что главное, эту шкурку снять и, когда она сама подсохнет, набить ватой. Это же не сложно...

— Ну да, оптимистическая формулировка: никогда не пробовал, но думаю, что сумею.

— Ведь делают же чучела даже школьники!..

Вот этого только и не хватало — обиженного тона. Обида — эмоция аутсайдеров, а Темрик казался не из их числа.

— Это делают школьники, обученные азам таксидермии. Но без вышеупомянутых азов браться за дело не стоит.

Она глянула на его по-детски обиженное лицо, обычно столь непроницаемое, и вдруг расстроилась. А ведь Кони, которая умела со всеми быть в хороших отношениях, вряд ли стала бы вот так отчитывать человека за вполне доброе намерение. И не топорщилась бы, как эмпуза рогокрылая, сиречь богомол. А взяла бы остатки шкурки — да, мол, действительно голубая травоядная кошка, спасибо — и через некоторое время вручила бы Теймуразу чучело совершенно другой особи, но уже препарированное по всем правилам. И в процессе вручения постаралась бы незаметно преподать некоторые сведения по тем самым азам, которые теперь будут восприниматься сквозь призму оскорбленного самолюбия. Да, у Кони еще учиться и учиться...

— Ладно, — сказала она примирительно, — несколько уроков я тебе преподам, а сейчас я побежала. Неудобно опаздывать.

— Ты же не знаешь, где этот конференц-зал!

— А ты покажешь. Только я разыщу запасной комбинезон — мое-то все в море утащило. Волна была сильная, ну прямо микроцунами. И какая-то неправдоподобная...

— Да? — загорелся Теймураз. — Давай-ка на бегу и поподробнее, а то ты, я вижу, удачлива на чудеса.

На бегу получилось не очень подробно, потому что до условно обозначенного «конференц-зала» было не больше трех минут спортивной ходьбой. На Большой Земле, правда, постеснялись бы назвать это помещение даже кладовкой, потому что это был всего лишь тупичок коридора, заваленный пакетами с надувной мебелью — традиционной утварью экспедиционников-дальнепланетчиков. Несколько таких диванов, распакованных и приведенных в боевую готовность, было составлено в каре и являло собой рабочее место для всех совещаний и сборищ, кои по каким-либо причинам не могли состояться под Майским Дубом. У стеночки, на трибуне из местного кораллового палисандра, знакомый неполнорукий киб варил кофе и передавал чашечки заседающим.

Собрались здесь, похоже, не в последние минуты — возле некоторых стояли на полу по две-три пустых чашки.

Рядом с кибом на трибунке безучастно сидела Кони и, кажется, кого-то ожидала.

Больше ничего Варвара разглядеть не успела, потому что погас свет и прямо на стене возникла проекция чрезвычайно странного графика в виде золотой завитушки, ползущей вдоль оси абсцисс.

Линия сделала какое-то конвульсивное движение, и тут

Варвара поняла, что никакой это не график, а здешнее море, показанное с высоты нескольких километров. Золотистая кривая в равной мере могла быть и гребнем причудливой волны, и легендарным морским змеем. Или чем-нибудь третьим.

— Вызвать бы у него синдром Лероя, — полушепотом проговорил в темноте бархатистый баритон.

В ответ невесело засмеялись.

Кажется, это действительно был змей, потому что на экран выползла еще одна золотая полосочка. И еще. И две сразу... Они выпрямлялись, подобно стрелам, ломались под прямыми углами, сцеплялись, извивались. В их движениях было что-то и живое, и искусственное одновременно.

— Разыгрались, собаки! — проговорил кто-то с нескрываемым восхищением, и девушка узнала голос Сусанина. — Вы представляете себе их энергетический баланс?

Варвара прикинула: судя по морским гребням, все это транслировалось с высоты не менее восьми километров. Нет, представить себе мощь этих водяных гадов было трудно.

— Смотрите, характерный момент концентрации внимания, — крикнул знакомый баритон. — Время задержки — двадцать пять секунд, зафиксировано неоднократно!

Змеи замерли, словно оцепенев и прислушиваясь к неведомому внутреннему голосу, затем разом изогнулись и с целеустремленностью баллистических ракет заскользили в левый нижний угол импровизированного экрана, и навстречу им, захваченные в поле зрения следящего зонда, проступили контуры их собственной бухты с характерным пятиугольником Пресептории.

— Снижайте зонд! — крикнуло несколько голосов разом.

Изображение качнулось, начало укрупняться, но вместо ожидаемой четкости деталей экран запестрел клочьями янтарной пены, прямо на зрителей полетели белесые пузырьки, за которыми уже не просматривалось никакой фантастической фауны, а затем все закувыркалось, заплескалось, и экран погас.

— И стало на базе одним зондом меньше, — заметил кто-то с эпическим спокойствием.

— А кстати, степняки, вы прочувствовали, где должны пересекаться траектории их движения? — вопросил голос, в котором угадывалась лихость «застенчивого гения». — Так вот, в той самой точке, где находимся сейчас мы!

Это было не очевидно и требовало графических доказа-

тельств, поэтому ему никто не ответил. Похоже было, что с подобными явлениями здесь встречаются не впервые.

— И снова до Пресептории не донеслось ни облачка, ни дуновения, — в голосе Сусанина было такое сожаление, словно хороший ураган он принял бы как дар небесный. — Ну, что ж, применим некоторые до сих пор не опробованные методы... Но это потом. А сейчас пленку в архив и возвращаемся к тому, на чем мы остановились: на выборе маршрута нашей воскресной группы. Поскольку вся задача — пройти отрезок между Золотыми воротами и Оловянными, то и дороги две: низом и верхом. Учитывая, что горы подходят к морю почти вплотную, начальство базы рекомендует на прибрежную полосу вовсе не спускаться. Для этого в следующие выходные соберется вторая группа. Ну как?

— Умный в гору не пойдет, — заявил Солигетти. — Но мы ж не претендуем на излишнюю мудрость. Пойдем-ка в горы!

— Серафина?

— Если правда, что по верху, над хребтом, существует пси-барьер, не пропускающий ничего живого...

— Если правда.

— ...тогда и говорить не о чем.

Эта смуглокожая Царица Ночи, как с первого взгляда окрестила ее Варвара, была явно из метеорологов — именно она колдовала несколько минут назад у маленького пульта, управляя безвременно погибшим зондом.

А Сусанин тем временем продолжал общественный опрос:

— Артур?

— Берег. Хоть рыбки половим...

Параскив поднял два пальца, чтобы о нем не забыли.

— Светик? Ну, не выдумывай. Тебе горло лечить надо.

— Это ты не выдумывай, — просипел Светозар. — Идти надо через хребет, там должен быть перевал, а там уж конфигурация пси-барьера наверняка нарушена...

— Перевала нет. Норега? Ах да, вы абсолютно не в курсе.

— Я в любом случае предпочитаю море.

— Умница. Все как будто?

— Не все, — срывающимся голосом крикнул Теймураз. — Сколько можно обещать?

— Послушай, Темрик, ты еще пригодишься, когда мы соберем комплексную экспедицию по всем правилам. И ты

тем более пригодишься, когда мы двинемся в горы, которые ты знаешь...

— Вот именно, горы я знаю и поэтому могу представить себе, что такое биобарьер, особенно на перевале. Это кладбище со всем, что из этого вытекает. Возможность эпидемии, например. Поэтому группа, и я в ее числе, должна идти берегом.

И тут Кони, до сих пор сидевшая тихо, как мышка, подняла свой прелестный круглый подбородок и еле слышно шепнула:

— Лерой...

— Значит, идем берегом, — прогудел из толпы глуховатый и уже так хорошо знакомый голос.

И Варвара поняла, что этими тремя словами Лерой, так же как и Кони, безучастно наблюдавший за происходившим, почему-то зачислил себя в состав самодеятельной группы.

И тут еще спохватился Кёлликер:

— Минуточку, минуточку... А ты-то, Евгений?

— А я, — с загадочным видом, причины которого были понятны только Варваре с Теймуразом, проговорил Сусанин, — я тут займусь некоторыми деталями. Тем более что свои выходные я уже потратил на поездку в космопорт. Так что, братцы-степняки, гулять вам по бережку без меня, там и всего-то километров тридцать и два препятствия, однажды взятые легендарным Вуковудом. Демонстрирую первый аттракцион под девизом: «Золотые ворота — проходите, господа!»

И на стене-экране черной пастью распахнулись створки нерукотворных чудовищных ворот.

Было тихо, и жуки-медузники домовито гудели, пристраиваясь к угасающей бирюзовой хризаоре, выброшенной на берег. Вся группа людей отдыхала, то есть те, кто мог устать, лежали на песке, а неутомимые кибы плюс один робот маялись от безделья. Солнце еще только приближалось к полудню, а путь уже был проделан немалый: на вертолетах до самого Барьерного хребта, затем разгрузка, выход к морю и первый привал.

Вертолеты опустились километрах в трех от побережья; довольно уже был зондов и флаеров, которые вели себя над морем, как убежденные самоубийцы: едва снижаясь до девяти километров, они переставали отвечать на все команды и целеустремленно топились на столь значительной глуби-

не, где о подъеме не могло быть и речи. Над сушей такого типового синдрома у летательных аппаратов не возникало, и это служило поводом для постоянных споров: ведь причину гибели традиционно взваливали на многочисленные и разнообразные молнии, а их-то в атмосфере Степухи было одинаково богато как над сушей, так и над водой — и линейных, и шаровых, и кольчатых, и двумерно-плоских.

Сейчас от Пресептории их отделяло чуть больше двухсот километров, и Теймураз, зачисленный радистом вместо своей обычной обязанности быть энергоснабженцем, наладил связь и коротко доложил о местопребывании, погоде и прочих пустяках. В ответ тоже ничего информационнозначимого не поступило.

Затем он все-таки вспомнил о своей основной специальности и насобирал по берегу веток для костра.

И вот все дремали в ожидании обеда, а котелок с двумя морскими кокосами аппетитно побулькивал над невидимым под солнечными лучами пламенем, распространяя вокруг аромат глухариного супа с шампиньонами, провяленными на можжевеловом дыму. Артур подрагивал ноздрями, вдыхая редкостный запах, и блаженно закатывал глаза под сивые ресницы, даже не глядя на бахромчатый зев Золотых ворот, которые им всем предстояло пройти сразу же после привала.

Серафина подняла руку, скомандовала: «Ложку!» — прикомандированный к ней киб вложил в ее пальцы требуемое. Серафина отведала варево, кивнула Кёлликеру: готово, мол.

Вмиг все оказались в сидячем положении и с мисками.

— В лабораторию бы так собирались, — проворчал Параскив, но на его брюзжание никто не ответил.

Слишком уж было вкусно.

Налетели привлеченные сказочным запахом некрупные мохноногие птички, за неимением ничего лучшего принялись клевать жуков. Оперение летучих красавиц заставило бы земных колибри полинять от зависти, а изогнутый лирой хвост и пушистый венчик над головой были усыпаны оранжевыми бисеринками. Сочетания красок были резковаты, но редкостная легкость и изящество контуров заставили Варвару позабыть о супе. Впрочем, движение всех ложек несколько замедлилось — то ли уха оказалась на редкость сытной, то ли картина пиршества этих райских птиц даже для старожилов Степаниды была просто феерической.

Чуждым общему восторгу оказался один Солигетти.

— Нет, — глубокомысленно проговорил он, откладывая

ложку, — хорошему моллюску никакая рыба в подметки не годится!

Лерой, голый по пояс, вспотевший, вдруг скривился и вытащил из-за щеки довольно крупную жемчужину.

— Хороший моллюск, — неторопливо проговорил он, в паузах между словами проверяя целостность зубов, — может подложить порой хо-о-орошую свинью!

Он протянул жемчужину Серафине, но птички, привлеченные, как сороки, необычным блеском, встрепенулись и начали подкрадываться к костру. Некоторые даже вспорхнули на неподвижно лежащего возле Варвары робота, но Пегас, не получавший пока приказа начать съемку или сбор материалов, остался к ним равнодушен. До конца отдыха оставалось еще около получаса; Артур, назначенный главным в группе, прекрасно понимал, что проходить неведомое и страшноватое препятствие на переполненный желудок будет обременительно. Поэтому он вытянул длинные ноги, которые почти достали до воды, и кинул реплику Лерою:

— Ну, на Большой Земле такой супец украсил бы меню любого ресторана!

— Судить о гастрономических особенностях морских тварей, — по уверенному тону Лероя чувствовалось, что в его лице сэр Артур нашел компетентнейшего гастрономического оппонента, — может только тот, кто хоть раз попробовал золотую рыбку...

— Позвольте, — продолжил игру Артур, — вы имеете в виду риукина, шубункина или диакина?

— Даже не шишигашира, — ответствовал Лерой. — Дело в том, что есть аквариумную рыбу...

Последовала столь любимая Лероем глубочайшая пауза — все предавались послеобеденной истоме, развлекаясь их диалогом.

— ...это все равно что жарить блины на губной помаде.

Варвара слушала и ушам своим не верила: куда девалась вся замкнутость Лероя, вся его вековая скорбь? Это был пожилой, но хорошо тренированный экспедиционник-дальнепланетчик, контактный и остроумный — душа общества, одним словом.

Когда же он успел так перемениться? В тот момент, когда из толпы послышался его бас: «Пойдем берегом» — и это как бы поставило точку над всей дискуссией.

Или чуть позже, когда все выходили и Кони протянула ему руку, которой он коснулся лиловыми, как можжевельник, губами?

Варвара осторожно оглядела присутствующих. Нет, никто, кроме нее, не видел в поведении Лероя ничего удивительного. Или подобные перемены были в его характере, и все привыкли, или вкрадчивое и вроде бы не жаркое тамерланское солнышко так всех разморило, что глядеть хотелось или в фиалковое небо, или, на худой конец, на загадочную бронзовую шкуру, обтягивающую ворота. Время от времени она тихонечко подергивалась едва заметными конвульсивными складочками, словно по ней стремительно пробегало невидимое насекомое. В такие моменты светлые блики падали на лицо Лероя, проясняя его и одновременно безжалостно подчеркивая каждую морщинку.

— Гляди-ка! — воскликнула вдруг Серафина. — Нам на ужин яичко снесли!

Все повскакали с мест, восторженно галдя, — и действительно, в сложенных жгутом хватательных щупальцах робота поблескивало рыжими крапинками небольшое яйцо. Но местным райским птичкам столь бурно выраженные эмоции пришлись не по душе — они разом поднялись в воздух, испуганно попискивая, и ошалело, как подброшенная разбойничьим свистом голубиная стая, метнулись прямо в черный зев затаившихся ворот.

Раздался хлопок, словно кто-то встряхнул простыню, неподвижная доселе бахрома взметнулась наперерез стае, вынося перед собой темно-синюю тень, — и вот уже то, что секунду назад было радужно блещущей живой стаей, превратилось в бесформенные пестрые комья, выметенные неощутимым ветром из бахромчатой скальной пасти на черту прибоя.

Из воды выполз янтарный пенистый язык, слизнул эти комья — словно ничего и не было. Только радужное перышко полетело над берегом, закрутилось вокруг костра и сгорело.

Все молчали, и было нестерпимо холодно.

— Но ведь прошел же Вуковуд! — не выдержал Теймураз.

— И мы пройдем, — спокойно, словно ничего не случилось, пробасил Лерой.

— Да, действительно, — встрепенулся Кёлликер, наконец-то припомнивший, что в этой группе он за старшего. — А что мы переполошились? На Степаниде и не то бывает. И между прочим, у нас еще осталось двадцать минут отдыха. На чем мы остановились? На золотых рыбках? Лерой, а где вы их встретили, если не в аквариуме?

Лерой его понял: перед первым препятствием, которое

Сусанин определил как «аттракцион номер один», а они сейчас увидели воочию, необходимо было произвести психологическую разрядку. Он опустился у догорающего костерка, приглашая остальных последовать его примеру.

Они последовали.

— Это было... — начал он, и Варвара поняла, что заминка в его рассказе на сей раз была не ораторским приемом, нет, легендарный дед действительно старался припомнить, как же давно приключилось то, о чем он собирался поведать. — Было, ну, скажем, лет шестьдесят тому назад. Немногие из вас знают, что в те времена я и не думал о дальних зонах в частности и о пространстве вообще, а работал скромным рыбопромысловиком, то есть тралил свой квадрат где-то восточнее Канарских островов.

— Э-э-э... — с сомнением протянул Артур.

— Вы хотите сказать, что на обычных промысловых сейнерах — я не имею в виду исследовательские суда — не имеется не то чтобы капитана, а и команды вообще? Согласен. Но ведь то — сейчас! А полвека назад в моем подчинении было... — Лерой явно тянул время, но никто не возражал. — Давайте вместе посчитаем: в трюмах у меня крутилось полторы сотни кибов-рыбообработчиков — значит, на них пять механиков-ремонтников. Да три механика по кибермеханикам. Да один механик по кибам-радистам. Да еще один по кибам-штурманам. Да еще врач-настройщик медицинских спецкибов — совсем безрукий был парень, никакой практической сметки, но зато как умел заговаривать зубную боль! Ну, да это к слову. Так. Вот и сбился, кого-то забыл...

— Буфетчицу, — подсказала Серафина.

— Совершенно справедливо. Два наладчика на камбузе: один по мясной, другой — по постной аппаратуре. Ну, и естественно, буфетчица, никакими кибами не обремененная, — у нее и без того забот хватало. И разумеется, для приведения к единому знаменателю всей этой кибер-оравы — боцман.

Он быстро оглядел слушателей: большинство демонстративно загибало пальцы. Отвлеклись, значит. Что и требовалось.

— Сколько получилось?

— Шестнадцать, — сказал Теймураз.

— То ли забыл кого-то, то ли буфетчицу мы за двоих считали: она у нас была многодетная мать, все свободное время в рубке дальней связи торчала, уроки проверяла у

своих сорванцов. И сказать ничего нельзя — детишки как никак...

— Сельдя промышляли? — с умным видом подыграл Солигетти.

— Почему сельдя?

Солигетти смешался, не зная, что сказать дальше, и все почувствовали естественное удовлетворение, потому как никто, кроме Лероя, смутить этого болтуна не мог.

— Селедка в Канарском рыбохозяйстве — да это противно здравому смыслу! Итак, промышляли мы в основном черного малакоста, и не столько из-за мяса, хотя оно давало дивную рыбью колбасу твердого копчения, как, впрочем, и многие глубоководные рыбы, сколько ради бархатной шкурки, которая шла на дамские костюмы. У меня у самого была такая куртка, подкладка с биоаккумуляторной пропиткой, поэтому по всему моему фасаду светился характерный узор — рыбьи фотофоры продолжали работать. Мерцающий такой крап, белый и фиолетовый, а на воротник щечки пошли, там уж сами знаете, кто ихтиологию учил, — подглазный фонарь ярко-красный, заглазный — ядовито-зеленый. Словом, знали мою куртку от Мельбурна до Одессы, даром мне ее по особому заказу одна умелица с Малой Арнаутской шила.

— Лерой, не дразните женщин! — вздохнула Серафина.

— Да, опять отвлекся. Итак, вышли мы на точку, указанную сверху кибом-поисковиком, включили глубинный манок. Название одно — манок, а на самом деле — пугало, потому как от него половина рыб на дно ложится, а половина на поверхность всплывает. Для малакоста эти условия дискомфортны, от возмущения он шалеет, тут мы и берем его голыми руками.

— Ну, невелика доблесть, — решил-таки сквитаться неугомонный Солигетти. — Насколько я помню, рыбешка так себе, с селедочку, разве что пасть до самого хвоста.

Про селедку он лучше бы не упоминал.

— Увы, мой юный друг, — пророкотал Лерой, — дальше селедки ваши познания в ихтиологии не продвинулись ни на йоту, да и то опасаюсь, что ассоциируются они в основном с соусами и заливками, как-то: провансаль, луковый, винный, имбирный, тминный...

— Уксусно-яблочный... — мечтательно закатывая глаза, подсказал Кёлликер.

— Мы опять отклонились. А я говорил о том, что это только в естественных условиях малакост — рыбешка не

более полуметра. В промысловых же хозяйствах разводят какой-то гибрид, по-моему, с крокодилом, потому как если у малакоста натурального пасть достигает трети от длины тела, то у наших тварей ротик ровно в половину всей особи, а длина ее — три метра с гаком!

Все представили себе лероевский «гак» и ужаснулись.

— Да, так вот. Только я вышел за своими кибами приглянуть, как там они к приемке трала приготовились, — меня на связь зовут. Наблюдатель докладывает, что прямо на меня движется вполне приличный косяк на такой-то глубине, с такой-то скоростью и приблизительной массой, которой только мне и недоставало до выполнения месячного плана. «Берем!» — кричу, и вдруг соображаю, что не доложено главное: а что за рыба? «Кто в сети просится?» — спрашиваю больше для порядка, потому как о той добыче, которая нам не подходит по своим параметрам, киб-наблюдатель просто докладывать не будет. А он, вместо того чтобы одним словом все прояснить, начинает уточнять глубину чуть не до сантиметра, среднюю массу и прочие тонкости. Что за Нептуновы шуточки?! Я на него рявкнул, но киб не робот, он интонаций не воспринимает. Бормочет свои параметры, а о главном — ни гугу. Ну, я ж тебя... Связываюсь с оперативным контролером всей флотилии и не то чтобы жалуюсь — докладываю. Тот пожимает плечами, потому что полное сходство с сардиной, а остальное после выполнения плана в трюме разобрать можно.

— Сардина в Канарском рыбохозяйстве... — скептически протянул Солигетти, но на него уже не обращали внимания.

— М-да. Но пока я сомнениями маюсь, мои кибы-рыбари уже исходные позиции заняли и трал-самохват навстречу косяку распустили. Никто из вас в такое приспособление не попадал?

Жертв не нашлось.

— Это радует. Потому как из самохвата никому еще выбраться не удавалось. Для обитателей тверди земной, не имеющих представления о работе в море, поясняю: такой трал, пока он на борту, — это что-то вроде кишки с бахромой. Внутри кишки — миниатюрные биолокаторы, вроде цепочки сарделек, автоматически нацеливающиеся на ихтиомассу. С минимальными зачатками вычислительных способностей. А наружный слой — растущий, он на определенном расстоянии от косяка начинает стремительно расширяться вверх и вниз и вырастает в сеть с нужными ячейками — эдакий кошель, готовый принять фронт косяка с

максимальной эффективностью. Коррекция ячеек постоянна, так что ускользает только мелочь, косой и положено по несовершеннолетию свое догулять. Ну, да я уже начал цитировать учебник...

Лерой кокетничал: на всех лицах отражался живейший интерес.

— Итак, трал мой ведет себя, как китовая пасть: сначала раскрывается, а затем захлопывается, а вернее, зарастает в задней части. Рыбка, естественно, нервничает — у нее на консервную банку вроде ясновиденья, хотя ученые такую возможность и отрицают. Плещется она, сердечная, под тропическим солнышком, а я гляжу и понять не могу: или с моими глазами что-то приключилось на радостях от выполнения плана, то ли я такой рыбы никогда и видом не видал. Потому как блещет мой трал на одиннадцать тонн чистейшего червонного золота!

Он снова позволил себе паузу, и напрасно, потому что все невольно посмотрели в сторону Золотых ворот, хотя ничего червонного в них не было, так, тусклая бронза.

— Ну, рыбку мою принимает сортировочный лоток, тоже не приведи вас на него попасть, и тут вся моя команда является на палубу, словно ее из кают ветром вымело. Потом ребята говорили, словно их что-то толкнуло, и шепоток послышался легонький, бормотанье такое бессвязное. И я тоже слышу: шелест. Сперва едва уловимо, словно ветерок по волнам пробежал, а потом все громче, все отчетливее: «Отпусти ты меня, старче... отпусти ты меня, старче... отпусти ты меня...» Все одиннадцать тонн разом шепчут!

— На сколько, выходит, каждая тянула? — прищурился Артур.

— Да граммов сто. Так, с карасика рыбка.

— Тогда это хор... На килограмм — десять штук, на тонну — десять тысяч, на весь улов — что-то вроде ста тысяч голов. Ничего не скажешь, должно впечатлять!

— То есть такое впечатление, что на меня вроде столбняка нашло. Но механики мои покрепче нервами оказались и сообразили, что к чему, со значительным упреждением. Я еще уши себе прочищаю на предмет галлюцинации, а в воздухе уже рыбьи хвосты так и мелькают. А навстречу им что-то летит обратно, из воды на палубу. Я поначалу и внимания не обратил, мало ли летучих рыб наши экспериментаторы развели: они давно уже лелеют планы такую промысловую рыбу сочинить, чтобы она навстречу кораблю шла, из воды выметывалась и без всякой сети сама в трюм порхала.

— Могу вас успокоить, — вмешался Кёлликер, — сия продукция все еще в перспективном плане числится.

— Я и не сомневался. Но мне-то на палубу сыпалась отнюдь не летучая рыбка. Потому как из рыбы первоклассное французское шампанское фонтаном не бьет.

— Ай-яй-яй!.. — не удержался Теймураз.

— Вот именно: ай-яй-яй. Правда, на нашем флотском языке это звучало несколько иначе. Выговорил я все, что в таком случае положено, хватаю одну рыбешку — царь водяной! Глаза — как у газели, масть — фазанья, и лепечет на совершеннейшем бельканто: «Отпусти ты меня, старче, в море...» — «Плыви, — говорю, — только чтоб на палубе ни единой бутылки больше не было!» Только моя голубка в океан-море шлепнулась, как — пок, пок, пок! — бутылки все произвели перелет за борт, а следом и все огнетушители выметнулись. Перебрала рыженькая.

— Вот что значит неточно сформулировать техническое задание, — простонал Солигетти, дрыгавший ногами от смеха.

— Ну, огнетушители мне боцман вернул, поскольку он за них отвечает. Но я как глянул за борт — там вода кипит: из глубин морских выплывает то одноместный планетоход конструкции «Ягуар — восемьсот восемьдесят восемь», то глубоководный гидрокостюм фирмы «Марссинтетик», и я нутром чую, что это еще только мелочи. И действительно, ка-ак трахнет нам что-то под самый винт, ну, думаю, конец нашей скорлупке со всем ее перевыполненным месячным планом, поскольку кто-то решил на Моби Дика живьем посмотреть. Только ошибся я. Всплывает по правому борту целая каланча со всякими лесенками, стрельчатыми окошечками да арочками. Закачалась она на волнах, сердечная, тут я ее сразу и опознал: в Пизе стоит такая, и уж какое столетье набок валится. Видно, кто-то из моих механиков — большой любитель архитектуры, решил ее выпрямить, да не оговорил место, вот она и появилась под собственным килем. Ну что же, тонет она в строго вертикальном положении (а куда ж ей деваться — тоннаж ведь свое берет!), а вокруг судна гуляет восьмерками всамделишный змей морской, метров на триста и весь изумрудно-зеленый, гадюка. И целая эстрада всплывает, а на ней, разинув пасть, победительница джазового фестиваля всех колец Сатурна с сопровождающим оркестром...

— Паноптикум, — не выдержала Серафина.

— Вам — паноптикум, а мне — самотоп. Приходится

хватать второго карася и во всю ширину легких давать команду: «Руки за спину!!!» Пока моя команда очень, заметьте, нехотя приказ выполняет, я при помощи все той же рыбьей силы аннулирую все, не имеющее непосредственного отношения к морскому промыслу, затем рычу боцману: «Держать всех под гипноизлучателем, к рыбе не допускать!» — и ныряю в рубку.

— Был хоть излучатель-то?

— А, только кобура, да и в той боцман, сластена невероятный, финики держал. Да, вызываю я командующего флотилисй, а тот полагает, что я опять с рекламацией на кибер-разведчика, и мне встречный выговор, повод ведь всегда найдется. Чтобы не кляузничал. Едва я сквозь его капитанский акустический заслон пробился, докладываю о сложившейся ситуации, а он в хохот. Не верит ни единому слову, но признает, что лихо закручено. Просит: потратьте, мол, одну никудышную рыбешку на второе солнце, поскольку при нескончаемом дне путина пойдет вдвое веселее. Зубоскалит, значит. Ну, выложил я все, камеру на сортировочный лоток направил, но крупного плана не получается. Золотые блики картину скрадывают. Убедила его только крупная золотая чешуя у меня на куртке. Задумался мой командир. Тут не то что годовой план, тут из океана в один момент рыбную солянку учинить можно. Одна беда: не в его правах и обязанностях такой приказ отдавать. Тут требуется начальство помасштабнее. Посему он оперативно связывает меня с капитан-директором объединения всех тропических флотилий.

— Тот, естественно, не верит...

— Как это вы догадались? Таки да, не верит. И показать ему ничего нельзя, потому как заседает он в Бубунимапишме — был такой город на понтонах, сейчас уже лет тридцать как пересадили его на какой-то атолл и переименовали в Мирный.

— А! — сказали все хором.

— Ну, я сейчас уже не помню, что я тогда с его капитан-директорским понтоном сделал, — крупную рыбку на то потратил, живучую... Поверили мне. Но опять же — ответственность! Как вы подсчитали, в среднем осуществимы сто тысяч желаний, и начинать надо, разумеется, с глобальных. А каких?

— Ну, я собрал бы президиум всемирной академии, как минимум, — глубокомысленно протянул Кёлликер.

— То есть доверить каким-то сухопутным деятелям то, что преподнес нам его величество океан? Ну, я посмотрел

бы на моряка, который согласился бы с вашим предложением. А посему соединяет меня мой капитан-директор с самим Управлением Мирового океана, выше у нас, флотских, уже некуда.

— Это где флаг-президентом был Коркошко? — спросил Артур.

— Вот-вот, его тогда только назначили, а я его еще по Калининградской рыбной академии помню, он на четыре курса старше меня был, но когда я назвался, узнал меня сразу. Ну, думаю, хоть тут-то не придется долго убеждать... Не тут-то было. Я ему и про Пизанскую башню, и про огнетушители, а он мне: «Ай-яй-яй, на рабочем месте и в разгар путины...» Ну, я прямо света белого невзвидел. Если я его сейчас не доконаю, то сделают посмешищем на два полушария, такие басни про меня начнут рассказывать. Потому командую уже привычно: «Боцман, рыбку!» Пихаю ее прямо в микрофон носовой частью, и она лепечет еле слышно: «Отпусти ты меня, старче...» — а в ответ хохот. Коркошко грохочет на всю океанскую акваторию.

— А вы бы на его месте не смеялись? — спросил Теймураз.

— На его месте я бы тоже смеялся. А он на своем месте мне говорит, и вполне резонно: у тебя, мол, там многодетная мать, она, ради того чтобы к своим сорванцам на пару дней в интернат сбегать, и рыбьим голосом заговорить может... Логично. Но я на своем месте беру твердой рукой под жабры вышеупомянутый фольклорно-сказочный персонаж, даю ей некоторые указания, отчего ее прямо-таки дрожь пробирает, и швыряю в иллюминатор. «Товарищ Коркошко, — спрашиваю, — перед тобой на столе ничего не имеется?» — «Нет, две бумаги на подпись...» — и осекся. Потому как появилось перед ним то, что я рыбке моей заказал, и он без дыхания на это чудо смотрит.

— А-а-а?.. — хором протянули Артур и Солигетти, но Лерой великолепнейшим образом проигнорировал их любопытство.

— Итак, молчим мы минуту, потому другую, затем Коркошко, легонечко заикаючись, спрашивает: «А из чего ЭТО сделано?» — «Из сплава платины с иридием, — говорю я мстительно, — как в Парижской палате мер и весов». — «Тогда подожди, я ЭТО в сейф спрячу... Вот так. А теперь слушай: все пригодные емкости — под аквариумы. Комиссию ихтиологов комплектую немедленно и высылаю суперскоростным транспортом. А до ее прибытия отбирай наиболее типичные экземпляры, с запасом, естественно, а

остальное — за борт. В целях воспроизводства. Вопросы имеются?» — «Имеются. Как быть с командой?» — «Действительно... Ну, долго думать не будем, по три рыбки в руки, да предупреди, чтобы все желания были строго локальными, никаких там вспышек сверхновых, остановок времени и повального бессмертия. И без нарушений устава корабельной службы. И еще: передовикам производства накинь-ка по одной премиальной». — «Разрешите выполнять?» — «Еще минутку... Многодетная мамаша там у тебя, так ты ей выдели по одному желанию на чадо, соответственно». — «Все, товарищ флаг-президент?..»

— Да, — сказал Кёлликер, — и я на вашем месте занервничал бы.

— Нервничать — это не то слово. Он тянет и тянет, а у меня единственное желание — по микрофону заклепочной кувалдой... «А теперь насчет тебя лично, — говорит. — Ты уж возьми себе еще одну единицу, чтобы выполнение плана обеспечить и выпущенный косяк компенсировать, а то знаю я тебя, все свои личные желания на это потратишь. Ну, пока все, капитан Лерой, приступайте к выполнению». — «Есть!» — и кубарем на палубу...

Лерой вдохнул терпкий соленый воздух и задумчиво поскреб серебряную шерсть на груди:

— Вылетаю я на палубу, а там — тишина. Мертвая.

Хотя весь его рассказ и был рассчитан на увеселение приунывшего коллектива, скорбный финал произвел соответствующее впечатление — никто даже не улыбнулся.

— Уснула, сердечная, — тоненько и жалостливо запричитал Солигетти. — И вместе с премиальными... И с планом месячным... И со всем прочим...

— Улов-то куда пошел? — деловито осведомился Артур, не допускавший мысли о том, что одиннадцать тонн такого добра может быть потеряно для едоков планеты.

— Что — улов! Для моих трюмных автоматических линий это — пять с половиной минут обработки. И пошли баночки: «Золотая рыбка в собственном соку»; «Золотая рыбка в томате»; «Золотая рыбка с рисом и морской капустой»...

— Ну хорошо! — подытожил Кёлликер. — Сии деликатесы вот уже шесть десятков лет как съедены и позабыты, но как там с вашим платино-иридиевым доказательством? Оно-то ведь практически бессмертно и должно было сохраниться?

— Думаю, что да. Во всяком случае, если будете в Ка-

линингради, молодой человек, зайдите в комплекс Управления Мирового океана. Ступайте прямо в кабинет директора. И там вы увидите два сейфа. Два, что, заметьте, нехарактерно. И один из них никогда не отпирается. Ни-ког-да.

— Да, — впервые за все это время подал голос Параскив, старательно массировавший больное горло. — Это убедительно.

Все помолчали, чувствуя, что проходит последняя минута их отдыха.

— Послушай, Тёмка, — шепнула Варвара в самое ухо Теймуразу, — а откуда у него этот серый круг на груди?

— А наш дед вообще большой шутник, — так же шепотом отвечал тот. — Говорят, это пластическая пересадка. Когда дед стал лысеть, он якобы уговорил корабельного врача пересадить ему лоскут кожи с шерстью с груди на темечко... Вот такой он.

Варвара невольно высунула кончик языка и облизнула шелковистые ворсинки над верхней губой, стараясь даже косым взглядом не выдать своего любопытства. Да, даже сейчас всего того, что осталось на могучем торсе, хватило бы на целую роту плешивцев. Редкостной силы старик. Так откуда же тянет нудной, вековой болью, дрожью и холодом? Не от него же?

Над узкой прибрежной полоской, ограниченной морем и отвесными скалами, растекалась томительная послеполуденная жара...

Переправа подходила к концу. Шестеро экспедиционников и несколько кибов уже миновали зловещую дыру, зияющую в золотистом теле мыса, который как гигантский пологий клин подпирал скалу и узким копьем вымстывался в море примерно на километр. Бронзовым, собственно, был не он, а ни на что не похожее кожистое покрытие, которое над проходом свисало самым хищным и непривлекательным образом.

Там, где хребет уходил в море, виднелось еще несколько дыр, и с них тоже свисало, и вода в пределах этих непериодически повторяющихся арок совсем не колыхалась.

Зато временами морщилась сама шкура. Точно зудело под ней что-то, и зуд этот начинался с самой отдаленной точки; он бежал к берегу, и шкура подергивалась все яростнее и нетерпимее, и тогда казалось, что сейчас из воды покажется когтистая драконья лапа, судорожно раздирающая золотисто-бурую плоть.

И в эти минуты кожного пароксизма из сумрачного

прохода полыхало такой жутью, тоской и оцепенением, что человека мгновенно скручивало судорогой и он, если еще мог, отползал прочь вопреки воле и разуму, повинуясь чистому инстинкту самосохранения, иначе через пару минут у него начинался паралич дыхательной системы.

Но до этого, к счастью, ни у кого пока не доходило. У Золотых ворот бывали и периоды блаженного покоя, и в Пресептории существовала легенда, будто некто Вуковуд, впрочем, сразу же со Степаниды отбывший в неизвестном направлении, в самом начале пребывания здесь людей совершил разведывательную вылазку на это побережье. Обнаружив препятствие с явным шоковым барьером, он преодолел его стремительным спринтерским броском, недаром он слыл чемпионом континента. Не земного, правда, какого-то альфа-эриданского. За ним бросился и его киб, которому было велено в любой ситуации держать дистанцию в три метра, и развил скорость, для своей конструкции просто технически недостижимую. Правда, обратно таким же образом Вуковуду пройти не удалось: Золотые ворота разволновались всерьез и абсолютного покоя от них было не дождаться. Но Вуковуд и тут нашелся: принял ампулу анабиотина и на пять минут (чтобы с запасом) впал в полную прострацию. Бездыханного и недвижного, его благополучно протащил через роковой проход его киб-рекордсмен.

Сейчас переправу осуществляли именно так — вторым методом Вуковуда. Для скорости и надежности Кёлликер предложил использовать сразу двух кибов, которые должны были переплести свои щупальца, образовав что-то вроде носилок. Но тут тихонечко подал голос Пегас, до сих пор кротко державшийся в тени Варвары, и вопрос решился сам собой. Действительно, зачем два киба, когда можно использовать одного робота.

А Пегас изначально был предназначен для переноски крупных туш животных. Правда, этим круг его обязанностей не ограничивался — вся последующая обработка тоже лежала на нем, поэтому он представлял собой удобный разделочный стол, у которого справа и слева (хотя с тем же успехом можно было сказать — спереди и сзади) помещались два начиненных микросхемами бурдючка с приданными им щупальцами, число которых при желании можно было увеличивать вдвое. В походном виде стол сворачивался наподобие корыта — в этом-то самоходном корыте и решено было пронырывать сквозь загадочную дыру.

Со стороны этот робот выглядел странновато и даже ан-

тихудожественно, но сейчас главным было то, что он совершенно нечувствителен к таким тонкостям, как биобарьеры и психоудары, что он с блеском и продемонстрировал, шесть раз прогалопировав туда и обратно, перенося одного усыпленного экспедиционника и возвращаясь за другим.

Первым, естественно, вызвался пройти опасную преграду Лерой. Сейчас возле потухшего костерка остался один Солигетти, и всей группе, благополучно пробудившейся и протершей глаза, его незагорелая тощая фигурка на залитом солнцем берегу казалась особенно хрупкой и незащищенной в мрачной раме неровного проема. Артур нетерпеливо махнул рукой: надо поторапливаться, до вторых таких же ворот, прозванных Оловянными за более тусклый цвет, было километров тридцать. Ночлег на узенькой прибрежной полоске никого не прельщал — всем хотелось добраться до более комфортабельной площадки.

Кроме того, и момент был благоприятный: странное подобие кожи сейчас не чесалось и не морщилось.

— Скорее бы, — вырвалось у Варвары, — холодает.

Параскив недовольно нахмурился: постоянно простужаясь, он терпеть не мог, когда заболевал кто-нибудь кроме него. Но Варвара имела в виду совсем другое: поначалу она чувствовала постоянный гнет, будто поблизости лежало больное животное, — вероятно, так воспринималось излучение несчастной шкуры. Но сейчас мерещилось стремительное приближение какой-то ледяной массы, и было это ни с чем пережитым не схоже.

Между тем и с Солигетти происходило что-то непонятное. Вместо того чтобы проглотить ампулу, он медленно-медленно поворачивался всем корпусом, как локатор, отыскивающий что-то в морской дали. Нашел время любоваться пейзажем!

— Может, не стоит... — начала Варвара, но Артур, не обращая на нее внимания, успел поднести микрофон к губам.

— Пегасина, подтолкни-ка этого соню! — крикнул он в плоскую коробочку передатчика, потому что проход был достаточно глубоким и простой крик мог до Солигетти с Пегасом не долететь.

Пегас, приняв радиокоманду, встрепенулся и несильно боднул свою будущую ношу под коленки. Солигетти словно очнулся, тоже схватил микрофон, крикнул:

— Варюша, а вы гарантируете, что в процессе путешествия ваш тяни-толкай не снимет с меня шкуру? — И, не дожидаясь ответа, кинул в рот ампулу, точно рассчитанную

на пять минут полного отключения организма, и опрокинулся в корыто-носилки.

— Пошел, пошел! — нервно прикрикнул на носильщика Артур, и Пегас со своей ношей ринулся в проход размашистой иноходью.

Он прошел примерно треть пути, когда девушка почувствовала, как цепенящий холод забивает ей горло колючками льдинок, и ей уже не крикнуть, и никто, кроме нее, пока ничего не ощущает, и она попятилась, отчаянно махая руками; а из гнусной дыры секла невидимая поземка, отшвыривая прочь, к морю, — и вот уже вскрикнула Серафина, и побежал, заслоняясь рукой, Теймураз, и недоуменно попятился Лерой; и они отходили все дальше и дальше, и тошнотворный липкий ужас все-таки догонял, и шкура на Золотых воротах уже пузырилась, вспухая и опадая, и на месте этих спустивших воздух мешков болталось что-то напоминавшее слоновьи уши, и они гулко хлопали, словно хотели оторваться...

— Солигетти! — вдруг закричала Серафина, и все, протирая глаза, залитые холодным потом, разом обернулись к воротам, а там, под сводами короткого тоннеля, кружился на одном месте Пегас, приседая на левой паре ног и плавно занося вперед правую пару, словно делая на льду неуклюжую перебежку.

— Пегас, слушать мою команду! — взревел Кёлликер, но было явно не похоже, что команда принята адресатом. — Стой!!!

Но робот продолжал механически выписывать круги.

— Киб-пять и киб-шесть, вытолкнуть робота из тоннеля! — снова скомандовал начальник группы, и два киба, еще оставшихся на той стороне, бросились под шевелящийся свод.

Но едва они приблизились к мерно хромающему по кругу Пегасу, как движения их замедлились, левые пары щупалец подогнулись и они, пристроившись роботу в кильватер, закружились в нелепом хороводе, наступая друг другу на пятки.

Это было бы смешно, когда бы не несло с собой смерть.

Теймураз первым ринулся к невидимому барьеру, но тут же запнулся, его скрючило, швырнуло на землю. Лерой оттащил его и бросил на руки Артуру, но и сам не продвинулся дальше ни на шаг. Шкура продолжала вздуваться и передвигаться; море, на которое никто не обращал внимания, тоже было покрыто непонятно откуда взявшимися валами, над которыми с ураганной быстротой проносились

клочья медово-желтой пены. Проскочил вдоль берега даже айсберг, золотящийся рыжими искрами, — не айсберг, разумеется, потому что скользил он, словно на воздушной подушке, но едва его янтарная громада исчезла где-то слева, в стороне Оловянных ворот, как вдруг стало удивительно тихо и тепло.

Шкура в последний раз шлепнула складками и замерла. Пегас устало подогнул ноги и улегся прямо под болтающимися лоскутьями свода. Кибы последовали его примеру.

На них кричали, им грозили, их умоляли, но они только пошевеливали конечностями, словно во сне продолжали делать свою перебежку по кругу. Так прошло еще пять бесценных минут. Наконец Пегас поднялся и нехотя затрусил вперед. Все молча смотрели, как он приближается, и невольно отводили глаза. Наверно, всем им впервые приходилось видеть лицо человека, которому не хватало воздуха. Впрочем, и во второй раз это не легче.

Параскив уже ждал с развернутым полевым реаниматором, и Серафина вытряхнула из аптечки все ее содержимое, и тем не менее вряд ли у кого-нибудь оставалась хоть искра надежды. Семнадцать минут пробыл Солигетти под страшным сводом. Пять минут — в анабиозе. Но когда действие ампулы закончилось и он проснулся, Пегас находился в самом центре излучения. Никто не услышал ни единого звука — вероятно, едва придя в себя, он мгновенно потерял сознание. И еще целых двенадцать минут он пробыл там, и никто не смог бы сказать, сколько из них он еще дышал. Потому что при такой силе излучения хватило бы секунд...

И все-таки почти час Параскив с Серафиной бились, пытаясь совершить невозможное.

— Всем готовиться к обратному переходу, — коротко приказал Кёлликер, когда этот час истек. — Попытаемся вернуться по верху, взобравшись на скалу. Кибам сложить груз и забивать скобы по программе «Скалолаз». Всё.

Параскив закусил губы, наклонился как можно ниже, чтобы не было видно его лица, и сложил полиловевшие руки Солигетти на груди. Выпрямившись, он оглянулся по сторонам, заметил понуро стоявшего Пегаса и, схватив его за щупальце, намотал его на руку и рывком подтянул робота к себе:

— Отвечай, скотина, почему ты это сделал?

— Не понял вопроса, — коротко отвечал робот.

— Почему ты ходил по кругу? Почему не вперед?!

— Получил приказ. Из двух приказов выполняется последний.

Все на секунду забыли о Солигетти.

— Чей приказ? — крикнул Кёлликер.

— Человека.

— Но мы молчали, а тот, что находился на носилках, не мог говорить: он был в анабиозе!

— Воспроизвести приказ не могу ввиду отсутствия у меня звукозаписывающего блока.

Варвара тихонечко потянула Кёлликера за рукав:

— Не кричите на него, Артур. Все равно здесь и сейчас мы не сможем установить, чей приказ он выполнял. Тем более что его получили и ваши кибы. Боюсь, что это останется очередной неразгаданной загадкой Степаниды.

— Пока неразгаданной, — проговорил Теймураз, подходя сзади к девушке и опуская смуглую руку на ее плечо.

Он как будто брал ее под свою защиту. Еще бы, ведь Пегас был ее личным роботом. Варвара вздохнула — ну до чего же надоел собственный независимый характер, — даже такую вот дружескую легкую руку потерпеть на своем плече она не могла. Она присела, ускользая от этого прикосновения, и пошла к морю. Села лицом к воде, чтобы не видеть того, кто лежал сейчас на серой гальке. Человек умирает не сразу, во всяком случае, не за те двенадцать минут, когда его безнаказанно душило черное излучение ворот. Его тело умирало еще и сейчас, и на эту тягостность исчезновения, перехода в небытие, накладывался пульсирующий, как застарелый нарыв, вековой недуг полуживых-полумертвых чудовищ, именуемых воротами.

Она расшнуровала ботинки, опустила ноги в теплую воду, в которой не виднелось ни искорки недавнего янтаря. Вечер был почти по-земному сказочен.

Силы небесные, да кто же сотворил такое с безвинной Степухой, что на ней людям жить невмоготу?!

За спиной тихонечко заверещал настраиваемый передатчик.

— База... база... вызываю базу... — каким-то неживым, обесцвеченным голосом повторял Кёлликер. — База... Что, база? Нет, не Сусанина, прошу самого. Да. Жан-Филипп? Докладывает Кёлликер. Мы возвращаемся. Дело в том...

— Отставить! — загремело над берегом. — Всем оставаться на местах. Ждать дальнейшей связи!

И наступила тишина.

Потом заскрипела галька — все отходили от тела Солигетти и собирались возле передатчика. «Зачем они так толпятся? — с досадой думала Варвара. — Голос у начальника базы такой, что его прекрасно слышно и по ту сторо-

ну ворот. Зато в такой тесной группе не уловишь ни острого холода, прилетающего с моря, ни болезненного зуда несчастной шкуры. А ведь именно этих сигналов опасности и надо было слушаться. Ворота не просто так взбесились и удесятерили силу своего излучения — беда пришла с моря вместе с беззвучной янтарной бурей. Она пронеслась вдоль берега и задела нас только краешком, но на Солигетти и этого хватило. А винить будут неповинного Пегаса. Мало, от меня шарахаются, Варвара-кожемяка, мастерица по спусканию шкуры — к этому я привыкла. Издержки экзотической профессии. Но теперь и роботов перестанут выпускать за стены Пресептории. А ведь именно с ними мы прошли бы этот маршрут совершенно спокойно и безболезненно. Проскочил же Вуковуд без всякого анабиоза и с одним безгласным кибом! Идти нужно было втроем: я, Пегас и Пегги. Сделали бы кучу снимков. Взяли пробы...»

И тут же за спиной загрохотал прежний голос:

— Внимание, группа Кёлликера! На территории базы чрезвычайное происшествие: пропал ребенок. С момента его исчезновения прошло около сорока минут. В это же время со спутника-наблюдателя замечено значительное скопление желтых фантомов, которые на скорости, превышающей все, зафиксированное ранее, перемещались в восточном направлении. То есть к вам. Вашей группе поручается тщательный осмотр побережья на восток от Золотых ворот. Остальное сделаем силами Пресептории. Вопросов нет?

— Вопросов нет, — отвечал Артур.

Голос его был неправдоподобно спокоен.

Передатчик отключился, несколько минут продержалась пауза, и тогда командир группы уже со своей стороны осведомился:

— Так есть вопросы?

Вопрос был один, и его задал Теймураз:

— Совпадение?..

— Нет! — вырвалось у Варвары, и все обернулись к ней.

— У вас есть какие-то факты, доказательства? — жестко проговорил Кёлликер.

— Нет... Но я чувствую, что все, происходящее на Степаниде, связано в единую цепочку.

— Артур, мы теряем время! — простонал Параскив.

— Нет, — в третий раз упрямо повторила Варвара, вытаскивая ноги из темной воды и косолапо ступая по острой гальке. — Если мы наконец разберемся в том, что

происходит на вашей распрекрасной Степухе, мы не потеряем времени даром. Потому что иначе мы будем искать вслепую!

Она стояла одна против всех, взлохмаченная, с подвернутыми до колен брючинами, — маленький драчливый воробей, — но никто из пяти опытных экспедиционников не знал, что ей ответить.

Поэтому отвечать за всех пришлось Лерою.

— Светозар прав, — сказал он, словно ставил точки после каждого слова. — Времени, чтобы апеллировать к разуму, у нас нет. Будем искать вслепую. Тем более что мы все равно не знаем, в чем причина янтарного бунта по всему побережью. Ведь до сих пор человек на Степухе был неприкосновенен... В Пресептории произошло что-то, давшее толчок... Но что?

Никто, естественно, не мог ему ответить. И вдруг раздался чуточку скрипучий голос — это вмешался Пегас:

— Начальник биосектора Сусанин планировал эксперимент по захвату проб янтарной пены с помощью второго робота.

Теперь все обернулись к нему. Совершенно очевидно, что у каждого мгновенно родилось, по крайней мере, по одной гипотезе и по три вопроса, но Артур вскинул руку:

— Стоп! Никаких дискуссий! Мы выступаем.

И тут к привычному шороху гальки примешался еще какой-то посторонний звук — глухое тяжелое шлепанье. Все как по команде посмотрели в сторону Золотых ворот и обомлели: из них выходила асфальтовая горилла, громадная даже по здешним масштабам. Шкура ворот морщилась и дергалась, но обезьяна шла, не испытывая ни малейших неприятных ощущений. Она приблизилась к недоумевающим людям, спокойно обошла их, словно это была куча камней, нагнулась и подняла тело Солигетти. Затем грузно развернулась, как полевой вездеход, и двинулась обратно к воротам, небрежно зажав свою ношу под мышкой. Серафина всхлипнула, размазала слезы кулаком и выдернула из кобуры десинтор. Все видели и молчали. Она прилегла, упершись локтями в камни, тщательно прицелилась, нажала спуск.

Заряд угодил обезьяне точно между лопаток; ослепительно белое пятно высветилось на темно-серой коже, как будто она раскалилась добела. Удар, который свалил бы гиппопотама, только слегка качнул гигантскую тушу, продолжавшую мерно шагать под бахромчатыми сводами зудящих ворот. Белое пятно начало разрастаться, сереть, вот

оно уже расползлось по всей спине и стало неразличимо. Асфальтовый монстр уходил безнаказанно, унося тело товарища, и никто не мог этому помешать.

— Всем собираться. Подъем! — жестко скомандовал Кёлликер.

«Шпалы» вымотали всех. Ну, добро бы километр, от силы два, но вот уже семь тысяч каменных брусьев отсчитал киб-шагомер, и конца им не видно в ночной темноте. Ширина каждого бруса сорок сантиметров, расстояние между ними семьдесят один сантиметр, и оно выдерживается неизменно. Освещенные мощным прожектором, закрепленным на переднем бурдюке Пегаса, они напоминают безупречный ряд весел, торчащих из борта старинной галеры. Внизу плещется море. Странно, ведь в отчете Вуковуда говорилось, что «шпалы» располагались вровень с водой.

Понижение уровня моря? Первый километр вода действительно плескалась под самыми ногами, но сейчас до желтой, шуршащей пены было добрых полтора-два метра.

Отлив?

Приливов и отливов на Степухе не бывает.

Люди и кибы, составляющие одну цепочку, могли бы еще идти и идти, но Кёлликер объявил привал. Оно и следовало, потому что не обеспечивалось главное — тщательность осмотра.

Палатку поставили с максимальной предосторожностью, прикрыв ее сверху и снизу силовой защитой, способной отразить даже прямое попадание молнии, не говоря уже о таких мелочах, как каменная осыпь. К гладким брусьям палатка прикреплялась специальными вакуумными присосками, так что отодрать ее мог разве что стотонный подъемный кран. Так что ни ветра, ни внезапного удара волн можно было так же не бояться. И тем не менее всех кибов вместе с Пегасом разделили на две группы и отправили на всю ночь в бессменный караул, наказав держать дистанцию в пятьдесят метров. Ближайшие к палатке кибы должны были наблюдать за уходящей отвесно вверх скалой. Осыпь осыпью, а ведь может какое-нибудь непредставимое пресмыкающееся и на брюхе приползти, биоприсоски давно изобретены эволюцией.

Кибы, расположившиеся подалее по обе стороны от палатки, должны были не спускать глаз с моря и, что бы ни появилось, лодка или рыба, в любом случае подавать сигнал тревоги.

В ведении последней пары сторожей было небо, которое, казалось, касается каменных «шпал». Так что все подходы к вынужденной стоянке более чем строго контролировались. Теперь можно было отдохнуть.

Кёлликер еще раз проверил посты и полез в палатку. В первую вахту стояли Варвара и Теймураз. Правда, в пару с юношей почему-то усиленно набивался Лерой, что даже удивило девушку, но Артур справедливо решил, что первая смена — самая легкая.

Вот она и досталась новичкам.

Полноводный Млечный — а точнее бы сказать медовый — Путь, полнолунно мерцая, тек над самым горизонтом, отражаясь в воде. Неповторимость степухинских ночей как раз и заключалась в том, что от земной луны дорожка, как правило, ложится прямо под ноги, а эта тянется слева направо, во всю морскую ширь, с трудом угадываемую в ночи. Янтарная полоса, перечеркивающая небо над самой водой, странным образом соединяет в себе и прозрачность, и насыщенность, и эта прилегшая на бок Галактика так близка, что из нее беззвучно капают в море бесчисленные звезды; капают, но не тонут, а золотой сазаньей чешуей искрятся на поверхности воды, чтобы погаснуть к рассвету.

Но до рассвета еще три вахты.

Варвара сидела шагах в десяти от палатки, подтянув коленки к груди и положив на них подбородок. Приблизился Теймураз, прыгая в темноте с одного каменного бруса на другой, — он видел, как кошка. И все-таки не оступился бы... Впрочем, плавает он недурно, а судя по шуму воды, здесь глубоко, подводных скал быть не должно — падать не страшно. Купаться — тоже.

Весь сегодняшний день Варвара чувствовала, как он отдаляется от нее, хотя от этого путешествия она ожидала обратного. Что же делать, таково влияние коллективного мнения. Разлюбезная их Степуха, как супруга кесаря, должна быть вне подозрений, и если что здесь и происходит, то это только совпадение случайных обстоятельств и ни-ка-кой злой воли. Ну, закрутило в психогенном омуте неосторожного Солигетти. Ну, унесло шальной волной маленького Степку. Так на то и опасность пребывания на незнакомой планете. На том они все и стоят.

Теймураз гибким движением распластался на каменной поверхности «шпалы», свесил лицо к воде. Глаза его засветились красноватым фосфорическим светом, как у волчонка. Не иначе как пришел нравоучения читать на ночь глядя.

— Варенька, — начал он как можно мягче, — мне кажется, что ты намеренно противопоставляешь себя всей нашей группе. Да что я говорю — всей Пресептории! Но нельзя же лелеять собственный характер в тот момент, когда погиб человек и к тому же куда-то запропастился ребенок. Я понимаю, у тебя возникли какие-то недоумения по поводу здешних феноменов, но ведь на каждой чужой планете свои феномены. Их нужно просто принимать как данность и избегать. Ведь существу, прибывшему на Большую Землю с планеты, где нет вулканической деятельности, извержение Этны наверняка показалось бы испытанием ядерного оружия...

— Послушай, помолчал бы ты хотя бы ночью, а? Именно в силу того, что погиб человек и исчез ребенок. А что касается моего недоумения, то я его трачу на более подходящие случаи жизни. Вот, например, ваши северные, то есть тамерланские, сияния. Куда они подевались?

— Хм... В их появлении не было закономерностей...

— Одна была. Я проверяла у Оленицына. С момента рождения Степки сияния зажигались каждый вечер. В разное время и с бесчисленными вариациями, но обязательно ежевечерне. Но вот уже второй час ночи, а сияния нет как нет.

— Ну подождем...

— Ждать нечего — его не будет.

— Слушай, Варька, а не слишком ли много ты чувствуешь... Или воображаешь, что так?

— Сколько могу. И я действительно это чувствую. Чем? Да спиной. Чуть пониже того места, куда Серафина сгоряча влепила полный заряд. Счастье этих кибов в том, что в них сверхвысокая защита, которая на Большой Земле никому и не снилась.

— Каких кибов, каких таких кибов? — Теймураз даже подскочил, оттолкнувшись руками и ногами от камня.

— Тех, которых вы называете асфальтовыми обезьянами. У них отсутствует биоизлучение, в первую встречу я не разобралась, что к чему, слишком уж страшно все было с оленем... А сегодня я уже ошибиться не могла. Это не животные.

— Ты считаешь, что эти чудища — хозяева Степухи?

— Не кричи, людей разбудишь. Не хозяева. Заместители. Или надзиратели, если тебе угодно. Надсмотрщики.

— Ну, знаешь, бывают нелепые фантазии, но чтоб придумать такое просто так, с потолка... Мы ж от этих горилл

ни клочка шкуры в руках не держали, ни косточки, ни волоска!..

От волнения он вскочил на ноги и зашагал прочь, направляясь к ближайшему сторожевому кибу. Первым движением Варвары было остановить его, договорить, но ведь никаких доказательств у нее, кроме собственных ощущений, не было. А здесь доверяли только логике. Ну вот и пусть побродит в темноте, посты проверит. Ночью, да еще и под такими звездами, иногда человека касается приобщение к истине. Вот и пусть идет.

Из палатки высунулась чья-то голова, повернулась туда-сюда. Лерой. Выпрямился во весь рост, углядел слева удаляющуюся фигурку Теймураза и двинулся за ним. Он размеренно шагал с одного бруса на другой — уж кому-кому, а Лерою с его гигантским телосложением прыгать было ни к чему. «Вот нянька нашлась!» — с непонятной досадой подумалось Варваре.

У нее не было неприязни к старику, хотя время от времени он возобновлял свою непонятную игру и настоятельно просил девушку ни в коем случае не забыть про какую-нибудь кохню стелющуюся или жимолость узкоцветковую — в таких случаях Варвара просто тихонечко отодвигалась от него и выключалась из разговора, словно названные им цветы вырастали в цепкую и непреодолимую изгородь между ними.

Но сейчас его навязчивая забота о Теймуразе показалась девушке особенно неуместной, потому что посидеть бы ему одному в тишине и подумать. А Лерой обязательно отвлечет.

В мерцающем свечении моря было видно, как две фигуры подошли к сторожевому кибу, присели и пропали, слившись со стеной. Море было темно-коричневым, как необъятная чашка кофе, и золотистый пар подымался от его прохладной поверхности вопреки всем законам физики и метеорологии. Ну что же, они по-своему правы, эти фанатики, эти обожатели сказочной Степухи. Они правы правотой загипнотизированного лягушонка: голодный уж подполз на расстояние одной пяди, а в его круглых глазенках все еще отражается несказанная красота васнецовского пруда с замшелыми валунами и неприкаянной осокой...

Еще одна голова показалась над палаткой — контуры великолепной бороды выдавали Параскива. Ну, понятно: если уж Лерой покидал помещение, то это не могло остаться незамеченным. Просто удивительно, если он не перебудил решительно всех.

Бородатый биолог запрокинул голову, минуты две старательно массировал горло, только потом огляделся. Заметив девушку, он несмело двинулся к ней, осторожно переступая по «шпалам». Был он в свитере и трусах, и его голые ноги призрачно белели в темноте. Он переступил через лежащую ничком Варвару, плюхнулся рядом и мечтательно уставился в мерцающую даль.

«Сейчас разверзнутся поэтические уста, — обреченно подумала девушка, которой никак не удавалось посидеть в тишине. — А ведь вчера я была бы на седьмом небе от такого соседства...»

— Вы напрасно нападали на Темрика, — неожиданно деловым тоном проговорил Параскив. — Мы закладывали в наш БЭМ — большой электронный мозг — все данные по сияниям: время появления всех фаз, продолжительность, высоту слоев, частотные характеристики... Никакой системы. И ни малейшего подозрения на связь с возмущениями здешнего светила. Забавно?

— Нет, не забавно, — отрезала Варвара. — Просто не серьезно. Ведь это не математическая проблема, и если вам так хотелось устанавливать причинные связи, то гораздо результативнее было бы искать их между, скажем, цветовой гаммой сияний и вспышками ностальгии у Лероя, потерей аппетита у сэра Артура или капризами Степки Пидопличко.

— Ну и фантазия у вас! Понимаю теперь, почему вы так быстро нашли общий язык с Темриком: это совершенно невозможный мальчишка, с которым родная мама договориться не может. Вот и вы из той же породы.

— Кстати, о породах: из чего, по-вашему, эта скала?

Светозар от неожиданности дернул бородой:

— Э-э-э... Гранит, наверное. Впрочем, я не специалист.

— Я, к сожалению, тоже. А эти «шпалы»?

— Ну, не знаю...

— Даже для человека, никогда не занимавшегося минералогией, очевидно, что это совершенно разные породы. Как же это получилось? Они словно выходят из стены, но не видно ни трещинки, ни зазора. Но самое главное, Светозар: мне все время чудится, что они — живые.

Светозар отчаянно закрутил головой, словно ища поддержки, и таковая тотчас явилась в лице начальника группы.

Кёлликер подошел, печатая шаг, точно легионер, обошел Варвару и Параскива и проговорил неожиданно мягко:

— Тише, молодежь, Серафину разбудите.

Молодежь пристыженно замолчала. Облако пара, подымавшегося в ночное небо, сжалось и напоминало теперь стремительно и бесконечно мчащийся ввысь золотой столб.

Вернее, призрак столба.

Будь это на Большой Земле, сюда мчались бы на полных парах все исследовательские суда мира. А на Степухе такие вещи — даже не феномен, а так, рядовое явление природы...

— У каждого свежего человека, — задумчиво изрек Кёлликер, — на чужой планете должна появиться хотя бы одна свежая мысль. Это непреложно. Но ваша беда, Варенька, в том, что у вас слишком много свежих мыслей. Вы ершитесь по каждому пустяку, даже такому, который уже нами рассмотрен, обнюхан и просчитан во всех вариантах. Вам за каждым кустом чудится нечто зловещее. Но нельзя же спокойно жить и работать в мире бесчисленного множества пугающих вас мелочей! Выберите себе одну какую-то проблему, первоочередную, и занимайтесь сю... в свободное от работы время, чтобы не получить очередной выговор от Сусанина.

— Я ее не выбирала, эту одну, первоочередную проблему, — сердито фыркнула Варвара. — Она появилась сама собой. И я только дивлюсь, как вы-то ее не видите. А проблема простая: где первопричина всего того, что здесь происходит?

— В вашей фантазии, вот где, — устало проговорил Кёлликер. — Давным-давно, чуть ли не в средние века, родился такой принцип: не изобретать новых сущностей, пока можно обойтись старыми.

— А, знаю! Принцип монашка Оккама. Аскетизм мышления.

— Послушайте, Варенька, — не выдержал Светозар, пытавшийся натянуть свитер на свои зазябшие колени. — Вы ведь молодая, прелестная девушка! Так почему же вы разговариваете, как вычислительная машина с лингвистической приставкой?

Варвара, лежащая ничком, замычала от отчаяния и стукнулась лбом о гулкий камень. Странно, как будто «шпала» внутри пустая... Хм, еще одна мысль, мелкая и свежая, как весенняя корюшка. Действительно, уж чересчур много их появляется за последнее время. Во всяком случае, вслух. Хватит. Зачем Сусанин зачислил ее в эту группу? Фиксировать на пленку все происходящее. А какой с фотографа спрос в темноте? Лежи и помалкивай.

Она лежала, и странная тяжесть наваливалась, напол-

зала на нее сыпучими дюнами. Руки и ноги отяжелели, как тогда, у Золотых ворот. И холод, только теперь не с моря, а сзади, от шершавой поверхности стены. Неужели гравитационное воздействие? Тогда почему все остальные не чувствуют?..

— Тревога! — зазвенел из невидимой дали голос Пегаса.

Параскив вскочил, Варвара с трудом подняла голову.

— Да что это с ним? — недоверчиво и брезгливо протянул Светозар. — Или на него распространилась ваша мания подозрительности? Почему он один поднимает тревогу, когда все остальные кибы молчат?

— Пошли, выясним на месте, — распорядился Кёлликер. — Оружие какое-нибудь с собой? Нет? Тогда захвати еще и...

По тому, как осекся голос командира группы, Варвара поняла: опять непоправимое. В низкое небо впилась малиновая ракета, над ухом гаркнули, словно подзывали собак: «Кибы, ко мне!» — и Варвара, с трудом отталкиваясь от каменного бруса, попыталась подняться на ноги. И в тот же миг, словно в ответ на ее движение, камень дрогнул и плавно заскользил вниз. Девушка взмахнула руками, стараясь сохранить равновесие, и едва удержала крик: на том месте, где несколько минут серебрилась шестиместная палатка, зияла чернота провала.

Ни палатки, ни доброго десятка «шпал». Гладкая стена.

Каменный брус, на котором она стояла, неслышно коснулся поверхности моря и несколько раз качнулся, точно поплавок. Страшная тяжесть исчезла, но не совсем: она точно сконцентрировалась в ступнях ног, намертво приклеивая их к отполированному камню. Но вот вода замочила ноги по щиколотку, и последнюю тяжесть тоже как будто смыло.

— Фонарь! — крикнула Варвара. — Скорее дайте фонарь!

По черной стене метались световые диски — это мчались кибы. У первого же, который подбежал и круто затормозил, раскидывая щупальца и присасываясь к камню, чтобы не свалиться в воду, выхватили фонарь и протянули девушке.

— Не пускайте ее! — раздался с той стороны срывающийся голос Теймураза.

Никто ему не ответил, и Варвара, не успев даже надеть маску, бесшумно ушла под воду.

Кофейный мрак сразу же погасил ощущение глубины.

Это не было мутной сепией каракатицы — вода оставалась совершенно прозрачной, как очень свежее пиво. Никогда не плавала в бассейне с пивом. Что, уже головокружение? Нет. Нужно собраться в комок и заэкранироваться от посторонней информации в любой форме. Только — палатка. Серебристая палатка.

Герметический походный фонарь давал тугой, осязаемый конус света. Темно-серая шершавая стена словно обтянута кожей асфальтовой обезьяны. Ломкая прозрачность глубины. Над головой, примерно в метре под кромкой воды, одна застывшая «шпала». И все. Ни жгутка водорослей, ни парашютика медузы. Стерильность.

Она вынырнула, быстро велела:

— Какой-нибудь груз!

Очень пригодился бы старый моноласт, но Варвара не стала о нем упоминать, потому что он находился в палатке.

Странно, что не всплыло ни одной тряпки или чехла — ведь в чем-то же был пузырек воздуха...

Артур со Светозаром оказались сообразительнее, чем она думала, — груз ее уже ожидал. Похоже, сумка с консервами. С той стороны кто-то неловко, как клецка, шлепнулся в воду.

И без фонаря.

Но наводить порядок времени уже не оставалось. Варвара зажала ногами груз и пошла в глубину.

Теперь — только самоконтроль. Если выйти из строя, то никто уже не нырнет глубже. Все они этого не умеют. Не приспособлены не столько от рождения, сколько от пренебрежения к тренировкам. Так. Это начало, метров двенадцать. Снять напряжение с головы. Дальше. Пятнадцать метров. Двадцать. Что-то ближе к тридцати. Что это за движение там, внизу?

Она выхватила из-за пояса свой неразлучный нож, предмет беззлобных насмешек окружающих. Нет. Не защищаться, разрезать палатку, чтобы не путаться с выходом...

К счастью, хватило выдержки подождать. Четкие тени вырастали из глубины — призрачно скользящие вдоль скалы брусья. Девушка выпустила груз, резко оттолкнулась от стены, чтобы пропустить мимо себя этот тяжеловесный частокол. Те, что оставались наверху, неверно поняли и начали быстро выбирать веревку с привязанной сумкой. Ничего. Хотя перепугаются, конечно.

Загадочные камни мертво и безразлично прошли вверх. Ни малейших следов палатки на них не обнаружилось.

Варвара, предчувствуя, что сейчас бросятся в воду все

остальные, проворно всплыла. Выбралась на «шпалу», секунд двадцать отдыхала — выравнивала дыхание. Ей не задали ни одного вопроса. Она огляделась: ровный каменный забор лежал плашмя на воде, насколько хватало света. Метрах в двадцати кто-то барахтался, часто и бессмысленно ныряя. Конечно, Теймураз.

— На какую глубину погружения рассчитаны кибы? — спросила Варвара, хотя больше всего на свете ей хотелось попросить глоток воды.

— На пятнадцать метров. Что, спускать?

— Не имеет смысла. Я уйду гораздо глубже.

И снова в воду. Теперь — только глубина, ни доли секунды задержки и сколько можно выдержать. Не бездонная же пропасть? Хотя зачем бездонная? Достаточно ста метров. Ведь в самых комфортных условиях ее рекорд — семьдесят метров. А акваланг остался в палатке. Почему ничего не всплыло? Ведь вход в палатку был открыт. Невероятно...

Она старательно перебирала в уме мелочи. Не позволяла только себе подумать о том, что в палатке спала Серафина...

В голове стучало до зелени в глазах. Казалось, на такую глубину она не опускалась ни разу. Сейчас ни о чем не думать, только о собственном сердце, легких, печени. Все они казались кровавым, спрессованным комом, их надо было разъединить, зализать невидимым языком, уговорить потерпеть хоть полминуточки...

И тут в глубине что-то затеплилось. Палатка всплывала, и не прямо под Варварой, где ей надлежало бы быть, а гораздо дальше от берега. Палатка... или что-то другое. Потому что снизу к Варваре плавно тянулись два огромных призрачных лепестка, напоминающих два исполинских листа ландыша, каждый величиной с лодку, и вообще это были не листья, а нежные теплые руки, и девушка чувствовала, как сладко и уютно будет спуститься на такую тепло-мерцающую ладонь, и тогда другая рука бережно и невесомо накроет ее сверху...

И ничего не всплывет. Ни пузырька воздуха.

Тело автоматически рванулось, уходя от манящих рук, прежде чем мозг успел отдать четкий приказ. Вверх!

Ее вытащили на камень, и она сразу же перевернулась лицом вниз, чтобы не заметили кровь, обильно текущую из ушей и носа. Она снова ничего не сказала, и ее опять ни о чем не спросили. Кто-то нырнул, кажется, Параскив, и минуты через полторы вылез обратно без малейших впечатлений. Значит, мерцающие ладони — это был театр

персонально для нее. Рядом послышалось гуденье, словно кто-то включил старинную паяльную лампу. Девушка повернула голову и увидела, что командир, откорректировав свой десинтор на ближний прицел, выплавляет в поверхности скалы какой-то знак, — это было латинское S.

— Сейчас... — выдохнула Варвара. — Сейчас я нырну еще.

«Шпалы» угрожающе качнулись и зашлепали по воде.

— Уходим, — словно не слыша ее, негромко скомандовал Кёлликер. — Норегу — на робота. Счастье еще, что он единственный не сложил свой груз в палатке, — у нас есть лодка.

Лерой, все еще голый по пояс, серебрящийся седым волосом в свете аварийных фонарей, поднял девушку и положил ее в корыто Пегаса. «Как чучело зайчонка», — подумала Варвара.

В корыте было мягко: лежала надувная лодка.

— Кто-нибудь помнит, — пробормотала Варвара, отчаянно борясь с дремотой, — во что был одет Вуковуд, когда проходил этим маршрутом? Не в легкий ли скафандр?

— С автоматической защитой, — скупо подтвердил Артур.

Такой скафандр не защищал от психогенного излучения и сам по себе не спас бы ни Серафину, ни Солигетти. Но Варвара имела в виду совсем другое. Не было только сил объяснять.

— Кстати, — сказал Теймураз, наклоняясь над девушкой, — дай-ка я сниму с тебя мокрос...

Оловянные ворота обошли на резиновой лодке. Кибы с Пегасом беспрепятственно прошествовали через низенький тоннель, люди рисковать не могли: с базы сообщили, что пока поиски не дали ни малейших результатов. Специально высланный инфракрасный зонд еще до рассвета прошелся над всей прибрежной полосой, включая два мыса с воротами. Ничего. Впрочем, на него надежды было мало: ниже десяти километров он и опускаться-то не смел, а такая дистанция наблюдения никого не удовлетворяла.

Узкий арочный мыс был осмотрен людьми со всей тщательностью и с минимального расстояния, какое только позволяли уже знакомые спазмы чесотки, нападающие на тусклую оловянную шкуру ворот без всякой видимой причины.

Шкура и вода, и ничего, кроме этого.

Зато сразу за воротами начинались форменные джунгли — кустарники, топь, непроходимость. Барьерный хребет, не оставляя места никакому предгорью, лиловатой стеной уходил в глубь материка. Едва заметные сколы, выступы, пещерки, все с острыми краями, но без глубоких впадин, — там никто укрываться просто не мог. Скальной растительности тоже не наблюдалось. Унылый мир, ничего не скажешь. Примерно через два часа через хребет перевалит вертолет с автопилотом, доставит продовольствие и дополнительное снаряжение. На базу Жану-Филиппу сообщили только, что потеряли весь багаж. Без подробностей. Хватит им забот с поисками малыша, пусть не отвлекаются.

Сейчас все сидели метрах в шестидесяти от моря на естественном карнизе, который подымался на высоту примерно в человеческий рост. В маленькой нише чадил лиловатый костерок, почти не дававший тепла, но испускавший гиацинтовый аромат. Солнце, тусклое, как старинная никелевая монета, только что встало и, не успев оторваться от горизонта, едва просвечивало сквозь пряные и терпкие испарения, курящиеся над зеленью.

— На редкость пахучий мир, — раздраженно заметил Параскив, исследовавший единственную уцелевшую сумку с консервами. — Дрова и те благоухают, точно горит парфюмерный магазин... Бедные мои консументы, как говаривала Кони, да здесь же одна сгущенка! Что будем делать?

— Открывать. Норега, дайте-ка нож.

У Варвары сошлись над переносьем пушистые брови — совсем не для консервных банок берегла она это отлично закаленное лезвие. Но приказы командира не обсуждаются.

— А вот и бифштекс движется, — задумчиво заметил Лерой, обеспечивавший кухню Пресептории свежей дичью.

Но достаточно было беглого взгляда, чтобы убедиться: слова Лероя — только грустная шутка по поводу скудости их завтрака, потому что зверек, выпорхнувший из-под кустов, был просто прелестен — шерстка шиншиллы и голубые вибриссы дрожащим венчиком. Он наткнулся на кибов, расположившихся под карнизом, и замер на задних лапах, подняв сиреневый нос.

— Ни-ни! — строго сказал Кёлликер.

Варвара уже знала, насколько острой проблемой было для базы еженедельное разрешение на отстрел буйвола или антилопы. Она-то надеялась на целую кипу шкур, а оказалось — кот наплакал. Окрестности Пресептории изобиловали дичью, но страшный призрак земных стеллеровых коров витал над кухней.

Зверек наклонил усатую мордочку, обозрел людей без особого интереса и невозмутимо запрыгал под тень кустарника.

— Бурундуковый кенгуру, — зачарованно прошептала Варвара. — В атласе Сусанина его нет... Кстати, судя по нему, под кустами не может быть болота. И возможны поляны.

— В атласе Сусанина много чего нет, — вздохнул Лерой. — И главное, там не сказано, как, почему и зачем развели на этой планете таких вот зайчиков...

— Браво, Лерой! — отозвалась Варвара, мгновенно забывшая свое ночное решение не ввязываться больше ни в какие споры. — Наконец-то нашелся еще один человек, которого тревожит главное: КАК, ПОЧЕМУ и ЗАЧЕМ творятся чудеса на Степаниде?

— А вы что, беретесь отыскать причины того, что случилось вчера в Пресептории? — хрипло, словно с трудом проталкивая слова через сузившееся, ободранное болью горло, выкрикнул Параскив. — И в том, что стряслось в воротах? И ночью на «шпалах»?

Он наклонился прямо к ее лицу, но глядел не в глаза, а выше, туда, где сходились пушистые сердитые брови. Ну, да, чучельница, новичок на дальней планете — что с нее возьмешь? И вот такой, измученный, побелевший после бессонной ночи, он был еще краше... И холоднее. И ненужнее.

— Пока нет, — сказала она жестко.

— Пока?

— Да, пока. До тех пор, пока не найдется ответ на тот главный вопрос, который я ночью так и не успела вам задать: за кого принимает нас НЕЧТО, действующее на Земле Тамерлана Степанищева? Кто мы для него: животные? Роботы? Разумные существа? Явления природы?

Но и теперь ответить ей не успели: где-то слева, за птичьей головой остроконечного пика, послышалось натужное гудение. Вертолета видно не было; опасаясь загадочных каверз со стороны моря, над которым с роковой неизбежностью рушилась самая совершенная техника, он держался в заданных пятистах метрах от берега и полз буквально на брюхе, прижимаясь к горам. Он терял в скорости, но зато прибыл невредимым.

— Так, — сказал Кёлликер, — дискуссия откладывается. Я, Светозар и все кибы разгружаем вертолет. Лерой, Теймураз и Норега производят рекогносцировку, то есть попросту осматриваются, желательно отсюда, сверху, и с

предельной осторожностью. С первым же кибом я пришлю генератор защитного поля, не знаю уж, насколько мощный нам прислали. Как только вернемся со всей поклажей — начинаем прочесывать берег. Всё. Пошли.

Он наклонился с карниза вниз, скомандовал прилегшим у основания скалы кибам: «Брысь!» — и спрыгнул. Теперь Варваре был виден только белый султанчик его волос. Параскив последовал за ним, но прыгать поостерегся, повернулся задом и сполз на животе, не смущаясь производимым впечатлением.

— И перестаньте изобретать несуществующие факторы, следите лучше за морем! — донесся снизу голос Кёлликера. — Мало ли что оттуда... Кибы, за мной, Пегас, на месте!

Параскив тоже не смог удержаться от прощального слова.

— Вы понимаете, Варенька, — прозвучал его сладкозвучный тенор, — никакая система, созданная высокоразвитыми существами, не может просто так взять и утопить спящего человека. Вы меня понимаете? Человека. Спящего. Ни с того ни с сего...

— Пошли, пошли, — оборвал его командир.

Гул вертолета затих, зато через каждые двадцать секунд раздавалось пронзительное «ю-у-у-уик!» — работал акустический маячок. Словно забивал крошечные остроконечные сваи, которые с пронзительным визгом входили в каменистую почву.

Варвара наклонилась над костерком, на котором так и не успел вскипеть одинокий котелок с чаем. Ушли ведь голодные, и неизвестно, удастся ли позавтракать. Разгрузят вертолет, кинутся прочесывать берег и кусты, хотя каждый понимает — предприятие это безнадежное...

Но в одном этот красавец, девичья погибель с вечно каторальным горлышком, безнадежно прав: не может существовать разумной программы, по которой вот так, между делом, уничтожался бы случайно пристроившийся на отдых индивид. Добро бы, обладающий какой-то особой активностью, феноменальным качеством, резко отличающим его от других... Так ведь нет же. Похоже, что это просто нелепая случайность: поставили палатку именно на тех «шпалах», которые ночью уходят на дно. А зачем они это делают — гадать сейчас бессмысленно. Может, просто отдыхают в глубинке, а может, почувствовав постороннюю тяжесть, брезгливо спешат от нее избавиться, и призрачные руки убирают то, что считают просто мусором, ведь никаких живых существ, и разумных, и неразумных, быть не может: ворота не пропустят.

С другой стороны, проскочил же их Вуковуд. И горилла...

Варвара стиснула руками виски, раскалывающиеся от боли, вылезла на карниз. От этих бесконечных проблем с приправой из можжевелового дурмана можно менингит себе заработать.

— Что, голова болит? — спросил Теймураз. — Это от твоего ночного купания. Я сейчас наберу дровишек, чтобы ты согрелась, а ты сиди и за морем приглядывай, как велено.

Он спрыгнул вниз, и Лерой, поддернув пояс с кобурой десинтора, молча последовал за ним, как тень.

Девушка сидела на краю карниза, ежась от утреннего холода, который стал ощутим сразу же, как о нем напомнили. Непросохшая еще роса делала мир, расстилавшийся под ее ногами, океаном микроскопических радуг. «Черная сторона», хм. Ну и юмор у населения Пресептории! Утренний берег, открытый для обозрения, как детская «Панорама Страны Чудес», был прекрасен, и даже в какой-то степени жаль, что никакой золотопенный айсберг не мог занести сюда маленького Степку. Ведь если предположить, что исчезновение малыша действительно было акцией неведомой грозной силы, противостоящей незваным гостям, то уж совершенно необъяснимо: что же тогда эта сила так долго раскачивалась? С ее-то возможностями любых пришельцев в первый же день можно было завалить лавиной из трехметровых снежинок. Или прикрыть полотнищем двумерной молнии. Но — всех разом, как уже случалось на других несчастливых планетах. Без исключений.

А здесь нелепые, невероятные исключения были просто правилом. Неприкосновенность человека нарушена как минимум трижды — Степка, Солигетти, Серафина. Значит, людей в их обычном виде не считают разумными (а может, и вообще живыми) существами. За кого же тогда приняли ворота, не пропускавшие никого, легендарного спринтера Вуковуда? За асфальтовую обезьяну? За киба? Ведь ни на земле, ни в море не наблюдалось ни одного нападения на человека в скафандре или хотя бы в акваланге.

Но ведь ни обезьянам, ни роботам не нужно демонстрировать ежевечерних сказочно прекрасных сияний...

Вместо ответа на все эти бесконечные вопросы раскатисто прогремел выстрел. По звуку — ракетница с акустической насадкой, применяется в качестве пугача и сочетает вспышку с легким парализатором стелющегося действия. Значит, там столкнулись с неопасным, но, по-видимому, приставучим зверьем. О!..

Из кустарника взметнулся световой столб, и еще один — значит, на Лероя с Теймуразом нападали. Девушка вскочила, наклоняясь вперед, готовая к прыжку. Внизу послышался треск, словно ломилось семейство кабанов, и повалил жирный, клубящийся дым — ничего страшного, просто ароматическая, а точнее, зловонная завеса. Напрасно. Здешнее зверье, привыкшее к терпкому, насыщенному духу собственной растительности, такими методами не остановишь. Что же делать? Бросаться вниз, на помощь?

Но раздумывать дальше не пришлось, потому что из кустов на редколесье выскочили двое, все в саже, пугливо озирающиеся и размахивающие ракетницами. Тот, что поменьше, мчался громадными прыжками, как кенгуру; маленький бурый зверек прижимался к нему, как обезьянка. Лерой отставал, отстреливаясь.

— Сюда! — закричала она, сомневаясь, видят ли они ее на фоне темно-серой стены с потухшим костерком.

Увидели, конечно, не ее, а Пегаса, прикорнувшего под карнизом, и Тёмка с разбегу вспрыгнул на корыто, протянул новоприобретенного звереныша вверх, Варваре, и она, приняв скользкое безволосое тельце, вдруг с безмерным удивлением обнаружила, что это — до крайности чумазый Степка, облепленный густой грязью и клочьями распашонки. Но целый и невредимый.

— Воды, скорее воды... — бормотала она, нашаривая пластиковую канистру и уже не обращая внимания ни на Тёмку, подтягивающегося на руках, ни на Лероя, которого бережно и упруго возносили на карниз все двенадцать щупальцев Пегаса. — Да сбегает мне кто-нибудь за водой?

— Попробуй сбегай! — весело и даже зло кинул Теймураз. И тут снизу накатила волна такого яростного, утробного рева, что Варвара вздрогнула, инстинктивно прикрывая собой ребенка.

Из кустов к стене мчалось абсолютно круглое бешеное чудовище, ком шерсти и ярости.

— Пегас, задержи его! — взвизгнул Теймураз.

— Бережно! — поспешно добавил Лерой.

И тут этот воющий серо-буро-оранжевый ком ринулся на скалу. Жаркой и терпкой гнилью пахнуло из белоснежной пасти — не поймешь, где язык, где зубы, где бездонная белая прорва, а вокруг — вставшая дыбом шерсть, и скрежет льдистых когтей по ребру карниза, и полыхание багровых глаз, перечеркнутых аспидной вертикалью сузившегося от бешенства зрачка...

Гибкие Пегасовы щупальца с предписанной осторожно-

стью перехватили клокочущее чудо, отшвырнули метров на пять. Зверюга пружинисто приземлилась, проявила секундную растерянность и снова бросилась в атаку. Только теперь она на каждом прыжке еще и встряхивалась, как собака, выскочившая из воды, и сажа от дымовой завесы черным ореолом мчалась вместе с ней. И снова прыжок, и снова заграждение из гибко взметнувшихся конечностей робота, отшвыривающее зверя назад; а зверь не из тех, что отступают, и он снова встряхивается, и это почти земной чау-чау с двадцатисантиметровой шерстью, только каждая волосинка торчком, на кончике кисточка, ну дикобраз, да и только, а уж красотища — глаз не отвести. И сколько ярости...

— Разрешите представить, — проговорил Лерой, переводя дыхание, — приемная мамаша собственной неукротимой персоной!

Услыхав человеческий голос, «мамаша» взревела, переходя на форсаж, и в третий раз ринулась на обидчиков. Степка, угревшийся на Варвариных руках, причмокнул и мирно засопел, словно всю свою жизнь спал под такой аккомпанемент.

— Пегасина, ты снял что-нибудь в промежутках между атаками? — спросил Теймураз, старавшийся не пропустить ни одной подробности этого происшествия. — Поторапливайся, а то ведь эту росомаху надо как-то возвращать в лоно семьи!

Пегас отбил очередной натиск и развернулся, нацеливая задний бурдюк с выдвинувшимся стереообъективом на рыжую красавицу. Но дикобразиха вдруг повернулась к нему спиной и начала медленно отступать к скале, пятясь от кустов.

А из их гущи вырастало что-то бесформенное, пятнистое и гребенчатое, что вроде бы под низкими кронами, напоминавшими зонтичную акацию, и поместиться бы не должно. Но длинная коротконогая туша выдвинулась — именно выдвинулась, а не выползла, — и с резко возрастающей скоростью двинулась на «мамашу».

Расстановка сил мгновенно изменилась: теперь «приемная родительница» защищала свое новоявленное чадо плечом к плечу с роботом, угадав в нем своего потенциального союзника.

А носорог, как и положено этой тупой твари, ломился по прямой, пока росомаха с Пегасом в один и тот же момент не отпрыгнули в разные стороны, явив пример динамической синхронности, трудно представимой у столь раз-

личных существ да еще и с разных планет. Многотонная носорожья туша врезалась в камень, точно тяжелый вездеход, у которого отказали тормоза.

Скала дрогнула.

Варвара, кутавшая Степку в махровое полотенце, невольно сделала несколько шагов вверх по карнизу: далеко уходить не стоило, потому что носорог неподвижно замер, словно прилипнув к стене, а с минуты на минуту можно было ожидать появления Параскива с Кёлликером. Теймураз сокрушенно покачал головой, перевел магазинную подачу на риску «сигнал» и выпустил вверх сноп красных, брызжущих искр — знак опасности и внимания.

Пятнистый носорог словно очнулся, попятился и пошел прочь в полнейшей задумчивости. Но по мере приближения к родимым акациям ритм и скорость его движений существенно изменились, он вдруг победно хрюкнул и принялся выплясывать замысловатый танец. Коротенькие тумбообразные ножки и налитое свинцовой тяжестью длинное тело, которому, как скоч-терьеру, явно не хватало пары промежуточных ног, вдруг обрели дивную подвижность, едва ли не исполненную грации, и все невольно залюбовались забавной пляской под аккомпанемент непрерывного хрюканья.

Пегас и росомаха, воспринимавшие это несколько иначе, шарахнулись еще дальше. И вовремя: безмятежную зелень кустов словно вспороли снизу — на призывный зов собрата мчались еще два носорога. Теперь они исполняли этот своеобразный чарльстон втроем, и почва до самой кромки воды заходила ходуном.

Это микрозем.летрясение не осталось незамеченным.

Следом появился перистый удав — легчайшее, несмотря на свои габариты, создание, сверкающее павлиньим опереннем и бесшумно скользящее по кронам зонтичных акаций. Стая каких-то мелких виверровых, проткнув эти кроны, взлетела вверх, расправила патагиальные складки и, точно гибрид летучих рыб с белками-летягами, снова бесшумно и совершенно одновременно канула в глубь зелени. То тут, то там раздавался угрожающий рык, и к подножию скалы начало выпрыгивать самое немыслимое зверье, от двугорбых гепардов до панцирных пантер. И все это скалилось, щерилось, сцеплялось в клубки, отливало глянцем великолепнейших шкур, сверкало блеском свирепых глаз, неугасимым даже при солнечном свете, и главное, оглушительно ревело, храпело, завывало и отфыркивалось, и брызги слюны долетали до людей.

— Вот это царство! — не удержалась Варвара. — И кто это догадался назвать его «темным»?

— А ты двигайся повыше, — тихонечко подтолкнул ее Теймураз, — а то еще кто-нибудь из этих красавцев обратит на нас...

Он не успел договорить, а Варвара сделать хотя бы один шаг вверх по карнизу, как они уже обратили. Голубой зверь — увеличенная копия гризли, только чуточку поизящнее, — поднялся на задние лапы и передними дотянулся до карниза. Апельсиновая росомаха расценила его поползновение как нападение на своего приемного малыша и с реактивным воем метнулась к незадачливому мишке. Оседлав его загривок, она явила наконец из огненно-шерстяного шара цепкую лапу и принялась методично лупить агрессора по голове, норовя дотянуться до глаз.

— Ну, хватит, — степенно изрек Лерой, словно утихомиривал расшалившуюся ребятню.

Он вогнал в ракетницу обойму микропарализаторов и, тщательно прицелясь, чтобы не задеть глаз или зубы, всадил крошечную ампулу прямо в дымчатую медвежью скулу. Гризли легонечко всхрапнул и тут же свернулся калачиком, чтобы мирно проспать двадцать минут.

— Молодежь, двинулись-ка повыше, — тревожно проговорил Лерой, — это было только начало.

Варвара, прижимая уснувшего Степку к животу, направилась вверх по тропинке, шагая широко и твердо, в то же время тщательно примериваясь, прежде чем поставить ступню. Карниз, к счастью, стал чуточку пошире, словно кто-то специально стесал кусок скалы, чтобы проложить эту плавно подымающуюся дорожку. Сзади по-прежнему ревели, скрежетали и бились рогами о камень; Лерой стрелял еще дважды. Девушка не оборачивалась: как-никак, а под ногами было уже метров двадцать, а связаться веревкой, как полагалось бы в таком случае, они не успели.

— Пегаса забыли! — вдруг ахнула она, присаживаясь на корточки. — Он же будет фотографировать, пока его не затопчут!

— Иди, иди, — упрямо мотнул подбородком Теймураз. — У тебя на руках чужой сын. Это тебе не жестяное корыто.

Что-то жесткое, не виденное до сих пор появилось в его узком ящеричном лице, скупо обтянутом сухой кожей. Что-то новое, чужое и, как показалось Варваре, разделяющее их.

— Подержи-ка Степку, — сказала она, насупившись, — а я вернусь. Покличу Пегаса сверху.

— Так я тебя и пустил, — обронил Теймураз безапелляционным тоном. — Лерой, посторонитесь, я сбегаю за забытым имуществом.

— Ага, — флегматично ответил тот, — а я тебя, значит, пущу?

На узеньком карнизе разойтись без обоюдного согласия было почти невозможно.

— И вот что, — добавил он вконец озабоченно, — хватит искушать судьбу. Всем сесть. Ног не свешивать... Тём, дай две ракеты — желтую и голубую.

Два хорошо заметных даже при утреннем солнце зонтичка — лимонный и ярко-васильковый — с интервалом в несколько секунд распустились над гребнем горы. Они подымались на белых перистых стеблях, отчетливо указывающих то место, откуда они были пущены. На кодовом языке всех дальнепланетчиков это значило: «Скорее ко мне». Если бы между ними появился еще и красный зонтик, то к этому прибавилось бы: «...потому что я в опасности».

Но увидев таковой сигнал, Параскив с Кёлликером бросили бы все на свете и помчались на выручку очертя голову, что здесь, в этом бушующем царстве хищников, весьма не безопасно. Потому-то Лерой и ограничился двумя цветами.

Варвара присела, скрестив ноги и привалившись к уже нагревшемуся на солнце камню. Хотелось закрыть глаза. Тело, тоскующее по трем-четырем часам ежедневного обязательного плавания, было в каждой своей клеточке размякшим и раздраженным одновременно. Ну, ничего, еще немного потерпеть, и вертолет, обойдя опасный хребет в глубине материка, вынесет их рано или поздно на безмятежный пляж Пресептории с его нестрашными цунами и глуповато-добродушными аполинами. Вот только как вытерпит эти несколько часов голодный Степка? Таким крохам, кажется, сгущенка противопоказана, а кроме нее здесь ничего молочного нет...

Но Степка посапывал у нее на коленях, не обнаруживая ни малейших симптомов голода.

— Странно, — прошептала девушка, — он совсем есть не просит, и пузик у него такой толстенький...

— А ты как думаешь, за каким занятием мы его обнаружили? — так же шепотом, хотя перед этим малыш не проснулся даже при пальбе из ракетницы, отвечал Теймураз. — Он сосал свою приемную мамашу, эту помесь тигры

со шваброй. И я бы сказал, что процесс напоминал работу форвакуумного насоса.

— Восхитительная киса! Кстати, от моря в свое логово она тащила его как звереныша, хотя и бережно, — на коже небольшие рубцы, надо сказать Параскиву, чтобы в вертолете сразу же обработал, — озабоченно проговорила Варвара, всматриваясь в замурзанную и изрядно поцарапанную рожицу. — Да, а где же вертолет?

— Поторопим, — кивнул Лерой. — Тёма, еще две ракеты, строго вертикально и с большим интервалом.

Ракеты одна за другой вознеслись на прерывистых туманных нитях. Лерой почему-то нахмурился, вынул тяжелый десинтор и положил его справа от себя. Огоньки, синий и желтый, несерьезно заиграли на его полированном стволе. Не замечают их, что ли? Ведь они висят минуты две-три, не меньше...

— Теймураз, возьми малыша, — негромко скомандовал Лерой. — Варя, достаньте оружие и не спускайте глаз с тропинки. Раз она существует, по ней кто-то должен ходить. И главное...

Он не успел договорить, как послышалось характерное зудение и слева, под нависающей скалой, показался дымчатый шар величиной со среднего мастодонта. Он деловито полз по земле, волоча студенистое брюхо, и производил бы странноватое впечатление, если бы все не знали, что это всего-навсего вертолет, идущий на воздушной подушке под защитным силовым куполом. Очутившись точно под сидящими на карнизе людьми, машина остановилась, сбросила защитный колпак и стала подниматься вверх на самых малых оборотах. Параскив распахнул дверцу и выставил бороду. По мере того как в полотеничном свертке, который прижимала к себе Варвара, он узнавал Степку, борода опускалась все ниже и ниже — у биолога отвисала челюсть.

— Принимайте бандероль! — не удержался Теймураз, одновременно хватая за пояс девушку, которая потянулась к Параскиву, как ему показалось, совершенно забыв, что они находятся все-таки на высоте четырехэтажного дома. — Варька, разобьешься!..

Кёлликер, сидевший за пультом управления, плавно подвел машину вплотную к карнизу, и живая посылка благополучно перекочевала в кабину вертолета. Чуткая машина качнулась, как поплавок на воде, и отошла от стены примерно на метр. Все невольно проследили за ней и замерли: прямо над вертолетом, словно нацеливаясь, кружила лиловая шаровая молния.

— Вниз!!! — рявкнул Лерой, и машина, не промедлив и доли секунды, ухнула вниз и, едва коснувшись земли, снова оделась дымчатой, напряженно звенящей защитой.

Это значило, что Артур, обладавший феноменальной реакцией, автоматически выполнил команду более опытного товарища, не подвергая ее всестороннему анализу. И был прав.

Человека такая молния не поразила еще ни разу.

На машины, летающие и плавающие, она нападала постоянно.

Но сейчас, как ни странно, молнию «заинтересовал» вовсе не вертолет: она кружила вокруг догорающей голубой ракеты, словно обнюхивая этот светящийся василек.

— Рассредоточиться, быстро! — отрывистым шепотом бросил Лерой. — Варя — вверх, Тёмка — вниз по тропинке, ползком!

Варвара уже усвоила, что приказания Лероя выполняются без малейших раздумий и промедления, поэтому она стремительно ринулась вверх по карнизу, невольно отмечая, что копирует гибкие и бесшумные движения Теймураза, — и при этом она вдруг отчетливо осознала, что Тёмка не успеет уйти, потому что ему придется на узком участке огибать массивного Лероя; уже чувствуя наваливающуюся беду, она обернулась: молния оставила в покое догорающий светлячок и теперь по спирали скользила вниз, делая виток за витком вокруг почти невидимого дымчатого стебля ракеты.

Этот путь неминуемо приводил ее к Теймуразу.

Тугая огненная струя, словно из брандспойта, ударила вверх. Лерой, расставив ноги и привалившись лопатками к скале, обеими руками держал над головой десинтор и пытался поставить на пути молнии плазменную преграду. Раскаленный, искрящийся мяч колебался с такой скоростью, что казалось, перед лиловым смертоносным шаром трепещет гигантский солнечный веер.

Молния дрогнула, отпрянула и на несколько секунд зависла неподвижно, словно раздумывая или ожидая приказа; затем она с неуловимой для глаза быстротой расплющилась, растекаясь в лиловато-пепельное треугольное полотнище, которое могло показаться совсем нестрашным дымчатым лоскутом, а затем этот лоскут скользнул вниз, точно флаг, сорвавшийся с древка, и каким-то краешком слегка мазнул по раскалившемуся десинторному стволу.

Гул непрерывного разряда оборвался, огненная струя поблекла и растаяла. И в ту же секунду Варвара почувст-

вовала, что каждый нерв ее тела сводит мучительная судорога, граничащая с болью ожога, и, превозмогая эту боль, она вытащила из-за пояса нож и вогнала его в трещину. Пальцы слушались плохо — сжаться-то они сжались, а вот разжиматься не желали. Но первый испуг уже прошел, и она хотя бы знала, что теперь не сорвется с узкого карниза. Тогда, все так же держась за рукоятку ножа, она осторожно повернула голову и посмотрела назад.

Шагах в десяти торчали ребристые подошвы Теймуразовых ботинок — он тоже распластался на тропинке, вжимаясь в камень.

А вот между ними никого не было.

Варвара не поверила глазам и почему-то посмотрела вверх, так неправдоподобно было даже не само исчезновение Лероя, а бесшумность и неуловимость того, что произошло. Падение она бы расслышала — жуткий специфический звук, с которым живое тело расплющивается о камень.

Но этого звука не было.

Придерживаясь за рукоятку ножа, Варвара свесилась вниз и увидела наконец Лероя: раскинув руки, он лежал у подножия стены на зеленом островке мха, в двух шагах от укрытого защитным коконом вертолета. Вероятно, он упал именно на нее, на эту защитную непроницаемую сферу, и она спружинила, как батут.

— Тём, веревка есть? — крикнула Варвара. — Быстро вниз!

Лерой открыл глаза и вместо неба увидел над собой коробчатый свод вертолетной кабины. По тому, что вертолет стоял на земле с незапущенным мотором, а Параскив с Кёлликером, присев на корточки, неподвижно застыли по обе стороны походных носилок, глядя не в лицо, а на его сложенные руки и не пытаясь ничего предпринять, — по всему этому Лерой понял, что умирает.

Он вспомнил ослепительную вспышку, словно внутри головы, а вовсе не перед глазами брызнул во все стороны сноп горячих искр. Затылок и сейчас покалывало, но кроме этого не было никакой боли — впрочем, ощущения вообще отсутствовали, только чувствовался запах паленой шерсти. Обожженное тело, которого он не видел, потому что не мог пошевелиться, было надежно сковано анестезирующей блокадой и как будто вовсе не существовало.

Лерой беспокойно повел глазами вокруг, и тут дверца

кабины отворилась, напустив зеленых бликов солнечного леса, и друг за другом, пряча ободранные ладони, влезли Варвара с Теймуразом, приблизились и тоже замерли, чуткие и молчаливые.

Он представил себе, какой жалкой, беспомощной развалиной должен он казаться всем этим людям, глядящим на него сверху вниз, а в действительности он думал только об одном человеке, а мнение остальных троих его не интересовало. Но ради этого четвертого он заставил себя улыбнуться и сказать что-то веселое, и тогда сквозь щель одеревеневших губ послышалось:

— Ло-пух...

— Что-что? — переспросил ошеломленный Теймураз.

— Ло-пух... голо... голосемен-ной... травка так-кая...

Теймураз прижался щекой к Варвариному плечу, нашарил ее запястье и стиснул так, что кисть отнялась.

— Ро-ди-ола... Семенова...

Он с видимым усилием поднял опаленные ресницы, обвел взглядом всех присутствующих — они молчали. Да... Если бы оставалась хоть какая-нибудь надежда, ему обязательно велели бы: молчите, мол, нельзя вам разговаривать... Так всегда велят тяжелобольным. Но сейчас ему этого не сказали.

Он мысленно несколько раз качнулся, собираясь с силами, будто перед прыжком, хотя прекрасно понимал, что тело его останется неподвижным, — мозг его работал четко, и это служило ему слабым утешением; наконец губы снова разжались, словно раскололся кусок сухой коричневой глины, и он проговорил бережно и нежно, словно лепестки цветов, которые он называл, лежали у него на губах, и их нужно было не уронить:

— Аст-ра... просто аст-ра... — последовала пауза, в которой не было ничего от его прошлых академических, многозначительных пауз. — Феру-ла... Вишня... т-тянь-шаньска-я... Жимолость узко... узкоцвет-ко-вая... Си... сирень.

Это было нелепо и страшно — последние свои минуты он тратил на пустую забаву, какую-то ему одному понятную дразнилку, которой он так часто досаждал Варваре, но почему-то при этом он смотрел не на девушку, а на Теймураза, в его влажные от слез огромные глаза, мерцающие красноватыми бликами, как старинное вино или тянь-шаньская вишня. На кого-то похожие глаза...

И снова звучали слова, исполненные бесконечной горести и любви, и диковинный сад вырастал из этих слов:

— Роза... ро-за колючей-ша-я...

Словно песня, словно заклинание:

— Марь... душистая...

Закрылись веки.

— Таволга...

А потом настала тишина. И все ждали, ждали, ждали...

Из угла запищал Степка, соскучившийся по тигриному молоку.

Вертолет обошел горы, забравшись в глубину материка, и приземлился на запасной площадке, затаившейся в долине перед самым Ящеричным хребтом — как раз посередине между космодромом и Пресептopией. Два вертких, но хорошо защищенных вездехода с конусными излучателями на радиаторе ждали у самых ворот.

«Теперь-то зачем нас охранять, когда мы не у моря?» — невольно подумала Варвара, но тут из ангара вырвалась санитарная машина уже со сверхвысокой защитой, лихо подрулила к самой дверце вертолета и только тогда опасливо приоткрыла дверцу.

Оттуда высунулись женские руки.

Теймураз тоже придержал дверцу кабины, чтобы она не распахнулась настежь, и Варвара просунула в эту щель Степку, по-прежнему завернутого в изрядно подмокшее махровое полотенце с рыжими шерстинками. Руки выхватили у нее теплый сверток и исчезли в глубине вездехода. Титановый щиток со стуком захлопнулся, и это был единственный звук, сопутствующий операции передачи. Первая машина охранения, взяв с места реактивную скорость, вынеслась за ворота вертолетной площадки, за ней устремился санитарный вездеход, замыкающая машина не отставала ни на метр. Маленький, но неуязвимый караван устремился вверх по ущелью, направляясь к космодрому. Все правильно. Гостевой домик на космодроме, надо думать, прикрыт надежнее, чем любое подземное убежище Пресептории. И звездолет с Большой Земли, конечно, уже вызван. Все правильно. Даже то, что мама Пидопличко не потратила двух секунд на какое-то слово, обращенное к Лерою...

Они сидели на узких жестких скамеечках и глядели перед собой. Пока вертолет трясло, руки Лероя, сложенные на груди, то и дело соскальзывали вниз и со стуком ударяли костяшками пальцев об пол; тогда Светозар осторожно приподымал их и снова складывал на груди, а точнее, на серебристом правильном круге, который выделялся на

могучем торсе и делал Лероя похожим на легендарного беглого каторжника.

Гул вездеходов умолк, и теперь только поскрипывала полуоткрытая дверца кабины, которую раскачивал ветер.

— Темрик, будь другом, — попросил Артур, — выведи на середину поля большой грузовик.

Варвара немного удивилась: зачем же большой? Но Теймураз послушно спрыгнул на бетон и побежал через всю площадку к полускрытому ангару, где громоздились вертолеты и вездеходы самых различных габаритов и конструкций. Она немного помедлила, тоже выпрыгнула из кабины и пошла следом. Солнце пекло не зло, но жгуче, хотя и не катастрофически, примерно как в летний полдень на Куршской косе, в их нэд'овском лагере. Исполинский зонтичный орешник, росший вплотную к стенке ангара, тянул свои перистые лапы над самой крышей, и в толще этой зеленой массы копошилось что-то крупное. Варвара осторожно приблизилась — на краю крыши сидела, свесив лапы, асфальтовая обезьяна. Она механическими движениями обламывала ветки и бросала их вниз.

Внизу кормилось целое звериное сообщество: чесунчовые белки, распахнув рукава своих кремовых балахончиков, слетали с нижних ветвей, едва завидя лакомый орешек; пегие голоносые псевдовомбаты, гибрид морских свинок с перекормленными йоркшир-терьерами, объедали листву, а у них между ног нахально шныряла пара крошечных тенреков с голубыми иглами и непомерным аппетитом — подбирали жуков и гусениц.

И все-то они были очаровательны — большеглазенькие, крутолобенькие, курносенькие... На шорох шагов подняли мордочки и уставились с жадным и доверчивым вниманием — только позови, только приласкай, только позволь прижаться к ногам... И снова непрошено и непрощенно вспыхнул в памяти силуэт короля-оленя, но его тут же заслонила картина яростной, но беззлобной драки на той стороне, которую кто-то по недоразумению назвал «черной». Вероятно, тот же человек, который, умиляясь на этих очаровашек, попросту недомыслил, что здесь налицо опасность стремительного вырождения, потому что у этих зверушек есть и другое название — акромикрики, обладатели куцых мордочек и недоразвитых конечностей. Неудачная боковая ветвь на дереве здешней эволюции. Неужели нужно было родиться нэд'о, чтобы уловить исходящие от них маленькие волны суеты и увядания?

Да, сюда бы хорошо комплексную экспедицию, с опыт-

ными систематиками, с ксеноэволюционистами. А то каждый практик, попадая на Степуху, первым делом отправляется на Коровью бухту и уже не может оторваться от стеллеровых телят. Как Кони.

Но мощную комплексную экспедицию посылают только на ту планету, которая требует немедленных спасательных мер и заносится стратегической разведкой в «Красную галактическую книгу». И людей хватает только на двенадцать таких команд — это на всю-то разведанную Вселенную! Так что нечего дожидаться помощи со стороны, надо начинать действовать. Прежде всего выявить уже вымершие виды. Значит, начать раскопки. Затем составить голографические таблицы — так убедительнее — всех акромикриков. Учесть виды, впадающие в необратимую всеядность. И главное, произвести перепись серых горилл: ведь без них все эти врожденно ручные и трех поколений не протянут, вымрут...

В ангаре взревел двигатель, и приземистый грузовик, пятясь, выполз на поле. Асфальтовая обезьяна небрежно обернулась, глянула на него через плечо так, словно он был жуком-навозником, и продолжала свои труды праведные. Теймураз застопорил машину точно в центре поля, вертолет приподнялся и, зависнув над платформой, начал бережно опускать на нее свое брюхатое тело, одновременно подбирая шасси. Как только винт остановился, эластичные борта платформы вскинулись вверх и сомкнулись вокруг вертолетной кабины, словно взяв ее в ладони.

— Ты где?.. — крикнул Теймураз с водительского места.

Варвара побежала по полю, упруго отталкиваясь от бетона, запрыгнула на высокую подножку, когда грузовик уже мягко трогался с места, и вдруг поняла, что все повторяется точно так же, как было несколько дней назад, когда она ехала с космодрома.

Нет, надо же — всего несколько дней...

Узкая дорога влилась в шоколадно-ониксовый каньон, и это была уже ЕЕ дорога, и машина была ЕЕ грузовиком, и впереди был перевал, где разбился ЕЕ олень, а еще дальше высились мегалитические глыбы ворот ЕЕ Пресептории, где все решительно было ЕЕ — и дом, и работа, и море, и немые аполины, и запах сушеных трав с половины Лероя; она уже была владелицей необозримого настоящего, не говоря уже о прошлом, которое вмещало в себя и полуживую золотую шкуру, обреченную на вековой зуд, и водяную бездну под «шпалами», и васильковый венчик ракеты, к которой хищно принюхивалась подкравшаяся с моря молния.

И были уже Параскив с Кёлликером, которые так же, не задумываясь, вскинули бы свои десинторы и прикрыли бы ее огненным веером плазменной защиты, как это сделал Лерой.

И главное, у нее уже был настоящий друг, который появился, как вообще возникает все настоящее — сам собой, совершенно естественно и однозначно, раз и на всю жизнь, как приходит к новорожденному ребенку первое дыхание.

Она скосила глаза и посмотрела на Теймураза. Лицо у него было напряженное, чужое, властное. И очень взрослое. И чем больше она всматривалась в это лицо, тем отчетливее становилось подозрение, что в той полноте жизни, которую она только что для себя открыла, ей все-таки чего-то не хватает...

Как теперь всегда будет не хватать Лероя.

— Тёмка, — поспешно проговорила она, словно старалась отогнать это безрадостное открытие, — Тём, а ведь я только сейчас, в вертолете, увидела, какой он был старый... Ведь иначе у него сердце выдержало бы, да? Ему, наверное, было лет девяносто...

— Теперь это не имеет значения, — отвечал он, помолчав.

— Да, конечно... И как это его только взяли на дальнюю?

— А его никто и не брал. Рассказывали, что он был здесь проездом, да Степуха очень понравилась... В общем, остался он тут, и точка. Сказал, что будет пен-си-онером Степаниды.

— Кем, кем?

— Пенсионером. Это раньше так говорили, когда человек доживал до такого возраста, чтобы делать только то, что хочется.

— И много ему хотелось?..

— А что ему было делать? Ну, подменял метеорологов по ночам, у стариков ведь всегда бессонница; кухню снабжал мясом и рыбой на все сто шестьдесят персон, как заправский траппер, все шкуры в кладовке — его рук дело... Атлас растений начал...

— Понятно, — сказала Варвара.

— Ничего тебе не понятно! Он все время боялся, что станет нам в тягость. Наверное, оттого и шутил, бодрячком прикидывался. И еще он не хотел жалости. Потому и бывал чаще всего один. Не понятно? Странная ты, Варвара, это ж элементарно...

Варвара шевельнула ноздрями, прикусила язык. Ладно.

Пусть ее считают бесчувственной деревяшкой. Все с того вечера, свадьбы со снежинками то бишь, когда она воздержалась от восхваления несравненной Степухи. Потому что не будет она объяснять Теймуразу, как это странно и даже утомительно, когда чувствуешь не только те привычные вещи, о которых он говорил, но и миллионы их оттенков, и все это — одновременно, и хаос ощущений напоминает гигантский пестрый клубок всех цветов. А со стороны это, разумеется, выглядит полнейшим бесчувствием. Если смотреть равнодушными глазами.

— А как его звали? — спросила вдруг Варвара.

— Вадим. Только так его не звал никто.

Спросить — почему? И он снова высокомерно ответит: ты не понимаешь простейших вещей. Но в том, что касалось Лероя, вообще не было ничего элементарного. И то, что его вслух никто не называл по имени. И то, почему он, стремившийся к одиночеству, все-таки пошел с их отрядом. И то, как он носил на себе запах трав. И то, зачем произносил он эти нежные, неуместные предсмертные слова: жимолость... марь душистая... таволга...

Была в этих словах какая-то настойчивая тайна, она требовала, чтобы их запомнили и перевели на какой-то другой язык; и непонятнее всего: к кому же они были обращены?

Грузовик, не снижая скорости, миновал ворота Пресептории и не свернул на гаражную площадку, а двинулся по прямой, мимо трапезной, ряда коттеджей, таксидермички, пока не остановился под Майским Дубом. Люди бежали ему навстречу, а впереди всех почему-то была Кони в халатике, изжеванном телятами.

Теймураз соскочил с подножки и бросился к ней.

— Мама... — по-детски всхлипнул он, прижимаясь к ее необъятному округлому плечу.

И тогда все встало на свои места.

На узенькой галечной полоске, возле массивной яшмовой глыбы, часа два назад установленной над свежей могилой Лероя, выжидающе маячила чья-то фигура. Только бы не Параскив!

— Ну, прощай, Моржик, — сказала Варвара черногубому аполину, с которым она проплавала эти два часа буквально плечом к плечу. — Не затоскуй тут без меня и не наделай глупостей, как тот олешек... Ну, иди же, вон и девочки твои фыркают — скучают.

Она сильными гребками пошла к берегу, пока не услышала шорох гальки. Тогда вскочила и побежала на пляж, пугливо кося назад: очень уж боялась за своего Моржика, как бы он не ринулся следом, движимый проклятым синдромом. Но на сей раз, кажется, обошлось, или аполины вообще не были подвержены этому злу.

Человек, ожидавший Варвару, оказался сухощавым нигерийцем с противоречащими его облику кудрями врубелевского Демона. На свадьбе она видела его издалека — во главе стола.

— Меня зовут Жан-Филипп, — проговорил он приветливым тоном, каким, наверное, разговаривают с новичками-лаборантами члены Высшего галактического совета.

— Я знаю, — сказала Варвара, залезая мокрыми ногами в подогретые сапожки.

— Мне рассказывали, что у вас... м-м... несколько своеобразный взгляд на природу некоторых феноменов данной планеты, — проговорил он с заминкой, которая, по всей видимости, была для него нехарактерна. — Вот я и решил побеседовать с вами.

Он посторонился, полагая, что она направится в поселок.

— Мне не хотелось бы далеко уходить. — Варвара покачала головой, всматриваясь в темно-кофейную гладь воды.

И в подтверждение ее опасений оттуда торпедой вылетело массивное тело, лихо изогнулось и шлепнулось обратно с невероятным в вечерней тишине грохотом.

Моржик? Или какой-то другой досужий шутник?

— Тогда, может быть, перенесем нашу беседу часа на два? — галантно предложил Жан-Филипп.

— Не исключено, что я здесь и заночую, — вздохнула Варвара, провожая глазами разбегавшиеся круги на воде и нашаривая ногой какую-то железку — не то гайку, не то скобу. — Минуточку...

Она подошла к самой кромке воды и, размахнувшись изо всех сил, благо сил хватало, забросила свою находку в море.

— Поищи, поищи, — пробормотала она, — отвлекись.

Гайка булькнула, и больше никакого движения в воде не возникало: видно, аполин обиделся.

— А вы ночью-то не замерзнете? — уже другим тоном — обыденным, домашним — забеспокоился Жан-Филипп.

— У меня халат с подогревом, — сказала она, накидывая капюшон на мокрые волосы. — Да поймите же, я с

этим аполином два часа ныряла. За плавник держалась. И за шею. Вдруг опять...

— Да, — еще тише и мягче ответил он, и она поняла, что ему все про оленя известно. — Да, вы правы — мы в ответе за тех, кого мы приручаем.

Варваре захотелось сморщиться, но она автоматически сдержалась, памятуя, что при этой гримасе усики у нее встают дыбом. Беда вся в том, что мы в ответе еще и за тех, кого приручили не мы. Но говорить этого не стоит.

— Так что же вы наблюдали? — Жан-Филипп снова изменил тон — сейчас это был научный руководитель базы.

— Мираж нельзя назвать даже наблюдением. А сегодня и вообще ничего не было, — вероятно, аполины мешали.

Она промолчала о том, ради чего ныряла сегодня до одури и что возникло так слабенько, так отдаленно — скорее желаемое, чем действительное. Импульс боли, болезни, неблагополучия — те самые конвульсивные волны какой-то беды, которые исходят только от раненого или умирающего животного, испускаемые Золотыми воротами. Но не чудилось ли ей это и здесь, на побережье?..

— Скажите, пожалуйста, — медленно, словно подчеркивая этим всю важность вопроса, проговорил Жан-Филипп, — какова основная компонента того излучения, которое вы принимаете?

Варвара вскинула голову, так что капюшон упал на спину и с шелестом отключился. Ведь она ни словом не обмолвилась о своем чутье, но Жан-Филипп знал и даже не сомневался, что излучение — многокомпонентное, и с ним не нужно было лишних слов.

— Гравитация, — ответила она кратко и уверенно.

— Источник — живая система?

— Ворота — система живая. «Шпалы» — наполовину. Излучение из глубины моря, экранируемое островами, — чистая механика.

— Где именно расположен излучающий центр?

— На осевой линии между воротами. Расстояние от берега я и пытаюсь уточнить. Использую тень островов.

— Только что ж вы ныряете без гидрокостюма? — перешел он уже на испробованный отеческий тон.

Она безмерно удивилась, что он этого не понимает:

— Без костюма меня явно принимают за аполину... во всяком случае, пока я в их группе. А это — гарантия безопасности. Но вот за кого меня примут в гидрокостюме — не знаю.

— То есть вы полагаете, что гипотетический глубинный

центр — назовем его хотя бы так — обладает анализатором?

— Дистанционным. Иначе и быть не может.

— И этот глубинный центр — не природное образование и не придаток живого существа, а некоторое квазимыслящее устройство, установленное здесь пришельцами неизвестной нам планеты и таким образом по возрасту столь же древнее, как Пресептория?

— Вряд ли стоит допускать, что сюда прилетали представители двух различных цивилизаций...

— Разумно. Тогда мы были бы уже третьими, а это почти невероятно — планета ведь далека от звездных скоплений. Но тогда как объяснить тот факт, что наделенное какими-то исполнительными приспособлениями мыслящее устройство — причем запрограммированное гуманоидами устройство, подчеркиваю! — допустило последовательную гибель трех взрослых людей и создание чрезвычайно опасной ситуации (и хорошо, что не хуже) для ребенка?

Варвара зябко поежилась, кутаясь в свой длинный халатик. Длинный и пушистый, как бурнус. Что такое «бурнус»? Откуда всплыло это слово? «Пробирая шерстинки бурнуса...» А, это оттого, что Жан-Филипп померещился ей врубелевским Демоном.

Но дело в том, что ассоциации — штука безошибочная. И стоит подумать, почему это вдруг — «шерстинки бурнуса...»

— По-видимому, — проговорила она, внутренне постанывая от необратимой утраты взаимопонимания и необходимости подбирать слова, — в нас не всегда видят разумных существ.

— Как это — не всегда? — всполошился Жан-Филипп. — Вы, голубушка, таксидермист, а не кибернетик, поэтому только вам позволительно допускать, что мыслящее устройство может действовать по настроению или капризу. Не всегда!..

Он спохватился и восстановил академический тон:

— Гуманное начало — вот первый закон, который в той или иной форме вкладывается в любую машину, не только мыслящую, но и обладающую свободой воли. Как робот, например. Логика и гуманизм — альфа и бета любой подобной программы. Тогда как же ворота Пресептории не пропускают ни одного живого существа, но спокойно впустили всех нас; молния, равнодушная к человеку под парусом, убивает Лероя; «шпалы» топят палатку с Серафиной, но вас, даже на большой глубине, никто не трогает;

даже асфальтовые гориллы, которых вы объявили биороботами без всяких на то оснований, кроме неуязвимости их шкуры, они должны бы подчиняться этому управляющему центру как выносные автономно действующие придатки — и вот они опекают всех животных Степаниды, а нас обходят, словно мы — каменные глыбы.

— Вы хотите, чтобы я ответила вам на все эти вопросы? — негромко проговорила Варвара, стараясь вложить в собственные интонации как можно больше смирения.

— Я просто прошу вас пояснить, как все перечисленное мною согласуется с вашей моделью сложнейшей кибернетической системы, упрятанной на морском дне? Я подчеркиваю: вы имеете право на создание любой модели, но не отказывайте ей в элементарной логике! Как, впрочем, и гуманоидам, ее программировавшим.

Варвара беспомощно пожала плечами, глядя в море, золотящееся вечерними звездами. Ощущение холода, непериодическими толчками приходящее то ли из-за горизонта, то ли из-под него, настигло ее и здесь. Чувствует ли это Жан-Филипп? Если и чувствует, то себе не верит. Так человек, потерявший слух на девяносто девять процентов, будет уверен, что звон ему только чудится, пока не увидит колокола. И снова всплыло в памяти: «И не слышал колосс, как седеет Кавказ за печалью...»

— Я сама еще не успела в этом разобраться, — честно призналась она. — Вероятно, беда в том, что мы смешиваем понятия «гуманизм» и «земной гуманизм». Или что-нибудь другое.

— Ну знаете!.. — воскликнул Жан-Филипп, несомненно считавший себя исповедником какого-то всегалактического гуманизма.

— Да не знаю я, не знаю! — не выдержала Варвара, попирая всяческую субординацию. — Я только смутно представляю себе, что те древние строители Пресептории, за которыми вы не хотите видеть решительно никаких качеств, кроме способности возводить мегалитические комплексы, — это какая-то космическая элита, в неуемном всемогуществе возомнившая себя владыкой всего живого во Вселенной. Понимаете — всего, что под руку попадется! Попалась Земля, не знаю уж сколько там тысяч лет назад. Но что-то там не приглянулось, шумно, вулканы брызжут, альпийская складка образуется... Покинули. Взяли на память только несколько сотен видов зверюшек — может, живьем, а скорее всего, гены законсервировали. А вот на Степаниде тихо, нехлопотно, вот и возвели усадебку гости-

ничного типа. С палисадником. Семена для одного с Земли прихвачены, маргаритки там всякие, нарциссы, гладиолусы. Кибер-садовника поставили, чтобы сорняки вырывал. Одна беда: на земном языке маргаритки называются оленями, нарциссы — носорогами, гладиолусы — медведями. Метла, между прочим, — шаровыми молниями и прочими атмосферными неприятностями.

— А садовник — это ваш глубинный управляющий центр?

— Если бы! Боюсь, что тут гораздо хуже. Видели, как приносят из леса брошенных детенышей? Не слабых, выпавших из гнезда или норы, — нет, наиболее сильных, агрессивных. За это и брошенных. Милых и дружелюбных — мамаше под брюшко, а сильных и активных — на чистый воздух. Как удалось заложить в генную память такой принудительный отбор, перебивающий инстинкт материнства? Не знаю, не знаю. Но садик процветает, очаровашки прыгают, кувыркаются, клянчат подачки у горилл. Умильно? Вот мы и умиляемся, вместо того чтобы сесть и разобраться, что же за чудовищная селекция здесь процветает. И не за то ли Степка на ту сторону угодил, что какой-то тест на очарование не прошел?

— Так, — сказал Жан-Филипп, словно муху прихлопнул. — Модель, созданная вами, действительно, чудовищна. То, что вы пытаетесь осмыслить происходящее, меня, как руководителя базы, радует. Но меня чрезвычайно огорчает, что у вас отсутствует пусть не человеческая, а хотя бы профессиональная благодарность этой планете, которая нас приютила и, пусть при посредстве пока не разгаданных факторов, позволила нам восстановить хотя бы один утраченный на Большой Земле вид животных.

— Да не восстанавливаем мы его, — устало отозвалась Варвара, — мы ведем себя так, словно этих телят воруем...

— Я допускаю, что вы принимаете некоторые формы излучений, недоступные среднестатистическому организму, — продолжал Жан-Филипп, великолепнейшим образом игнорируя ее реплику. — Такие феномены случаются. Но интерпретируете вы свои ощущения совершенно превратно. Дело в том, что наша разведка далеко не так беспомощна, даже на высоте в одиннадцать километров. Так вот, уважаемая Варвара Норега, я беру на себя смелость утверждать, что ни в полосе шельфа, ни во впадинах, которые здесь не превышают трех километров, нет ни одного сооружения.

Он немного помолчал, глядя на носки своих ботинок, блестящих даже в темноте, и добавил совсем тихо:

— Прямо не знаю, как вы тут будете жить и работать. Ведь вы психологически противостоите ста шестидесяти членам экспедиции, для которых Степанида стала домом и любовью...

Она стояла на поскрипывающей гальке и рассматривала его снизу вверх — прямо и безжалостно. И что, собственно говоря, она приняла его за Демона? Демоны не седеют.

— А если я все-таки окажусь права, — спросила она не без вызова, — как же с ними быть?

— С кем?

— Со ста шестьюдесятью членами экспедиции?

Жан-Филипп сожалительно глянул на нее сверху вниз и зашагал прочь. Но в этот момент трехтонная туша крупного аполина так грохнула по водной поверхности, привлекая человеческое внимание, что даже привычная Варвара вздрогнула. И Жан-Филипп обернулся.

— Моржик, — с отчаяньем проговорила Варвара, хотя прекрасно понимала, что аполины практически не слышат человеческого голоса, — Моржик, ну хоть ты-то...

Аполин привстал на хвосте, размахнулся своей длинной шеей, которая так отличала его от земного дельфина и делала похожим на плезиозавра, и точным броском швырнул под ноги девушке звонкий, блестящий предмет, покатившийся по гальке.

Варвара догнала, подняла — на ее ладони лежало подобие гайки из легкого золотистого металла.

— Один-один, — пробормотала Варвара.

Сбруя не столько мешала, сколько раздражала, но поддаваться этому чувству было нельзя — аполины и за выражением лица успевали следить, и, похоже, дистанционно улавливали настроение. Она легла на спину, принялась любовно оглаживать сбрую, изображая полное и ничем не замутненное блаженство.

— Переигрываешь, — сказал из лодки Теймураз.

— Не-а, — мотнула головой Варвара, стряхивая со щеки медузу.

Аполины вытягивали шеи, удивлялись.

Из-за острова выпорхнула чужая стая — Варвара за эти полтора месяца перезнакомилась чуть ли не со всеми окрестными аполинами и хорошо знала этого вожака-альбиноса, предводительствовавшего целым молодежным ансамб-

лем, среди которого особенно выделялся Вундеркинд, недавний сосунок-акселерат. Вновь прибывшие корректно приветствовали хозяев бухты и прошли вдоль лодки, швыряя на Теймураза добровольную дань: какие-то там планочки, патрубки, острые наконечники громоотводного вида, и все из нетускнеющего легкозолотистого металла. Парафиновая бронза, как однажды отозвался о нем Кёлликер. И прижилось.

— Полегче, друзья, полегче! — Теймураз прикрывался локтем. — Зубы же повышибаете!.. Мерси. Гран мерси. Опять нам нагорит от Сусанина за подводный грабеж чужими руками!

Начальство экспедиции категорически запретило самостоятельный подъем со дна каких-либо экспонатов, но аполины стойко придерживались собственного мнения.

Варвара перевернулась на спину и энергично замахала руками над головой — знак запрета; аполины и ухом не повели, было ясно — завтра натащат еще больше. Все эти сорок два дня, прошедшие с похорон Лероя, Варвара и Теймураз все свободное время возились с этими интеллигентами степухинских морей, вырабатывая общую систему сигналов. Игривые ученики благодаря феноменальным обезьяньим способностям перенимали все на лету.

Вот и сейчас Вундеркинд, раньше других усмотревший на девушке какие-то непонятные ремни и коробки, ткнулся резиновым клювом в кинокамеру и тут же по-лебединому изогнул длинную шею, что должно было означать: «Я тоже хочу!»

— Хочется-перехочется-перетерпится, — сказала Варвара, цитируя что-то из детской классики. — Тут постарше тебя есть.

Постарше тоже захотели.

— Тёмка, — крикнула девушка, — мы пошли на макет!

Она похлопала себя по плечам, что значило: «За мной!» — и сильным толчком послала себя в глубину, где под днищем лодки был подвешен причудливый домик с башенками, колонками и нашлепками, в которых угадывались уникальные экспонаты из «парафиновой бронзы», явно утаенные от начальственного ока.

Варвара медленно и четко, чтобы всей стае было видно, поднесла руку к клавише и включила съемочную камеру. Тотчас же брызнул свет (для первого раза не очень яркий), застрекотал аппарат. Аполины шарахнулись, но ни один не удрал. Про себя девушка отметила, что меньше всего испугался Вундеркинд.

Десять секунд сиял свет, зудела камера. Затем все автоматически выключилось. Можно было всплывать.

— Есть! — крикнула Варвара, вылетая на поверхность. — Фу-у-у. Не перетрусили... А тебе что, Моржик? Еще включить? Нет, здесь нельзя, только внизу. Сейчас отдышусь, и повторим.

— Слушай, а пойду-ка я вместо тебя! — предложил юноша.

— Не стоит, у нас контакт редкостный. Ну, нырнули!..

Она ныряла до изнеможения, и каждый раз стрекочущая камера все больше и больше привлекала любопытных аполин, а уж Вундеркинду хотелось получить эту игрушку просто несказанно.

— Умотали, звери, — еле шевеля языком, проговорила она, в последний раз подымаясь и переваливаясь через борт. — Тяни макет, Тёмка, припрячем его на острове, а то неровен час познают про нашу самодеятельность...

— Не успеют. Я еще не сказал тебе, что утром была связь: на подходе два звездолета, вероятно, уже легли на орбиту. Глубоководники, палеоконтактисты, плазмозащитники... Словом, сплошные корифеи. Тут не до нас будет и не до самодеятельности.

Варвара приподнялась и глянула за борт, где в тени паруса бесшумно скользили веретенообразные темно-лиловые тела.

— Все равно завтра обряжу в сбрую Вундеркинда... Стащи-ка с меня моноласт... Ага. На все, что мы делаем, земные дельфинологи потратили бы минимум полгода: знакомство с упряжью, привыкание к свету, к шуму. Отработать нажатие клавиши и только тогда приступать к главному — связать включение аппаратуры с подводными сооружениями, и все это последовательно, долго и нудно закрепляя каждый выработанный рефлекс...

— Знали бы аполины, что такое рефлекс! — фыркнул Теймураз.

Это действительно было самым больным местом дрессировки. В отличие от дельфинов — да что там говорить, от любых земных тварей, — аполины наотрез отказывались воспринимать лакомства как закрепитель рефлексов. От угощенья они не отказывались, это правда, но не связывали его с каким-либо заданием.

— Да, — согласилась девушка, — чересчур уж они умные. Это все равно как если бы знаменитому академику начали объяснять, что обед в перерыве конференции — это

вознаграждение за его доклад. Представляешь его академическую реакцию?

Теймураз, наверное, представил, но промолчал.

— А в чем дело? — встрепенулась Варвара, садясь и подтягивая коленки к груди. — Ты что такой индифферентный?

Он греб короткими, сильными рывками.

— Успокойся, я дифферентный на все сто процентов.

Интересно, кто бы успокоился после столь дурацкой реплики? И вообще, за последний месяц он из ящерицы живой превратился в рептилию сублимированную.

— Послушай, Тёмка, — решительно проговорила она, — я же вижу, как ты усыхаешь с каждым днем. Жан-Филипп прав, это очень трудно — быть против всех. Даже если не в одиночку, а вдвоем.

— Глупая ты все-таки, — печально проговорил Теймураз. — Или просто еще маленькая. Когда ты прав, это совсем нетрудно, но только в том случае, если знаешь, что от твоей правоты кому-нибудь и хотя бы через тысячу лет станет чуточку легче...

Лодка ткнулась в берег, по инерции выползла на гальку. Они прошли мимо могилы Лероя — громадный монолит из лиловато-коричневой яшмы казался теплым и чуть ли не живым. Они привычно коснулись его кончиками пальцев. Это был их маленький обычай, их обряд. У них уже очень многое было на двоих, вплоть до подводного заговора с участием аполин; еще на большее они были готовы друг для друга — и, тем не менее, Теймураз был для Варвары, что глубь морская: на столько-то метров она тебе принадлежит, а вот что дальше — только догадывайся, лови всякие смутные и не для всех существующие тревожные волны.

— До завтра, — сказала она. — Легкой тебе бани.

Теймураз кивнул: ему сейчас предстояло сдавать Жану-Филиппу очередные аполиньи трофеи и головомойка была обеспечена.

Варвара проводила его взглядом, потом как-то невольно оглянулась на Лероев камень. Парчовая яшма казалась отсюда однотонной, сглаженные углы и странные пропорции монолита создавали впечатление нечеловеческой тяжести и усталости. Вот так устало и тягостно думает Теймураз о своем, о чем-то неизвестном ей и очень далеком. Не о Лерое, иначе его пальцы не коснулись бы камня так легко и бездумно. Он ничегошеньки не понял, этот мальчик, он до

сих пор считал появление Лероя на этой планете случайным, а ведь для старика весь смысл оставшейся жизни заключился в одно: быть на одной земле с прекрасной Кони.

Не дошло это до ее сына.

Старик заслонил его — это угнетало Тёмку. Но существовал еще какой-то невидимый груз, который давил на Теймураза с каждым днем все тяжелее и тяжелее.

Лероя похоронили на том месте, где он любил стоять, глядя на море. Может, и он не просто смотрел, а чувствовал странные импульсы, рожденные в кофейной глубине, и заставлял себя не верить в их реальность? Камень этот притащили от самых ворот Пресептории, там было несколько таких монолитов, но яшмовый — только один. «Уцелела плита за оградой грузинского храма».

Да что за наваждение — одно и то же стихотворение, и на том же самом месте, и так уже полтора месяца! Мало она хороших стихов знает, что ли? Она рассердилась на себя и побежала к себе в лабораторию, прыгая с одного камешка на другой. Слишком много камней, вот и вирусный возбудитель всех ассоциаций. Отсюда и Кавказ, и плита у ограды; и седина — соль на них.

Встряхиваясь на бегу, как рассерженная рысь, Варвара одним прыжком влетела в тамбур своего экспериментального корпуса. Сублимационный зал встретил ее двадцатиголосым ворчаньем форвакуумных насосов, запахом перегретого машинного масла и неожиданным после полуденного пляжа морозом.

У крайних, самых вместительных, камер, куда можно было бы поместить крупного носорога, возился Пегас. Полтора месяца назад кибы принесли его с «дикой» стороны буквально по кусочкам, столь доблестно выполнял он Варварин приказ снимать каждое животное, что его назойливость превысила меру звериного терпения. Теймураз кое-как спаял бренные останки воедино, Варвара вживила новые щупальца, но вот речевой аппарат был необратимо поврежден. Пегас страшно стеснялся своей немоты.

Сейчас у него в корыте лежал только что вынутый экспонат — серебристый овцеволк. На Большой Земле эти несчастные создания, по всей вероятности, вымерли бы в третьем поколении; здесь же каждую стаю опекали несколько асфальтовых горилл, снабжавших этих горе-хищников различной падалью. К счастью, они не приобрели мерзкой внешности гиен, а по традициям Степухи превратились в

очаровательных барашков на сильных собачьих ногах, и только мощные зубы, способные загрызть быка, если бы только здесь водились быки, выдавали в них хищников. Варвара подсунула руки под курчавое мерлушковое брюхо и легко, словно это была плюшевая игрушка, вынула чучело из корыта. Собственно говоря, это было не чучело, а мумия — легкая, совершенно обезвоженная ткань. Это со шкурами всяческая возня — выделка, лепка модели, строительство каркаса... Просто удивительно, сколько сил отнимало все это у таксидермистов, пока не был изобретен метод сублимационной сушки. А теперь, в сущности, и человек не нужен, разве что всякими проволочками да пружинками придать мертвому достаточно правдоподобную позу.

А затем — уже работа для Пегаса: ни шкуры не снимать, ни всякими снадобьями не нашпиговывать, как делали это в прошлые времена. Просто сунуть тушку на пару часов в жидкий азот, а потом на простой морозец градусов под тридцать. И насос включить помощнее. Вода из организма прямо так мельчайшими кристалликами льда и будет уходить. Сублимироваться. Вот и вся процедура. Примерно через триста—четыреста часов — вот такая невесомая игрушка, и правдоподобие полное: зверь как живой.

Настолько все просто, что и делать ей тут нечего.

Она повернулась и пошла наверх, в двухсветную скульптурную мастерскую. Здесь будет посложнее, ведь на кухне нашлось несколько таких шкур, что от этих зверюг жутко становится — приводит в ужас убогость собственной фантазии. А фотографий нет, не говоря уже о голограммах. Как тут изготовишь каркас? Она задвинула овцеволка в уголок, пошла к рабочему столику и сняла с недавно начатой глиняной фигурки мокрую тряпку. Модель в десятую долю натуральной величины должна была изображать сумчатую длинношерстную жабу. Варвара дошла до пределов своего воображения, но кошмарное создание не выглядело живым. Каких-то деталей не хватало. Может, достоверности позы?..

Варвара вздохнула и накинула тряпку на модель. Придется ждать, пока кто-нибудь не запечатлеет этого красавца на пленку. Она засучила рукава и занялась консольной экспозицией «Утро в лесу». Овцеволк очень кстати, без него картина была бы чересчур идиллической. Мха и лишайников маловато, завтра придется сгонять Пегаса к Ящеричному хребту. Ведь со дня на день могут нагрянуть

прибывающие гости, с ними предстоит очень серьезный разговор, и для пущей убедительности стоит продемонстрировать несколько готовых работ. И для установления доверия к ее способностям. Не первокурсница же она, в самом деле.

Стены мастерской пожелтели — над Степухой ронял луковичную шелуху закатных облаков традиционный вечер. Спину уже поламывало от усталости, как-никак, а каждый день она не знала отдыха с шести утра и до самой темноты.

Прошаркал Пегас и безмолвно замер за спиной.

Она этого страшно не любила, и Пегас должен был бы об этом помнить. Одернуть его неловко: калека. Да и работа все равно не клеится — вдохновения ни на волос. Жабий. Сумчатый.

— Послушай, Пегасина, — сказала она, стоя на коленках в пересохшем ягеле. — Над моделью — полка, на полке — колпак от эксикатора. Достань, будь другом, только в целом виде.

Она не оборачивалась, торопясь закончить хотя бы нижний ярус экспозиции, но по звукам за спиной догадывалась, что дотянуться до высокой полки Пегасу как-то не удается. Плоховато склеил его Тёмка. Сюда пришли два корабля, так неужели на них не найдется ни одного приличного робомеханика?

— Ладно, я сама... — начала она и осеклась: Пегас, поднявшийся было на дыбы, неловко покачнулся и всеми опорными копытами и оперативными щупальцами, приданными вычислительным бурдюкам, обрушился на злополучную модель.

— Куда ты, старый осел! — крикнула, не сдержавшись, Варвара и тут же пожалела: на крик мгновенно явилась Пегги.

— Старый осел! — завопила она, повышая тональность на каждом слоге и в результате переходя на ультразвук. — Старыйстарыйстарыйстарыйстарый осел!!!

Варвара поднялась с колен. В свое время она вложила немало труда в то, чтобы запрограммировать своих роботов на дружески-юмористические отношения. Но с юмором у роботов оказалось туговато...

— Пошла вон, — не повышая голоса, велела она Пегги. — А ты, Пегасина, прости нас. Завтра я ее перепрограммирую.

Она села обратно на мох, положила подбородок на коленки. Старый, старый, старый осел...

И еще старый, очень старый управляющий центр.

Теперь стало ясно, что крутилось в подсознании, выбрасывая на поверхность ассоциативного водоворота то стихи Пастернака с седеющим Кавказом и ночными ледниками, то образ Лероя, уходившего к морю, его глубокая старость поменьше контрастировала с кипучестью молодых. Ведь даже перед смертью он говорил совсем не то, что переполняло его душу, — видно, боялся, что слова любви на старческих губах будут просто смешны... Застарелая боль дряхлых Золотых ворот. Даже сам Жан-Филипп, поседевший демон... Старость. Нет, изношенность механизма — этот ключ давно был под рукой, только само слово не приходило на ум, ведь так трудно думать о старости в девятнадцать лет!

Она поднялась одним толчком, побежала в маленький холл, где имелся экран связи. «Теймураз! Теймураз! Тёмка!» Она стучала кулачком по номерной клавише, но экран не включался, значит, в своем коттедже Теймураза не было. Она вызвала аккумуляторную — тоже нет. Подумав, осторожно нажала клавишу с шифром Кони — и там никого. Трапезная? Пусто. Да что происходит в Пресептории, если и здесь вечером нет ни одного человека?

Она включила Главную (сиречь единственную) улицу. Первый квартал — никого. Второй — никого. Поворот к Майской поляне — бегут. У самого Майского Дуба — столпотворение.

Та-ак.

Она выскочила на улицу в халатике, перемазанном глиной.

Побежала.

Те, кто стоял вокруг дерева, были высоки и плечисты, Варваре не сразу удалось просунуть нос между их локтями. Ничего особенного она не увидела — просто под нижними ветвями стоял автоприцеп со здоровенным экраном, на котором мелькало множество лиц. Все до единого были незнакомы и заполняли пространство так плотно, что не видно было, откуда ведется передача. Хотя вестись она могла только с космодрома.

Итак, они уже приземлились. Оперативно! И сразу же сцепились с первопоселенцами — перед самым экраном, расставив по-боцмански ноги и заложив руки за нагрудник клеенчатого передника, стоял Сусанин. И он, и те, что с экрана, говорили разом.

— Да вы представляете, что значит свернуть рабо-

ты? — рычал Сусанин. — У нас тут сосунки, их в глубь материка не вывезешь!

— Ничего, ничего, — вежливо и категорично отвечали с экрана. — Половину завтра отгрузите на корабль, половину начнете готовить к возврату в естественные условия. Людей оставите минимум, остальных — пока на космодром, а площадку для запасного поселка мы вам приглядели километрах в шестидесяти.

— Позвольте, позвольте, — не выдержал такого напора Жан-Филипп и стал плечом к плечу с Сусаниным. — Кто распоряжается на Земле Тамерлана Степанищева?

— Мы, — сказали жизнерадостные диктаторы с экрана. — С момента нашего приземления — мы. И вы это знаете.

Варвара попятилась и выбралась из плотного ряда молчаливых свидетелей перепалки.

Огляделась.

Сзади все комбинезоны были одинаковы, но Теймураза нетрудно было найти по габаритам.

— Тём, Тёмка! — Она дергала его за хлястик, пока он не вышел из оцепенения (а тут почти все пребывали в оцепенении) и не обернулся. — Это кто еще на нашу голову? Ревизоры?

— Стратегическая разведка. Если подсчитать, то вызвал их сюда наш старик, я имею в виду Жана-Филиппа, немногим более месяца тому назад... Да, сразу после похорон Лероя. С чего бы? Они имеют право занести Степуху в КГК, со всеми вытекающими.

КГК — «Красная галактическая книга». Это был список земель, где необходимы чрезвычайные меры. Инженерное воплощение этих мер сильно смахивало на легенды о титанах.

Варвара ощутила холодок в пищеводе. Вот и дождалась. Рада?

— Что, два корабля — и сплошь разведчики?

— Нет, конечно. Прибыл их Голубой отряд — океанологи.

Голубой отряд. Ничего голубого в них не было, кроме васильковых буковок на рукаве. Да еще головы, одинаково бритые до голубизны. Вот почему она не могла сразу сориентироваться, сколько же их на экране, — все они фантастически походили друг на друга, худощавые и неистощимо энергичные. Они все время находились в движении, как ртутные шарики.

— Мы тут в дороге проглядели все ваши материалы, —

говорил один, которого отличали от других пушистые девичьи ресницы, резко контрастирующие с бритым черепом, и легкий нервный тик, пробегающий по правой щеке. — Не исключено, что когда мы вплотную займемся вашим шельфом, янтарной пеной и морскими змеями, может последовать спровоцированный ответный удар...

— Пока не жалуемся, — неубедительно возразил Сусанин.

— Пока, — спокойно согласился тот, с ресницами, — похоже, он был там главный. — И если не считать троих.

— Но это имело место вне Пресептории! — торопливо возразил Жан-Филипп.

— Да, — так же спокойно согласились с ним. — Пока — вне.

Варвара хлопала глазами, как мультипликационная зверюшка, глядя на это чудо: как, не тратя ни малейших усилий, ставили на место самого Жана-Филиппа! И потребовалось для этого всего восемь — десять человек, обладающих даром мгновенной и безошибочной оценки происходящего.

— Да вы хотя бы представляете себе, в каком кошмарном режиме нам приходится работать? — чуть ли не бросался с кулаками на экран неистовый Сусанин. — В режиме страха. Постоянного страха. Думаете, перед змеями и смерчевыми молниями? Как бы не так! Перед тем, что в один прекрасный день на нас могут свалиться с неба так называемые хозяева и очень вежливо сказать: «Мы бы вас попросили...» — и мы очень вежливо ответим: «Да, да, пожалуйста!» — и будем в бешеном темпе убираться отсюда во славу галактического права. А здесь, между прочим, кроме стеллеровых коров еще и сумчатые... А «дикая» сторона! Так что свертывать работы — это даже не абсурд, это преступление!

— По грубым прикидкам, последний раз «хозяева» появлялись здесь не меньше тридцати тысяч лет назад. Так что их визит...

— Наименее желаемое — наиболее вероятно!

— Ну, Евгений Иланович, в этом случае мы постараемся как-нибудь с ними договориться. Тем более что выявление закономерностей их логики входит в нашу первоочередную программу.

Варвара получала несказанное удовольствие от этого разговора. Молодцы, голубая разведка! Умницы, стратеги! Сегодня все равно потерянный вечер, поэтому они решили стравить весь эмоциональный пар. Ночью пресептор ианское

начальство успокоится, снизит содержание адреналина в крови и утром будет способно на спокойный, конструктивный разговор.

И начнется работа. Настоящая, умная работа.

— Мы скрупулезно исследовали все аномальные явления, — настаивал Жан-Филипп, — как имевшие место при нас, так и оставившие безальтернативно интерпретируемые следы воздействия...

Варвара фыркнула, и громко.

— Мы ознакомились, — кротко заметил главный на экране, приспуская над тирадой Жана-Филиппа скорбный флаг своих черных ресниц. — Вы все сводите к природным факторам, а природа имеет свои законы, но не логику. Которой, кстати, вы не обнаружили.

Только тут Варвара вспомнила, зачем она бежала сюда.

— И все-таки логика имеет место!.. — невольно вырвалось у нее, и тут же она осеклась.

Сусанин и Жан-Филипп, как по команде, полуобернулись к ней и замерли этакими атлантами у входа в Эрмитаж. В обрамлении этих корифеев ее маленькая фигурка в перепачканном глиной халатике выглядела, вероятно, препотешно.

— А это еще кто? — вопросили, в довершение всего, с экрана. — Женька, твое воспитание?

— Это наш новый оператор-таксидермист, — отчеканил Сусанин.

Ох, провалиться бы сквозь землю!

— Таксидермист? А мы в этот сектор начальника привезли и пару младших научных... Э-э, на ловердеке, вернитесь!

Теймураз поймал девушку за плечи и вернул обратно.

— Закончите свою мысль, — попросили вежливо и проникновенно, — пожалуйста.

Варвара вздохнула, пошевелила ногой немнущиеся травинки Майской поляны.

— Здесь дело даже не в логике, а в ее клиническом нарушении.

— То есть вы хотите сказать, что логика все-таки отсутствует? — допытывались у нее в высшей степени заинтересованно.

Варвара упрямо сжала кулачки. Неужели и эти не поймут?..

— Отсутствие и нарушение — совершенно разные вещи. Здесь искали логику в чистом виде, пытаясь разобраться в

работе искусственного мозга, в существование которого не верили, но заведомо считали его вечным и здоровым...

На экране опять произошло перемещение — как при едва ощутимом потряхивании калейдоскопа.

— Послушай, Гюрг, а девочка мыслит конструктивно, — небезразлично прокомментировали из левого нижнего угла экрана. — Продолжайте, пожалуйста.

— По всей вероятности, координирующий центр, спрятанный на дне моря, долгое время четко работал по программе: распознавались образы, благо классы были заданы: механизмы, животные, биороботы, гуманоиды; одних надо было лелеять, других не возбранялось топить. В сомнительном случае имелось великое множество тестов — от северных сияний до янтарных зерен, которые складывались хоть в замок Юрате, хоть в морского змея. Но прошло как минимум тридцать тысяч лет. И наступила старость.

Она этого ждала — за спиной мгновенно возник возмущенный гул. И имя — то самое имя, которое не могли не вспомнить...

— Только не надо про Лероя! — крикнула она, круто оборачиваясь назад. — Да, старость священна, когда это — старость человека. Да, человек становится стократ добрее и мудрее. Но не разваливающаяся на части машина. Так неужели вам не страшно, что во власти этого разваливающегося управляющего центра, этого квазимозга, оказалось сейчас все побережье вместе со всеми теми зверюшками, которых приручили не мы?..

На экране снова зашевелились, вынырнули две-три посторонние головы, бородатые и обильноволосые.

Но их вытеснили.

— До сих пор вас беспокоил принцип навязанного отбора по избыточной агрессивности. Или нет?

Однако они досконально знакомы со всеми мыслями!

— До некоторых пор — да. Но судьба побережья в целом...

— А почему вы говорите только о прибрежном районе?

— Аномальных явлений в глубине материка практически не наблюдается. А побережье... Где же было развернуться этим пришельцам, как не здесь, — они же были амфибогуманоидами.

— Вы абсолютно убеждены?

— Да. Они даже собак себе завели не на суше, а в море — аполин. Координационно-управляющий центр, это развалюха, лежит в основании одного из рыжих островов,

со спутников его не просмотреть, но аполины его знают. Дайте нам с Теймуразом неделю, и мы положим на стол снимки этого центра.

— Бред! — сказал Сусанин. — Аполины натаскали тут всяких штучек-дрючек, но это — детали летательных аппаратов пришельцев, они уничтожены молниями тридцать тысяч лет назад!

Ни одна бритая голова даже не повернулась в его сторону.

Невероятность ситуации заключалась в том, что весь знаменитый Голубой отряд битых четверть часа занимался исключительно какой-то пигалицей, таксидермисткой без университетского образования и мохнатой коброй — по характеру; а вокруг стояли сто шестьдесят экспедиционников Пресептории и слушали молча.

— И последний вопрос: значит ли все вышесказанное, что вы имеете собственную, то есть отличающуюся от общепринятой, концепцию ноосферы Земли Тамерлана Степанищева, более или менее полную и непротиворечивую?

Варвара снова пошевелила ногой упругие травинки, серебрящиеся в отсветах экрана:

— По-видимому, да.

На экране снова возник озорной всплеск активности, и вдруг в нечаянном просвете между мужскими лицами появилась, как волшебное видение, белокурая головка со всеми атрибутами кукольной красоты — губки бантиком, бровки стрелочкой, остального пока не видно, но чувствуется — не то Ника Милосская, не то Венера Самофракийская. В довершение всего эта воплощенная мисс Галактика кивнула с экрана, и даже благосклонно.

Варвара недоуменно оглянулась, отыскивая того, кому бы мог адресоваться столь царственный кивок, — и вдруг прямо перед собой увидела лицо Теймураза. Обуженное ночными тенями и освещенное только голубоватым светом экрана, это лицо сияло, точно серебряный факел, и голос, жалкий от счастья, повторял: «Она прилетела, Варька, ты понимаешь, она прилетела, она прилетела, Варька, дружище, она...»

Она попятилась, отступая от этого светящегося лица, и двигалась назад до тех пор, пока не наткнулась на экран заведенными за спину руками. Под пальцами разбежались крохотные искорки, холодок стекла подействовал отрезвляюще. Она замерла.

С экрана смотрели дружелюбные, интеллигентные и

совершенно чужие лица. Кукольной красавицы уже не было.

— Послушай, Гюрг, а ведь девочка нам подходит, — снова подали реплику из левого нижнего угла. — Девушка, пойдете к нам в Голубой отряд?

Чужие лица дружно и одинаково улыбались — как аполины.

И все кругом засмеялись.

Варвара засунула руки в карманы, оттопырила нижнюю губу.

— Боюсь, что нет, — проговорила она с расстановкой, — ведь если я обреюсь, как вы, то буду выглядеть со своими усами чересчур экстравагантно.

— Кобра, — с отчетливым уважением произнес у нее за спиной голос Сусанина.

Она тихонечко вздохнула и пошла прочь, огибая прицеп с экраном, и пушистые соцветья Майского Дуба осыпались ей за шиворот. За спиной пчелиным гулом разрастался хор голосов — интермедия кончилась, снова обсуждалась судьба планеты.

«Мы еще посмотрим, как вы к этому центру подберетесь!» — «Можем сверху, на аполинах верхом, можем снизу, тоннелем под морским дном. Не в том же проблема». — «Да знаем мы вас, все вам не проблема, и до центра вы доберетесь, и не взорвете его по крайнему гуманизму своему, а бережно отключите. Только в результате Золотые ворота благополучно сдохнут вкупе с Оловянными, и все зверье с «дикой» стороны хлынет на побережье сюда. И начнется вселенский жор, и останутся от уникальнейшего биоценоза рожки и ножки в самом прямом смысле...» — «Ну-ну, Евгений, не передергивай, уж ты-то знаешь, что ничего мы не отключаем и не включаем, наше дело — только разведка и рекомендации Галактическому совету, вот он-то и решать будет. А обновить генофонд ваших плюшевых зверюшек просто необходимо, иначе вымрут!» — «Если они постепенно вымирать будут, то от них вышеупомянутые рога еще, может быть, и останутся. Ну, воссоздадут еще пару-другую методом клонирования в заповедных реликтотсках. Но вот если ворота порушить и стороны соединить, то оттуда нагрянут такие хищнозавры — ни костей, ни рогов не соберешь. Таксидермичку закрывать придется. А те из наших курносеньких, что уцелеют, попадут под такой шоковый прессинг, что из ручных превратятся в пещерных и забудут про то, что такое солнечный свет. И это будет похуже вымирания, потому

что виды в их современном состоянии исчезнут и следа не оставят...»

Сусанинский голос, рисующий катастрофические картины, терялся и глохнул в густолиственной чащобе парка. Он оставался за спиной вместе со всеми этими проблемами, которые кажутся такими значительными самим спорщикам и чуть ли не детскими, если послушать со стороны. Ну, соединят обе стороны, но ведь не за счет же убиения ворот! Уж их-то придется охранять бережнее, чем все остальное, вместе взятое. Еще бы, уникальнейший симбиоз, только вот не понятно, чего с чем... Со зверьем проще, элементарнейшая задачка на совмещение «быть» и «не быть». Искусственные биобарьеры, передвижные, самое осторожное смыкание зон. Несколько контрольных участков. Начать объединение животных в самой узкой полосе, а самые широкие, тыловые резервации оставить для чистых популяций, не затронутых всей этой кампанией. И все это в естественных условиях и предельно просто, нужно только не умиляться и не возмущаться, а вызвать несколько тысяч добровольцев с Большой Земли — для контроля. Но голубая разведка, наверное, сумеет этого добиться.

Она развела в стороны ветви игольчатой крушины и вышла на пляж. Море светилось сазаньей чешуей звезд, но галечная полоска была темна, и справа, где начинались крутые скалы, отыскать Лероев камень можно было только по памяти. Память, как всегда, не подвела, и Варвара присела на теплый каменный бортик, ограждавший яшмовый монолит. Между бортиком и массивной глыбой оставалось небольшое пространство — в ладонь, от силы — полторы; сюда она приносила камешки, окатанные морем, самые красивые, какие только выносила волна: опалово-молочные, крапчатые, яблочно-зеленые, — они грели ей руки и были удивительно неизменны и верны своей изначальной сущности. Море могло обглодать их до превращения в крошечные песчинки, но и тогда каждая осталась бы самой собой — молочно-белой. Крапчатой. Яблочно-зеленой. И, опуская их в каменную канавку, Варвара каждый раз тихонечко повторяла то шепотом, то беззвучно, лишь шевеля губами и мысленно произнося, как заклинание: «Марь душистая... зизифора... вишня тянь-шаньская... таволга...»

Такие вот цветы были на могиле Лероя, от которого, в сущности, она не слышала ни одного обращенного к ней человеческого слова, кроме случайно придуманной им дразнилки — перечня трав, предпочитаемых крошечными серебристыми лакомками с горных отрогов Памира. Зачем с

первой же минуты их знакомства он громоздил между ними непроницаемую стену беззлобных, но и бескомпромиссных насмешек?

Да затем, что угадал он в ней ведьму морскую со всей причитающейся ей дивьей зоркостью и испугался, что распознает она его тайну, которую он берег пуще жизни.

Не ошибся Лерой, она эту тайну разгадала. Да поздно.

И вообще, что было толку от ее вещего чутья? Кого она спасла, кому помогла, от чего заслонила?..

Варвара привычно провела кончиками пальцев по чуть шероховатой поверхности камня, обработанного неизвестно сколько тысяч лет назад. Как ни печально, но руки, касавшиеся его в дремучей древности, принадлежали отнюдь не венцам творения. Хомо аквитус инопланетный — она не представляла себе, как он выглядел, но зато отчетливым и брезгливым нюхом души распознала в нем неуемный дух владычества, помноженный на барскую снисходительность ко всему остальному живому во Вселенной, и еще опасное всемогущество, которое в сочетании с иллюзорно-прекрасным лозунгом: «Все для человека!» позволило ему превратить это сказочное побережье чужой планеты в громадную резервацию для живых игрушек — наследственно-ручных животных. И позабыть о такой мелочи — на чудовищную машину, управляющую этим загоном, поставить выключатель. А то аппетит к посещениям далеких планет прошел, а несчастное зверье десятки тысяч лет изнывает от неутоленной любви к неведомому, приручившему его хозяину...

Она потерла яшмовую глыбу пальцами, попробовала отколупнуть чешуйку — камень не поддался. А может, его обрабатывали вовсе и не руки обретших разум земноводных существ, а холодные перепончатые, суставчатые биоманипуляторы? Нет. Яшма отозвалась, и не теплом — нет, руки тех неведомых существ, может быть, и имели температуру около тридцати шести по Цельсию, но человеческого тепла не несли. А ведь именно эти существа, ксенантропы, побывавшие и на нашей планете, на сотни тысяч лет опередили в развитии людей Большой Земли. И вернулись к морю, начали вживаться в него гораздо раньше нас. И наверное, поголовно рождались в воде, как дельфинята. И что проку?..

Куда же подевалась у них чуткость и врожденная доброта, которую дарит море? А может, это только она по своей молодости и недомыслию так высоко ставит врожден-

ные качества? Ведь и щенок может родиться с идеальным слухом, но он никогда не сочинит элементарного музыкального этюда...

Нет, нет, нет! Море у ее ног тихонечко заворчало, собирая волну, словно рассердилось на эту невысказанную вслух измену. Нет. Хомо аквитус — это ведь не просто человек, ныряющий подольше и поглубже, получивший в подарок, как в древности дарили серебряную ложечку, и выносливость, и приспособляемость, и раннее развитие. И вообще, это не биологическое определение, а состояние, когда все внутри словно промыто проточной морской водой, и чисто, и звонко, и натянуто, как хрустальная нить, и тысячезвучный резонанс чужой боли или восторга, неправды или красоты так переполняет тебя всю, что в ушах звенит и хочется рот разинуть на манер глубоководной рыбы, выброшенной на берег. И воспринимаешь действительность не только оком, ухом и нюхом, а еще и этим душевным резонатором, и тогда суть происходящего обнажается для тебя.

И тебя перестают понимать.

И день не понимают, и два, и десять, и наконец наступает предел этому противостоянию всем и каждому. И остается вот так бежать к своему морю и чужому могильному камню.

Море, за неимением луны никогда не знавшее ни приливов, ни отливов, сонно всхрапнуло где-то под ногами. И в темноте, за парком возник упругий, стрекочущий звук прогреваемого мотора. Несомненно, в Прессептории существовало правило, категорически запрещающее одиночные выезды в ночное время; тем не менее, Варвара отчетливо слышала, как маленький скоростной вездеход лихо взял с места, взревел на повороте и пошел на подъем. Строчечная стежка непрерывных выхлопов удалялась, словно ее стремительно уносила в клюве ночная птица. И пусть где-то здесь, на Майской поляне, строились грандиознейшие планы тотального перелопачивания тверди и хляби целой планеты — если только эти дебаты не ушли и дальше, в космос, — но такие перспективы могли и увлечь, и восхитить, и ошеломить... И только.

Но вот ночной кузнечик, уносимый ширококрылой невидимой птицей не куда-нибудь, а на космодром — это не ошеломляло.

Это ее попросту с ног сбило.

Далекий перфорированный звук вознесся на перевал и заглох в многократных отражениях оникового каньона. И

свирепые свары под Майским Дубом постепенно стихали, истекая прощальными эмоциями. «Проклятущая весна, — севшим голосом проговорил Сусанин, сдирая через голову заскорузлый фартук. — И ведь все беды начались с приезда этой... этой...» — «Я тебя утешу, — заверил командир Голубого отряда, — чем все началось, тем все и кончится: то есть ты поедешь в глубь материка, осваивать новую площадку для базы, а вот она, с которой беды начались, останется с нами, на побережье. Если, конечно, передумает и согласится». — «Ишь, какие вы прыткие! — возмутился Сусанин, и непонятно было, что звучит в его голосе: обида, начальственное собственничество или обыкновенная ревность. — Обрадовались, что нашли себе ведьму морскую со сверхчувственным восприятием, и думаете — отдадим даром? Не выйдет, она мне самому нужна». — «А эта задиристая действительно нэд'о? — искренне удивился Гюрг. — Вот бы не подумал... Нет, Женька, дело не в том. Сверхчувственное восприятие с общечеловеческой точки зрения — это у любой кошки, у каждой мышки, и ты это знаешь. А у этой юной особы своя собственная концепция. Чувствуешь? У тебя же, между прочим, только одна стошестидесятая от общепринятой...»

Экран погас, и все торопливо побрели по своим коттеджам — складываться; и только Варвара, в полном неведении сидевшая на берегу под глыбой уже остывшего камня, никуда не двинулась. Ноги не шли домой, потому что завтра ей на голову должно было свалиться непрошеное начальство вкупе с парой младших научных и — прощай, самостоятельность; да еще приказ уходить от моря, без которого она жить не могла, не говоря уже о Моржике, Вундеркинде и остальных; и небрежно-веселые интеллектуалы из стратегической разведки, выставившие ее на посмешище, как ей казалось, перед всей Пресепторией, как будто ей и без того сладко жилось; и, наконец, предательство Теймураза, о котором он и не подозревал, потому что ведь он ей никогда и ничего не обещал...

Впору было зареветь, но она с детства считала, что слезы на некрасивом лице — зрелище непотребное. Даже если на тебя глядит всего лишь неодушевленное создание — до смерти надоевший морской змей.

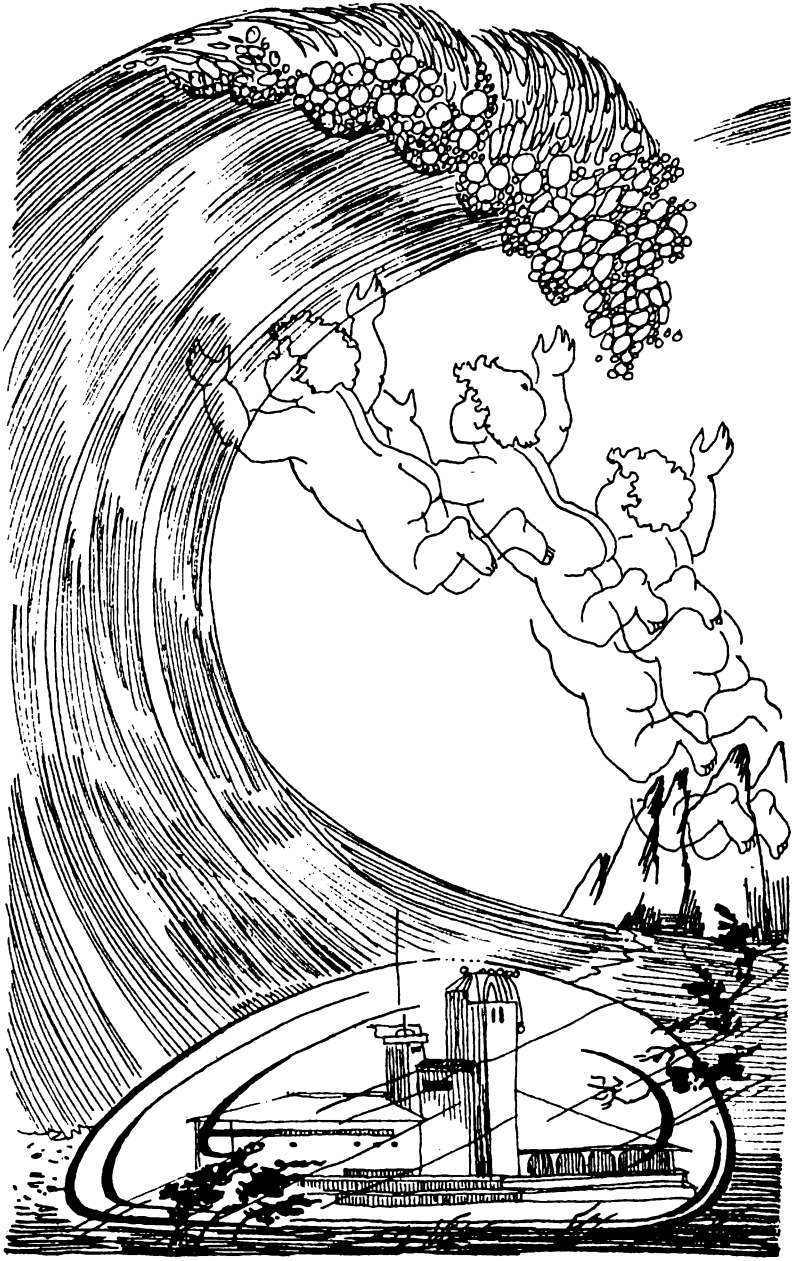
Пришлось сдержаться.

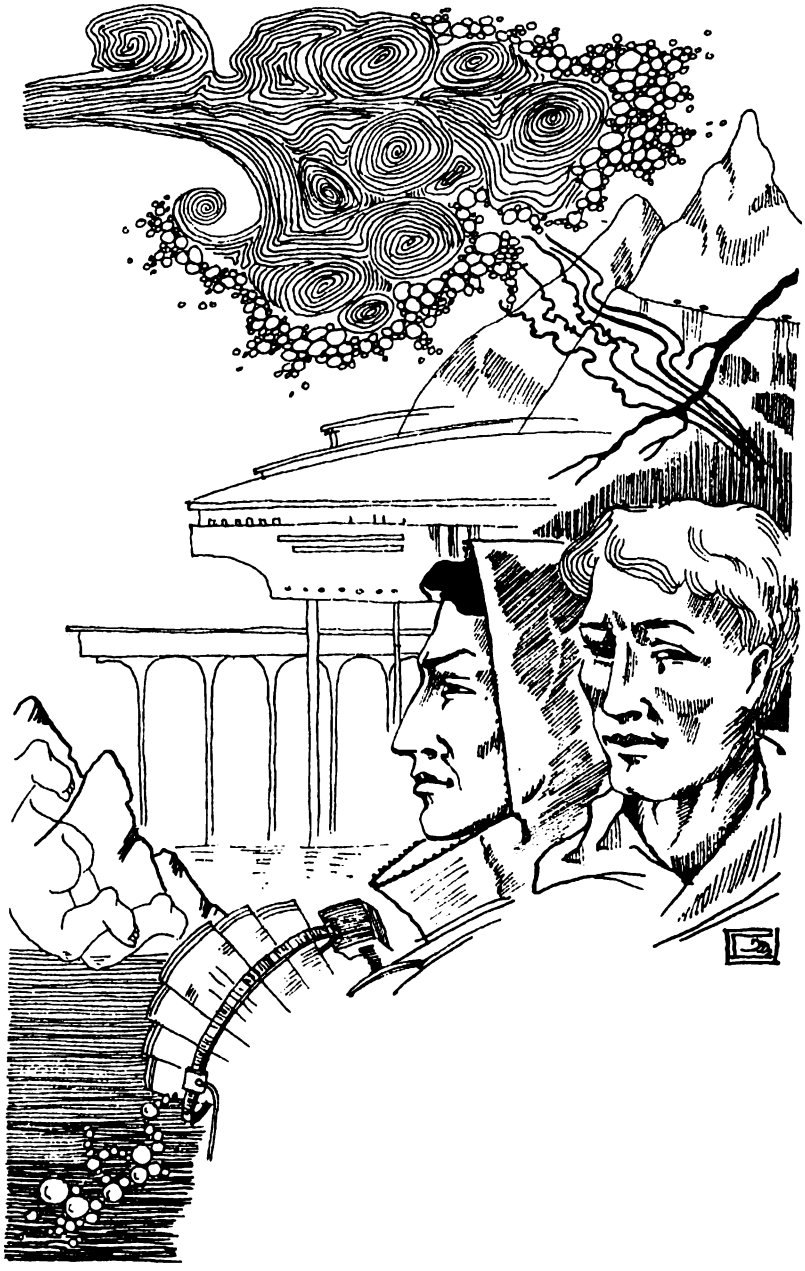
Так она и сидела возле растворившегося в ночной темноте камня, покрывавшего могилу человека, который, боясь быть разгаданным в такой поздней и такой незащищенной своей любви, запирался от всех на семь замков заклятых,

на семь запоров заговоренных и все же оказался единственным, к которому ей захотелось прийти в тяжкий час. Почему так было, Варвара еще не знала, а это объяснялось просто: этот человек умел любить по-настоящему, а это во все времена — редкость; и хранил он свои чувства, как никто другой. Не знала она и того, что у нее самой все это совсем-совсем близко: от самой сумасшедшей, самой переполненной, самой невероятной поры жизни ее отделяла одна ночь.

Но сейчас она сидела, поджав озябшие ноги, и, как это бывает в сказочную пору — в девятнадцать лет, ей казалось, что для нее все на свете решительно кончено.

Клетчатый тапир





Это была осень, а осени Варвара не любила и кое-как мирилась с ней только потому, что следом шла еще более ненавистная пора — зима — время бессильной апатии всего живого.

Время ледяной воды.

Варвара немного постояла на крыльце, поеживаясь и вглядываясь в утреннюю предрассветную дымку. Туман сегодня был какой-то странный, липкий, он жался к деревьям и домикам, повисая на них зябкими клочьями, а в промежутках редел, словно ставил западню: выйди на улицу, доверься этому призрачному неосязаемому ущелью — и где-то на середине пути на тебя рухнет влажное облако, спеленает серой липучкой, сырым комом проскользнет внутрь. Бр-р-р. И ощущение будет такое, словно улитку глотаешь.

Она спрыгнула с крыльца, успев заметить, что гирлянды сушеных луковок теперь придется на ночь убирать в дом, и побежала по улочке, отделявшей трапезную от жилых коттеджей, срезая углы и при этом неизбежно влипая в сырость. Легкие сандалии чмокали по влажным плитам, и тем не менее где-то справа, в стороне Майской поляны, она различила еще какие-то звуки, приведшие ее в недоумение. Легкий топоток переходил в упругие удары — топ-топ-топ-топ-бум-бум-бум. Варвара представила себе эту картину: несуществующий здесь, на Степухе, страусенок материализуется из тумана, разбегается и после четвертого-пятого шага вдруг превращается в столь же нереального тут слоненка — и исчезает, снова становясь комком тумана. Киплинг по-тамерлански. Стоит посмотреть.

Она двинулась крадучись вдоль зеленой полосы, отделявшей поселок от пляжа и пышно именуемой Парком, и скоро подобралась к поляне. Остановилась. Было тихо... Нет. Дыхание, частое, сильное — кто из здешнего зверья способен так дышать? А люди еще спят. Впрочем, что это она — совсем забыла, что за стены Пресептории не может ступить по своей воле ни один зверь.

А между тем на другой стороне Майской поляны прямо из сумрачной туманной пелены выпорхнуло что-то огненно-стремительное, словно проклюнулся язычок пламени, совсем близко зазвучало ускоряющееся «топ-топ-топ», и Варвара увидела, что прямо на нее по серебрящейся траве мчится ладная фигурка в черных плавках и алой рубахе, концы которой завязаны узлом чуть выше пупа; шагах в десяти раздалось упругое «бум!» — оттолкнувшись двумя ногами, бегун взмыл в воздух, перекувырнулся пару раз,

снова оттолкнулся, изгибаясь летучей рыбкой, и еще кувырок, и еще курбет, и еще черт-те что — и вдруг ударился пятками и замер, как вкопанный, вскинув руки кверху, туда, где к полудню быть золотому солнцу.

— Сивка-бурка, вещая каурка, — прошептала Варвара, — стань передо мной, как лист перед травой...

— Стою, — удивленно отозвался тот, только тут замечая перед собой девушку, которую туман прикрывал вместе с низкорослой тутошней акацией.

Варвара вслушивалась в его дыхание, способное разогнать туман над всем побережьем, а сама мучительно размышляла, как к нему обратиться, — это был Петерс Ригведас, один из двоих младших научных, присланных с Большой Земли; летели они вместе с Голубым отрядом, и те повадились величать его Петрушкой, что сразу же и бесповоротно за ним закрепилось.

Он угадал ее смущение, опустил руки и совсем по-мальчишечьи предложил:

— Хотите, я и вас так научу?

— Ножик вывалится, — фыркнула Варвара, представив себя вниз головой. — И вообще, каждому — свое, как говорили древние!

Она повернулась и побежала к своему морю, прыгая по ступенькам, залитым густым молочным киселем, и ожидая привычного шума, которым встречали ее вода и галька. Было тихо. Так тихо, что страшно было крикнуть — позвать аполин. Стеклянно-бурая поверхность воды, над рыжими островами — купы стоячего тумана, подсвеченного снизу рыжинкой. Девушка вошла в море, дивясь его теплоте. Вода была почти непрозрачной и горькой — не на вкус, нет. Это было ощущение какой-то потери, словно в море чего-то убавилось. А, вот оно что: в море тоже пришла осень.

Девушка проплыла километра полтора, повернула обратно — аполин все не было. Вот сони! Может, пошуметь все-таки? Но уж очень обстановка не располагала. Варвара шла размеренным, экономным брассом, и до берега оставалось метров сто, когда сзади вдруг пахнуло холодом, накатила пелена тумана, словно одеялом прикрыло, — берег впереди исчез. «Ну, такими шуточками нас не напугаешь, — усмехнулась она, — к таким спектаклям я уже привычная. И аполин нечего было от меня прятать!..»

И словно в ответ на ее мысли справа, в каких-нибудь десяти метрах, плюхнуло — точно расшалившийся дельфин. Аполины и сдержаннее, и массивнее.

— Эй, есть там кто живой? — крикнула Варвара, оборачиваясь на шум.

Плюхнуло слева, даже брызги долетели. И сзади. И еще где-то. Но живых там не было, — это Варвара уже точно чуяла. Какая-то безликая, тупая сила лупила по воде, перемешивая брызги с туманом. А ведь если попадет... Девушка нырнула и резко пошла в сторону, мгновенно зазябшей спиной ожидая нового оглушающего удара. Вода тоже была насыщена туманом, только не белым, а золотым. Ну да — традиционные янтарные пылинки. Это мы видали, и не раз. Сейчас начнут завораживать, показывать подводное кино — башеньки, виадуки, воротца. Потянет посмотреть поближе, нырнуть поглубже. Надо просто не обращать внимания — лучшее средство.

Но золотистые искорки на сей раз не стали складываться в причудливые видения затонувшего подводного града Китежа или как там его, а тихонько заклубились и собрались в шары — не то апельсины, не то минные заграждения. Ничего, пройдем поверху.

Она всплыла и, прислушавшись, попыталась угадать нужное направление. Поплыла на этот почудившийся шорох прибоя, но метров через двести поняла, что ошиблась. Прислушалась еще раз — нет, сегодня слуху доверять было нельзя. Лучше нырнуть и промерить глубину — тут уж не ошибешься.

Глубина оказалась небольшой, метров восемь; дно знакомое, и чей-то старый красный моноласт валяется, на нем уже каракуртица присосалась и прижилась. А нептуновы апельсины собрались в одной стороне, ну прямо стенку построили. Теперь не надо и глубину промерять — и так понятно: берег загораживают. Туда и поплывем.

Варвара ринулась вперед, стараясь зацепить протянутой рукой хоть один золотой комок, но, как и сотни раз до этого, наваждение таяло, так и оставшись неприкасаемым. Не вышло, ваше величество Водяной. Даже не напугал. Ноги коснулись дна, она встала и побрела из воды, отжимая на ходу волосы. Подумаешь, приключение — даже Сусанину не стоит рассказывать. А уж Гюргу и тем более.

Она быстро оделась и пошла прочь, мимо капониров, выросших прямо на пляже всего за каких-то три дня, и на крыше ангароподобного телятника увидела надстроенную башенку с нацеленными на ближайший остров незнакомыми приборами. Берег выглядел холодным и настороженным, его словно подготовили к нападению на неведомого противника, затаившегося в море.

«А я ведь не иду, — вдруг сказала она себе, — я бегу. С чего бы это?»

Она заставила себя перейти на привычный стремительный шаг. Миновала первые дома, со стен которых, словно мыльная пена, сползали вниз ошметки тумана. До трапезной оставалось метров сто, когда раздался привычный серебряный удар гонга, — это значило, что первый посетитель уже переступил порог и жаждет увидеть рядом с собой товарищей по завтраку. Не иначе как Кёлликер, так мечтавший когда-то стать кухонным поставщиком и внедрить на Степухе средневековое меню... Варвара снова замедлила шаг. Только не прийти первой, до них. Вернее — до НЕГО.

Она огляделась, напрасно ожидая хоть кого-нибудь. Ведь когда не нужно, на каждом шагу кто-нибудь непрошеный заводил традиционное: «А что вы делаете сегодня вечером?..» Но сейчас поселок словно вымер: на космодромной площадке спешно заканчивали погрузку корабля. Хоть сворачивай в переулок...

— Варюша! Как кстати!

Кони. Вот уж, действительно, кстати.

— Доброе утро!

— Господи, Варюша, как вам к лицу, когда вы улыбаетесь! Делайте это почаще.

— По заказу не умею.

— Ну вот, опять стали букой... Впрочем, это ваш стиль, вы ведь всех покоряете именно этой взъерошенностью!

Варвара почувствовала, что краснеет. И что это сегодня нашло на Кони? Девушка вскинула голову и пристально всмотрелась в усталое, словно затуманенное лицо, показавшееся ей в утреннем свете почти некрасивым. «Да она совсем не думает о том, что говорит, — догадалась Варвара. — Что-то ее гложет, и даже сильнее, чем тогда, когда случилась эта беда с Лероем. Голубой отряд? Не похоже. Тогда остается...»

— Варюша, загляните ко мне!

Девушка одним прыжком взлетела на крыльцо, и Кони посторонилась, пропуская ее в дверь. В этом коттедже девушка ни разу не была, и представления о жилище самой очаровательной женщины Пресептории были у нее самые противоречивые. Но то, что она увидела, поразило ее абсолютной непредсказуемостью: вся маленькая прихожая была увешана сетями. Разумеется, это были не подлинные рыбацкие, а декоративные, даже игрушечные сети, и морской запах, идущий от них, был не естественным, а чуточку парфюмерным, но по этим серым ячеистым драпировкам

были разбросаны самые настоящие морские звезды, крыльями бабочек распахивались перламутровые створки, цеплялись тупыми рожками разноцветные веточки кораллов и было еще что-то, не земное, но явно изъятое из моря какой-то планеты, и не сама Кони собрала все эти сокровища — это очевидно, — а кто-то, кто знал ее причуды и лелеял их...

— Я лечу с первым кораблем, — грустно проговорила Кони, — страшно отпускать сосунков одних, но при первой же оказии примчусь сюда снова. Перетащить все это на новую площадку я не успеваю — да и надо ли? А вот одну вещь мне все-таки хочется оставить вам... По-моему, пригодится.

Она отвела в сторону складки драпировки, и под нею засветилось дивной чистоты зеркало.

«Странно, — подумалось Варваре, — а мы, оказывается, одного роста... Впервые вижу Кони без каблуков. И она к тому же улетает — вот уж когда в Пресептории начнется форменная зима!»

Она невольно задержала взгляд на собственном отражении: на фоне сетей, да еще и в полумраке крошечного холла она казалась самой себе какой-то новой, с трудом узнаваемой. Словно стала выше, стройнее. Вскинуть руки — и всплыть куда-то вверх. И глаза огромные, чернущие — в полумраке не видно их колодезной зелени; щеки ввалились, сколько дней уже совсем не до еды, а волосы от здешней воды распушились — ну прямо как у тигры с «черной стороны», зверюги сказочной, чуть не ставшей приемной мамашей для Степки Пидопличко.

— Забирайте, забирайте, — торопливо проговорила Кони, словно боялась передумать. — Вашу лабораторию еще не перевозили на новую площадку, вот и упакуйте вместе с приборами... Хотя оно ведь не бьется. А все остальное...

Она повернулась и быстро вышла. Вышла бесшумно, без такого привычного цоканья высоченных каблучков. Варвара потрогала зеркало — оно неожиданно легко отделилось от стены и словно прилипло к ее ладоням. Было оно ледяным, но почти невесомым. Отнести к себе? Она огляделась — как-то неловко выносить вещь из чужой комнаты. Лучше зайти погодя. И заодно разглядеть получше все эти музейные редкости, развешанные по стенкам. Неужели Кони бросит их здесь?

Она прислонила зеркало обратно к стене и тихо провела пальцем по поверхности диковинной светло-сиреневой раковины; раздался певучий звук, и внутри родилось эхо —

раковина запела. Тише... тише... едва слышно... все. Нежный, тоскливый звук — на Земле такого не бывает.

Она опустила руку. Почему такой непреодолимой притягательностью обладают именно звуки? Но снова тронуть эту розовато-лиловую завитушку, рождающую нездешнюю песню, нельзя, это — чужое. Это было только для тех двоих.

Она вышла из домика на улицу, уже совершенно очистившуюся от накипи тумана. Теперь можно было и поторопиться. Последний десяток метров она пролетела, едва касаясь земли, не забывая по своей давнишней привычке комментировать про себя собственные действия: «В трапезную она влетела на бреющем полете...»

Половина столов была сиротливо сдвинута в угол, остальные составлены в три ряда. Первый из них был занят бритоголовыми разведчиками, меж коими как-то нечаянно затесался добрый молодец Кирюша Оленицын; второй, самый многолюдный, приютил еще оставшихся в Пресептории метеорологов, телятников и экипажи обоих кораблей. А вот за третьим столом сидели только двое — Теймураз и его краса ненаглядная. Перед ними стояло несообразуемое множество всяких мисочек, тарелочек, соусников и прочих сервировочных излишеств, никак не подходящих к общей атмосфере эвакуационной спешки. К тому же они усиленно делали вид, что им обоим очень весело.

Но действительно весело было только за средним столом, где уже успела воцариться бесподобная Кони. Как это она могла показаться кому-то некрасивой? Она была божественна, ослепительна, лучезарна. Два экипажа общей численностью в четырнадцать человек, потеряв аппетит, глядели ей в рот. Голубой отряд сдержанно, но приветливо косился в ее сторону.

Варвара тоже направилась к ней, но в тот же миг все одиннадцать разведчиков, не прерывая своего негромкого разговора, поднялись со своих мест, а тот, что сидел рядом с Гюргом, отодвинул свободный стул, так что Варваре не оставалось ничего другого, как сесть на предложенное место.

Остальные так же синхронно опустились, словно всю жизнь только тем и занимались, что репетировали подобные церемонии. Ничего себе, нашли царицу морскую! Она скосила глаза — ага, Теймураз таки наблюдал за всей этой процедурой. Прекрасно!

— Салат или кокос?

— Как всем... спасибо. Нет, нет, Джанг, достаточно.

— Киб, живо лимончик! Капнуть на креветку? Или майонез?..

— А это креветка? Да она с курицу! Спасибо, Шэд.

— Томаты с Матадора, на заправочном буйке обменялись деликатесами с одним сухогрузом...

— Лех, вы меня закормите. Помилосердствуйте!

А Гюрг молчит, сыпанул ей на тарелку какого-то розового горошка, не спросясь, и ресниц не подымает. У всех рукава рубашки закатаны выше локтя, а у него — запонки. С черным камнем. Завтра непременно надеть белую рубашку и те запонки, что Кони подарила...

— Вы купались? Как вода?

— Трудно сказать, Ага, потому что воды не было видно — туман. Впрочем, ничего особенного.

Похоже, что сегодня Гюрга отнюдь не занимает ее судьба, — следовательно, незачем рассказывать об утренних приключениях.

— А аполин этот туман не распугал?

— Вы как в воду глядели, Норд, — аполин не было. Ни одной.

Ну, посмотри, посмотри и спроси хоть что-нибудь — сколько можно думать о чем-то своем?

И — словно угадал — властное сухощавое лицо (таким она представляла себе римских цезарей) легко и надменно обращается к ней — сверху вниз, и вдруг в пушистых зарослях ресниц ослепительно вспыхивают голубые глаза — точечные васильковые молнии, изредка возникающие над здешним морем в предутренние часы, когда их так легко спутать со звездами...

— Я все время слушаю вас, Варвара, и поражаюсь: вы — единственная, кто ни разу не спутал ни одного имени...

Значит, все это время он слушал только ее, а вовсе не был углублен в собственные мысли!

— А как же иначе? У вас и характеры разные, и лица — совсем как у аполин, они хоть и лысые, но ведь не спутаешь...

И грянул хохот. Да такой, что разом обернулся весь соседний стол. Варвара вспыхнула и разом похорошела так, что все невольно заулыбались, — не неведомому поводу для гомерического веселья, а просто потому, что иначе смотреть на нее было невозможно. Один Сусанин не дрогнул, — положив кулаки на стол, он оперся на них подбородком и не мигая уставился на девушку. Страх и ужас в одном лице. Фобос и Деймос.

Вместо того чтобы опустить голову, Варвара запрокину-

ла ее так, что заострившийся подбородок выставился вперед:

— Благодарю вас. Я уже сыта.

Она хотела встать, но Гюрг протянул руку, словно хотел положить ее на смуглое Варварино запястье, но, не закончив движения, остановился — Варвара даже чувствовала тепло его ладони над своей кожей. «А ведь если бы я была в рубашке с длинным рукавом, он положил бы свою руку на мою... — пронеслось у нее в голове. — Дали небесные, да кто же научил его быть таким бесконечно чутким — и смогу ли я сама хоть когда-нибудь стать такой же?»

— Мы действительно очень похожи, — мягко проговорил Гюрг. — И у всех нас короткие, незапоминающиеся имена — новичку не позавидуешь! А вам хоть бы что, словно вы находитесь среди нас уже не один год. И этого никто другой, кроме вас, достичь не сумел.

Он говорил совсем негромко, но Варвара была уверена, что его слышат и за третьим столом. Прекрасно. Пусть послушают.

— Одно маленькое замечание, Гюрг, если позволишь, — это подал голос Шэд, чьи отливающие синевой щеки и ворчливый голос, напоминающий гул созревающего для извержения гейзера, мало сочетались с изысканностью манер, общей для всех разведчиков. — Дело в том, что ни «Варвара», ни «Норега» в систему наших имен не вписываются.

— Согласен. Предложения?..

— Нора, — сказал Шэд.

— Не пойдет, похоже на меня, что не допускается, — возразил Норд. — Нова — не лучше. Вано — мужиковато...

— Да, созвучные имена в экстремальной ситуации могут привести к нежелательным результатам. Варвара... Барбара́...

— Барб! — подсказали сразу несколько голосов.

— Согласен, Барб. Варвара, с этого часа вам присваивается боевое имя, употребление коего в рабочее время обязательно. В свободное от работы — на ваше усмотрение.

В Варваре взыграла неистребимая ее строптивость:

— Хм, и даже без этого: «С вашего позволения, мэм!»

— У мэм странные представления о субординации, — заметил молчавший до сих пор Хай. — Приказы не обсуждаются. А имена... и что это вся дичь рыбой припахивает... имена должны быть максимально короткими, звучными и

непохожими друг на друга, чтобы ни один киб или робот не спутали. Люди-то разберутся.

— В таком случае, ваши мамы обладали удивительным даром предвиденья! — не унималась Варвара.

— Не столько мамы, сколько начальство в лице командора Гюрга. Меня, например, зовут Ефим Хайкин, но производное от имени исключается, потому что при обращении «Эфа!», как сначала предполагалось, все кибы и роботы подпрыгивают на месте, а затем бросаются в кусты отлавливать воображаемого гада. Пришлось стать Хаем.

— Ну, тогда Ага — это от Агафона?

— Как можно! — Рыжие брови над хитрыми зелеными глазками сложились уголком, выражая притворное негодование. — Я есмь Агенобарб, что значит — Краснобородый. А также Яша Новиков по совместительству, но Яш — слишком близко к Яну, а Нов — опять же к Норду. Пришлось усекать прозвище.

— Бедняги, и всем-то вам приходится... Ну, откуда появился Эрбо, я не рискую предполагать...

— Попросту Роман Борисович.

Варвара покосилась в сторону командора, который неторопливо допивал свой сине-зеленый чай. А вот что касается его «боевого имени», то он сам ей расскажет, что и откуда. И в более подходящей обстановке. Командор сложил салфетку, и все разом поднялись.

— Шэд, запроси космодром — как там у них с отлетом?

Шэд запросил. Автоответчик писклявым голосом (ох, уж эти освоенцы, батарейки не поменяют!) проинформировал, что людей поблизости нет, все на площадке, а отлет намечается примерно через семьдесят часов.

— Жалко, — вздохнул Хай, — немного подзадержались бы — и мы с ними, прямехонько на Матадор. Там сейчас разгар сезона!

— Разговорчики! — строго прикрикнул на него командор. — Не успели засучить рукава, а уже на курорт собрались. Ох, и гвардия мне досталась...

Временами он становился чуточку похожим на Сусанина, и это почему-то смешило Варвару. Она невольно глянула на соседний стол — бывший начальник (дали небесные, да что это она — «бывший»! Она ведь еще не давала согласия на переход в Голубой отряд, и еще надо подумать...) смотрел на нее по-прежнему, водрузив подбородок на кулаки и сузив глаза до двух горизонтальных черточек.

— В такой пакостный туман только и мечтать, что о курорте, — пытался оправдываться Хай, — да и дело-то

всего нескольких дней, Тамерлана — планетка средней сложности...

— Тьфу! — Суеверный Шэд по-настоящему плюнул через левое плечо.

Гюрг нахмурился и поднялся:

— Встали! Альбатросы...

— ...глубокого космоса, — отчетливо закончил Сусанин.

Варвара, поднявшаяся вместе со всеми, почувствовала, что напряжение, нараставшее день ото дня, может сейчас вылиться в открытую стычку. Это с раннего-то утречка!

— Пошли работать, — неожиданно для себя естественно проговорила она и первая покинула трапезную. Кто-то вышел следом и остановился рядышком на верхней ступеньке.

Оглянулась — Сусанин.

— Ты вот что... — протянул он. — Здание для твоей таксидермички на новой площадке готово. Как только соскучишься с этими... альбатросами, приезжай.

Варвара глядела на него во все глаза, не понимая. Она не ослышалась — соскучиться? Здесь? Сейчас?

— Ты что? — встревоженно проговорил Сусанин, наклоняясь к ней. — Ты что, оглохла?

Она удивленно тряхнула головой и перескочила на ступеньку ниже. За спиной Сусанина распахнулась дверь, и утреннему свету предстали все сто девяносто сантиметров непринужденности, достоинства и элегантности, кои совмещал в себе начальник Голубого отряда. Интересно, сколько времени он настраивал своего киба, чтобы тот так безупречно заглаживал ему стрелки на брюках? Рядом с Гюргом измочаленный Сусанин в беспросветно засаленном комбинезоне казался выходцем из другой эпохи.

— Послушай, Женя, — удивительно ровным голосом проговорил Гюрг, — ты здешнюю морскую воду брал на пробу Оффенбаха?

— Нужды не было.

— А. Значит, с этого и начнем. Теперь с вами, Барб: отправку вашей аппаратуры возьмет на себя Ригведас. Часа вам хватит, чтобы обговорить детали? Да? Значит, через час жду вас на метеовышке.

Варвара кивнула. Ригведас, конечно, выйдет из трапезной последним — набьет карманы всякой всячиной для своего Тогенбурга. Воистину все повторяется — сначала трагедия, затем комедия. Петрушке приспичило обласкать козла, и теперь пришлось выстроить бедной животине шалаш возле самых ворот Пресептории, в которые ни одно

четвероногое не в силах было войти по так и не установленной причине. Раза два в день младший научный сотрудник бегал за ворота — покормить козла, который с преданностью рыцаря, воспетого Жуковским, не спускал своих золотых глаз с того места, где должна была появиться алая рубаха его господина и повелителя. Все посмеивались над Ригведасом, один Сусанин был откровенно взбешен. Ведь предупреждали же каждого еще на космодроме, ведь предупреждали!..

Варвара не стала дожидаться коллегу — как-никак пять минут из отпущенного ей часа уже прошли, — спрыгнула со ступенек и побежала по дорожке к своему корпусу. «Опять я бегу!» — одернула она себя и перешла на шаг, оставляя за спиной уплотняющийся сгусток конфликта.

— Сегодня начнем работать с форафилами, — донесся до нее хозяйский голос Гюрга. — Поэтому с тринадцати ноль-ноль и до отбоя всех, включая персонал новой площадки, прошу укрыться в помещения, оборудованные силовой защитой.

— Я твою защиту... — было последнее, что она услышала перед тем, как завернуть за угол.

А далее последовало:

— И вообще, прекрати строить из себя хозяина планеты и главное — перестань морочить девчонке голову!

— Между прочим, она уже не девчонка. Ты еще не заметил?

— Ничего, улетите — я ее вышколю! Из телятника не вылезет.

— Для этого надо как минимум, чтобы мы улетели. А сейчас позволю себе напомнить, что она — единственная пока на Земле Тамерлана Степанищева, кому предложено выбирать место работы. Остальных я попросил бы форсировать погрузочную процедуру, не обременяя их напоминанием о том, что они подчинены непосредственно мне, — во всяком случае, до завершения рекогносцировочных работ.

Он ошибался в одном: на Земле Тамерлана Степанищева находился еще один человек, который отнюдь не чувствовал себя подчиненным командору разведчиков. Со всеми вытекающими последствиями.

Звали этого человека Мара Миностра.

Ригведаса Варвара так и не дождалась; пришлось взять мелок и на стене изложить все, что относилось к последовательности погрузки таксидермической аппаратуры, а за-

одно и к личности младшего научного. В заключение она даже позволила себе предположить, что теперь в группе таксидермистов она — лишняя, так что не перейти ли ей...

Полупегас, замерший за ее спиной (несомненно, левый, потому что правый имел привычку как-то неприкаянно покачиваться на нижних щупальцах, снабженных копытообразными башмаками), поднял кусочек мелка и приписал Варвариным почерком: «И — на Матадор!»

— Ты откуда знаешь про Матадор? — строго спросила Варвара.

Левого Полупегаса она недолюбливала за педантичность; после того как ее покалеченного робота не сумели починить даже прославленные механики из Голубого отряда, единственным выходом было разделить сложную кибернетическую систему надвое, раз уж каждая половина была снабжена как компьютерным квазимозгом, так и речевой приставкой. Получились два вполне сносных робота с небольшими лотками для выполнения мелких механических работ; Шэд почему-то прозвал их слесарями-сантехниками. И только когда они начали действовать порознь, до Варвары дошло, что тонкая настройка каждого мозга была специфической, так что каждый вычислительный бурдюк являлся как бы аналогом одной половины человеческого мозга.

До сих пор она никогда не задумывалась над тем, какой головой вперед двигается ее Пегас, а какой — разговаривает (обычно говорила задняя голова, чтобы не мешать передней принимать звуковую и зрительную информацию). Ей казалось — это безразлично, все равно ее механическая скотинка симметрична, как Тяни-Толкай. А теперь выходило, что — нет, и стало понятно, почему все наличные кибер-механики спасовали перед полным ремонтом, — ведь и человеческий мозг разделить вдесятеро легче, чем объединить в одно целое.

Вот и получилось два достаточно своеобразных существа, из которых одно было карикатурой на физика, а другое — на лирика. Ничего не оставалось, как прозвать их «левым» и «правым». Само собой напрашивающееся «Полупегас» сильно смахивало на «полудурка», но Варвара не возражала — останки ее любимого робота после разделения отнюдь не повысили своего интеллекта, скорее, к бесконечному сожалению, — обратное...

— Я тебя спросила, где ты подслушал про Матадор, — раздраженно повторила девушка. — Ты что, забыл, что робот обязан отвечать на вопросы человека?

— Никчемный вопрос, занимая определенный интервал времени, достойный лучшего применения, наносит спрашивающему минимальный вред. Ответ на такой вопрос также занимает время и таким образом вред удваивается. Оставление вопроса, не ведущего к получению ценной информации, без ответа является оптимальным вариантом по сравнению со слепым следованием правилу подчиненности. — Робот вещал голосом эталонного зануды.

— А то, что твои скрипучие сентенции меня раздражают, — такой вред ты не учитываешь?

— Человек способен волевым усилием преодолеть легкое раздражение, вызванное незначительным фактором. Если же он не в силах этого сделать, он сам или находящийся в его распоряжении робот должны воспользоваться фармакологическим препаратом средней степени воздействия. Рекомендую десять капель седуксенции на ромашковом настое. — Он развернулся и двинулся к не снятой еще со стены походной аптечке.

— Можешь вылить их себе за шиворот, — фыркнула Варвара.

— И — на Матадор... — едва слышно пробормотал Полупегас.

Девушка заложила руки за спину и почти минуту глядела на робота, покачиваясь с носков на пятки. Разобрать и запаковать, как Пегги? Бросить здесь? Отправить на Большую Землю для капитального ремонта? Подарить Голубому отряду?

Она не знала, что с ним делать, потому что перестала понимать, что это за существо и как она к нему относится.

— Ну вот скажи мне, зачем ты промямлил эту несуразицу, насчет Матадора? Она что, несет в себе ценную информацию? Или ты думаешь, что тебе можно то, что нельзя мне? Ну, отвечай, когда спрашивают!

Полупегас вдруг подогнул опорные щупальца, бесшумно опустился на пол и уткнулся мордой в лоток.

— Не знаю... — еще тише проговорил он. — Не могу в себе разобраться. Мне словно чего-то не хватает... Тоскливо.

Элитные роботы снабжены эмоциональными модуляторами — голос его как будто проходил сквозь бархатную тряпочку, намоченную слезами. И Варваре стало ясно, что никуда она его не отдаст и уж ни в каком случае не бросит. И в том, что произошло с ее верным Пегасом, было что-то осеннее, словно палые листья не выбросили на помойку, а

поставили в кувшин с водой — пусть еще несколько дней поживут...

Она вздохнула и поглядела на часы — до истечения отведенного ей срока оставалось восемь минут. Как раз чтобы явиться на метеовышку с достоинством и не запыхавшись. Она каждый раз об этом мечтала, но все не получалось...

— Ты полежи здесь, соберись с мыслями, — велела она Полупегасу. — Придет Ригведас — помоги ему, но с ним не уезжай. Меня дождись.

Она поправила волосы, пожалев, что не забрала у Кони подаренного зеркала, но тут же рассердилась на себя, тряхнула гривой, так что волосы стали дыбом, и вылетела из лаборатории, бормоча себе под нос: «Полюбите нас черненькими, а уж беленькими нас всяк полюбит...»

И столкнулась на пороге с Теймуразовой красой ненаглядной.

Сначала она врезалась в плотную волну запахов — как там у Шекспира: «...все ароматы Аравии...» Затем — краски: опытный глаз таксидермиста искал хотя бы квадратный сантиметр незагримированной кожи, но такового не находилось. И только потом воркующий голос, произносящий самые обыкновенные слова с таким вкусом, словно перечислялись сорта самых немыслимых пирожных:

— Я давно стремилась познакомиться с вами, Варвара... Норега? Я правильно произнесла? — с такой участливостью, как будто осведомлялась: «Я не перебила вам посуду и не сломала ключицу, что сделало бы меня до конца дней моих безутешной?»

Варвара отступила на шаг, губы ее дрогнули — она поняла, почему, передавая ей вчера мертвого горностая, Кирюша Оленицын сказал не без сарказма: «Держите кысочку — вновь прибывшая Эсмеральда загубила, протащила в сумочке на территорию...»

Это была еще та Эсмеральда — черная бархатная юбка, оранжевая блузка с декольте на двенадцать персон, и на всем этом невероятное количество драгоценных и полудрагоценных камней, в оправах от дерева и слоновой кости до алюминия и платины. На розовых туфельках красовались пряжки с яблочно-зелеными хризопразами, а на тончайшей золотой цепочке болтался аметистовый колокольчик, побрякивая где-то между пупом и коленками. Не хватало только козочки с золочеными копытцами, но на худой конец можно было бы одолжить у Петрушки его Тогенбурга. Надо будет ей посоветовать.

— Я вам еще не представилась, — продолжала Эсме-

ральда, — но вы меня, я думаю, знаете — я Мара Миностра, специальный корреспондент видеоальманаха «Амазонка». Веду раздел «На космических перекрестках». Мне бы хотелось представить вас как единственную женщину...

Варвара презрительно оттопырила верхнюю губу — пусть полюбуется на мои усы. Спецкор...

— Дело в том, что я не испытываю склонности ко всеобщему обозрению, — довольно невежливо прервала она гостью, — тем более на перекрестках. Предпочитаю укромные тупички и закоулки.

— Да-а, мне говорили про ваш характер...

Ну, кто говорил — это было ясно.

— Тогда мой отказ не был для вас неожиданностью. А что касается моего характера, то тут уж больше подошел бы спецкор журнала «Ксенопсихология и космос». Вы не находите?

Она вдруг поймала себя на ощущении, что получает от этого разговора какое-то мстительное удовольствие. Нехорошо. Надо это кончать, тем более что она уже катастрофически опаздывает.

— Прошу меня извинить...

— Ну что вы, что вы, я была готова к чему-то подобному, поэтому основная цель моего визита несколько иная... — Было видно, что Эсмеральда умеет отступать. — Не могли бы вы дать мне несколько голографических снимков — с возвратом, разумеется? Наверняка у вас есть какие-нибудь здешние зверюшки...

— Да хоть сотню!

— Дело в том, что на пути сюда я случайно получила новую аппаратуру, экспериментальный образец, и я хотела бы начать ее осваивать до возвращения на Большую Землю.

— Дождитесь Ригведаса... А впрочем, можете спросить у моего робота — он валяется на полу в полной прострации, но найти снимки способен.

— А... что с ним?

— Ничего страшного. Пообщался со мной, — не удержалась Варвара, откровенно поглядывая на часы, — в ее распоряжении оставалось ровно тридцать секунд. — Весьма сожалею...

Не дожидаясь ответа, она помчалась по направлению к метеовышке.

— Было очень приятно... — донеслось до нее.

Ей тоже было приятно — она словно сбросила с себя какую-то тяжесть. Поделом Темрику. Вот пусть и носит на

руках такую... А какую — такую? Ведь красавица — лилейные кудри, фиалковые глаза, стебельковый стан. И умница — «Перекрестки» ее вполне деловые, и как это говорится, «интеллектуально насыщенные». И тем не менее легко понять Кони...

Подъемник на вышку был отключен, пришлось карабкаться по ступенькам, и она таки опоздала.

К счастью, Гюрга здесь не было; возле экранов, настраиваясь на прием сразу с нескольких точек, суетились Шэд, Ян и Эрбо, которого Варвара недолюбливала за какую-то барскую снисходительность. Со вчерашнего дня здесь распоряжался синебородый Шэд, но занимались все отнюдь не метеонаблюдениями.

— Станьте на монитор, как вчера, — коротко бросил Шэд, и Варвара с удивлением увидела, что передатчик находится где-то над ними, километрах в десяти, если судить по экрану.

— Зонд? Да его же сейчас собьют!

— Ничего, ничего, — процедил Эрбо. — Высота с запасом, так что оснований для паники нет. Вчера же была репетиция — обошлось. А сегодня запустим форафилы.

Девушка беспомощно развела руками — слово было какое-то знакомое, или казалось таким, но значения его не припоминалось.

— Я серая, — призналась она, — объяснили бы, а?

— Не огорчайтесь, этого еще в школах не проходят, — мягко проговорил Ян. — Форафилы — искусственно скомпонованные простейшие, движение которых можно задавать каким-либо внешним сигналом.

— Звуковым, что ли? Левое плечо вперед, ать-два?

— Нет, конечно. На зонде — лазер, мы вчера его туда всадили; емкость с форафилами уже на пирсе. Жаль, не догадались, надо было их вам показать, хотя бы в пробирке.

— Жаль...

Она не договорила — центральный экран ближней связи вспыхнул оранжевым и голубым — сигнал внимания, и сразу же на нем появилось озабоченное лицо Гюрга:

— Все готовы? — Его глаза придирчиво обежали все тесное помещение метеорубки, задержались на Варваре, пристроившейся в уголку на складном стуле. — Даю общую тревогу: всем, не занятым в эксперименте, — в укрытие. Движение прекратить.

Варвара знала, что в таких случаях включаются все приемные фоны — в жилых помещениях, лабораториях, на

всех видах транспорта. Похоже, что негромкий голос командора звучит даже на новой площадке, и все-таки у нее было ощущение, что все, что говорит сейчас Гюрг, предназначается только ей. Словно они работали вдвоем и никого больше.

— Барб, где аполины?

А вот теперь, когда он обратился непосредственно к ней, она вдруг запнулась, как первоклашка:

— Н-не знаю... Их нет ни на одном экране. Утром в море их тоже не было.

Но командор уже отвернулся и что-то переключал у себя на центральном пульте. Варвара догадывалась, что сейчас он находится в башенке-скворечнике, прилепившейся на крыше среднего корпуса пляжной биолаборатории. Обычная работа, они будут что-то делать, брать пробы и все такое, а ее забота — все подробнейшим образом снимать, камеры расположены в шести точках, есть и резервные; тут и здешние, стационарные, и привезенная «альбатросами» аппаратура с фантастической разрешающей способностью — к счастью, знакомая в обращении; так что же волноваться?

Все пока нормально.

«Не все», — подсказывало ей какое-то шестое чувство. Она поерзала на своем стульчике, усилила четкость. Действительно, где же аполины? Ни на одном секторе монитора они не просматриваются. Но ведь было же так, и не один раз: уходили себе погулять, свободные души, и загуливались, по суткам носа не высовывали из вод морских... Но тогда она знала, что они где-то неподалеку и ничего с ними не случилось. А сегодня она словно отключилась. И не только сегодня — все последние дни. Она вдруг вспомнила Сусанина, его голос — не грубый, насмешливый, а встревоженный, тихий: «Ты что, оглохла?..» Он первый догадался, а она еще этого не замечала. Он спрашивал о ее внутреннем голосе, который она перестала слышать, о потере той чуткости, которая и делала ее морской ведьмой, — наверное, со стороны заметнее, когда человек что-то теряет. Только с чего Сусанин-то стал в последнее время так пристально к ней приглядываться?

— Внимание на мониторах, — спокойно проговорил Гюрг с экрана, — всем ждать появления пузырькового феномена.

Это они так называли янтарные брызги, складывающиеся в морских змей и в подводные чертоги. А если сегодня их вовсе не будет?..

— Шэд, — еле слышно прошептала она, — а если они сегодня исчезнут, как и аполины?

— Почему вы так думаете? — со своей традиционной доброжелательной внимательностью проговорил услышавший-таки ее Гюрг.

Словно они находились в кулуарах какого-нибудь академического конференц-зала.

— Может быть, я и ошибаюсь, — девушка всеми силами старалась заставить себя говорить так же спокойно, даже чуточку небрежно, — но мне кажется, что этот феномен имеет место только в том случае, если на берегу находится кто-то из людей.

— Допускаю, — был молниеносный ответ, и Гюрг исчез с экрана.

Девушка беззвучно ахнула: если сейчас командор напросится на какой-нибудь сюрприз, она себе этого в жизни не простит. Она торопливо включила резервную камеру ближнего обзора — так и есть, глава «альбатросов космоса», нарушая собственный запрет, уже стоял на краю крыши ангароподобного здания, словно раздумывая, а не спланировать ли вниз. Кремовый комбинезон с васильковыми эмблемами стратегической разведки прекрасно гармонировал с золотистыми низкими облаками — ну только спецкора здесь не хватало, прекрасный получился бы кадр — «на осенних перекрестках»...

Командор поднес к губам коробочку передатчика:

— Чья это камера заинтересовалась моей персоной? Я просил все внимание на море.

— Янтарная пена может появиться и не в море, а прямо у ваших ног! — отчаянно крикнула Варвара, заливаясь густой краской, к счастью оставшейся всеми незамеченной.

— Спасибо, это я замечу, — с прежней мягкостью отозвался Гюрг. — И все-таки камеры — на море. Привыкайте, Барб, выполнять приказания молниеносно.

Дали небесные, да это же и есть счастье! Но как назло, потекли минуты. Десять, пятнадцать, двадцать...

— Есть, — удовлетворенно крякнул Эрбо, — и сразу две штуки, квадрат шестнадцать. Выползли.

Гюрга как сдуло с крыши — уже был в своей рубке. Да что он, действительно двигается с быстротой молнии?

— Начинаем, — деловито произнес он, — спускаю.

Словно спускал свору собак. Варвара во все глаза вглядывалась в экраны, где не было ничего любопытного, кроме двух параллельных золотистых прямых, неподвижно перечеркнувших условный квадрат номер шестнадцать. Потом

глянула в круглое, напоминающее иллюминатор окошко — вот там было интереснее. Овальная серебристая канистра, лежавшая на пирсе, вытянула хоботок, свесившийся до самой воды, и возле этого хоботка на мутновато-кофейной поверхности начала набухать пурпурная лужа с четко очерченными, не размывающимися краями. Внезапно лужа изменила очертания — из нее выметнулся протуберанец, словно от пирса помчалось наперерез «змеям» огненное копье. Красное пятно вытянулось в узкую, заостренную впереди полосу, плавно скользящую по тихим волнам, и теперь Варвара разглядела, что эта полоса состоит из отдельных гранул удивительно яркого, насыщенного цвета.

— Они что, живые? — не удержалась она.

Шэд и Эрбо как-то странно переглянулись.

— Э-э-э... я бы сказал, что вопрос поставлен некорректно, — протянул Эрбо.

Алая лента с завидной целеустремленностью продолжала мчаться по поверхности моря. «Только бы не появились аполины!» — с внезапной тревогой подумала Варвара. Эта огненно-светящаяся нежить вдруг породила в ней ощущение смертельного холода. Ко всему прочему и смотрелось все это безобразно — ярко-красная полоса на блекло-коричневом.

— Это всего-навсего краска, — угадывая состояние девушки, негромко проговорил Шэд. — Вы ведь знаете, что для того, чтобы войти в контакт с животным, лучше всего заговорить с ним на его языке. С неживыми системами это делать легче. Для начала попробуем просто скопировать те знаки, которые рисует на поверхности моря здешний Водяной.

— Думаете, это — язык? Попытка общения с нами?

— На девяносто девять процентов — нет, но попробовать можно. Смотрите на экран...

Красная полоса улеглась рядышком с золотистыми. Сначала никаких изменений заметно не было, потом стало очевидно, что янтарные полоски раздвигаются — расстояние между ними все увеличивается.

Красная полоса тоже отодвинулась.

Средний «змей» тихонечко изогнулся и образовал почти замкнутое кольцо — и тотчас же закруглилась красная полоска, зеркально повторив его движение. Желтая змейка свернулась спиралью — красная полоска завернулась улиткой. Желтая сжалась в яйцеобразное пятно — и красная от нее не отстала. У желтого пятна во все стороны проклюнулись лучики — и красное ощетинилось ложноножками.

И завертелись. И заскользили. И туда. И обратно. И прямо все как по писаному...

— Вот это и называется найти общий язык, — не без высокомерия обронил Эрбо.

— Я бы подождала радоваться, — невольно вырвалось у Варвары, — пока это не общий язык, а передразнивание. А вдруг наш Водяной при помощи своих золотых иероглифов просто-напросто нецензурно выражается? А мы повторяем...

Грянул дружный хохот.

— Вот, — подняв командорский перст, возгласил Гюрг, — вот за что я вас и люблю, Барб, — за нестереотипное мышление...

А Варваре показалось, что вся метеовышка дрогнула и поплыла под ногами, — и это его она сегодня утром мысленно превозносила за чуткость и тактичность! Чтобы вот так, во всеуслышание получить подарок: «За что я вас и люблю...»

Хватит с нее! То красней, то бледней, хорошо хоть, экраны едва-едва светятся — не видно. Нашли себе девочку для развлечений! Сегодня же надо отправить на новую площадку все оставшееся оборудование и...

Она сжала губы и в упор уставилась на диспетчерский экран, куда подавалось изображение из командорской рубки. Улыбка еще не сошла с его лица, но по правой щеке, словно сгоняя ее, пробежала легкая дрожь. Дали небесные, неужели ей никогда не суждено приложить ладонь к этой щеке?..

Она встряхнулась, как собака, выходящая из воды, — все пыталась отогнать от себя это новое, непрошеное; все загоняла себя в старую шкурку мохнатой кобры. «Вот сейчас закончим, запакую обоих Полупегасов и... Что — и?»

— Гюрг, как там с модуляциями яркости у желтопузиков? — послышался голос Хая.

— Да никак. Хаотичны. Пора свертывать картинку.

— И — на Матадор, — тихонечко прошептала Варвара.

На этот раз ее никто не услышал.

Картинка действительно была далеко не интригующей: гигантский желтый червяк устало выписывал незамысловатые крендели, красный вяло его копировал. Черно-бурая туча копилась чуть подалее рыжих островов, только росла не в стороны, а вверх.

— Действительно, командор, — подал голос кто-то из дальнего капонира, — нам бы до дождя в ресторацию...

— Отбой.

Он чем-то щелкал, наклонясь над пультом, и Варвара продолжала сидеть на своем складном стульчике, попеременно переводя взгляд с диспетчерского экрана на обзорный, а с него — на окошко. Красная полоска приняла вид клина и заскользила по направлению к пляжу. Желтая хлестко развернулась, даже плеснула по воде, как рыба хвостом, и — вдогонку.

— Как это у вас называется — синдром Лероя? — спросил Эрбо.

Варвара поморщилась. Вот об этом не стоило бы.

— Посмотрим, — буркнула она. — Посмотрим, а потом назовем.

Вода вскипела, и на пути алого клина разом поднялось несколько янтарных валов. Становилось интересно.

— Скорость-то у форафилов весьма ограничена... — пробормотал Шэд.

— Постараемся сберечь экспедиционное добро, — прокомментировал Гюрг, и алая беглянка пропала.

Она не затонула, не улетучилась — просто исчезла, словно это был световой эффект и кто-то выключил проектор.

— Ну вот, форафилы рассредоточились, теперь собираться в материнскую канистру они будут часа три, не меньше, — объяснил Шэд, добровольно взявший на себя обязанности Варвариного наставника.

Впрочем, об этом можно было догадаться — вода на том месте, где исчез красный треугольник, приобрела чуточку розоватый оттенок. Если бы змеи были живыми, они, несомненно, заметались бы, отыскивая исчезнувшую добычу, но сейчас море притихло, янтарные гребни осели и растворились, все замерло.

По берегу разливалась ледяная тишина.

На первый взгляд ничего не происходило, но Варвара, до рези в глазах всматривавшаяся в морскую даль, вдруг почувствовала неладное: море приобрело странный блеск, точно покрылось корочкой льда. Вода, еще полчаса назад напоминавшая вчерашний кофе, с каждым мигом становилась все прозрачнее. Затрепетала, забилась возле пирса крупная рыба, выпрыгивая наружу и ловя воздух ртом. Желтый цветок, как тюльпан, проклюнулся рядом с ней из воды, стремительно вырос до человеческого роста, хищно изогнулся и, щелкнув лепестками, заглотнул рыбу. Но тут же, словно поняв ошибку, вывернулся наизнанку, и плоский розовато-серебряный блин — все, что осталось от рыбины, — шлепнулся обратно в воду. Тюльпан снова сложил

лепестки, поводил клювом туда-сюда, словно прицеливаясь, и с той же хищной безошибочностью бросился на канистру. Пустая емкость хрумкнула, сминаясь, и вместе со своим губителем канула в глубину. Уникальная прожорливость, после этого купаться не захочешь.

На диспетчерском экране возле командора возник Джанг:

— Ну что, выходить будем так или наведем коридор? — Он походил на нежного маленького гиббона, с такими же длинными руками и пронзительным голосом, захлебывающимся на высоких нотах.

К Варваре он до сих пор как-то настороженно приглядывался.

— А мы воспользуемся экспертной оценкой, — предложил Гюрг. — Как, Барб, вы бы вышли?..

— Я бы выкупалась.

А откуда такая уверенность? Да от бесстрашия командора, вылезшего давеча на крышу. Что она, хуже?

— Прошу воздержаться.

Она вскинула на него глаза — бешеная рысь да и только. Сейчас она работает здесь, на то их власть — стратегическая разведка распоряжается на правах неограниченной монархии. Но как только появляется монарх, так сразу назревает бунт. Это закон. Сейчас — ладно, в воду она не полезет, но что касается утренних заплывов — это ее личное дело, она ведь еще в Голубой отряд не вступала.

— А что касается выхода на берег — попробуем.

И все высыпали на пляж. Одиннадцать стройных, поигрывающих мускулами «альбатросов», одиннадцать ослепительных кремовых комбинезонов и один черный, самый маленький. Точно вороненок. А ведь, пожалуй, если бы они всерьез считали ее членом своего отряда, они наверняка предложили бы ей форменную одежду — не может быть, чтобы хоть у кого-нибудь не нашлось запасного. А уж перешить по фигуре — это любой из Полупегасов, весь век имевших дело со шкурками, справился бы.

Но этого ей никто не предлагал, а она уж и подавно не спрашивала.

Тесной группой они подошли к воде — под опорами пирса, возле утлой пластиковой лодочки, никогда не вызывавшей раздражения Водяного, на дне валялась тусклая канистра. Варвара скинула башмаки, завернула брючины и полезла доставать. Рукава замочила, но хуже ничего не произошло, только стремительно холодало, а туча выросла уже в полнеба.

Вокруг канистры роились крошечные красные головастики, забирались внутрь. Девушка зачерпнула полные горсти, всмотрелась: форафилы сразу замерли во взвешенном состоянии, точно выключились. И вдруг в ладонях блеснуло — янтарный шарик означился золотисто-округлой спинкой, точно крупная бусина, и тут же утонул, сделавшись невидимым.

— Кто-нибудь, достаньте у меня из кармана мешок, быстрее! — крикнула она, и тотчас же кто-то с шумом, оскальзываясь и поднимая брызги, полез к ней на помощь. — В левом, в левом!

Это бы Шэд, он тянул у нее из левого кармана пластиковый мешок, одновременно заглядывая в ладошки, а она мучительно пыталась не пролить ни капли, и ей это удалось — вода с десятком головастиков перелилась куда надо, но Варвара уже чувствовала, что ничегошеньки, кроме алой мелюзги, там нет, и она была готова заплакать от отчаяния, ведь прямо на глазах всего Голубого отряда ей удалось то, о чем мечтала вся Пресептория, да и стратегическая разведка в полном составе: подержать в руках неуловимый янтарный шарик. И вот — упустила!

— В чем дело, Барб? Вылезайте-ка быстрее! — встревоженно проговорил Гюрг.

Шэд недоуменно рассматривал мешочек на свет, тоже ничего не обнаруживая.

— Он же был у меня в руках, я четко видела, вот здесь, — с отчаянием повторяла она, протягивая Гюргу ладошки, которые чуть пощипывало от ледяной воды.

— Кто — он? Точнее, Барб!

— Янтарный пузырек...

— Шэд, дай-ка пробу воды. Так. В вашей таксидермичке есть хоть какая-нибудь аналитическая установка?

— Если Ригведас не успел ее демонтировать.

— Если не успел, то можете потренироваться — завтра утром покажете мне результаты. Попробуйте поэкспериментировать с форафилами, погонять их — они реагируют даже на статическое электричество, коим вы богаты.

Варвара закусила губу — не поверили... Ведь у них самих тончайший анализатор, так нет же — берегут для своих опытов. Значит, по-настоящему они ее своей все-таки не считают... Она вздохнула, безнадежно встряхнула смуглыми ладошками, словно пытаясь освободиться от какой-то тончайшей медовой пленки, сводившей кожу, — и в тот же миг эта невидимая доселе пленочка отделилась, съежилась в два упругих комочка, и вот уже с ладоней катились две

золотые жемчужины, и их было не поймать — сверкнули и булькнули, сливаясь с поверхностью моря.

— Ловите!..

А что ловить, когда раньше надо было верить?

И все одиннадцать были в воде, по колено и глубже, и кто-то там ее от излишнего усердия схватил и поднял на руки — Норд, наверное, даром что самый здоровый; и уж тут-то они втащили ее к себе в штаб-квартиру, набитую всяческой аппаратурой, которая ей и не снилась, и до самого ужина брали смывы с ладошек, чуть кожу не содрали, и биопотенциалы замеряли, и Кэрлиан-эффект фиксировали, и главное — без устали гоняли своих скочей, спецкибов то бишь, к пирсу, да и сами летали туда как на крыльях — брали воду, проба за пробой, натаскали тонны полторы, не меньше. У рубашки ее любимой, клетчатой — бирюзовое с шоколадным, тона тамерланского побережья, — безжалостно оторвали рукава, чтобы не мешали, и чуть было не отправили в утилизатор, но вовремя спохватились, тоже запустили в масс-спектрографический анализатор; чем черт водяной не шутит: а вдруг за обшлагом притаилась мизерная янтарная крупица?

И естественно, все труды — псу под хвост. Злые и голодные — как-никак об обеде никто и не заикнулся — расселись на ящиках из-под аппаратуры, только Варваре Шэд быстренько надул диванчик, коим она из солидарности пренебрегла. Она тоже первое время суетилась, подбрасывала идеи — правда, не результативные; потом притихла и принялась беззвучно молиться неведомому Водяному — что, мол, тебе стоит? Все равно рано или поздно придется раскрывать карты, так уступи мне, именно мне, ведь не просто же так очутились на моих ладонях эти золотистые невесомые бусинки! Ну что тебе стоит, Водяной, твое пропахшее тиной величество?..

— Стоп, — сказал командор. — Хватит с нас морской соли. У кого-нибудь имеются конструктивные предложения?

— А что мы зациклились на этом пузырьковом феномене? — резонно вопросил Хай. — Похоже, что нас попросту отвлекают от главного. Предлагаю спустить батискаф и идти по дну к гипотетическому центру.

— Рано или поздно мы там все равно будем, — возразил Ага. — Дотошность всегда была в числе достоинств нашего брата, скромно говоря. Повторим завтра все, от альфы до омеги.

— Тютелька в тютельку? — уточнил Эрбо.

— Естественно, — протянул Шэд. — Закрутим все один к одному, а дальше альтернативные варианты всплывут сами собой.

— Принято, — подытожил командор. — Ужинать, галопом.

Галопом не очень-то разойдешься — штаб-квартира стратегов, расположившаяся в корпусе уже отбывших на новую площадку геофизиков, находилась как раз напротив трапезной. «Вам галопом, а мне переодеваться — ишь как чисто рукава ободрали, — с грустью подумала девушка. — Хотя — кто на меня смотрит?..»

— Что вы задумались? — голос у Гюрга уже совсем другой, мягкий, совсем не командирский, а дыхание какое сильное — до плеча достает...

— Вы бы здесь, на крыльце, установили трамплин с подкидной доской; разбежались в коридоре — оп! — и уже на пороге трапезной, — попыталась отшутиться Варвара.

Те, кто еще не спустился с крыльца, весело заржали. Как будто за спиной счастливый день.

— Учтем, — согласился Гюрг. — А все-таки? Оплакивасте утерю золотых жемчужин? Наловим. У вас будет единственное во Вселенной ожерелье тамерланского Нептуна.

У-у, как они привыкли быть единственными во Вселенной!

Она царственно повела подбородком вправо и вверх — на голос, что за плечом.

— Здесь уже имеется одна ходячая коллекция драгоценностей, так что ваше обещание — не по адресу. Простите, мне надо переодеться.

— Постойте, Барб!

Шаги за спиной, треск и грохот — так ищут что-то в спешке — и снова шаги, и вот на голые плечи опускается что-то прохладное и шуршащее — кремовая форменная куртка стратегического разведчика.

— Благодарю вас, — как будто это нечто само собой разумеющееся.

Она влезла в рукава, старательно подвернула обшлага — оставлять внакидку значило бы придать этому какой-то временный, случайный оттенок. А так — пусть полюбуются. И Сусанин, и Темрик, и его краса ненаглядная, шкатулка малахитовая. Можно представить, какие у них будут физиономии!

Воображение Варвару не обмануло — физиономии были соответствующие. И только за столом «альбатросов космо-

са» — хохот, элегантные шуточки, словно день как нельзя лучше удался.

— Да что они веселятся? — тихонечко шепнула Варвара Шэду. — С форафилами бессмыслица, янтарь я упустила...

— А это наша работа, лапушка, — отступать. Вы что думаете, мы громим, крушим, покоряем? Мы тыркаемся — и отступаем. Снова тыркаемся — и снова отступаем. Если отступили без потерь, — значит, день прошел удачно. Вот и веселимся.

— А насчет трамплина — это здоровая идея, — подал голос с левого угла стола Лех — единственный, у кого чуть заметно намечалось брюшко. — Только, естественно, не пружинный, а левитационный — получаешь импульс и мягко планируешь прямо за стол.

— Ну да, а если я в весе пера? — возразил Джанг. — Куда я приземлюсь, с вашего разрешения?

— А мы Петрушку зачислим в тренеры, он скоординирует.

— Кстати, кто видел Петрушку?

— Да, за обедом Ригведаса видели? — всполошились «альбатросы».

Насчет обеда никто ничего определенного припомнить не мог, а вот сейчас младшего научного снова не было за столом.

— Не иначе, как он присоединился к своему Тогенбургу, — предположил Хай. — «Не украшенный надеждой, он оставил свет», если я не перевираю Жуковского.

— Шиллера, — тихонечко поправил Гюрг.

— Один черт, надо только припасов им подбросить. Сухарики где-нибудь остались?

— Еще в обед все уволокли, — недовольно отозвался со среднего стола Кирюша Оленицын. — Одни галеты на камбузе.

— Давай галеты. Командор, мы свободны?

— В двадцать один ноль-ноль просмотр дневных материалов, для желающих.

Варвара поднялась:

— А кто желает видеть сны?

— Тех проводят до дому.

— С вашего разрешения, мэм?

— Барб, кто из здешних мудрецов так точно и полно назвал вас... э-э-э... мохнатой коброй?

— Все!!!

Так, слово за слово, проводил до коттеджа. Без разрешения.

— А туча как стояла, так и стоит. Вероятно, ночью будет сильная гроза. Вы не боитесь, Барб?

— Здесь-то мог бы назвать и Варварой...

— Под дождик лучше спится. Но, как ни странно, я здесь еще не наблюдала ни одного настоящего дождя. Туман бывает, и такой, что все пропитывается влагой, — но не больше.

— Ну, тогда — до завтрашнего утреннего тумана. Счастливых вам снов.

— Угу.

Она кивнула и потянула на себя дверь. Из-за крыльца, как сторожевая собака, поднялся Полупегас-правый. Юркнул следом. Варвара не удержалась, затаила дыхание и прислушалась — что там, на крыльце? Может, не ушел, ждет?..

Упругие шаги мерно и скоро удалялись. «И — на Матадор!» — фыркнула ему вслед Варвара. Она провела кончиками пальцев по нежно поскрипывающей куртке, засмеялась, скинула ее с плеч и бросила Полупегасу:

— Не разучился еще шкурки по каркасу подгонять? Вот тебе аналогичная задача: найдешь голубую курточку — застежка на биоприсосках, я в ней прилетела — помнишь? Так вот, эту ушьешь точно по той. Цель ясна?

Полупегас принял одежку сразу шестью щупальцами, с молниеносной быстротой завертел, разглядывая и примериваясь — ну совсем как паук муху. Соскучившись за несколько недель вынужденной немоты, он теперь был рад любому поводу поговорить, и когда его ни о чем не спрашивали, просто бормотал себе под нос.

— Та-а-к... брюшко заужено... хвостик поперек спинки на двух чешуйках... передние лапки вшивные...

— К утру сделаешь? — с надеждой спросила девушка.

— Пара пустяков... К утру. Послезавтра.

— Я тебе покажу — послезавтра! Отключу речевую приставку и... — она с трудом удержалась от навязчивой поговорки.

Не хватало еще объясняться с Полупегасом — он-то наверняка привяжется, начнет требовать объяснений, что да как.

— Р-размонтирую! — грозно пообещала она.

— Так голубая куртка запакована... — жалобно проблеял робот.

— Р-распакуешь!

Она была полна каким-то упоительным всемогуществом, какой-то сказочной уверенностью в себе, какой-то но-

ворожденной легкостью... Гюрг ушел — ничего, вернется; Водяной объявил войну не на шутку — ничего, обломаем рога; потеряла жемчужинки — не беда, подарят целое ожерелье; вот будет лихо вышвырнуть его в воду на глазах красы ненаглядной...

Неужели все это сделала одна легкая курточка — символ присоединения к Голубому отряду?

Она повернулась на пятках и увидела зеркало, прислоненное к стенке.

— Кто принес?

— Нея.

После разделения каждый из Полупегасов стал называть свою бывшую половину одним и тем же «Не я». Очень быстро это слилось в одно условное обозначение и стало как бы единым словом.

— Нею... то есть Нетебе было велено все в таксидермичке демонтировать и запаковать, а не мебель перетаскивать! Тем более, чужую.

— Нея сказал — твое.

— Что-то ты стал разговаривать, как папуас из записок Миклухи-Маклая.

— Могу помолчать...

Правая половинка эмоциональная, а на поверхности — самые примитивные эмоции. Из них обида — простейшая. Так сказать, троглодит эмоционального мира.

В полумраке прихожей она придирчиво оглядела свое отражение. Загорела сверх меры, голубушка, кожа да кости, вон скулы как торчат, и нос — не нос, один хрящик вздернутый. Губы, правда, что тутошняя малина — зело витаминная пища на Степухе! А в целом — ничего. Она показала себе язык, тихонечко пропела: «Калмычка ты, татарка ты, монголка, о как блестит твоя прямая челка!»

— Это еще кто? — спросил Полупегас, в последнее время ставший весьма чувствительным к поэзии.

— Кто-то из древних на букву Кы. Должно быть, Катулл.

В дверь тихонечко постучались. Варвара беззвучно ахнула, догадываясь, кто это переминается с ноги на ногу, поскрипывая душистыми досочками крыльца. Строго (как могла) спросила:

— Кто там?

— Джамалунгма Фаттах, с вашего разрешения, мэм. Штанишки принес форменные, с командорского плеча. Чтоб уж если перешивать, так вместе со смокингом.

Ее почему-то насторожило это «если».

— А если передумаю?

— А таких, которые передумывают, мы в отряд не приглашаем.

Категорично. Она приоткрыла дверь — ровно настолько, чтобы просунуть руку. Ткань снова поразила ее прохладной скрипучестью. Никогда такой не встречала.

— Перчатки и капюшон в кармане, полная экранизация от всех видов излучения, — словно угадав ее мысли, скороговоркой пояснил Джанг. — Так что пожалуйте за труды, мэм!

— О, разумеется!

Она сдвинула в сторонку зеркало, открыла стенной холодильник и осторожно за мохнатый хвостик вытащила самую крупную ягоду здешней малины.

— От щедрот тамерланской Флоры!

Дверь закрылась. Ну вот, шуточка насчет командорского плеча вознаграждена сторицей. А то если вся великолепная десятка начнет упражняться в своих юмористических способностях...

— Тебе работы прибавилось, — обрадовала она Полупегаса. — Впрочем... Штаны-то не командорские! Не иначе, как Джанг свои отдал, они на мне еле сойдутся. Напрасно мы с тобой доброго человека обидели!

— Да уж кто обиды считает! — горестно вздохнул робот. — Помню, раньше-то мы с Пегги по вечерам...

Недаром говорят, что правая половина мозга устремлена в прошлое.

— Послушай, я тебе не Пегги, у меня и так голова звенит от этих стратегов. Мелькают, командуют, прыгают, галдят, ну прямо птичий базар. Тяжко мне будет при моей любви к одиночеству! Так что ни о чем я сейчас не мечтаю, как поспать в тишине...

Она забралась в комнату и, не зажигая света, рухнула на кровать. Блаженно зажмурилась.

Из прихожей донеслось приглушенное бормотание: «Катулл, Гай Валерий. Зря удивляешься, Руф... Не то. Я прошу, моя радость, Ипсифила... Не то. Самый Ромула внук...»

— В ти-ши-не!!! — крикнула Варвара, догадываясь, что Полупегас подключился к тамерланскому информаторию, и надолго.

Наступила наконец тишина, и сразу же пришел сон. Чуткий.

Поэтому, когда в дверь снова застучали, она одним прыжком перелетела комнатку и, перепрыгнув через робо-

та, расположившегося со своим шитьем посреди прихожей, распахнула дверь в ночную темноту.

— Что? Что еще?

— Тоги помирает...

По голосу она узнала Ригведаса. Нетрудно было догадаться, что Тоги — это козел.

— А к биологам стучались?

— Евгений Иланович... как бы сказать... послал подальше.

— Да ну? Ведь добрый человек!

— Ему завтра вставать рано, он уезжает. Велел не валять дурака и поставить козлу клизму.

— Юморист! Ну пошли, коли так. Кирюше только стукнем.

Кирюшу Оленицына подняли по дороге, он вылез в окно, Световой кружочек от фонаря метался под ногами, словно напуганный необычной темнотой, — звезды, такие крупные здесь, на Степухе, нынче попрятались до единой. Темнота была ломкой и прозрачной, как чернота мориона; нигде не таилось ни клочка тумана, но сверху что-то давило невообразимой громадой, так что хотелось втянуть голову в плечи или еще лучше — убрать ее под крыло. Было тихо. Варвара уже давно заметила, какая большая разница в безмолвии южной и северной ночи. На севере все кругом засыпает, и ожидание звука в такой тишине не заставляет внутренне напрягаться, потому что прежде звука что-то мягко, лениво всколыхнется, а потом поползет и сам звук, вяло, словно отогреваясь на ходу, и к нему уже будешь готов; тишина же южной ночи наступает только перед бедой, и эта беда непредсказуема и всегда неожиданна, как зарница, и успеваешь только вздрогнуть и обернуться к ней лицом, а она уже пронеслась, опалив щеки, и канула в безвестность, чтобы породить другую беду.

Здесь, на Степухе, тишина была южной.

Они добежали до ворот Пресептории и, миновав их, свернули влево, и навстречу им под едва угадываемой сенью шалаша двумя затухающими золотыми угольками затеплились, чуть помаргивая, страдальческие глаза козла.

Тогенбург лежал на боку, и туго натянутый живот ритмично подергивался дрожью, как у сытого мурлыкающего кота.

— Сусанин прав насчет клизмы, — тяжело вздохнув, констатировала Варвара. — Печенье, сухарики, галеты. Полными карманами. Кроме вас и еще сердобольные души нашлись — сама вчера сушками потчевала. И кроме меня...

— Что делать-то? — простонал Ригведас.

— Начнем с массажа. Кирюша, держите его за рога, а вы, Петерс, раздобудьте побольше теплой воды... и яблок, желательно с гнильцой!

А далее последовало то, что в летописях Земли Тамерлана Степанищева значилось как «лечебная физкультура для обожравшегося козла в темную сентябрьскую ночь». Только часа через два вконец обессиленные Петерс, Кирюша и Варвара повалились на траву, изукрашенные синяками от рогов и копыт неблагодарного пациента, а сам рыцарь Тогенбург, трепеща вздернутым хвостиком в диапазоне ультразвуковых частот, ринулся прочь от пригревшей его твердыни цивилизации, усыпая свой путь мелким горошком.

— Уф-ф, — едва ворочая языком, проговорила Варвара, — и кто мог догадаться, что единственное средство от синдрома Лероя — это уровень современной медицины!

— Ветеринарии, — поправил ее Кирюша, — впрочем, они друг друга стоят.

— Вам-то смешно, — подал голос Ригведас. — Я ведь тоже к нему привязался! Жил в Пресептории беленький козлик...

Жалостливый фальцет горе-дрессировщика вызвал только взрыв хохота — обычная нервная разрядка.

Впрочем, Ригведас и сам смеялся.

— За чем же дело стало, — веселился Кирюша, — скушай гнилое яблочко...

И в этот миг что-то случилось. Тишина напряглась, натянулась, готовая порваться; так бывает, когда с вершины срывается снежная лавина и летит, пока беззвучная, но уже несущая в себе весь неминуемый гул и грохот. Из чащи кустарника по-заячьи выметнулся Тоги и прижался к ногам людей, вздрагивая опавшими боками.

С моря донесся приглушенный, отдающий горечью и погибелью звон, как будто не ударили в колокол, а он треснул сам собой.

— Слышали? — чуть шевеля губами, спросила Варвара.

— Не-ет, — немного помолчав, протянул Кирюша.

— Нет, — подтвердил Ригведас.

Вот потому-то она и проспала. Дважды ее словно что-то подталкивало, она нажимала кнопочку, ставни раздвигались — за окном была непроглядная темень. На третий раз решила взглянуть на часы — дали небесные, да все уже за

завтраком! О купании было нечего и думать. Она поспешно натянула на себя новую форму, заботливо разложенную Полупегасом прямо на столе, и, даже не полюбовавшись в зеркало на все это великолепие, помчалась в трапезную. Ригведаса, естественно, не было, но вот Кирюша Оленицын прочно находился в центре внимания, рассказывая о ночной эпопее с самыми цветистыми и далеко не всегда имевшими место подробностями, не слишком уместными за столом.

— У вас ничего не случилось? — вместо приветствия торопливо спросила Варвара. — Ночью вроде что-то лопнуло, котел или стекло...

— Не слышали, — встревоженно отозвался Гюрг. — Сейчас прогоню скочей осмотреть всю территорию. Салат или кокос?

— Как всем.

Завтрак прошел в высшей степени традиционно. Просто удивительно, как быстро складываются на дальних планетах поведенческие стереотипы. Только вместо стычки с командором Сусанин до неправдоподобия корректно пожелал всем успешного завершения начатых работ. Последняя большая колонна грузовиков отбывала на космодром, уезжали практически все, включая космолетчиков большого корабля.

Пресептория окончательно пустела.

— И все-таки на время эксперимента, по сигналу тревоги, прикройтесь защитным полем, как бы далеко вы уже ни отъехали, — предупредил Гюрг. — Счастливо, Женька!

— Счастливо, альбатрос.

Варваре, стоявшей за спиной командора, от прощания не досталось ничего, даже кивка. Не такой человек был Сусанин, чтобы повторять свои слова дважды. А вчера было сказано все.

— Работать, — жестко приказал командор, не дожидаясь, пока негустая толпа уезжающих скроется за поворотом. — Как было намечено, повторяем вчерашнюю программу, стараясь не отклоняться.

Но упрямый Водяной к повторениям был не склонен.

Канистра с форафилами лежала на пирсе строго на том же месте, Гюрг вылез на крышу ангара и, поглядывая на низкую тучу, время от времени осведомлялся, как там в шестнадцатом квадрате — но ни в нем, ни в одном другом никаких феноменов не появлялось.

Прошло минут сорок.

— Что-то я замерз, — подал голос командор, присажи-

ваясь на край крыши и свешивая ноги. — Братцы, давайте припоминать, все ли мы сегодня сделали так, как вчера?

— Начнем с того, что вчера я выкупалась, а сегодня — нет, — отозвалась первой Варвара, обосновавшаяся, как накануне, на вышке.

— Спасибо, братец!

Все беззлобно рассмеялись. Ей очень нравилась эта манера стратегов в критические минуты не напрягаться и не метаться, колко и злобно понося все, что под руку попадет, как это обычно было у Сусанина, а настраиваться на доброжелательный, даже неторопливый лад.

— Туман представлял собой более клейкую субстанцию — помните, как он налипал на стены и деревья? — поежился Норд.

— Ригведас минут тридцать пять занимался акробатикой.

Надо же, заметили! Это Джанг-гиббончик.

— После завтрака растащили все печенье и сухари, а сегодня оставили на столе. Кстати, сегодняшний шум за завтраком в децибелах раз в шесть мощнее вчерашнего — за счет хохота.

— Во-первых, еще до завтрака начали прогреваться моторы, а минут тридцать тому назад к перевалу ушла колонна... — Это Шэд.

— Хватит, — сказал Гюрг. — Существенными считаю только первое и последнее замечания.

— А в-четвертых — туча, — подал голос из капонира кто-то, кого Варвара еще не научилась отличать, так молчалив он обычно был. — Вчера она появилась только к вечеру.

По-видимому, Кит. Девушка высунулась в окошко, поглядела вверх: действительно, туча, нисколько не изменив своих очертаний, висела над пляжем, как невероятных размеров бурдюк. Похоже только, что за ночь она стала еще массивнее и темнее, словно состояла не из воды, а из самого низкопробного мазута.

— Ну и вымя, — сказал Хай. — Командор, тебе там не страшно одному?

— Спасибо за идею! Норд, Ага, вылезайте-ка сюда, моей скромной и, по-видимому, неаппетитной персоны сегодня нашему Водяному мало.

— А может, я?.. — слабо пискнула Варвара.

— Давайте, — легко согласился Гюрг.

Она скатилась с метеовышки, бегом пересекла пляж, краем глаза отметив, что аполин нет как нет, забежала в

телятник и начала карабкаться по винтовой лесенке вверх, под потолок, с которого свисали ненужные теперь светильники, тали, кормораздаточные шланги и прочее добро. Вода, в которой совсем недавно неуклюже плюхались потешные «зелененькие», была чиста и безжизненна той ужасающей безликостью условного математического бассейна, из которого в одну вытекает, а в две втекает. Девушка добралась до недавно прорубленного в потолке люка, подтянулась и вылезла на крышу.

Норд и Ага уже устроились возле командора, один в позе лотоса, другой — крокодила. Варвара помялась — жаль было присаживаться, наверняка сзади пятно останется, стирай потом штаны.

— Устраивайтесь, — подвинулся Ага, — и не бойтесь: к нашему грязь не пристает. Мы тут надолго, Гюрг?

— Выжидаем тридцать минут. Затем попробуем форсированные методы.

Варвара невольно подняла на него расширившиеся от ужаса глаза.

— А что вас удивляет, Барб? Перед нами тупая, агрессивная ржавая машина. Во многом уже виноватая. Мы не позволили бы себе неделикатности даже по отношению к крошечной землеройке, но здесь... — он кивнул в сторону рыжих островов, и незавершенная фраза, повисшая в воздухе, была красноречивей всяких слов.

— Мы вообще очень деликатные люди, — проговорил Ага, явно настраиваясь на эпический лад, — вы разве этого не заметили, Барб?

Он перекатился с живота на спину, чтобы освободить руки для жестикуляции:

— И мы всегда были деликатны. С пеленок. И вот с такими землеройками. И вот с этакими колибрями. И во-от с такусенькими головастиками... светло-зелеными, если мне не изменяет память, а, Георгий Юрьевич?

Варвара даже зажмурилась, ожидая взрыва командорского гнева, но Гюрг в ответ только засмеялся, тихо и счастливо, как бывает в тех случаях, когда припоминается милое безоблачное детство:

— Память твоя, Яшка, тебя погубит...

Это было разрешение на текущие тридцать минут чувствовать себя как бы в отпуске. Ага все понял правильно.

— Так вот, Варенька, прилетаем мы на Камшилку, никакой тогда стратегической разведки не было и в помине, а порскали по Галактике такие трехместные прыгуны-под-

пространственники, сейчас уж их списали. Всех забот — куда можно сесть, там всевозможные пробы снимать.

— Информационные сливки, — вставил Гюрг.

— Это точно. Так вот, на одном таком прыгуне командором был достославный Реджинальд Бруст...

— Жутко звучит, — поежилась Варвара, — почти Реджинальд фон де Беф.

— Не знаком, — развел руками Ага. — Ну, а команда — ваши покорные... Камшилка, надо сказать, к себе располагала с первого взгляда, потому как атмосфера у нее прямо пузырилась от кислорода, да и вся она состояла из сплошных берегов, как кружева — из дырок. Флора была налицо, фауна подразумевалась. Но хотелось сапиенсов.

— Ну, постройки-то мы углядели еще с орбиты, — заметил Гюрг. — Четко распланированные поселки, все сплошь на побережье, каждая улица соединена каналом с лагуной. Домики глиняные; как потом выяснилось, совершенно пустые...

— Вы его не слушайте, Варенька, наш командор вне служебных обязанностей — совершеннейшая зануда... Так вот. Ничего разумного на суше мы не обнаружили, и я решил для очистки совести глянуть на дно. Теплынь там необыкновенная, плывешь сто метров, двести, триста — а под тобой все песочек и по горлышко, ну прямо лягушатник, — расписывал Ага, забыв про все форафилы.

— Там сейчас детский курорт, — вставил Норд.

— А кто детишек пасет, знаешь? А, то-то же. Но тогда меня страшно раздражали головастики — никакой живности в воде, только они, толкутся вокруг, мельтешат. У меня были пакеты для проб, вот я и набрал в него на всякий случай немного воды вместе с одним экземпляром. Вылез на берег, благо кораблик наш тут же, на песчаной косе, и чтобы не очень задерживать работы...

— Слушайте его больше, Барб, так он и заботился о темпах работ. Лентяем был, лентяем и остался. Ласты не снимал, так и трюхал по берегу, а до корабля добирался — и головой нырял прямо в аварийный люк, потому как до кают-компании, где у нас была развернута лаборатория, от него рукой подать.

— Для вас же старался, бока обдирал! — не стерпел Агенобарб.

— И когда из люка вылезал, обязательно воду проливал, — командор был педантичен и безжалостен. — Такое болото в кают-компании развел!

— Положим, я в тот раз еще из аварийного люка не

выполз, а мешок тебе передал, забыл? Ты головастика достал, на стеклышко положил да как заорешь!

— Да уж, какой только нечисти мы не насмотрелись на дальних планетах, и в микроскоп, и так, один к одному...

— Вот-вот, в микроскоп глядючи, ты и вылил всю воду на пол, собственноручно! — уел-таки командор Ага.

— Ну, а... — не выдержала Варвара.

— Под микроскопом? — отозвался Гюрг. — Ах да, под микроскопом... Дело в том, что на предметном стеклышке сидела прелестная светло-зеленая сирена ростом много меньше Дюймовочки. Уклесчный хвостик под себя подвернула и, как положено микро-Лорелее, занимается своей прической.

— Знаешь, — перебил его Ага, — все-таки справедливее было бы назвать ее моим именем — «сирена Новикова...».

— Яша, не гонись за славой, в моем отряде она тебя сама найдет. Тогда, если ты помнишь, нас больше занимало, как бы это диво не отдало концы у нас на суше.

— Неужели на камбузе не нашлось ничего похожего на аквариум? — Варвара даже ладошками всплеснула от негодования.

— До камбуза надо было еще добраться, мы для скорости опять ввинтились в аварийный люк, и туда это сошло гладко, а вот когда обратно лезли с какой-то пластмассовой супницей — вы понимаете, Барб, что на корабле стеклянная посуда не приживается, она вообще противопоказана космическим маневрам, — то Яшка, естественно, застрял, половину воды пролил, и пока я его пропихивал — прошло не меньше четверти часа.

— Удрала? — с неожиданной надеждой спросила девушка.

— Ну, куда же ей деться, когда мы своими бренными телами люк перекрывали... Все было хуже. Потому что на краю стола лежала вторая сирена, гораздо крупнее — от изумрудных ресниц до кончика хвоста было чуть меньше метра. Тут Яша как заверещит восторженно: «Ах, молодчина, вот это мамаша — к нам на корабль приползла за своим маленьким!»

— Чтобы быть точным, — отпарировал Ага, — то ты сам первый крикнул: «Не раздави маленького!» Да и как не напугаться: сидит наша русалочка на столе, кудри свесила, микроскоп валяется на полу, а она так скорбно рассматривает лужицу на столе, словно ищет кого-то.

— Тут и мы — на четвереньки, лбами сшибаемся, по

лужам шлепаем, а у самих — ледяные мурашки по всей спине, потому как маленького нет нигде... Все обыскали!

— И тогда у будущего командора, — подхватил Ага, — зародилось страшное подозрение...

— А ваш-то командор где был? Реджинальд Вурст?

— Бруст. В машинном отсеке. Мы его кликнули сразу же, но пока активную робу снимешь, пока отмоешься... Надо было справляться своими силами. А тут еще Гюрг аж побелел — не иначе, говорит, как эта зеленая дура свою малышку жабьим пузом придавила. Давай, говорит, ее в койку...

— Точно, а ты стоишь и трясешься — укусит...

— Что, такой хищный вид был?

— Какое там! Валялась, как сфинкс, в иллюминатор глазела. Я, естественно, говорю — пардон, мадам, вынужден переместить вас в связи с необходимостью осмотра занимаемой вами площади... А мадам и не поднять. Под сотню килограммов, да и в размерах мы, как я вижу, ошиблись — добрый человеческий рост.

— Не преувеличивай, — сказал Гюрг. — Когда ты ее на койку свалил, в ней метра полтора было, не больше. А потом мы стояли и смотрели на нее, как ошалелые, уже оба догадались, а вслух сказать боимся...

— А потом хвост у нее так покачался, покачался — и шлеп об пол! Я как проснулся: можешь не верить, говорю, но это — одна и та же особь, и она растет! — Ага явно тяготел к монологу.

— Это я тебе сказал, а ты отвечаешь — быть того не может, это ж сапиенс, а не поганка! — командор предпочитал дуэт.

— Ну, кто там насчет сапиенса, а кто насчет поганки — это не важно, а главное то, что ты вдруг как заорешь: «Яшка, она ж теперь обратно в люк не пролезет!!!»

— И ты бы заорал, если бы первый до этого додумался. Сапиенс не сапиенс, а не резать же это добро автогеном!

— Да-а-а... — задумчиво протянул Ага, словно перед его глазами снова встала камшилская русалка. — Какой уж там люк. Бедра — что у вашей стеллеровой коровы, бюст — радиатор грузовика, глаза — что космодромный прожектор...

— Э-э, Андерсен, полегче! Оставайся в рамках правдоподобия. Потому что нам действительно стало страшно — не закачивать же кают-компанию водой, — да и где гарантия, что это даст обратный результат? Словом, мы так и стояли бы в полной прострации, если бы в этот миг не по-

явился Реджинальд. Ситуацию он оценил мгновенно — а скорее всего, следил за нами еще из дезактивационной, по каналу внутренней связи...

— А потому, не теряя ни минуты, — перебил его Ага, прилагая все усилия, чтобы последнее слово осталось за ним, — уперся он руками в бока да как гаркнет своим командирским басом: «А ну, горе-десантники, совсем голову потеряли! Слушай мою команду...»

— Время! — совершенно другим, официальным голосом скомандовал Гюрг, одним упругим движением поднимаясь на ноги. — Все по местам. Барб, останетесь здесь. Сигнал общей тревоги, всем укрыться, движение прекратить.

Конурка была много меньше, чем у метеорологов, вдобавок вся заставлена совершенно незнакомой аппаратурой. Варвара присела перед вертикальным экраном, разрезанным пополам зыбкой чертой, — работал подводный датчик. И над, и под водой было пусто. Почему нет аполин? Сами ушли или...

— Пускаем форафилы!

Варвара привстала и вытянула шею — на консольном экране вытянулась знакомая красная полоска, нешибко побежала от берега. Гюрг, оттопырив локти, колдовал над пультом — полоска принялась выписывать вчерашние кренделя, но никаких янтарных феноменов это не вызвало.

— Давай-ка их в шестнадцатый квадрат, — предложил Норд.

— Теряем время. Помнишь направление желтых змей — точно на пирс? Ложные атаки?

Он сделал резкое движение — вероятно, что-то перестроил в программе, только красная полоска вытянулась в стремительное копье и полетела по поверхности моря, нацеливаясь точно в ржавое основание ближайшего островка. Когда до берега оставалось каких-нибудь пять метров, она изогнулась, не снижая скорости обошла островок и устремилась к следующему.

Там картина повторилась, и атакующее острие нацелилось на третий остров. И тут...

До ржавых торчков, покрывающих крошечный пятачок суши, оставалось еще добрых сто метров, когда раздался рев. Он шел сверху, словно какое-то чудище с храпом, разевая необъятную пасть, устремилось прямо к пирсу. Надвинулась темнота — непроницаемый купол силовой защиты прикрыл все три здания биолаборатории, впрочем, как и все остальные здания поселка. Теперь за происходящим можно было наблюдать только на немногочисленных экра-

нах, большей частью — инфракрасных, поэтому Варвара не сразу поняла, что происходит.

Издалека это напоминало смерч, готовый вот-вот обрушиться на третий островок; он рождался на нижней оконечности тягостно провисшей тучи, далее упирался в море монолитной колонной, и только в самом низу его окружал какой-то темный вал.

— Рассредотачивай!.. — крикнул Ага, но Гюрг и без него что-то переключал, заслонив собой пультовую доску, и Варвара вдруг почувствовала какую-то яростную вспышку досады оттого, что она ничегошеньки не понимала и не могла помочь.

— Рассредоточенье максимальное... — пробормотал Гюрг. — Да ведь не унимается... Бьет в центр... Фиксировать до мельчайших подробностей!

Замечание было излишним: фиксаторы работали автоматически, снимая изображение каждого из сорока квадратов, условно разграничивших все побережье.

— Двинулась, — с восторженным изумлением прошептал Норд, — силища-то какая!

И только тут девушка поняла, что это — она, которая двинулась. Это была колонна воды. Стремительно рушащийся столб. Вертикально падающая струя — вероятно, не менее двадцати метров в диаметре. И нигде ничего похожего никогда не наблюдалось.

Впрочем, как и многое, происходившее на Степаниде.

Кто-то включил звуковой датчик, и тесное помещение заполнилось немолчным грохотом воды, набирающей невероятную мощь за добрых полторы тысячи метров своего падения. Удар, несомненно, был нацелен на красную стрелу, в действительности отнюдь не угрожавшую островку и всему тому, что под ним, вероятно, скрывалось, но вот послушные приказу форафилы разбежались кто куда на несколько сотен метров, а яростный водопад продолжал сверлить морскую поверхность, словно пытаясь достигнуть дна. Тугой водяной вал кипел вокруг основания этого водопада, и концентрические волны, разбегаясь во все стороны, уже достигали побережья и захлестывали пирс, выбивая из-под него лодки, садки для скатов и прочее лабораторное имущество.

— И прямехонько... — констатировал Ага. — Да, точненько на нас.

Водяной столб двигался. Это было непредставимо, это тем более было необъяснимо, но ревущий водопад надвигался по безукоризненной, неумолимой прямой точно на корпус биолаборатории. И похоже, набирал скорость.

— Мощностей на защите хватит? — подал голос с метеовышки невозмутимый Эрбо.

— Проверим, — коротко ответил командор.

— А все-таки глянем-ка на поселок, — буркнул Ага, начавший проявлять нервозность. На его экране поплыли улочки, очерченные рядами полукруглых белых шатров, — можно было подумать, что это громадные грибы дождевики. Каждое здание имело индивидуальную защиту, но вот деревья и кусты, ничем не прикрытые, выглядели как-то особенно беззащитно и обреченно.

— Надо ж было по стенам протянуть кабель, уникальное сооружение... — поморщился Гюрг. — Археологи потом заедят...

Монолитная громада стен не выглядела уязвимо, но ведь возраст... Созданные для защиты, они сами теперь в ней нуждались.

— Приготовиться! — негромко предупредил Гюрг и впервые оглянулся на Варвару. Было какое-то мгновение — и она поняла это, — когда он хотел, как вчера в трапезной, положить свою руку ей на запястье, но удержался, и она была благодарна ему за его сдержанность и еще за то, что каждый его поступок она понимала, словно он предупреждал ее на каком-то им одним ведомом языке. Грязно-бурый водопад, в котором уже отчетливо можно было различить стремительное движение струй, свивавшихся в тугой жгут, неумолимо надвигался; но она совершенно не думала об опасности, в конце концов, риск был одинаков для всех, а главное — у нее продолжали звучать несказанные слова, родившиеся у них одновременно: если все-таки это конец, то будет еще доля секунды, чтобы прижаться плечом к плечу. И — вместе...

А потом разом полетели экраны дальних обзоров — полыхнули черным пламенем; круговая панорама поселка погорела во вторую очередь, и только прямой экран, на котором росла бешено мчащаяся сверху вниз вода, был неуязвим. Уже в кольцевом вале закрутились поднятые со дна камни, полетели над водой вышвырнутые ошметки водорослей, а тут и пирс подвернулся, брызнули во все стороны куски бетона и арматуры; впереди всего понесся на гребне вала перевернутый катер и со скрежетом взмыл вверх по стенке ангара, и это был последний звук, а затем наступила жаркая тишина, и нечем стало дышать в неестественно уплотнившемся воздухе, запахло паленым — вроде бы от экрана, а на нем уже ничего не было видно, одна лиловая текучая мразь, и казалось, что льется она прямо здесь, сте-

кая на пол и наполняя рубку удушливой вонью; и выключилось абсолютно все — темнота, и Варвара стояла спокойно и ждала, когда же это кончится, потому что до самого страшного не дошло — иначе Гюрг был бы рядом с нею.

И все кончилось.

Не то чтобы посветлело или что-нибудь включилось, а просто стало возможно дышать.

— Ну что, Барб? — спросил Гюрг откуда-то издалека.

— Над нами вроде чисто. — Она сама порадовалась, что голос ее звучит так обыденно, по-деловому.

Так, была маленькая заварушка, но сейчас можно работать дальше.

— Панораму, Ага! Заснули, альбатросы?

Кажется, прозвище привилось. В темноте засуетились, защелкали, заскрипели, и вот уже на вогнутом экране поплыло изображение изуродованных улиц. Купола-дождевики стояли неповрежденные, но между ними был прорублен овраг, края которого продолжали змеиться трещинами и осыпаться; Варвара едва не ахнула вслух, когда увидела вывороченный Майский Дуб и разбросанный на довольно большое расстояние кустарник — кое-где он лежал даже на белых шаровых подушках силовой защиты. Когда ее выключат — это все обрушится на крыши.

Амбарная площадь пострадала меньше; собственно говоря, там и громить было нечего, кибы успели затащить все валявшееся добро в колодцы и закрыть шапочками защитного поля; только плиты, уложенные десятки тысяч лет назад, не выдержали и теперь торчали углами; в промоине между ними стремительно неслась назад, к морю, чудовищно грязная вода. Из стены было вывороченно несколько камней, и девушка с облегчением прикинула, что шалаш Тогенбурга должен находиться правее на добрых сотню метров, недалеко от ворот, и, следовательно, когда наружу, на обступивший Пресёпторию кустарник летели выбитые из стены глыбы, несчастный козел должен был уцелеть.

Командор облегченно вздохнул и выключил защитное поле.

— Начнем считать раны, — сказал он. — Ага, сколько человек, кроме нас, в поселке?

— Одиннадцать, включая экипаж нашего корабля.

— Чтоб завтра ни единого не было. А сейчас предупреди их, чтобы не лазали в канаву, даже если увидят там какое-нибудь добро...

— Тут на пляже такого понакидало! — подал голос Кит. — Кликнуть кибов, что ли?

— Кликни, кликни. Это как раз их дело. Люди пусть пока метров на пятьдесят к воде не приближаются. Оповести всех, Ага, и построже.

Он распахнул дверцу и, задохнувшись густым воздухом, в котором висели еще не осевшие брызги, фыркнул. Потом вскинул руки и уперся в дверную раму, блаженно поводя плечами, словно скинув с них всю тяжесть обрушившейся воды. Варвара, осмелев, присела и пролезла под его рукой, выбираясь на крышу.

— Самовольство на полубаке? — удивленно и насмешливо констатировал командор. — Я с мониторов никого не снимал.

Варвара мгновенно вспыхнула, словно ее, как котенка, поймали за шиворот. Она повернулась, чтобы занять свое место у экрана, и над дальним Ящеричным хребтом увидела удаляющуюся тучу. Смутная тревога поднялась и не давала успокоиться.

— Сейчас самое время Водяному повторить свой трюк, — говорил Гюрг встревоженно, — так что следить за морем, но до появления новых феноменов съемки прекратить. Форафилами пожертвуем, пусть эта партия разбежится до минимальной плотности — скажем, единица на кубокилометр. Зонд поднять до... Барб, что случилось?

Он шагнул на крышу и стал рядом, оборачиваясь и отыскивая причину Варвариного внимания.

— Километров шестьдесят, — сказал он, оценивая расстояние до тучи. — Запас влаги не бесконечен, над горами он иссякнет.

— Там Сусанин, — хрипло проговорила девушка.

— Ну так что же? По сигналу тревоги они должны были задрейфовать и прикрыться, а отбой был предназначен только для поселка. Так что они там пересидят дождичек под крышей...

— Что-то не так, — она упрямо замотала головой. — Что-то...

Гюрг мгновенно оценил ситуацию.

— Сусанин, Сусанин! Колонна, кто-нибудь, ответьте! — Он кричал в маленькую плошку персонального фона, а там, внутри рубки, уже слышался характерный свист — кто-то настраивал мощную стационарную рацию, которая при желании могла бы выйти даже на Большую Землю.

— Связи нет, — встревоженно проговорил Ага.

Варвара с какой-то благодарностью почувствовала, что ее ощущение тревоги разом было воспринято всеми, без сомнения или недоверия.

Гюрг нырнул обратно в рубку.

— Космодром, космодром! — вызывал он. — Когда была связь с колонной?

— В одиннадцать ноль-три, — послышалось сквозь треск и шакалий вой помех, — сразу после начала движения.

— Пробивайте связь, мы вылетаем. Эрбо, Кит, остаетесь на контроле побережья, если что — включить защиту и не снимать до моего возвращения. Остальные — за мной!

Они мчались к вертолетной площадке, и Варвара беззвучно молила все небесные и подземные силы, чтобы ей не споткнуться, не отстать, чтобы примчаться к машине вместе со всеми, — и ноги отталкивались от земли легко и упруго, и она слышала этот звук — «топ-топ-топ», совсем как вчера, в тумане, когда Петрушка разбегался перед своими немыслимыми прыжками; и вот сейчас она чувствовала себя такой же легкой, сильной, что только подпрыгни — и у нее получится все не хуже, чем у Ригведаса. Вот те на, всего несколько дней рядом со стратегами, и все по плечу. Всемогуществом, оказывается, можно заразиться. Ну, это кстати, сейчас оно понадобится в полной мере.

Маленький нелепый вертолет с двухэтажной кабинкой умудрился вместить всех. Когда он, закладывая крутой вираж, лег на левый борт, Варвара снова увидала тучу. На таком расстоянии водяного столба видно не было, но след его тянулся понизу, прочерченный по заросшим кустарником предгорьям Ящеричного хребта, словно процарапанный огромным когтем. Вертолет шел точно по следу, не рыская и не меняя высоты. Туча была теперь прямо по курсу, и видеть ее можно было только в лобовом колпаке, а его прочно заняли Хай и Ага.

Все молчали, и в этом напряженном ожидании уследить за временем было совершенно невозможно. Вертолет шел гораздо быстрее обычной полевой машины, и пробитую плазменными путеукладчиками дорогу они не пересекли ни разу, так что девушке оставалось только гадать, насколько они удалились от побережья. Она тихонечко вытянула руку и глянула на часы: всего-навсего четверть второго. Сколько же могли пройти за это время тяжелые, неповоротливые грузовики? Ящеричный хребет они перевалили — это ясно: вон он, позади; дальше дорогу она помнила смутно, но что оставалось не меньше трех перевалов — это точно.

За стеклом иллюминатора заклубился желтоватый туман. Похоже, что вошли в шлейф быстро мчащейся тучи.

Внезапно над головой со скрипом съехала в сторону

створка люка, тревожные глаза Норда под горестными — вразлет — бровями осмотрели всех, кто находился в нижней кабине. Так ничего и не сообщив, Норд исчез, но спустя полминуты в люк просунулась рука с двумя санитарными сумками. Первая сумка полетела в Шэда, вторая шлепнулась на колени Варваре. Вот так, без лишних слов ясно, что от тебя требуется.

Шэд вдел руки в прорези, так что сумка по-кенгуриному пристроилась к его животу; Хай застегнул ему пряжку на спине. Варвара, поглядев, сделала то же, только пряжку застегнула сама. Снова стала ждать. Туман пошел клочьями, стало вдруг ясно, что это не туман, а дым, и багряно-лиловые заросли горного кустарника стали казаться языками пламени — наверное, от запаха гари. «Без паники, — сказала себе Варвара, — паниковать будем только по команде». Из верхнего люка снова высунулась рука и веером высыпала твердые карточки — снимок дороги, на которой четко просматривалась колонна машин. Теперь Варвара узнала место: этот перевал назывался Слюдяным, и грузовики взбирались по серпантину, когда грохочущий водяной тесак вспорол слоистый склон и в двух местах перерезал дорогу.

Вертолет лег на правый борт, чуть не царапая осыпь, вильнул над серпантином, пересчитывая машины, и завис над провалом, куда, оскальзываясь на размытом склоне, пытались спуститься кое-как связавшиеся тройки и пятерки людей.

Из провала валил тяжелый дым: горело мокрое.

Тугие струи, разгоняемые вертолетным винтом, смахнули со склона остатки срезанного кустарника вместе с жидкой грязью, дым пугливо шарахнулся в сторону, и тогда стало видно, что метрах в пятнадцати ниже дороги между двумя глыбами застряла тупая кабина, отчаянно разбросав в стороны крепежные лапы, так что стала похожа на полосатого черно-оранжевого паука, пытающегося влезть по отвесному склону. Еще ниже горел коробчатый кузов, — видно, при ударе об уступ грузовик переломился пополам, а может быть, в последний момент водитель успел нажать рычаг отцепления, чтобы облегчить кабину. Но тогда, выходит, он — внизу...

Что-то разноцветное усеивало круто уходящие вниз осыпи, особенно много этого поблескивающего конфетти задержалось в разлапистых редких кустах, каким-то чудом прижившихся на каждом карнизике, в каждой выбоинке. Эта игрушечная пестрота показалась Варваре знакомой —

ну точно, это же сотовые контейнеры, в которых последовательность емкостей задавалась цветом. Они весьма живописно смотрелись на стеллажах биолаборатории и, увы, содержали весьма горючие препараты.

Горели труды полутора лет...

Из верхнего люка почти бесшумно выскользнул Гюрг, и Варвара успела заметить, что от его пояса тянется наверх полупрозрачный канатик.

— Лех держит связь и машину, — отрывисто проговорил он, — здесь — Барб и Ага, будете принимать... Внизу предположительно трое.

Он продел левую руку в страховочную петлю и, отщелкнув ногой нижний люк, как-то очень обыденно, словно в дверь вышел, ухнул в пустоту. Канатик заскользил за ним. Варвара поежилась — по правде сказать, пустоты и высоты она боялась, не то что глубины в воде. «Прекратить самостоятельные спуски! — донесся снизу командорский голос. — Расчистить площадку для вертолета между третьей и четвертой машинами!»

Еще пятеро разведчиков, торопливо застегивая массивные пояса, последовали за командором. Что ж они без масок и спецкостюмов, дым же внизу? Плохо им будет... Девушка встала на колени и, упершись в комингс, выглянула наружу: двое в кремовых костюмах уже стояли на крыше кабины, еще двое копошились где-то под нею. Плотный дым снова закрыл кузов грузовика, и еще двоих, ушедших на самое дно провала, совсем не было видно.

— Приготовимся, — так же лаконично, как и командор, распорядился Ага.

Он уже откинул узенькую коечку и теперь выдирал из стенных гнезд какие-то баллончики, сноровисто насаживая на них скошенные раструбы распылителей. Из верхнего люка свесилась голова Леха — носом книзу, и Варвара невольно подумала, что вот так, «вверх ногами», выражение лица очень трудно определяется.

— Гюрг сказал, что шести хватит! — крикнул он и швырнул в Агу толстенькую розовую бомбочку с красным клювом.

Ага перехватил ее и, почти не глядя, отправил в люк, чуть не задев отшатнувшуюся девушку. И еще одну, и еще — все заказанные шесть.

— А что, если мимо?.. — робко заметила Варвара.

— Самонаводящиеся.

У бомбочек развернулись небольшие стабилизаторы, что-то закрутилось, тоненько запело, они стали похожи на

поросят, висящих пятачками вниз и отчаянно крутящих хвостиками. Несколько секунд они держались стайкой, а потом, наращивая скорость, пошли прямо в центр дымового облака. Но не дошли — оттуда проклюнулись голубовато-лиловые язычки лопающихся прямо в воздухе контейнеров. Горел спирт, а точнее, заспиртованные препараты, а потом уже рвануло по-настоящему, так что кабина, застрявшая выше, подпрыгнула и начала тихонько соскальзывать с уступа, намереваясь кануть в сгустившийся дым. Это ей удалось только наполовину, видно, спасатели успели закрепить ее с помощью канатов, уже протянутых сверху, с дороги; она закачалась, как опутанное паутиной насекомое, вместе с фигурками в блестящих, не тронутых гарью и копотью костюмах, прилепившихся к ней.

— Можно было бы поднять ее нашим вертолетом... — заикнулась было Варвара, но Ага только фыркнул и пробормотал что-то очень древнее о микроскопе и забивании гвоздей — девушка ткнулась носом в свою сумку и твердо решила больше голоса не подавать.

Как и все биологи, она прошла фельдшерскую подготовку и содержимое сумки знала наизусть, чтобы любую нужную вещь можно было достать в темноте на ощупь. Но применять свое умение ей предстояло впервые, и странное дело — это ее нисколько не волновало. Снизу раздалось многоголосое шипение, видимо, начали действовать противопожарные баллоны, и что-то почти беззвучно лопалось, отчего теплые волны упруго подбрасывали вертолет, и Варвара не заметила, что один из канатиков быстро скользит вверх и из нижнего люка вдруг высунулась рука в перчатке, похлопала по комингсу и резкий голос произнес:

— Первый!

Ага бросился ничком на пол, свесился наружу и рывком поднял в кабину неподвижное тело. Это был один из космолетчиков, и Варваре стало нестерпимо стыдно за мгновенное чувство облегчения — не свой... Все свои. А кому больнее, тот... своее, что ли. Ага кивнул Варваре, она поняла и взялась за ноги, вдвоем они уложили своего первого пациента на коечку, и Ага привычным движением прежде всего пристегнул крепежные ремни, на всякий случай. Всмотрелся в неподвижное, словно спящее, лицо и уже намеревался приступить к какой-то процедуре, но из нижнего люка, легко подтянувшись, явился Норд, останавливающим жестом поднял руку в перчатке:

— Гюрг велел оставить как есть, похоже на переломы ребер с обеих сторон, так что командор всадил ему целую

канистру анабиотика. До новой площадки продержится, а здесь, в полевых условиях, можно что-нибудь и напороть...

— Как остальные два? — быстро спросил Ага, и Варваре почудилось, что вместо «как» прозвучало «кто».

— Одного уже подымают, а другой... другой на дне. Гюрг сам полез.

Сумка с медикаментами у Шэда, а анабиотик лошадиными порциями вкатывает Гюрг. Диагноз устанавливает тоже Гюрг. И в провал, грохочущий непрекращающимися взрывами, лезет он же. А она должна стоять над этим совсем незнакомым ей человеком и ничего не делать, потому что так велел тоже Гюрг.

Она присела на корточки возле койки и попыталась прислушаться к тому, что происходило с этим человеком. Но ничего для нее не прояснилось, человек был туго спеленут искусственным оцепенением, когда ради того, чтобы задавить боль, гасят все остальное в организме, где только сердце едва уловимо мерцает. Она взяла руку, попыталась нащупать пульс — с непривычки ей это не удалось, и вдруг накатил панический страх: сердце не бьется!

Варвара заставила себя прикрыть глаза, сжаться в комочек и придушить эту панику. В отряде стратегической разведки только и не хватало истерички! Все хорошо, пульс сейчас отыщется...

И он отыскался, слабый, естественно, но не внушающий опасения. Как ее учили в таких случаях, она достала из сумки три ампулы кардостимина разной степени, на всякий случай считая бугорки на донышке, — необходимая мера для тех, кто применял препараты скорой помощи в темноте или вслепую, — и приклеила их на правое плечо своего пациента. Теперь если что, не надо будет тратить даже секунды на розыски лекарства. Она уже приготовилась сидеть так на полу и ждать этого «если что», как в днище ударили и кто-то крикнул:

— Второй!

Из люка стали вырастать руки. Вернее, то, что было когда-то руками, а сейчас напоминало две обугленные ветки, с которых свисали ошметки чего-то красного и пузырящегося. Затем медленно показалось лицо, совсем знакомое лицо, которое Варваре не хотелось узнавать, потому что оно было не изжелта-смуглым, как всегда, а белым и тоже каким-то остановившимся. Глаза Сусанина были прищурены больше, чем обычно — сейчас за все время подрагивающими ресницами видны были только донельзя расширенные болью замершие зрачки. Варвару он как будто и не

узнал. Высунулся из люка наполовину — кто-то подталкивал снизу — и рухнул лицом в пол, продолжая поднимать над головой руки, чтобы их ничего не коснулось. Варвара метнулась к нему, вцепилась в воротник, рывком приподняла, крикнула спешащему на помощь Аге:

— Руки, руки держите!

Ага сообразил, плюхнулся на пол и обхватил Сусанина сзади, поддерживая руки, обожженные до локтя. Голова Сусанина запрокинулась и легла ему на плечо.

— Хорошо, — шептала Варвара, — все будет хорошо...

Она никогда не говорила таких слов — ни людям, ни зверью; это были не ее слова и не ее тон. Но сейчас нужно было так, и она не смогла бы сказать, откуда она знает, а как именно нужно. Она выхватила из-за пояса свой неразлучный нож, откромсала обгоревшие рукава и, безошибочно найдя баллончик с регенопластиком, принялась осторожно напылять на изуродованные, кровоточащие руки спасительную пенистую пленочку. Мимо нее кто-то проскакивал снизу вверх, качался и уходил из-под ног вибрирующий пол, потом явился Гюрг, неизвестно откуда, присел рядышком на корточки, осторожно похлопал Сусанина по щеке; тот резко открыл глаза, словно только и ждал этого пробуждения.

— Точно — трое?.. — спросил командор, пытливо и цепко приглядываясь не к губам, а к глазам, точно оценивая, а можно ли будет верить ответу.

— Трое.

Гюрг исчез наверху.

Мотор взвыл, пол наклонился. Варвара, продолжая методично обрабатывать сантиметр за сантиметром то, что недавно было человеческой кожей, на миг замерла и вопросительно глянула на Агу. Тот, кося глазом на Сусанина, снова прикорнувшего у него на плече, тихонечко покачал головой. Вертолет шел полукругом над опадающей шапкой дыма, нацеливаясь на расчищенный между машинами участок шоссе. Краем глаза Варвара заметила две светло поблескивающие фигурки, зависшие на переплетении тросов, спущенных вниз от грузовиков. Движения их были неторопливы и экономны, как всегда бывает у мастеров своего дела.

Она закончила с одной рукой и принялась за другую, так же уверенно и безукоризненно, словно делала это не впервые в жизни. Правда, и регенопластик был не совсем такой, как на тренировочных занятиях, а эластичнее, послушнее. Он не распылялся попусту, а, казалось, притяги-

вался обожженной кожей и ложился на нее ровно и бережно. Впрочем, это Варвару не удивляло: здесь, в Голубом отряде, все было лучшее — и вертолеты, и медикаменты, и сами люди. И она тоже стала другой, даже без особых усилий со своей стороны. Зарядилась от окружающих. Индуцированное всемогущество, так сказать. Раньше она все время мучилась какими-то сомнениями, собственной неуместностью, неприспособленностью. Теперь она была на своем месте, вернее, на одной двенадцатой части того места, которое занимала под всеми солнцами Вселенной стратегическая разведка. И отдать ей должное, это место было достаточно высоким. К такому, выходит, привыкаешь очень быстро.

О том, что машина села, можно было догадаться только по затихнувшему гулу мотора. Это, собственно, Варвару тоже не касалось — она делала свое дело, сосредоточившись на нем целиком. В регенопластик входила целая гамма легких анабиотиков, так что Сусанин уже просто спал и, вероятно, видел вполне счастливый сон. Аге вряд ли было удобно так долго поддерживать сзади его руки, держа их за локти, но пока был нанесен только тоненький слой, которому предстояло превратиться в кожу, а теперь еще надо было покрыть все это толстой пенной защитой, упругой и неуязвимой для всего на свете, кроме одного специального растворителя. Варвара взялась за новые баллончики, приноравливаясь работать сразу двумя руками, но тут же почувствовала, что за спиной стоит Гюрг. Не прекращая работы, она полуобернулась к нему и тихонечко подала знак — одними ресницами: «У меня все в порядке».

У них это очень здорово получалось — разговаривать ресницами.

— Нет, — негромко возразил Гюрг, — так неудобно. Сейчас...

Он достал из верхней кабины узенькие носилки и закрепил их, уперев концами в стенки. Потом они с Агой бережно водрузили на них Сусанина лицом вниз, так что голые руки его свешивались с обеих сторон. Варвара присела под носилками — да, так было много удобнее. Распылители посвистывали дуэтом, наращивая толстый слой упругой пенозащиты. Все было правильно.

— Через неделю заживет, — облегченно вздохнул Ага, поднимаясь и растирая затекшие ноги.

— Если чесаться не будет, — Гюрг был хмур. — Ты останешься, а вы, Барб, вместе с Шэдом переправите ра-

неных на новую площадку. Встречный вертолет оттуда уже вылетел.

— А туча? — вспомнила Варвара.

— Ушла на северо-восток. На карте материка этот район значится как «Амбы».

Варвара смутно припомнила снимки, сделанные с воздуха, — словно расчерченные по линейке столпообразные плато, разделенные глубочайшими каньонами. А геологи-то ломали головы, каким образом Степанида оказалась разрисованной в клеточку, — феномен, доселе нигде не встретившийся. Достаточно было поэкспериментировать с такими вот тучами, а потом за несколько тысячелетий выветривание и сезонные дожди окончательно обособят каждый участок, превратив его в конан-дойлевский «затерянный мир». Вот куда бы добраться, там, наверное, зверье уникальное...

— Я пошел, — Ага выпрыгнул из люка, освобождая место Шэду.

Шэд, значит, здесь. Никому внизу он больше не нужен...

— А... третий? — не удержалась она.

— Мы его поднимем. Потом.

— Кто?..

— Штурман-механик.

И правда, ведь с Сусаниным обычно ездили летчики!

— Разбился?

Впервые на лице Гюрга проступило что-то вроде растерянности:

— Возможно, нет... Но внизу оказалась одна тварь. В общем, его задушили. Да, чуть не забыл!

Он полез за пазуху и вытащил несколько длинных перьев нежного апельсинового цвета. Издалека их можно было бы принять за убор райской птицы, но Варвара сразу заметила, что золотящаяся волнистая бахрома свисает только с одной стороны от основания — на Большой Земле такого не встречалось.

И в то же время смутное воспоминание заставляло ее торопливо перебирать в памяти недавнее прошлое. Утренний туман над непроходимыми зарослями «черной стороны» и сказочные радужные создания, взмывающие над кустарником с легкостью птиц.

— Перистый удав! — воскликнула она. — Но до сих пор его встречали только там, за Барьерным хребтом.

— Я его вам достану, — торопливо пообещал Гюрг. — То есть то, что от него осталось. А сейчас — пора.

Он наклонил голову и поглядел на ее руки — словно

дотронулся. «Сейчас он скажет: и возвращайтесь быстрее!» — внезапно пронеслось у нее в голове. Сусанин всхрапнул, попытался перевернуться на бок — Варвара ойкнула, выронила баллончик и, крепко обхватив его плечи, прижала к поручням. Вернуться скорее — это ведь значит оставить их всех там, на новой. Их всех, которые до самого недавнего времени были «МЫ все». И оставить именно тогда, когда они в беде.

Она беспомощно оглянулась на Гюрга.

— Вы можете задержаться там столько, сколько вам будет нужно, — мягко проговорил он.

Створка люка захлопнулась за ним, Варвара наклонилась и принялась шарить под скамейкой, отыскивая закатившийся баллончик. Вертолет свечой взмыл вверх, и левая рука Сусанина качнулась, оставив на щеке девушки липкую пенистую кляксу.

— Ух, как заложил, др-раконий потрох, — сорвалось у Шэда. — Простите. А растворителя у меня нет, так что прилетите на Новую чумазой.

— Перебьюсь.

— Вы-то что дергаетесь? Эксперимент на нашей совести.

— А я — не с вами?

Шэд смутился. Варвара машинально терла щеку, и внутри нее что-то опускалось. «Можете задержаться там...»

— Скажите, Шэд, а на кой лях я вам вообще нужна?

— Ну, Варенька...

— Без «ну» и без «Варенька». Не терплю. Отвечайте, как есть.

— Ну, а уж коли «как есть», то сами видели — ситуации у нас, как говаривали в старину, сплошь и рядом «не штатные». Тут нужна одновременная оценка с самых различных позиций. А у нас разброса почти нет, сами видите, какие мы одинаковые. Посему не раз уже приходили к выводу, что не худо бы заполучить в отряд женщину и ребенка. Для полноты спектра, так сказать, экспертных оценок. И тут — вы... То и другое в одном лице. Только...

— Что — только? — спросила Варвара, чтобы уничтожить даже следы сомнения.

— Только одно и другое — не в равных степенях... Смотрите, встречный!

Базовый вертолет, захлебываясь оборотами винта, проходил метрах в ста. «Борт стратегов, борт стратегов, медицинская помощь не требуется?» — тихонечко заверещала пуговка среднедистанционного фона, пришпиленная к лацкану Шэда.

— Спасибо, справились. Новая к нашему приему готова?

Пуговка несколько секунд оскорбленно молчала, потом, уже затихая, донесся голос, в котором Варвара наконец-то узнала Параскива: «Новая-то готова...»

Шэд безнадежно махнул рукой. Всегда так: издалека кажется, что можно было действовать и оперативнее и результативнее.

— Минут через семь-восемь сядем, — предупредил он.

Варвара машинально подняла руку, чтобы стряхнуть с себя копоть, и остановилась: комбинезон был испещрен бурыми прочерками, словно она попала под ржавый дождь. Вот как. «Грязь к нашему не пристает...» А это была не грязь — кровь.

— Возьмите-ка, — проговорил Шэд, отцепляя пуговку фона и пришлепывая ее на лацкан Варваре. — Работает от теплоты дыхания.

От его движения бурые шелушинки вместе с чешуйками сажи посыпались на пол. Кремовая похрустывающая поверхность куртки засияла девственной чистотой.

— Дайте-ка... — Он по-хозяйски взял девушку за плечо, повернул к себе и бесцеремонно принялся счищать все остальное.

Сусанин спал беспокойно, подпрыгивая, точно его жалили, и продавливая гамак поджарым задом. Киб, качавший его, все время сбивался с ритма. Варвара вылезала из шезлонга, подбегала, бесшумно переступая босыми ногами, поправляла свешивающиеся руки, окутанные облаком пены. Увязая каблуками в мелколистной горной травке, подбиралась Кони, заглядывала осторожненько, чтобы не разбудить, и, конечно, будила — у Сусанина на нее был особый нюх. Тогда начинались препирательства, начальник биосектора жаждал вступить в свои права на новой территории, а Кони увещевала его совсем по-старушечьи, со всеми немыслимыми для нее «ладушками» и «сон — лучшее лекарство».

Сон ему действительно был необходим: кроме ожогов, Сусанин основательно отравился, наглотавшись дыма со всем букетом испарений из горящего кузова. С химическими воздействиями справиться было легко, но среди горевшего были и биоактивные препараты, так что Сусанина скрутил целый клубок разномастных аллергий.

Пилоту-механику, отлеживающемуся в палате со множественными переломами и не склонному к гамакам, до-

сталось от пожара меньше, но тоже хватило. За больными неусыпно следили не меньше дюжины врачей — к счастью, дистанционно, — два киба и медбрат Дориан. Каким образом среди участников экспедиции обнаружилось столько людей с медицинскими дипломами, оставалось только гадать. И уже совсем непонятно, на каких правах тут существовала Варвара. Она просто осталась и все. Кормила, помогала при перевязках. Она знала, что, когда смывают защитное покрытие, начинается боль — словно прорывается все, накопившееся за целые сутки. А снимать надо, потому что сквозь тончайшую пленочку регенопластика проникнуть внутрь не может ничто, но вот наружу постоянно выбрасываются частицы отмершей клетчатки, прикрытая напылением грязь и вообще все постороннее. Все это надо было ежедневно удалять, и проще простого было бы на это время давать общий наркоз, но к любому виду искусственного сна у Сусанина возникла непоколебимая ненависть. Он предпочитал мучиться, но не спать. Когда грузная, но легкая на руку Манук Серазиан (как только теперь выяснилось — старший ординатор базового госпиталя) начинала неприятную процедуру, Сусанин покрывался гнедым крапом — аллергия на нервной почве — и замолкал. Едва Манук удалялась, он отыскивал глазами Варвару и принимался ругаться.

Варвара, скинувшая свое форменное кремовое великолепие и облачившаяся в белый халатик, сидела с ногами в шезлонге и плела травяной поясок. Каждый залп брани обычно начинался в сослагательно-безличной форме:

— Силы небесные, ну чтоб отсюда унесло всех этих милосердных и сочувствующих!

Он устремлял свои рысьи глазки в просвет между деревьями, к которым был привешен гамак, отыскивая поосеннему бледное, но еще теплое небо. Здесь, в долине, вообще было теплее, чем на побережье. «Совсем другие у него глаза, когда он не щурится, — меланхолично думала Варвара. — А ведь пожалуй, совершенно такие же, как у меня. Никогда не замечала».

Сусанинские экзерсисы уплывали стороной, не задевая ее.

— Медиков развели, доброхотов больничных — до Луны цепочкой не перевешаешь... На космодроме кто? Кто с телятами?

— Половина наших людей там, да еще стратеги. Они не то что с телятами, они... они с сиренами морскими управятся.

Но это невинное воспоминание привело Сусанина в бешенство:

— Купили тебя на дежурную байку! Как дурочку... «Кончайте лазать в аварийный люк, выносите даму через центральный шлюз!»

Варвара вспыхнула впервые за все эти дни. Но Сусанин уже переключился на другое:

— Осел я, осел! Засадить всех летяг в первую машину — это ж надо было соображать!

— Надо было по тревоге остановиться и прикрыться защитным полем, — наставительно заметила Варвара, только чтобы хоть что-нибудь ответить, и это окончательно взбесило Сусанина.

— А вы ее объявили, эту тревогу? У меня рация на приеме без передыха, и от вас — ни черта, всю дорогу!

— Как — ничего?.. — осторожно переспросила девушка. — Тревогу приняли и здесь, и на космодроме.

— Ни одна машина ни черта не слышала. Что мы, оглохли? Ну, тучу заметили, поздно, правда, но на кой ляд нам в тучи всматриваться? Полем прикрылись, но поле-то машину бережет, а не дорогу! У нас под носом как резануло — грунт из-под колес вон, машина как белое облачко парит, вся в защите, как в пене, я кричу: «Выбрасывайся!» — а куда выбросишься, если защита и дверцы заблокированы? Консервная банка...

Он перевел дыхание и некоторое время бормотал себе под нос что-то уж совсем непроизносимое.

— Но ведь кто-то выпрыгнул? — осторожно спросила Варвара.

— Снял поле, вот и выпрыгнули. Двое. Трое остались. Штурман в рычаги вцепился, все пытался крепежными лапами кабину удержать, когда я кузов отстегнул... А Конрой...

Опять последовало полутораминутное бормотание под нос.

— С Конроем вы не виноваты, — тихонько заметила девушка.

— А вот об этом только мне судить! — снова взорвался Сусанин. — И катилась бы ты со своими утешениями... Нечего тут мне сопли утирать! Начальник колонны за все в ответе, даже если бы это было и не с моей машиной. А уж то, что я его снизу вытянуть не сумел...

— Да не мучайтесь этим, Евгений, если бы вы его и вытащили, все равно было бы поздно... На дне провала обитал перистый удав. Затаился, как будто ждал...

— Врешь!..

— Да спросите хоть у Кони. Просто вереница жутких совпадений, предугадать которые было невозможно...

— Слушай, Варька, я тебя не узнаю! Мать-примирительница. И всех по головке — утеньки мои, невиноватенькие! Тьфу! Кто это видел в дыму перистого удава? Это ж только в страшном сне может присниться! В темную сентябрьскую ночь!

— Я видела перистого удава, — кротко заметила Варвара. — На той стороне, за Оловянными воротами. И все видели...

— Вот именно, за воротами. Какая нечистая сила могла перенести его сюда?

Варвара пожала плечами и не ответила. Она понимала, что Сусанин отчаянно борется с зудом, неминучим при форсированной регенерации кожи, и эта несмолкаемая брань позволяет ему отвлечься от своих ощущений. Но ведь и она смертельно устала — все последнее время ее жизнь протекала в катастрофическом многолюдье и неумолчных разговорах. Подумать некогда, не говоря уж о том, чтобы дать волю своему ведьмовскому чутью.

— Мне командор перья со дна провала достал. Гада тоже обещался выудить. Останки.

— Хм, командор...

Опять нечленораздельное бормотание. А что — командор! Ее командор. Вот так, пусть примирится. Тем более что сейчас он не меньше Сусанина грызет себя за все случившееся. Хотя где гнездилась причина бешеного гнева Водяного, представить просто невозможно. И потом — вся эта цепочка, на конце которой — золотое перистое чудовище, притаившееся в осенней листве... в осенней...

Осенняя, отмирающая, угасающая... Цепочка ассоциаций заплясала, как змейка на экране осциллографа, свилась в клубочек, старательно пряча смысл.

Угасание защитного барьера, вот что.

— Евгений Иланович, я на минутку...

— Давай, давай!

Она бросилась в тренажный зал, где ночевала на жесткой массажной лежанке, схватила свою куртку, поднесла к губам шоколадную кнопочку фона.

— Командора, — выдохнула она.

Кнопочка дохнула сложным шумовым переплетением свиста, шороха, неразличимых голосов. Потом все разом смолкло: десять из одиннадцати датчиков отключились.

— Вы, Барб? — спросил незнакомый голос.

Будь он ближе, теплее, она, наверное, смешалась бы — в первый раз говорила по СВОЕМУ фону со СВОИМ командором. Но голос был искажен, и за ним она не увидела

нечаянно подрагивающей щеки, к которой так хочется приложить ладонь.

— Появились некоторые соображения, — доложила она с излишней сухостью. — Есть основания полагать, что пси-барьер, проходящий по меридиональному хребту между Золотыми и Оловянными воротами, понизил свой порог. Перистые удавы на этой стороне не водились, Сусанин это подтверждает.

Она сделала паузу, как бы проверяя собственные слова. Так бывает: скажешь вслух и произнесенное выявляет ошибки того, что в уме казалось безукоризненно логичным.

— Что же из этого следует? — так же сухо заполнил паузу голос Гюрга.

— А то, что туча с этим водяным тараном может не иметь ни малейшего отношения к вашему эксперименту. Пси-барьер перестал удерживать тех, кто наиболее приспособлен к миграциям, и была сделана попытка поставить перед ними дополнительную преграду. Это случилось ПОСЛЕ форафил, но не ВСЛЕДСТВИЕ.

— Следовательно, это может повториться?

— Не исключено, так что за тучами теперь придется приглядывать.

— У вас все?

— Все. Отбой связи.

— Минутку, Барб! Когда вас ждать?..

— Не знаю.

Она опустила пуговку и прижала ее к холодному пластику лежанки. В комнате воцарилась ломкая тишина. Подними опять этот крошечный диск — и снова возникнет голос. Ну?..

Она взяла пуговку и прицепила ее к поясу — чтобы нечаянно не дыхнуть в ее сторону. И вдруг вспомнила, что не спросила о том, что торчало занозой в памяти вот уже третий день. Разумеется, тут не до серых козликов, когда люди себе кости ломают и руки жгут, но все-таки... Но и тревожить командора еще раз по пустякам было неудобно. Варвара вздохнула и пошла в ординаторскую, благо там был установлен достаточно мощный фон, по которому можно было связаться с Пресепторией. К счастью, и Манук была на месте.

— Манук Илириевна, можно мне вызвать свою старую лабораторию? Вдруг там кто-нибудь из роботов застрял.

— Да ради бога, девочка! Чувствуй себя как дома. Может, пойдешь на крышу, позагораешь? Лица на тебе нет с твоим грубияном.

— Ой, что вы, Манук Илириевна, он же такой хороший, вы его просто не знаете!

Манук вздохнула: и кто в Пресептории не знал, что за сокровище этот Сусанин, от него уже не одна лаборантка ревмя ревела — и, тяжело ступая, выплыла за дверь.

Варвара нашла на самодельной табличке код бывшей таксидермички и, почти не надеясь на успех, набрала его. К ее удивлению, ответ раздался немедленно:

— Робот Пегас одна вторая.

Хм, кто это его так обучил? Или самолюбие не позволяло именоваться Полупегасом?

— Говорит Норега. Привет, Полупегас. Ты все время в помещении? Разве тебя не взяли вместе с оборудованием?

— Взяли. Не меня. Нахожусь в помещении, исключая четыре часа двенадцать минут, затраченные на осмотр наружных стен базы.

Все понятно. Ригведас отправлял все оборудование по описи и поэтому ограничился одним роботом, забыв о втором, то есть о второй половинке. А это, конечно, левый.

— Вот что, милый: придется тебе еще раз осмотреть стены, но не изнутри, а снаружи. И все кусты, пещерки и ручейки, которые попадутся тебе за пределами стен. Максимальное удаление — пятьдесят метров.

— Распоряжение считаю бессмысленным, так как мною произведен осмотр стен с наружной стороны с максимальным удалением в сто метров от основания кладки.

— Стоп, стоп! А что тебе было поручено искать?

— Одиночное млекопитающее, подкласс — настоящие звери, инфракласс — высшие звери, отряд — парнокопытные, семейство — полорогие, подсемейство — козлы, вид — настоящий козел, род...

— Ну и зануда ты, братец! Не проще было сказать, что послали тебя на поиски Тогенбурга, только не рыцаря, а козлика, и не серенького, а беленького. И кто послал? Ригведас?

— Отнюдь нет. Начальник отряда стратегической разведки. Его полномочия по отношению ко мне были подтверждены информаторием базы.

— Бедный Гюрг, — пробормотала Варвара. — И ты, естественно, козла не обнаружил, — проговорила она без особой надежды. — Парнокопытного.

— Козла я не обнаружил. Парнокопытные в указанной зоне не наблюдались.

— Ну, а непарно?

— Наблюден тапир.

— Какой тапир?

— Клетчатый.

Варвара тихонечко застонала и жгуче пожалела, что не догадалась включить фоновую запись, — все-таки чувство юмора у Сусанина еще не атрофировалось. На полчаса он бы развлекся.

— Тапиров на Степухе пока никто еще не видел. Живой был?

— Отнюдь нет. Нарисованный.

— Могу себе представить — кто-нибудь из здешних Пиросмани, украшавших ворота трапезной. И еще что-нибудь насчет тапиров, которые самые-самые во Вселенной.

— Отнюдь нет. Техника изображения мне неизвестна.

Варвара задумалась. Полупегас, будучи роботом, органически не мог врать, и казус заключался в том, что ему были известны ВСЕ способы изображения животных — чем угодно и на чем попало. Ведь он был не каким-нибудь разнорабочим кибом, а специализированным роботом, сконструированным для нужд таксидермической лаборатории. Внезапная догадка не была невероятной, — напротив, чего-то такого и следовало искать если и не в самой Пресептории, то в ее окрестностях; и тем не менее дыхание перехватило, как при нырке в ледяную воду.

— Ты... доложил?

— Отнюдь нет. Распоряжений о непарнокопытных получено не было.

— Слушай, Полупегасина, мне нужен снимок этого рисунка. Слетай туда...

— Летательными способностями не обладаю.

— ...вернись туда и сделай хороший, грамотный снимок. Ты ведь умеешь, ты умница! Как только вернешься, я вызову тебя по видеофону. Двадцати минут тебе хватит?

— Умница — определение неадекватное. Задание получил. Связь через двадцать минут.

Фон щелкнул и отключился; с точки зрения робопсихологии — это было хамство. В первую секунду у Варвары было желание со всех ног ринуться к Сусанину, но затем она представила себе, что же можно услышать в ответ.

Ответ прогнозировался однозначно: «Если увидишь кошку в клетку, не верь глазам своим». Ничего иного он не скажет, и формально будет прав. Надо дождаться возвращения Полупегаса. Она влезла на подоконник — отсюда был виден крошечный больничный садик с сусанинским гамаком. Под гамаком чесалась ехидна Жучка, прикормленная медбратом Дорианом. Вообще новая территория, не за-

щищенная, как Пресептория, пси-барьером, сразу же переполнилась различным зверьем. На машины пришлось установить инфракрасные тормозные датчики, и механические травмы прекратились, но не проходило дня, чтобы кто-нибудь из мелкого зверья не тряс лапой, отдавленной хомо сапиенсом. Поэтому ехидна Жучка забиралась чесаться под гамак. Была она, как ей и полагалось, невероятно блошива, и, увидав в первый раз ее упражнения, грозная Манук так на нее гаркнула, что за территорию госпитального садика вылетели все, включая медбрата Дориана. Жучка вцепилась когтями в дно гамака и удержалась. Манук, рассмотрев поближе прелестного зверька и удостоверившись в инопланетном происхождении Жучкиных блох, которые к человеку относились предельно брезгливо, сменила гнев на милость, тем более что за ехидну просил сам Сусанин. Для него, изводимого постоянным зудом в обрастающих кожей руках, было как-то легче, когда рядом хоть кто-нибудь чесался.

Жучка, в отличие от своих земных сородичей, была покрыта эластичными десятисантиметровыми иголками, темно-лиловыми у основания и нежно-сиреневыми на концах. Уникальная рептильная гибкость зверька позволяла принимать самые курьезные позы — вот и сейчас Жучка, просунув мордочку между задними лапками, умудрялась чесаться обеими лапами одновременно. Смотреть на нее можно было часами.

Вспомнив о времени, Варвара соскочила с подоконника и вернулась к фону. Включила экран. Бурдюк Полупегаса с выставленным вперед лотком уже закрывал собою весь обзор. На лотке стоял снимок.

У Варвары руки дернулись — схватить его и поднести к глазам. На ослепительно золотом фоне неведомым черным крапом был нарисован тапир. Мощный круп, повернутый к зрителю, чем-то напоминал леонардовских коней, а гордо вскинутая голова в ореоле короткой гривы глядела в глубину поверхности, словно животное готово было пройти сквозь стену; более того — возникало ощущение, что оно зовет зрителя за собой. Четкий рисунок шкуры, расчерченной на квадраты, вызывал уже не столь глубокое изумление — крап жирафа тоже ведь мог бы довести до исступления пришельца с другой планеты, посетившего земной зоопарк.

— Ты что, снимал со светофильтром? — спросила Варвара.

— Отнюдь нет.

— Тогда на чем же выполнено изображение?

— На золоте.

Последние надежды на то, что это порезвились сусанинские мастера фресковой живописи, как-то поблекли.

— Вот что, сиди на месте, держи этот снимок в лапочках и никуда до моего прибытия не вылезай. Всё.

Она отключилась от базовой сети и снова взялась за кнопочку персонального фона, который связывал только членов Голубого отряда.

— Командора, — попросила она, стараясь, чтобы ее голос звучал как можно обычнее.

— Да, Барб? — тут же послышалось в ответ.

— Я хочу вернуться. Вы можете прислать за мной машину? Сейчас же?

— Высылаю. Отбой.

Ну и молодец, что ничего не спросил. Только что он пришлет — вездеход, вертолет? А, увидим. Она запрыгала на одной ноге, надевая форменные штаны. Жаль только, что в таком великолепии нельзя гулять босиком, — привыкла уже... Она застегнула куртку и побежала в садик.

— Евгений Иланович!.. — она прикусила язык, потому что вдруг сообразила: Гюргу-то она ничего не сказала!

Значит, сейчас Сусанин узнает обо всем первый?

Но тот, увидав ее переодетой, не дал ей и слова сказать:

— Вырядилась в униформу? Сманили, значит? И давно пора было, нечего тут торчать! Сидишь тут и пялишься, при тебе ни охнуть, ни вздохнуть...

— Но я, как только...

— И чтоб ноги твоей тут больше не было! Жучкой обойдусь!

Дали небесные, ну до чего же больные мужчины напоминают обиженных детей! Через неделю он обрастет кожей, забудет все больничные неурядицы, но за этот тон ему наверняка будет стыдно. А может, он попросту хочет, чтобы она осталась?..

Но думать об этом дальше Варвара не могла — ноги сами несли ее на вертолетную площадку. Там наткнулась на Кирюшу:

— Дорогу не починили?

— Путеукладчик на сплошном перегреве, но еще часов сорок. Вам в Пресепторию?

— Угу.

— Случилось что-нибудь?

— Как ведьма, могу вам пообещать: обязательно случится.

— Да уж, пока вас не было, на Степухе все было тихо и мирно. Тысячу лет назад с вами бы знаете что сделали?

— И-и-и пепел по ветру!

Он вдруг тревожно оглядел ее с ног до головы:

— Моя бы воля, я вас никуда сегодня не пустил бы.

— Так не ваша воля, Кирюша. И не моя. Все мы в руках начальства, а оно что-то не шлет за мной вертолета.

— Да вон летит, он же почти бесшумный.

Вертолет завис над вечерней долиной, явившись из ее горлышка, как джинн из бутылки.

Снизившись, он выкинул лесенку, и Варвара юркнула в люк, даже забыв помахать на прощанье Кирюше.

— Что за спешка? — спросил Шэд, выглядывая из верхней кабинки. — С вами ничего?..

Она отчаянно замотала головой:

— Скорее, Шэд, скорее! Я потом объясню. Так надо!

Шэд исчез, и машина круто пошла вверх. Даже уши заложило. Варвара некоторое время посидела на полу, оглядываясь, — все в кабинке было прибрано, коечка принайтована к стене, никаких следов спасательной операции, словно и не висела машина три дня назад над горящим ущельем. Может быть, в другое время и при других обстоятельствах она почувствовала бы — не носом, а сердцем — дух крови и гари. Но сейчас она была уже там, под древней стеной.

Девушка встала, приподняла верхний люк — потолок как раз касался ее волос.

— Шэд, к вам можно?

— Ну разумеется! — Широченная лапа спустилась из люка, Варвара вцепилась в нее и мгновенно была подтянута в верхнюю кабину. Шэд, развалившийся на двух водительских креслах разом, немного потеснился, и Варвара пристроилась на кожаном сиденье, с удивлением отмечая, что кожа-то натуральная. Полукруглая прозрачная морда кабины позволяла хорошо видеть все под ногами. Там змеилась дорога, перечеркнутая вечерними тенями.

— Ох, копуши! — проворчал Шэд, и Варвара увидела две спаренные туши путеукладчиков, похожие на гигантских кротов нос к носу, и фигурки людей в зеркальных комбинезонах, и малиновый, только еще начавший остывать участок свежепроплавленного шоссе. Дальше виднелись брошенные грузовики, похожие на спящих бронтозавров, подобравших под себя хвост и голову. Страшная рана,

нанесенная здешней земле водяным тесаком, не только не заживала, но из-за осыпей стала еще заметнее. Казалось, кто-то хотел отхватить кусок планеты, как ломоть арбуза, да силенки не хватило, вот и остался порез на корке.

— Третий день не можем доставить с космодрома батискаф, — ворчливо проговорил Шэд, встревоженный упорным молчанием девушки. — Командор уже весь отчет составил, остались только глубинные замеры.

— А вертолетом нельзя? — равнодушно сказала Варвара, только чтобы не молчать.

— Расстояние великовато. Впрочем, если бы командор торопился... — в интонации прослушивался какой-то намек.

— Как же вы обходитесь на тех планетах, где не проложено дорог? — поспешно перебила его Варвара, чтобы не пускаться в обсуждение поступков командора.

— А там, где нет дорог, мы садимся прямо на берегу. Это уж тут нас заверили, что регион вполне обжит. Вот нас и потянуло на курортные условия, благо полтора года не отдыхали. Ну, ничего, вот составим отчет...

— И — на Матадор!

— Это точно. Впрочем, вы-то не радуйтесь, вам Матодора с его прелестями не видать: Гюрг собирается запихнуть вас в спецшколу дальнепланетчиков под Фритауном и сейчас ежевечерне сражается с бюрократическим руководством по аларм-связи, благо стратегической разведке разрешено ею пользоваться и в личных целях.

— А что, там большой конкурс?

— Конкурса там вообще нет — в последнее время наша профессия популярностью не пользуется... Просто до сих пор туда девиц не принимали.

— Люблю быть первой, — безразлично отозвалась Варвара.

Ее сейчас не волновала ни собственная судьба, ни тот факт, что ею, то есть судьбой, распоряжается кто-то посторонний. В ней затеплился старинный детский страх, который она испытывала, когда удавалось добыть билет в любимый театр. Раз десять она проверяла дату, время начала представления, и все же, просовывая картонный квадратик в прорезь кибер-контролера, она каждый раз обреченно замирала, ожидая укоризненного: «Прошу прощения, билет не действителен!» И откуда это пошло — невозможно представить: она в действительности ни разу не ошибалась. А страх появлялся все равно.

Вот и сейчас возникло то же сосущее под ложечкой

ощущение: а вдруг на самом деле ничего нет? Разыграли Полупегаса, а может, и не его, а кого-то другого? Анодированная фольга, и все такое? А может, и рисунка нет, и весь разговор с роботом ей приснился — могла же она прикорнуть на подоконнике под закатным солнышком?

Внизу показалась наконец темно-зеленая прибрежная полоса и рассеченный надвое пятиугольник Прессептории.

— Шэд, миленький, — почему-то шепотом проговорила Варвара, — вы можете посадить машину перед воротами? Так надо.

Шэд посмотрел на нее как на чудо морское, пожал плечами и резко бросил машину вниз.

— Подождать? — только и спросил он, когда вертолет упруго коснулся дороги.

— Нет!

— Тогда держите.

Тяжелая рукоять портативного десинтора легла в ее ладонь. Хорошо еще, не спросил: «Стрелять умеете?» Варвара засунула оружие за пояс, рядом с неразлучным ножиком, и прыгнула вниз. Вряд ли Прессептории угрожает массированное нашествие перистых удавов, а против асфальтовых обезьян все равно любой десинтор бессилен. Но Шэду так спокойнее.

Прорезанная водопадом траншея должна была пролегать где-то справа от ворот, метрах в ста. Девушка раздвинула кусты и полезла под ними по каменистой осыпи, кое-где поросшей мхом. Миновала пустой шалаш — заброшенное пристанище «рыцаря Тогенбурга». Заросли были пусты и беззвучны, а сложенная из циклопических монолитов стена уходила вверх на добрых пять метров, холодная и непроницаемая, словно отгородившая сейчас девушку от всего мира. Темнело на глазах, и Варвара пожалела, что не взяла у Шэда фонарик. Может, связаться с ним по фону и попросить посветить сверху — наверняка на вертолете есть прожектор...

И в эту минуту она увидела все — и громадные глыбы, отколовшиеся от старой кладки, и рваную рану расщелины, края которой были завалены раскиданным и скрученным в жгуты буреломом, и за всем этим, в неглубокой нише, открывшейся после обвала, теплое мерцание золота.

Варвара, затаив дыхание, на четвереньках переползла через нагромождение вырванных с корнем кустов и замерла на краю свежего оврага. Он начинался не от самой стены, а примерно в полутора метрах от нее, и Варвара, пробираясь между расколотыми глыбами, все медленнее и медлен-

нее, как завороженная, приближалась к червонной плите, на которой с удивительной достоверностью и, вероятно, в натуральную величину был изображен некто копытный и, действительно, клетчатый. Он был похож на тапира, но только легче, стройнее, без тапирьей кургузости; скорее можно было предположить, что это — фантастический гибрид между американским тапиром и чистокровным ахалтекинцем. Гордо вскинутая шея была увенчана легкой головой с характерным аристократическим профилем, который скрадывался неудачным поворотом, — животное действительно уходило как бы внутрь рисунка. Что-то было в нем от кентавра, и Варвара поймала себя на мысли, что она с первой же секунды рассматривала его не как условное изображение, не исключающее разгула фантазии неведомого художника, — нет, ей было ясно, что перед нею непонятным образом сделанный снимок. Здесь не присутствовало искусство — одна безукоризненная фотографическая точность. Уж в этом-то она разбиралась.

Варвара невольно протянула руку и как-то по-детски, одним пальцем, потрогала гладкую поверхность. Действительно, никакой шероховатости, следов краски или процарапанных узоров. Черные контуры проработаны вглубь совсем как на фотографии — металл стал черным и все тут. Черное золото.

Надо собраться с мыслями и хорошенько представить себе, какими словами все это описать Гюргу, чтобы он не подумал, что она рехнулась. Про черное золото, конечно, придется промолчать, пусть своими глазами увидит. Просто сказать, что металлическая плита, примерно полтора на два с половиной, толщину установить трудно... И щель... Силы небесные, да ведь это...

— Гюрг! — закричала она, хватаясь за кнопочку фона обеими руками. — Гюрг, скорее, это дверь!..

Все одиннадцать разведчиков как замерли, свалившись со стены на крошечную площадку, так и не шевелились. Световые круги от их фонарей, накладываясь друг на друга, растекались по золоту, высвечивая сияющий прямоугольник с темно-бурой поверхностью, уже слившейся с потемневшим небом.

Варвару как-то оттеснили назад, и она стояла сиротливо, ощущая спиной враждебную чужеродность ночных зарослей.

Внезапно вверху послышался скрежет — два луча мет-

нулись к гребню стены и обнаружили пару скочей, обремененных сверх меры какой-то аппаратурой. Как ни спешили стратеги на Варварин зов, а кто-то успел распорядиться. Скочи поелозили по краю и осторожненько, задом-задом, принялись спускаться.

Словно разбуженный этими звуками, Гюрг встряхнулся, освобождаясь от оцепенения, и, естественно, принялся распоряжаться.

Скочи — а сверху сползла еще тройка — проворно расчистили полукруглую площадку, установили излучатели силового поля. Варвара спохватилась и тоже включилась в общую деятельность — связалась с Полупегасом и велела ему со всех ног мчаться сюда, прихватив съемочную аппаратуру.

Плиту уже оглаживали, простукивали, а один из скочей, уперев в нее рыльце, торопливо фыркал, точно принюхивался, — производил масспектрометрический экспресс-анализ. Ага присел рядышком и пытался помочь.

— Ну? — нетерпеливо спросил Гюрг.

— Ау, скочь аурум. И ничего, кроме аурума.

— А чернение?

— Скотина утверждает, что и тут аурум. Надо подождать до утра. Черное золото — нас же собственное Управление обсмеет. И насчет темной сентябрьской ночи.

— Этих юмористов бы сюда, — зло проговорил Гюрг, и Варвара вдруг подумала, что замечание риторическое, — до полной ясности никого из посторонних командор и не подумал бы извещать.

А ведь и правда, даже начальнику базы не сообщили. Ай да альбатросы космоса, повелители дальних планет.

— Послушай, Гюрг, — негромко проговорил Эрбо, которому в голову, вероятно, пришли аналогичные мысли, — а не разумнее оставить все до утра? Если Водяной спохватится, что мы докопались до его клада, то в темноте нам будет неуютно.

— Прикроемся, под колпаком так и так темно. А Водяной после аттракциона с тучей, похоже, выдохся.

— Хм, — сказал Норд и плюнул через левое плечо.

— Не плюй на генератор силовой защиты, может срикошетить, — предостерег Шэд. — Утром придется хозяевам докладывать, они, естественно, рванутся сюда, а мы не пустим; начнутся ябеды на Большую Землю...

— Ерунда, — оборвал его Гюрг. — Плита открыта уже трое суток. Если за ней находится тайник, содержащий какие-то предметы, то они могли начать разрушаться сразу

же, как туда поступил свежий воздух. Теперь каждый час дорог. Щель-то порядочная, миллиметра три. Хай, Джанг, консерванты готовы?

— На первую пору... У скочей всегда запас.

Раздался треск подсохших веток — это лез Полупегас, напролом и, как было велено, со всех своих покалеченных ног.

— Я не вызывал?.. — надменно проговорил Гюрг.

— Это я, — сказала Варвара, поднимаясь на цыпочки из-за чьего-то плеча. — Прежде, чем открывать, нужно все подробнейшим образом зафиксировать.

Разумеется, у них была своя аппаратура, не стоило ей соваться с этим недотепой, да еще при стратеговых суперроботах.

— Простите, Барб, если вам удобнее со своим роботом, — пожалуйста. Джанг, снимаем с двух точек, и побыстрее!

После трех дней, проведенных с Сусаниным, она и позабыла, что от начальства можно услышать нормальную человеческую речь. Теперь только бы не ударить в грязь лицом.

Но как только началась работа, она сразу забыла и про свои страхи, и про то, что остальные десять разведчиков, исключая Джанга, придирчиво следят за ее руками. Микроснимки отдельных участков, и общий вид, и детали, и в отраженном свете, и в поляризованном, и с фильтрами, и так, и сяк...

Где-то неподалеку бубнили: «Сто пятьдесят три на двести сорок восемь, ориентировочно примем толщину за пять, тогда это две тонны... с хвостом... а если не пять, а десять, то все равно пустяки, не было бы пятидесяти...»

— Если щель сквозная, я вам сейчас дам толщину, — сказала Варвара. — А если не сквозная — то ориентировочно, до десятой.

— Чего? — недоверчиво спросил кто-то, кажется, Хай.

— Сантиметра. — Она уже перестраивала Полупегаса на щелевые замеры — любопытно было посмотреть, что за пыль там, в трехмиллиметровом зазоре.

Полупегас подполз к щели, попутно отпихнув попавшегося под ноги скоча, — принял его за киба новой конструкции. Скоч на такую бесцеремонность никак не отреагировал, поскольку был классом выше, скромно отодвинулся в сторонку и стал ожидать, когда рабочее пространство освободится от чужеродных грубиянов. Полупегас принюхался к щели и осторожно запустил в нее выдвинувшийся из щупальца пятидесятимикронный хоботок.

— Шестьдесят две целых, тридцать пять сотых миллиметра, — доложил он небрежно. — Грязь. Сложная органика.

— Перчатки надеть, — негромко приказал Гюрг.

— Рекомендую подключить меня к экрану — запускаю видеодатчик, — продолжал робот своим великолепным бархатным баритоном. — Пока нет подключения, фиксирую информацию...

— Кончай выпендриваться, говори по-человечески! — не выдержала Варвара.

Никто не засмеялся — на Полупегаса смотрели с уважением.

— В камере ящик. — Полупегас и не подумал оставить свой высокомерный тон.

— Большой? — спросила девушка.

— Поместишься.

— Пустой?

— Отнюдь нет. Уже занят.

Варвара рассвирепела, но вмешался командор:

— Доложить размеры и химический состав!

— Внешний размер: сто восемьдесят три на сто два на шестьдесят девять. Состав — аурум. Наполнение — сложная кремний-органика.

— Скочи, трое наверх, остальные внизу, приготовиться к подъему плиты. Первые три миллиметра — все на присосках, затем подводим рычаги. Предельная осторожность, подъем не быстрее миллиметра в секунду. Барб, делать снимки через каждый сантиметр подъема!

Варвара подумала, что, с точки зрения классической археологии, такие действия, наверное, называются примитивным варварством, но ведь каждую секунду бешеная злоба истинного хозяина этого побережья могла смести с лица земли и саму Пресепторию, и чересчур любознательных пришельцев. До сих пор мощности защитного поля хватало, чтобы противостоять его ярости, но сюрпризы последнего времени говорили о том, что еще не вечер.

— Начали! — крикнул Гюрг, хотя вполне хватило бы и шепота, — все затаили дыхание.

И пока несколько бесконечно растянувшихся минут плита с натужным гулом ползла вверх, похоже, что никто и не вздохнул. Тайник открывался, как огромная подарочная коробка, выложенная драгоценной фольгой; она сияла так ярко, что, казалось, излучала собственный свет, такой же густо-желтый, как солнечные лучи Степаниды. И поэтому ящик, открывшийся в глубине камеры, не сразу при-

влек общее внимание — он сливался с общей звенящей желтизной.

— Стоп! — скомандовал Гюрг, когда плита поднялась на высоту человеческого роста.

И только тогда кто-то завороженно протянул:

— Саркофа-аг...

Варвара захлебнулась ночным воздухом, виновато глянула налево и направо и поняла, что ничем не отличается от остальных, — у всех подрагивали колени, как перед стартом. Еще миг, и они сорвутся с мест, как мальчишки, и никакая сила их не удержит.

— Всем стоять, — тише обычного проговорил командор.

Подрагивание прекратилось.

Гюрг достал какую-то пленку, бросил ее на пол камеры и сделал шаг вперед. Скочи, как атланты, замерли по бокам, поддерживая монолитный карниз.

Минуты две командор стоял неподвижно, и только фонарик, укрепленный на обруче, медленно наклонялся, высвечивая каждый сантиметр. Помимо естественного любопытства, обуревающего всех, над ночной поляной как бы беззвучно затрепетала торжественная нота неповторимости момента — еще бы, впервые люди очутились лицом к лицу с неведомыми звездными скитальцами, творцами совершеннейшей техники, носителями высочайшего разума и неземной логики. И первым среди первых был Гюрг.

Он сделал шаг назад, обернулся, и по его лицу прочитать что-либо было абсолютно невозможно.

— По одному, тридцать секунд, — со свойственным ему лаконизмом распорядился командор.

А сам присел на обломок скалы и стал чесать себе за ухом.

Ошеломление было столь всеобщим, что Варвару даже забыли пропустить вперед. Она ждала, пока поредеет кучка претендентов на смотровую площадку, и все старалась угадать, что же так потрясало каждого, кто склонялся над золотым ящиком? Какими же чудовищами должны были выглядеть пришельцы, если уже десятый... одиннадцатый разведчик не находит слов, чтобы выразить свое впечатление?

Наконец широченная спина Эрбо сдвинулась в сторону, и Варвара шагнула вперед и замерла так же, как и все до нее.

В ящике лежали два тельца. Залитые какой-то прозрачной окаменевшей массой, они не могли уменьшиться в размерах — каким-то образом набальзамированные, они не

походили на только что уснувших существ, как бывает с чучелами после лиофильной сушки; если бы это были экспонаты из обычного земного музея, то Варвара рискнула бы предположить, что они предназначались не для выставочного фонда, а сохранялись как образцы генетического материала — может быть, для последующего клонирования...

Она вдруг поймала себя на том, что так нельзя думать о людях. Значит, подсознание уже сделало выбор — в глубине души она не признала их за людей. Буроватая плотная кожа, покрытая редким волосяным покровом, прекрасно развитые конечности, которым позавидовал бы гиббон; нос совершенно уникальный — не две ноздри, а прямо-таки мембрана из десятка-другого крупных пор, но никаких вибрисс и другой растительности на лице (все-таки на лице!); профиль должен быть катастрофически вогнутым, надо подумать, как сделать профильный снимок; все это еще терпимо, но вот надбровные дуги — малышки мои, где же у вас мозг? Если толщину черепных костей прикидывать по земным меркам, то граммов семьсот, может быть, и наберется... И это при росте сто двадцать пять — сто тридцать сантиметров...

Она вдруг спохватилась, что стоит уже гораздо дольше отпущенных каждому тридцати секунд. Она вышла из золотой ниши такая же молчаливая и задумчивая, как и все остальные.

— Роботам зафиксировать абсолютно все, что поддается фиксации, — упавшим голосом проговорил Гюрг.

«Не хотела бы я сейчас быть на его месте», — подумала Варвара. Пожалуй, охватившее ее чувство скорее всего было просто разочарованием: ожидала первопроходцев Вселенной, суперсапиенсов — и вот вам...

— Ну-с? — проговорил командор, обращаясь к присутствующим. — Ваше мнение, коллеги?

Некоторое время стояла тишина.

— А какое тут мнение? — отозвался наконец за всех Ага. — Троглодиты.

— А может, старички-долгожители? — предположил Хай. — За сто пятьдесят, по нашим земным меркам, перевалишь — немногим будешь отличаться от мартышки.

— Это ты брось, — вмешались штатные биологи — Шэд и Ага. — Мускулатура развита будь здоров, особенно плечевой пояс.

— То-то они мне бледных гиббончиков напомнили! Гиббоны — любовь моя. А эти тоже, поди, на руках болтаются, типичные брахиаторы... — Это уже Эрбо.

— А если не старейшины, почему их захоронили с такой пышностью?

— Золото — не роскошь, а средство консервации.

— Братцы, неужели кому-нибудь не ясно? Да это же были последние!..

— Эх, ни у одного ладонь не раскрыта...

Типичное вече.

Полупегас закончил свою работу, подполз и прижался к ногам, пугливо вздрагивая, — он всегда нервничал, когда говорили одновременно больше трех человек. Боялся пропустить приказ.

Варвара почесала ему темечко.

— Отдыхай спокойно, все это не тебе, — проговорила она шепотом. — Тут все такие умные собрались, в гоминидах здорово разбираются...

И вдруг, совершенно неожиданно для себя, она сладко зевнула — не столько от усталости, сколько из избытка переживаний.

Гюрг хлопнул себя по колену и поднялся с камня:

— И то верно, детям спать пора. Эй, Туфель, ты еще не закончил?

Последнее относилось к скочу, который в этот момент как раз последний раз щелкнул затвором и теперь выбирался из ниши. От него, казалось, шел золотистый пар. Все, улыбаясь, невольно поглядели на девушку, и она подумала, что еще неделю назад после такого замечания была бы готова провалиться сквозь землю. Ей очень часто хотелось провалиться, и если бы ее желание исполнялось, Земля Тамерлана Степанищева была бы к настоящему моменту вся пронизана отверстиями, как губка.

— Ну что тут спорить без связи с информаторием? — примирительно сказала она.

— Золотые слова. Но все-таки на вашей памяти были хоть какие-нибудь намеки на обитание здесь... э-э-э... человекообразных?

— Это было бы сенсацией. Впрочем, можно спросить у Полупегаса, в его памяти — полный каталог всех животных Степаниды.

— Семейство гоминид на Земле Тамерлана Степанищева не представлено. Кроме того, вынужден заметить, что брахиация для гоминид не характерна.

Варвара подумала, что не стоило снабжать речевую приставку робота эмоциональными модуляторами. Теперь еще заподозрят увечную скотину в мании величия...

— А ваши роботы такую информацию не хранят? —

спросила она только для того, чтобы отвлечь общее внимание от Полупегаса.

— Нет смысла — мы же порхаем с планеты на планету. Впрочем, память у них могучая по вместимости, а перед посадкой мы сделали сверху шаровую панораму. Туфель, поди-ка сюда... — Робот, смахивающий на гигантского муравья с терьеристой мордой, с которой свешивались всевозможные нитеобразные датчики, встрепенулся, и золотые отсветы забегали по его вороненой спинке. — Скажи, в каких районах данной планеты могли бы обитать представленные здесь особи?

Варвара успела удивиться постановке вопроса: она ведь ни разу не слышала, чтобы скочи разговаривали, — как же этот шестиногий с забавной обувной кличкой сможет ответить?

Но скоч плюхнулся на тяжелый задний бурдюк, задрал морду, отчего стал похож на толстозадую сидящую собаку, и командорским голосом отчеканил:

— Представленные здесь мумифицированные особи не могут принадлежать к животному миру Земли Тамерлана Степанищева, так как они сформировались в условиях силы тяжести, приблизительно на двадцать процентов меньшей, чем здесь.

Потом он медленно повернул голову в сторону Полупегаса и с невыразимым презрением добавил, уже голосом Шэда:

— Тупица.

И на это никто не прореагировал, потому что стояла мертвая тишина, изредка нарушаемая треском сучка в таком же остолбенелом лесу.

— Ну все, кончим на сегодня, командор! — поматывая головой, проговорил Хай. — У меня положительно инфаркт нижней челюсти — сколько же за день ей можно отваливаться?!

Варвара наклонила голову набок и задумчиво принялась припоминать, а сколько раз она сама теряла дар речи.

Первый — это при сообщении о клетчатом тапире. Второй — при виде. По фону, разумеется. Поэтому взгляд на оригинал можно не считать. Третий — когда догадалась, что перед нею дверь. Человек любит цифру «три» и эту свою любовь, вместе с внешним видом, спроецировал на бога. Стало быть, бог троицу любит, а насчет четверки — темно, и на этом поводы для изумления на сегодня должны бы исчерпаться. Так нет, за дверью оказался золотой тайник — это четыре. Пять — осознание того, что перед ними

усыпальница пришельцев. Шесть — вместо пришельцев нашли каких-то австралопитеков с губчатым носом. И теперь семь — они, оказывается, с другой планеты!

Прав Хай — надо спать. Ночь давно. Тишина-то какая...

Снова хрустнул сучок, она невольно обернулась на звук и замерла.

— Восемь, — сказала она таким странным тоном, что все тоже повернулись и впервые за эти часы поглядели на то, что было за спиной.

На кромке оврага стояли асфальтовые гориллы — три, четыре, шесть, еще три поодаль, и новый треск в кустах...

И в тот же миг она почувствовала, что ее ноги отделились от земли, последовал краткий, но вынужденный перелет по воздуху — и вот она уже не видела впереди себя ничего, кроме широкой спины Гюрга.

— Они же не трогают живых! — закричала она, отчаянно молотя кулачком в командорскую спину. — Они пришли за этими...

Гюрг, не оборачиваясь, выкрикнул слова приказа — кибы услыхали, и монолитный золотой прямоугольник пополз вниз. Несколько десятков секунд, и на месте загадочного саркофага снова демонстрировал ночным зрителям свой клетчатый зад бесподобный тапир.

Еще некоторое время темно-серые, как сгустки вечернего мрака, чудовища стоячими взорами упирались в закрытую дверь, являя редкостное сходство с баранами домашними обыкновенными, затем нехотя развернулись и, не обращая друг на друга ни малейшего внимания, исчезли в зарослях.

— На стену! — скомандовал Гюрг.

Двенадцать человек взлетели на гребень стены с легкостью киплинговских бандерлогов. Роботы хлюпали присосками, подтягиваясь.

— Береженого киб бережет, — пробормотал Хай и включил дистанционную защиту.

Алая полоса прочеркнула подножие стены, словно желая подрезать ее под корень, потом стремительно бледнеющим полотнищем взметнулась вверх, укрывая произведение неземной графики, вспухло и, окончательно побелев, превратилось в привычную облачную полусферу. Теперь тайник был укрыт с той степенью надежности, на какую была способна на сей момент техника человечества.

— В шебу! — крикнул кто-то, и Варвара почувствовала, что мчится вместе со всеми, не осознав, куда, а поптичьи мгновенно включившись в полет стаи.

Что-то от нечеловеческого естества было в этом бегеполете, когда был слышен свист сырого ночного воздуха, но не слышно топота; Варвара безмолвно подчинялась, дивясь собственной легкости и послушанию. Она успела заметить, что улицы поселка за три дня ее отсутствия никто не расчистил, и им пришлось не раз перемахивать через нагромождения сучьев и щебня — следы водяного погрома. Они пронеслись мимо ее коттеджа, и слабая мысль — отстать, свернуть — была смята и отброшена назад. Варвара пыталась припомнить, что же это такое «шеба», но ничего похожего в Пресептории пока не значилось, и угадать цель их безлунного и беззвездного скольжения в темноте было и невозможно, и не нужно, и она мчалась со всеми... Куда?

Да в трапезную, разумеется.

Двенадцать ночных стрижей взлетели по ступеням, не складывая крыльев промчались по неосвещенному залу и, к изумлению девушки, вырвались через заднюю дверь... нет, не в ночь.

В тепло и уют весьма странного гнезда.

Сюда она когда-то заглядывала просто из любопытства, привлеченная экстравагантностью названия этого нестандартного павильона, примыкавшего к их столовой, но популярностью не пользовавшегося: он назывался «сьестаринг». Произносили это скороговоркой, и Варвара не сразу сообразила, что в действительности это зал для послеобеденного отдыха, «круг отдохновения» — «сьеста-ринг». Кому в Пресептории могло прийти в голову удаляться на покой после полудня — бред! Но кибы, послушные проекту, возвели этот маленький изящный домик с крышей-солярием и под нею — мавританский шестигранник с журчащим фонтанчиком посередине и упоительными надувными диванами, полудюжиной кондиционеров и земными вьюнками на стенах — Варвара даже не сразу разгадала, что это шпалеры-голограммы.

Сейчас фонтан был огорожен кольцевым столом, заваленным приборами, таблицами, перчатками и прочей экспедиционной рухлядью, а диваны ограждены стойками, и над каждым — подвесная койка со шторкой. Соты для стратегов.

— Прошу, — Шэд заметил, что Варвара запнулась на пороге, и сделал широкий жест. — Это и есть Ша-Бэ, то есть шторм-будуар. Вообще-то у нас тут рядышком персональные коттеджи, из освободившихся, но когда так вот заавралимся или на улице опасно до неприличия — ночуем тут.

— У меня на шее, — ворчливо добавил Гюрг.

— Что вы хотите от командорского гостеприимства? Привыкайте, коллега.

— Выхода нет, — смиренно отозвалась девушка.

Она опустилась на краешек дивана и только сейчас поняла, как же она устала. Лечь бы и ноги задрать выше головы. Она осторожно осмотрелась: коллеги быстренько разобрались по гнездышкам, кто-то запрыгнул и на ту койку, что была над нею, и теперь поскрипывал, уютно устраиваясь. Варвара скинула ботинки и уселась по-турецки. Никто не засыпал — чего-то ждали. Пришлось тоже ждать.

Наконец дверь в трапезную распахнулась, и один за другим вкатились два киба с громадными тазами, наполненными зеленью и кусками дымящегося мяса. «Дали небесные, они еще способны ужинать!» — ужаснулась Варвара, видя, как сверху и снизу протягиваются руки. Ах, Кёлликер, поклонник средневековой кухни — вот кого здесь не хватало!

Обычно сдержанная по вечерам, Варвара вдруг почувствовала острый коготок в желудке, который призывно щекотал под нижним ребрышком, — то ли из солидарности, то ли от чрезмерного волнения. Она протянула руку и вытащила громадный зеленый лист морской капусты, в сыром виде не очень-то съедобной... К счастью, она вовремя заметила, что этот коровий деликатес присутствующие употребляют вместо тарелок и полотенец. Веселый гул заполнил мавританские покои, в воздухе уже летали обглоданные кости, и кибы с ловкостью хоккейных вратарей ловили их, и Варвара, замирая от тихого восторга, не могла поверить, что эти бесшабашные обжоры совсем недавно наводили тоску на всю трапезную своей надменной элегантностью.

Да что говорить — это был настоящий пиратский притон, не хватало только бочонка с ямайским ромом! И, точно прочитав ее мысли, сверху свесилась рыжебровая физиономия Аги:

— Золотко, горсточку водицы из фонтанчика!..

Она послушно соскочила на пол, нашарила какую-то кружку и, поднявшись на цыпочки, подала воду Аге.

— А мне? — жалобно возопил Джанг, помещавшийся правее.

— Стоп! — Ага поймал за плечо Варвару и усадил ее на место. — Что за барские замашки? В списочном составе Голубого отряда маркитанток не значится!

— Узурпатор! — взревел Джанг и, по-обезьяньи высу-

нувшись из своего гнезда, обхватил Агу за шею, норовя вытащить его из койки.

Варвара с сомнением поглядела на пол: ни бухарских ковров, ни фламандских перин там не наблюдалось. Брякнутся вниз головой — и как минимум один перелом основания черепа. Но реакция зрителей свидетельствовала о том, что стягивание друг друга со спального насеста ни для кого не новость, а может быть, и фирменная, так сказать, спортивная игра стратегической разведки. Ужин был заброшен, со всех сторон неслись азартные клики: «Поварешка против киба, что рыжий не вытянет!» — «Ставлю годовое жалованье на усатого!» — «Рефери на мыло!» — «Аве, командор, идущие в пике приветствуют тебя!»

И точно, четыре ноги мелькнули в воздухе. Несусветный грохот, словно обрушился скелет мастодонта, но на поверку — никакого членовредительства: сидят на полу и выжидающе смотрят на Варвару.

— И — на Матадор, — сказала она.

Все одобрительно взревели.

«Интересно, — думала девушка, — кого они проверяли — меня, буду ли я адекватно реагировать на их интернатские и далеко не взрослые шутки, или себя — а смогут ли они в моем присутствии чувствовать себя так же непринужденно, как и прежде? В том и другом случае первый раунд, кажется, за мной».

— Тысяча извинений, мэм, — проговорил Ага, глядя на нее снизу вверх, — мы вас не очень потревожили?

Значит, проверяли все-таки ее!

— Ничего особенного. Я подобные сцены чуть ли не ежедневно наблюдаю, когда морская звезда моллюска из ракушки тащит. Только там это имеет смысл, потому что преследует гастрономические цели.

— Получили? — с противоположной стороны донесся голос Гюрга. — Вот таких оболтусов мне приходится пасти. Брошу я вас всех на Матадоре, наберу одних роботов...

— А почему вы их так презрительно называете — Туфлей?

Дружный хохот.

— Не Туфлей, а Туфелем. Надо же их как-то различать, вот и проставили на заднице номера. Отсюда и клички — первого назвали Уафелем, второго — Туфелем, третьего — Трюфелем, четвертого — Фофелем, ну и так далее. Туфель у нас — специалист по антропологии, так что все возможные ксенантропы тоже по его части.

— А как вы их различаете, если они к вам... э-э-э... лицом?

— Да так же, как и вы нас — по... э-э-э... лицам.

И снова все засмеялись — дружно, как один.

— Командор, — сказал Ян, — а не пора ли? Светает.

— Отбой!

Шторки начали задергиваться, но спустя некоторое время каждая слегка приподнималась, и из щелки вылетали штаны и куртки. Кибы, уже приученные в этом доме все ловить на лету, подхватывали их и куда-то уносили — должно быть, для приведения в элегантный вид.

Варвара медленно потянула за кольцо плотную занавеску, раздумывая, как ей быть. С одной стороны, она твердо решила абсолютно все делать, как все. Но с другой стороны... А где ее костюм очутится поутру? Вдруг кибам придет в голову соорудить в центре комнаты одну коллективную вешалку — то-то будет сцена у фонтана, когда придется бежать за комбинезоном в одних трусах! Нет уж. И сколько еще ей запинаться на всяких мелочах, каждый раз выбирая между правилом и исключением...

Тихонечко постанывал кондиционер, нагнетая запах моря, наверху бубнил Ага — гнездышки-то были звукопроницаемыми: «Туфель корифей, вовремя угадал, что эти гоминиды — не аборигены. Мы, конечно, через день-другой и сами это поняли бы, но ведь утро началось бы с того, что мы стали бы выставлять отсюда вон всех эксплуатационников, а в первую очередь — Сусанина с его скотопромышленниками. Закон есть закон, и если на планете хотя бы подозревается существование разумных обитателей на более низком уровне, чем мы (из-за стенки послышалось ответное бурчание, но слов Варвара не разобрала)... ну, разумеется, мы и сами недалеко ушли... Ну да, всем работам тогда крышка. Разрешаются только разведка с воздуха да самые примитивные пробы. Ну, и если эта разведка вляпалась в какую-нибудь неприятность — а ты знаешь, что с тактической разведкой это случается сплошь и рядом, — то тогда в число разрешенных входят и спасательные хлопоты... Ну, а ты забыл, сколько мы нахлебались на Репетенке, где тоже пришлось выставлять освоенцев? Жалобами можно было устлать дорогу от Земли до Матадора. Здесь Жан-Филипп, конечно, благородного воспитания мужик, но если бы дошло до свертывания всех работ... Да, брат, это для меня тоже загадка: почему этих ушастиков захоронили во внешней стороне стены? Пресептория была заперта, что ли? Не просто это, какой-то тут фокус...»

Послышался свистящий звук, как будто воздух прорезало пушечное ядро, потом гулкий удар в верхнюю шторку и тяжелый шлепок об пол. Ботинок. И, судя по направлению полета, ботинок командорский. «Не могут без намеков...» — прошептал Ага, и все затихло. Варвара лежала, не в силах отделаться от странного ощущения, что ей задан вопрос и где-то здесь, совсем рядом, в темноте спрятался ответ. Еще не зная его, она чувствовала, что сможет его найти. Внешняя сторона стены. Почему не где-нибудь, а во внешней стороне? Темнота завибрировала, зазвенела...

— Это очень важно — почему их захоронили во внешней стороне стены? — спросил Гюрг, и она посмотрела наверх.

Они стояли на стене, все одиннадцать, освещенные лучами прожекторов. До них было не так далеко, и тем не менее она никак не могла различить, который же из них — Гюрг. Они были совершенно одинаковы, как в первый раз тогда, на экране. Она судорожно стиснула отвороты белого халатика, досадуя на себя, что отдала кибам свою форму, а те так и не вернули. А раз не было формы, она не могла стоять рядом со всеми там, наверху, на фоне ночного беззвездного неба. Но сейчас она объяснит им то, что они просят, она очень многое может им объяснить, и не такие пустяки, как этот, и может быть, они все-таки примут ее, независимо от того, что на ней надето... Она переступила с ноги на ногу, и копыта настороженно цокнули. «Не надо было мне садиться на коня, я ведь неважно езжу верхом», — подумала она и вдруг поняла, что никакого коня нет, а есть она, кентавр, женщина-тапир, и в замешательстве обернулась и увидела собственную спину, плоскую, расчерченную продольными и поперечными полосками на крупные клетки, и она обеими руками принялась натягивать свой халатик на клетчатую шкуру, чтобы они все сверху не заметили ее странной, фантастической раскраски; кентавр — ладно, кентавр-тапир — это тоже еще терпимо; но — клетчатый...

— Закройте глаза и слушайте меня! — крикнула она им в отчаяньи. — Эти стены и ворота открыты только для разумных! То, что они похоронены вне Пресептории, — предупреждающий знак!..

— И все-таки, почему их спрятали во внешней стене? — спросили наверху неразличимым голосом, и она поняла, что ее просто не слышат.

— Это знак, понимаете, знак того, что они еще не разумны, что им туда нельзя!..

— И все-таки, почему... — механическими, магнитофонными голосами твердили в недосягаемой для ее голоса вышине, и она вдруг увидела, что между гребнем стены и неподвижной группой людей просвечивает полоска пепельного рассветного неба...

Она вскочила, еще до конца не проснувшись, и ударилась головой о что-то кожаное и упругое. Вспомнила — шторм-будуар. Неужели проспала?

Она приоткрыла щелочку — так и есть, все гнезда пусты, а из соседнего помещения доносится сдержанный гул. Кушают, нехорошие люди!

Натянуть форму и сполоснуть лицо под родниковой струйкой фонтана было делом трех секунд. Приглаживая влажные волосы и намереваясь высказать все, что она думала по поводу подобных проявлений гуманизма, она вылетела в трапезную и...

«Если по вчерашнему счету, то — девять», — сказала она себе. Потому что в окружении всех одиннадцати стратегов за столом сидела Мара Миностра, краса ненаглядная. Златокудрая, яснооkая, в кремовой блузке и шортах, стилизованных под форму Голубого отряда, в сплошных клапанчиках, кантиках, строчечках со штучками и дрючками. И сшито, между прочим, не роботами. Варвара вдруг всей кожей почувствовала, что надетое на ней самой как-то мешковато и главное — всю ночь пролежало под подушкой. Подобные мелочи ни разу в жизни ее не удручали, но, видимо, все рано или поздно бывает в первый раз...

Варвара приблизилась к столу и королевским жестом пресекла джентльменский порыв альбатросов космоса, пытавшихся подняться при ее появлении. Села. Прислушалась. Интервью двигалось полным ходом — Мара работала, и работала на совесть:

— Без вашей искренности, на которую я так надеялась, мне не донести до моих слушателей всю глубину мироощущения нежной и сильной души и аналитического ума перед грандиозностью и проблематичностью роли верховного судии доселе чуждого вам мира, перестройка основ которого...

Гюрг, с ласковой улыбкой слушавший воркующий голосок обольстительной гостьи, без колебания положил свою узкую ладонь на ее запястье, прерывая журчащий поток:

— Но в нашу компетенцию не входит что-либо перестраивать. Достаточно поверхностного отчета, кстати, уже почти готового, и краткого руководства к действию — что взорвать, что закопать. Но — не сами. Мы белоручки.

— И вы не попытаетесь выключить этот... как его все называют... подводный управляющий центр?

Все называют — надо же! Совсем недавно его называли «несуществующий управляющий центр»:

— Дорогая Мара, мы пальцем его не тронем, уверяю вас! И зачем? Мы подсчитали всю энергетику, которая предположительно на его совести за эти полтора года, и нашли, что она падает почти по экспоненте. Так что подержим еще несколько лет эту базу на новой площадке, а потом можно будет понемножку и к морю возвращаться. Что же касается зверья, то на первых порах придется понаставить тут силовые барьеры различных уровней, чтобы не переели друг друга с голодухи... Я не слишком злоупотребляю специальной терминологией?

— Нет, что вы! Я давно заметила, что мужские коллективы обладают своеобразной особенностью — хранить в себе что-то неизбывно детское... Так продолжим? Ваша вчерашняя находка, о которой пока знает только начальник базы...

— И вы. Откуда только?..

— Я — пресса, и притом в женском роде... Так что вы простите мне эту маленькую слабость — быть по-мужски оперативной.

Это ж надо — сделать самой себе комплимент в таком изысканном стиле! Но на командора это подействовало мобилизующе:

— Как бы я хотел, чтобы мои лежебоки хотя бы отдаленно приблизились к вам! Но наш батискаф застрял на дороге с космодрома, и мы погрязли в самой рутинной отчетности, заменяя дела бумагой.

— Так объединим наши усилия! И начать я предлагаю со съемок ваших питекантропов.

— Видите ли, мы в какой-то степени уже... — промямлил Гюрг.

— Это не имеет значения! Ведь мы же с вами договорились работать на более высоком профессиональном уровне! Нет, нет, это не упрек — мне очень не хотелось бы, чтобы вы меня так поняли; напротив, я самого высокого мнения о вашей профессиональной подготовке, иначе я не была бы здесь! Но уровень определяется не только интеллектуальным потенциалом и квалификацией исполнителя, но в значительной степени — классом его инструментария — вы согласны? Так вот, я предлагаю свой «Соллерлюкс».

— У вас «Соллер»? Нам его обещали только через два сезона... Невероятно! Мы даже не видели опытного образца!

— Я так и думала. Поэтому начнем с конца; я хочу вам продемонстрировать изображения, которые сняты, правда, не с его помощью, — вы ведь знаете, что он воспроизводит даже самые обыкновенные голограммы; так вот, предвидя этот разговор, я перед эвакуацией нас отсюда привела всю аппаратуру в боевую готовность... Кстати, Варвара, вам она не помешала? Ваш робот с очень смешным именем согласился мне помогать!

Варвара от растерянности только пожала плечами. Речь шла, по-видимому, о помещении таксидермички, где она не была с того памятного разговора, первого и последнего, когда она отказалась заделаться интервьюируемым кроликом. С тех пор она ни разу не вспомнила о своем былом пристанище, полагая, что Ригведас все оттуда вывез и заботиться не о чем. Но, как говорится, свято место пусто не бывает...

— Так вот, для большей убедительности я хотела бы пригласить всех присутствующих ближе к берегу — проекция будет осуществляться на пляже, настройка жестко зафиксирована. Вы не возражаете? — Призывный жест, аннулирующий все возражения.

— Наоборот, наши желания совпадают — нам пора на работу, — командор обратил к окружающим замутненный взор. — Коллеги, прошу, в колонну по два...

Все обреченно поднялись, и Варвара вдруг поняла, что никто из них, кроме Гюрга, в течение завтрака не сказал ни единого слова. Она попыталась отстать, потому что органически не способна была шагать в колонне, но Шэд самым естественным образом задержал шаг, так что они оказались рядом, и Варвара очутилась-таки в строю и неощутимо для себя пошла в ногу. Спереди доносился артезианский смех и щебет: «Я оставляю за вами право на сомнения, поскольку внешнее впечатление... Но все мои интервью... Они остались моими лучшими друзьями — и Док Фанчелли, и Параванджава, и братья Каплан — они очень высокого мнения...»

Интересно, а если бы она предложила добираться до пляжа по-пластунски, командор и на это согласился бы с той же обреченной покорностью?

Она вопросительно глянула на Шэда, и он если и не угадал ее мысли дословно, то хорошо представил себе ее настроение:

— Все нормально, Барб. Стратегический разведчик должен быть джентльменом. К тому же если быть справедливым, то надо отдать ей должное: ведь дура дурой, а при-

летела ни свет ни заря, и вертолет посадила в трех километрах, и добиралась по пустынной дороге пешком, без оружия, а ведь знает... Пусть она покажет нам пару фокусов, пока батискаф не прибыл, а там, как вы любите говорить, — и на Матадор.

Они вышли на прибрежную полосу, и море устало засветилось им навстречу. Оно было ясным и спокойным, чересчур ясным и неправдоподобно спокойным — как лицо человека, о котором нельзя сказать, спит он или без сознания. Солнце, скрытое золотистой дымкой, не грело, и над пляжем висел странный, едва уловимый запах, вызывающий во рту вкус металла.

Варвара последней поднялась по винтовой лесенке на крышу бывшего телятника, но в наблюдательную рубку не вошла — там и без нее народу хватало. Она присела прямо на прохладный пластик, положив сплетенные руки на колени, а подбородок — на руки. Из распахнутой дверцы доносился гул голосов, и она, как в давешнем сне, не могла угадать, где же там голос Гюрга.

А вот и журчащее сопрано: «Семнадцатый, семнадцатый...» Это же шифр вызова таксидермички! Ах да, там ее знаменитая аппаратура, «Соллер» или как там еще. «Семнадцатый, вызываю робота Пегас-одна-вторая... Пегас? Включайте аппарат «Соллер», кадр номер один... Командор, а ваше подводное чудовище не проявит каких-нибудь неожиданных эмоций при виде стеллереныша?» — «Во-первых, он уже три дня никак себя не проявляет; во-вторых, это не чудовище, а механизм, а в-третьих, эмоции свойственны только живым существам». — «А разве он... не живой?» — «Скажем так: разумный, но не живой». — «О, смотрите, смотрите, заработал...»

Варвара вытянула шею — ничего она не увидела, только у кромки воды на гальке лежал теленок. Знакомый теленок. Тот самый теленок, которого она передала Параскиву в день их знакомства... Но ведь они оба, и Параскив, и теленок, уже на космодроме, и к тому же малыш должен был подрасти...

«Эффект усиливается еще и тем, что изображение двустороннее — с моря вы увидели бы ту же картину. Иллюзия полная, не правда ли? А теперь изменение масштаба... Пегас, снимок номер два!»

Теперь Варвара поняла, почему теленок показался ей таким знакомым, — это же были ее собственные снимки! Как это она забыла, что сама разрешила Маре пользоваться всем, что найдется в лаборатории. И нашлось... Следующим

был овцеволк, вернее, целая семерка этих нелепых зверей, причем, первый был величиной со слоненка, а последний — как морская свинка. Все они печально разглядывали агатовую гальку, которая не могла удовлетворить ни первую, ни вторую составляющую этих неудобосочетаемых существ.

«Третий кадр — разномасштабные проекции, разнесенные в пространстве сколь угодно далеко. Пегас!..»

Это был самый удачный ее снимок — Степка, которого, как любого нормального ребенка, кидали в воду, и она снизу поймала момент, когда малыш вскинул ручонки и счастливо засмеялся. Таким он и появился — в десяти, двадцати, пятидесяти проекциях, самых различных размеров и в абсолютно неожиданных точках; он как будто стоял на своих косолапых ножках и был готов ринуться куда-то вперед, в море, которое ему по колено...

Да, снимок был превосходный. Но эта орава разнокалиберных малышей производила почему-то совсем противоположное впечатление. Варвара медленно поднялась. Это даже не орава. Это стая. И если смотреть со стороны моря — стая, готовая к нападению.

Она почувствовала, что ей плохо, и поспешно отступила от края. Наткнулась на дверцу. Вниз. Скорее. Металл во рту. Стук в висках. Разве она на глубине? Нет. Это наваждение. Справиться. Не поддаваться. Это просто предельная степень омерзения, потому что из детей нельзя делать стаю, пусть даже призрачную. И море...

Море поднималось навстречу небу. Оно вспухало, как готовящееся закипеть молоко, и было таким же белым, ни одной крупицы привычного янтаря.

Море стало седым.

Варвара пыталась крикнуть, но только беззвучно шевелила губами, а они присыхали к зубам и при каждом движении трескались, и висящая в воздухе соль тут же въедалась в них, так что скулы сводило от боли. Но сильнее всего был ужас перед надвигающимся безумием — она вдруг перестала понимать, что же ей чудится, а что существует на самом деле. Ведь не могли все остальные не видеть этого страшного, беззвучного бунта белой воды, — значит, это ей только кажется, и надвигающийся вал, и кошмарные шеренги вздыбленных младенцев...

— Стоп! — крикнул Гюрг. — Прекратить подачу изображений!

Нет, никакого наваждения не было. Все нормально. И надвигающийся вал — страшновато, но вполне реально. Никакого сумасшествия. А с остальным Гюрг справится.

Она медленно выдыхала судорожно набранный воздух и поглядывала вниз, на полупросвечивающие ребячьи изваяния — сейчас вы, милые мои, растаете, и больше ни-ког-да...

— Гюрг, связи нет! — пискнула Мара Миностра.

— Быть не может. Семнадцатый, семнадцатый, робот Пегас-одна-вторая, на связь! Прекратить использование аппаратуры «Соллер»! Обесточить помещение таксидермической лаборатории!

Младенцы стояли непоколебимо, словно были изваяны из гранита, а не света и воздуха.

— Бесполезно, Гюрг! Связи нет ни с кем. Робот нас не слышит... — это уже запаниковали стратеги.

Она скользнула вниз по винтовой лестнице, радуясь тому, что не надо подыматься вверх, — ноги дрожали. Выскочила на прибрежную гальку и невольно запнулась — изображения злосчастного Степки высились, как сфинксы. Стараясь не глядеть в сторону моря, она побежала влево, к тропинке, протоптанной сквозь заросли прямо к ее лабораторному корпусу. Она не оглядывалась и пока еще не слышала рева и грохота воды, но уже знала, что опаздывает; ко всему еще и эти циклопические пупсы, которых надо обегать, и ноги вязнут, как никогда, и так обидно, так глупо... Она споткнулась, и в тот же миг ее подхватили и резко дернули вбок, обратно к морю — она задохнулась от неожиданности и даже не сразу поняла, что это был командор, который, подхватив ее на руки, мчался к метеовышке. «Я его не узнала... Как я могла его не узнать?» — стучало у нее в голове.

Крутой утес, ограничивающий пляж с правой стороны, был обозначен стандартным ласточкиным гнездом — пристанищем метеорологов. Учитывая изобилие и разнообразие молний на этом побережье, строители обеспечили здесь тройную защиту, но ведь до нее надо было еще добраться. Гюрг локтем вдавил клавишу подъемника — ни сигнальной лампы, ни гудения. Не работает. Варвара трепыхнулась, как большая рыба, схватилась за металлические поручни лестницы и потянула Гюрга за собой. Утес заслонял от них море, но шум уже надвигался, уже летели, цепляясь за каменные уступы, клочья пены, и нарастало ощущение холода и пустоты, словно кто-то откачивал воздух; до дверцы оставалось метра четыре, когда грохнуло, и скала шатнулась, но основной напор воды она приняла на себя, так что теперь нужно было только удержаться на ступенях и не сорваться. Справа и слева со свистом хлестали закручивающиеся бешеные струи, и Варвара подумала, что Гюргу при-

дется хуже, чем ей, и тут уже ничего не стало видно, одна вода, бьющая со всех сторон, пытающаяся оторвать их от спасительного камня, и что-то уже рушилось, и промелькнул какой-то трос, и Варваре удалось уцепиться за него, а потом вода поднялась снизу и захлестнула их с головой.

Она почувствовала, как Гюрг дернулся вверх, — инстинктивное желание всплыть; она ничего не успела сказать ему, да и сейчас в этой мутной, пенистой круговерти невозможно было подать хоть какой-то знак, и она просто прижала его руки к перилам, чтобы он не отцепился от спасительной опоры, и зубами впилась в канат, пытаясь перекинуть его себе за плечи, — и тут вся масса воды резко ухнула вниз, и их рвануло так, что хрустнуло в плечах, и надо было не соскользнуть, не оторваться от лестницы, а Гюрг еще, похоже, не очень-то был в себе — наглотался; она прижимала его к ступеням вышки, не в силах даже повернуть голову и посмотреть назад, на беснующуюся воду, уже подмявшую под себя беззащитную зеленую полоску и вломившуюся в хрупкие коробочки человечьего жилья.

Наконец она оторвала щеку от ребра ступени, всей правой стороной лица ощущая вдавленный рубец и проверяя языком, целы ли зубы. Ничего. Гюрг шевельнулся — она быстрым движением обтерла лицо о рукав, чтобы он ее такой не увидел.

Но он даже не глянул, вероятно, пришел в себя и сразу же оценил обстановку, потому что снова схватил девушку в охапку и пополз по ступеням вверх. Было больно и неудобно, но Варвара не сопротивлялась. Он ее спасал! Дали небесные, как же это было прекрасно... Она, конечно, и сама сейчас кого угодно могла спасти, но он-то ведь этого не знал. И не должен был знать. И пусть их хоть смоет второй волной, лишь бы бесконечно долго прижиматься щекой к скользкой куртке и помалкивать.

Но Гюрг уже добрался до двери, вышиб ее плечом и, перевалившись через комингс, вместе со своей ношей рухнул на пол, залитый мутной водой. Идиллия кончилась. Надо было срочно проверить, работает ли защитное поле, а то ведь следующая волна может смыть это гнездышко как пушинку, — хорошо еще, сейчас до него достали только брызги, и то вон что творится, стекло выдавлено и все бумаги выдуло... Она вдруг поразилась, о каких пустяках можно думать, когда ситуация грозит стать безвыходной. Они отрезаны водой, и никакой вертолет сюда не посмеет сунуться. И если это надолго...

Гюрг по-звериному вскочил, оттолкнувшись руками и ногами, метнулся к двери, успел захлопнуть ее и заложить титановой рейкой, когда за окном послышался зудящий, тянущий скрежет, — схлынувшая вода утягивала за собой гальку, обломки деревьев, вынесенный с улиц строительный мусор — то, что несколько минут назад было уютными, обжитыми коттеджами... Хорошо еще, что их обитатели перебрались на новую площадку! А вообще, надо бы поле включить, пока командор возится с дверью; но он уже успел забаррикадироваться, и тут стремительно возник рев — новая волна громыхнула так, словно по основанию скалы ударили залпом десятка два крупнокалиберных десинторов; пол дрогнул и зазмеился трещинами, а в торцевое окно хлынула пенящаяся вода. «Если разнесет пульт управления и включить защиту станет невозможно, веселенькая будет ситуация, — отчаянно подумала она. — А что я все время о защите? Боюсь? Ни черта я не боюсь. И когда волной накрыло, не боялась — даже за него... Так что же?»

Гребень волны и на этот раз не достал до парапета смотровой площадки, окольцовывавшей метеостанцию, но пена и брызги, ворвавшиеся в незащищенное окно, окончательно превратили маленькую комнатку в болото. «Ну что он медлит? — с тоской повторяла про себя Варвара, глядя на осторожные движения Гюрга, колдовавшего над станционным пультом. — Боится короткого замыкания? Пожара? Так не будет ни пожара, ни аварии, потому что сегодня — день чудес и все, что необходимо было для свершения чуда, уже произошло. Мы вдвоем, и я его не звала, сам догнал и притащил. Осталось совсем немногое — отгородиться от всего мира, и не поэтической сенью ветвей и сребротканым пологом ночи, а пульсирующей защитой мощностью двести кротров на квадратный сантиметр. А снаружи — хоть потоп! Впрочем, последнее уже имеется и тоже под стать веку, не доисторический катаклизм, а порождение электронного разума и генераторов неизвестных нам полей...»

На самом-то деле она была не против соловьиной рощи и даже увитой вульгарными розами беседки. Но Гюрг был человеком другого мира, а выбирая человека, выбираешь и его мир.

Вспыхнули лампы аварийного освещения, кондиционер погнал по полу теплые волны воздуха, последние капли влаги скатывались в трещинки, и пульсирующее табло предупредило о том, что генератор защитного поля к запуску готов. Гюрг свое дело сделал. Что ж теперь?..

Он оглянулся и увидел ее, все еще сидевшую на полу, подогнув коленки и положив на них подбородок.

— Встань с пола, — сказал он устало, — простудишься.

Она вздохнула — совсем не то хотела она услышать:

— Спасать, так до конца. И от простуды тоже.

— Логично, — усмехнулся он, поднимая ее на руки, — а что касается спасения, то до следующей волны было бы неплохо оценить наши шансы.

Шлепая по влажному полу, он отнес ее к окну и посадил на подоконник — боком — так когда-то изысканные амазонки восседали в своих дамских седлах. Не отнимая рук, положил подбородок ей на плечо, так что теперь каждый выдох, резкий и короткий, соскальзывал по шее прямо за шиворот, отчего становилось жарко и жутковато.

— Наши успели прикрыться, и то хорошо, — облегченно проговорил он, и Варвара наконец увидела поле битвы.

На метеоплощадке за окном не осталось ни единого прибора, даже перильца балюстрады были вышиблены, словно от удара исполинского кулака, и в образовавшуюся брешь весь пляж был виден как на ладони. Трехгорбый ватный купол укрывал весь комплекс биолаборатории, но зато на всем остальном пространстве волны погуляли всласть. На месте пирса торчали, как останки свайной постройки, два частокола бетонных свай с обкусанными верхушками; мутная жижа стремительно отступала, обнажая дно, как это всегда бывает перед новой волной, а та уже надвигалась, пройдя половину пути от ближайшего острова, и на сей раз ее гребень был увенчан короной тусклых злобных молний. Вместе с галькой в глубь морскую волочилось что-то бесформенное, но, к счастью, неодушевленное — при большом старании можно было узнать расплющенный катер и сорванную с метеовышки арматуру подъемника.

Но главное — над всем этим разгулом стихии незыблемо и бесстрастно, как символ несокрушимого человеческого упорства, вздымались призраки голографических младенцев. Волны накрывали их с головой и отступали, исчерченные контурами неосязаемых изображений, и уничтожить их было так же невозможно, как солнечный свет.

— Велика мощь разума, — пробормотал Гюрг. — Неужели весь поселок разнесло?

Варвара, оценив скорость приближающегося вала, перекинула ноги через подоконник и скользнула влево вдоль наружной стены.

— Назад! — заорал не своим голосом командор.

Девушка добралась до края стены и, стараясь не насту-

пать на осыпающиеся камни площадки, выглянула за угол. Два купола. Она метнулась обратно и ласточкой влетела в окно.

В тот же миг Гюрг включил защиту.

— Ты еще мне посвоевольничай! — рявкнул он, встряхивая ее за плечи. — Кто здесь командор?

— Никто не командор, — фыркнула она, — оба — потерпевшие. А защиты поставлено две: в западной части, естественно, моя таксидермичка, где Полупегас осаду держит, а в центре, наверное, трапезная с будуаром — кто, кроме ваших скочей, мог вовремя сориентироваться?

— Неужели в домах нельзя было оставить автоматические...

И тут тряхнуло так, словно в пол ударили беззвучной кувалдой. Скала вместе с гнездышком метеостанции была защищена надежно, но сила удара волны о берег передалась основанию утеса.

— Самое время кофе варить, — сказала Варвара. — А то у меня за шиворот натекло. Неуютно.

— Не возражаю. Было бы из чего.

Она-то была уверена, что не из чего, просто ей не очень нравилось, что он держал ее за плечи и думал о какой-то автоматике. Хотя в глубине души она понимала, что об автоматической защите домов он только говорил, а думал о другом, о том, что он здесь, а его ребята там, и есть вещи, против которых силовое поле бессильно.

Она наклонилась над пультом и вместо кофеварки включила зелененький экранчик аварийного обзора. Изображение было смазанным, хуже некуда, и все равно становилось не по себе, когда за только что прошедшей волной поднималась очередная, и тоже с лентами молний, стелющихся впереди вала, и за ней еще одна, и там уже смерчи...

— Резко наращивает мощность, — сухо проговорил Гюрг. — Но никакая энергосистема не может делать это до бесконечности. Так что или он сорвется, или...

О варианте «или...» Варваре почему-то не думалось — в этом случае надо было бы бояться, а она органически перестала испытывать страх, как иногда перестаешь слышать или чувствовать запах. «Может, я вообще стала бесчувственной? — с недоумением спросила она себя. — Нет. И еще как нет! Я хочу быть счастливой. Я уже сейчас почти до самого горлышка счастлива. А когда все это кончится и те, в центральной рубке, будут в безопасности, так что можно будет о них не волноваться, то... А вдруг — ничего? И вот то, что есть сейчас, останется самым-самым? И тогда

только вспоминать, как тащил по ступеням, и носил на руках, и за плечи тряс, побелевший от страха, — за нее, разумеется, не за себя же... Ох, уж лучше пусть нас разгрохает ко всем чертям водяным, все-таки — вместе...»

И грохнуло. На экранчике полетело лиловое и липкое, закрашивая его наглухо, пол качнулся, так что они вцепились друг в друга, пытаясь удержаться на ногах, а скалу раскачивало — видно, здоровенный смерч трудился; и совсем близко были колючие, настороженные ресницы, и неожиданная улыбка, единственное светлое в этом аду, и шепот: «Ну, кто здесь ведьма — давай, колдуй, без этого не выберемся...»

И вдруг все как оборвалось. Не то чтоб стало тихо — под колпак защиты звуки не проникали; но наступило состояние покоя, даже безразличия; экран прояснился и еще что-то там замерцало на пульте, но было все равно — спаслись, ну и ладно. Как тогда от тучи спаслись, так теперь отсиделись...

— Связь, — проговорил он с каким-то удивлением, точно включилась прямая связь с Большой Землей.

— А?.. — отозвалась Варвара и вдруг поняла, что шевельнуться не может, так крепко прижимал он ее к себе.

Она присела, выскальзывая из его рук, дотянулась до пульта, включила фон:

— Семнадцатый, семнадцатый, прекратить передачу изображения; семнадцатый, ответь...

— Передачу прекращаю.

— Ура! Прорезался, милый! — не выдержала Варвара. — Отключи там всю аппаратуру и ни под каким видом больше не включай. Понял? Кто бы тебе ни приказал!

— Слушаюсь. — Точно консервная банка брякнула.

На экранчике просматривался весьма загаженный, но не обремененный никакими изображениями пляж. Наваждение сгинуло.

— Пронесло, — устало проговорил Гюрг, и щека его задергалась сильнее обычного. — Да будет свет!

Дымчатую пленку слизнуло с окон, и пронизывающий ветер рванулся в помещение, точно выветривая из него накопившийся ужас. Варвара с Гюргом, не сговариваясь, бросились к окну — триединый купол над биолабораторией осел, уплотняясь, и разом сник, молниеносно тая. Из круглой надстройки на крышу вываливались взмокшие в тесноте стратеги — воздевали руки, разминаясь, и по-часчному галдели, восторженно и победоносно. Командор тоже не удержался: поднял над головой сцепленные руки и испустил боевой клич. Воодушевление было общее: наша, мол, взяла. «И что это они разорались, — подумала вдруг Вар-

вара, — ну, победили бы они кого-то, преодолели, отразили, отстояли. А то ведь просто отсиделись...» Она с тревогой посмотрела в сторону моря.

Оно притихло как-то на удивление скоро и теперь рябило двумя унылыми оттенками серого, как чешуя давно уснувшей рыбы; зоркий глаз мог усмотреть над его поверхностью тоненькую пелену тумана, и эта пленочка вздымалась — не волнами, а вся разом, часто и легко, как дышит загнанное и уже ничего не ощущающее животное. Что-то неестественное, тревожное было в этой несогласованности движения морских волн и туманной пелены — так в горячечном бреду руки больного движутся каждая сама по себе...

— Я побежала, — сказала Варвара, спрыгивая с подоконника, — надо отобрать у Полупегаса все снимки, а то как бы чего снова...

Гюрг успел поймать ее за хлястик:

— Ты куда? Чтоб я тебя еще хоть раз одну отпустил!

— И аппаратуру эту уникальную надо отключить и запрятать...

— Я бы кувалдой ее, уникальную! С хозяйкой в придачу. И полуроботу твоему манипуляторов надо бы поубавить... Но мы с ним поступим по-другому. Мы с ним знаешь что сделаем?

— Что? — послушно отозвалась Варвара.

— Мы его... выставим за дверь. Чтобы не подглядывал.

— А зачем?

Он резко наклонился над ней, и ресницы, неправдоподобные его ресницы так и брызнули в разные стороны — казалось, они сейчас полетят, словно иглы у дикобраза, и веселые голубые черти беззвучно заплясали у него в глазах.

— Кофе варить!!! — простонал он, хватаясь за голову.

И вот тут-то ей и стало страшно, потому что больше не было между ними никакой беды.

Она поспешно отступила, краснея и, конечно, нелепо натыкаясь на ящик, которым была задвинута дверь. Ей вдруг показалось, что вместе с защитным полем растаяли и стенки метеобудки, и теперь все одиннадцать человек, галдевших на крыше биокорпуса, притихли и снисходительно, насмешливо наблюдают за ними.

Она отчаянно пихала ногой тяжеленный ящик, но он не поддавался, и она, чувствуя, что от этих усилий и окаянного смущения становится уже не красной, а коричневой, бормотала первое, что пришло — и, естественно, совсем некстати — в голову:

— Какой там кофе... На чем его варить — на генера-

торе защитного поля, что ли? Все ж демонтировано, голые стены...

— Да ты что, Барб?.. — с безмерным и все еще веселым удивлением проговорил он, — что ты, Барбик, Барабулька, Барбарелла, Барбиненок мой?..

— Да выпустите же меня! — в совершенном отчаянье крикнула она, и голос ее сорвался на писк, и все окончательно смешалось — и страх, сопутствующий исполнению самого невероятного желания, и стыд от того, что одиннадцать весьма скептических умов догадываются о происходящем, и шальная радость догадки — не сейчас он придумал эти смешные, нежные словечки-бормотушки и, значит, давно уже про себя называл ее так, и досада на себя, что не посмела назвать его на «ты»...

— Ну пожалуйста... — совсем тихо добавила она.

Он смотрел на нее во все глаза, и лицо его становилось каким-то мягким — пропал жесткий очерк губ, скулы округлились, и даже стрельчатые ресницы, кажется, легонько загнулись кверху.

— Господи, да ты, оказывается, еще и трусиха! — проговорил он так восторженно, словно во всей Вселенной смелых было пять миллиардов, а трусиха — она одна.

Он отступил на шаг и почтительно подал ей руку, одновременно точным пинком отшвыривая ящик. Дверь кракнула, сорвалась с петель и вывалилась наружу, громыхая по ступеням. Варвара вылетела вслед за нею и подставила горящее лицо влажному хлесткому ветру. Дали небесные, какая же она дура! Другая выплыла бы по-царски, вся в командорской нежности, как в горностаевой мантии, а потом, уже при всех — «Гюрик, поменяй мне батарейку в десинторе...»

Не умеет она так. Не уродилась. Да, не повезло бедной Степухе с обитателями: с одной стороны, зверюги клетчатые, с другой — растяпы усатые... Она вздохнула и, как приличествует вздыхающему, подняла глаза к небу.

На блекло-желтом фоне, как белые хризантемы, распускались ложные солнца. Они окружали настоящее светило, сегодня особенно тусклое, словно намеревающееся погаснуть, не дожидаясь заката; их призрачные лучи поочередно вспыхивали отраженным светом и тут же гасли, едва угадываемые. И в этом несоответствии желтизны тамерланского светила и ледяной мертвенности его надоблачных отражений Варваре снова почудилось что-то жуткое и неопределимое.

— Смотри-ка, — удивился Гюрг, вставая рядом с ней на пороге, — хватает пороху на световые эффекты! А я-то думал, у него все обмотки погорели и программы застопори-

лись... М-да. Интуиция мне нашептывает, что по этой кастрюле истосковался хороший водородный заряд. Однако пора...

Варвара предостерегающе вскинула руку.

Полоска зелени, отделявшая прибрежную полосу от поселка, превратилась в сплошной заградительный вал из вырванных с корнем деревьев, всевозможных обломков и спутанных водорослей; сейчас через эту баррикаду кто-то с усилием продирался. Робот? А если нет — то кто же?

Гирлянда морской капусты, свисавшая с поваленного ствола, сорвалась, и на пляж, отчаянно встряхиваясь, выскочил олененок-бассет с длинными замшевыми ушами. Он пугливо озирался, переступая копытцами, словно прислушивался — что же его сюда позвало? И, учуяв источник этого неодолимого зова, он неуверенно двинулся к морю, обходя илистые воронки, высверленные смерчами. Следом за ним, пятясь и выдирая из клейкой зеленой массы притупленные рожки, показалась громадная пещерная лама — стряхнуть водоросли ей так и не удалось, и она понесла их на себе, точно развевающееся зеленое знамя. А завал уже трещал, сокрушаемый мерными ударами, пока наконец на пляж не вывалилась рыжая туша карликового мамонта — его можно было бы принять за детеныша, если бы не охристо-красные бивни; следом за ним в образовавшийся пролом хлынули звери. Голубые верблюжата, сурки-иноходцы, коробчатые игуаны, муравьед-полоскун... Впервые, вероятно, увидев море, они вздрагивали и цепенели, врываясь когтями и копытами в битую гальку; но неслышимый людям призыв упрямо тянул их к воде, и они, обреченно раскачавшись, сдвигались с места и брели, брели навстречу мелким зеленоватым волнам, уже подернувшимся золотистой пенкой, и бесцветные ненастоящие солнца ритмично возгорались и снова потухали, словно небо с трудом приоткрывало глаза и тут же снова жмурилось.

— Ты смотри-ка, — с безмерным удивлением протянул Гюрг, — и чего тут только нет... А клетчатого тапира не видно!

Варвара быстро глянула на него — неужели он до сих пор не почувствовал, что тут не удивляться нужно, а ужасаться?

Нет, не почувствовал.

— Командор, — раздался в метеорубке голос Шэда, — у нас тут впечатление, что они идут топиться на манер земных леммингов. Может, успеем протянуть между ними и морем линию защиты?

Командор вернулся к пульту, наклонился над микрофонной сеточкой, задумчиво потер подбородок. Оглянулся на Варвару.

— Пожалуй, подождем. Вы там фиксируйте...
— Само собой.

Варвара вздохнула, безотчетно радуясь тому, что в командорском ответе не содержалось приказа. Она выбралась на площадку, так и не подсохшую, забросанную обрывками водорослей и какой-то крупной чешуей. Отсюда вся прибрежная полоса была видна как на ладони, но сейчас этот привычный, совсем земной уголок казался огромной сценой, на которой диковинные сказочные персонажи нехотя разыгрывают недоступное человеческому пониманию действо. Звери все подходили и подходили, совались к воде и отступали, словно выискивая отведенное им место, а найдя его, замирали в томительном ожидании и как бы не замечая друг друга. Мелкие бесшумные волны время от времени добирались до них, но и вода не привлекала их внимания. Другое. Им нужно было что-то другое. И они ждали в тишине, немыслимой при такой массе животных.

И тут олененок, пугливо жавшийся к стене биокорпуса, наконец решился и несколькими неловкими прыжками достиг воды; ткнулся носом в зеленую муть и недоуменно фыркнул. И словно успокаивая его, с гребня волны протянулось янтарное щупальце, мягко коснулось крутого лобика — и растаяло.

Олененок попытался поймать губами золотистый дымок, но промахнулся и нетерпеливо забил копытцем, разбрызгивая воду.

Золотистая пеночка потянулась к нему, приобретая очертание ветки; еще что-то бесформенное, завивающееся, как струйка дыма, поднялось у него под брюшком и мягко огладило спину, пересчитывая светлые крапины. Олененок прикрыл глаза и мелко задрожал хвостиком. А золотые струйки, то переплетаясь, то ветвясь, омывали его закатным светом, грустным и уже не греющим. Такие же призрачные струйки протянулись и к другим животным, никого не пугая, а завораживая едва ощутимыми касаниями, — так слепец ощупывает черты дорогого ему лица.

Это было прощание, невыносимое в своей нечеловеческой нежности. Было ли существо, заточенное в морских глубинах, разумным, было ли оно живым — теперь эти вопросы потеряли смысл. Оно умело любить, оно отдавало всю мощь своей энергетики и всю скудость своей логики для защиты тех, кто был ему дорог, совершая, с точки зрения человеческого разума, поступки чудовищные. Оно, несчастное, умело любить и во имя этой любви растратило последние свои силы, сражаясь с призраками, созданными

по прихоти вздорного и капризного человека. Оно умело любить и оставшиеся крохи могущества потратило на то, чтобы позвать, — и его услышали; и приласкать — и его ласка была принята.

Оно умело любить, без конца повторяла себе Варвара, вцепившаяся в воротник форменной куртки и замершая от ужаса перед всем, что открылось ей в эти секунды. Оно умело любить, — значит, люди могли с ним договориться, у них был общий язык и общая точка приложения своих забот; но вместо этого люди увидели сначала тупую ярость стихии, а потом — холодную логику механизма. И кому бы почувствовать истину, как не ей, ведьме морской; ведь приходил же Лерой на этот берег и часами смотрел вдаль — угадывал? Наверное. Сказать не успел. Или побоялся, что сочтут старческой придурью... Маленький шаг был, и она могла, ДОЛЖНА была его сделать, если бы...

Если бы оставалась самой собой.

Но она изменила своему делу, своему нраву, своему имени.

Последнее белое солнце выбросило два луча, словно перечеркивая желтое небо от востока до запада, и угасло. Варвара оттолкнулась от леденящего камня, одним прыжком перелетела через метеорубку и скатилась по выщербленной лестнице. Она бежала по гальке, отпихивая попадавшееся на дороге зверье, пока не достигла воды и не забрела по колено. Мышастый гепард стоял рядом и осторожно прогибал спину, когда янтарная струйка проскальзывала по его хребту. Струйка таяла, истончаясь и теряя цвет. Варвара протянула к ней руки ладонями вверх — символ открытости и беззащитности, словно предлагая частицу себя. «Пока еще есть время, — беззвучно заклинала она, — пока есть еще хотя бы секунды — прими меня, как их, уравняй меня с теми, кого ты позвал, коснись меня золотой ветвью твоей нежности — а там хоть смерч, хоть молния...»

Пугливая струйка изогнулась, отступая перед ее руками, потом резко отпрянула в сторону и исчезла. Янтарные блики, скользившие по шкурам животных, угасали, и день тускнел, хотя солнце, уже одинокое в дымчато-палевом небе, продолжало вершить свой полуденный труд. Звери стояли понуро и недоуменно, словно спрашивая себя, почему они не уходят, если стоять больше незачем. И все-таки не уходили.

Ни одна золотая пылинка больше не светилась на морском берегу.

И тогда раздался оглушительный скрип человеческих

шагов. Они приближались, по-хозяйски вспарывая тишину, и замолкли только тогда, когда к ним примешался холодный всплеск воды.

— Варя, — послышался голос, какого она никогда не слышала у командора. — Варя, Варенька...

Она оглянулась, все еще стоя по колено в воде, — он был совсем рядом, не дальше протянутой руки, и кривил губы, не в силах остановить неуемную дрожь щеки.

— Все, — сказала она жестко. — Все. Все.

И стиснула за спиной руки, чтобы не коснуться этого лица.

Они сидели на лавочке — Сусанин, откинувшись и время от времени почесывая спину о шершавую госпитальную стену, и Варвара в своей любимой позе, жестко обхватив колени, с ногами на сиденье. Сусанин сложил на животе бело-розовые, словно новорожденные, руки, но по мере того как солнце садилось, они принимали привычный медный оттенок. Напротив, на лужайке, выкусывал репей из ляжки рыцарь Тогенбург, которому уже здесь, на Новой, позолотили рога, дабы ненароком не угодил он на кухню. Беднягу, привыкшего к обильной зелени прибрежной полосы, раздражало сухотравье плоскогорья, но узы привязанности к Петрушке, обременившие его скудный козлиный интеллект раз и на всю жизнь, были сильнее гастрономических предпочтений.

Небо с утра было безоблачным, погода — летной, что, впрочем, не имело ни малейшего значения для космолета, вышедшего за пределы околопланетного пространства уже час назад, и настроение у Сусанина было без пяти минут идиллическим.

— Все равно уеду, — угрюмо пообещала Варвара. — На этот не взяли — уеду на следующем.

— На космолете не ездят, сердечко мое, — безмятежно ответствовал Сусанин. — На космолетах прыгают, от одной зоны дальности до другой, и так через все подпространство. И во всех сопредельных с нашей зонах ни одной движущейся посудины не наблюдается.

— Ничего, наблюдется, — буркнула девушка.

— А наблюдется, так уж я постараюсь, чтобы в поле твоего зрения он не попал. Загоню тебя, к примеру, на дикую сторону. И вообще, Варька, здесь сейчас будет столько работы...

— Хватит! — крикнула она, хлопая ладошкой по теп-

лой скамье. — Никаких больше Варек. Варвара! И вообще, мы с вами никого не пасли...

— Ну, это ты изволила запамятовать, — добродушно скривился Сусанин, щуря и без того узкие глазки, словно в медовом небе можно было еще разглядеть огненную морковку удаляющегося звездолета. — Телят мы с тобой пасли, вот кого. Знаешь, за сколько тысяч километров они сейчас? Не знаешь. И я не знаю. А с телятами — половина моих людей. Так что с завтрашнего утра каждый оставшийся выкладывается за четверых, поскольку до сих пор мы работали за двоих. — Он оттолкнулся лопатками от стены и, по-птичьи вывернув шею, попытался заглянуть ей в лицо. — Аль обленилась, пока я тут себе новую шкуру, точно питончик королевский, наращивал?

Варвара оскорбленно фыркнула — как будто не она возле него сутками дежурила, безропотно снося все сусанинские выходки!

— Главное, Кони улетела, — продолжал Сусанин горестно. — И Темрик. Со своей Марфуней, естественно. И красавцы наши, гордость Вселенной, альбатросы глубокого космоса.

— На Матадор? — с какой-то мстительной радостью спросила Варвара, словно это было синонимом всего окаянства белого света с черной дырой в придачу.

— Ну а куда же? Наша Степуха была для них сущим отдохновением, жаловались еще, что форму теряют. А на Матадоре с них жирок-то спустят, это ведь планета-стадион, где шаг ступишь — в тренажер попадешь. Не знала? Спасибо хоть не занесли нашу землицу в Красную книгу, а то понаехало бы эмиссаров Галсовета, а они такие зануды... Так что будем тут управляться самостоятельно, благо теперь ни молний, ни смерчей, ни ворот этих с эпилептическим синдромом... Соскучимся.

— Тогда что не отпустили? — чуть ли не со слезами выдохнула Варвара. — Мне и без вашей скуки хоть с моста в реку...

Сусанина как ветром сдуло со скамьи — поддернул свои больничные, в голубую полосочку, брючки и присел на корточки перед девушкой, по-мальчишечьи заглядывая ей в глаза.

— Ну что ты, дуреха? Все живы — значит, все в порядке!

У Варвары потемнело в глазах. А он глядел прямо в лицо — и не почувствовал.

— Работой я тебя запугал? Зверь я, зверь и есть. Но ты ж у меня умница, даром что ведьма. Так что по шест-

надцать часов ты у меня будешь колдовать ежеденно, а в остальном — проси, что хочешь.

— Космолет верните.

— Ну-у... С ним и связи-то не будет, аллюром идет, ни к одному промежуточному буйку не причаливая. Летяги обещали всех телят в сохранности доставить, это ж, наверное, самое дорогое, что когда-либо из космоса выуживали. А тот десантник, на котором стратеги прилетели, без экипажа стоит, на краешке космодрома проветривается. Штурмана с механиком на этот, улетевший, забрали, один первый пилот остался — вон сарай под виварий приспосабливает. Да Гришка Эболи в гипсе лежит. Так что работай себе потихонечку и жди, когда я тебе экспедицию за клетчатым тапиром организую. А пока... выходи-ка ты за меня замуж!

Варвара спустила ноги со скамейки:

— Да? И вместо Варвары Нореги будет Варечка Сусанина?

— А что? Меня это устраивает.

— Вы очень хороший человек, Евгений Иланович, — проговорила Варвара, подымаясь и одергивая свой старый лабораторный халатик. — Не дам я вам жизнь свою молодую погубить из-за меня — я ведь как коброй была, так коброй и останусь.

Она перешагнула через козла, дремавшего подогнув коленки, и пошла по тропинке, заменявшей пока улицу. Время от времени под ногами щелкало, выметывался здоровенный, с воробья, кузнечик и врезался в сухую траву со специфическим хрустом, точно кедровая шишка. Она шла прямо на солнце, жмурясь — то ли чтобы не ослепнуть, то ли чтобы не заплакать. Подумать только, первый раз руку и сердце предложили.

Первый раз в жизни!

И никакого восторга. Словно на каток пригласили. Нет, не получается у нее с обыкновенным человеческим счастьем. Где бы просто махнуть рукой и броситься ему навстречу, как в море с утеса; так вот нет, ей почему-то надо обязательно помедлить и призадуматься: не чрезмерна ли плата, когда за такое счастье надо обязательно поступиться частичкой себя?

Она шла мимо здешней унылой трапезной, и мимо строящегося вивария, и мимо штабелей безликих всепланетных блоков, и неприкаянно твердила: почему, почему, почему для того, чтобы стать счастливой, надо перестать быть самой собой?..

Это нечаянное и окаянное открытие мучило ее, как

рыбья кость, и надо было остаться наедине с собой, повернувшись задом ко всей окопавшейся на Степухе цивилизации, чтобы в горестном одиночестве переболеть им, как свинкой или скарлатиной, а выздоровев, стать до последней клеточки прежней Варварой. За это возвращение она уже заплатила десятикратную цену — рассталась с человеком, который был из тех, что дважды на жизненной тропочке не встречаются. И ведь как чувствовала там, в метеостанции, выпотрошенной ураганом и захлестнутой злобной желтой пеной, что это преддверие счастья и останется для нее на всю жизнь самым-самым...

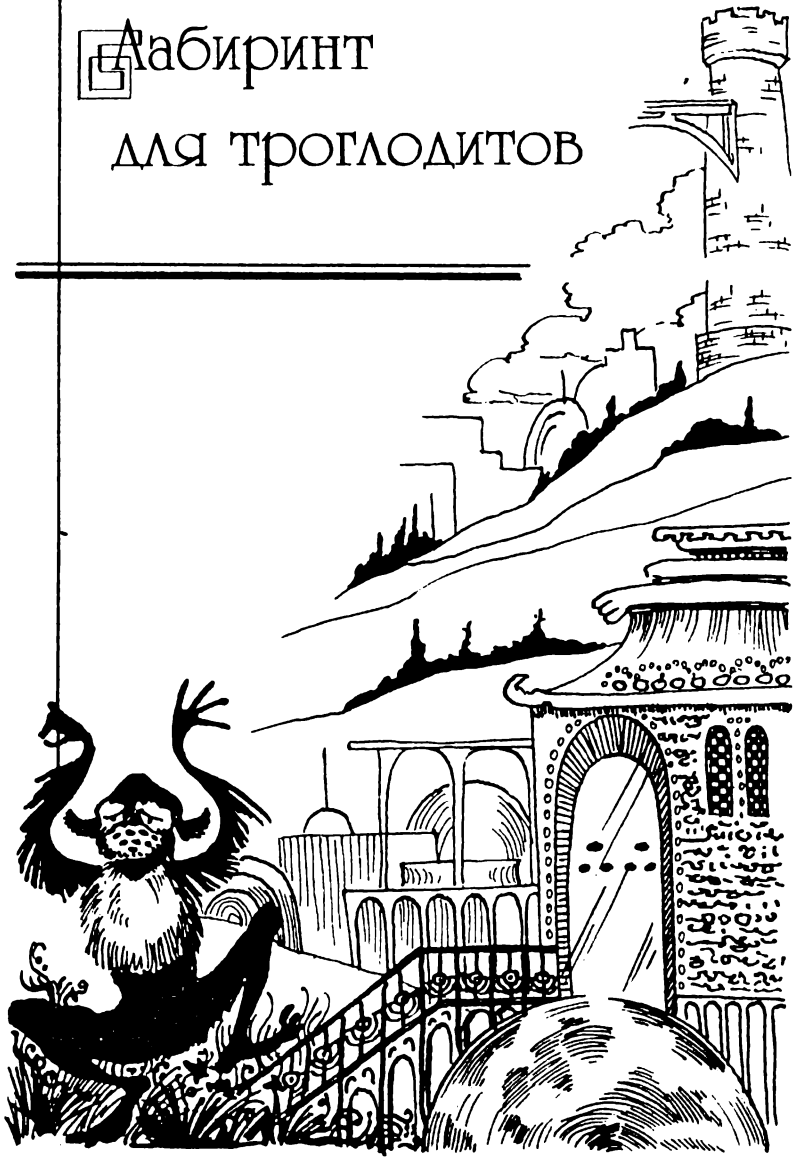
Она тряхнула головой, упрямо отбрасывая это воспоминание. Все осталось там, на берегу. Жаль только, что там осталось и море. Очень недоставало воды. Сейчас она поняла, что именно тянуло ее сюда, за черту уже обжитой земли, навстречу заходящему солнцу, уже коснувшемуся подбородком краешка поджаристо-золотой осенней горы: в густом закатном свете можно было выкупаться. Он был так плотен, так вещественен, что тело, подставленное прохладным янтарным лучам, словно теряло вес. Стараясь не упустить солнце, она взбежала на пригорок — и досадливо фыркнула: на наспех сколоченной изгороди восседал кто-то длинный и нелепый, каким только может быть высокий мужик, взгромоздившийся на тоненькую жердочку. На фоне медного солнечного диска беспомощно топорщилась куцая курточка, а широкополая соломенная шляпа была, вероятно, заимствована у пугала. Петрушка? Нет, этот сегодня уже пытался ее развлечь. Кёлликер? Похоже, он. Все они сговорились опекать и утешать ее со всей неуклюжестью и искренностью. Сейчас он приподнимет шляпу и каркающим голосом пригласит на жареную печенку перистого удава. Поклонник средневековой кухни...

Она чуть было не свернула с тропинки, но вовремя вспомнила, что прежняя Варвара легко и насмешливо шла навстречу кому бы то ни было. Легко и насмешливо отшучивалась. Легко и насмешливо оставляла позади все — и случайное, и дорогое.

Она снова тряхнула головой и ускорила шаг. Сидевший на изгороди шляпу не приподнял и развлекать девушку явно не собирался. Она прищурилась, стараясь притушить ресницами бьющее прямо в глаза солнце, и только тут поняла, что это не Кёлликер.

Это был Гюрг.

Лабиринт для троглодитов



Бесшумно перебирая ледяные скобочки трапа, Варвара спустилась с грузового горизонта и мягко спрыгнула на гулкий металлический пол, в очередной раз радуясь тому, что ее не заставили обуться в тяжеленные экспедиционные ботинки.

— Мороз-воевода дозором... — пробормотала она и тут же сморщила нос — нет, не свои это были владения. И тут, и тем более там, за бортом. Тем внимательнее надлежало быть с дозором.

Она заглянула в кубрик, откуда доносился семиголосый храп. Потолок едва светился золотисто-коричневым люминофором, и лица спящих выглядели одинаково загорелыми — чуть ли не до нигерийской черноты. На самом деле это было не так. Варвара сделала шаг вперед и очутилась в узеньком проходе между трехъярусными рядами коечных гнезд — слева шесть и справа столько же. Интересно, когда звучит сигнал тревоги или даже обыкновенный подъем, как это им удается не стукаться лбами в такой тесноте? Она поддернула обшлаг рубашки и глянула на часы: что ж, через один час и двадцать три минуты это можно будет проверить экспериментально.

Нижняя правая койка прогнулась и захрустела — это Сегура, первый пилот, вытягивался во весь рост. Если бы не эти два метра и двадцать сантиметров, Варвара никогда не усомнилась бы в том, что перед нею — самый благовоспитанный и застенчивый житель страны Восходящего Солнца. Гармоничность образа разрушали габариты гризли и голос, напоминающий охрипшего бизона.

Его сосед, Кирюша Оленицын, несколько уступал космолетчику в росте, но был развесист и розов, как цветущая яблоня. В бронзовом освещении он казался старше на добрый десяток лет.

Медбрат Дориан, на дневном свету белый, как Пьеро, и во сне выглядел печальным и сосредоточенным. Мумия бездушная, вот он кто. Варвара всегда считала себя — и не без основания — натурой замкнутой и мрачноватой, но по этим качествам Дориан давал ей все сто очков вперед.

Четвертым на этой стороне был Петрушка, уже успевший истосковаться по своему серому козлику. Богатейшая мускулатура, пожалуй, слишком великолепная для спортсмена-любителя, делала его похожим на фавна, но эта аналогия разом улетучивалась, стоило только взглянуть на его рыжие патлы. Если прибавить сюда вечную немного смущенную улыбочку, то больше, чем на лешего-подростка, он не тянул. За что Варвара его и любила.

Нижнюю койку слева отвели Грише Эболи, которого кое-кто поддразнивал «принцессой Эболи», и Варвара все не удосужилась поинтересоваться, а что бы это значило. Гриша — беда и забота всего экипажа: только две недели как из госпиталя, и хотя всемогущая Манук гарантировала его стопроцентное выздоровление, вид у него после всей мануковской интенсивной терапии был бледнее некуда.

Над Гришей сладко посапывал Сусанин, они с Сегурой — два сапога пара. Самозванный начальник экспедиции, которую никто не посылал, — просто погрузились в кораблик стратегов, брошенный на время отпуска на тамерланском космодроме, и полетели. А кто бы на их месте не полетел?

И третья полка, с высоты которой никаких звуков не доносится. Скульптурный профиль. Какое неподвижное, чужое лицо! Каково-то тебе в рядовых, командор? Она приподнялась на цыпочки, вглядываясь все пристальнее и пристальнее, не то пытаясь распознать что-то ускользнувшее от нее, не то испытывая собственную твердость духа. Твердость оказалась хоть куда. «Для меня вы все равны, все удалы, все умны, всех я вас... гм... люблю сердечно...» Что-то изменилось в застывшем лице, стало напряженнее, как от внутренней боли. Варвара беззвучно ахнула — как же это она забыла, что нельзя пристально глядеть на спящего! А что, если и он, в свою очередь, будет так же спокойно и холодно разглядывать ее? Ведь через день-два настанет и его черед стоять на вахте!

Девушка попятилась и бесшумно выскользнула из кубрика. Сладко потянулась. Еще час и пять минут героической борьбы со сном. Ровно через час и пять минут она хлопнет в ладоши и крикнет: «Мальчики, подъем!» — и будет наблюдать, как они выпрыгивают из коек и сшибаются лбами. Удовольствие, конечно, относительное, но уж очень она рассердилась, когда ее безоговорочно назначили в первую вахту. И откуда это традиционное заблуждение, что первая вахта — самая легкая? Ведь и там, на распластавшихся над морем «шпалах», Кёлликер назначил в первую вахту не кого-нибудь, а именно ее.

Она вдруг замерла и прислушалась, хотя урчание вентиляционных насосов начисто глушило сонный храп, оставшийся за полуоткрытой дверью. Посторонних, настораживающих звуков не было, но привычный гул насосов, без которого ее таксидермичка никогда не обходилась, здесь звучал чуточку по-другому. Раньше это было просто мурлыканье исполинского дымчатого кота — «ырры, ырры»,

дружелюбно-безразличное, нейтральное; сейчас же в кошачьих вздохах появилось что-то удивленное — «дрррругие... дрррругие... дрррругие...».

Другие. А ведь и правда, кроме нее, ни одного человека из тех, что вышли тогда, в день исчезновения Степки, к проклятым Воротам, не было сейчас на корабле. Серафина и Солигетти так и остались там, на галечном берегу, и недвижные арки навсегда успокоившихся чудовищных ловушек так и останутся им страшными, нерукотворными памятниками. Параскив и Темрик улетели, первый — сопровождая телят, второй — красу свою ненаглядную. Кёлликер один за всех сейчас крутился между Прессторией и Новой, разгораживая побережье малоэффективными барьерчиками психогенной защиты, — еще бы, перистых удавов видели уже на космодромной площадке.

И еще Лерой...

Варвара вздохнула и продолжила свой обход. Камбуз, рубка, шлюзовая. И еще две двери неизвестного назначения, но они заперты. Шесть отсеков жилого горизонта, и все двери выходят сюда, на площадку шахтового ствола. За одной из закрытых дверей, вероятно, подъемник, потому что сразу после приземления (гм, приземления — надо было сказать: причар-та-ру... тьфу, язык поломаешь) — сразу после посадки на Чартаруму Сегура вроде бы лазал вниз, в двигательный отсек, но Варвара не заметила, чтобы поднимался люк. Она тихонько постучала носком по гулкой металлической крышке — резонанс выдавал многослойность перекрытия. Нет, эта махина не открывалась. И, препоручая притихший корабль ее заботам, Сусанин ни словом о нижнем горизонте не обмолвился. Ну что ж, меньше забот.

Она толкнула ногой следующую дверь и вошла в камбуз. Как и следовало из ее весьма своеобразного характера, исконно женское тяготение к виртуозной стряпне никогда не значилось в списке ее немногочисленных достоинств. Отсюда приходилось довольствоваться кухонными автоматами, и они были привычны, как вакуумные насосы. Но только не здесь. Ай да Голубая команда, альбатросы глубокого космоса! Съемочную аппаратуру они у начальства вытребовать не удосужились, всякие там «Соллеры» достались космической журналистике в лице — да еще в каком лице! — вспоминать не хочется. Зато кухонная автоматика была явно из четвертого тысячелетия. Не было бы счастья, да несчастье помогло — после болтанки, сопровождающей каждый переход из подпространства и обратно, Варвара несколько часов не могла даже подумать об еде. Жажда

одолевала, но в рубке было несколько встроенных сифонов с соками и минеральной водой, а кроме того, Сусанин проявил неслыханную предусмотрительность и оставил на пульте два кислющих яблока. Но если бы девушке захотелось чего-нибудь посущественнее, она не знала бы, как и подступиться ко всему этому электронно-вибрационно-левитационному оборудованию. Сидела бы и лапу сосала, как тот скоч, что валялся в углу в позе академического сфинкса.

— А кто же мальчиков кормить будет? — задумчиво пробормотала она, адресуя этот риторический вопрос пульту конфорочного управления.

Скоч, однако, принял вопрос на свой счет и вздыбился, как богомол.

— Вафель? — спросила Варвара, безуспешно пытавшаяся запомнить стратегических роботов «в лицо».

— Трюфель.

— Мог бы добавить: к вашим услугам. Готовить умеешь?

— Готовит автоматическая дистанционно управляемая многозарядная плита.

— Я справливаю — запрограммировать ее на завтрак сможешь?

— Да.

— Легко, питательно, калорийно... Значит, так: омлет с грибами, фрикадельки из форели, или подбери что-нибудь похожее, фруктовый салат под кокосовым кремом, вели взбить получше. Хватит?

— Мало.

— Ну знаешь, тут тебе не твои обжоры! Петрушка на диете, Дориан привереда, Гриша без аппетита... Гречневую кашу добавь. С китовым молоком. И всего — по семь порций. Понял?

— Да.

— Кофе и шоколад — на выбор. Готовность — через пятьдесят минут.

Вопросительная форма отсутствовала, поэтому скоч не удосужился хотя бы кивнуть. С одной стороны, это было хорошо, что их запрограммировали на минимальную болтливость, — втайне Варвара не могла отделаться от ощущения, что после какой-нибудь реплики этот гигантский вороненый муракиш обернется к ней и уронит свое презрительное: «тупица». Но похоже было, что по отношению к людям скочи себе лишнего не позволяли. С другой стороны, каждый раз, отдав распоряжение, она сомневалась — а правильно ее поняли или нет? Вот и сейчас — знает ли он, что такое форель? А кокос? И спросить как-то неудобно...

Мало того, что никого из прошлой группы, так и роботов своих взять не позволили. Пегги здесь не нужна, но вот с Полупегасом можно было бы хоть поговорить по-человечески.

Она махнула рукой и пошла в шлюзовую. Войти туда, собственно говоря, было невозможно: шла продувка всех помещений, и навстречу бил поток холодного, припахивающего арбузной коркой воздуха. Скоч, прижавшийся к комингсу, следил за вентиляционной установкой.

— Туфель?

— Вафель.

Ах, да, у него же единичка на оконечности вычислительного бурдюка. Хоть бы их покрасили в разные цвета, что ли...

— Решетку не забило? — Это так, для порядка: если бы забило, не было бы такой сильной струи.

— Нет.

И этот на лишнее слово не расщедрится.

— Ну ладно, через сорок пять минут выключишь.

Он это и сам знает, и весь этот диалог только для того, чтобы не уснуть на ходу. Осталась рубка, но там дежурит еще один скоч, и раз он не вызвал ее по внутреннему фону, значит, ни на экранах, ни в иллюминаторах не появилось ничего стоящего внимания. Да, вот и он — воздвигся столбиком посередине помещения, словно суслик на пригорочке, морда устремлена в зенит, все шесть глаз нацелены в разные стороны — ничего не пропустит.

— Фофель?

— Туфель.

Хоть бы раз угадать! Она обошла сторонкой насекомоподобного часового, уселась в кресло первого пилота. На выдвижном столике — две стопки бумаг: слева распечатка информации, полученной с чужого спутника, справа — снимки местности, поступающие с вертолета. На вертолете четвертый скоч, и вот уже шесть часов они выписывают замысловатую спираль вокруг корабля... Вокруг двух кораблей.

Варвара положила ладони на столик, так что квадратик радиограммы, заложенный под стекло, пришелся между пальцами, как в окошечке. Текст она — да и все на корабле — помнила наизусть: «SOS! SOS..... паж похищен капибарами. Преследование невозможно. Лабиринты. Промедление гибельно. Лес...»

Варвара растерла виски, отгоняя сон. Сидя это давалось уже труднее.

— Туфель, — проговорила она не очень внятно, — ты сможешь заметить, когда я усну?

— Да.

— Тогда, голубчик, ущипни меня за ногу, — она покосилась на черное щупальце, свесившееся до самого пола, — только так, чтобы следов не осталось!

Теперь можно было откинуться в кресле и немножко подумать. До подъема тридцать четыре минуты, и все это время она сознательно не думала о том, что же находится за округлыми глазницами иллюминаторов. Ее оставили главной по кораблю, и прежде всего надо было не допустить, чтобы на борту хоть что-нибудь пошло не так. Хотя как это — «так», она не знала. Корабль был для нее чужим домом, и в его превосходных титанированных стенах она чувствовала себя хоть и в безопасности, но в глухой изоляции от всей Вселенной, словно запаянная в консервную банку. Лишенная ветра, запахов и тех живых волн, которые сделали бы для нее Чартаруму хоть на чуточку своей, она все эти пять с половиной часов провела в чутком напряжении, поначалу до предела обострившем все ее чувства, а затем незаметно притупившем их непобедимой сонливостью. Она знала, что принадлежит к немногочисленной породе существ, неспособных жить при затворенных окнах, и сейчас только и спасалась тем, что твердила себе: еще столько-то минут... теперь меньше... еще меньше... А потом ее ждала воля — холодный ветер чужого мира с запахом астраханского арбуза.

...Паж похищен капибарами...

Два громадных грызуна бесшумно проскользнули за спиной, унося в зубах кукольную фигурку — тряпочного Пьеро с волочащимися по земле белыми лентами... Ой!

— Ты что, обалдел? Я же велела — потихоньку, чтобы синяков не осталось!

Скоч высокомерно промолчал. Ладно, впереди еще не одна вахта, будет возможность сбить спесь с этих жужелиц. Сколько еще осталось? Двадцать две минуты. Вот уж никогда не думала, что спасательная экспедиция на незнакомую планету может вылиться в такую тощищу!

А между прочим, тоскливо бывает только от незнания. Был бы на ее месте Сегура — не сидел бы сложа руки, не маялся бы. Для начала придется научиться из сотен разрозненных снимков складывать единую панораму. А то лужайка за иллюминатором видна, нежно-аквамариновая, отравная; дальше — склон ступенчатый, елки на нем белые, полупрозрачные — вот и все, доступное ее пониманию. А

вот где они сели, на материке или на острове, на побережье моря-океана или в глубинке — непонятно. Пока шли на посадку, все силы приходилось тратить на то, чтобы со стороны не казаться беспомощным котенком, у которого глаза на лбу и усы дыбом. А сели — тут уже было не до объяснений. Разумеется, и летяги, и Сусанин с Гюргом прекрасно разбирались в ситуации, но не приставать же к ним с вопросами!

А главный вопрос так и крутился на кончике языка: о каких это лабиринтах шла речь в обрывке радиограммы, случайно принятой на Степухе?

Но пока слово «лабиринт» никем произнесено не было, и Варвара решила терпеливо ждать. Прояснится — сами скажут. Не для балласта же взяли ее с собой!

Вторая загадка касалась самих потерпевших. Если экипаж был похищен, то кто дал сигнал SOS? Положим, технически это мог проделать и обычный экспедиционный киб, но ведь не по собственной же инициативе! Значит, кто-то дал сигнал и сам отправился в погоню. И тоже канул в неизвестность. Чтобы попытаться во всем этом разобраться, нужно как минимум припомнить все начинания с момента посадки...

— Привет вахтерам! Как дежурство? — Сусанин в самом буквальном смысле влетел в рубку — раскачался на потолочной скобе, и перепрыгнув через присевшего от неожиданности Туфеля, приземлился точно у ног девушки. — Ох, и здорово же здесь кувыркаться — раздолье Петрушке! Ну, рассказывай.

Еще бы не раздолье, сила тяжести на шестнадцать процентов меньше земной. Вот она отоспит свои шесть часов и тоже запрыгает, не хуже Ригведаса. А пока — она свое дело сделала, первую вахту на Чартаруме отстояла.

— Корабль в полном порядке, за время вахты никаких происшествий!

— Да черт с ним, с кораблем! Что с ним сделается. Что за бортом?

— Ничего за бортом...

— Мерзко. Туфель, снимки движущихся объектов имеются — кроме собственного вертолета, как тебе, надеюсь, ясно?

— Шестнадцать.

— Давай смотреть, Варвара. Это по твоей части. Номер раз... Далеко. Что-то на верхнем уступе, да и солнышко уже к закату клонится... Страус?

— Это на горном-то склоне? По-моему, окапи.

— Во всяком случае, отнюдь не вышеупомянутая капибара. Смотрим дальше... Птичка. Номер три... опять птичка. Номер четыре... послушай, птицы это или летучие собаки?

— Послушай, Сусанин, это непринципиально. Прокручивай побыстрее, я спать хочу. Да, кстати, остальных подымать пора.

— Остальных я тоже поднял... Да что с тобой, мать моя, тебе что, не интересно?

— Напротив, и даже очень. Поэтому крути скорее, что там дальше.

Дальше тоже ничего вразумительного они не углядели — где-то на пределе видимости мелькало нечто четвероногое и достаточно земноподобное, но ближе осмеливались подлетать только птицы — если, конечно, это были не млекопитающие. С такой-то благодатной силой тяжести здесь должно было обитать множество рукокрылых.

— Далеко и несерьезно, — устало проговорила Варвара. — Вот вылезу из этой консервной банки, попробую на ощупь, поснимаю собственноручно, тогда и разговор будет другой. Да, а с вертолета делали прицельные снимки всего живого?

— Естественно, но сюда не передавали. Сейчас я его верну на подзарядку, тем более что проку с него... Короче, выспишься — и будет тебе снимков по самые ушки. Мохнатенькие твои.

Насчет пользы от вертолета — это он от досады. Собственно говоря, для того и послан был этот разведчик, чтобы по инфракрасному датчику фиксировать все живое, — это был простейший способ обнаружения пропавшего экипажа. Правда, в этом варианте как минимум требовалось, чтобы экипаж был еще жив... Но об этом никто, естественно, вслух не сказал. Гораздо больше надежды было на металл — никаких следов цивилизации с воздуха не обнаружили, так что любой сигнал весьма чувствительного металлодатчика, установленного на вертолете, уже приводил бы к решению задачи. Пряжки на поясах, застежки, возможно — оружие. Нет, не могла чувствительнейшая аппаратура проморгать все это.

И тем не менее никакого сигнала за шесть часов полетов не поступало. Можно, конечно, было предположить, что всю группу похитили в голом виде, но тот, кто дал сигнал бедствия и, совершенно очевидно, бросился затем в погоню, — он же не мог это сделать без соответствующего снаряжения и хотя бы десинтора? Не рехнулся же он, в самом деле!

Разгадка напрашивалась, но она была столь нежелательной, что Сусанин вслух ее не высказывал — во всяком случае, перед Варварой, которой все равно несколько часов спать, так уж что понапрасну расстраивать. Но девушка и сама догадывалась: подземные пещеры. Тогда становилось ясно, почему с воздуха никаких лабиринтов не было замечено, — они находились где-то в глубине окрестных холмов.

— Ты там на камбузе не догадалась распорядиться? — проговорил Сусанин деланно безразличным тоном.

— Догадалась. Куда подавать?

За время перелета, длившегося почти сорок часов, никому в голову не приходило заглянуть на камбуз — манипуляции с подпространством ни к еде, ни ко сну не располагают. Варвара вдруг почувствовала приступ бешеного аппетита, но насыщаться перед сном она себе не позволяла с детства.

— Никуда не подавать, — буркнул Сусанин, уже колдовавший с корабельным вычислителем. — Мы там, без отрыва от конфорок... Ты-то спи. Через шесть часов разбужу.

— Чрез три!

— Разговорчики на борту! Сказано — шесть!

Варвара показала его спине язык и захлопнула за собой дверь. На площадку навстречу ей выпархивали отоспавшиеся бодренькие спасатели — «Что там? Как там? Варварушка, есть сигнал?» Как будто сами не догадываются, что сигналы — по нулям.

— Я бы вас разбудила.

Предпоследним из кубрика показался Гюрг. Ничего не спросил, поздоровался сдержанным кивком. Только глаза полыхнули — уж если что у него и осталось прежним, так это искры в глазах. Варвара каждый раз поражалась, насколько ей не приходится делать над собой усилие, чтобы казаться безразличной, — это получалось само собой и, кажется, уже в значительной мере соответствовало действительности.

Она вошла в кубрик и увидела Петерса, стоящего на голове.

— Варенька, еще одну минутку! — проговорил он умоляюще, отрывая от пола руку и показывая палец, — вероятно, для большей убедительности.

— А!.. — только и сказала Варвара, отмахиваясь от него и валясь на последнюю в левом ряду койку.

Была такая мечта — раздеться...

Петрушка тихонечко вышел на руках, ногой осторож-

ненько вдавил клавишу выключателя, и в кубрике стало совсем темно. Но в глубине закрытых век бесшумно взмывали и рушились совершенно белые волны, опадала хлопьями седая пена, и в обесцвеченном небе угасали одно за другим пепельные ложные солнца...

— Просили разбудить. Просили разбудить. Просили...

— Фофель?

— Вафель.

— Спасибо, встаю. Включи свет.

Она подняла руку — свинство все-таки спать не раздеваясь — и посмотрела на часы. Так и есть, проспала без десяти минут пять часов. И никакая тренировка на внутренние биологические часы не помогла, трех часов организму, замордованному всеми этими перегрузками и гиперпереходами, было катастрофически мало. Так что самопробуждения не получилось.

И потом — неужели никто не мог проявить если не галантность, то элементарную вежливость? Посылать в таких случаях скоча это... это... Это порождало недобрые предчувствия.

Она вскочила, сунула ноги в легкие спортивные туфли и вприпрыжку помчалась в рубку. На бегу заметила, что дверь в шлюзовую открыта настежь, — не иначе, как что-то грузили. Рубка тоже изменилась: почти вся правая стена была закрыта крупномасштабной картой. Места продольных склеек морщились — еще бы, здесь все делалось в отчаянной спешке, — и сразу бросалось в глаза обилие каких-то овальных и кольцевых структур вроде лунных цирков. Три таких овала были обведены красным. В рубке припахивало краской, как бывало всегда, когда вычислитель что-нибудь вычерчивал.

Слева висел сильно увеличенный снимок какой-то долины, сплошь поросшей многоярусной зеленью. Под снимком располагалась схема каких-то причудливых развалин. Между ними, на том самом месте, где недавно возвышался скоч, стоял Сусанин в легком полускафандре и задумчиво поводил носом то вправо, то влево.

— Доброе утро, — встревоженно проговорила Варвара.

— Доброе, доброе... Так вот: следов никаких. Вертолет тоже пропал — их вертолет, не наш же. Мы идем в свободный поиск. Туфеля и Фофеля мы берем, остальное добро — тебе. Один из скочей должен постоянно дежурить в рубке, другой — тем более постоянно и неразлучно — с тобой. На подзарядку будешь ставить того, что в рубке, на это время сама не спустишь глаз с экрана. Фон все время

будет включен, я его заблокировал. Правда, проходимость волн тут паршивая, может, потому мы и SOS приняли не полностью. Дальнейшие инструкции буду передавать с борта, благо мы нацелились тут недалеко... Вот плошка. Геологов с нами нет, поэтому не берусь судить, почему тут такие блюдца вроде кратеров. Этот — восемь километров в поперечнике. От нашей стоянки он сравнительно недалеко, если бы можно было пройти через горловину долины, потом метров двести вниз — то дело было бы в шляпе. Но горловину словно нарочно закидали глыбами, им и скатиться-то неоткуда, не с вертолетов же сбрасывали... Баррикада. Ее-то мы перескочим, но никакие капибары тут не прошли бы. Да эту свалку камней не одолели бы и макаки, а они лазать мастера. Тем более что она — с Нотр-Дам.

— Тогда зачем вы туда собрались? — Варварин вопрос был вполне естествен.

— А затем, что если убрать растительность — вон внизу, на схемке, корабельная считалка произвела это с блеском, — то останется не что иное, как форменный лабиринт!

— Но ведь с воздуха ни людей, ни металла...

— Это еще не самое худшее. Гораздо хуже то, что в радиусе пятидесяти километров предположительно расположены еще два аналогичных аттракциона. И страшно представить, сколько еще за этим радиусом...

Варвара многое могла ему сказать, но только глубоко вздохнула, а потом выпустила воздух сквозь стиснутые зубы — получился шип, как у рассерженной гаттерии.

— Пойми, Варька, тебе остаться — оптимальный вариант.

— Я тебе не Варька. И потом, надо же совесть иметь — вы и на том корабле побывали, а я даже на землю тутошнюю ногой не ступила...

— Это пожалуйста. И даже до того корабля. Только чтобы фон не выключался и скоч, как собака, был при ноге, да с генератором защитного поля. Я же знаю, тебя не удержишь...

— Евгений, время! — крикнули из шлюзовой.

— И ни во что не ввязывайся, вызывай нас. Если вдруг перебои с фоном — три красные ракеты. Можно и больше. Ну...

Он как-то очень неуклюже двинулся к девушке, но она пресекла это движение в самом начале:

— Насколько я понимаю, инструктаж окончен? Три ракеты, и все такое. Есть и спать с включенным микрофоном.

— Кобра, — сказал Сусанин и вышел.

Варвара посмотрела ему вслед, не удержалась и вылезла в тамбур. Из открытого люка несло вечерней прохладой, и было слышно, как скочи, лязгая членистыми манипуляторами, лезут вниз по трапу. «Ну, дети капитана Гранта, отваливаем! — послышался бодрый голос Сусанина. — Вечереет...»

Варвара поежилась — действительно, вечерело, и это обстоятельство отягчалось тем, что сутки на Чартаруме — или Земле Чары Тарумбаева, как она была внесена в космический реестр, — длились восемьдесят четыре с половиной часа. Девушка вернулась в рубку, взяла фон с жестким зажимом и защелкнула его на лацкане куртки. Из сетчатой кругляшки доносился вой разогреваемых двигателей, неразличимые голоса, металлический лязг. «Надо было попрощаться, — пронеслось вдруг в голове у Варвары, — надо было выйти и попрощаться с каждым...»

— Эй, на «Дункане», сейсмического штиля! — донесся вдруг из фона четкий голос Кирюши Оленицына.

— Семь футов под килем! — ответила Варвара.

Теперь шум двигателей доносился уже из распахнутой двери, Варвара не выдержала и выскочила снова в шлюзовую. Машина уже поднялась и, кренясь на левый борт, описывала круг над двумя звездолетами, торчавшими среди долины ровныя, аки два кипариса. На земле крутились подхваченные вихрем листья, но пыли почти не было. Вертолет свечкой пошел в высоту, и Варвара даже не успела разглядеть, кто сидел в верхней кабине под выпуклым колпаком. Впрочем, это было не важно. Главным же сейчас было то, что на этой совершенно незнакомой, совсем не грозной на первый взгляд, но все-таки чертовски опасной планете она практически осталась совершенно одна. «Ну что, голубушка, выбрала себе профессию дальнепланетчика, так не жалуйся и не дрейфь», — сказала она себе.

Впрочем, страха не было. Да Сусанин и не оставил бы ее одну, если бы она была способна в такой ситуации растеряться.

— Норега, не вижу рядом скоча, — донеслось из фоноклипса, прицепленного к лацкану.

— Виновата, исправлюсь. — Ну и голос у начальника экспедиции, как из жестяного ведра — так и отдает металлом.

Она отступила на шаг и, нашарив на стенке клавишную панельку силовой защиты, привычно набрала параметры ячеек и мощность поля. Овальный распахнутый люк словно подернулся кисеей — в проеме возникла силовая решетка

с отверстиями в два миллиметра. Приток воздуха обеспечен, но ни одна насекомая тварь не пролетит. А уж что касается напряженности поля, то теперь дверцу мог с разбега бодать самый крупный носорог. Впрочем, если бы он сочетал свою убойную ярость с прыгучестью кенгуру — от люка до земли было все-таки четыре метра.

Вот и началась вахта номер два. Нет, положительно не так она все себе представляла! Но приказ командира есть приказ, тем более что условия приравнены к боевым. Варвара вернулась на центральную площадку, где в привычной позе дохлых жужелиц лежали оставленные на ее долю скочи, Вафель и Трюфель.

— Смирррр-на! — скомандовала Варвара.

Скочи мгновенно взвились, как ракеты, и приняли позу «готовность номер один» — опора на кончик бурдюка и два самых мощных двигательных манипулятора, остальные приподняты, как у жуков-оленей, готовых к драке. Жутковатое зрелище, особенно если помнить об их максимальной мощности. Нет, напрасно все-таки назвали их скочами — надо было «жучами» или что-то вроде...

— Кто из вас специализирован на ксенобиологию? — спросила Варвара, не очень-то надеясь на ответ, — ведь такого скоча Сусанин скорее всего должен был взять с собой.

Но на кончике рецепторного хоботка у Трюфеля загорелся пронзительный малиновый огонек, как это всегда бывало в тех случаях, когда скочи хотели привлечь к себе внимание.

— Робот межпланетный, многопрофильный, суперрежимный, бортовой номер «три», — доложил он.

— Ну, вот ты и будешь дежурить в рубке. Любой движущийся предмет — в иллюминаторе, на экране или внутри корабля, кроме нас с Вафелем, естественно, — тут же фиксировать и докладывать мне. Нехудо бы и классифицировать.

«Было бы что», — подумала она, но вслух этого не произнесла. Трюфель, не разворачиваясь, задом вполз в рубку и принял сторожевую стойку.

— Варвара, что там у тебя? — донеслось из нагрудного фона.

Девушка глянула в иллюминатор: черная мошка кружила над хаосом завала на выходе из долины.

— Вертолет... — начал Трюфель.

— Домашний, обыкновенный, — подхватила Варвара. — Вижу. Нет, это не тебе, это я коллег к делу приобщаю. Вместо этой пары мне бы одного Полупегаса...

— Лопай, что дают.

— Евгений Иланович!!! — и как только фон выдерживает?

— «Жалобная книга», А Пэ Чехов. Между прочим, здесь два столба и между ними — определенно искусственный завал.

— Фермопилы, — вставил кто-то тенорком.

— Все бы ничего, да приборы взбесились... Ух, ты!

Варвара замерла, вслушиваясь в тревожную паузу. Донесся пронзительный звон. Да, если бы это были просто Фермопилы!

— Теперь магнитная аномалия... — буркнул Сусанин. — А до этого высотомер вдруг ноль показал. Надо бы покрутиться тут, да солнце низко. Пошли мы дальше, если долго не будем выходить на связь — не волнуйся. Сама сообщай обо всем интересном. Ну, не до тебя сейчас...

Вертолетик сделал еще один круг, потом начал уменьшаться и, наконец, растаял в сиреневатой дымке.

— Вафель, — сказала Варвара, — а ты будешь при мне. Неотлучно. И с генератором защитного поля. Только прежде, чем обременять себя лишней тяжестью, накормика ты меня.

Она подняла глаза и поглядела на корабельный хронометр: Степуху они покинули ровно пятьдесят девять часов назад. Нет, с минутками. Варваре вдруг пришло в голову, что впервые в жизни она живет буквально не по дням, а по часам. Но на этой нелепой Чартаруме иначе нельзя.

И наверное, не часы, а минуты считает злополучная пятерка с корабля, пославшего SOS. Что с ними приключилось? В такие экипажи тоже ведь не желторотиков набирают. Она поискала глазами среди записок, засунутых под стекло, — где-то тут должна была находиться копия списка, найденного на пустом кораблике. А, вот: Чары Тарумбаев, Фюстель Монкорбье, Игорь Боровиков, Ом Рамболт, Иван Вуд. Ни одной знакомой фамилии. И есть хочется, и кусок в горло не лезет, как подумаешь, что там с ними...

— Вафель, супу!

В золотистой мисочке плавают поджаристые гренки, неторопливо утопая в ромашково-желтом горохе. Тисненая медалька сливочного масла и рыжая корочка пшеничного хлеба. Там, за иллюминатором, катастрофически не хватало теплых янтарных тонов, и сейчас этот маленький кухонный столик, застеленный шоколадной клеенкой, казался частицей далекой золотоносной Степухи. Дали небесные,

как, выходит, можно тосковать по едва обжитому дому, даже если этот дом не на Земле. Она вдруг припомнила полные бокалы над свадебным столом и первые капли, с языческим благоговением пролитые на траву Майского Луга. И она со своей щенячьей самонадеянностью, и Лерой — рядом.

Живой.

Она отодвинула пустую тарелку, стиснула локти и опустила подбородок на скрещенные руки. А что, если она больше никогда не вернется на Степуху? И вся остальная жизнь пойдет вот так, последним номером в чужой команде? Вроде запасного игрока... Но ведь она сама выбрала этот путь и сама решила больше никогда ни на йоту не отступать от того, что она называла «стать прежней Варварой». Стала.

Так в чем же она была не права? Почему она сидит в этой консервной банке, как третий скоч?

Значит, где-то все-таки была допущена ошибка. Просмотреть, как на видеоленте, все с самого начала, благо времени, тягучего и бесполезного, больше чем достаточно. И самое легкое найти это начало. Потому что было так...

Новая лихорадочно застраивалась. Вместе с отбывшими телятами на Большую Землю был послан непомерный даже по космическим масштабам запрос — люди, оборудование и еще и еще люди. Все это нужно было разместить, и уже не во времянках, а капитально. Новая становилась столицей, окрест планировались базы и поселки, особенно на побережье. Как и подобало столице, Новая в первую очередь обзаводилась музеями — действительно, какой смысл хранить экспонаты на складах, если можно было расположить их в доступном для обозрения месте? Строительного камня было навалом, площади не ограничены, кибов вдосталь — сооружения росли, как грибы. Только что Гюрг с Оленицыным и кем-то из бывших маринисток закончил доставку сюда громадных каменных блоков, выпиленных из пресепторской стены вместе с золотым тайником. Сейчас эти блоки, снова сцементированные воедино, высились прямо посредине одной из центральных площадок, и кибы с молниеносной быстротой возводили вокруг сейсмоустойчивый каркас.

Варвара терпеливо ожидала, когда же Гюрг со своими подручными покинет место стройки, — ей надо было сделать точнейшие снимки для отправки на Большую Землю

со следующим же кораблем. Она старательно избегала таких встреч, но уж если все-таки им приходилось сталкиваться — не шарахалась в сторону, втайне изумляясь тому печальному спокойствию, с которым она освобождалась от захлестывающих ее воспоминаний. Еще бы, многолетняя привычка: когда ныряешь, тем паче неожиданно, обязательно глотнешь горько-соленой воды. Привкус соли еще оставался...

Что изумляло ее гораздо больше, так это поведение Гюрга. Она боялась навязчивости, грубо подстроенных ситуаций, психологических силовых приемов. Ничего не было. Сначала девушка взвалила вину на Сусанина — несмотря на недвусмысленный отказ, начальник биосектора вел себя так, словно не сомневался в успехе. Варваре приходилось буквально на каждом шагу ставить его на место. Его заботливая фамильярность и неизменное «ты» только копили порох для неминуемого взрыва, и однажды, искоса глянув на Гюрга, Варвара почувствовала, что бывший ее командор так спокойно и снисходительно воспринимает все выпады Сусанина в сторону Варвары именно потому, что убежден в ее неуязвимости. А сам он не предпринимал ничего, будучи уверен, что рано или поздно это за него сделает случай.

Так было и в то утро: Гюрг заканчивал работу с «Золотой кладовой», а Сусанин донимал Варвару результатами зондовой съемки. С тех пор как нападения на всякую аппаратуру как на воде, так и над водой внезапно прекратились, все имеющиеся зонды были брошены в район рыжих островов. Мешала постоянная пелена тумана, но инфракрасная и ультразвуковая техника кое-какие результаты давала. И главный вопрос, мучивший и Сусанина, и Варвару — куда же подевались аполины? — пока стоял на первом месте.

— В радиусе ста миль — ни одной особи, представляешь? — кипятился Сусанин. — Полезешь под воду? Я сам буду страховать.

Варвара только пожала плечами. Под водой она уже бывала, и с нулевым результатом, а страховка Сусанина ее не особенно приводила в восторг. Она бесцельно перебирала снимки, сделанные с разных высот, и дивилась собственной апатии. Хотя — ждать нечего, тоска беспросветная... Она подперла щеку рукой и бездумно глядела на юг, туда, где должно было находиться море. Они с Сусаниным расположились на крыше биокорпуса — в новом городке все здания сооружались на манер мексиканских гасиенд — ровная пло-

щадка, окруженная балюстрадой, хочешь — симпозиум проводи, хочешь — в пинг-понг играй. Как правило, чередовали и то и другое. Внизу метался Тогенбург, видно, съел что-то неподходящее, блеял и припадал к земле. Варвара не выдержала, подошла к перилам и свесилась вниз, и в тот же миг на горизонте полыхнуло давно не виденной грозой, и в промежутке между пирамидальными кедрами начало расти что-то очень далекое и призрачное, неправдоподобное и потому не страшное. Сусанин все еще бубнил что-то свое, а Варвара махала рукой, не находя слов, и он наконец понял, подскочил к ней и замер, глядя на вытягивающуюся вверх стрелу, оперенную белыми клубами.

А потом все стало потихоньку таять.

— Направленная аннигиляция, — тихо проговорил он. — Все-таки программа самоуничтожения была...

— А кто на берегу?.. — обернулась к нему Варвара.

— Никого, к счастью.

Никого. Хоть на этот-то раз — никого. Пронесло. Так вот почему исчезли аполины!

— Ну, будем надеяться, что это финальная катастрофа, — сказал Сусанин, в последние дни настроенный на беспробудный оптимизм. И следом за его словами прилетел грохот, запоздалый и никого не способный напугать. Но люди только сейчас почувствовали что-то неладное и повыскакивали из помещений, справедливо опасаясь землетрясения.

— Женька, что там у тебя видно? — крикнул кто-то снизу.

— Да, в сущности, ничего — Пресепторию нашу разнесло начисто и окончательно!

И только сейчас Варвара вспомнила, что в таксидермичке оставался Полупегас. Левый.

— Надо на берег, — сказала она с тихим вздохом. — Подранков собирать.

— Сейчас нельзя — вертолет не вытянет. Шквал.

— А... там, на побережье, не могли поставить защиту?

— Кто?

— Кибы, скочи... Мало ли кто.

— Наша защита тоже не на любую мощность. Как говорится, и на Степуху бывает пруруха. Что, Пегас?..

Она промолчала. Впрочем, собираться стали тут же, на недавно отремонтированную дорогу вылез грузовик, набитый добровольцами — и, естественно, Варвара была в общей массе; работа оказалась страшнее и грязнее, чем можно было увидеть в самом страшном сне, и когда утихли шквалистые ветры, взад-вперед замотался вертолет, обрет-

ший статус ветеринарного транспорта, и только на седьмой или восьмой день, перевязав и зашив кого можно и захоронив всех придавленных и истекших кровью животных, спасатели вдруг с удивлением отметили, что за все эти дни они не видели ни единой асфальтовой гориллы.

Никто не отдавал никаких команд, просто кто-то улетал на Новую и не возвращался, да и четвероногих пациентов в изломанной, словно изжеванной каким-то чудовищем чаще почти не встречалось. Варвара с Кирюшей бродили по кромке воды, потому что вся галечная полоса была загажена разлагающимися останками рыб и водорослей. Варвара сейчас не могла припомнить, утро это было или уже вечерело, но грязные буровато-лиловые волны впервые за эти дни вдруг приутихли, лишь кое-где оттененные сравнительно чистыми оборками пенной белизны. Было невыносимо отвратительно, как на кладбище, на котором взорвалась залежалая с давних времен бомба.

Она невольно искала то место, где совсем недавно торчал из зыби морской ничем не приметный ржавый пригорок острова. В море как будто ничего не изменилось — уцелевшие острова, как кочки на болоте, едва приподымались над водой, припорошенные пеплом взрыва. И черный плавник по-акульи резал воду, не оставляя за собой борозды.

— Смотрите-ка, аполин! — крикнул Кирюша, как будто увидел Деда Мороза.

Вернулись, значит. Варвара постояла, глядя себе под ноги, потом повернулась спиной к морю и, хлюпая по комьям тины, пошла прочь. Троекратно выгнутый корпус биолаборатории уцелел, снесло только крышу, вышибло окна и двери. Ветер пронизывал пустой каркас, словно это была развалина столетней давности. Да, пришельцы строили понадежнее. Варвара обошла цокольный выступ. Сзади пряталась от периодических шквалов палаточка радиста, и безработный Сегура, бравшийся помогать всем и во всем, сидел, скорчившись, едва умещаясь под защитным пологом. Услышав шаги, он поднял палец. Варвара поняла и пошла уже на цыпочках. «Да, да... По направлению?.. Да справимся мы с Гришкой! Сей минут будем. Нас тут всего-то трое. Ждите!» — Он оторвался от фона:

— Зовите Кирилла, срочно возвращаемся на Новую. Только что принят SOS. Что-то невразумительное. Кто-то кого-то украл.

— Кирюша, к вертолету! — крикнула девушка. — Путают они. Кроме нас сейчас никого вне территории Новой не имеется. А нас не крали.

— Да не про Степуху речь. SOS с соседней звезды, то есть с одной из ее планет.

Подбежал, оскальзываясь на стеклянном крошеве, Кирюша и прислонился к щербатой стенке, переводя дыхание.

— Поехали, — сказала Варвара. — В воздухе разберемся, что к чему.

Но разобраться в воздухе не удалось. Наскоро пробормотав текст фонограммы, Сусанин куда-то умчался, — как поняла Варвара, — митинговать. Подлетая к Новой, Сегура заложил крутой вираж и спланировал на одну из свободных и пока безымянных площадок в самом центре поселка. Сверху успели заметить, что митинг имеет место на крыше только что отстроенного вивария — человек шестьдесят, кто в шезлонгах, кто на надувных пуфах, а большинство просто на перилах.

— Ну вот и Кирюша с Сегурой, — проговорил Сусанин таким тоном, что стало ясно: за прибывших уже все решено. — Итак, дети капитана Гранта, «Дункан» под парами. Кровь из носу, но завтра должны стартовать.

Кирюша только расплылся в улыбке — ему явно было все равно, куда стартовать и зачем. Он был счастлив, что наконец-то попал в одну команду с Сусаниным. Но Сегура был мужик основательный.

— Давай-ка, Евгений, еще раз все по порядку. Текст оборван с двух сторон. На каком этапе?

— Вопрос резонный. Мы получили точку-пакет с ближайшего гиперпространственного буя. Получили первыми и практически без задержки. По каналам гиперсвязи пакет пошел на Большую Землю; со всеми переходами, энергонакоплениями, коррекциями это как минимум три-четыре дня. И не спорьте, я на этом собаку съел. Обратного адреса в пакете нет, но буй автоматически дал точное направление. Звезда в нашей зоне дальности по этому направлению одна-единственная, планеты у нее две, но ближайшая к светилу для высадки не подходит: там жарковато — вроде нашего Меркурия. Следовательно, остается вторая. Затруднения, уважаемые мои спутники, в том, что планета не описана.

— Как так? — изумился Кёлликер.

— А вот так. Она — последняя, внесенная в космический каталог. Свеженькая и тепленькая. Открыта группой Чары Тарумбаева и, следовательно, носит его имя. Вот все, что нам известно. Закавыка в том, что кораблик у нас маленький, много не нагрузишь, значит, снаряжение надо выбирать безошибочно. Спрашивается, как это сделать? Твое мнение, Гюрг?

— Прежде всего, кое-что мы знаем. В тексте есть слово «Капибара», а это, насколько я понимаю, просто громадный грызун вроде морской свинки. Следовательно, животный мир аналогичен земному. Отсюда — и аналогия физических условий.

— Э-э, — протянул Сусанин, — твоими устами да мед бы пить. На Большой Земле это крупнейший грызун, а там, не исключено, самый мелкий. Мышка, с позволения сказать, полевая. Тогда крысы там величиной с бегемота... А если они к тому же еще и летучие? Запросто. Тогда наш вертолет ни к черту не годится.

— Ваш вертолет, — несколько высокомерно обронил Гюрг. — А наш в полевых условиях может использоваться как вездеход, лопасти снять — пятиминутное дело. Под водой худо-бедно ползает.

— А скорость?

— До семидесяти.

— По шоссе? — язвительно вставил Артур.

— А у вас есть выбор? К тому же вертолет уже погружен на наш корабль.

— Пюсик... — вздохнул кто-то на перилах. Но уважительно.

Варвара не поняла, но спрашивать сейчас было не время.

— Ну и само собой — команда, — заключил Сусанин. — Минимум. Пилоты — Сегура и Эболи... Манук Илириевна, Гриша у меня с койки не встанет, окромя ананасного сока глотка не сделает, об вылезти на поверхность даже не заикнется. Клянусь двумя Медведицами! Мы с Гюргом — это четверо. Врач нужен позарез, причем, врач, пригодный к боевым действиям в свободное от медицины время. Это Дориан. Кроме того, беру биологов, и не потому, что своя команда, а в силу тех же загадочных капибар и прочей нечисти. Итого семь. Оленицын и Ригведас, останьтесь, остальные свободны и прошу ко мне не приставать.

— Тем не менее, — пробасил Жан-Филипп, — не как начальник тамерланской базы, а как геофизик должен заметить, что спасательные работы на незнакомой планете без специалиста моего профиля... Короче, я просил бы включить меня в группу.

Варвара из-за Кирюшиного плеча с любопытством наблюдала за происходящим — не хотела бы она сейчас очутиться на месте Сусанина. Но и того не так просто было сбить с твердой позиции.

— Геофизик желателен, — проговорил он уклончи-

во, — как, впрочем, и добрый десяток других профессий. Дело в другом, Жан-Филипп, и вы меня поймете. Дело в субординации. В спасательной группе командир должен быть один, и ни-ка-ких конкурирующих авторитетов. С вами мне будет трудно.

— Я понимаю...

«А Лероя он бы взял», — мелькнуло вдруг в голове у Варвары. И, может быть, не только у нее.

Вокруг Сусанина осталась шестерка избранных. Варвара подождала, когда на крыше станет совсем немноголюдно, спрыгнула с перил и направилась навстречу общему потоку.

Ни Сусанин, ни Гюрг в этот момент на нее не смотрели, но оба каким-то шестым чувством уловили ее приближение: Гюрг выпрямился, невидящим взглядом уставившись куда-то поверх крыш, а Сусанин развернул плечи и весь подобрался, приняв боевую позу, словно на него шли с кулаками. По мере того как девушка подходила, вид у него становился все более и более петушиный. Варвара уловила это мгновенно и взъярилась так молниеносно, как умела только она. «Жалко, я не пантера, — усмехнулась она про себя, — сейчас бы у меня шерсть на загривке встала дыбом и хвост бешено хлестал по бокам...» И Сусанин струсил — решил отбить нападение, не дожидаясь первого выпада:

— Ну а ты-то, ты куда? — спросил он нарочито грубо.

И опять это его хамское «ты», и все еще вдобавок уставились, словно тут им вольер с клетчатыми тапирами...

— Туда же, куда и ты, — сказала она негромко, но с ударением на каждом слове.

И повисла пауза. Она тянулась и тянулась, и в этой растерянной тишине Варвара вдруг почувствовала, что все по-разному поняли ее слова. Мало того, она и сама ухватила за кончик хвоста какую-то очень далекую ассоциацию... Вертится, да в руки не дается. И Евгений свет Иланович, похоже, в шоке.

Но Евгений Иланович уже вышел из шокового состояния. В лице его что-то мелькнуло — словно чуть было не растянулась от уха до уха блаженная ухмылка, но он вовремя спохватился, и выражение просто смягчилось, став обычным деловым.

— Ножик только свой не забудь, — бросил он так, словно вопрос о ее участии в экспедиции был для него давно решен.

Варвара подумала, что поменяйся они местами — и за

такую реплику она получила бы от него традиционное: «Кобра!» Но от «кобры», к сожалению, мужской род не образуешь — не «кобер» же в самом деле! И, как это иногда бывает, стоило ей отвлечься, как тут же само собой вспомнилось то, что минуту назад маячило весьма смутно и волевым усилием из памяти не выцарапывалось. «Где ты, там и я» — ведь это звучало почти так же, как древняя, чуть ли не античных времен, формулировка: «Где ты, Кай, там и я, Кайя». И употреблялась эта формула в строго определенной ситуации, под мендельсоновский марш.

Она искоса глянула на самодовольную физиономию Сусанина и фыркнула. Миновали античные времена, были и быльем поросли. И я тебе — вот именно, ТЕБЕ — это сейчас продемонстрирую. Чтобы не ухмылялся про себя.

Она сделала шаг вперед и встала рядом с Гюргом — два летчика, два биолога и два члена Голубого отряда. Вот так это и надо понимать. Но Сусанин не понял — на него наседал Сегура:

— Послушай, Евгений, ты ведь на мой вопрос практически не ответил...

— Ну что мы будем долго разговаривать? В полете найдем время. Где усекли фонограмму? Ну уж конечно, не на приеме. Пакет пришел из собственной зоны дальности, не деформирован; следовательно, так его и отправляли. Зашифровку и отправку осуществлял корабельный киб, принявший текст от кого-то из членов экипажа. Вероятно, связь прерывалась. Между прочим, текст не на общепринятом космолингве, а на английском. Так что мы теперь в положении детей капитана Гранта — знаем только направление и часть текста.

— Да по нашим временам и этого больше чем достаточно, — флегматично заметил Сегура. — До планеты микроскачок в подпространстве, благо зона своя и заправляться на буйке не надобно, а пюсик найдем по пеленгу. Вы давайте грузитесь. Попытаемся сняться завтра поутру.

Назавтра поутру не снялись, закончить погрузку удалось к обеду. На борт Варвара явилась в блистательном комбинезоне стратегической разведки.

О перелете вспоминать не хотелось — от Степухи уходили на двух «g» без передышки, потом болтанка в гиперпространстве, тянется это бесконечно, и совершенно непонятно, как корабельный хронометр умудряется фиксировать независимое время. Из подпространства вылезли не очень близко от искомой планеты, опять пришлось помучиться.

Но когда легли на орбиту, вдруг началась полоса везения. Оказывается, поисковики (на космофлоте их звали попросту «шатунами») успели все сделать по инструкции — завесили спутник-зонд, с готовностью подключившийся при первом же вызове; на их корабле, как положено, работал автопеленг. Спутник приятным и даже не металлическим голосом сообщил, что планета названа в честь капитана Землей Чары Тарумбаева, или просто Чартарумой, и обрушил на спасателей целый каскад данных. Наиболее отрадным было то, что атмосфера и микрофауна позволяли людям находиться на Чартаруме без скафандров.

Сусанин не стал тратить времени на лишние витки и отдал приказ автопилоту садиться точно по пеленгу.

Кораблик поисковиков стоял в узкой уютной долинке, словно на зеленой ладошке. Чартарума пленяла своей симметрией: увенчанная громадными ледяными шапками на полюсах, она была опоясана широким кольцевым материком; белая полоса по всему экватору говорила о том, что материк этот, в сущности, представляет собой громадный горный хребет, плавно понижающийся в обе стороны, от вечных снегов до приморских низин. Впрочем, узкие языки фьордов довольно далеко забирались в глубь материка. Что отличало Чартаруму от Земли, так это невероятное множество круглых озер, расположенных на склонах хребта; от одного озера к другому тянулась белая кудель водопадов. Все это вместе напоминало старинные «фонтаны слез», где из одной раковины в другую безостановочно каплет ледяная звонкая вода. Впрочем, некоторые из этих круглых выемок были сухи, и на фоне каменистых склонов выделялись ядовито-фисташковой растительностью.

В таком-то уютном лежбище, только не круглом, а удлиненном, как ладья, и приютился маленький, автоматически попискивающий кораблик. Если бы не пеленг, его можно было бы проискать целый год. На запрос с воздуха он не ответил. Сегура с Гришей Эболи умудрились подсесть к нему под самый бок. Кораблики были однотипны и смотрелись как близнецы; разделяло их не более двухсот метров. Входной люк первого звездолета был открыт, лесенка спущена, на низкой — по щиколотку — траве не осталось никаких следов. И шевеления во всей долине не наблюдалось, только вверху кружило что-то вроде стервятника. Нужно было идти, и Сусанин скомандовал:

— Гюрг, Дориан, Туфель — за мной. Остальные на местах. В случае вызова разрешаю выход Сегуры и Оленицына с любым из скочей. Больше — никому.

Замкнул клапаны скафандра и двинулся вниз, не дожидаясь, пока спутники оденутся.

Варвара глядела в иллюминатор: Сусанин, оторвавшись от лесенки, вдруг как-то по-детски запрыгал, и только тут Варвара почувствовала, как это славно — двигаться в поле уменьшенной тяжести. Но прыгать прямо здесь, в рубке, было неудобно, и она справедливо рассудила, что это удовольствие от нее не уйдет. Сейчас все выяснится, куда лететь, каким образом спасать, и она тоже выпрыгнет наружу, на эту зеленую, манящую травку, и они отправятся; совершенно непонятно, что будет потом, но ясно одно: это «потом» составится из молниеносных, пружинистых действий, и надо сейчас собраться, накопить сил, подобно свернутой металлической спирали... С силами, правда, было не очень-то. Она сцепила руки за спиной и, прогибаясь назад, незаметно для других потянулась. Тело отозвалось тоскливым, ноющим неповиновением. Слишком много часов — именно часов, ибо отсчет времени сутками потерял всякий смысл, — продолжалось бессонное мытарство.

Что это я все о себе да о себе, рассердилась Варвара. В самом деле, никто ведь не отдыхал, тем более те, кто уже двинулся к сиротливо торчащему напротив них кораблю. Она прижалась к иллюминатору — в поле зрения появился красный скафандр, это Сусанин, за ним, приподняв ощетинившуюся хеморецепторами морду, на шести опорных манипуляторах шустрил скоч, за ними двигались еще двое — в зеленом неудачного оттенка, почти сливающимся с тутошней травой, и в лиловом. Она не видела, во что облачались Гюрг с Дорианом, но по росту легко было определить, что Гюрг замыкал шествие. Шли они быстро, не озираясь по сторонам, и, глядя им вслед, Варвара впервые ощутила странное беспокойство, какое возникает при столкновении с чем-то неестественным. Что же?..

Пожалуй, вот что: уж слишком ровной была поверхность. И травка — как на стадионе. И — как на стадионе — ничего в ней живого. Да нет, чушь. Поверхность сглажена естественным образом, лавовый поток или вода; травка больше похожа на мох, так что все естественно. И вообще, из этой консервной банки ничего не почуешь. Выбираться надо, только вот Сусанин запретил. Ну это мы тоже переломим, пусть только вернется. Тогда и настанет время пощупать все руками, уловить придирчивым носом, а пуще всего — спиной. Она сызмальства привыкла, что самый чуткий приемник опасности — это спина.

— Аппаратуру разбирать будем? — спросил сзади Петерс.

Собственно, он должен был не спрашивать, а распоряжаться — как-никак он младший научный, а она только лаборантка.

— Пока — только стереовизирный комплект, — сказала она. — Леший его знает, может, и не до того будет.

На корабле, как полагается, есть пара камер, но они хоть и с автоподстройкой на дальность, но без малейшего соображения: включил — они и снимают все подряд. Такого добра, наверное, и у этих горе-поисковиков с три короба наберется. Варвара с Петрушкой проворно вскрыли свой контейнер, приладили на один из иллюминаторов телеобъектив, держащий под прицелом второй кораблик и дорогу между ними, а затем уже из люка, испросив разрешение Сегуры, запустили вверх по корпусу корабля «коалу» — самодвижущуюся камеру на присосках. Подобно австралийскому медвежонку, от которого она и получила свое прозвище, эта компактная тридцатишестиобъективная установка имела свойство двигаться вверх, куда бы она ни была запущена — на осветительный столб или на склон Монблана, — и не останавливалась, пока не достигала вершины. И здесь она деловито поползла по титанировой поверхности, пока не утвердилась на самой верхушке торчащего, как минарет, корабля.

Теперь надо было задать фиксационную программу, чтобы обе камеры не тратили даром пленку на катящиеся по склону горы камни, шаровые молнии, град, а также насекомых, червей и прочую мизерную живность. Сейчас во внимание принималось только то, что могло оказаться повинным в исчезновении предыдущей экспедиции. Дело не такое уж мудреное, но пока все отладишь, не один десяток снимков приходится порвать и спустить в утилизатор. За трудоемким этим делом Варвара и не заметила, как один за другим включились вспомогательные экраны, по воле Сусанина соединенные с покинутым людьми кораблем, информаторий начал заглатывать данные, собранные Чары Тарумбаевым и его товарищами за ту неделю, которую они провели на такой непримечательной с первого взгляда планете, как эта Чартарума.

Вскоре появился и сам Евгений, без шлема, в расстегнутом скафандре, навьюченный всяческими пакетами. Снимки, кассеты, катушки магнитных нитей — когда ко всему этому прибавился груз, доставленный Гюргом и Дорианом, то стало ясно, что надо выбирать одно из двух: или

отправляться на поиски пропавшей экспедиции, или зарываться во всю эту кучу разнородной информации на много часов. Сусанин выбрал промежуточный вариант: пустил запись задом наперед и на страшной скорости просмотрел отправку разведывательного вертолета. Ничего особенного, четверо погрузились в стандартную, не в пример стратегической двухъярусной стрекозе, машину и отбыли прямо на юг, пройдя между скошенными, как две Пизанские башни, скалами, служившими воротами этой уютной долины. Ворота, правда, были забаррикадированы циклопическими глыбами, в правильных плоскостях которых при желании можно было усмотреть руку — или манипулятор — гуманоида. Правда, в последние три века подозревать подобное на Большой Земле почему-то считалось дурным тоном...

Как следовало из просмотренного, а также из бортового журнала, который с трех сторон (включая середину) прослушивали тоже на повышенных скоростях Сегура, Гриша и Оленицын, выходило, что на вахте совершенно спокойно остался ксеноботаник Вуд Иван Волюславович, заполнявший бортовой журнал восторгами по поводу внешнего скелета сухопутных кораллов, открытых им где-то вблизи корабля. Заканчивалась запись недоуменным: «Слоники? Десятка два...» Судя по хронометру покинутого корабля, сигнал бедствия был послан спустя шестнадцать часов после упоминания о слонах.

— Проклятье, — пробормотала Варвара, — вот уж не везет так не везет... Само собой, приземление корабля поисковиков могло распугать — и распугало — всю живность в пределах нескольких километров, но в такой ложбине на склоне массивнейшего горного хребта увидеть слонов, пусть даже маленьких — это неизвестному ей Вуду совершенно невероятно повезло. А ей вот — нет. Хотя зачем на первый случай такие капитальные твари, как слоны?.. Ей уже начала мерещиться неповторимая вольность ее первых месяцев на Степухе. Может, повезет во второй раз, оставят ее здесь организовывать зоологический музей Земли Чары Тарумбаева?

Ее мечты были безжалостно прерваны Сусаниным, принявшим наконец решение, провести разведку с воздуха, а пока — всем спать. За исключением Варвары, которой была доверена первая вахта. Она несколько раз обошла весь корабль, потом пересмотрела те пленки, где шевелилось вдалеке что-то живое и довольно крупное. К сожалению, почти все было сделано в инфракрасном излучении, ночью, да

еще и автоматикой. Нет, пора ей было брать все в свои руки!

Она прослушала выборку из бортового журнала, те места, которые вызывали недоумение: «Оптические аномалии... Половодье... Волчий глаз... Наведенный экран... Лыко...»

Доверенный ей «Дункан», как теперь неукоснительно называли их космический корабль, был в совершеннейшем порядке, экипаж спал здоровым сном, обеспечивающим этим великовозрастным «детишкам капитана Гранта» максимум сил для всех последующих подвигов, и единственное, что здесь было непонятно, так это одно: зачем здесь присутствует она, Варвара Норега? Посадили приборы сторожить, а ведь с этим прекрасно справляется и скоч. И вот она сидит перед экранами, и почему-то кажется ей, что корабль абсолютно пуст, как пуста эта планета, и если ее бесподобная пара — Пегас и Пегги были не просто собеседниками и коллегами, а чуть ли не друзьями, то со скочами не то что не поболтаешь, даже не чувствуешь себя в безопасности. Пустое место.

И главное — почему-то нет совершенно естественного ужаса перед бедой, грозящей этим исчезнувшим людям. Там, на Степухе, когда они лихорадочно собирались, что-то похожее было. А сейчас — нет. Планета холодна и безразлична, да еще и сам текст фонограммы... Ну, значилось бы, что разведчиков похитили медведи. Или удавы. А то — грызуны! Это ж несерьезно. Все равно, что «экипаж похищен кроликами». Вот уж нелепица, прямо «Алиса в стране Чары Тарумбаева».

И как же это так получилось — ведь все вроде было правильно, перечеркнула она и стерла в памяти свою принадлежность к Голубому отряду, и вроде бы стала прежней, и шла прямым путем — легкая, хмурая, усатая, никому не подчиненная.

И тем не менее выходило, что медленно и неприметно кружит она на одном месте, словно фиалка в омуте...

Она вдруг встрепенулась, отряхиваясь от невеселых своих воспоминаний. Сколько же времени она так просидела? Почти час. И ни одного сигнала с вертолета.

— Сегура, Эболи, вы меня слышите? Отвечайте!

Ничего из решетчатой плошки фона, даже характерного треска. Варвара вскочила и помчалась в рубку.

— Вафель, проверь связь! Трюфель, что за бортом?

— Предположительно перепончатокрылые. Несколько сотен.

— Вафель, почему не отвечает вертолет?

— Связи нет. Корабельная аппаратура работает нормально.

Нормально! У-у, дубина. И ведь вечерест, а если учесть их близость к экватору, где ночь и день почти равны, то предстоит больше сорока часов темноты...

— Вы, оба, делайте что угодно, но чтобы связь была!

Скочи взметнулись на дыбы, но в тот же миг с лацкана донесся приглушенный, но вполне узнаваемый голос Оленицына:

— ...меним винт, а пока Петрушка произведет анализ этих обрубков...

— Кирилл! Кирилл, вы меня слышите? — закричала Варвара. — Почему вы так долго молчали?

— Мы молчали? — изумился голос, идущий снизу. Варвара сдернула фоноклипс с куртки и, держа его в обеих ладонях, поднесла к самым губам.

— Я не слышала вас почти... около часа. Уже скочей вздернула по тревоге.

— Но Евгений Иланович говорил с вами и про сигнал рассказал, слабый такой сигнальчик, но определенно металл. Наш инфрак дает очень неопределенный контур, что-то вроде ноги, притом значительно выше уровня земли. Мы хотели высадиться, но сплошная чаща, здоровенные такие баобабы... Вы еще на это ответили, что, мол, проклятье и не везет... Я сам слышал...

— Это я, наверное, пробормотала вслух, — растерянно проговорила Варвара, — но к вам это не относилось. Так, вспоминала. Но вы меня услышали, а я вас нет. Мне это не нравится.

— Ох, как много и мне здесь не нравится! — отозвался Кирилл.

— Да, а что там у вас с винтом?

— Мы хотели спуститься по лесенке — ну, там, где какой-то металл — и не успели зависнуть, как с вершины дерева на нас напали зеленые змеи. Судя по всему, все-таки растения вроде лиан. Петрушка сейчас с экспресс-анализатором возится. Одна особь попала в винт, прочность невероятная, вот и покалечили малость. Не ждали, потому что... — он слегка задыхался. Отчего бы?

— Если такие лианы, то здесь, по-видимому, просто царство рукокрылых, иначе кого бы им ловить? На горизонте все время кто-то мелькает, но далеко — распугали мы всю живность.

— Есть малость, — согласился Оленицын. — Ну, меня

уже кличут, сейчас пойдем на прежнее место, установим вертикальный коридор силовой защиты и снова попытаемся спуститься.

— Вы где сейчас?

— Самая восточная точка скального кольца, окаймляющего Долину лабиринта.

— Уже назвали? — усмехнулась Варвара.

— Дело привычное. А лабиринт под всей этой чащобой самый форменный, о естественном происхождении и заикаться нечего. Ну, прилетим — карта будет уже готова.

— Вы на связь-то выходите хотя бы раз в полчаса!..

— Что-то голос у вас больно жалобный, Варенька, плохо вас там скочи развлекают. Вот вернемся, тогда я сам... И этот туда же.

— Кирюша, вас там звали. До связи.

Фон умолк, она прицепила плошечку обратно на лацкан и обернулась к скочам:

— Слыхали? Вы меня плохо развлекаете. А еще раз упустите связь, и вообще пошлю на слом.

И показала им кончик языка. Почтение и даже некоторая робость перед этими вершинами достижений кибернетики и роботехники Большой Земли у нее вдруг разом улетучились. И вообще, теперь понятно, почему некоторые звездолеты имеют у себя в команде официально узаконенных собак, мышей, мангуст и даже филиппинских бу-утов, самых красивых зверьков на свете.

— Между прочим, — сказала она, глядя не без высокомерия поверх рецепторных бурдюков обоих скочей, — пора мне познакомиться и со здешней фауной. Трюфель, включи метроном, чтобы я контролировала связь с рубкой. Вафель, за мной.

Она вышла в тамбурную, с сомнением поглядела на легкий скафандр, приготовленный кем-то, не то Гюргом, не то Сусаниным, для нее — светло-золотой. Надеть? И «плавать» в надвигающихся сумерках, в траве, медленно обретающей тон и бархатистость колодезного мха, точно желтый лист осенний.

— Точно желтый лист осенний... — повторила она нараспев.

— Точно желтая кувшинка, — низким, завораживающим голосом подхватил скоч.

Варвара уставилась на него, как на чудо морское:

— Это ты сам придумал или Лонгфелло знаешь?

— Знаю, — уже своим обычным, и не мужским, и не

женским, но удивительно противным голосом отчеканил скоч. — Запрограммированы.

— Ну тогда пошли. Посидим на нижней ступенечке.

Для нижней ступеньки скафандра можно было и не надевать. Вот перчатки взять стоит, мало ли что захочется руками потрогать. Пока она вытаскивала тонкие синтериклоновые перчатки, Вафель, нагруженный микрогенератором силового поля, щелкнул клешней по клавише выходного заграждения и мордой вниз нырнул в люк. Варвара проследила, как он съезжает по металлическим рейкам, точно пингвин по ледяной горке, и усмехнулась. Сама же аккуратно развернулась и полезла вниз неторопливо, цепко хватаясь за перекладинки пружинящей лестницы. Если бы на нее смотрели, она, разумеется, вела бы себя не так осторожно, но сейчас чем черт не шутит, еще свалишься и ногу подвернешь, потом с тобой возиться будут и ничего вслух не скажут, но все-таки...

Вафель ждал у нижней ступеньки и галантно подал манипулятор. Варвара изумилась, но промолчала — на такос и Пегас был не способен. Она спрыгнула на траву и вдруг отчетливо поняла Петрушку, стоявшего на голове. Действительно, так и подмывало встать на голову, сделать сальто, а еще лучше — попрыгать бы на батуте! До чего ж легко... Хотя и зябко.

— А ну-ка, отыди, — неожиданно для себя велела она скочу и, почти не разбежавшись, сделала пару приличных курбетов.

Скоч рванулся за ней, но продолжал держать строгую дистанцию в один метр. Хорошо бы сейчас встать на руки и в таком естественном виде вернуться к подножию лесенки, но перчатки мешают — скользят. Девушка вскинула руки, поднялась как можно выше на цыпочки и вот так, вытянувшись тоненькой чуткой стрелочкой, втянула в себя вечерний воздух, пахнувший инеем, мятой и мокрой металлической посудой. Вот теперь она была на Чартаруме.

На Чартаруме, которая грозила бедой. Этот запах тоже присутствовал в воздухе.

— Давай-ка глядеть в оба, — сказала она Вафелю и медленно повернулась вокруг себя, озирая окрестности.

Но прежде чем рассмотреть повнимательнее этот неприветливый, лиловато-вечерний мир, она услышала наконец его звуки. Он был вполне обитаем, и ее слух, обостренный тихими, но четкими клевками метронома, уловил шуршание и цвирканье в остывающей траве, а потом трассирующий стрекот не то жука, не то саранчи, и гулкий глупый

удар в броню корабля. Долина жила нормальным предзакатным копошением насекомых, для которых и звездолет, и человек были одинаково велики, чтобы их заметить. Распуганные же птицы, а быть может, и звери прятались где-то в укрытых зеленью террасах, превращавших долину в двусторонний амфитеатр. Впереди, как два крыла черного лебедя, взметнулись скалы Фермопил (вот так сами собой возникают и узакониваются названия), и скальная свалка между ними казалась сейчас нераздельным антрацитовым массивом.

А прямо напротив, еще не тронутые чернотой, но уже оттененные сиреневым и карминным, уходили ввысь ступенчатые горы, поначалу чем-то поросшие, потом удручающе голые, а дальше и до самого горизонта — а если не видеть этого сверху, то можно предположить, что и до самого края света — снежно-белые. Облака вихрились в вышине, нацеливаясь пасть на притягательную сахаристость ледников, как только скроется солнце; но пока между ними и незатупленными остриями горных вершин было видно смягченное пепельностью розоватое небо.

Дали небесные, и зачем же занесло сюда таких громоздких и неуклюжих, как мы! Таких совершенных, неуязвимых, бронированно-скафандровых — в этот мир, который и дик, и чуден.

— Связь, — предупредил Вафель, хотя никто его об этом не просил, и помешал мысли о том, что этот мир был бы почти идеален, если бы поблизости было море.

И тотчас же из клипса донесся голос Сусанина:

— Ау, Варвара!

— Здесь! — поспешно откликнулась она и тут же рассердилась на себя, что голос прозвучал как-то испуганно.

Ну да, она вылезла из корабля, но ведь этого ей не запрещалось, и скоч с генератором рядом, и она даже не вышла за пределы тени, отбрасываемой «Дунканом». А в конце концов, если что и не так, то каким образом ее можно будет наказать — отправить обратно на Степаниду? Но Сусанин был слишком занят общими бедами, чтобы обратить внимание на оттенки ее интонаций.

— Значит, так: мы лезем под одеяло, то есть под всю эту зеленую толщу. Думаю, что увидим что-нибудь впечатляющее. Жалко только — темнеет. Мы тут рядом с интересующим нас баобабом обнаружили каменный куб двадцать на двадцать, смахнем с него пыль и зелень и сядем нормальненько, так что ты за нас не волнуйся. С него будем спускаться по силовому коридору, тоже абсолютная

безопасность. Спустимся — доложим. Ты там еще не перетрусила, если честно?

— Не успела. Обедала.

— Варвара, не буди во мне зверя!

— Хорошо тому, в ком спит сухопутный зверь...

— Да, о воде: западнее нас, внизу и километрах в шести, либо очень широкая река, либо фьорд. Наша долина ниже твоей метров на сто пятьдесят, так вот что удивительно: с нашей стороны от самых утесов, Фермопил то есть, спускается настоящая катальная горка — так и тянет плюхнуться на задницу, как в детстве. И что удивительно — накатана до блеска.

— Там что, какой-нибудь выход?

— Явного ничего не просматривается, да и ущелье ведь завалено до полной непроходимости, но может — щель...

— А поверху?

— Вот уж исключено! Видали мы эти ужасы с вертолета. Ну, нам пора.

Варвара хотела сказать что-нибудь традиционное, но не успела — из плошечки снова закапали тугие ртутные дробинки метрономного сигнала. Она тихо вернулась к трапу и медленно поднялась на три ступеньки. Справа от Фермопил солнце, совсем бледненькое и полиловевшее, как накануне ветреного дня, уже коснулось подбородком края ступенчатого амфитеатра. Слева высунулась и стала быстро набирать высоту первая луна, и девушка вспомнила, что на подлете к Чартаруме они насчитали шесть абсолютно безжизненных спутников, достаточно крупных, чтобы ярко светить в ночи.

— Что будем делать? — негромко проговорила Варвара, привыкшая общаться со своими роботами. — Возвращаться на «Дункан» скучно, гулять в полной темноте будет неуютно. Сходим-ка в гости! Трюфель!

— Слушаю.

— Поставь защитный коридор между кораблями. Напряжение поля минимальное, но если что — усилишь.

Трюфель, как это водится у скочей, о готовности выполнить приказ не доложил, но через десять секунд на потемневшей, почти черной траве пролегла объемная белесая прямая, словно протянулся ватный шнур; из него молочными фонтанчиками выплеснулась струящаяся масса, образовавшая очень зыбкую на вид стеночку, которая, поднявшись метра на два, плавно закруглилась вправо и, упав снова на траву, выстроила полупрозрачный тоннель, упирающийся в спущенный трап соседнего звездолета.

— Собственно, ты можешь остаться, там ведь мне ничего не угрожает, — сказала Варвара и двинулась по тоннелю.

Сзади послышалось характерное лязганье — скоч, строго выдерживая дистанцию в один метр, семенил следом.

— Раз уж увязался, то хоть фонарик зажги,— приказала ему Варвара.

В защитном коридоре было почти темно, только слабыми пятнышками просвечивали луна и солнышко. Сзади вспыхнул фонарь, и девушка пошла быстрее, ступая по собственной тени. В какой-то момент ей показалось, что вон там, за черным овалом выхода, начнется вечерняя улица Пресептории, по которой недалеко уже и до Майского Луга, а там и полоска прибрежного сада, и пляж, и лиловый яшмовый монолит под скалой... Она встряхнулась и почти бегом выскочила из тоннеля. Трап как трап. Люк как люк, тоже забран сетчатой защитой, и такая же послушная клавиша справа, чтобы набрать шифр входа, не меняющийся десятилетиями, — незачем. Он ведь от зверей. Она влезла в тамбурную, щелкнула тумблером люминаторов, и потолки на кораблике разом засветились. На полу центральной площадки по-лягушачьи расположились три киба. Они все видели, все слышали, а толку от них, как от любого подъемно-транспортного механизма. Перешагнув через одного из них, Варвара направилась прямо в рубку. Сейчас она уже могла признаться себе, что сюда ее погнало не простое любопытство, а смутная догадка. Сейчас проверим.

Она включила корабельный МИМ — малый интегральный мозг, и задала ему предельно простую задачку: воспроизвести звуковой сигнал, принятый от одного из членов экипажа и ретранслированный затем в виде пакета SOS. Щелкнуло, шваркнуло, прошуршало на бешеной скорости, и внезапно на полуслове зазвучал прерывистый, задыхающийся голос. Он был абсолютно незнаком и в то же время ужасно напоминал кого-то своей мягкой, словно искусственно занижен.ной хрипотцой. Варвара прослушала раз, ткнула кнопочку повтора и прогнала еще и еще. Задумалась. На пульте уже лежала едва заметная пленочка пыли и несколько трогательных ирисок. Незнакомый ей Иван Вуд, любитель сладкого и обладатель рокочущего баса, задал-таки задачку...

Она наклонилась над плошкой фона, согревая ее дыханием:

— Сусанин, Сусанин, вызывает Норега...

— Что? — выскочил короткий чмокающий звук. — Только собирался...

— Евгений, ты прослушал...

— Давай быстро, Варька, что у тебя?

— Я на корабле разведчиков. Вуда было очень плохо слышно. Поэтому киб, отправивший фонограмму, одно слово не разобрал и подставил самое близкое по звучанию из всех, ему известных. Я слушала неоднократно, и это слово — не «капибары».

— А что?

— Не разобрать. А догадываться я боюсь...

— Понятно. Пять минут назад я бы тебя попросту обругал за панику. Но сейчас... Мы только что нашли сапог.

— Кого?

— Не кого, а сапог. С правой ноги. Висит на дереве, на высоте три метра сорок сантиметров. И не заброшен, а подвешен, и затяжной шнур завязан на два узла. На заклепке второй номер.

Варвара невольно вскинула глаза на стену, где на привычном месте, справа от пульта, в алой рамочке висел список экипажа корабля. Пилоты и пассажиры в галактическом поиске, как правило, владели таким количеством профессий, что свободно заменяли друг друга. У Гюрга, впрочем, тоже имелся диплом пилота.

Под вторым номером в красной рамочке значилось: Фюстель Монкорбье, штурман, вакуум-механик, ксенофизик.

— А ты не допускаешь, что он сам прятался на этом дереве и зачем-то подвесил ботинок? — спросила Варвара.

— Кто, Монк? Исключено. По этой ветке мог бы забраться только ребенок. И потом...

— Ты что, Сусанин, боишься меня напугать?

— Тебя напугаешь... У меня впечатление, что это... вроде нашего Майского Дуба. На него всякое вешают.

Варвара вспомнила ленточки, крышки от консервных банок и живого ленивца — игрушечную дань памяти о язычестве предков, таком привлекательном с расстояния в доброе тысячелетие.

— Ритуальное дерево, — подсказала она.

— Вот-вот. И под ним — обглоданные кости. Тоже ритуальные.

— Сусанин! — ахнула она.

— Так я и знал, уже и обморок. Да не человечьи!..

— Евгений, миленький, ну что тебе стоит — прикажи скочу прибрать их в какой-нибудь контейнер! Ну хочешь, я тебя поцелую? За одну косточку?

— Варвара, ты серьезно?

— Конечно, нет. Но ты понимаешь значение...

В фоноклипсе что-то злобно крякнуло, словно переломилось.

— Варвара, под этот каменный куб уходит лаз... Если не тоннель. Широченный. И следы, только чьи — не разобрать. Мы уходим вниз. Наверху остается Гриша, держи связь с ним.

— Хорошенькое дело, если внизу — ловушка!

— Ты еще тут будешь встревать! — резко оборвал ее Сусанин. — Идем впятером и один скоч. Точка. А то все раскомандовались...

Ага, вот где они сцепились с Гюргом! Но Сусанин — начальник спасательной группы, его голос решающий.

— Жень, ты хоть дай ориентировочное направление, куда эта нора ведет.

— Само собой. Все.

Тик, тик, тик... Она бесшумно, словно могла кого-то спугнуть, вышла из чужой рубки, еще раз перешагнула через бесполезного киба и замерла, стоя на верхней ступеньке лестницы. Совсем недавно — и тоже на закате — она вот так же стояла, не решаясь ступить на почву первой незнакомой планеты. И была чертовски занята собой: так ли поздоровалась, и что подумали, и как посмели до плеча дотронуться, и куда бы ей провалиться...

Теперь перед ней была незнакомая планета номер два, и не просто почва, а поверхность, скрывающая подземные ходы, горбатые пещеры, ледяные и мутные ручьи... И туда ушли ее ребята. Пятеро. На поверхности, если что случится, только они с Гришей Эболи. Если снизу придет призыв о помощи или, что гораздо хуже, все затихнет и долго-долго не будет доноситься ни единой всточки — Грише придется слетать за ней, и тогда пойдут они с оставшимися скочами.

Так что ей, возможно, придется сунуться в совершеннейшую неизвестность, а она, вместо того чтобы приготовиться к этому, раскинула тут себе персональные тоннели, словно боится по травке пройти...

— Трюфель, убрать защиту между кораблями!

Только теперь, когда ровный снежный вал, соединяющий два звездолета, мгновенно превратился в кисель и растаял, словно впитавшись в землю, стало видно, насколько же здешняя луна светозарнее земной. Солнце, уже скрывшееся за правой грядой, еще освещало снежные горы и подсвечивало чудовищные скалы Фермопил, придавая им зло-

вещий темно-лиловый отблеск, а вся долина уже светилась ровным серебристым сиянием, и только на том месте, где пролегал тоннель, осталась темная, точно влажная, дорожка примятой травы.

— Двинулись, — сказала Варвара и пошла по этой дорожке.

Там, где трава была не вдавлена в землю утюгом силового поля, она топорщилась и поблескивала, словно была вырезана из тончайших полосок белой жести, и даже, казалось, звенела — а может, это подымалась на промысел вечерняя мошкара. Все усиливающийся фиалковый запах мешался с неистребимым металлическим, и это странно сочеталось с сухостью долины — наверное, надо было ожидать ночного тумана. Девушка прибавила шаг.

Внезапно метроном, щелкающий из фоноклипса, умолк.

— Внимание, — раздался голос Трюфеля, на этот раз звучавший скорее как женский, а такое изменение значило, что скоча обуревают отрицательные эмоции. — На нижней террасе большого экваториального хребта появилась стая крупных, предположительно копытных, животных. Направляются в долину. Ориентировочное расстояние четыре целых четыре десятых километра.

Варвара остановилась и обернулась к снежным горам. Вершины еще розовели, но подножие совершенно не просматривалось, — видно, Трюфель пользовался инфракрасной аппаратурой. Ну что ж, как раз добраться до «Дункана», выпить чашечку кофе, поговорить с Гришей и тогда готовиться к первому контакту с чартарумской фауной. А света хватит — луна забирается все выше, и у здешней травушки-муравушки феноменальные отражательные способности... И правда, в долине сделалось светлее и свет этот был ровен, без прежних игольчатых бликов; дорожка размывалась, но это было не страшно — «Дункан» высился чужеродной нездешней громадой, и до него оставалось всего половина пути. Вот только запах стал насыщенным до омерзения. Не зацвела ли травка?

Цветов видно не было, но стали неразличимыми и отдельные травинки: они были утоплены молочным туманом, который стремительно растекался от черного ущелья.

— Ишь ты, — сказала Варвара, — а если нас скроет с макушкой, найдешь дорогу домой?

— Найду. — Вафель, как всегда, был лаконичен.

— Ну и ладно. В случае чего пойдешь первым, а я буду держать тебя за хвост.

Хвостов у скочей не было, но Вафель правильно понял,

что в качестве такового может быть использован запасной опорный манипулятор, а поняв, промолчал.

Туман подымался, густел, хотя казалось, что дальше некуда, был уже выше колен и приводил в изумление тем, что совершенно не мешал движению. Напротив, стало легче, и мелькнула шальная мысль: вот станет по грудь — поплыву...

— Расстояние до стаи три с половиной километра, — прорезался Трюфель.

А, ерунда — три с половиной километра! До корабля рукой подать. Вот только захлюпало под ногами, и это противно, но при такой влажности иначе и быть не могло: идет стремительная конденсация, и накопившаяся вода сразу же утекает — вон как тянет ботинки, словно по ручью идешь, вот и у Монкорбье ботинок сорвало, ничего удивительного (неправда, экспедиционный ботинок, пока он не расшнурован, не стянешь и лебедкой...), и то-то было бы смешно, если бы на здешнем Майском Баобабе красовалась вот такая золушкина туфелька, — ой, да она еще и светится (наведенная люминесценция, осторожно, наведенная люминесценция...), и ничего удивительного, ведь светится этот белый кисель, и не белый он, а перламутровый, и проступает какой-то узор (ячеистые структуры типа эффекта Бернара...) шестигранный, а вон там змейка закруглилась голубая на желтовато-медовом фоне, ну прямо Жучка со своим хвостом, и еще, и дальше целых три — красота-то какая! Ногам только холодно, и тянет, тянет (глубина не меньше полуметра, скорость течения метров шесть-семь в секунду — как это я еще держусь на ногах?..), а то бы так и села и смотрела всю ночь и на эти громадные белые кувшинки, что распускаются на глазах и тут же обрастают тысячью лепестков, и на тонкие колоннады, просвечивающие в толще тумана...

— Расстояние до головного животного — две тысячи метров. Стая насчитывает двадцать семь особей.

...и особи со мной вместе полюбуются, подогнут коленки, сядут на плоские задницы и поднимут добрые морды к луне, как скоч мой миленький, — ты не утонул там, Вафель (роботы стратегической разведки приспособлены для передвижения под водой...), ау, не слышу ответа, утопленничек (я не говорю вслух, а мысленную информацию скоч не принимает...)

— Прошу разрешения поставить индивидуальную силовую защиту. В воде могут находиться мелкие животные, смытые со склона.

Утеньки, трусишка ты кибернетический! Тебе бы только заткнуть мне уши и заслонить глаза, чтобы не видела я всей этой красоты, — и золотого купола, что медленно-медленно подымается из перламутровых глубин, как зачарованный остров (используются все частоты видимого спектра, следовательно, можно опасаться сильного ультрафиолетового излучения...), и звенящие лимонные шары, скатывающиеся с этих пизанских башен, чтобы у их подножия раскрыться огромной королевской лилией, — и чтобы всего этого не увидеть за колпаком защиты?

— Ни-ка-ких фокусов, дражайший мой телохранитель, и не бодай меня под коленки, я уже дошла до трапа, только — тс-с-с... На «Дункан» полезешь ты, а я останусь. Я так долго ждала воды, моей воды, а теперь ее вдоволь... Ты слышал команду? Топай наверх, многоноженький ты мой, топай и сушись!

— До головного животного тысяча двести метров.

Ах, да какое это имеет значение, разве они смогут плавать так, как она, — неповоротливые клячи в мелкой воде! Ну, наконец-то набрать полные горсти — а вода холодна и кипуча, как ледяной нарзан, — и ткнуться в эту воду лицом...

Колючие пузырьки обожгли щеки, и разом пришло отрезвление. Полотнище тумана — экран фантастического проектора. Но не это важно. Черные точки, приближающиеся со стороны гор...

— До головного животного восемьсот метров.

И не это!

«Да ты что, Варвара, оглохла?» — шепнул голос Суханина.

Она подпрыгнула сразу на три ступеньки и выгнулась, придерживаясь одной рукой за поручень, а другой прикрываясь от слепящего серебряного света, — что-то доносилось оттуда, от чернеющей в лунной ночи бесформенной громады каменного завала, по которому пробегали пугливые эльмовы огни. Да что же, что там? Крик? Боль?

— До головного животного...

— Тихо! Не мешай!

Плеск и рычание двух ручьев, справа и слева, вода уходит, обмыв вечернюю долину, вершины хребта вот-вот совсем угаснут, и вместе с их факельным свечением торопливо выключаются все эти световые эффекты, как театральные прожекторы после окончания спектакля, и только на самых верхушках башен-минаретов, подчеркивая их невероятную высоту, остается по слабенькому огоньку.

И все травинки снова вытянулись в струнку, словно приемные антенны. И легкость такая, что можно пробежать на цыпочках, едва наступая на острия этих травинок. И чуткость. Былая, едва не потерянная навсегда чуткость. Ведьминская.

Только как это при всей обострившейся чуткости она забыла, что снова нет связи с вертолетом?

— Трюфель, вызови вертолет!

— Нет связи.

Три тучи разом: слева и справа огромные стаи крыланов, а прямо, как раз между башнями Фермопил, грозовая, чья чернота сделала бы ее невидимой в ночи, если бы не судорожные прочерки коротких молний.

— Эболи... Эболи... Отвечайте, Эболи... Гриша, где вы, Гриша, отвечайте, отвечайте, черт бы побрал нашу коротковолновую связь, Гриша... Гриша... Отвечайте, Гриша...

— ...рега! Почему не слышу? Варвара Норега!

— Гриша! Не так официально.

— Это я со страху, что вы пропали. Что у вас?

— Световые эффекты и микронаводнение. Уже кончилось.

— Вы-то где? Сусанин мне голову оторвет!

— Ну конечно. Вы его больше слушайте. Если бы он за меня волновался, то не бросил бы одну. Так что я сижу на верхней ступенечке, подобрав ноги, чтобы никто за пятку не цапнул.

— А что, есть претенденты?

— И сверху, и снизу. Сверху тьма громадных крыланов, буду надеяться, что не вампиры...

— Варенька, поосторожнее — а вдруг?..

— Вдруг не может быть, такому количеству кровопийц было бы нечем здесь питаться.

— И все-таки. А снизу?

— Мчится какое-то стадо копытных, по-моему, просто играючи. Вечерний гон. Что от Сусанина?

— Они двигаются от меня на северо-восток с небольшим уклоном вниз. Сеть разветвленных пещер, похоже, что естественные полости вроде цепочки пузырей. Эх, геолога с нами нет, ведь на Большой Земле никто аналогичных структур не припоминает.

— Размеры?..

— Первая — высотой до пяти метров, дальше все ниже и ниже.

— Ладно с этим, а как со следами?

— Да никаких следов. В первой пещере определенно

стойбище, и покинутое совсем недавно, потому как, извините, помет...

— Чей, чей помет? Там же биосектор чуть ли не в полном составе!

Варвара чуть не плакала.

— Скот какой-то. Довольно крупный. Может, это и есть капибары. Но вглубь они уйти не могли, там проходы узенькие.

— Но люди были с ними? Не аборигены, а наши, пропавшие?

— А вот этого никто сказать не может. Там везде подземные ручьи, да еще с переменной мощностью. Хорошо, что скоч обратную дорогу запоминает, а то никакая ниточка, как у критской Ариадны, не помогла бы.

— Значит, еще один лабиринт... Сколько они могли по нему пройти?

Тик, тик, тик...

— Гриша! Отвечайте...

Метроном, чтоб его унесло в черную дыру! А главное, она не сказала то основное, о чем не имела права промолчать, — о ближнем сигнале тревоги, который она приняла. Эта боль, помноженная на отчаяние, и сейчас копилась где-то неподалеку, заставляя до рези в глазах вглядываться в громаду спящих Фермопил с крутыми рогами башен, обволакиваемых грозовой тучей.

— Вафель, — проговорила она почему-то шепотом, — ты с четырех рук стреляешь?

— Да.

— Тогда мне портативный десинтор и хлопушку с парализирующими капсулами, быстро; себе — по паре этого добра.

Над головой лязгнуло и застрекотало, словно по консервной банке помчалась металлическая многоножка. Варвара вдруг почувствовала, что рука ее, сжимавшая титанированный поручень, совершенно заледенела. Под ногами рябила залитая лунным светом вода — о том, что наводнение уже кончилось, было сказано ради душевного спокойствия Гриши и всех тех, кому он сейчас пересказывает их разговор. Но лунного серебра хватало только до той черты, где начиналось нагромождение черных скал. Если бы посмотреть на эту картину в снимке, можно было бы предположить, что между двумя слегка наклоненными друг к другу карандашами насыпали две горсти кристаллов самой различной формы. Беда была только в том, что «карандаши» раза в два превосходили Эйфелеву башню, а «кристаллы» — самый крупный грузовик с прицепом. И даже не в этом...

Беда заключалась в том, что именно оттуда исходили волны тревоги.

Над головой снова застрекотало; Вафель, свесившись вниз головой, подал девушке оружие. Десинтор — на крайний случай, он пока отдохнет за поясом, вот так, стволом вниз, а ракетница может пригодиться раньше; стадо уже близко, отчетливо видны массивные, как у буйволов, тела и небольшие головы, увенчанные вскинутым кверху рогом. Так сказать, легкая носорожья кавалерия. Их счастье, что на Чартаруме уменьшенная сила тяжести, иначе вряд ли им удавалось бы передвигаться таким вот частым скоком. Да еще и по воде. Да еще и так, словно их кто-то позвал. Жаль, чертовски жаль, что это всего-навсего носороги, твари нелюбезные и, мягко говоря, не вполне приучаемые. Вот и звуки доносятся почти отчетливо — тревожное похрапывающее хрюканье, покрываемое водопадным гулом, создаваемым целой сотней копыт.

И сквозь весь этот пока еще отдаленный, но заполняющий от одного края до другого узкую долину гул, как ледяная спица пролетел крик. Варвара даже не была уверена, что слышала его, — может быть, это снова был беззвучный сигнал тревоги, повисший на мгновение в лунном свете, как бесконечно вытянувшееся начальное тире из сигнала SOS; но ей достаточно было того, что она приняла его всем своим существом, и в следующий миг она уже прыгала, не раздумывая, прямо в воду и летела туда, к черному завалу, и следом, катастрофически отставая, хлюпал по воде скоч, и она успела бросить ему через плечо непонятное для самой себя:

— Без команды не стреляй!

Хотя на кой ляд он вообще, как не на то, чтобы стрелять без всякой команды в тот момент, когда вообще не успеваешь или не можешь что-либо скомандовать?.. Но сейчас было не до того, чтобы разбираться с Вафелем, потому что ощущение полета длилось всего несколько секунд, а потом она поняла, что бежит катастрофически медленно, вода все-таки выше колен, и если б хоть по пояс, можно было бы передвигаться вплавь, вон какое сильное течение, чем дальше, тем сильнее, и так и тянет вправо, и там слышится глухое, характерное журчание, как будто вода уходит в подземный сток, — а действительно, куда бы иначе ей деваться, впереди ведь каменная баррикада; но журчание заглушается храпом и топотом сзади, вот уж кому вода почти не мешает; Варвара оглядывается и видит, что табун гораздо ближе, чем она опасалась, и впереди вожак с победно задранным к самой луне рогом...

И то ли это были шалости лунного света, то ли животное поматывало на бегу головой, но Варваре в последний миг показалось, что этот рог мягко покачивается, как резиновый.

А в следующую секунду она вскинула руку с ракетницей, раздался оглушительный хлопок, и вожак взвился на дыбы, не столько напуганный уколом капсулы, впившейся ему в грудь, сколько ошеломленный огненной завесой, полыхнувшей прямо перед его мордой. На Большой Земле одной такой ракетой можно было остановить стадо бизонов — искрящаяся, шипящая туча вытягивалась непреодолимым барьером на добрую сотню метров. Поэтому Варвара, опасаясь только двигавшегося уже по инерции вожака, изо всех сил рванулась в сторону, чтобы не попасть ему под копыта, но в последний момент споткнулась и, падая, постаралась распластаться, чтобы вода скрыла ее всю, — мало ли что придет на ум громадному животному, насмерть перепуганному искрящимся огнем и первыми признаками действия парализатора. А вдруг не подействует? Этот страх мелькнул у Варвары как раз тогда, когда она погружалась с головой. Действительно, ведь препарат рассчитан на земных или, на худой конец, на геоморфных тварей...

Но он подействовал. Совсем близко от себя она услышала грохот, словно с вышки в бассейн обрушился шкаф, а затем, но уже тише, прогрохотало слева, справа, опять слева... Неужели Вафель принялся палить без разрешения?

А главное — почему она сама не отдала ему этой команды?

Она вскочила во весь рост. Сзади, всего в пяти-шести шагах, всхрапывая и совсем по-дельфиньи посвистывая, приподымалась и снова валилась в воду громадная туша, кажущаяся совершенно черной на фоне уже опадающей огненной завесы, через которую, почти не проявляя природного страха, проскакивали все новые и новые четвероногие. Теперь она боялась даже про себя назвать их, но развернувшись за уже проскакавшим табуном и как-то безотчетно подивившись плавности движений этих существ, она побежала следом по быстро мелевшей воде, и широкие крупы с куцыми хвостами, испещренные жирафьим крапом, мерно вскидывались в почти дневном лунном свете. Она бежала из последних сил, проклиная отяжелевшую мокрую одежду и изо всех сил стараясь не потерять направления на больше так и не повторившийся крик, и уже ничему на свете не удивлялась.

А удивляться бы стоило — хотя бы тому, что весь этот

табун мчался точно в том же направлении, как будто вызванный из сказки человеческим призывом о помощи.

У самых камней они сгрудились, топчась на месте и наклонясь над чем-то, и Варвара, подбежав, остановилась, в отчаянье не зная, как быть дальше; о том, чтобы стрелять, не могло быть и речи: перепуганные животные легко могли затоптать того, над кем они так трогательно стали в кружок. К тому же и попасть в него недолго. А эти... как их... микрожирафы единорогие, они, похоже, и вправду силятся помочь, пофыркивают, что-то поддевают головами... И словно в доказательство ее догадки один из этих крапчатых вдруг плюхнулся на зад, как собака, потом осторожно протянул вперед морду и передние ноги, и что там было дальше, разобрать стало невозможно, сплошная фыркающая каша; но когда залегшее животное поднялось, Варвара увидела, что поперек его спины, бессильно свесившись, лежит полуголый человек.

Она ничего не успела сообразить, как ее ласково взяли под коленку, как-то не то подбросили, не то легонечко дернули вверх, и она, увидев рядом предупредительно подставленную спину, скорее рефлекторным, чем обдуманным движением оперлась на подставленную руку и мгновенно оказалась верхом. Она растерянно глянула вниз, недоумевая, чья же это была рука, — живая, гибкая, вовсе не манипулятор скоча — и вдруг увидела, что это вовсе не рука. Это был хобот.

Животное обернуло к ней морду с влажным косящим глазом, задрало здоровенный — не меньше метра — хобот и победно рассыпчато хрюкнуло, словно хрипло рассмеялось. Похоже было, что именно оно утверждало себя в роли нового вожака. Не надумает ли предводитель табуна пуститься в галоп? Она сжала его бока коленями, потянулась, одной рукой держась за гриву, а другой ухватила лежащего человека за брючный ремень — для страховки.

— Но, милые! — сказала она, и милые дружно шагнули в ногу, словно всю жизнь ходили вот так, парой и с людьми на хребте.

— Вафель, не высовывайся! — крикнула она на всякий случай скочу, который предусмотрительно себя не обнаруживал.

Вафель, умница, не ответил. Да и не до него было — этих мерно шагающих одров требовалось как-то подогнать к самому космолету, сгрузить тело, поднять по трапу... «Трюфель, — шепнула она в микрофон, продолжая правой рукой придерживать бесчувственное тело, — Трюфель,

нужна связь с вертолетом... Позарез. Дай-ка общий SOS, и пусть фон соседнего корабля ретранслирует».

Метроном продолжал уныло тюкать — связи не было. За спиной что-то отдаленно зажужжало, Варвара с надеждой оглянулась: от верхушки одной из башен отделился голубой мерцающий шар, описал дугу и, влившись в черноту второй башни, исчез. Туча была уже над ними, и казалось, что острия этих минаретов вот-вот прорежут ее провисшее брюхо и оттуда хлынут струи воды, как тогда, на Степухе.

— Давайте, слоники, давайте... — бормотала она, тихонечко пробуя бока своего иноходца.

И опять он, словно поняв, припустил, шлепая по совсем уже мелкой воде. Второй не отставал. Теперь — попробовать свернуть к кораблю... И это пошло. Послушный слоник, просто заглядение, только вот ушки торчком и грива, как у яка, и уж совсем хорошо будет, если ты сейчас остановишься возле трапа... Да тпру, тебе говорят!

До корабля оставалось метров тридцать. Спрыгнуть с широкой спины — пара пустяков и до трапа добежать не проблема, а вот как быть с тем, вторым?..

— Да стой ты, горе мое! — «Горе» шествовало как ни в чем ни бывало. — «Сивка-бурка, вещая каурка, стань передо мной, как лист перед травой!»

Словно ободренный звуками человеческой речи, «сивка» прибавил шаг. Варвара стиснула зубы. Глаза ему закрыть, что ли? Попытаться вздернуть на дыбы? А если и второй взовьется, человек же упадет прямо под копыта... «Стой ты, дубина!» — послала она мысленный приказ.

Нет, телепатических сигналов они не принимали. Она изо всех сил сжала коленями крутую шею животного, но слоник только мотнул головой и небольно шлепнул ее хоботом по коленке: не балуй, мол. Плохо дело. Она вышибла из ракетницы обойму, торопливо выдернула из нее капсулу и, опершись на спину соседнего животного, перемахнула ему на круп, позади лежащего человека. От неожиданной тяжести «сивка-бурка», как и полагалось мифическому буцефалу, только присел на задние ноги, но скорости не сбавил. Силен, красавец! Ну, извини...

Она размахнулась и сильно ударила зажатой в кулаке ампулой в шею животному, одновременно хлопнув ладонью по противоположной стороне, чтобы отвлечь от ощущения укола. Получилось неловко, ампула ушла только наполовину, треснула и оцарапала ладонь. Хорошо, что это не стекло, а быстрорастворимый пластик, который сейчас всосется в кровь, а скорость воздействия уже проверена на во-

жаке... Ага, действует. С легкой иноходи он перешел на шаг, и задние ноги уже отстают, едва переступая, передние еще семенят, а задние волочатся, подгибаются, и девушка соскальзывает вниз, на нее рушится безвольное и такое тяжелое полуголое тело, до ужаса холодное, и его не поднять, и у самой колени подгибаются: царапина на ладони, парализатор проник в кровь, самая капелька, но ее хватило, до трапа не дотянуть, хотя до него каких-то полтора шага, сейчас набежит весь табун...

Два громадных жука-рогача ухватывают ее холодными клешнями, больно и неловко, тянут куда-то вверх; но она из последних сил вцепляется мертвой хваткой в лежащего рядом с ней человека, — если бы губы слушались ее, она бы крикнула: «Сначала его!» Но губы одеревенели, проклятая ампула, и сплошной туман в голове, да и зачем кричать, — жуки-рогачи человеческого языка не поймут, впрочем, ничего человеческого здесь нет, только жуки, они тянут две сосновые иголки, гибкие душистые иголки...

Когда она пришла в себя, у нее было такое ощущение, словно этому пробуждению предшествовала вереница утомительных и нелепых снов. Сквозь разлепившиеся с трудом ресницы проник невиданный до сих пор зеленоватый мертвенный свет, означился сводчатый потолок, к которому была прикреплена уйма какой-то членистой, суставчатой аппаратуры; затем зазвучал — или начал восприниматься — голос, механический, размеренный, как метроном:

— Один — сигма шесть, один — сигма девять, один — сигма шесть, один — штирнер горизонталь тринадцать, два — оптима пять...

И тут же сбоку возникло рыльце скоча с настороженными жгутиками антенн, взлетел над самым лицом манипулятор, и ко лбу пришлепнулась клейкая лепешка быстрорастворимого транквилизатора. Во рту возник вкус мяты. Бормотание «Один — сигма...» возобновилось с прежней размеренностью. Да это ведь портативная установка «Гиппократ», и команды — условный код последовательных этапов различных медицинских процедур!

На втором курсе они это в училище проходили и даже делали лабораторные работы — но откуда это здесь?

Она приподнялась на локте. Узкая, крытая белым пластиком коечка-скамейка убедила ее в том, что с ней самой ничего страшного не произошло, иначе ее поместили бы совсем в другое место. Кстати, вот и оно — занимает всю середину узенькой, расходящейся клином каюты. В училище это ложе именовалось «саркофагом». Пациент, поме-

щенный в этот ящик, попадал во власть кибернетического комплекса, сочетающего консилиум профессоров с двумя дюжинами процедурных сестер. Сейчас к этому медперсоналу, воплощенному в вычислительные блоки и манипуляторы, прибавилась еще и пара скочей. Так кто же этот бедняга, потребовавший таких забот?

Она потянулась к саркофагу, но перед ней мельтешил Трюфель, ничего не давал увидеть. Варвара только догадалась, что пациент лежит носом книзу, а спину ему массируют чем-то горячим и маслянистым — пахло растопленным воском и тибетской поднебесной травкой. Трюфель отступил на шаг, и над бортиком на миг поднялись страшно худые лопатки — ну прямо готовые вот-вот прорезаться крылышки. Это ж надо так исхудать, как после лиофильной сушки! Лопатки исчезли, зато поднялась круглая голова с реденькими, очень коротко обстриженными волосами и тоже вызвала щемящее чувство жалости; но голова обратилась к ней, явив огромные черные глаза, как бы выходящие за границы впалых щек и совершенно белых висков — ну никак не могли они уместиться на этом лице! И тут же раскатился голос, великолепный сытый бас, от которого все кругом должно было покрываться налетом бархатистой темно-лиловой пыльцы:

— Крррретины, пижаму!!!

Скочи остолбенели.

Призрачная рука Дон Кихота взметнулась в воздух и выхватила у скоча какое-то полотенце.

— Боюсь, что они просто не знают этого слова, — задумчиво проговорила Варвара. — Я имею в виду пижаму.

Незнакомец громоподобно фыркнул и исчез, упав лицом вниз. Рассмотреть его Варвара так и не успела. Из саркофага послышалась возня, вылетел обломанный манипулятор, через бортик перекинулась тощая нога в ботинке — на заклепке четко просматривалась цифра «5». Иван Вуд, значит. Ботинок грохнул по металлическому пьедесталу саркофага. Варвара оттолкнулась от лежанки и, преодолевая легкое головокружение, вскочила на ноги:

— Осторожнее, я сейчас вам помогу...

Вуд, если это действительно был он, свесил обе ноги, продолжая сидеть внутри, — поза препотешная: острый подбородок на острых коленях, плечи торчком; ни дать ни взять — нетопырь, которого заставили сидеть вверх головой, и он мается от непривычности этой позы.

— Остальных нашли? — хрипло спросил «нетопырь».

Варвара молча покачала головой.

— Тогда что вы смотрите? Дайте какой-нибудь свитер голому человеку, и займемся делом.

Действительно, что за столбняк на нее нашел? У Сусанина, кажется, было что-то светло-серое, ангорское... Сейчас. «И стакан морковного соку!» — раскатилось вдогонку. И опять же она — растяпа, старик, судя по его виду, давненько не ел.

Она лихорадочно собирала вещи, переворачивая вверх дном тесный кубрик, — свитер Сусанина, полукомбинезон Петрушки — у кого она видела теплые носки?.. Она запнулась — носки она видела у Гюрга. Это была единственная койка, в сторону которой она даже не посмотрела. Отсюда она ничего не смогла бы взять. Когда она видела Гюрга рядом с остальными, он воспринимался как частица общей группы — бр-р-р, какая ледяная педантичность. Но того Гюрга, который восторженно и изумленно шептал ей: «Да ты еще к тому же и трусиха?..» — того Гюрга больше для нее не существовало.

Когда она вернулась в медотсек — вот она, последняя загадочная дверь, можно было и раньше догадаться! — Вуд стоял, согнувшись в три погибели и облокотившись на бортик саркофага, заходясь в кашле.

— Пневмония, — сказала она.

— Вы мне еще накаркаете!

— Да куда уж больше...

Он с трудом разогнулся и стал натягивать свитер. Варвара критически взирала на эти действия — ей было совершенно очевидно, что больного надо срочно закладывать обратно в саркофаг и продолжать масляные припарки. Но поди заставь его!

Свитер скорбно обвис на костлявых плечах, подрагивая серебристыми ворсинками.

— Мало, — сказал Вуд, поводя плечами. — Тащите еще что-нибудь. Ну и намерзся же я там...

Варвара опрометью кинулась обратно в кубрик. Когда она вернулась с чьей-то меховой жилеткой, непокорный пациент уже стоял в полной парадной форме — полукомбинезоне и шарфе — и крошечными глоточками пил морковный сок.

— Вот что, звери, — сказал он, обращаясь к скочам, — установите-ка мне в рубке самое удобное откидное кресло, да побольше подушек. И горсть самых сильных снадобий — на вынос. Два часа на прихождение в себя, потом обратно в лабиринт.

— Куда, куда? — невольно вырвалось у Варвары.

Он исподлобья глянул на нее и двинулся к выходу из медотсека. У Варвары даже дух захватило, так он в эту минуту был похож на кого-то. А на кого — непонятно.

— Милая девушка, — пророкотал он, — расположимся в рубке, а там и поговорим.

Варвара почувствовала, что пора положить конец этому недоразумению:

— В качестве старшего по кораблю...

Он обернулся так стремительно, что она поперхнулась и замолкла.

— Четыреста чертей, — проговорил он с отчаянием, — если бы вы сами знали, до чего вы очаровательны! И во всей Галактике не нашлось вам более подходящего занятия, как быть старшей на корабле?..

И этот туда же! Впрочем, и то приятно, что ее усы ему не мешают. Как там полагается благодарить за комплимент?

— Ну, пошли, пошли, — он не стал дожидаться ее благодарности. — В рубке вы мне покажете, как вам командуется.

Он посторонился возле двери и галантно пропустил ее вперед. Скочи, перебрасываясь подушками, уже готовили откидное кресло.

— А может быть, вы?.. — вдруг обеспокоился он, смущенный излишком комфорта.

— У меня свои привычки, — отпарировала она, присаживаясь на краешек пульта и хозяйским жестом указывая ему на кресло.

— Не закоротите там подачу топлива в энергобаки... Взлетим.

— Да уж как-нибудь.

— Вам виднее. Ну, так коротко — кто и откуда? Приняли наш SOS в рейсе? Не с Большой же вы Земли.

— Естественно, нет — не успели бы. Сигнал приняли с ближайшего буя, — пояснила она, болтая ногой.

— Ближайшего к вам или к нам? — донеслось из груды подушек.

— И к вам, и к нам.

— Вы что, с Тамерланы?

— Да. Восемь человек, старший — Евгений Сусанин.

— Знаю такого. Со старшим вам повезло.

И откуда он все знает — и про Тамерлану, и Сусанина?

— Вас нашли по пеленгу, — продолжала она. — Сели около десяти часов назад, переписали вашу информацию на наш корабельный МИМ, обнаружили на юге лабиринт и,

поскольку в SOS-пакете упоминалось именно о нем, направили туда спасательную группу. Поиск по металлу. Затруднения с аппаратурой — барахлит. Около часа тому назад произвели высадку в центре лабиринта, примерно... — она соскочила с пульта и подошла к карте, — примерно здесь. На дереве подвешен ботинок, на заклепке номер второй. У подножья дерева вход в подземные пещеры. Оставив на вертолете дежурного, остальные шестеро пошли вглубь. Направление — северо-восток. Связь прервана. Все.

Вуд молчал, покачиваясь в своем кресле.

— Не тот... — тихо процедил он сквозь зубы.

— Что?

— Не тот лабиринт. В тексте же ясно сказано вход в шестидесяти метрах от корабля точно на полдень... Компасу здесь доверять нельзя.

— Но мы приняли не полный текст... — Она хотела было добавить про детей капитана Гранта, но поняла, что не время. — Постойте, какой же там лабиринт? Там сплошной завал...

— Тогда я по порядку. Только... Зверь, слабенького чаю и пару сухих галет. Сколько же я не ел?.. — Он вздрогнул и весь сжался. — Они ведь тоже... Итак, мы сюда плюхнулись на предмет разведки. Общая съемка, поиски следов жизни — вы знаете. Мерси.

Это относилось к стакану, возникшему из-за плеча. Варвара терпеливо ждала, пока он маленькими кусочками ломал печенье и макал его в чай. Да, теоретически она знала, как осваивается сектор: выбирается мощная звезда, в безопасной близости подвешивается буй, который будет постоянно копить энергию для подзаправки кораблей. На него же поступает и вся информация, поначалу — собранная зондами. Подгребает обычный поисковик, вроде вот этого, получает первые прикидочные данные, доставленные зондами, и если в этой информации нет смертельно опасного, то высаживается на планету. Тут обнаруживается, что зонды порядком наврали, — аппаратура как-никак работает с расчетом уже известных условий, а на каждой новой планете они неизвестны. Вот и происходят сбои.

— Да, так вот, — продолжал Вуд. — Сели именно сюда, потому что засекли цветовые сигналы. Вон примерно то, что сейчас за иллюминатором...

От черного завала к обоим кораблям быстро тянулась светло-сиреневая светящаяся пелена; вот она подкатила под опоры, ушла дальше; стадо крапчатых слоников бродило по ней, покачивая хоботами, им было по колено. Внезапно в

обратную сторону покатился словно свертывающийся рулон — очень это на поминало детскую игрушку «тещин язык». Слоников накрыло с головой, но они этого даже не заметили — к световым эффектам они были нечувствительны.

— Сели, таким образом, на ночную сторону, — продолжал докладывать Вуд, — не по инструкции. При посадке разогнали какую-то стаю, значения этому не придали. Уж очень это было неординарно: следов цивилизации не наблюдается, а на совершенно пустом месте идет какая-то передача информации методом цветовых сочетаний. Сели — погасло. Потом... ладно, подробности придется опускать, да и вы дали мне прекрасный пример телеграфного стиля. Итак, отоспались. Проснулись перед самым рассветом, я стал на первую вахту. Визуально источник иллюминации не просматривался, решили сделать небольшой кружок на вертолете. Ребята погрузились, скафандров не надевали, так как высаживаться никто на поверхность не собирался. Машину вел сам Чары. Собственно говоря, разведкой это назвать было нельзя; главным образом, Чары присматривался, как ведет себя машина в здешнем небе. К каждой планете нужно, так сказать, прилетаться... Простите меня, это я от слабости — забалтываюсь. Они прошли точно на юг, между минаретами, и уже повернули обратно, забирая к востоку, когда я увидел табун. Солнце вставало, тени искажали картину, и в первый момент мне показалось, что это — слонята.

— А во второй? — не удержалась Варвара.

— Да тапиры, разумеется. Модифицированные применительно к здешним условиям. Тысячелетия при уменьшенной силе тяжести...

Варвара соскочила со своего сиденья и прильнула к иллюминатору. Не хватало еще, чтобы Вуд увидел, как она стремительно краснеет, — еще бы, тупица, кретинка, амбистома безмозглая! Сидеть на клетчатом тапире и не узнать его! Не-ет, гнать ее надо отсюда на Большую Землю!

— Что вы?.. — спросил он встревоженно.

— Дождь. Извините. Я слушаю.

Неправдоподобно крупные капли, подсвеченные попыхивающими низкими молниями, неторопливо, как снег, оседали на землю.

— Ну, тапиры — это еще полбеды. Хотя я сам так удивился, что выскочил в тамбур, — хотелось своими глазами поглядеть. Вертолет в это время заходил уже на посадку, когда табун выметнулся из-за корабля. Чары спустил машину в каких-нибудь тридцати метрах и не заглушил дви-

гатель, по фону был хорошо слышен шум мотора и его крик «Назад, назад!..» — вот тут и я увидел их. Все верхом, а на некоторых буцефалах и по двое... Мне сперва показалось — оранги. Пока они восседали на тапирах, трудно было оценить их размеры. Собственно говоря, их следует называть чартарами, только называть вот некому...

— Я видела, — хрипло проговорила Варвара, чтобы удержать его от подробных описаний.

Вуд кивнул, не вдаваясь в обстоятельства, при которых она могла видеть этих только что окрещенных чартаров.

— Ну, а дальше было что-то жуткое, — скороговоркой пробормотал он. — Свалка под вертолетом, ни винта не боятся, ни звука... Чары, по всей видимости, автоматически перевел двигатель на режим «семь футов под килем», и когда чартары поволокли Монка, Игоря и Ома к черному завалу, двинул машину следом, надеясь, что кому-то удастся вырваться и запрыгнуть на трап. Только вышло наоборот — пара образин влезла в кабину. Может, и не пара, а больше, но вывалились они кучей, а машина так и ушла потихоньку, переваливая через все препятствия с семью футами под брюхом... Где-нибудь на восьмисотом километре брякнулась, надо полагать, уже пустая. Да...

Он снова закашлялся, мотая головой так сокрушенно, словно больше всего на свете его огорчала потеря вертолета.

— Ну, все это я уже не очень хорошо видел — оружие нашаривал и кибов скликал. Скафандра надеть не успел, думал, отобью ребят, когда эти мохнатики попытаются перетащить их через завал... Как-то в голову не пришло, что там лаз. Отсюда все выглядело сплошняком...

— Почему они не стреляли? — жестко спросила Варвара. — Почему они не защищались, черт побери?

— Я это понял, только когда столкнулся с одним из них, с позволения сказать, лицом к лицу. У них глаза... Это даже страшнее, чем если бы они были просто человеческими. Когда чартары нападают, они визжат, улюлюкают — а глаза у них, как у детей. У обиженных детей. У голодных детей, которые знают, что никогда в жизни не наедятся досыта...

— Можно было воспользоваться парализатором.

— Это сейчас легко рассуждать... Парализатор-то надо было найти и зарядить. Конечно, все это добро должно находиться в тамбурных сейфах, но что-то взяли с собой Игорь с Омом, это так и уплыло в машине; свое оружие я как раз приготовил к чистке — чем еще на вахте зани-

маться? Короче говоря, время было потеряно и вся эта стая словно просочилась сквозь камень. Ребят и видно не было, так их облепили... Собственно говоря, задавили массой. И кажется, чем-то обмотали. Так и втащили в щель. — Голос у него совсем сел, Варвара едва разбирала.

— А тапиры?

— Как ни в чем не бывало потрусили обратно. Похоже, этот путь им был хорошо знаком. Хотя... Почему они повернули? Им ничего не стоило войти в лабиринт — это я говорю: «щель». Не щель это была на самом деле, а парадный подъезд, два на три с половиной, только с фасада это прикрыто гладким выступом, нужно обойти слева или справа, там проходы. Но самое странное: в центре этого выступа — иллюминатор. По цвету он не выделяется, разглядывать было некогда, а впечатление такое, словно он временно задраен металлической заглушкой. И высоко, чартару не дотянуться. Вот так. Но мы с кибом проскочили мимо него на предельной скорости, и я даже не сразу сообразил, что нахожусь в самом настоящем лабиринте.

— Как же вы находили дорогу? На камне следов не остается.

— По запаху, дитя мое. Я ведь прирожденный следопыт, всю жизнь на дальних планетах... — Варвара попыталась прикинуть, сколько же это примерно, — нет, ничего не вышло, возраст ее собеседника был совершенно неопределим. — Эти мохнатики воня... благоухали, как полтора зверинца. И вот тут-то я почувствовал, что идут они привычно и уверенно, — мне никак не удавалось сесть им на хвост. Иногда я даже слышал шум, но как только дорога раздваивалась, мне приходилось обнюхивать тот и другой вариант, время уходило. Хорошо еще, что я догадался крикнуть кибу, чтобы он запоминал путь. И петлял, как полагается в лабиринте; порой выходил в зальчик, откуда имелось полтора десятка выходов, но, к счастью, по дороге не попалось ни одной ловушки.

— Или они уже бездействовали, — подсказала Варвара.

— Не скажите... — покрутил головой Вуд. — Техника была, прямо скажем, в полной боевой готовности, и уж в чем не было недостатка, так это в световых эффектах. Судя по всему — люминофоры. Описывать не буду. Забавно, что во время обратного движения их сочетания были совсем иные, это меня и сбило... И полная потеря чувства времени. И пустота.

— Значит, это помещение не используется как жилье?

— Ни в коем случае. Привалы, правда, там устраивались, и следы... гм... не буду детализировать. Неаппетитно.

— А вы не стесняйтесь — я по профессии таксидермист.

— Вы — юная женщина, прелестная, хотя и не вполне беззащитная, что вас несколько портит... И не дай вам бог не то что попасть туда, а хотя бы представить, что за оргии временами там происходили. Когда я наткнулся на следы недавнего пиршества, это увеличило мою скорость втрое. И все-таки я догнал только самого последнего. Собственно говоря, не догнал, а наткнулся — чартар лежал вытянувшись, в полной прострации. Есть громадное различие между позой ослабшего или раненого зверя — и безвольным человеческим телом в момент полной апатии. Это было последнее. Я велел кибу меня страховать, а сам принялся его разглядывать — нужно же получить полное представление о враге, с которым имеешь дело! И вот по мере того как я разглядывал его, он все с большим интересом приглядывался к нам. Готов поручиться, что он даже испытывал какое-то удовольствие!..

У Варвары мелькнула мысль, что с точки зрения хищника ее собеседник никак не мог вызвать положительных эмоций. Но что-то заставило ее промолчать. Однако Вуд безошибочно углядел тень иронии, невольно скользнувшую по ее лицу.

— А вы напрасно сообщили мне свою профессию, — мрачно заметил Вуд. — Теперь мне в любом вашем мимолетном взгляде будет чудиться трезвая оценка живодера... Но, смею вас уверить, та образина смотрела на меня совсем по-иному. Чартару было интересно! Вскоре он присел, потом поднялся на ноги, и только после всего этого у него в глазах промелькнул страх. И он начал улепетывать от нас. Мы с кибом могли запросто скрутить его — но зачем? Это только задержало бы нас. К тому же теперь мне не нужно было проверять дорогу: чартар вел нас уверенно, как гончая. Еще несколько поворотов, и мы выбежали в этакую трапециевидную камеру, узкий конец которой переходил в наклонный тоннель. Похоже, это был просто отвод для стока воды, ежели таковая наберется в лабиринт, но чартары ее приспособили для своих нужд — накатана эта труба была до блеска, так что сразу стало очевидно: туда скатиться можно, а вот обратно — весьма сомнительно. Труба изгибалась, как огромный штопор, и что там было внизу, угадать невозможно. Шумок сперва доносился, а потом и он смолк. А может, это у меня в ушах уже...

— Штопор и наклон вниз, — задумчиво повторила Вар-

вара, запоминая дорогу, которая, несомненно, ей предстояла. — А вы не можете хотя бы примерно оценить направление оси?

— Как будто северо-восток, но компасу там доверять нельзя. И бросаться вниз очертя голову тоже было бы мальчишеством, ведь попади я в эти лапы — и нам никто не поможет...

— Почему вы сразу не связались с кораблем?

— Тон у вас, дитя мое, как у королевского прокурора эпохи неограниченной монархии... Проходили в школе?

Варвара покраснела — в самом деле, нельзя же так свирепо накидываться на больного человека, к тому же непривычного к ее манерам. Хотя он тоже мог бы понять, что ею движет вполне законное нетерпение, — надо же что-то делать!

— И потом, — продолжал Вуд, — не считайте меня таким уж законченным идиотом. Разумеется, как только я понял, что нахожусь в лабиринте, я попытался связаться с корабельным МИМом, но ничего не получилось. Возвращаться к выходу? У меня еще была надежда догнать своих. А вот там, возле этой крученой дыры, я понял, что без посторонней помощи не обойтись. Будь со мной не киб, а робот, я послал бы его обратно с поручением организовать SOS, но кибу это не по уму... Пришлось возвращаться самому. И как мы мчались, вы можете себе представить. О том, чтобы запоминать или как-то отмечать дорогу, и речи быть не могло — я положился на киба, и он вел меня частым скоком, отрываясь временами, но не настолько, чтобы я мог его потерять. Мне то казалось, что мы сбились, то вроде что-то припоминалось. Пора бы всем этим виражам заканчиваться, но все еще не было цепочки камер, напоминающей батарею парового отопления изнутри, и круглого зальца с лунками, в которых лежали каменные шары. И только я подумал о них — звяк! — мой осьминог врезался в тупик. Я подбегаю — он ни одним копытом не шевелит.

— Дичь, — сказала Варвара. — Кибы надежны, как табуретки, то-то вы их с собой всюду и таскаете...

— А вы — нет? Впрочем, верно, у вас звери... С чего бы?

— По милости стратегической разведки. Это их корабль.

— То-то я смотрю, что снаружи пюсик как пюсик, а внутри...

— А почему — пюсик? — неожиданно спросила девушка.

— Пюс — это блоха, на старинном французском языке. Наши кораблики скачут от одной зоны до другой, как водяные блохи. Но там, над несвоевременно сдохшим кибом,

я дорого бы дал, чтобы очутиться у себя на пюсике. Тем более что рядом загудело, сполохи какие-то заметались, впереди по курсу характерное потрескивание, и озон пополз — дуга бьет. Сейчас-то я понимаю, что это начались световые эффекты, я ведь был у самого входа; заработали какие-то генераторы — раскопать бы! — и вышибли из моего киба все его убогие мозги.

— Как под Золотыми Воротами... — невольно прошептала девушка.

— А какой дурак запускал кибов в ворота? — изумился Вуд. — Я вот их в свое время прочесал просто с разбега...

— Вы? — вскочила Варвара. — Вы?..

— Конечно.

— Но Джон Вуковуд...

— Какая разница — Джон или Иван. Джон мне нравится больше. А Вуковуд — это прозвище, которое мне дорого досталось. Ну, да как-нибудь вам я расскажу. — Она подивилась ударению, которое он сделал на «вам», но промолчала, увидев взгляд, который он бросил на корабельный хронометр.

До истечения двух часов, которые он отвел себе на отдых, оставалось всего пятнадцать минут. И тут вдруг Варвара поняла, почему он рассказывает так подробно, хотя мог бы ограничиться скупым перечнем фактов, а потом поспать хотя бы час. Он думает, что пойдет один. И не очень-то надеется, что поход его будет успешен. Поэтому он на всякий случай передает ей все мелочи, которые могут пригодиться, если она последует за ним.

— Осталось немного, — словно угадав ее мысли, продолжал Вуковуд. — Я перепугался, честно говоря, как последний щенок, ринулся назад, в глубь лабиринта. Пересидел весь этот припадок иллюминации, причем у меня часы остановились, и батарейки в десинторе сели. Потом, когда все стихло, отыскал кое-как бренные останки своего киба, а от него и до выхода было рукой подать. Но времени я потерял столько, что о возвращении на корабль и речи быть не могло, и как только все сполохи погасли и связь восстановилась, я продиктовал корабельному вахтенному кибу короткий SOS-пакет с донесением о происшедшем. Мне было слышно, как киб его отправил, и я со сколь возможно спокойной душой решил вернуться к винтовому тоннелю и съехать вниз по нему до конца. Ну, и... короче, лабиринт показал мне, что он собой представляет. До киба своего я дошел четко: правая спираль, две ниши пропустить, в третью и налево, галерея-батарея, два или три по-

ворота пропустить и налево, в зал с шарами — восемь штук, и все разноцветные. Выход тот, что возле лазуритового шара. И наконец...

Он снова закашлялся: слишком долго говорил, никакого отдыха не получилось, скорее, наоборот. Варвара покусывала губы, но не торопила.

— Наконец то, что я назвал «тронным залом». Там ступеньки, так после них не ходите влево — вот здесь-то я, похоже, и забрался в тупиковую часть лабиринта. Дальше путается...

Он протянул руку к стакану с чаем и жадно допил остатки.

— Я сейчас, свежего, — пробормотала Варвара и выскочила из рубки.

Она торопливо приготовила чай, высыпала в широкую кружку щепоть сухой малины — просто счастье, что привыкла таскать в личных вещах всякие дополнительные снадобья! — и, не колеблясь ни секунды, бросилась в госпитальный отсек.

— Сейчас я заварю вам с малиной, — как можно спокойнее проговорила она, наклоняя голову, чтобы губы очутились у самой плошечки нагрудного фона и не проникли в него такие характерные звуки, как стеклянный хруст обломанного наконечника ампулы, — а вы ответьте мне на последний вопрос: почему в сообщении говорилось, что экипаж похищен капибарами?

— Капибарами? — как эхо, отозвалось из фона. — Да потому, что мой киб кретин. А еще точнее, я сам кретин, не подумал, что словарный запас кибов ограничен... Другое там было слово, но киб его не знал, вот и подставил ближайшее по звучанию из тех, что ему известно... Связь-то барахлила... Неразборчиво...

Другое было слово. Какое — она спрашивать не стала, и так утомился человек до смерти, слово-то она и так знала, догадывалась. И Сусанин догадался. Каннибалы — вот какое было слово.

Так что у нее все права на то, что она собиралась сделать.

Она бесшумно скользнула в рубку, держа перед собой кружку с дымящимся душистым чаем. Остановилась у кресла. Вуковуд спал, свесившись на подлокотник, как только может спать человек, в течение многих дней позволявший себе закрыть глаза на несколько минут и только для того, чтобы потом бежать, идти, ползти дальше, до следующего тупика. Лабиринт...

Она тихонечко подсунула ему под щеку подушку и подивилась тому, что безобразная многодневная щетина совсем не колется. За короткие мгновения сна он помолодел на десять лет, а если его побрить, то наверное, скинет еще пяток... Стоп. Нет времени думать об этом. Даже перетащить его в госпитальный отсек и то некогда. Хотя сделать это было бы несложно: теперь он проспит, как убитый, часов двенадцать.

Она отступила, затворила за собой дверь и первым делом выплеснула из кружки чай с уже не нужным снотворным. Стремительно летая по всем отсекам и вполголоса отдавая скочам необходимые команды, успела заварить новый, бирманский, с добавлением настоящего лесного женьшеня; залила в термос и осторожно поставила на пол, у ног спящего.

Вызвала кибов со второго корабля. Поставила в дверях — наготове, на всякий случай. Торопливо, обламывая ногти, стала натягивать скафандр. Кликнула скоча — тот принес диктофон, держал теперь прямо перед нею, пока она прыгала на одной ноге, неловко залезая в скрипящую синтериклоновую штанину. Надо как-то покороче, но стоит только начать: «Уважаемый Иван Волюславович», как тут же потянет пространно объясняться...

К чертям! По прямой, только по прямой, как умела это делать раньше и от чего поклялась себе не отступать теперь.

Значит, так: «Вуковуд! Я ухожу на разведку. Безопасность полная — два скоча с генераторами индивидуальной защиты, стратегово добро и скафандр. Так что не волнуйтесь. Как только найду тоннель, пригоню одного скоча за вами. Он разбудит, не сомневайтесь. Если проснетесь раньше, потратьте время на восстановление сил. Ведь нас только двое. Все стимуляторы, которые разрешит «Гиппократ». До меня будете добираться верхом на скоче, скорость у него приличная, и все время — независимо от внешних условий — под индивидуальной защитой. И вот еще что: не корите себя, что вы заснули, я все равно собиралась напичкать вас снотворным».

Любое послание требует подписи, а она вдруг вспомнила, что он ни разу так и не спросил ее имени. Она тихонечко вздохнула и, вместо того чтобы закончить официально «Старшая по кораблю Варвара Норега», добавила так, как само выговорилось: «А меня зовут Варварой».

Она осторожно вошла в рубку, стараясь не шуршать синтериклоном, и поставила диктофон на пульт перед Ву-

ковудом. Он спал, чуть приподняв уголки бровей, должно быть, изумлялся во сне чему-то невиданному. На Лероя он был похож, вот на кого.

Она стрелой слетела с трапа, защелкивая замочек шлема, — несколько крупных дождевых капель успели упасть внутрь и так и остались за шиворотом. Вперед и по прямой, насколько это возможно в лабиринте. По прямой удалось только до скального выступа, который неожиданно вырос перед самым носом в дождевом мареве. Варвара автоматически отметила про себя иллюминатор, о котором говорил Вуковуд, — оконце как оконце, вместо стекла только титановая фольга или что-то там еще, что пальцем не проткнешь. Вернемся — разберемся. А сейчас — каждому свое. В смысле — индивидуальное поле защиты.

— Вафель, к ноге! — скомандовала она и мимолетом сообразила, что это из собачьих команд, а не лошадиных.

Она перекинула ногу через удобную седловину между нижним, двигательным бурдюком и верхним, вычислительно-рецепторным. Грузовые пазухи обоих бурдюков были плотно забиты медикаментами, тросами, пиропакетами и вообще всем, что под руку попалось. Сидеть было удобно, какие-то подбрюшные манипуляторы свернулись спиральками, образуя стремена.

— Двинулись, — сказала она скочам. — Защитное поле на полумощность, пульсирующее: после трех секунд экранирования просвет на полсекунды. В разных фазах. При малейшей опасности просветы исключить. Да пребудет с нами дух Леонида.

Это — дань Фермопилам; страшно, как-никак. А когда пробирает до подрагивания, начинаешь хорохориться даже перед роботами. Но настоящий страх еще впереди, когда придет ощущение, что кружишь на одном месте, а время уходит все быстрее и безнадежнее...

— Трюфель, в кильватер!

Две серебрящиеся торпеды — первая повыше, вторая пониже, — набирая скорость, обогнули выступ с иллюминатором и, словно втянутые воздушным потоком, скользнули в глубь загадочного сооружения. На какой-то миг они словно раздевались, сбрасывая призрачную на вид оболочку, и тогда в фосфоресцирующем световом киселе четко проступали невиданные на этой планете создания, легким наметом мчащиеся вперед на добром десятке пружинистых лапок. В эти паузы Варваре, оседлавшей первого киберскакуна, становилось виднее все прихотливое разнообразие галерей, закоулков, тупичков, колоннад, приплюснутых ка-

морок с прогнувшимся зловещим потолком и бездонных «колодцев вверх», в вертикальной черноте которых даже луч мощного фонаря не мог нащупать потолка. К счастью, колодцев, уходящих вниз, пока не наблюдалось. Мерцание стен уже не удивляло — с первых секунд оно стало привычным, тем более после того, как Варвара заметила, что свет возникает как раз в те доли секунды, когда автоматически отключалась защита. Значит, люминофоры реагируют на биополе. Когда скочи одеваются защитной оболочкой, свечение начинает потухать, но не успевает — вот и заполнены все близлежащие помещения разноцветными световыми волнами, да и собственная защита мельтешит... Никогда не испытывала морской болезни, но если так будет долго продолжаться... Санта Ферррмопила!..

— Назад! Уже заблудились. В ребристую анфиладу, откуда расходимся — ищем зал с каменными шарами. Движение до тупика, по правой стене через два метра ставить метки, туда — минус, обратно — дополнять до плюса. Трюфель, ты — вправо. Включи-ка маячок... И пошел.

«Тюк, тюк, тюк...» — пока слышно, а вот и резкое ухудшение слышимости — едва-едва «тю... тю», — а ведь почти не разошлись; вот и совсем маячок скис — «ю... ю...» — да нет, не звук уже, одно желание его уловить. Проклятая конструкция! Кто это научился так изолировать...

Вафель легкой иноходью — чтоб не укачало — вынес её в полукруглый зал. Метровые лунки, в них шары, похоже — крашеные. Не из цельного же это малахита да янтарной брекчии такие махины!

— Стоп. Спусти-ка меня, Вафель, я огляжусь, а ты по меткам возвращайся на развилку, подбери Трюфеля и — сюда. Мне в скафандре сам сатана не страшен.

Хорохоришься, Варвара-кожемяка! Страшно. По-человечески страшно. Фермопилы-то Леониду боком обошлись... Правда, он стоял себе на месте и сражался в силу безвыходности положения весьма героически, пока его какой-то сукин сын с фланга обходил; а тут вместо своего заветного «прямо и только прямо» — сплошные виражи и светопопыхивание... Аж тошнит.

Она откинула щиток шлема и глубоко вдохнула — воздух был свеж, но не влажен, видно, дождь сверху не проникал. Так что наверх через эти трубы-колодцы не выберешься. Но какие-то вентиляционные отверстия имеются. Она покрутила головой, и в глаза бросились два иллюминатора, один напротив другого. И опять непрозрачные. На той же высоте. Странно, по дороге она безотчетно запом-

нила расположение еще двух. Она выпрямилась, подставив лицо спокойному касанию чистого, пронизанного светом воздуха. Силы мои, силы ведьминские, неужели откажете?

Нет, не отказали. Она всегда знала за собой поразительно безошибочную способность к ориентации, и вот теперь, стоя под одним иллюминатором и глядя на другой, она знала — непонятно откуда, но знала точно, — долина с двумя кораблями позади. А как с пройденным путем? Если возвращаться, то и метки не потребуются — помнит. А Вуковуд, вжавшись обросшей скулой в прохладную подушку, посапывает непробудно, и жарко ему в свитере командирском — пневмония штука подлая, — это не какой-нибудь вирус, который прищелкнешь и нет его... Впрочем, вот этого она не знает и спиной не чувствует, просто думается ей о Вуковуде. И ведь не о Гюрге, не о Сусанине, хотя они забрались в самые тартарары, — о Вуковуде, престарелом и сквернообразном...

Фу! Шар надо искать. Лазуритовый. Откуда это только Вуковуд набрался познаний в минералогии? Он, часом, не ошибся в названии камня? Лазурита среди шаров что-то не видно...

Ультрамариновый шар нашелся точно посередине — он расположился в центральной лунке, остальные девять шаров... Стоп. Санта Фермопила, их же всего-то должно быть восемь! И лазуритовый — с края, иначе какая дверь от него!

— Вафель, Трюфель! — Ага, мчатся. — Плохо дело, звери, — не та конура. Назад, к развилке, ищем по новой.

На поиски нужного комплекта шаров ушло еще полтора часа. Никуда это не годится, ведь Вуковуд это считал только началом пути, сюда он приходил без всяких колебаний и отклонений. Сбился он дальше, после какого-то «тронного зала», а она еще и до такого не добралась. Вот проем в стене возле синего, идеально обтесанного монолита, но дальше-то куда — влево или вправо? Вуковуд в первый раз ориентировался по запаху; если б сразу, по горячим следам, то и она могла бы — но сейчас столько времени прошло...

Девушка открыла лицо, стащила перчатки. Стояла, пошевеливая пальцами, словно стараясь что-то нащупать, — чертовски мешает иногда собственное дыхание! — но ничего, ничего... Стены гладкие, не на чем повиснуть клочку шерсти. Ниши, проемы, углубления — все сглажено; по-видимому, литой камень — плазменные установки потрудились. И, кроме шаров, которые из лунок не выкатишь, — масса-то какая! — ни одного свободно лежащего предмета.

По стенам встречаются скобки, дужки, крюки, но все впаяно намертво и притом на такой высоте, что и Варвара с трудом дотягивалась, — спрашивается: зачем тогда, если чартары нормальному человеку едва-едва по грудь будут? Или все это возводилось вовсе не для аборигенов?

Она представила их себе такими, какими видела в золотой камере в стене Пресептории. Если бы Вуковуд был тогда с ними...

Проклятье! Дался ей этот Вуковуд. Нет здесь никакого Вуковуда, а есть эти двуногие — хищный взгляд спрятанных под надбровными дугами глазок и массивные челюсти быстро развивающихся всеядных. И они тащили с собой людей... Она вспомнила, как однажды наблюдала в Мальтийском заповеднике, как компания самцов-шимпанзе загоняла в тупик маленького тамарина. Охота есть охота, и если она удачна, то кончается она неприглядным зрелищем. А о том, что могло происходить здесь, лучше и вообще не думать. Но ведь думается против воли. Видится. Рыжевато-серые твари, легкие и подвижные, несмотря на свою кажущуюся нескладность, и вонючие до омерзения, до липкого пота под скафандром...

— Сюда, — сказала она уверенно.

Это был не запах, не призрак, не галлюцинация — просто ощущение того, что те, кого она так четко себе представляла, были именно здесь.

— Теперь сюда. Трюфель, за мной. Не рыскай. Направо и по ступенькам. Прикройся намертво. А ты, Вафель, сними защиту. Мешает. Прямо под колонны...

Дорога неглубоко уходила вниз, по светящимся ступенькам, петляла из одной ниши в другую; пошли узкие колодцы, которые нетрудно и нестрашно было перепрыгивать, иллюминаторы то попадались на каждом шагу, то исчезали напрочь; в маленьком углублении блеснуло — пуговица, совершенно земная, выдранная с мясом. Кто-то из четверых похищенных? Вряд ли. Скорее, Вуковуд. Еще пуговица, еще... Кончились. Теперь он рвал на себе одежду, отмечал привязанными к скобам и перильцам наскоро оторванные ленточки. Выходит, вышел он на правильное направление, но где-то свернул не туда. Ага, здесь. Она остановилась, проверяя свои ощущения, и тотчас откуда-то с потолка соскочил мягкий светящийся шарик, прокатился по плечу, руке, оттолкнулся от манжета, не коснувшись голой кожи, и как колобок побежал по правому проходу — заманивал. И еще одна невесомая жемчужина, и еще... Купился, выходит, Вуковуд на эти бусы. Нужно влево.

— Трюфель, ты метки ставить не забываешь?

— Нет.

Первое слово от них за все путешествие! Идеальные спутники. И дорогу, вероятно, запоминают без всяких меток. Как и все остальное.

— Вафель, ты не запомнил, сколько мы встретили таких вот — видишь, наверху, над аркой — иллюминаторов?

— Восемнадцать.

— Умница. Налево.

Если по часам, то не так-то они долго бегут — гораздо больше потеряли на поиски шаров. Да оно и правильно, эти троглодиты не выбрали бы слишком продолжительное странствие с добычей на загривках, поискали бы берлогу под боком. Она все время старалась думать о них, и не просто думать — видеть за ближайшим поворотом; порой ей казалось, что ее скоч не мчится вперед, а играючи перебирает лапами, вися в воздухе, а это весь громадный лабиринт поворачивается и подплывает под нее, оборотясь то правым, то левым боком, как узорная вышивка под иглой швейной машинки. Однажды что-то темное, бесформенное промелькнуло в тупичке; Варвара было притормозила, но Вафель мотнул головой и прошествовал мимо.

— Ты чего это? — поразилась девушка. — Может, Вуд что-то бросил или наши обронили...

— Останки гуманоида, — отрывисто бросил скоч, не сбавляя скорости. Хорошо хоть, этот не путал гоминида с гуманоидом!

Она не успела ужаснуться, как из-под ног брызнула вода, и она испугалась, что сейчас собьется; но то, что вело ее, не было запахом, и вода была бессильна помешать ей. За очередным поворотом кончился свет, и скоч, повинуясь ультразвуковым локаторам, пошел по синусоиде, ритмично виляя то вправо, то влево, но не задевая ни одного угла. Коридор внезапно расширился — топотание по мелкой воде гулко отдавалось где-то вверху, но пронизывающее ощущение пустоты не позволяло угадать расположение стен. И кроме того...

— Стой! — крикнула Варвара.

Внезапно возник образ веера — не то брызги, не то крики, — все бесшумное и неосязаемое, но оно было вот здесь, на этом самом месте, вертелось, как маленький смерч, то распадаясь, то снова свиваясь в тугой жгут... Это были следы драки. Наверное, прозвучал сигнал и пленники, отшвыривая усталых конвоиров и срывая ослабшие, неумело наложенные путы, страшно и безнадежно рвались, как им

казалось, назад, а на самом деле вон туда, куда рукой махнешь — и не видно ее, руки-то; темнота еще гуще, чем здесь, в середине зала. Что там, непонятно, да и не важно — тупик, должно быть, потому что дальше опять коридор; туда надо, Вафель, только туда. Там снова плотной толпой двигались напрягшиеся в темноте шерстистые твари, и волосы на загривках еще дыбом, и шерсть под мышками взмокла в драке, и остро пахнет бедой, но это сильный, отпугивающий и стервенящий дух здоровых, молодых бойцов — слабые и больные пахнут погано, как мокрая лежалая шерсть... Слабых здесь не было.

— Влево, Вафель, скорее! Как только можешь!

Справа анфилада, и светящиеся бледно-зеленые гусеницы, петляя и пританцовывая на кончиках хвоста, уползают, заманивают по широким пологим ступеням; и слева уходящая под теплящиеся вдалеке световые арочки бегущая дорожка — в горку, чтобы потом упоительно катиться хоть на заду, хоть на брюшке... Прямо! Наконец-то прямо, по темному жерлу тоннеля, кончающегося тонким световым кольцом...

— Стоп, звери! Приехали. Трюфель, сбрасывай всю поклажу и — на «Дункан». Возьмешь находящегося там Джона Вуда и, ни на миг не задерживаясь, сюда. За сколько думаешь добраться?

— Расстояние в один конец покрою за двадцать пять минут.

— Ясно, туда и обратно — час. На бегу, когда уже выскочишь из лабиринта и установишь связь, продиктуешь корабельным кибам сообщение, а те пусть непрерывно ретранслируют его поисковой группе. Ну, аллюр два креста!

Серебряная торпеда рванулась с места и, вспарывая темноту сверлящим посвистом, исчезла в глубине лабиринта. Что он без команды догадался прикрыться защитой — это он умница, но вот если он собирается на такой скорости тащить на себе Вуковуда, то вряд ли последний по прибытии сюда сохранит требуемую работоспособность.

А может, связь с Сусаниным уже восстановилась и они ринутся сюда всей группой, достаточно великолепной, чтобы обойтись без измотанного голодом и пневмонией пожилого человека? Хорошо бы, слишком хорошо, чтобы осуществиться. Да и потом... Если признаться откровенно, то она хотела бы, чтобы Вуковуд был рядом и своим глубоким, гудящим голосом рассказывал о каких-то приключениях — не таких смертоубийственных, как это, разумеется, а хотя бы о своем детстве.

Но пока она тут одна — не считая Вафеля — и нужно что-то делать. Как глубоко уходит вниз эта плавно загибающаяся труба? Будь она прямой, так плюнуть и дело с концом. Эксперимент на уровне создания и техники гуманоидов низшей ступени.

— Вафель, подвинь-ка поближе ко мне генератор защиты, а сам тихонечко, на присосках, спустись вниз. Определи глубину и сделай пару инфраснимков.

Вафель, даже не кивнув по своему обыкновению, с легким шипом выпустил присоски на подошвах лапок и, перебирая ими, как краб, бочком заскользил вниз. Круто, очень круто, и это прекрасно: оттуда, снизу, нападения ждать нечего. А ночью, в темноте, вряд ли еще одна партия мохнатеньких всадников отважится спуститься в долину, где торчат два громадных корабля. Да и гроза тут не земной силищи.

Вафель стремительно взвился из полутьмы тоннеля.

— Глубина по вертикали — четырнадцать метров, — вполголоса доложил он. — Внизу пусто.

Он протянул влажный квадратик снимка — ага, вот оно что: под самой оконечностью трубы поблескивает вода. Нетрудно было догадаться, все-таки на этой спирали набиралась хорошая скорость, а раз эти любители лабиринтов не боялись пользоваться такой экстравагантной дорогой, значит, приземление ожидалось мягким. Хороши были бы они с Вуковудом, если бы скатились так же, как эти образины, и бултыхнулись, как лягушки! Слева от этой водяной посадочной площадки какие-то кочки, вот туда и надо нацеливаться, по ним как раз попадаешь в проход — жаль, не видно, куда он ведет. Может, сразу за ним и стойбище...

— Вафель, у нас около часа, попробуем нарезать ступеньки. Неширокие, сантиметров двадцать пять. Справа, вдоль осевой стеночки. Ты начнешь с середины, я — сверху. Давай.

Неизвестно, как еще им придется уносить ноги оттуда, так что трос надо будет прикрепить вместо перил. Сейчас-то этими ступеньками не воспользуешься, десинтор дает две тысячи градусов — работа впрок, так сказать. А жарковато в скафандре...

Она резала двадцать девятую ступеньку, когда вверху раздался шум. Вуковуд или троглодиты? Если второй вариант, то нужно скорее добраться до генератора защиты. Перебирая трос, она вылезла из трубы — Вуковуд, облаченный в какой-то мышиный тусклый скафандр, присев на корточки, выгребал у Трюфеля из переметной сумы ябло-

ки, сетки, какие-то аппаратики подозрительного назначения... У скочей же есть вся фиксирующая аппаратура! Но не выговаривать же ему, и так сейчас заведет насчет того, что не разбудила... Нет, молчит. Смотрит огромными глазищами, в пол-лица, и молчит. Побрился. Значит, успел проснуться до того, как примчался скоч.

— Трюфель, все обратно в сумку, — скомандовала она, — и в трубу. Уложишь там в сторонке, каким-нибудь мхом прикроешь и вместе с Вафелем наверх за нами.

Скоч подхватил багаж и ухнул вниз. Ну вот, остались лицом к лицу, и оба молчат. Не спрашивать же его, как, мол, здоровье? А если бы восстановилась связь или еще какой подарок судьбы — сказал бы сам. И он видит, что ей похвастаться нечем, ну, нашла дорогу, быстро нашла — Варвара в первый раз глянула на часы, — в общей сложности пять с половиной часов потратила. Для хорошего лабиринта это просто рекорд — а лабиринт по-настоящему хорош. Кому только он понадобился?

Вернулись скочи.

Так что же все-таки сказать? Варвара помедлила еще секунду... Прямо, только прямо! А если прямо, то сказать она ничего не хочет — вот услышать бы неплохо. Тогда промолчим. Классическим античным жестом — большой палец, повернутый вниз — она одновременно дала понять, что все обстоит достаточно скверно, и что надо спускаться, и что на будущее полезно сохранять тишину. Не теряя времени, вцепились в скочей — пристегиваться некогда — и по крутой спирали скользнули вниз.

Подножием тоннеля лабиринт кончался. Замшелые стены и озерцо, служившее посадочной площадкой для тех, кто спускался естественным образом, не носили следов цивилизации. А главное — здесь начиналось царство запахов. К сыроватой, но не гнилостной свежести болотца примешивался угарный дух очага, но самым главным был запах пещерной твари, не схожей ни с единым земным зверем. Естественный темный лаз вел туда, откуда сочился этот запах, и проход этот, к счастью, не был прям — за остры-ми выступами прятаться было легко, а в крайнем случае можно было бы и вскарабкаться наверх, в полную темноту, по естественным и лишь смутно угадываемым уступам. Варвара спешилась и, сделав Вуковуду знак оставаться на месте, прокралась вперед, до следующего поворота, проклиная последними словами шуршащий синтериклон. Здесь ход раздваивался: русло подземного потока временами, без сомнения, протекавшего по лабиринту и низвергавшегося по

спиральной трубе, уходило влево, резко сужалось и терялось в непроглядной тьме.

Зато правый ход становился шире, по его стенкам скользили слабые блики, а откуда-то снизу доносился слабый гул — не голоса, а какой-то общий фон самых примитивных глуховатых звуков — всхлипывание, позевывание, чмоканье... Громче всего кто-то чесался. В круглой дыре прохода не было видно ровным счетом ничего, кроме далекой каменной стены да редких искр, взлетавших откуда-то снизу, — видно, основное помещение, расположенное за этим отверстием, находилось на несколько метров ниже его. Варвара опустилась на пол, подползла к краю и вдруг заметила, что в этом естественном преддверье громадной пещеры метрах в полутора от центрального входа имеется еще одна щель, слишком узкая, чтобы в нее мог пролезть человек или чартар, но достаточная, чтобы служить окошечком или бойницей. Она, согнувшись, перебежала вправо и приникла к холодным каменным краям.

Больше всего ее поразили не размеры пещеры, а ее форма — почти правильный шар. Коридор, по которому они сюда пришли, переходил в массивную лестницу, ступени которой спускались до дна пещеры, пересекали ее точно посередине, образуя неровный помост, деливший пещеру пополам. По обеим сторонам от помоста на мшистой подстилке лежали вповалку чартары. Блеклые язычки двух костерков, теплящихся у противоположной стены, освещали их скудно и неравномерно, но и этого было достаточно, чтобы заметить, что чартары не спали, а пребывали в каком-то неестественном состоянии полного отупения. Варвара прищурилась, стараясь как можно быстрее адаптироваться к этому полумраку, и чем дольше она всматривалась в открывшуюся ей не такую уж неожиданную картину, тем тревожнее становилось на душе. Никого из людей видно не было, а с чартарами творилось что-то из ряда вон выходящее. Перетравились они чем-то, что ли?

И вдруг жуткая догадка поразила ее. Тошнота так стремительно подступила к горлу, что она отшатнулась, зажимая себе рот. Отравились. Отравились нездешней добычей...

Бесшумно возникшие руки обхватили ее, прижали к скрипучей поверхности скафандра, так что клапаны, как льдинки, морозно приклеились к щеке. Ее трясло неудержимой крупной дрожью, и Вуковуд, стаскивая зубами перчатки, все гладил и гладил ее лицо, забираясь под шлем суховатыми легкими пальцами и царапая их о край щитка; от этого волосы вылезли на лоб, защекотали нос, и Варва-

ра, с ужасом почувствовав, что вдобавок ко всему еще сейчас и чихнет, невольно прикусила первое, что попалось.

Это был мизинец — не свой, Вуковуда. Оба замерли.

Так прошло с полминуты. Кажется, оба не дышали. Снизу тоже ничего не доносилось, только потрескивание костра да заунывные всхлипы. Вуковуд наконец освободил свой мизинец, дунул на него и, продолжая прижимать одной рукой девушку к себе, тихонечко отодвинул ее от смотровой щели. Он долго всматривался вниз, крутил головой, даже чесал подбородок; наконец решительно придвинул Варварино лицо к амбразуре, указывая на что-то совершенно определенное. Варвара торопливо оглядела пещеру, отыскивая то, на что он направлял ее внимание, — может быть, вон те голубоватые светящиеся пятна на противоположной стене? А ведь точно, вторая пещера там, и не пятна это, а отверстия, и самое большое — посередине, костерки горят как раз слева и справа от этого входа, а голубоватый свет потому, что стены во второй пещере белые, известняковые, и откуда-то сверху пробивается луч луны. Но в той пещере никого — во всяком случае, отсюда так кажется. И почему она заинтересовала Вуковуда?

Или эти канаты, свешивающиеся с потолка? Может, корни, а может, и веревки — говорил же Гриша про какие-то живые лианы; в сушеном виде вполне сойдут за пеньковый трос. Помост и то, что над ним? Сооружение, хитрое для примитивных троглодитов, но если на дне пещеры валялись камни, то несколько поколений жителей могли общими усилиями соорудить уступы, переходящие в мостик, а затем — снова лестницу, которая ведет в другой коридор. Кстати, для удобства сообщения от одной верхней ступени к другой протянулась балка — впрочем, какая тут может быть балка? Ствол дерева, вон и сучки торчат. Воздушный мостик, как раз для аборигенов. Они цепкие. С этого бревна что-то свешивается: два куля, один длинный, другой — вдвое меньше. Все это делит пещеру по диагонали, и основная масса троглодитов собралась именно там, где хуже всего видно, — по эту сторону, что под щелью.

Варвара обернулась к Вуковуду, выразительно пожала плечами. Он приблизил губы к самому ее уху, и потеплевший воздух едва уловимо шелохнулся:

— Ом...

Ом Рамболт? Она повернулась так стремительно, что стукнулась откинутым щитком о верхний карниз амбразуры. Замерла в ужасе. Внизу никто даже не шевельнулся, только раздался всхрапывающий, многоступенчатый зевок.

Она снова начала вглядываться в серую массу тел — странно, совсем нет малышей, похоже, что это не стойбище, а что-то вроде ритуального помещения... А может, столовая? И в этот момент вверху справа, где чернело над верхней ступенькой жерло еще одного коридора, возникло какое-то копошение. Кто-то светлее остальных — но не человек, это точно — выполз из дыры на четвереньках, свесился с верхнего уступа лестницы и так же, как это делали люди, стал с интересом оглядывать происходящее. Видимо, интерес его не был удовлетворен, потому что длинная лапа поймала свисающий с потолка канат, светловолосое тело сжалось в комок, оттолкнулось, и, с изяществом циркового акробата прочеркнув продымленный воздух, чартар влетел в левый верхний угол и бесследно куда-то канул. Дыра, дыра наверх, догадалась Варвара, иначе в пещере было бы не продохнуть: два костра, как-никак. И наверное, не одна дыра — вон в соседнюю, пустую, даже луна пробивается... Луна? Значит, гроза кончилась и, возможно, наладилась связь с «Дунканом»?

Она хотела уже прошептать Вуковуду, что неплохо бы отослать одного из скочей обратно, к руслу ручья, и велеть ему поманипулировать с фоном — может, и донесется хоть что-то? Но она не успела: конец веревки, отпущенной выбравшимся на поверхность чартаром, лениво скользнул обратно и в своем движении задел древесный ствол и один из мешков, подвешенных к нему, — тот, что поменьше. И в тот же миг раздался пронзительный, царапающий взвизг, бесформенный предмет обрел способность двигаться и, изогнувшись, выбросил в разные стороны щелкающие клешнями щупальца. Он плясал в воздухе, раскачиваясь на удерживающей его веревке, и с каждым движением размах колебания становился все больше, клешни клацали, стараясь дотянуться до второго предмета, удлиненной тенью провисшего, чуть-чуть не задевая помоста. С каждым рывком этого членистоногого по рядам разлегшихся чартаров словно пробегал ветерок: они заколыхались, пришли в движение, послышались цокающие звуки, сливающиеся в цикадную трель; чартары приподымались, потягиваясь, страшным желтоватым светом заблестели расширившиеся глаза.

Дергающийся, как паяц на ниточке, громадный скорпион дотянулся-таки до своего соседа, раздался треск рвущейся ткани и хриплый вскрик, и вот уже вторая фигура, изгибаясь, словно рыба на крючке, металась из стороны в сторону, пытаясь оттолкнуться от кошмарного соседа. И

был это — как она сразу не догадалась — человек, подвешенный на вытянутых руках, и теперь ударами ног он оборонялся от плотоядно ощерившейся твари. А с чартаров слетел весь сон: подпрыгивая на плоских ягодицах, они лупили ладонями по земле, улюлюкая не хуже болельщиков какой-нибудь престижной команды. Цирк это был, цирк, и зверье потешалось над муками человека...

Варвара отодвинулась, давая место Вуковуду, вышибла обойму из ракетницы и принялась точными бесшумными движениями сбрасывать пиронасадки с парализующих ампул. Обычно ампула останавливала первое животное, а сноп огней отпугивал всех остальных; здесь же придется действовать бесшумно и незаметно, начиная с последних рядов, чтобы не посеять панику: ведь где-то поблизости оставались еще трое людей и в суматохе их могли попросту покалечить. Шестнадцать зарядов, у Вуковуда столько же. Чартаров не меньше сорока. Выстрел, правда, не вполне беззвучен, но половину они уложат прежде, чем остальные поймут, что и откуда. Хотя понять они, конечно, не способны, но звериным нюхом почуять опасность — это да. Она загнала обойму на место и взяла Вуковуда за локоть: пора.

Она даже не удивлялась тому, насколько они понимали друг друга. Один кивок — вы в темном шлеме, значит, вам стрелять из коридора и по той половине, что слева от мостков; ну, а мне в моем дурацком золотом оперении придется остаться здесь. Он понял, кивнул и быстро приложил ей палец к губам: слушать и не шевелиться.

Снизу донеслось разочарованное поскуливание. Оба тела снова замерли неподвижно — скорпион набирался злости, человек — сил и терпения. Чартары отползали и вытягивались в полном изнеможении, лишь некоторые находили в себе силы подобраться к костру и выхватить из огня что-то вроде длиннющего полуобугленного огурца. В воздухе тошнотворно запахло подгорелой брюквой. Так что же, ждать, пока все они поужинают?

Но Вуковуд, откинувшись назад и не отпуская Варвариного плеча, словно он боялся потерять ее в темноте, что-то нашаривал в бурдюке своего скоча — еще обойму? Батарейку? Сравнительно небольшая, знакомая на ощупь коробочка... Мини-проектор!

Заметный только им двоим узкий луч проколол полумрак, блеклым глазком уперся в противоположную стенку, поерзав немного, нащупал отверстие в следующую пещеру и, нырнув в него, утвердился наконец на известняковой

стене. Тогда глазок стал расширяться, окрашиваться в сиреневый тон, и вот уже по стене скатывались призраки светящихся шаров — лиловые, рыжие, лимонные. Огненным водометом закрутилась бесшумная карнавальная шутиха; и чартары, красавцы спящие, снова начали подыматься; и лягушачьи трели сразу же слились в общий концерт, — видно, пляски со скорпионом им порядком надоели, а тут было новенькое, совершенно неожиданное, и тут уж было не до того, чтобы приплясывать на заднице и в ладоши хлопать, — чартары, как завороженные, поползли ко входу во вторую пещеру; шары и водовороты сменились змеящимися зигзагами, двоящимися, четверящимися, на тех, кто ошеломленно замер в дверном проеме, надавили сзади, и буровато-серая масса начала вливаться в дальнее помещение.

Они еще не осмелели и, вползая, жались к стене, словно опасаясь, что светящийся фантом, природы которого им не дано было понять, отделится от импровизированного экрана и двинется на них; но любопытство было сильнее страха, и вот уже кто-то бочком-бочком, как краб по песочку, побежал к экрану; но еще оставалось не меньше пятнадцати особей, которые едва приподнялись с места и колебались — двигаться дальше или нет. Одна радость — шум в пещере стоял такой, что можно было не только разговаривать, а даже кричать. Поэтому у Варвары непроизвольно вырвалось:

— Здорово! И когда вы успели?..

— А когда брился. Сидел на ступенечке, ждал киба со своим скафандром. Киб примчался, смотрю: в кармане проектор. А тут очередной припадок иллюминации... В среднем часа через два они повторяются. Проектор со съемочным диском, вот я и...

— Молодчина вы. Теперь только бы этих, апатичных, туда заманить да силовым полем подпереть... А! Ссанта Фермопила...

Из появившейся в центре черной точки стремительно вырос силуэт скоча, заслонил собой весь экран — и вдруг на стене чартарумской пещеры беззвучно зашелестела самая обыкновенная, невыразительная земная зелень.

— Больше не успел, — виновато пробормотал Вуковуд.

По стене проплывали дорожки, клумбы, какие-то пасторально-пряничные домики, озерцо... Все это, наверное, ласкало взор астронавта, много лет проведшего вдали от родной планеты, но вот чартары сразу сникли. Вуковуд, конечно, снимал на первую попавшуюся кассету — какие-нибудь там «Космические перекрестки», — но прелести фран-

цузских парков и даже пара царственных лебедей вряд ли удержат внимание троглодитов. Лебеди друг за другом ударили крыльями, подняв два фонтана брызг.

— Сейчас пущу задом наперед, — шепнул Вуковуд.

Две красные флорентийские лилии распахнули (замедленная съемка, а то как же еще!) свои копьевидные бутоны.

— Минутку, — сказала Варвара, задерживая его руку.

Два какаду ударили алыми клювами (ох, и неважно у «Космических перекрестков» с художественным вкусом!) в обвитые лентами тамбурины. Звук был отключен — иначе все чартары разом обернулись бы на такой грохот, — но Варвара хорошо помнила эту традиционную заставку: «ДЛЯ! ВАС!»

Это повторялось раз пять, а потом мурлыкающее контральто доверительно сообщало: «Для вас поет Ира Арлети!» или «Для вас — иллюзионист Труффальдино Кио!»

Пока троглодитов проняло — пять самых шустрых уже подпрыгивали, пытаясь поймать попугаев за хвосты. Только бы повезло и дальше закрутилось что-нибудь попестрее!

И повезло...

Крошечный загородный дворец, весь в фонтанчиках и тюльпанчиках, стремительный наезд на розовые с купидонами двери, два зеленых тюрбанчика, а под ними — малютки грумы, они распахивают двери, и выплывает в фижмах и пудреном парике краса ненаглядная на самых цыпочках — знаем мы эти фокусы, левитационный генератор под полом, — и плывет, плывет, обмахиваясь страусовыми перьями, эфирно-трепетная, и крошечные атласные туфельки плетут менуэтовые кружева (сели троглодиты, сели бедные, пришибленные); только вдруг — крак! — взвивается молния снизу вверх, распадается огненным веером, а фижмы-парики словно огнем слизывает, и уже черная и гибкая, как саламандра, в парике «конголезские ночи» со всей приличествующей татуировкой и полусотней браслетов на всех четырех конечностях вьется, бушует, беснуется в диком танце, который ни одному м'ганге и не снился в кошмарном сне, — неистовая, чернолаковая, первобытная и такая, ох, такая синеглазая...

— Ну, чего засмотрелись? — Локтем в бок без всяких церемоний. — Последний уже туда заполз, и все в экстазе. Пора.

А еще бы не в экстазе — все африканские страсти разом, — и брызги искр от драгоценных браслетов, которые растут, увеличиваются и превращаются в буквы — «Для

вас! Для вас! Для вас танцует Мара Миностра!» И, что особенно трогает, на чистейшем космолингве — для вас, троглодиты безграмотные!

— Трюфель, силовой экран ко входу во вторую пещеру! Максимальный, но проследи, чтобы не перекрыть луч проектора!

— А может, хватит? — подал наконец голос Вуковуд. — Запрем их на часик и все. А то еще рехнутся от восторга...

— Там наверху дыра, могут выбраться. А за их здоровье не опасайтесь — наши стратеги от нее тоже малость свихнулись.

— Ого! — только и сказал Вуковуд, глянув искоса на Варвару.

Скоч, переваливаясь через камни, приблизился к стене.

— Костры погаси на всякий случай! — крикнула девушка.

Костры разом сникли, белое одеяло взвилось вверх и перекрыло все отверстия, кроме самого высокого. Теперь — скорость!

Они скатились по сглаженным уступам, не сговариваясь, влепили по заряду в скорпиона — тот и не дернулся. Еще заряд по веревке, — и такое тяжелое на вид тело падает на руки, почти не сгибаясь. Варвара подхватила его — да будь благословенна здешняя сила тяжести! — подоспевший Вафель уже раскрыл коробку с медикаментами. Активизирующий аэрозоль на лицо и, главное, на руки, онемевшие и, похоже, вывихнутые.

— Остальные! Где остальные?

— У... сте-ны...

Узкие лучи фонариков мечутся по пещере — да вот же, под самой стеной, потому сверху и не видно было...

— Трюфель! Да оставь в покое генератор, ничего с ним не случится! Сюда, скорее. Веревки режь, нож не берет...

— Пить...

Скочи взваливают на себя бесчувственные тела Фюстеля Монкорбье и Ома Рамболта, остальные, освобожденные от пут и успевшие сделать несколько глотков, с трудом подымаются на ноги. Вуковуд обхватывает Боровикова, Чары тяжело опирается на плечи Варваре. Никто ни о чем не спрашивает — прежде всего покинуть это логово. С этой стороны чартары заперты надежно, но если они вырвутся наверх или, что еще хуже, им придет помощь из противоположного подземного хода — с четырьмя обессилевшими

людьми передвигаться будет трудновато, даже под прикрытием второго генератора.

— Звери, к тоннелю, и — в лабиринт!

Скочи, цепко обхватив запасными манипуляторами тела людей, забрались по уступам достаточно проворно, Варваре и Вуковуду это далось труднее: их подопечные едва передвигали ноги. И когда замыкающая четверка достигла наконец последней ступени циклопической лестницы, из отверстия хода послышался грозный гул и скочи, пятясь, выползли обратно.

— Вода! — догадалась Варвара.

Некогда было раздумывать, почему да отчего, надо было искать другой путь: наклонный спиралевидный тоннель, в котором уже были нарезаны такие удобные ступеньки, был заполнен ревущим потоком. К счастью, он не достигал этой пещеры, а сворачивал по левому руслу и исчезал где-то в глубине, наполнив пещеру влажной свежестью.

— Первый номер, оставить человека и — вверх по стене, там должно быть отверстие! — скомандовал Вуковуд, еще не привыкший к скочевым кличкам.

Вафель осторожно спустил на камни неподвижное тело Фюстеля, и Варвара вздрогнула от безотчетной, но острой царапины по сердцу — странно раскинулись эти руки, глухо стукнула голова... Но некогда было остановиться даже на секунду: Вафель, чмокая присосками, был уже наверху, как раз там, где исчез чартар-акробат; сетку он догадался прихватить с собой, не дожидаясь указания людей.

— Что там? — крикнула Варвара.

— Можно, — лаконично доложил скоч.

Вуковуд, совершенно позабывший о собственной немощи, тем временем скорее поспешно, чем осторожно засовывал Боровикова в сетку; Вафель дернул канат, и первый кандидат в спасенные через две секунды был уже наверху. За ним последовали Ом, Чары и, наконец, Фюстель.

— Теперь вы, — крикнула Варвара, — мало ли что там...

Вуковуд, умница, ни секунды не потратил на размышления — все логично. В сетку забираться не стал, уцепился за нее. Взмыл и исчез, дрыгнув ногами в дыре. Варвара торопливо подбирала поклажу, сброшенную скочем, глянула на генератор — надо будет прислать за ним хотя бы киба, как только они доберутся до «Дункана»; что делалось там, в соседней пещере, отсюда видно не было, но судя по цоканью и взвизгиваниям чартаров, отрываться от упоительного зрелища они не собирались. Девушка, в очередной

раз радуясь собственной легкости движений, взбежала по ступенькам и, найдя проектор, поставила его на кольцевую протяжку ленты — теперь, если батарейки свежие, часов четыреста троглодитикам обеспечено. Прикрыла нишу плоским камнем, на всякий случай, и спустилась вниз. Последний беглый взгляд — ничего не забыто? Как будто...

И в этот миг кто-то цепко ухватил ее за ногу. Она даже не испугалась, а удивилась: прикосновение было настойчивым, но слабым, словно это была лапка маленькой обезьянки. Она нагнулась: так и есть, детеныш чартара, возраста не разобрать, — был бы человеческий, так можно дать годика два, — и совсем несмышленыш; теребит штанину и смотрит широко раскрытыми светло-желтыми, как лютик, глазенками.

— Что тебе, маленький?

Маленький потянулся к фонарику, прикрепленному у нее на груди, цапнул луч, и безобразные губешки растянулись от уха до уха. Привыкли к световым трюкам, не боятся... Но этот не просто не боялся — он тянулся к золотому огоньку, и у девушки вдруг мелькнула мысль, что это, быть может, единственный на десятки тысяч лет случай, когда одному из них посчастливится стать владельцем маленькой звезды.

Она отстегнула фонарик и быстро вложила его в теплую сухую ручонку. Побежала к сетке, которая давно уже тревожно дергалась, схватилась за трос. Бледный лучик плясал на камнях радостно и бессмысленно, и тихое нежное цоканье неслось ей вслед.

Скоч ухватил ее за запястья, умело и осторожно выдернул из дыры. Кругом, похрапывая, толпились клетчатые тапиры, Вуковуд торопливо совал им в морды что-то хрустящее, кажется, яблоки. По небу неслись низкие тучи, и в просветах между ними вспыхивала то одна, то другая луна. Тени скрещивались, полыхала не то зарница, не то молния, высвечивала поросшую кустарником гряду и совсем близкую башню.

— Связь?.. — спросила Варвара.

— Нет связи. Вы ориентируетесь, где корабли?

— Да вот же, рядом, только через холмы перевалить.

Они стояли на травяном кургане, окруженном исполинскими деревьями; нетрудно было догадаться, что это — купол шарообразной пещеры. За белеющими, как у берез, стволами виднелся еще один курган, поменьше, — видимо, та самая пещера, которая сейчас была превращена в им-

провизированный кинозал. Так что убираться надо было отсюда, и побыстрее.

— Боюсь, эта скотинка двоих в гору не вытянет, — проговорил Вуковуд, поглаживая по хоботу самого рослого тапира, по-видимому, вожака; тот блаженно прогибал спину и жмурился. — Послушай, Чары, ты удержишься за гриву?

Тарумбаев, сидевший на траве и уставившийся не мигая на снова вылезшую луну, — должно быть, у него мутилось в глазах — утвердительно кивнул. Варвара подтолкнула поближе к нему смирного на вид четвероногого, и тот на удивление привычно прилег рядом, предлагая седоку свою клетчатую спину. Чары перевалился ему на хребет, сжал кривыми ногами бока и замер — потомок кочевых племен, он мог теперь умереть в таком положении, но только не свалиться на землю. Вуковуд тем временем водружал Боровикова на соседнего «сивку-бурку», клетчатого каурку. Скочи по-прежнему несли Монка и Рамболта. Так и тронулись — впереди Вафель с Омом и единственным генератором защиты, затем несколько крупных тапиров, добровольно взявших на себя роль эскорта; Тарумбаев, за которого можно было не волноваться; следом Боровиков, справа и слева от которого пришлось держаться Варваре с Вуковудом — мог упасть; завершал странную кавалькаду Трюфель с не подававшим признаков жизни Фюстелем Монкорбье.

Рядом с чартарумскими эвкалиптами холмы казались не такими уж и высокими, и звериная тропа, проложенная в кустах, позволяла передвигаться достаточно быстро. При появлении луны с крон деревьев, оставшихся позади, срывались стаи крыланов и весьма заинтересованно планировали вниз, туда, где шевелились раздвигаемые тапирами кусты. Нападать, впрочем, не решился никто, а может, им хватало крупных чернокрылых стрекоз, тучами взметывающихся из кустарника. Когда же луна скрывалась, под ногами начинали шнырять разногабаритные зверушки, — судя по невозмутимости тапиров, никому не опасные. Только раз головной отряд клетчатозадых стражей разом захрапел и, сдвинув ряды и задрав хоботы (вероятно, чтобы не цапнули острым зубом), двинулись куда-то вправо; раздался треск ветвей — удирал некто увесистый даже по здешним меркам. Так взобрались на перевал, и тут же в наушниках обоих шлемов запищало, защелкало, потом унылый механический голос запросил: «Вызов? Вызов? Вас не слышу... Тик... Тик...»

Чары, лежавший на гриве переднего иноходца, прику-

сив прядку жесткого волоса, резко выпрямился, оглянулся и словно впервые увидел позади себя незнакомую наездницу в золотистом скафандре.

— Это еще кто? — вопросил он и снова ткнулся лицом в крутую шею, исчерченную клетками.

Варвара и Вуковуд переглянулись и, наверное, впервые за все время рассмеялись.

— Ты держись, держись, — сказал Вуковуд, — приедем — разберемся.

Долина с двумя торчащими, как серебряные свечи, звездолетами и антрацитовым массивом лабиринта в левой оконечности выглядела достаточно фантастично. Повезло же Чартаруме — две цивилизации...

— Что? — быстро спросил Вуковуд.

— Да вот и наши кораблики, и чьи-то башни... Не много ли на одну захудалую планетку?

— Ну, нам-то попало в самый раз... Если доберемся без дополнительных приключений.

— Доберемся, — уверенно пообещала девушка. Действительно, никакой тревогой из долины пока не тянуло. — Спускаться быстрее, росинанты у нас отменные, да и вы, я вижу, на Земле не только в мобилях разъезжали.

Вуковуд некоторое время молчал, прислушиваясь к хрусту ветвей, потом задумчиво проговорил:

— Не столько на Земле... И уж совсем не на лошадях.

Варвара не отозвалась: если захочет, сам расскажет.

Экзотический отряд спустился наконец в долину и размашистой иноходью двинулся за Вафелем к «Дункану», минуя корабль Тарумбаева. Поравнявшись с трапом, Варвара схватилась за поручни и взметнулась вверх, как маленький светло-золотой флажок:

— Давайте Ома, быстро, его надо в саркофаг...

Здесь-то она уже была дома, и все делалось как бы само собой, и Вафель на десяти манипуляторах осторожно поднимал бесчувственное тело, одновременно сдирая с него клочья комбинезона, и она знала, что теперь можно не беспокоиться: защелкнется крышка, поступит дополнительный кислород, и массаж вывихнутых рук, и ритмизация всего, что способно ритмизироваться, только одна беда — второго саркофага нет, но пока Джон подымает Тарумбаева и Боровикова, надо срочно дать команду на вертолет — возвращаться, возвращаться как можно быстрее!

На пороге порскнул из-под ног пришлый киб.

— Эй, — крикнула она, — а ну-ка быстро на свой ко-

рабль, все запасы медикаментов и то медоборудование, которое ты сможешь демонтировать за полчаса, сюда!

А то ведь и среди своих могут оказаться покалеченные... Она метнулась в рубку — «Тик... Тик... Тик...». В бессильной ярости стукнула кулачком по пульту — да будь она и специалистом по фоносвязи, все равно автомат сделает больше: он универсален. Испробованы все диапазоны, все антенны. Видимо, по ночам лабиринт создает какой-то чудовищный экран, не нарочно, разумеется, но от этого не легче.

Она вернулась в госпитальный отсек, но туда было уже трудно протиснуться: Ом в саркофаге, Боровиков и Тарумбаев на откидных лежанках, и над обоими уже растянуты кислородные палаточки. Трюфель с Вафелем — при них.

— Я закоротил скочей на Гиппократа, — севшим голосом доложил Вуковуд. — Они сейчас ребятам нужнее. Обойдемся?

— Обойдемся. — Она не просто с тревогой, а с какой-то непонятной болью глядела, как он, привалившись к дверному косяку, шарит непослушными пальцами по груди, не в силах расстегнуть скафандр. — Без вас, между прочим, я тоже обойдусь. Третья откидная койка вон там, под иллюминатором, и чтобы больше вас в вертикальном положении я не видела.

— Ого!.. — только и сказал он.

— Не ого, а давайте помогу.

Она отбросила концы клейкого воротника, отщелкнула зажимы и стала стягивать неподатливый синтериклон с плеч — назад, за спину. Он вдруг поймал ее руки, прижал к теплому ворсу сусанинского свитера и стоял так несколько секунд, закрыв глаза. Потом разжал пальцы и продолжал стоять неподвижно, ожидая, когда маленькие шершавые ладошки выскользнут и исчезнут. А они не исчезали. Он открыл глаза и засмеялся:

— Ну, а простоял бы я так минуту — вы бы так и не дышали?

— Подумаешь! Я и четыре могу.

— Слишком много у вас достоинств, — со вздохом проговорил он. — Ни один мужик в здравом рассудке вас замуж не возьмет.

— Главное мое достоинство — умение заваривать чай. Сейчас я вас напою, а пока кликните киба, чтобы помог вам раздеться. Я понимаю, что когда-то прекрасные дамы собственноручно снимали с рыцарей все доспехи...

— И под доспехами обнаруживался плешивый мужичонка, как правило, еще и кривобокий.

— Это еще почему? — крикнула она уже из камбуза.

— Шлем — враг шевелюры, а помахали бы вы с детства одноручным мечом... Варвара, — вдруг сказал он странным тоном, — только не надо снотворного...

Его голос так изменился, что она перепугалась и выскочила обратно, на центральную площадку. Вуковуд сидел на комингсе медотсека, и киб стаскивал с него ботинки.

— Снотворное — это единственное, чего я в жизни боюсь, — проговорил он виновато.

— Ладно, — кивнула она, — но на этот раз вам без женьшеня. Кстати, под рукой тут пюре из айвы с артишоком. Съедобное. Сойдет?

— Посмотрим. Киб, прими у дамы чашки...

Она передала кибу чашки и термос, одновременно шаря взглядом по полочкам, — нет ли там еще чего-нибудь, пригодного в пищу людям, не евшим несколько дней. С Вуковудом обошлось, а остальных придется кормить с ложечки. Остальных...

И только тут до нее дошло, что же было самым страшным во всей этой круговерти, в которой и она потеряла голову, — не обратила внимания, что Фюстеля, которого тащил на себе Трюфель, в госпитальном отсеке нет. Так вот почему и голос у Джона Вуковуда был такой, словно ему на горло наступили, а он пытался шутить, и даже криво усмехался, и все старался не задеть этого главного — короче, обращался с ней, как с ребенком, потому что по какой-то многотысячелетней традиции детей старались заслонить от зрелища смерти...

А еще он, наверное, казнился сознанием собственной вины — она-то ведь интуитивно нашла дорогу в лабиринте, а он плутал. Не размышляя ни секунды, она схватила первое, что под руку попалось: пакеты, жестянки, тюбики — и бросилась в рубку. Вуковуд сидел, как и прежде, в своем кресле, опять постаревший на полтора десятка лет. Поднос стоял рядом на полу. Она вывалила туда все, что принесла:

— Во-первых, посмотрите, чем можно будет накормить Чары, возьмите на себя роль подопытного кролика.

— Вернее, лорда-отведывателя королевских блюд, — усмехнулся он одними губами.

— Вот-вот. А во-вторых, придумайте что-нибудь со связью! Вы же не первый год летаете.

— Летаю-то я все свои тридцать четыре года, меня на корабль новорожденным погрузили... Впрочем, это не важно. Вы хоть договорились о том, как дублировать связь с сусанинской группой?

— Ракеты...

Он склонил голову к плечу, заглядывая в иллюминатор. Ни одной луны, только брюхо грозовой тучи, втиснувшейся между башнями. Казалось, она слилась с громадой лабиринта специально для того, чтобы отгородить долину от всего мира.

— При такой видимости... До вертолета километров пять-шесть? Ну, пальните для очистки совести.

Она побежала в тамбурную, схватила из шкафчика ракетницу, которая всегда была наготове, проверила — красные — и одну за другой всадила все шестнадцать ракет в набухшее водой темно-лиловое одеяло. Две из них таки попали в верхушки каменных глыб, отскочили, брызнули бесполезным алым фейерверком, не испугав даже тапиров, залегших прямо под дюзовыми кольцами «Дункана» переждать надвигающийся дождь.

Она вернулась, заглянув по дороге в медотсек; на пульте Гиппократа светились три прямоугольника: один желтый — состояние средней тяжести и два изумрудных — удовлетворительно. Оба скоча, просунув манипуляторы под полог палаток, умело массировали омертвелые от веревок ноги разведчиков.

— Что?.. — спросила она шепотом.

— Нарушение водного баланса, — так же шепотом ответил Вафель. — Незначительное истощение. Множественные вывихи. Общий бронхосиндром. Ничего существенного.

В памяти мелькнула машина, догорающая на дне ущелья, нервный тик, пробегающий по лицу Гюрга, — понавидались скочи на своем служебном веку.

— А что с тем, которого нет в медотсеке?

— Кровоизлияние в мозг. Реанимация исключена. Поздно.

И — совсем тихо:

— Где он?

— В «черном трюме».

А она даже не знала, что такой существует!

Она скорбно, даже как-то по-старушечьи покивала — совсем не знала, что говорить в таких случаях. Вернулась в рубку.

— Отстрелялась. Две мимо, остальные над самым массивом — может, в разрыве между туч... — Она и сама понимала, что — бесполезно. А что же тогда остается? Послать скоча обратно через гряду, на восток, чтобы обошел подземный лабиринт и спустился к тому, где заблудились вертолетчики?

— И это какой-то шанс, но ведь они могли и переместиться. Если бы скочем можно было управлять хотя бы со спутника — но для этого нужно ждать рассвета. Ночью связи нет, как видите.

Варвара понимала, что все логично: зачем посылать одного из такой необходимой пары всемогущих роботов, и притом туда — не знаю куда.

— Да поймите же, Вуковуд, не могу я сидеть вот так, сложа руки! И на них могут напасть, а там не развернуться, чартары ведь чуть не вдвое миниатюрнее... Да и Рамболту вашему каждую минуту может стать хуже!

Что это я — «вашему»? Все они тут теперь мои... Она подняла на него глаза — прямо, только прямо:

— Да мне просто страшно, Вуковуд...

Он тянул чай, держа кружку обеими ладонями, как медвежонок. Собственно, ему и отвечать было нечего, он просто не засыпал, хотя ему-то это надо было больше всех лекарств, потому что иначе она осталась бы одна со всеми своими страхами.

— А что вы всё зовете меня Вуковудом? — неожиданно спросил он.

— Привыкла. На Степухе ведь о вас легенды ходят.

— Где, где?

— На Тамерлане, — поправилась девушка.

Одна бровь удивленно приподнялась — словно на то, чтобы поднять обе, у него не хватило сил:

— И какой же момент моей биографии показался обитателям Тамерланы столь легендарным?

— Ишь как скромно, — проговорила Варвара, присаживаясь на пол у его ног и дотягиваясь до второй кружки с чаем. — У вас что, вся жизнь состояла из таких пламенно-дымящихся эпизодов вроде шашлыка на шампуре? На Тамерлане рассказывали про то, как вы обуздывали Золотые Ворота. А что, было еще что-то героическое?

— Это вы молодец, что не даете мне заснуть... Вроде маленького козленка, который бодается тупыми рожками... Героического вообще-то было мало, вот как здесь, — больше всяких несуразиц... Безвыходных лабиринтов.

— Безвыходных лабиринтов не бывает, — твердо сказала Варвара. — Потому что тогда они называются по-другому.

— Так и вообще не бывает ничего безвыходного. Так говорят, когда имеется ограниченное число решений и каждое — хуже некуда. Так и у меня с самого начала и до сего момента.

— Это когда вас, совсем маленького, отправили с Земли?

— Если бы с Земли! С Ван-Джуды. Мама... в общем, с мамой произошло несчастье. Отец решил отослать меня к своей сестре, благо у нее уже была двойня чуть постарше. Да и командиром на «пюсике» была женщина, лету — недели две... Стартовали. А на одном из промежуточных буев нас сбила нефиксируемая масса. Тоже легенды, может, слыхали? Чтобы уйти в подпространство, корабль должен отойти от буйка, где он заправлялся, и вообще очутиться подальше от источников гравитационного поля. Мы отошли, включились в режим перехода, и тут приборы показали приближение какой-то массы.

Варвара припомнила свои в высшей степени тягостные впечатления после сигнала «режим субпространственного перехода». Единственная радость — что все это происходило достаточно быстро. Когда же их успели сбить?

— И вы упали обратно на Ван-Джуду? — спросила она.

— О ч-черные небеса Вселенной! Да как мы могли на нее упасть? Конечно, нет. Сбили — это вышибли из режима. Так что в следующей зоне мы выскочили из субпространства не рядом с буем, а где-то в шести световых годах от него.

Она знала, что это — самое страшное, что может приключиться во время полета. Так вот и появляются космические «летучие голландцы».

— Ну, разумеется, у нас были трехгодичные запасы — с расчетом на анабиозные камеры. Но нашему сигналу SOS предстояло добираться до ретранслятора вдвое дольше, и к тому же мне было всего несколько месяцев, а на таких малышей анабиозная камера не рассчитана... Вот это и называется безвыходной ситуацией, когда надо продержаться вдвое дольше, чем идет сам сигнал.

— А потом еще искать вас...

— Ну, это уже проблема двух-трех недель — мы же точно указывали свои координаты. Подгреб бы спасатель с двойными энергобаками... Да он в конце концов и подгреб. Не в том дело...

И по тому, как он запинался, Варвара вдруг поняла, что Вуковуд очень редко — а может, и никогда — рассказывает свою историю.

— Не надо больше, — сказала она.

— Да что там... Короче, она осталась со мной, а остальных уложила в анабиоз. И долго-долго считала... А когда просчитала все в триста тридцать третий раз, то отключила питание от общей камеры. И стала меня растить. Я

помню, что мы очень весело с ней играли — собственно говоря, нам больше и делать было нечего. А когда я засыпал, она опять считала. Под конец она стала говорить со мной на своем родном, старинном языке, и называла меня Джоном, а не Иваном, и говорила, что как-нибудь я усну, а меня разбудят незнакомые люди. Обязательно разбудят — так и звала меня: Вуки, пробужденный... А когда мне исполнилось четыре с половиной, она и меня уложила в камеру. Два года я проспал, чуть ли не день в день. И разбудили.

— А... она?

— А она сосчитала точно, чтобы хватило мне одному. С тех пор я боюсь снотворного, да и на Большой Земле мне как-то неуютно... Шумно, многолюдно.

— А летать не боитесь?

— Да как-то нет...

Сейчас вернутся наши и станет шумно и многолюдно. А если не вернутся? Если так же, как эти...

— Вуковуд, прошло только полночи. Что же все-таки делать?

— Ждать. Отоспятся Чары с Боровиковым, рассветет, если связь с восходом не восстановится, может быть, просто поднимем один из кораблей.

— Гениально...

И в этот момент в шлюзовой грохнуло. Что-то посыпалось на пол, послышалась возня — наконец-то! Войти могли только люди, ведь скочи были здесь, в медотсеке, а никакое зверье не способно проникнуть через защитное поле.

Они разом вскочили, и даже не бросились навстречу прибывшим; с плеч упала такая тяжесть, что пришлось перевести дух и только тогда, освободившись от этого непосильного бремени ночного ожидания, почти спокойно выйти навстречу...

Тянуло сырым сквозняком, и в пустом тамбуре суетился киб, подбирая рассыпавшиеся коробки.

Вуковуд тревожно глянул на Варвару.

— Это я его посылала, — почти беззвучно прошептала она, — на ваш... этот... «пюсик». В медотсек... может не хватить...

Он поймал ее за плечи, обтянутые так и не снятым скафандром, скользким, как рыбьи потроха. Притянул к себе — думал, видно, что она заплачет. Варвара напряглась, не сопротивляясь, а прислушиваясь: из черного жерла выходного люка доносился свистящий гул, точно стремительно неслись тысячи маленьких серебряных саночек. Туча, слабо подсве-

ченная огнями иллюминаторов, уже спустилась ниже верхних оконечностей обоих кораблей — на соседнем замутился и исчез носовой сигнальный фонарь. Варвара мягко отвела руки Вуковуда, отключила защитную решетку, выглянула: тапиры, упрятавшиеся под «Дунканом», тревожно похрапывали, сбиваясь в тесную кучу. Голове вдруг стало холодно; кисельный туман, опускаясь все ниже и ниже, залепил выход из корабля, но внутрь почему-то не пополз.

Вуковуд потянул ее обратно, чтобы не высовывалась. Судя по скорости движения, туча уже легла на брюхо, растекаясь от одного края долины до другого серой простоквашей. Тут же полыхнуло, малиново-красным ополоснув стены шлюзовой, и в тот же миг рядом засвистело, зашуршало, зазвенело стеклянными нитями. Варвара не сдержалась, быстро натянула защитную перчатку и высунула ладонь наружу, подставляя ее стеклянному дождю. Тонкие ледяные спицы ткнулись в ладонь, не прокалывая синтериклона, — к счастью, они рождались на малой высоте и не вонзались, а просто сыпались сверху, словно сосновые иголки. Полыхало все чаще, и казалось, что там, за бортом, идет малиновый снег. Было тревожно, как в ненадежном одиноком жилье посреди метели. И дышать тяжело.

— Как-то там?.. — Пахло бедой, прямо-таки тянуло, но не из прикрытого решетчатой защитой люка, а совсем наоборот — сзади.

Они еще не переступили порога госпитального отсека, а ярко-красный прямоугольник уже подтвердил: да, худо. Состояние Рамболта тяжелое. Под крышкой саркофага четко проступало вытянувшееся серое лицо с такой сухой даже на взгляд кожей, что казалось, коснись — и зазмеится трещинками. Бесконтактные датчики расположились нимбом вокруг головы, и гибкие манипуляторы ползали по рукам, поклевывая вены. Открывать сейчас крышку было нельзя — Гиппократ делал больше, чем могли бы люди. И все-таки...

Вуковуд оторвал кусок ленты, выползшей из щели диагностера. Пробежал глазами.

— Хуже некуда, — сказал он, — это гравифобия.

Варвара молча подняла на него глаза — она как-никак прошла фельдшерский курс, но о такой болезни и не слыхала.

— Это не болезнь. Состояние. Даже нет, требование организма. Короче, это компьютерный диагноз, люди в такое не верят...

Варвара быстро глянула на саркофаг — как это не верить, когда — вот... Снова молча выпрямилась, ожидая разъяснений. Она уже знала, сейчас ей придется сделать что-то невероятное, пока неизвестное ей самой, но что именно — для этого у нее было еще недостаточно информации.

— Вы, наверное, слышали, что после полетов все корабельные Гиппократы сваливают свои записи в одну кучу — кажется, где-то на Багамах. Там центр. Так вот, у людей, долгое время проведших в невесомости, особенно в юношеском возрасте, иногда при самом незначительном заболевании организм словно перестает бороться — и так до тех пор, пока больного не помещают в антигравитационную камеру. В состоянии невесомости организм как бы «приходит в себя». И заранее это ни распознать, ни предугадать нельзя. Со мной, между прочим, это тоже может случиться... Это что бы вы не пугались.

Она, не мигая, смотрела на него, словно не слыша. И тем временем лихорадочно прикидывала — что делать? Что делать?! И еще как-то подсознательно соображала — вот оно что, не пугайтесь... Это он затем рассказывал о своей истории, чтобы она не испугалась, если ей придется остаться здесь совсем одной с четырьмя бесчувственными людьми на руках. Ему очень не хотелось, но он рассказывал, чтобы она знала: то, что выпало ей, — это далеко не самое страшное...

— Наш антигравитатор включается только в полете, — отрывисто проговорила она. — На взлете и посадке. Предлагаете взлететь?

— Да.

— Вы — второй пилот?

— Нет. Придется положиться на автоматику.

— У нее два варианта; первый — выход на орбиту...

— Вот именно. Поднимаемся и ждем, когда к нам присоединятся ваши. У них есть врачи?

— Да, Дориан. Сусанин и Ригведас — биологи, с космической практикой. Помогут. Но подъем на левитре бесшумен, и они не узнают о нашем взлете. Могут проплутать в лабиринтах до второго пришествия. А потом пока вернутся, пока погрузятся на второй корабль, поднимутся и состыкуются с нашим... Целая вечность.

— Может, сверху связь установить легче? — предположил Вуковуд без особого энтузиазма.

— Не гарантировано. Автоматика нас обратно не посадит, мы окажемся наверху, запертые с умирающим человеком... А кто из ваших — врач?

— Монк.

— Проклятье... Сколько еще проспят ваш командир и этот... второй?

Вуковуд набрал запрос на панельке Гиппократова пульта, вспыхнул экранчик: «Раньше шестнадцати часов пробуждение противопоказано». Варвара покачала головой — она представляла себе, насколько плохо соображает человек, насильственно вызванный из царства искусственного лечебного сна. Отпадает.

— Второй автоматический вариант — доставка на ближайший буй, — продолжал Вуковуд. — Кстати, там госпитальный комплекс не чета нашему... Расположимся и будем ждать всех — и вашу группу, и спасательный корабль с Большой Земли. Он уже мчится сюда...

— И будет дней через десять, — закончила Варвара. — Если учесть, что мы пойдем ему навстречу, — через семь.

— Да, но выхода-то нет.

— Выход — сейчас же, немедленно связаться с Сусаниным.

Вуковуд первый опустил глаза. Что ответишь? Он так и стоял, тяжело опираясь на панель управления Гиппократа, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Пусть что-нибудь сделает, выплеснется, разрядится — полегчает. Потому что выхода действительно нет, если не случится чуда и сусанинцы не вернутся в течение часа сами собой. Щелкнул разряд ракетницы, еще и еще... Пусть. Мизерный шанс. Четырнадцать... Пятнадцать... Шестнадцать. Обойма. Он сделал над собой усилие и, придерживаясь за стенку, пошел на выстрелы. Сбросить бы лет десять, ему бы и вся эта эпопея с лабиринтом нипочем...

Варвара вышвыривала на пол содержимое арсенального сейфа, который по всем-то правилам должен был находиться под печатью. Но в полетах к оружию не испытывали большеземельного трепета — аппаратура как аппаратура — и сейф не запечатывали.

— Вафель, где красные обоймы? — крикнула она командирским тоном.

— В вертолете, — донеслось из госпитального отсека.

— О Санта Фермопила... И на кой ляд тут этих лабиринтов понатыркали?..

Обойма вошла с хрустом, и желтый трассирующий след наметил пунктирную звездчатую траекторию, огибающую черную громаду. Туча, осевшая на долину, исчезла, и тапиры, похрустывая еще не растаявшими ледяными иглами, выбирались на пастбище. Но уже следующее одеяло накры-

вало верхушки башен, и зарево распустившегося янтарного цветка сдва-едва проступило сквозь мглу.

— Я так думаю, что это — игрушки, — негромко проговорил Вуковуд. — Игрушки для троглодитов. Залы игорных автоматов.

Щелкнул очередной выстрел, и желтая блестка влепилась прямо в середину «фасада», расцветая сияющим одуванчиком.

— Дорогое... удовольствие... — хлоп! — еще ракета.

— Сорок с лишним часов ночи — это, видимо, слишком тяжелое испытание для развивающегося разума. Те, кто прилетал сюда до нас, вероятно, поняли, что здешние приматы пошли на вымирание. Как и у нас на Земле — за исключением человека.

Да, Земле не повезло — сколько боковых ветвей человеческого рода кануло в вечность, да и высшие обезьяны без малейшего вмешательства цивилизации не оставили бы о себе никаких воспоминаний, кроме ископаемых косточек, через каких-то несколько десятков тысяч лет. Вуковуд прав — чартаров спасали, но им подарили не игрушки, а друзей и защитников.

— Хлеба... — пробормотала девушка, всаживая еще одну ракету в лоб лабиринту, — и только хлеба. Зрелищ им потребуется через много-много лет. А лабиринты — это сплошные зрелища.

— Вот именно, — кивнул Вуковуд. — Зрелища, притом загадочные, поражающие воображение, задающие задачки... Почему — через много? Именно сейчас. До эпохи лабиринтов половина жизни — ночная половина — пропадала впустую. Проспать сорок часов подряд они не могли, оставалось сидеть в норах и терпеть темноту. А лабиринты — это игротеки. Шары каменные, ступени... Мы не успели дознаться до условий хотя бы одной из этих игр, а ведь в «тронном зале» простейшая таблица умножения: наступаешь на первую ступеньку, и на потолке вспыхивают две полосы; перебираешься на вторую — уже четыре; а галерея с квадратными плитами — не проходили? Шахматная доска. Да и сам лабиринт, его же решить надо...

— Или сдохнуть с голоду, заблудившись...

— Никто не дохнет: заблудших смывает вода, прямо в пещеру.

Они постояли, прислушиваясь; Вуковуду казалось, что где-то вдали подымается из темной и влажной долины приглушенный гул; Варваре же ничего не казалось, она твердо знала, что просто так Сусанин не вернется, и она прислу-

шивалась не к внешним звукам, а к собственному внутреннему голосу. А он, собака, признаков жизни не подавал. Она сменила желтую обойму на зеленую и выпустила подряд две ракеты. Они чиркнули по самым верхушкам камней и ушли вверх градусов под сорок.

— Бесполезно, — прокомментировала собственные действия Варвара. — Чтобы Гриша заметил сигнал, его надо завесить прямо над вертолетом. Но их долина ниже нашей.

И, словно опровергая всю безнадежность этого заключения, она одну за другой влепила все оставшиеся четырнадцать штук в самый центр, где стоячий козырек отгораживал от прямого попадания парадный вход лабиринта. Ракетницу она держала двумя руками и целила прямо, только прямо.

И с каждой вспышкой в ней росла уверенность, что решение уже найдено. Решить лабиринт — это значит войти в него и из него же выйти. И путь этот долог и извилист.

Но это — для троглодитов.

— Все, — сказала она, швыряя ракетницу на пол.

Выдернула из арсенального сейфа тяжелый ствол полевого десинтора и в бессчетный раз удивилась тому, что и тут Вуковуд не задал ей ни единого вопроса. Не спрашивал, не советовал, не командовал. Короче, не мешал жить. И откуда только он взялся — такой...

— Идите к пациентам, Вуки, — сказала она. — Я скоро.

Она опустила щиток шлема и подняла десинтор на плечо. Нырнула в люк. Кто тут из тапиров — ее персональный?.. А, вот, трусит навстречу, задирая хобот.

— Давай, милый! Прямо, только прямо!

Нельзя торопливо думать, и Вуковуд, умница, это понимал. Но когда решение пришло, надо наверстывать даже секунды. Не трусь только, сокровище мое клетчатое, если все получится, все яблоки камбуза твои; спокойно, спокойно, это всего-навсего черный холодный камень... Ближе... Еще ближе... И до чего же хорошо ты у меня слушаешься! Стоп. Приехали. Теперь прижмись своим разлинованным боком к камню, а я встану тебе на спину... Спокойно, спокойно...

«Иллюминатор» был невелик, сантиметров двадцать, голову не просунешь. Постучала костяшками согнутых пальцев, по звуку стало ясно: толщина металлической заглушки не позволит пробить ее просто так, камнем. Приладила на плече десинтор, чтобы было поудобнее, регулятор разряда перевела на минимум и нажала спуск, прижимая выхлопное отверстие к серебристому кругу. Некоторое время она ощущала только зудящую дрожь разряда, потом раздался

легкий хлопок, и разгорающиеся магниевым блеском осколки полетели внутрь лабиринта.

Варвара скосила глаз книзу — как там ее живой пьедестал? А ничего, стоит, привычный. Фейерверки тут не в диковинку. Тогда она прислонилась щекой к теплому зарядному ложу и глянула вдоль ствола и продолжающего его красного короткого луча. Оплавленная дыра позволяла рассмотреть совсем близкую темно-серую стену и круглое око «иллюминатора». Точно напротив. Да она в этом и не сомневалась.

Она просунула ствол подальше и плавно повела рычажок, увеличивая длину луча. Раздался хлопок — там, внутри, вспыхнуло, и алая проволока разряда протянулась сквозь второе оплавленное отверстие. Варвара прибавила мощность. Луч бил уже метров на двадцать, и следующий хлопок был едва слышен, но белая гвоздика, отдаленная расстоянием, расцвела и нанизалась на едва видимую все удлиняющуюся спицу, и еще вспышка, и еще... Ствол лежал удобно и равновесно, больше не давя на плечо, и можно было нарастить скорость, и где-то после семнадцатой вспышки Варвара сбилась со счета и все быстрее, но не теряя плавности, вела рычажок книзу, пока не почувствовала упор. Это значило, что луч ушел в бесконечность. Тогда она прибавила мощность, тоже до предела, и представила себе, как насыщенный толстый жгут перечеркнул ночное небо там, над долиной с каменными руинами, а даже если облака опустились над самыми деревьями, они должны были сейчас полыхнуть багряным заревом.

Варвара перевела дух, нашарила кнопку прерывателя и начала сигналить: три длинных луча, три коротких, три длинных. Три, три и три. SOS! Теперь это должен был принять и вертолетный скоч, если почему-то Гриша Эболи тоже спустился в подземелье. А каждый, человек ли, робот ли, приняв SOS, тут же должен ретранслировать его по всем имеющимся каналам. Она нажимала на шершавую кнопочку, чувствуя, как терпеливо переступает под нею усталое, не привычное к такой тяжести животное. Ну подожди, миленький, осталось не так уж много, на полной-то мощности разряда хватит минут на шесть-семь, я сейчас сделаю небольшую передышку, и ты, послушный мой...

Сглазила-таки! Тапир шарахнулся, приседая, и Варвара, выпустив из рук согревшееся, мелко вибрирующее ложе, упала на вздыбленную гриву и, с трудом удерживая за шею своего иноходца, остановила его и замерла, поглаживая по хоботу и нашептывая что-то ласковое и бессмыслен-

ное. Тапир стоял, широко расставив ноги и опустив голову, словно прислушиваясь к чему-то, доносящемуся из-под земли; Варвара уже примеривалась повернуть его обратно, чтобы хотя бы достать оставленный в «иллюминаторе» десинтор, как вдруг почувствовала толчок, точно животное подпрыгнуло на всех четырех ногах разом, — тапир издал трубный звук и, не дожидаясь очередной встряски, кинулся куда глаза глядят, запрокидывая голову с напрягшимся хоботом назад, словно хотел достать прижавшуюся к его спине девушку. Паническый ужас, который наводит землетрясение на все живое, гнал его к далекому выходу из долины, а уходящая из-под ног почва заставляла его совершать конвульсивные, непредсказуемые движения, так что удержаться на нем без седла не смог бы и самый опытный наездник. Варвара слетела где-то на полпути к «Дункану», и тапир, кажется, даже не заметил. Она поднялась и побежала, тоже во власти животного страха перед колеблющейся землей, и в голове стучало единственное: «Не может быть, этого просто не может быть, потому что лабиринт не построили бы в сейсмической зоне, поэтому не может быть...» Но понемногу стыд перед этим страхом становился все сильнее, да и чего, собственно, было бояться — под ногами едва-едва подрагивало, и уж в первую очередь надо было думать не о лабиринте, а о кораблях, которые могли рухнуть, несмотря на превосходные амортизаторы; и не о тапире, обалдевшем от ужаса, а о Вуковуде, который, наверное, места себе не находил, потому что в его положении единственным разумным выходом было стартовать, спасая не корабль, а измученных спящих людей — автомат вывел бы их на орбиту. Но Варвара ни минуты не сомневалась, что именно этого он и не сделает. Она поняла это и побежала быстрее, еще быстрее, упруго отталкивалась от уже неподвижной гулкой почвы, и звук собственных шагов рождал какие-то далекие, милые воспоминания...

А, ведь так бежал в тумане Петрушка, целую вечность тому назад...

Она влетела в люк «Дункана» и чуть не сбила с ног Вуковуда, спешившего ей навстречу.

— Что? — выдохнула она, обрывая застежки скафандра. — Что у вас?..

— Никаких перемен к лучшему, — проговорил он удивительно ровным тоном, и только тут она поняла, какая же тревога, наверное, прячется за этим кажущимся безразличием и таким спокойным, измученным лицом. Так неужели за этой тревогой он не заметил даже землетрясения?

— Вас что, не тряхнуло разок-другой?

— Нет, иначе сейсмодатчик включил бы сирену.

И то верно. Но не показалось же ей, да и тапиру в придачу? Не даром же первая мысль была: не строят лабиринтов в сейсмозоне...

— Я дала сигнал SOS,— сказала она, выбираясь из скафандра. — Вместо красных ракет — красный луч...

Золотистый балахончик остался наконец на полу, и девушка побежала к медотсеку, перескакивая через кибов, валяющихся как отдыхающие осьминоги. Да, все по-прежнему, два зеленых табло и одно — красное. Правда, и это еще не самое страшное, непоправимое начнется тогда, когда на пурпурное поле наползет черный треугольник: «непосредственная угроза для жизни». Тогда нужно будет бросать все и стартовать в ту же секунду. А пока...

— Вуковуд, мы продержимся еще один час? Если связь у них с вертолетом не нарушена, то они уже мчатся со всех ног обратно, а если Гриша не может с ними связаться, то он обязательно поднимет машину и долетит хотя бы до этих башен — в зоне прямой видимости мы уж как-нибудь контакт установим. В крайнем случае, спустится на секундочку. А?..

Вуковуд облокотился на край саркофага и некоторое время смотрел, как упругие кулачки массажеров ритмично растирают серую, покрытую какой-то жирной смазкой кожу. Как будто там и не человек, а тюлень.

— Один час, я думаю, у нас есть, — сказал он и едва заметно улыбнулся лиловыми, как у Лероя, губами.

«Если он и сейчас меня ни о чем не спросит, — неожиданно для себя подумала Варвара, — я его поцелую!»

Вуковуд молчал. Зато Чары, подрыгивая ногами, окольцованными браслетами датчиков, все время торопливо чмокал и помыкивал, сбивая ингаляторную полумасочку.

Варвара прокашлялась и вдруг поняла, что ей хочется отступить и прижаться спиной к косяку. Ну, а раз хочется, то так она и поступила.

— Отсюда сигналить десинтором было бесполезно, — начала она зачем-то объяснять. — Луч под слишком большим углом уходил вверх, из нижней долины его через толщу облаков и не заметили бы. Пришлось прошить лабиринт.

Вуковуд молчал.

— Насквозь.

Вуковуд молчал. Да что он, не понимает, что никаким десинтором такую толщу не проткнешь!

— Когда я там металась от одного коридора к другому, мне показалось, что эти круглые дырки, «иллюминаторы», все ориентированы...

Красный прямоугольник дрогнул и погас. Но не успело сердце уйти в пятки, как вместо красного зажегся теплый желтый свет. С чего бы это? Или Вуковуд тут без нее чего-то наколдовал? Она обернулась и вопросительно поглядела на него.

— Умница вы усатенькая, — проговорил он с бесконечной нежностью. — И все-то вы делаете правильно, даже когда ничего не делаете. Я терпеть не могу вопросов. Что надо, человек сам скажет. Это я старый прапрадедовский способ применил: живую кровь. Люди не верят в гравифобию, а компьютеры — в живую кровь: в них ведь заложено, что консервированная совершенно идентична свежей. Только это улучшение ненадолго...

— А моя... — начала было Варвара, но тут из раскрытой двери послышался крик Вафеля.

— Связь! Связь с вертолетом! — Можно подумать, что и он ее ждал, как человек.

А из рубки нарастало сливающееся в одно слово: «Отвечайтеотвечайтеотвечайте...»

— Сусанин! — крикнула Варвара еще с порога. — Евгений, у вас все живы?

— Естественно, — донеслось в ответ. — Что там с тобой?

— Со мной все хорошо... С Рамболтом плохо. Гравифобия. Надо срочно взлетать.

— Ага!.. — двухсекундная пауза доказала, что он усваивает информацию — как произнесенную вслух, так и подразумевающуюся. — Состояние красное или с черным?

Ничего себе медикокосмический жаргон!

— Желтое, но это ненадолго.

— Тогда успеем, мы уже на траверзе восточной башни. Остальные-то ходячие?

Варвара невольно оглянулась на Вуковуда — у того распахнутые во всю космическую черноту глазища полыхнули волчьим заревом — улыбнулся, называется. Значит, двое нас, ведьмаков.

— Вы уж извините его, Джон, он у нас изысканностью манер не отличается. — Это настолько отчетливо, что на другом конце должно было прозвучать на весь вертолет.

— Разговорчики на вахте! — рявкнул Сусанин, и Варвара почувствовала, что у них не все благополучно. — Твоего скоча подобрать, который тут на всю окрестность иллюминацию устроил?

— Нет там никакого скоча, десинтор с нашей стороны. Сейчас разрядится, так что не теряй времени. И садись поближе к «Дункану».

— Я смотрю, ты там отоспалась и раскомандовалась...

— Вот именно. Ну, я пошла вас встречать.

Стоя плечом к плечу на пороге шлюзовой камеры — мало ли что, вдруг придется коридор защиты наводить, — Варвара с Вуковудом глядели, как на фоне кучерявого облачка все яснее проступает жужеличное брюшко вертолета, подсвеченное изнутри. Девушка перегнулась, заглядывая под опоры: тапиров не было, так и канули во тьму. Тем лучше, меньше расспросов. Замигали малиновые посадочные огни.

— Поменьше бы они мигали, — пробормотал Вуковуд, — еще примчится кто-нибудь, как на новогоднюю елку...

— Наши не примчатся, у наших кинолекторий, — хмыкнула Варвара. — А чужим — с чего бы? Они тут спят, как сурки, их поднимет или домкрат, или чудо.

— В том-то и дело, что — чудо. Видали, в пещере с лестницами — бананы на огне жарятся, ешь — не хочу; так ведь не хотят. Спи — не хочу: сорок два часа. Тоже не хотят, с открытыми глазами валяются. И притом без малейших сил. Но вот происходит чудо, пусть маленькое, забавное: их старый, привычный крокодил, он же скорпион, решает отведать живой плоти какого-то незнакомого, но не слишком примечательного зверя, а зверь начинает плясать на веревочке, как будто специально им на потеху...

— Не надо, Вуки...

— А вы ведь не поняли главного. Вспоминайте, Варвара, вспоминайте, как бы ни было страшно, вы ведь сейчас не красная девица, а исследователь. Смотрите: сначала загораются глаза, потом напрягаются лицевые мышцы — сначала гримасы, а затем уже мимика на грани гротеска; общая апатия сменяется повышенной возбудимостью, и только тут — не поздно ли? — включается звуковое сопровождение... Что-нибудь не так?

— Чувствуется, что вы не биолог, Вуки...

— Сейчас это не существенно, да и разведка дальних планет приучает к взаимозаменяемости. Но на что это похоже?

Варвара пожала плечами:

— Ну, как сказать... Например, резкое повышение содержания адреналина в крови.

— Близко! Во всяком случае, уровень явно гормональ-

ный. Чартары оживают, когда им интересно, и погружаются в полнейший транс от скуки. Свежая, яркая информация нужна им как витамин, как ультрафиолет... как вода, в конце концов.

— На Большой Земле такие гормоны найдены еще в конце двадцатого века, правда, на земные организмы они влияют раз так в тысячу слабее.

— А здесь это условие жизни. Вот для чего понастроены лабиринты — в них ИНТЕРЕСНО!

Варвара следила глазами за вертолетом, прошедшим над самой верхушкой стоявшего торчком второго корабля, и в ушах ее звучал изысканно вежливый, чуточку высокомерный голос: «Значит ли все вышесказанное, что вы имеете собственную, то есть отличающуюся от общепринятой, концепцию ноосферы Земли Тамерлана Степанищева?..» С этого вопроса, собственно говоря, и началось все то, что заканчивается здесь, в этой ночной долине, поросшей, как стадион, короткой травкой.

Потому что сейчас Сусанин заберет всех спасенных, и — на буек, в «странноприимный дом». И она потеряет Вуковуда.

Послышался свист, потом шум, словно захлопала крыльями гигантская курица, — вертолет глушил моторы. Сел он всего шагах в двадцати, и через прозрачный колпак было видно, как заросший щетиной до самых бровей Сегура, издалека кажущийся из-за этого негром, машет руками, скрещивая их над головой, что у всех народов и на любых планетах значило: «порядок!».

— Надо бы спуститься, — задумчиво проговорил Вуковуд.

— Еще чего!

Вылезла наконец громадная персиковая луна — которая уже по счету! — и в ее обманчивом нежарком сиянии лица людей, потянувшихся цепочкой от вертолета, казались загорелыми и совсем не утомленными. Первым шел Сусанин, угрюмый и голодный, что было на нем прямо-таки написано, и Варвара подумала, что знает его всего месяца четыре, а ведь угадывает любое его выражение; трусил Кирюша, похлопывая себя по оттопыренным карманам, неизменно восторженный и преданный Сусанину, как аполин; Ригведас, всегда и у всех бывший на побегушках, был навьючен, как скоч; Дориан шествовал небрежно и устало, он умудрялся всегда выглядеть так аристократично, что даже скафандр, кажется, ниспадал с него античными складками — иллюзия, аналогичная несуществующим каналам Марса; Сегура все время оборачивался к Грише Эболи, порываясь

его поддержать; а замыкал шествие победоносно шагающий Гюрг. От усталости, недосыпа и всей этой неправдоподобной эпопеи, сегодняшней бесконечной ночи у Варвары голова шла кругом, и ее нисколько не интересовало, какие же там победы одержал командор Голубого отряда.

Ее внезапно поразило простейшее открытие: а ведь все, что произошло между нею и Гюргом, уложилось всего в несколько дней... Она пристальнее вгляделась в своего бывшего командора и поправилась: все, чего НЕ произошло между нею и Гюргом, который сейчас вышагивал, как римский легионер. Но поразило-то ее совсем другое: а ведь ей и Вуковуду отпущена всего одна ночь. Бесконечная, сумасшедшая, неповторимая, но всего одна!

Да что же это за жизнь такая...

Но горевать о жизни такой было уже некогда, потому что через порог переваливались и сразу же обмякали, оседали на пол страдальцы из вертолетной группы, как бывает всегда с людьми, мечтающими только об одном — добраться до родного дома. Родным домом был пол в шлюзовой камере, и теперь каждому надо было помочь, что-то расстегнуть, расшнуровать, отвинтить и вообще — вытряхнуть из скафандра, а потом подставить плечо и проводить на камбуз, а вот Гришу на свободную коечку прямо в медотсек, где, хвала черным небесам и живой Вуковудовской крови, все еще теплился желтый прямоугольник. И она нагибаясь, присаживалась на корточки, обламывала ногти, подставляла колено или спину, наливала кружки, включала тостеры, утирала салфетками, подсовывала кусочки, отбирала кости — словом, вела себя, как и подобает женщине, в дом которой после трудного похода вернулись усталые мужчины. А когда случайно подняла голову и глянула в дверной проем, то увидела через площадку Вуковуда, стоявшего, прислонясь к лифтовому люку, и глядевшего на нее так, как, наверное, смотрят на уплывающую в иллюминаторе Землю — когда лицо безразличное, а глаза остановившиеся и отчаянные...

Прожевали, проглотили. Столпились, естественно, у входа в госпитальный — прапрадедовский способ «живой крови» повторили и чуточку успокоились, отодвинув отлет на полчаса. Спящих решили не трогать, хотя самая глубокая фаза сна уже миновала и обоих мучили видения: Боровиков жалостливо всхлипывал, а Тарумбаев продолжал причмокивать и мычать. Сусанин наклонился и разобрал бесконечно повторяемое «Почему... почему... почему Монк».

— Что значит — «почему Монк»? — спросил он Вуковуда.

— Вероятно, если бы из вашей команды случайно выбрали кого-то — не вас — и обрекли на жуткую смерть, вы тоже до конца дней мучились бы вопросом: почему он, а не я?

— Это само собой, — кивнул Сусанин, — но все-таки: почему они выбрали Монкорбье? Действительно случайность?

— Не думаю. Монк был самым экспансивным, и когда их связали, вряд ли он оставался безучастным. Вероятно, бился, старался разорвать веревки или что там у них... Ругался, и виртуозно. Я так себе это представляю. Наверное, это и навело чартаров на мысль...

Он запнулся, увидев лицо Варвары. Сусанин оглянулся, следуя за его взглядом, отрывисто бросил:

— Приглядела бы за разгрузкой!

Варвара безропотно повернулась, вышла в тамбурную. А Вуковуд-то не знает, что у нее слух как у летучей мыши — даже здесь, в проеме выходного люка, она слышала его приглушенный голос: «Судя по всему, Монка подвесили за ногу, а он пытался изогнуться, схватиться за веревку. А им только этого и надо было...» — «С-с-сифаки бесхвостые... Он был жив?» — «М-м... когда?» — «Ну, когда вам удалось бежать?» — «Нет. Но я бы предпочел не задерживать вас сейчас подробностями». — «Как вышло, что у вас не было с собой парализаторов?» — «Были и парализаторы, все было. Стрелять по людям не могли». — «Люди... Это ж хуже людоедства!» — «Да нет, то же самое. Эмоциональное насыщение за счет чужой жизни. Но попади вы каким-нибудь чудом в прошлое нашей Земли, во времена хомо хабилис, а то и попозднее, стали бы вы стрелять в своих предков из-за того, что они предаются каннибализму? Пеленки человечества, к сожалению, в довольно страшненьких пятнах...» — «Боюсь, Вуд, вы путаете голод с развлечениями!» — «Я не путаю, я ставлю между ними знак равенства. На этой планете, во всяком случае, с ее чудовищными ночами».

Сзади послышались шаги; не оглядываясь, Варвара узнала Гюрга. Не вытерпел-таки, пришел. Дышит в темечко.

— То, что разгружают скочи, — все для вас, Варенька. Умыкнул прямо на глазах у зверья! — Прямо фонтан самодовольства.

— Ну и как глаза?

— Жуть! Бессмысленные, остановившиеся, как у лунатиков. По-моему, я их оставил без ужина. Но зато вы получите новорожденного слоненка леопардовой окраски. Эй, Фофель, не сюда, тащи все на второй корабль! — крикнул он из-за ее плеча своим скочам, опустошающим багажник

вертолета. — И две гаттерии, только чуть-чуть зажаренные...

— Плохо им придется без ужина, — сурово проговорила Варвара. — Ночь-то — сорок два часа с минутами. Попробовали бы сами, а то не успели вернуться, и стрелой на камбуз.

— Ну, наконец-то, — обрадовался командор стратегов, — узнаю прежнюю мохнатую кобру! А ведь, между прочим, пока вы здесь сидели, у нас во рту, как говорится, маковой росинки...

Варвара круто развернулась и даже поднялась на цыпочки, чтобы очутиться лицом к лицу.

— Я вам хобот зажарю, — сквозь зубы процедила она. — Хобот слоненка крапчатого и спаржу в майонезе!..

Командорово счастье — взвыла-заскулила сирена аварийного старта; как ошпаренный, выскочил Сусанин:

— Нашли время любезничать! Варька, останешься, погрузишь вертолет на второй «пюсик». Зонд-спутник откалибровать, барахлишко все подобрать, чтоб в ненужную сторону тутошнюю цивилизацию не двинуть. Гюрг тебе в помощь, а мы стартуем — этому парню опять хуже.

— Скоча оставь!..

— Всех бери. Управишься — автоматом на буек, мы там спасательного катера дождемся. Темп!

Да, это по-сусанински. Она только успела выхватить из кубрика свой рюкзак, а из тамбурной уже летели вниз скафандры, запасное оружие — Гюрг уже стоял на траве, ловил все. По-лягушачьи выметнулась четверка скочей с непременными генераторами, Варвара спрыгнула следом, чуть не угодив одному из них на спину. Оглянулась, чтобы хотя бы помахать рукой, — по ступеням неторопливо спускался Вуковуд, уже в своем мышином скафандре. Скочи похватали поклажу, помчались прочь, за световую черту, отброшенную иллюминаторами; Варвара, ничему не удивляясь, только кивнула Вуковуду, и они тоже побежали бок о бок, точно держась за руки, и световой круг под ногами вдруг исчез — на иллюминаторы опустились заглушки. Девушка невольно оглянулась: с верхушки корабля скатился видеодатчик и, поблескивая, как росинка, заскользил вниз. Из люка высунулась рука, цапнула датчик, и люк захлопнулся. Дико взвыла ненужная сирена, не догадались выключить, и две стаи крыланов, обезумев от ужаса, заметались над долиной. Разбираться с ними было уже некогда, и «Дункан» плавно пошел сквозь их мельтешащий рой, словно это была туча майских жуков, и утягивал за собой тех, кто попадал в зону невесомости.

Они забрались на пустой корабль, казавшийся заброшенным домом, загнали скочей.

— Давайте разберемся с вахтами, — деловито предложил Гюрг, оглядывая чужую рубку. — До рассвета часов шесть...

— Какие, к чертям, вахты, — отмахнулась Варвара. — Спать. Всем спать. Люк я задраила.

Ох, и какое же это счастье — отоспаться на жесткой коечке и проснуться с сознанием того, что никому и ничего не должна, и некуда торопиться, и ничего не потеряно, и полететь, едва касаясь босыми ступнями шершавого пола, в легкий прохладный душ, когда воды вдоволь и никто не топчется под дверью, и кто-то другой готовит завтрак, и, судя по запаху, делает это вполне и весьма, и с порога душевой двинуться прямо-прямо-прямо — ах, сколько последовательности! — прямо на запах, а на камбузе незнакомый чародей, гибкий и ловкий, как чартар, творит амброзию из постылых экспедиционных концентратов. Отчего он так изменился? Помолодел лет на десять... Хороша бы она была, если бы вчера его поцеловала, как намеревалась! От ужаса она встряхнулась, и сверкающие росинки с мокрых волос полетели по всей кухне.

— Вуковуд, доброе вам утро!

— Доброе утро, царевна-лягушка!

— А вы уже выглядывали — утро действительно доброе?

— А возьмем по кусочку сыра и выглянем.

— А сыр зачем?

— А хочется...

Полетели — уже вдвоем — навстречу распахнутому люку, и одинаково поежились от пронзительной утренней свежести, и разом замерли, ослепленные серебряно-сиреневыми лучами, пробивающими насквозь кустарник на лесистой восточной гряде, и одним дыханием задохнулись при виде тающего тумана, который не растекался по траве, как на Земле, а витыми призрачными струями взмывал вверх, в пепельно-лиловое небо...

И синхронно вздохнули — незаметно, едва-едва, — когда опустили глаза и увидели Гюрга, стоявшего у подножия трапа с горделивым видом конкистадора, обозревающего покоренную землю. Варвара вспомнила, что ему еще предстоит выслушать повествование о всех ее подвигах за минувшую ночь, и вздохнула во второй раз. И была услышана. Командор стратегов поднял голову.

— Прелестное утро, Варенька! Не желаете ли совершить прогулку по росе? Коллега, я вас приветствую! — соизволил он наконец обратить внимание на Вуковуда.

— Зябко, — сказала Варвара. — Я попозже и верхом. А пока... Вафель! Сбегай-ка за десинтором, который так и торчит в иллюминаторе. По краям оконца там оплавленный металл, так возьми пробу на анализ, а в трюме подберешь что-нибудь подходящее... Вук, у вас имеются воспламеняющиеся сплавы?

— Несколько марок. Собираетесь чинить поломанную игрушку?

— Только так. Вафель, иди, как ночью, строго по центру!

Она нарочно говорила таким образом, чтобы не выдать собственное участие в ночных прогулках — очень уж не хотелось тратить эти утренние часы на подробный доклад своему — на такой короткий миг! — бывшему командору.

Но он понял ее по-своему:

— Вам так не нравится Чартарума? Хотите сбежать отсюда побыстрее?

Лиловато-розовое солнце, отравная светло-изумрудная зелень... Она припомнила шоколадные тучи и слоистую глубину ониксовых каньонов, пурпурный кустарник и янтарную накипь на воде, искрящиеся трехметровые снежинки и шатер Майского Дуба...

— Нет, не нравится мне Чартарума, — сказала Варвара, морщась от какого-то пронзительного рыбьего запаха, накатывающего со стороны лабиринта. — Она чем-то напоминает тощую женщину с визгливым голосом.

Мужчины дружно рассмеялись.

— Варенька, — сказал вдруг утративший прежнюю надменность Гюрг, — а ведь скоч чего-то недопонял — он возвращается.

По сверкающей росе галопом мчался Вафель. Варвара внезапно почувствовала металлический привкус во рту, словно она увидела жестяную банку с остатками лимонного сока.

— Что ты, Вафель?

— Пройти прежним путем невозможно. Ландшафтные изменения. Силовой барьер.

— Быстро, скафандры! — вырвалось у Варвары, хотя она тут же подумала: а почему — быстро? Времени вдоволь. Вафель — слева, Туфель — справа, Фофель — замыкающий. Гюрг, вы предлагали прогулку? Тогда двигаемся.

Странно, как они умудрились не заметить этого еще сверху, когда стояли на выходной площадке корабля? Теперь, когда они подходили все ближе к черной громаде лабиринта, не отражающей даже утренних лучей, им отчетливо стала видна широкая полоса земли, опускавшейся,

подобно естественному пандусу, куда-то в глубину, где должен был находиться фундамент этого циклопического сооружения. Там, где начинался этот спуск, земля была разломана, как пирог, и крошево почвы и корневищ посыпалось в узкую трещину разлома, когда люди приблизились и стали, не решаясь переступить эту черту. Дальше трава была почти не повреждена и ковровой фисташковой дорожкой пятиметровой ширины скатывалась вниз, к загадочно поблескивающей вертикальной плоскости, до которой было добрых пятьдесят метров. Стенки этой наклонной траншеи были облицованы тусклыми серыми блоками, и неяркое солнце, лучи которого еще только-только коснулись долины, не могло осветить того, что скрывалось в конце этого наклонного пути.

Варвара сняла перчатки и подняла руки, подставляя лицо и ладони упругому мощному потоку, который, как воздушная река, несся из подземелья. Она ощущала его спокойную незлую силу и прикрыла глаза, безошибочно предчувствуя, что подсознание вылепит точный образ, соответствующий этому ощущению.

И в глубине сомкнутых век тяжело распахнулась огромная, непомерной тяжести металлическая книга с литыми негнущимися страницами.

И тогда она быстро, чтобы не успели остановить, сделала шаг вперед, переступая неширокий разлом. Сзади скрипнуло, зашелестело, как и следовало ожидать, поскольку мужчины не должны были отпускать ее одну, но привычных шагов не прозвучало, и девушка изумленно обернулась. Зрелище было почти комическое: три скоча перебирали манипуляторами, как сороконожки, поднятые в воздух, а люди конвульсивно дергались, словно кто-то удерживал их за комбинезоны — и никто не мог сдвинуться с места!

Она вернулась, осторожно подходя и ощупывая воздух руками, чтобы определить границу так странно не замеченного ею барьера; ничего не обнаруживалось, и она сделала знак своим спутникам не шевелиться. Оттянутые назад пояса с десинторными кобурами навели ее на правильную догадку — ведь она-то сама забыла оружие на корабле, потому и прошла здесь.

— А ну-ка, бросьте десинторы скочам, — велела она.

Туфель подхватил брошенное ему оружие и принял боевую стойку, продолжая упираться рецепторным бурдюком в невидимую стенку. Люди, освободившиеся от этой тяжести, неуверенно переступили магическую черту. И ничего.

— Значит, так, — продолжала Варвара, — Туфель остается наверху и держит весь этот металлолом. Через барьер ему не пройти, а почему, не будем сейчас ломать голову. Фофель двигается одновременно с нами по левому краю больше для порядка, потому как и там, совершенно очевидно, силовой заслон. Вафель, обойдя этот провал, пусть отправляется на починку лабиринта, — учти, дружок, там не меньше пятидесяти заслонок восстановить придется. По дороге снимай все, что сможешь, слева, справа, вверху и внизу. Любую органику — в багажный бурдюк. Все усвоил? Ну, пошли.

— Какого лабиринта? — ошеломленно проговорил Гюрг. — Там одни камни — при чем же воспламеняющиеся сплавы, заслонки?

— То, что вы считали лабиринтом, — мягко проговорил Вуковуд, — это так, парк для прогулок. Тренажер для малышей. А настоящий лабиринт — вот он, перед нами. Черненький.

— Этот-то зачем? — возопил командор так возмущенно, словно ему предлагали это сооружение в личное пользование. — Ну, с наземным-то ясно, хотя мы пришли к выводу, что его функции гораздо сложнее и оправданнее, чем вы сейчас изволили предположить.

— А мы готовы выслушать, — сказала Варвара, присаживаясь на откос. — Мы суемся в темную воду, и неплохо рассмотреть все предположения относительно открывшегося нам брода. Итак?..

Командор склонил голову, как бы соглашаясь с девушкой, но она-то поняла, что сделал он это скорее затем, чтобы скрыть неуемное подергивание лица, с которым он никак не мог справиться после ее коротенького, естественного «мы».

Вуковуд то ли ничего не понял, то ли понял абсолютно все — непринужденно уселся рядом и оперся локтем на колено, искоса поглядывая на Варвару: а вдруг что не так? Все было так, и глаза его, ночью казавшиеся совершенно угольными, сейчас отливали золотом, как у черного козла. Гюрг остался стоять в позе античного оратора.

— Я не займу у вас много времени, тем более что попытаюсь избегать специальной терминологии...

— Буду вам очень признателен, — чуть привстав, поклонился Вуковуд.

— Так вот, сопоставляя характер опытов, несомненно проводимых на Тамерлане, с многочисленными лабиринтами на поверхности Чартарумы, можно прийти к выводу, что неизвестные нам ксенантропы — или пришельцы, если

угодно, — поставили своей целью стимулировать развитие местных, так сказать, австралопитеков.

Варвара с Вуковудом переглянулись.

— Мы пришли к аналогичному выводу, — с уморительной важностью проговорила девушка, снова подчеркивая это «мы».

— Еще на подлете к Тамерлане, знакомясь с материалами участников экспедиции, я обратил внимание на недоумение оператора-таксидермиста Варвары Нореги по поводу странного отбора, никак не естественного — по степени агрессивности. Самые активные, самые жизнеспособные детеныши, вопреки всякой логике, изымались из популяции. Почему? Зачем? Кто и как навязал зверюшкам Тамерланы столь нелепое поведение? Ни на один из этих вопросов мы, прилетев, ответить не смогли, да и не тем были заняты. И сейчас на вопрос «кто?» мы можем ответить только условно — они, ксенантропы, благодетели перелетные... Пожалуй, лучше всего им подойдет определение «опекуны». Согласны?

Вопрос был явно риторический, но Вуковуд и Варвара дружно кивнули.

— Теперь — «зачем?». Зоопсихологам уже несколько веков известно, что в любой популяционной группе выделяется доминирующее животное. Но тестированием было установлено, что этот лидер вовсе не обязательно — самый сообразительный. Гораздо чаще первенство по интеллекту занимал субдоминант, первый заместитель, так сказать. Так вот, не ставилось ли целью на Тамерлане, этом испытательном полигоне и биолаборатории «опекунов», получить такую модель развития, где во главе стаи становился бы не сильнейший, а умнейший? Опекуны были не глупее нас и прекрасно понимали, что вся отработка методик, с возможными срывами, катастрофами, тупиками и нежелательными ответвлениями, должна проводиться подальше от только что зародившегося, хрупкого и уязвимого разума чартаров. Мы вон тоже уберемся отсюда через пару часов, и даже стратегической разведке здесь делать будет нечего.

— Самокритично, — сочувственно вздохнула Варвара.

— Итак, на испытательном полигоне — планете, которая у нас означена как Земля Тамерлана Степанищева, — были получены положительные результаты: жизнеспособные популяции, из которых были элиминированы наиболее агрессивные особи.

— Элиминация — термин мягкий, — заметил Вуковуд, — а сам способ-то садистский, фашизмом припахивает.

— Согласен. Потому-то его и сочли недопустимым даже

для этих троглодитов, которым только через много сотен веков предстояло стать людьми. И тогда им подарили лабиринты — громадные тренажеры сообразительности, которые можно использовать и как жилища, и как культовые сооружения (к сожалению, первобытное человечество не может миновать какой-то религии); а в простейшем варианте — ловушку для животных. Кораль. Но стать хозяином в таком лабиринте может только самый умный из стаи, тупица заблудится и погибнет.

— Позвольте, — вскочил Вуковуд, — но ваша концепция нисколько не противоречит моей, а, напротив, дополняет и углубляет...

— Ладно, вы тут еще подискутируйте, — сказала Варвара, — а я все-таки сойду и посмотрю, что там. Мне не терпится.

Она двинулась вниз по наклонной зеленой дороге, сначала шагом, а потом легкими широкими прыжками, и наверху, вдоль обрывчика, такими же скачками передвигался Фофель, потрюхивая содержимым багажного бурдюка. Дорожка опускалась вниз этажа на два, и уже была видна широкая прозрачная дверь в совершенно черной стене. Такой же черный порог лежал перед нею, и что-то блеснуло на нем, не то нарисованное, не то вмурованное в его глубину.

Мужчины, продолжавшие спор на бегу, остановились за спиной девушки и разом примолкли.

За прозрачной дверью, покрытой скупым золотым орнаментом, виднелись уходящие вглубь, в темноту, ровные ряды стеллажей. Это не был лабиринт; напротив, неширокий прямой проход и золотые знаки на торцах стеллажей не оставляли сомнения в том, что здесь, в отличие от надземного сооружения, все предельно четко, понятно и открыто. И насколько проникали лучи фонарей, можно было видеть только бесчисленные полки с футлярами, коробками, снежно-белыми кругами — экранами, наверное.

— Что это? — вырвалось у Варвары.

— Это — сокровища «опекунов», — почему-то грустно проговорил Вуковуд. — Информаторий.

— Вы полагаете, что это спрятано для следующей экспедиции? — с сомнением протянул Гюрг. — Собственный склад?

— Не думаю. Лабиринт построен для этих троглодитов, значит, и сокровищница — для них. Сперва надо освоить первое, а когда они поднимутся на уровень хомо сапиенс, тогда можно и в информаторий их запускать. А сейчас, как

сами видите, это им, что мартышке микроскоп, потому для чартаров он и не доступен.

— Тогда почему же этот сезам открылся? — резонно вопросил Гюрг. — Кто и на кой ляд его отворил?

— Это я, — покаянно проговорила Варвара. — Я случайно нашла ключ. То есть не совсем случайно... Решить лабиринт — это пройти его. Потыркаться во все тупики, обмануться на всех ложных поворотах, поиграть во все шарики и считалочки. Но это путь для троглодитов. Ключ — это прямая, обеспеченная тем уровнем техники, который позволяет создать высокотемпературный луч, прожигающий хитро спрятанные оконца.

— Надо ж было еще догадаться, что они на одной прямой, — заметил Вуковуд. — Создать пространственную модель сооружения, точно расположить все детали...

— А что у вас за панихидный тон? — заорал вдруг Гюрг. — Ведь это же прекрасно — в лице нашей прекрасной дамы человечество блестяще прошло тест на мудрость, то есть сплав логики и интуиции. Варенька, я вам завидую, и на нашу, мужскую, половину приходится теперь куда более скромная задача — решить, как отпереть эту дверь. Ведь здесь ни ручек, ни замков, сплошная гладкая поверхность.

Все трое с сомнением поглядели на толстый прозрачный прямоугольник размерами примерно три на два метра — он был явно непробиваем. Золотой рисунок, нанесенный на центральную часть его, состоял из девяти пятнышек, расположенных группами по три: одно, овальное, вверху, а два веерообразных ниже и по сторонам, как бы образуя правильные треугольники; соответственно на черном пороге под каждой тройкой пятен располагалось по два овала побольше и повытянутее, соединенные наподобие римского V.

Решение пришло одновременно, и оно было столь однозначно, что никто даже не высказал его вслух; просто Гюрг сделал шаг вперед и, встав на четкую метку посередине порога, положил ладони на развернутые лапчатые знаки посреди прозрачной загородки, а лбом уперся в золотой боб, нарисованный повыше.

— Ну что же вы? — нетерпеливо спросил он, полуобернувшись к своим спутникам. — Здесь ясно дано понять, что сокровищницей нельзя владеть в одиночку!

Варвара стояла, задумчиво заложив руки за спину, покачиваясь с носков на пятки и размышляя о чем-то совершенно не существенном, — например, о том, что само расположение золотых ориентиров подразумевает высокую

ступень развития претендентов на владение информаторием: никакой австралопитек не смог бы стоять, выпрямившись, соединив пятки и развернув носки. Это ему просто не пришло бы в его австралопитечью голову. А вот насчет ограничения на единоличное владение — это опекуны дали маху, любой князек, не говоря уж о монархе, мог притащить с собой двух холуев, с их помощью проникнуть в подземелье, а потом — дело вкуса: можно просто пристукнуть, можно подвесить за ноги...

— Варенька, — удивленно и проникновенно продолжал Гюрг, — вы — и боитесь? Но даже я чувствую, что здесь нет никакой опасности, штуковина эта теплая и чуть вибрирует, словно сдерживает дыхание... Ну же! Остался один шаг!

Варвара посмотрела на Вуковуда, и не потому, что хотела узнать его мнение, она это и так чувствовала, а просто затем, чтобы он высказался по данному поводу — ей как-то не хотелось.

— Послушайте, сойдите-ка с индикаторной доски, — сказал Вуковуд. — А то и вправду откроется, но где гарантия, что мы сможем все закрыть и вернуть в первоначальное состояние?

— Да вы с ума сошли, — резко обернулся к нему командор, которому пришлось опереться плечом, чтобы сохранить равновесие, не отходя все-таки от дверей. — Да вы себе в жизни не простите, что были в одном шаге от такого... Да вам вся Земля не простит! За это Монкорбье — ваш Монкорбье! — жизнь положил!

Даже здесь, в полумраке преддверия подземного хранилища, куда никак не могли попасть лучи восходящего солнца, было видно, как изменилось лицо Вуковуда.

— Не трогали бы вы Землю, — очень сдержанно попросил он, — и Монка тоже. Ключ мы нашли. Но он-то не про нас. И все вот это тоже чужое. Забраться туда — это все равно что украсть у детей.

Командор стратегов высокомерно выпрямился и посмотрел на Вуковуда сверху вниз, благо был на целую голову выше.

— Ну и терминология у тактической разведки — украсть... Считывание информации никоим образом ее не обесценивает, миновали времена борьбы за приоритет. Я не понимаю, чем это мы так обездолим здешних неандерташек, если заглянем в предназначенную для них публичную библиотеку...

— Что вы, что вы... ничем. Даже напротив. Подарим

им еще одно бесплатное развлечение. Сначала мы считаем всю эту информацию, а потом они... с позволения сказать — считают.

— Да перестаньте же паясничать! Сами понимаете, любому кораблю сюда уже спускаться будет нельзя, раз планета заселена разумными существами. Мы — первые и последние, и всю ответственность я беру на себя, а уж к этому-то мне не привыкать.

— Послушайте, Гюрг, — сказал Вуковуд, — у нас сейчас более актуальная задача — заставить вот этот пандус подняться и принять исходное положение. Этой двери ждать еще много тысячелетий...

Варваре было очень жалко Гюрга. Это ж надо — привыкнуть к роли верховного судии на всех несчастных планетах Вселенной и вдруг очутиться здесь, без своих альбатросов, без подвигов, без слепого повиновения. Зато с мартышками-людоедами, к которым, честно говоря, ни малейшей симпатии и у нее не возникло. Сонные вонючие твари — дали небесные, до чего неприятно сознавать, что собственные предки были нисколько не лучше! Одно светлое воспоминание — дикареныш с цепкой просящей лапочкой, которому она подарила фонарик.

Гюрг заметил перемену в выражении ее лица и истолковал ее по-своему:

— Черт побери, Варвара, но ты-то — неужели и ты отсюда уйдешь несолоно хлебавши?!

Он и сам не заметил, как снова перешел на «ты». Варвара присела, задумчиво потрогала золотые бобинки, как будто наклеенные на порог. Черное было теплым, светлое — ледяным.

— Если мы отопрем и эту дверь, — сказала она, глядя на командора снизу вверх, — то это уж точно будет выше уровня бабочки. Так что...

«Уровень бабочки» — это был неофициальный термин, прижившийся на дальних планетах и означавший, что производимое землянами действие может привести к изменению хода исторических событий.

Взрыв целого вулкана мог лежать ниже этого уровня, а щелчок зажигалки — выше. Все решала интуиция.

Но интуиция у каждого своя, и Гюрг, побелевший от бешенства, ударил сжатыми кулаками по полированной поверхности.

— Да говорят же вам, что это все чушь собачья с реверансами! Сделали один шаг, сделаем и другой, но останавливаться на середине... Нелепость! Быстренько отсни-

мем все содержимое, а потом я вам гарантирую, что найдем и как дверь запереть, и как пандус поднять. Ну не впервой же, честное слово! Эй, скоч, камеру!..

Что-то мелькнуло вверху, Гюрг вскинулся, готовый цепко ухватить требуемый аппарат, но ничего не падало. Все дружно вытянули шеи и увидели, что съемочная камера висит в воздухе над их головами на уровне края траншеи. Да, сняли...

— Ч-черт, сговорились... — Гюрг снова саданул кулаком по стекловидной плите и тут же отдернул руки: на местах ударов расплывались черные пятна. — Вот, кстати, и подсказка для решения вашей проблемы: у всех этих сезамов должна быть «защита от дурака». Предположим, дураки как-то сюда проникли, но дальше их пропускать нельзя. Как отличить дурака от умного, от истинного сапиенса?

— А дурак будет вести себя... соответственно. — Вуд изо всех сил старался говорить помягче.

— Ну да, как я. Он не заметит ключевых меток или, во всяком случае, не сообразит, как ими пользоваться, зато начнет бесноваться. Полезет с копьем, с топором, но они, по-видимому, не страшны. Страшно нечто, работающее от батарей, а такое сюда силовым полем и не пропускается. А окончательно взбесившийся дурак разожжет здесь костер, это уж точно. Так?

— Ну и что? — не удержалась Варвара.

— А то, что обратный ход, то есть закрытие дверей, принципиально найден. Можем не волноваться. Ну так что, вперед? Отснимем тогда и поведем себя, как дикари, — дверка и закроется.

Прямо, и только прямо. В чем же дело, Варвара? Вот он, девиз твоей юности, такой подкупающе чистый, бескомпромиссный... и бездумный.

— Эй! — крикнула она. — Там, наверху! Добегите до ближайшего леска и принесите охапку дровишек посуше! Мы подождем.

Гюрг развернулся и стал прямо перед ней, лицом к лицу — вспомнил, наверное, что вода и камень долбит:

— А с тобой-то что, Варвара? Кто тебя подменил? И главное — почему ты так торопишься удрать с этой планеты?

Она было бесстрашно подняла на него глаза, чтобы сообщить наконец, кто ее подменил, может и сам того не зная, — и вдруг осеклась, словно дыхание перехватило: удрать с этой планеты... Все ты перепутал, командор, все угадал с точностью до наоборот, альбатрос ты далекого космоса!

Полжизни она бы сейчас отдала, полжизни и усы в придачу, только чтобы остаться здесь подольше, потому что удрать отсюда — это значит — до первого буя, а там ей налево, а ему направо, то есть одной на Тамерлану, а другому — в подпространство. И всё. И что толку, что вперед и только вперед, если каждый пойдет этим путем в одиночку?

— Смотри, Варька, — добивал безжалостный голос, — это, конечно, достойно и доблестно — рваться обратно на Степаниду, где любимая профессия, долг перед человечеством и лягушки недоспиртованные. Но однажды ты проснешься и волком взвоешь, когда представишь себе, что мы сейчас пировали бы, и руки по локоть в этой самой информации, да что по локоть — мы купались бы все втроем, как в золотых пузырьках, как в пене янтарной...

И тут только до Вуковуда, который медленно выписывал восьмерки от одной стены до другой, точно гепард мышастый, начало что-то смутно доходить. Колдовское, медовое море Тамерланы, которую никто еще не осмеливался звать Степухой, всплыло в памяти. И никаких троих в этом море. Только двое.

Он плавно и хищно развернулся и вдруг бесшумно и бессуетно возник в единственно необходимой точке — как раз посередине между командором и девушкой.

— Вот что, стратег... — проговорил он проникновенно и ничего больше добавить не успел: сверху ухнуло и застучало по головам и плечам, упруго и небольно.

Охапка требуемых ветвей. И не вовремя — ох, как не вовремя, потому что и ей почудилось недосягаемое море ее Степухи.

И невзвидела света белого молодая дочь купецкая, красавица писаная... Гибкий ствол, оказавшийся в руках Варвары, с тяжелым резиновым хлюпаньем припечатывался к заветной двери, и черные полосы косо ложились на золотые иероглифы, перечеркивая их, а с губ девушки срывались отчаянные и неожиданные слова:

— Да закрывайся же ты, проклятущая... закрывайся, чтоб тебе синим огнем сгореть, закрывайся, пока я не передумала...

Пол под ногами меленько задрожал.

— Как не помочь слабой женщине, — криво усмехнувшись, проговорил Гюрг и пнул дверь сапогом. — Закрывайся, тебе говорят, во имя всех мартышек Вселенной...

Пол дрожал ощутимо, но не заметно было, чтобы пандус начал подниматься.

— Зажги! — крикнула Варвара Вуковуду.

Ни секунды не колеблясь, он наклонился к охапке чартарумского валежника и щелкнул зажигалкой. Слабый огонек скользнул по ветке, оттенился дымком. Запахло. Варвара скрипнула зубами — сырые все-таки, откуда скочу знать, что такое валежник для настоящего костра... Она бросила свое занятие и, опустившись на колени, принялась раздувать пламя. Нежная кожица на ветвях набухала пузырями, они шипели, лопаясь, и выбрасывали колечки пара, сладко-цитрусового, земного (ощущение ложное, запах имеет совершенно иную сенсорную характеристику...), а пол под горящими ветками начинал слабо светиться, но это было видно только ей одной (доложить об опасности проплавления перекрытия...); сейчас она раздует огромный костер, каких чартары еще не видывали... Чартары! Словно вызванные ее мыслью, они возникли разом по обоим краям спуска и некоторое время жадно вглядывались в то, что происходило внизу, и их широко раскрытые желтые глаза словно втягивали, впитывали в себя чудо пребывания на их молодой еще земле этих троих, столь схожих с ними самими и столь отличных... Глаза разгорались кошачьим огнем, зеленели, вцепившиеся в осыпающийся край, когти нервно драли корневища жесткой травы, и хищная сила накапливалась в выгибающихся, напружиненных хребтах, и не надо было никакого сигнала, просто переполнилась мера этого накопления, и они ринулись вниз, падая мягко и умело, сразу же отскакивая, и — бочком-бочком, по кругу, вокруг этих чужаков — на полусогнутых, с прижатыми к поджелудочной железе передними лапами, слишком похожими на человеческие руки.

А земля под ногами уже выгибалась, и ходила волнами, и все вверх и вверх, даже непонятно, почему сладко подташнивает, как при падении; черный порог с золотыми крапинами уплывал вниз, тонул во тьме, и главное было — не свалиться туда, в эту щель между движущимся клином и иссеченной черными тигровыми полосами дверью; но чартары все прибывали, все валились сверху, как бурые валенки, и копошащаяся стена мохнатых тел заслоняла уже все и всех, а удушливый запах был так плотен, что теснил к краю, как вполне материальный, вещественный нож бульдозера, и Варвара, запрокидывая голову, все отодвигалась и отодвигалась, пока ноги ее не скользнули в щель, и она, отчаянно цепляясь за что попало, полетела вниз вместе с жаркими извивающимися телами, за которые она пыталась удержаться. Она не увидела, а скорее почувствова-

ла, как рядом с ней обрушился Гюрг, и принялся хватать чартаров и вышвыривать их обратно; он выпихивал их во все сужающуюся щель, а она даже не в силах была крикнуть — сверху навалилось столько, что невозможно было сделать необходимый перед криком вдох.

Собрав последние силы, она попыталась выбраться из-под массы навалившихся на нее мягких шерстяных туш, но единственное, что она смогла, это разглядеть где-то в недосягаемой вышине тающую полосочку света, которая была сейчас для нее всем — и жизнью, и Вселенной, и тем человеком, которого она наконец нашла этой ночью и так и не смогла остаться рядом с ним.

И тогда в ответ ненужное большое колдовское чутье донесло до нее все отчаяние, всю боль Вуковуда, тоже осознавшего, что он ее теряет. Ни сил, ни мужества больше не оставалось, и она закричала, хотя голос ее не мог пробиться сквозь толщу копошащихся, удушающе смрадных тел:

— Вуки, где же ты, Вуки, да помоги же мне, Вуки, Вуки...

А потом было беспамятство, в котором она, уже ничего не видя и не слыша, продолжала инстинктивно отбиваться, пока не пришло полное оцепенение; сколько оно продлилось, определить было совершенно невозможно, но когда сознание разом вернулось, первое, что захлестнуло — радость. Можно было свободно дышать! Еще не открыв глаза, Варвара потянулась и тут вдруг ощутила в руках что-то мягкое и ворсистое. Шкура? Когда это она успела? И мгновенный липкий ужас: да ведь это же шкура чартара!

Она взвизгнула и, оттолкнув от себя этот жуткий трофей, широко раскрыла глаза, заранее пугаясь тому, где она окажется.

Это была рубка, почти неотличимая от той, в которой она несла вахту на «Дункане», и такое же кожаное кресло, и сусанинский свитер на полу, и напротив пригорюнившийся Вуковуд в меховой жилетке на голое тело. Она наклонилась, потянула к себе свитер и вдруг, уткнувшись в него лицом, постыдно заревела.

Послышался щелчок сдвинувшейся в сторону дверцы, шаркающие шаги. Варвара утерлась кулачком и с удивлением подняла глаза. Надо же, это Гюрг, а она и не узнала! И что с человеком сделалось, прямо почернел, как головешка. И его, значит, доконали троглодитики мохнатые.

— Простите меня, — кротко проговорила Варвара. — Раскисла.

Он как-то искоса глянул на нее сумрачным глазом, по-

ставил на пол термос — как раз посередине между Варварой и Вуковудом — и совершенно очевидно впал в маету: то ли уходить, то ли оставаться. Это так не вязалось с образом величественно шагающего покорителя чужих земель, возложившего к ее ногам невиданную добычу — крапчатого тапиренка, героически аннексированный ужин аборигенов, что девушке стало не по себе. Что-то за этим крылось. Нападение чартаров она помнила, но вот дальше...

— Что случилось? — не выдержала она. — Почему не взлетаем?

Гюрг с Вуковудом переглянулись.

— Видите ли, — Вуковуд поежился, обхватив себя за голые локти, — вопрос-то ведь остался открытым: что делать?

— С кем?

— Не с кем, а с чем, — в голосе командора как-то странно сочетались жесткость и безразличие. — Я предлагаю поставить вокруг всего спуска силовую защиту и вызвать комплексную экспедицию с Большой Земли. В виде исключения ей позволят сесть. Вскроют хранилище, исследуют содержимое, закроют.

— Нет, — твердо возразил Вуковуд. — Защита у нас никудышная, не чета строителям Пресептории. Пока на Большой Земле будут разводить большие академические дебаты, пока соберут и доставят сюда экспедицию... Учитывайте, что каждый перелет не гарантирован от случайностей. Полетит какой-нибудь генератор, или солнышко здешнее батарсям не подойдет, и чартары прорвутся к дверям хранилища. Дальнейшее непредсказуемо. Поэтому я считаю, что мы должны попросту засыпать весь спуск, как могилу Тутанхамона. Пока.

— Пока — это до прибытия комплексной экспедиции? — спросил Гюрг. Хотелось ему в эту экспедицию.

— Пока — это до того самого момента, когда уровень науки и техники позволит чартарам произвести подземную разведку и обнаружить скрытое в глубине хранилище.

А Варвара, между тем, ничегошеньки не понимала.

— Да о чем вы? — перебила она Вуковуда. — Какая защита? Зачем засыпать спуск, если пандус поднялся? А кстати, там чартаров не передавило? Они ж валились мне на голову...

Теперь мужчины переглянулись в полном недоумении.

— Мы же остались внизу, в щели, — напомнила она, — а сверху сыпались эти вонючки, пока я не задохнулась!

— Вот оно что, — проговорил Гюрг после некоторой паузы. — Сработала-таки «защита от дурака». Галюциногены.

— Но тогда вы тоже почувствовали бы!

— Видите ли, — Вуковуд как-то обескураженно тер себе подбородок. — Вы в этот момент наклонились над костром. Так что это было испарение ядовитых соков, которое вы вдохнули, а может быть, и направленное излучение, рассчитанное на рост среднего чартара. Мы несколько повыше. Вот и все. У вас это был чисто рефлекторный страх...

Вид у него стал еще жалче, чем у Гюрга, и он машинально повторил:

— Вот и все.

Вот тут-то и она припомнила весь свой бред, весь ужас. Значит, никаких чартаров не было, это обступившие кошмары заставили ее верещать на всю Чартаруму, и ведь не просто верещать... Совершенно отчетливо вспомнила она свой голос: «Вуки, где же ты, Вуки!..»

Но ведь не только же один страх был в этом крике! Гюрг это понял, потому и сник; и Вуковуд поверил было, вот и сидел напротив, ждал ее пробуждения как манны небесной — говорил же, что надоело ему мотаться по всему Пространству, только трудно найти такой уголок, где не было бы шумно и людно. А тут она еще, ведьма усатая, заставила вспомнить Степуху и поверить, что это и есть желанное пристанище, колдовская земля. И с ней, ведьмой, в придачу. В смертном страхе звала не кого-нибудь, а его, и в свитер его вцепилась — не оторвешь, пришлось из него вылезти...

А теперь вдруг нашел объяснение — «рефлекторный страх». И ничего больше. Как, какими словами объяснить ему, что это не так?

— Гюрг, — попросила она несколько смущенно, — не могли бы вы сделать панорамный снимок входа в хранилище? Если придется закапывать, то надо рассчитать...

Гюрг посмотрел на нее, как на последнюю идиотку, — ну неужели не могла придумать ничего поправдоподобнее! Потом молча повернулся, так что термос, стоявший на полу, завертелся волчком, и стремительно покинул рубку. Варвара уставилась на медленно расплывающуюся лужицу, мучительно подыскивая нужные слова. Но вместо слов в памяти проходили, возникая и растворяясь, лица: и неотразимый Параскив, и узколицый оливковый Теймураз, и любитель средневековой кухни Кёлликер, и неистощимый болтун Солигетти, и румяный молодец Кирюша, и легконогий козловладелец Петрушка, и удельный властитель биосектора Сусанин, и надменный кондотьер Гюрг... Почему же сам собою выбрался из всех них именно этот, и не са-

мый красивый, и не такой уж удачливый, а уж что касается возраста, то подумать страшно: тридцать четыре! Почему же все-таки он?

Да потому, что рядом с ним она будет счастлива, оставаясь самой собой, не отрекаясь ни от имени, ни от привычек, ни от ведьминского своего чутья, которым и угадала она в нем эту способность быть бесконечно, неправдоподобно бережным.

— Вуки, — проговорила она, не поднимая головы, — Вуки, где же ты?..

Слова, сказанные в бреду и наяву повторенные, — что могло быть ответом на них?..

Крак! Бряк!

— Табун крупных, предположительно копытных животных общей численностью до сорока голов. Со второй террасы экваториального хребта направляются в долину. Ориентировочное расстояние шесть и две десятых километра.

— Трюфель, а пошел бы ты к чертям, — сказал Вуковуд.

Но было совершенно очевидно, что это посланец тактичного командора, предваряющий приход его самого. И точно — Гюрг, обретший разом былую надменность и непререкаемость, возник на пороге.

— С вашего разрешения, я вынужден поставить круговую защиту по краям спуска, не возвращаясь к дискуссиям на эту тему.

Он подошел к пульту, включил все экраны, и в рубке стало как-то суетно.

— Старт через тридцать минут, — добавил он, не оборачиваясь. — Скочи остаются здесь для обеспечения надежности защиты, тем более что в полете они нам не понадобятся. Их или подберет комплексная экспедиция, или они вместе с генераторами рассыплются в прах гораздо раньше, чем здешние троглодиты осознают их инопланетное происхождение.

По категорическому тону Варвара поняла, что командору надоело-таки быть в рядовых. Понял это и Вуковуд. Он медленно поднялся, став окончательно похожим на вздыбившегося мышастого гепарда. Где-то краешком, подобно вечернему стрижу, мелькнула мысль: если человек не очень-то симпатичен, то сравниваешь его с людьми: легионерами, маркизами, клоунами, а уж если пришелся по сердцу — тут всплывают в памяти аполины и изысканные жирафы, панды и мышастые гепарды.

— Я не рискнул бы давать столь категорические вре-

менные оценки, — наполнил рубку его великолепный рокочущий голос, — тем более что мы имеем здесь не просто популяцию ксенантропов, аналогичных нашим грацильным австралопитекам, развитие которых в условиях столь продолжительных суток оборачивалось бы эволюционным тупиком. К сожалению, — или к счастью, аборигены Чартарумы отличаются от земных гоминид невероятно активной реакцией на внешние раздражители и решающую роль здесь играет какая-то ферментная система с чрезвычайно развитыми обратными связями, с чем мы пока не встречались ни на одной планете. Так что формула «хлеба и зрелищ» здесь действует со знаком равенства.

— Ну, это только предположение «опекунов», — возразил Гюрг.

— К сожалению, проверенное нами на практике. — Это «нами» было подкреплено кивком в сторону Варвары.

Она тихонечко подобрала ноги и свернулась в кресле — ох, как не хотелось посвящать командора в приключения этой ночи! Потом, в отчетах, пусть почитает, но пока вся подземная эпопея принадлежит им двоим.

Но спрятаться ей не удалось.

— Это как понимать? — грозно повернулся к ней командор, словно он, а не Сусанин был начальником этой экспедиции.

— Это надо понимать так, — невозмутимо ответствовал Вуковуд, — что мы с Варварой побывали... э-э-э... на дипломатическом приеме в подземном лабиринте чартаров. И убедились в том, что мы имеем дело со сложнейшим комплексом, созданным цивилизацией «опекунов». И если на одном маленьком участке мы обнаружили целых три сооружения, то можно себе представить...

Он поперхнулся, увидев, что Варвара смотрит на него широко раскрытыми смеющимися глазами, прикрывая рот ладошкой.

Краса ненаглядная, феерическая плясунья космических перекрестков! И надо ж — забыл.

— Что еще? — забеспокоился Гюрг. — Выкладывайте уж разом, что вы там учинили с этими дикарями!

— Это непередаваемо, — сообщил Вуковуд, понижая голос и переходя на задушевные интонации. — Подробности — в обосновании выговоров, которые украсят наши послужные списки. А что касается дикарей, то надо полагать, мы и сами выглядели не наилучшим образом!

Он попытался изобразить легкий клоунский полупоклон, при этом оглядывая самого себя с ног до головы. И

только сейчас заметил всю несуразность собственного костюма.

— Тысяча извинений! — крикнул он Варваре, одним пружинистым прыжком вылетая из рубки.

Гюрг проводил его тяжелым взглядом.

— Я бы порекомендовал поторопиться — стартуем через десять минут.

Как только дверь закрылась за Вуковудом, Варвара сразу почувствовала усталость и раздражение.

— Неужели так ничего и не придумать? — спросила она, чтобы скрыть и то, и другое. — Отложим старт и подумаем, а? Ведь я точно помню: дрогнуло что-то под ногами, начало подниматься! И это не было бредом, вас же тоже качнуло, я видела.

— Качнуло, да еще и метра на полтора подняло. И все. За столько лет механизмы не могли сохраниться в абсолютной готовности, еще надо спасибо сказать, что этот пандус опустился. Но подняться, когда скоч заделал все отверстия, не получилось.

— Может быть, слишком велик слой почвы, у механизмов просто не хватило мощности?

— Скорее всего. Но здесь мы бессильны. Так что давай, располагайся поудобнее, я тебя пристегну, я то еще вспорхнешь в невесомости...

Он уже распоряжался, как ни в чем не бывало, обретя прежний тон и уверенность, но Варвара вскинула руки, загораживаясь от него ладошками:

— Погоди, погоди, не мешай... Невесомость! Левитры корабля создадут локальное поле невесомости!

Последовала крошечная заминка, и по тому, каким неподвижным стало лицо командора, Варвара почувствовала, что он НЕ ХОЧЕТ ее понимать.

— Ну и что? — проговорил он ледяным тоном.

— Если наш кораблик, наш «пюсик», как вы его называете, немножко приподнимется и зависнет точно над спуском...

— Такие маневры в нижнем слое атмосферы может производить только пилот первого класса. У меня — четвертый. Это значит, что я имею право только задавать кораблю автоматический режим, и ни-ка-кой самодеятельности.

— Командор, от тебя ли я слышу?

Он криво усмехнулся:

— А ты не подумала о том, что у меня эти права отберут, притом на всю жизнь?

Она порывисто вскочила и, подбежав к командору, положила ему руки на плечи:

— Гюрг, миленький, ведь мы никому-никому не скажем!

Он даже застонал, но не от ее слов, а от недоступной близости этого смуглого лица с нежным пушком над верхней губой:

— Не-ет, детей все-таки нельзя допускать в Пространство! Ты что, не догадываешься, что весь режим работы двигателей автоматически регистрируется самописцами?

— Гюрг, но ведь ты сейчас признаешься, что мог бы это сделать! Что, несмотря на диплом четвертой степени, ты на это способен!

Он взял ее руки ледяными, как у манекена, пальцами и снял со своих плеч:

— А ты отдаешь себе отчет в том, что в этот момент под нами могут оказаться эти вонюч... то есть наши будущие братья по разуму? Они, между прочим, уже мчатся сюда на каких-то фантастических одрах. Мы ж передавим, перекалечим несколько десятков, и это по твоему — учти! — твоему требованию. А ведь мальчики Тарумбаева ни разу не выстрелили, когда их тут скручивали и волокли. И Вуковуд твой пальцем не пошевельнул. Они не могли стрелять в людей!

Лицо у Варвары не побелело — позеленело.

— Пойми, Варька, — добивал ее командор, — если между вами окажется кровь, человеческая кровь по твоей вине, ты никогда с ним не будешь счастлива. Вы просто не сможете быть вместе.

Она отступила на шаг:

— Ты делай то, что умеешь, командор, а о собственном счастье я как-нибудь сама позабочусь!

Он бесконечно долго смотрел на нее, словно прощался. Потом по щеке пробежала дрожь, которой он, как всегда, не замечал. Молчание становилось невыносимым.

— Кобра, — сказала она за него.

Она впервые лежала в амортизационной кассете, и было очень страшно. До сих пор во всех перелетах обходились стартово-перегрузочным креслом, но здесь Гюрг, не до конца уверенный в себе, настоял на максимальных средствах предосторожности. И вот теперь в продолговатом окошечке она видела только кусок потолка, на котором при очень большом старании можно было различить мигающие блики

сигнальных лампочек и индикаторов. Было неприятно, неестественно легко; временами наплывало какое-то головокружение с одновременной сладостью во рту, но угадать маневры корабля было решительно невозможно.

И как это в зоне видимости не установили хотя бы индикатора высоты, не говоря о простейшем экранчике? А, впрочем, может быть, что-то и существовало, только она по неопытности не смогла включить, когда сюда укладывалась. Помнила только одно: кодовое слово «Фрай!», которое надо произнести, чтобы амортизатор раскрылся.

Время тоже перестало ощущаться, и чтобы отключиться от неизбывного страха, Варвара придумывала: вот наш «пюсик» поднимается, вот еще немножко; теперь притормаживает и тихонечко, по дуге, нацеливается на злополучную платформу, не желающую встать в прежнее положение. Теперь вроде бы пора приспуститься, чтобы платформа попала в зону невесомости, и тогда ее механизмам не останется ничего другого, как сработать до конца. Ну а дальше-то что?..

И тут через весь позвоночник прошла тонкая вибрирующая игла, разламывающий удар поддал снизу так, что потемнело в глазах, и вот тогда пришел уже настоящий страх: а что, если кассету заклинило?

— Фрай! — закричала она срывающимся голосом, и одновременно со скрипом сдвигающейся крышки в лицо пахнуло горелой изоляцией, а по стенам побежали отсветы центрального табло, мерцающего зелеными буквами:

РЕЖИМ АВТОМАТИЧЕСКОГО ПОДЪЕМА
АМОРТИЗАТОРОВ НЕ ПОКИДАТЬ!

Она с трудом приподнялась — два «g», это после чартарумской легкости весьма пренеприятно. Вуковуд, уже выбравшийся, подавал ей руку, одновременно поводя носом. Зашипел автогаситель, запахло еще и озоном. Было как-то непонятно, что произошло, и главное — удалось ли запереть дверь в хранилище? Превозмогая навалившуюся тяжесть, она повернула голову, морщась от хруста шейных позвонков, и увидела Гюрга, свисавшего со своего кресла на крепежных ремнях. Частые черные капли вбивались в металлический пол удивительно синхронно с зелеными вспышками.

«Если между вами окажется человеческая кровь...»

Она рванулась, не соразмерив свои силы с удвоившейся тяжестью, упала, больно ударившись коленками об пол.

Поползла. Дотянувшись до кресла, рванула пряжку, ломая не только ногти, но, как ей казалось, и пальцы. Каждое торопливое движение было мучительно. И позвать на помощь ей не приходило в голову, потому что она одна была во всем виновата.

Чудовищно тяжелое тело рухнуло на нее, белое до голубизны лицо запрокинулось, перечеркнутое от уголка рта и до виска багровой глянцевой полосой, и, ломая ее, по щеке бежала неуемная чуткая дрожь.

— Жив! — крикнула Варвара, поражаясь хрипоте собственного голоса. — Слышишь, Вуки, — жив! — И она коснулась теплой сухой ладонью этого лица.

Счетчик высоты бесшумно отщелкивал цифры, приближаясь к черте озонового слоя, перед которым снова отключатся двигатели и наступит невесомость; тогда они перенесут Гюрга в медотсек, в саркофаг, и все будет хорошо.

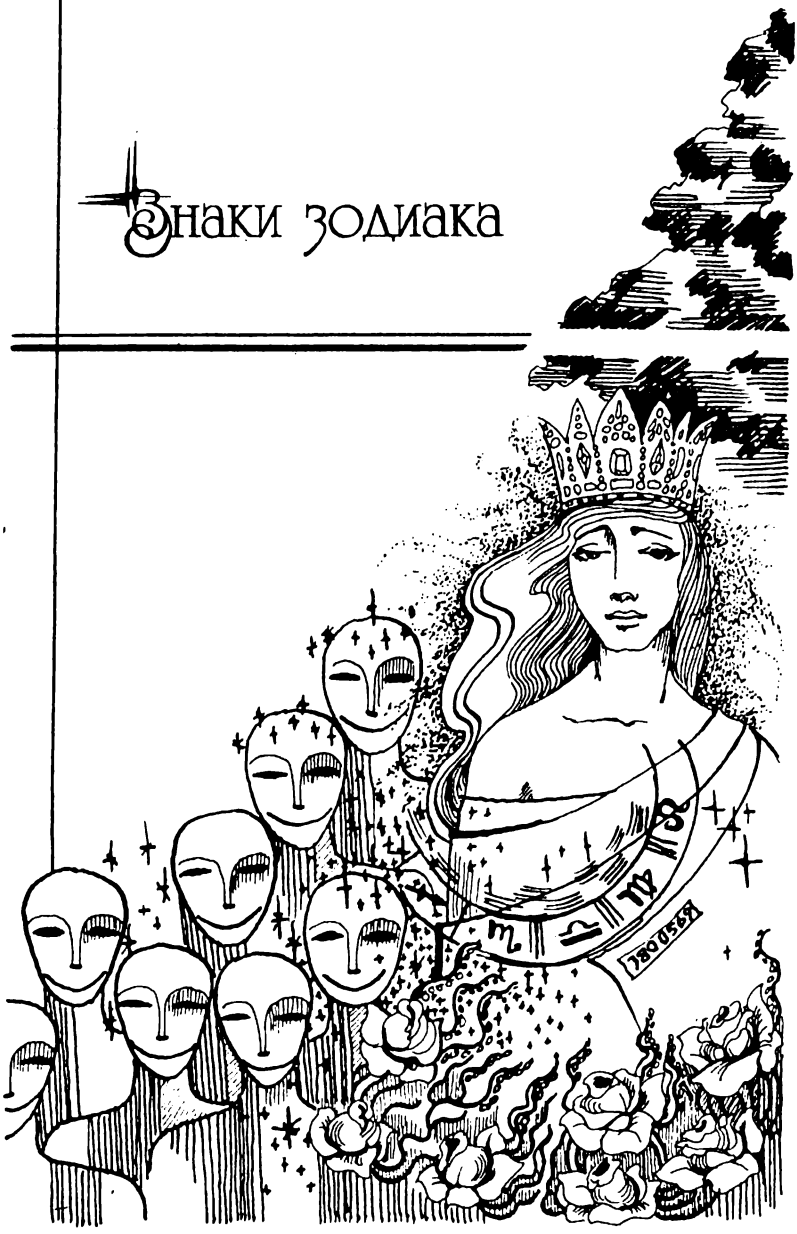
И можно будет забраться вдвоем в одно кресло и глядеть в иллюминатор, на проваливающуюся в Пространство Чартаруму, для которой они сделали самое большое, что могли, — уберегли ее от самих себя.

А еще на прощание можно поглядеть на экранчик, куда зоркий объектив зонда передает изображение опустевшей долины. Четкие прямые полосы ограничивают прямоугольник, еще недавно бывший спуском в так и нетронутую сокровищницу знаний. Под копытцами легких горделивых животных, так не похожих на земных неторопливых тапиров, эти бороздки сгладятся за несколько дней и ночей.

И еще одно, не видно ни на одном экране: продымленная пещера, где в углу за валуном детеныш чартара ловит волосатой лапкой тоненький лучик залетевшей неведомо откуда звезды.

И по-человечески смеется.

Знаки зодиака



Сказка королей

Дом был самым последним в городе. Дальше начиналось поле, где ничего не успели построить — нейтральная полоса ничьей земли, еще не городской, но уже давным-давно и не деревенской. Поле поросло одним бурьяном, потому что этим летом ему предстояло принять великую муку приобщения к цивилизации и было жалко отдавать на растерзание бесчисленным колесам, гусеницам, ковшам и просто лопатам даже такую немудреную травку, как донник или сурепка. Природа откупалась бурьяном.

На той стороне поля виднелись теплицы или, вернее, то, что ими когда-то было. Опекавший их совхоз получил новые угодья и, хозяйственно вынув застекленные рамы, отбыл в неизвестном направлении, а они остались, словно костяки гигантских сельдей, пропуская сквозь свои подрагивающие ребра раздольный загородный ветер.

По ночам в поле было совсем темно. Зато возле самого дома, где оно, собственно говоря, не было уже полем, а посредством насаждения дюжины полумертвых барбарисовых кустиков было обращено в зону озеленения данного микрорайона — там на него ложились незыблемые световые квадраты попеременно зажигающихся и угасающих окон. Но сверху, с высоты девятого этажа, этой освещенной полоски видно не было, и по ночам Артему казалось, что где-то там, в непроглядной мгле, небо все-таки смыкается с землей, как сходятся в тупиках не сходившиеся доселе рельсы; небо накоротко замыкается на землю, и черный сполох этого замыкания стоячей волной замирает над миром, пока лезвие первого луча снова не разомкнет их, словно створки раковины.

А иногда, когда случалось совсем худо, возникало ощущение абсолютной утраты пространства там, за окном, и не было не только земли и неба — не было ничего, просто первобытный хаос, не разделенный на твердь и хлябь. Сегодня Артему было худо именно в такой степени.

В квартиру он вошел тихо, словно мог кого-то разбудить. Но будить было некого, и, досадуя на никчемную свою осторожность, он демонстративно громко потопал по кухне и грохнул возле холодильника сумку и сетку с консервами. Поддернув брюки на коленях, присел и начал меланхолично переправлять банки, пакеты и свертки в белое, замшелое изморозью нутро. Если уж ты такой кретин, что при всем своем желании не можешь промоделировать простейшую семейную жизнь, то твоих ребят это не должно касаться. Завтра новоселье, и они соберутся на твою прекрасную-распрекрасную квартиру. А ты принимай. И рожу

делай соответственную, благодушную. В сторону чужих дам — особливо. Вот и абрикосовый компот на тот же предмет. Ах, смотрите, он догадался купить для нас абрикосы! Ах, льдинка в сиропе! Тёмка, ты молоток, даром что похож на Алена Делона! И чужие дамы, сажая липкие кляксы на декольте, примутся опохмеляться абрикосовым компотом.

И тогда свои ребята поймут, как ему худо.

— Тёмка, — скажут свои ребята, — ты отупевший буржуй. Ну разве можно в такой прекрасной-распрекрасной квартире существовать в одиночку? У тебя налицо аперитив и горошек, — скажут начитанные ребята, — но решительно не хватает Зизи. Слава богу, это поправимо. Смотри, сколько прекрасных дам (это над банкой с абрикосовым компотом). Выбирай любую!

А может, и вправду выбрать? Ведь ни одна не откажется. Прекрасные дамы прямо-таки выродились в какие-то самоотдающиеся системы... Баста. Хватит с него.

Артем захлопнул холодильник и направился в комнату. Света он зажигать не стал, а подошел к окну, чуть мерцавшему пепельным ночным светом. Неясное отражение собственного лица появилось на стекле, и Артем посмотрел на него с ненавистью.

Представьте себе, что рядом с вами живет молодой мужик, неотразимый, как Ален Делон. Ну, это еще можно представить. И каково ему живется — тоже вполне представимо. Но вся беда Артема заключалась в том, что он был гораздо красивее и Алена Делона, и вообще всех импортных кинозвезд мужеского полу. Сравнение, конечно, не ахти, но что поделаешь — других эталонов на данный момент не имеется. Раньше, говорят, сравнивали с королями (см. Дюма). Сухощавый и темноволосый, он был исполнен той истинно русской красоты, коей славились благородные и невероятные бабы Венсцианова, с их чуть тронутыми горбинкой носами, одухотворенными лбами, тяжкой чистотой непорочных рафаэлевских глаз и грешной припухлостью губ божьей матери Казанской. К сожалению, сейчас этот тип красоты вытеснен в нашем сознании другим, былинным новгородским типом, с обязательными соломенными кудрями и бесшабашной ясностью взгляда, который мы почему-то принимаем за тип истинно русский. А между прочим, голубые глаза и светлые волосы считались обязательными для красавиц средневековой Франции, если верить ее кодексу любви XI века.

Так или иначе, но благородная внешность в сочетании с уникальным в наше время именем создавали Артему та-

кой комплекс неотразимости, что при самом горячем желании он не смог к своим двадцати четырем годам создать хоть мало-мальски устойчивую семью. Не везло человеку. Ну был бы хоть артистом или телевизионным диктором на худой конец, — у них, вероятно, вырабатывается профессиональный иммунитет против того, что на тебя постоянно пялят глаза и показывают пальцем. Но он был простым инженером и до сих пор не мог привыкнуть к тому, что на улице женщины систематически оборачиваются ему вслед.

В мутном отражении собственного лица было не разобрать отдельных черт, но Артем смотрел на него с определенной ненавистью.

Пока вдруг не понял, что при незажженном свете никакого, даже смутного отражения быть не может.

Оттуда, из черноты первозданного хаоса, на него смотрело чужое неподвижное лицо.

Еще несколько секунд Артем не шевелился. Потом до него дошло, что это, собственно говоря, не окно, а дверь, за которой на балконе и стоит незнакомец. Мысль о том, что это попросту вор, показалась нелепой — вор не стал бы так спокойно разглядывать хозяина квартиры через дверное стекло. Да и что взять у молодого специалиста, только что потратившего все свои сбережения на самую дешевенькую однокомнатную квартиру на последнем этаже?

А лицо все смотрело, не двигаясь, не мигая, не приближаясь. Артем шагнул вперед. Протянул руки, нащупал дверные запоры и с трудом их повернул. Дверь, осевшая за зиму, натужно заскрипела. Вторая подалась легче, и Артем, поеживаясь от упруго ударившего в него ветра, ступил на балкон.

Смутное лицо, повисшее где-то сбоку, стало потихоньку уплывать в темноту, перила балкона вспыхнули фосфорическим пламенем и исчезли; Артем раскинул руки, прижимаясь к шероховатой кирпичной стене, но отыскивать за собою дверь было уже поздно, потому что вся темнота перед ним вдруг ожила, начала двигаться на него, словно громадный черный кот, и Артем уже чувствовал, как бесшумная необъятная лапа подцепила его, понесла, прижала к пушистому теплому брюху, и в этом щекочущем тепле он начал задыхаться, но ни бороться, ни даже кричать у него уже не было сил.

Дальше шел кошмар, удесятеренный своей бесконечностью. Артема переворачивало, мягко швыряло из стороны в

сторону, но он никак не мог долететь ни до пола, ни до потолка — каждый раз упругий толчок воздуха изменял его движение, и он продолжал плыть, падать, парить, и самым мучительным было именно это отсутствие хоть какой-нибудь твердой точки, за которую можно было бы зацепиться. Воздух был страшен своей пустотой, он распирал изнутри тело, и Артем чувствовал себя глубоководной рыбой, брошенной в лоханку с дистиллированной водой. Жажды и голода он не ощущал, напротив — до самого горла он был переполнен какой-то пряной, приторной дрянью, и все это вместе — пространство вокруг него, воздух, насильственная еда — все было нечеловеческим, непредставимым, НЕ ТАКИМ. По всей вероятности, он поначалу находился в каком-то сне или беспамятстве, но все то, что окружало и переполняло его, было настолько мучительно для его тела, что он постоянно приходил в себя и, не в силах этого выдержать, снова терял сознание. И так без конца.

Щеку свело от холода, и он очнулся. Ай-яй-яй, подумал он, вот как гибнут от переутомления молодые специалисты. Сидя на полу в кухне и обнимая холодильник.

Он рванул на себя ручку холодильника, взял бутылку еще не успевшего подморозиться пива. Рука дрожала так неуемно, что пришлось снова привалиться к холодильнику и высосать пиво, держа бутылку обеими руками, как медвежата держат рожок с молоком. Пустую бутылку он автоматически переправил в сумку и провел рукой по подбородку. Бриться по расписанию следовало бы сегодня, но завтра праздник, завтра и... Рука его остановилась. Он провел по одной щеке, по другой — полуторадневная щетина исчезла. М-да. Может быть, по пути домой он заходил в парикмахерскую?

Артем поднялся и побрел в комнату, все еще недоуменно оглаживая подбородок. В комнате остановился и долго шарил по стене, отыскивая выключатель. На миг его взгляд задержался на пепельном, смутно проступающем квадрате окна. Какое-то жуткое воспоминание зашевелилось в нем, но так и не поднялось, не оформилось. Пальцы нащупали выключатель, раздался щелчок, и Артем сокрушенно понял, что наваждение, — а может быть, и сумасшествие — продолжается.

На его тахте лежала маленькая, как ящерица, женщина. Она спала. Артем на цыпочках подошел к ней и ти-

хонько, чтобы не разбудить, отодвинул стул и уселся на него верхом, положив на спинку непонятно каким образом побритый подбородок.

Женщина не шевелилась. Гибкое ее тело расположилось так, словно его бросили, и бросили весьма небрежно, как бросают вещь, о которой не надо заботиться. Ни один нормальный человек не стал бы спать в такой неудобной позе. Он бессознательно принял бы более удобное положение... И только тут до Артема дошло, что ей плохо и надо помочь, и эта необходимость помощи была сейчас самым главным, и он бросился к ней и приподнял за тоненькие, до странности покатые плечи. На какую-то долю секунды он замер и ошеломленно глядел на эти плечи, потому что таких не существовало и не должно было существовать в природе, но потом перед ним всплыл акварельный портрет Натальи Гончаровой, и он, поневоле уверившись в правдоподобности этих плеч, отпустил их и, сколь мог поспешно, направился на кухню за водой.

Но вода оказалась ни к чему, потому что он просто не знал, что с ней делать. Побрызгать на голову он постеснялся, влить в рот не было никакой возможности — губы незнакомки были плотно сжаты. Правда, из литературных источников ему было известно, что в таких случаях зубы разжимают острием кинжала. Литература, черт ее дери! Но что делать сейчас, вот тут, с этим вот человеком, что делать? Кричать? Звать на помощь? Звать на помощь. «Скорая помощь». О, черт, если бы хоть где-нибудь поблизости был работающий автомат! Но Артем точно знал, что поблизости его нет. И к тому же уйти, оставив ее тут? Одну? О, беспомощность двадцатичетырехлетнего современного цивилизованного человека! Равик подле умирающей Жоан. Роберт Локамп и Патриция Хольман. Этот, как там у Хема, и свонная Кэтрин. Литература, литература, литература...

И тут он увидел, как оживают ее глаза. Пока еще не ресницы, а только глаза под выпуклыми веками; потом дошла очередь и до ресниц, но они были слишком велики и тяжелы, чтобы приоткрыться. Ну же, торопил он ее, ну, — словно в том, что она откроет глаза, было спасенье от всех сегодняшних бед, от всего сегодняшнего неправдоподобия. Женщина была самым невероятным из всего, что приключилось за этот окаянный вечер, — и не ее появление, а именно она сама, ни на кого не похожая, НЕ ТАКАЯ. В чем это выражалось, Артем понять не успел, потому что увидел ее глаза.

— Фу, — сказал он облегченно и присел на край тахты, — а я-то...

Но она уже вскидывала руки, закрывая свое лицо, и там, в тесном промежутке между ладонями и губами, уже бился отчаянный, почти детский крик: «Но, но, но, но, но!..» Он схватил ее за руки — крик уже переполнял комнату, отражался от стен, звучал со всех сторон. И потом оборвался. О, черт, яростно подумал Артем, опять! И руки ледяные и какие-то бесплотные, словно лягушачьи лапки. Не вставая, он потянулся и выдернул из стенного шкафа шерстяное одеяло. Вот так. И давно надо было. Он закутал ее плечи, лилейные плечи Натальи Николаевны. Ну где сейчас найдешь женщину, которая падала бы в обморок при виде красивого мужика? Исключено.

Он наклонился над ней, пристально вглядываясь в ее лицо; потом откинулся назад и тихонечко присвистнул. Вот те на, сказал он себе, — перед ним-таки лежала красавица с растрепанною роскошною косою и длинными, как стрелы, ресницами. И как там дальше у Николая Васильевича относительно нагих белых рук? Как же это сразу не бросилось ему в глаза? Наверное, сбил с толку отпечаток долгого, непереставаемого страдания на удивительном этом лице. И потом — сам факт появления этой женщины... Только женщины ли? Он снова вгляделся. И чуть было снова не присвистнул. Ей было никак не больше пятнадцати, совсем девчонка, школьница, наверное. Школьница? Виева ведьма, вот она кто. Или агент «Интеллидженс сервис». Ведь кричала же с перепугу «но, но!». Не русская, значит. А может, эстонка или латышка? Там тоже белокурые, и красавица — куда там Вии Артманс!

Виева ведьма, она же агент «Интеллидженс сервис», тихонечко всхлипнула во сне. Артем поправил одеяло. Несчастный, замученный подкидыш, невесть откуда взявшийся. Пригрелась, как мышонок на ладошке, и спит. Горячим бы чаем ее напоить.

Артем поднялся и, все еще чувствуя какую-то ватную неуверенность в ногах, побрел на кухню. После всей этой гофманианы здорово чего-то хотелось — не то есть, не то пить, не то распахнуть окно и свеситься с подоконника. Остановившись на простейшем варианте, он полез в холодильник. Черт с ними, с гостями, хватит им. В крайнем случае, завтра можно будет сгонять в гастроном. Он вытащил ветчину, масло, абрикосовый компот — чтобы нагрелся, не давать же ей, такой умученной, прямо из холодильника. А дамы завтрашние обойдутся.

Он нехотя поел и стал подумывать, как бы устроиться на ночлег. Раскладушкой он еще не обзавелся, хотя давно собирался это сделать на предмет укладывания засидевшихся и не имеющих на такси гостей. Конечно, тахта была достаточно широкой для двоих, но черт ее знает, эту непрошеную, она, кажется, с предрассудками. По всей вероятности, не побывала еще на студенческой стройке или на картошке, где спят вповалку. Придется укладываться на полу. Он направился в комнату и остановился на пороге, потому что с тахты на него глядели немигающие, расширенные ужасом глаза. Сделай он еще хоть шаг — и опять раздастся этот режущий, звенящий крик. Артем прислонился к косяку. Как это ни тяжело, но надо было договариваться. В конце концов, в каждой школе изучают какой-нибудь иностранный язык. «Но». Она кричала «но».

— Спик инглиш?

Глаза даже не моргнули.

— Шпрехен зи дойч?

Ну, слава богу, а то он и сам не шел дальше этой фразы, слышанной где-то в кино. Но что же тогда оставалось? Он выразительно пожал плечами. Она долго смотрела на него из-под своего одеяла, потом неслышно что-то прошептала. Он подался вперед — глаза испуганно заморгали. Она повторила, но так быстро, что ему стало понятно единственное — она говорит по-французски. Тут у него не было в запасе даже дежурной фразы.

— Париж, — сказал он яростно. — Нотр-Дам, интернациональ, метрополь, революцион, марсельеза. Еще Генрих Четвертый. На этом мой словарный запас кончается, дальше придется объясняться мимикой. Марсель Марсо, понятно? Хотя объясняться будем завтра, сегодня только познакомимся, на всякий случай. Придется на манер дикарей тыкать друг в друга пальцами, вот так: Тарзан — Джейн, Джейн — Тарзан, помните такой эпизод?

Ничего себе контакт двух эрудитов, со злостью подумал он. И это в эпоху космических полетов. Мало приятного остаться в памяти такой хорошенькой женщины круглым дураком.

— Меня зовут Артем, — сказал он. — Артем! — И для пущей убедительности постучал кулаком в грудь. Как орангутанг, подумал он сокрушенно.

— Меня зовут Дениз, — послышалось из-под одеяла. — Только я плохо говорю по-русски.

— О, господи! — У него гора упала с плеч. — Вы говорите, как сам царь Соломон, как сам Цицерон, как сам

доцент Васильев на лекции по международному положению. Только отложим переговоры до утра, а то у меня голова разламывается, да и у вас, я вижу, слипаются глаза. Спите спокойно, и да приснится вам ваш родной Таллин.

— Mon Paris natal*, — тихо прошептала она.

— Париж так Париж. — Артему было все равно, лишь бы поскорее вытянуть ноги. — Дело вкуса. Хотя, конечно, имеет смысл посмотреть во сне на то, что вряд ли увидишь в оригинале.

— Я оттуда родилась, — медленно проговорила Дениз, с видимым усилием подбирая слова. — Mon Dieu, je confonds des mots simples**, — прошептала она уже совсем тихо.

— ...Оттуда родом, — машинально поправил ее Артем. И тут только до него дошел смысл сказанного. — Ага, все-таки проклятый «сервис».

— Не понимаю... Сервис — зачем?

— Ничего, это я так. Есть хотите?

— Нет.

— Слишком поспешно для того, чтобы быть правдой. Сейчас я вам кое-что притащу.

Консервный нож куда-то запропастился, и Артем довольно долго провозился на кухне, открывая банку с абрикосами перочинным ножом. Открыв, выплеснул содержимое банки в стеклянную селедочницу и понес к Дениз.

— Вот, — сказал он, подходя, но она уже протягивала руку, заслоняясь от него узкой беззащитной ладошкой.

— О, черт! — он в сердцах поставил селедочницу на стул, оказавшийся между ним и тахтой. Розоватые глянцевые абрикосы с поросячьим самодовольством разлеглись в узкой посудине, красноречиво деля его собственную комнату на территорию Франции и СССР. — Впрочем, как вам будет угодно.

Он вытер лезвие ножика и попытался сложить его, но руки после давешнего наваждения еще подрагивали, и нож, так и не сложившись, выскользнул у Артема из рук и полетел вниз острием. Оба они видели, как лезвие блеснуло в воздухе узкой серебряной рыбкой, коснулось пола и... ушло в него. Целиком. Словно это был не паркет, а густой кисель или глинистый раствор. Едва уловимое кольцо побежало, расширяясь; его слабая тень скользнула под ботинки Артема — и все исчезло.

---

* Мой родной Париж *(франц.)*.

** Боже мой, я путаю простые слова *(франц.)*.

Артем ошеломленно глядел на пол, на то место, где произошло это очередное чудо. Потом поднял голову и встретился глазами с Дениз. Они смотрели друг на друга так, словно каждый был самой настоящей нечистой силой в образе человеческом, они ненавидели сейчас друг друга за все бессмысленное неправдоподобие сегодняшнего вечера, за кошмар этих ненужных никому чудес, за их непрошеную встречу — и каждому казалось, что тот, другой, и есть виновник всего происходящего.

Артем опомнился первым. Все. Хватит с него этих фокусов, сыт по горло. Он рванулся в переднюю и сдернул с вешалки плащ. Он еще не знал, что будет делать — переночует у кого-нибудь из друзей, проболтается до утра по весенним стылым улицам или попросту найдет работающий автомат и заявит в соответствующие органы, — но терпеть такое издевательство над собственным рассудком он больше не мог.

Будь она хоть капельку не такой, у него не появилось бы мысли обвинить ее во всем происшедшем; но невероятная красота сама по себе делала ее причастной ко всей этой чертовщине. Он распахнул входную дверь, вылетел на лестничную площадку — и увидел вокруг себя серебряный сумеречный сад.

И тогда он успокоился. Черт побери, сказал он себе, не каждый день удается посмотреть такой волшебный, цветной, широкоформатный, стереоскопический и стереофонический сон. Надо этим попользоваться. Попользуйся, брат мой. Нет, надо ж так — двух часов не проспать без цитаты из Хемингуэя. Это его совсем развеселило. Ну что же, рассмотрим сон во всех подробностях.

Черные мультипликационные пирамидки деревьев, равномерно подклеенные к нижней кромке тусклого неживого неба; темная фольга прямых, словно рельсы дорожек, а между ними — разливы светло-серых жемчужных цветов, казалось, не росших из земли, а перелившихся через край волшебного горшка, который вместо гриммовской манной каши варил и варил бесконечную цветочную массу, пока она не переполнила игрушечный этот мир до такого близкого его конца.

И посреди этого сада, завороженного пепельным мерцающим полусветом, стойким отсутствием каких бы то ни было запахов и особенной, клейкой тишиной, как уже нечто совсем естественное возвышался маленький диснеевский домик. Неправильность формы позволяла угадывать в нем планировку однокомнатной квартиры; сложен он был

из традиционного кирпича и накрыт двускатной крышей из соломы. Миленький такой шалаш. Трубы только не было, зато на входной двери трогательно белел квартирный номер. Артем тихо, чуть ли не на цыпочках пошел вокруг дома, все время плечом и ладонью касаясь шершавой стены — отойти даже на полшага было как-то боязно. Поворот — и под его пальцами зашуршали обои. Ну да, в этом месте должна была находиться великолепная квартира соседа Викентьича, беспалого мясника, уже успевшего повадиться к Артему за сигаретами. Но от нее осталась только шершавость унылых обоев, кое-где уже подраных матерым сторожевым кобелем.

А за следующим углом шли окна. Его окна — сперва кухонное, с перышками зеленого лука на подоконнике, там, внутри, а затем освещенное, сдвоенное с балконной дверью. Балкон лежал прямо на земле, и, ухватившись за его безобразненькие чугунные перильца, Артем вдруг отчетливо представил себе, что все наваждение мертвого этого сада вдруг исчезает, и почва расступается под ногами, восстанавливая прежнюю девятиэтажную пропасть между его балконом и настоящей землей. Страх перед этой воображаемой пустотой был так велик, что Артем чуть было не перемахнул через перила и не ворвался обратно в комнату через балконную дверь, но через стекло была видна тахта и на ней — лежащая вниз лицом Дениз. Но-но, прикрикнул он на себя, заставив оторваться от спасительных перил, рысцой промчался вдоль последней стенки и, ударившись всем корпусом о входную дверь, очутился в прихожей.

Дениз не шевельнулась, словно не слышала его шагов. Но пушистый ворс одеяла дышал ровно и нечасто, словно шерстка на спине у спящего котенка. Артем подошел к тахте и тяжело опустился на край.

— Я только что был там, — он ткнул большим пальцем в сторону окна. — Этакий висячий сад Семирамиды. Посреди сада — плешь, а на ней наша хибара. Хочешь взглянуть?

Она подняла голову, безучастно посмотрела в окно, потом едва слышно произнесла:

— Mais c'est égal*, — и снова опустила голову.

И тут он перепугался уже по-настоящему, как можно бояться не за себя, а за другого человека. Кем бы она ни была, но он-то был мужчиной, он был старшим и сильнейшим. Он не знал ни слова по-французски, но прекрасно ее

* Мне все равно *(франц.)*.

понял — ей все равно, и в такой степени, что она не будет ни есть, ни пить, а свернется под одеялом в маленький холодный комочек, словно птенец, брошенный в гнезде, и очень даже просто помрет. А он так и не будет знать, что же с ней делать, тем более что теперь не добежишь до автомата и не позвонишь в «неотложку», «скорую» или в соответствующие органы.

— Нет уж, — сказал он решительно, — придется тебе меня слушаться. Сейчас мы поужинаем.

Вода на кухне исправно шла — и горячая, и холодная. Газ исправно горел. Артем согрел чай, почти насильно напоил Дениз. Самому ему после всех этих открытий тоже ничего не хотелось, но положение старшего обязывало, и в качестве наглядного примера он с хорошо скрываемым отвращением запихнул в себя пару марокканских полнотелых сардинок. Совершив сей гастрономический подвиг, Артем почувствовал, что ни на что более он не способен.

— На моих часах половина одиннадцатого... А, черт! Стоят. Придется произвольно отсчитывать время. За окном непроглядная темень, ни огонька на горизонте, и вряд ли удастся что-нибудь выяснить. Посему на правах старшего откладываю все вопросы на завтра и приказываю всем спать. Я лично устал как собака.

Он старательно запер двери и проверил окна, потом вытащил ящик с инструментами и нашел там маленький, недавно наточенный топорик. Не ахти какое оружие, но все-таки.

— Подвинься, — сказал он. Дениз отчаянно захлопала ресницами. — Подвинься, подвинься. Тебе же все равно.

Она испуганно прижалась к стене. Артем сунул топорик под подушку и блаженно вытянулся подле Дениз.

— Есть у нас такая миленькая приспособленческая пословица, — пробормотал он, закрывая глаза, — «с милым рай и в шалаше». Не слыхала? — Подушка под щекой шевельнулась, — Дениз не то кивнула, не то покачала головой. — Так вот, рай налицо, шалаш тоже комфортабельный, тебе остается только вообразить, что я — искомый «милый». — Дениз снова испуганно дернулась, но дальше отодвигаться было уже некуда. — Да не бойся ты, глупенькая, я же сказал — вообрази. А шалаш у меня европейский — «с ванной, гостиной, фонтаном и садом...» как там дальше?.. «фонтаном и садом... только смотрите, чтоб не было рядом...» А знаешь, что во всей этой петрушке самое страшное? — Дениз затаила дыхание. — Мне кажется, что мы здесь совсем одни...

Он проснулся.

Было до изумления легко. Воздух щекотал изнутри при каждом вдохе; руки, поднятые для того, чтобы закинуть их за голову и потянуться, взлетели сами собой, словно к каждой было привязано по десятку разноцветных воздушных шариков. И вообще все было лучше некуда, трын-трава и море по колено. А если что и не так, то только для того, чтобы преодолеть, превозмочь, переделать, перестроить. И достичь.

Состояние легкого опьянения. Осторожно, Тёмка. Пока ты спал, с тобой что-то сделали. А может, не с тобой, а со всем тем, что тебя окружает. С воздухом, например.

Артем нашарил в кармане примятый за ночь коробок, чиркнул спичкой. Вспышка была несколько ярче, чем следовало ожидать. А может, показалось? Он чиркнул еще и тут только вспомнил про Дениз. Вот осел, напугаю ведь спящего человека.

Он осторожно спустил ноги с тахты, встал и, чуть не приплясывая, — впрочем, это получалось само собой, а не от избытка радости, — выбрался в прихожую. Ладно, для первого раза определим, где мы сейчас находимся. Он распахнул дверь и вышел в сад. Веселье, неестественное, пришедшее извне, оставалось, но уверенность неуклонно улетучивалась. Да, действительно, где мы находимся? В голову лезла всякая бианковская срунда вроде лишайников, которые обязаны произрастать только на северной стороне дерева, или муравейника, который, напротив, предпочитает южную сторону. Ни муравейников, ни лишая в райском саду не имелось. Утренний рассветный сумрак стремительно таял, но нигде в равномерных просветах между деревьями не проступало ни мутного пятнышка прячущегося солнца, ни розоватого блика зари. Небо было затянуто легкими, но необыкновенно низкими облаками, они висели неподвижно и за деревьями спускались до самой земли. Казалось, сад с крошечным домиком посередине был покрыт непрозрачным студенистым колпаком. Ни шороха, ни ветерка.

Он вернулся.

— Вставай, — он присел на край тахты, положил руку на одеяло, где угадывалось узенькое покатое плечо. — И только пугаться, как давеча, не вздумай.

Она обернула к нему свое лицо, подрагивающее незабытым вчерашним ужасом, и ему вдруг стало страшно, как может быть страшно только в детстве, когда встречаешь наяву что-то такое, что никак не может быть, чего НЕ БЫВАЕТ, — словно это Серый волк, словно Вий, словно Кощей Бессмертный.

Вот так поразило его нечеловеческое, принадлежащее не природе, а живописи — ее лицо.

— Проспали, — сказал он нарочито громко, разрушая наваждение ее немерцающей, стоячей красы. — По звездам надо было определяться. Север, юг и все такое. Сейчас туман. — Она смотрела на него, видимо не понимая, что он говорит, и он также не слышал и не понимал собственных слов. — Туман. Облака совсем над головой. За деревьями они легли на землю. Только туман и посередине этого тумана мы. Ты и я.

Он отгораживался от нее словами, словно стоило ему замолчать — и он остался бы беззащитным перед бесовской силищей нерукотворной ее красоты.

— Да вставай же ты, — закричал он с отчаяньем, — вставай, навязалась ты на мою голову...

Она послушно поднялась и пошла в ванную, ступая боязливо и легко, словно пол, так загадочно поглотивший вчера злополучный ножик, мог снова расступиться. На пороге она застыла, удивленно прислушиваясь, но не к внешним звукам, потому что кругом была прежняя стойкая тишина, а к чему-то своему, подкожному, шевелящемуся внутри.

— Странно, — сказала она спокойно, — я вся... ligere, легкая. Мне нужно только отдохнуть...

Она не договорила, словно не могла еще определить, что же она сможет после того, как отдохнет.

— И что тогда? — почему-то шепотом спросил Артем.

— Тогда я смогу летать.

— Да, — сказал он, — да... — И даже про себя, не вслух, он не усомнился в том, что она это действительно сможет.

И он представил себе, как она выходит на балкон, наклоняется вниз, через перила... А, черт, он же забыл, что теперь балкон лежит прямо на земле. Но все равно, все равно. Она встанет на перила, подпрыгнет и, даже не взмахнув руками, начнет легко подыматься вверх, к студенистому серому колоколу, накрывающему весь сад. Контуры ее тела станут смутными, размытыми; вот она... Хлопнула дверь — Дениз исчезла в ванной.

Артем шумно выдохнул воздух и встряхнулся, словно селезень, вылезший из пруда. Положительно, пока он смотрит на Дениз, в голову лезет самая настоящая чушь. Дремучая чушь, как говаривал Гораций. Оказаться невесть где, черт знает с кем и уж совершенно непонятно — для чего, и с утра пораньше пялить глаза на эту куколку... Тьфу.

Значит, так: быстро закусить, собраться и идти на разведку. В конце концов, не на десятки же километров тянется этот райский сад. Где-то он должен кончиться. Дойти до этого конца, а там будет видно, что дальше.

— Ты готова? — спросил он появившуюся Дениз. — Садись, ешь. Сейчас ты останешься тут, а я хоть немного осмотрю окрестности.

Она отчаянно затрясла головой.

— Ты слушай, когда тебе говорят. Если бы тебя хотели отсюда украсть... Да не делай ты такие страшные глаза! Пойми, раз уж нас с тобой посадили в этот персональный шалашик, значит, кому-то надо, чтобы мы тут сидели вдвоем. И если бы с тобой хотели что-нибудь сделать, то поверь, что у них было на это и время и возможность. Так что сиди тут и никуда от дома не отходи. Топорик на тахте, на всякий случай. И не раскисай.

Он хотел дружески похлопать ее по плечу, чтоб действительно не раскисла, но вовремя остановился. Черт побери, он совсем забыл, что у нее плечи, которые не созданы для того, чтобы по ним дружески похлопывать. Совсем для другого были эти плечи...

Фу, нечистая сила. Пришлось опять встряхнуться.

— Держи хвост морковкой, принцесса, — сказал он неестественно бодрым голосом и шагнул за порог.

Прямо от порога веером разбегались дорожки — добрая дюжина, не меньше. Итак, выберем простейший вариант — идти прямо, чтобы домик все время оставался за спиной.

Он прошел несколько шагов и понял, что идти прямо невозможно. Дорожка змеилась, причудливо меняя направление, и терялась среди бесшумной громады высоченных кустов, намертво переплетшихся между собой трехпалыми, с добрую куриную лапу, колючками. Артем невольно обернулся — соломенная крыша домика уже не просматривалась за поворотом. Хорошо бы капроновую лесочку или, на худой конец, элементарную катушку десятого номера, комбинат «Красная нить», длина 200 метров. И чтобы Дениз держала ее за кончик, а-ля критская Ариаша.

Он представил себе эту картину со стороны: верзила (метр восемьдесят четыре) на капроновом поводке, словно комнатный песик. Да мы, кажется, трусим? Он решительно зашагал вперед. Узенькая тропочка все петляла, выскальзывая из-под ног; она была усыпана крупным, словно хорошо прожаренная греча, красноватым песком. Артем все не мог понять, что же необычного, НЕ ТАКОГО в этом песке, потом понял: на нем не остается следов. Никаких.

Чтобы убедиться в своих наблюдениях, он присел и пальцем вывел большое каллиграфическое «Д». Пока подымал руку — все исчезло, словно было написано на воде. Ни рытвинки, ни бороздки.

Только красный прожорливый песок, в котором можно исчезнуть без следа.

Он побежал назад. Поворот. Еще поворот. Врезался в цепкий, нависающий над тропочкой куст. Выдрался. С мясом. Снова побежал. Скорее. Только скорее. Споткнулся. Корень. Черт, какой корень? Не было никаких корней. И деревьев этих до сих пор не было. Совершенно точно не было. Где-то он свернул. Не заметил, что тропочка разветвляется. Назад!

Назад. А сколько это надо — назад? Он бежит уже больше километра, и никаких развилок, и ничего похожего на прежнюю тропинку. Чаща кругом. Зачем он повернул? Чего испугался? Пройти бы еще немного, ну пес с ними, с деревьями, может, они и были. Он сейчас уже выходил бы к дому. Назад!

Назад. Деревьев все больше и больше. Спокойно. И не бежать. А то и так уже мучительно хочется пить. Идти спокойно. Спокойно идти назад. Вот так. Он уже полчаса идет назад. В который раз он уже поворачивает назад. И где вообще его дом? Сколько раз за это утро он поворачивал? Хоть бы какой-нибудь, самый паршивенький ориентир. О солнце он даже и не мечтал. По солнышку, по солнышку, по травке луговой... Дымчатое брюхо серого мышастого неба провисало над самыми верхушками деревьев. Он медленно побрел вперед. Вперед? Если бы он был в этом уверен...

Прошло около часа, пока он не вспомнил, что надо просто влезть на дерево и оглядеться. Беспомощность цивилизованного хлюпика, еще раз с ожесточением подумал он.

Он выбрал то, что показалось ему повыше остальных, продрался к нему через чащу кустов и сбросил ботинки. Ствол был гладким, добраться до нижних ветвей оказалось чертовски трудным. Но дальше пошло легче, и возле самой вершины Артем высунул голову из ветвей и посмотрел вниз.

То, что называется «девственным лесом». Море зелени, удивительно однотонной зелени, ни пятнышка хоть немного другого оттенка. Словно весь этот лес поливали с вертолета ядовито-изумрудным купоросом. Если бы не тропинка, аккуратно посыпанная крупнозернистым железистым песком, он сказал бы, что в этих краях еще не ступала нога человека.

А точно ли внизу есть тропинка? Его нисколько не удивило бы, если б и она исчезла. Но тропинка оказалась на месте, и, спрыгнув на нее, Артем снова не мог определить, с какой же стороны он подошел к этому дереву. А не все ли равно? Оставалось идти куда глаза глядят. Или вообще никуда не идти. Что толку метаться взад и вперед, если сезам закрылся, навсегда замкнув поляну, подернутую легкой накипью пепельно-серых цветов? Какие новые неестественные красоты уготованы ему на том или другом конце этой тропинки, и главное — с какой целью? С этого проклятого вечера, когда он с грохотом опустил на пол сумку и сетку с консервами в своей милой новенькой квартире, кто-то упорно и методически измывался над его здравым рассудком. Кажется, в одном из концлагерей пытались установить, сколько времени может выдержать человек в разреженном воздухе. Или на морозе.

Не ставят ли над ним какой-то чудовищный опыт, определяя, сколько чудес может вынести обыкновенный человеческий мозг? А если это так, то кем же была Дениз — сообщницей или подопытным белым мышонком?

Как ни странно, но мысль о Дениз не воскресила в его памяти ее лица. Неопределенные воспоминания о чем-то красивом, и только. Да полно, что в ней было особенного? Он с трудом заставил себя припомнить каждую отдельную ее черту — губы, брови, волосы. Все прекрасно, спору нет, но сплошь и рядом такие же вот совершенные составляющие слагались в абсолютно невыразительные, плоские лица. Ничего особенного, и если ему суждено никогда больше ее не увидеть, то особого разочарования он не испытает. А уж искать — и подавно. По доброй воле и своими ногами он с места не двинется. Если кому-то надо — пусть его несут. Хоть волоком, хоть по воздуху. Он плюхнулся на дорожку, взрывая ботинками песок, и в тот же момент услышал близкий, зовущий вскрик: «А-а!» Кричала Дениз, и не в полный голос, как от боли или от страха, а чуть недоуменно, вопрошающе, словно — где ты?

И снова — «а-а!», и теперь это был уже страх.

Он вскочил и, ни о чем не думая, ринулся прямо в заросли, на этот голос. И когда, вконец ободранный, он выбрался на полянку, домик стоял в каких-нибудь десяти шагах от него, и на пороге, поджав под себя ноги и рассыпав на коленях серые цветы, в буколической позе сидела Дениз. Он прекрасно понимал, что вся эта картина чересчур смахивает на рождественскую открытку из старинного бабкиного альбома, не хватает только воркующих голубей, —

и одновременно с трезвым этим сознанием чувствовал, как сейчас он схватит ее — только хрупкие лопатки чуть шевельнутся под его ладонями — и вот так, с согнутыми коленками и цветами в подоле, прижмет к себе... какой-то шаг оставался до нее, когда он справился с этим наваждением. Немного помедлил, переводя дыхание, потом сделал этот последний шаг и, поддернув брюки на коленях привычным жестом, присел перед ней на корточки.

— Ну что? — спросил он ее. — Напугалась?

— Да, — с готовностью согласилась Дениз. — Вы так долго были... dans ce fourrè*... там, — она неопределенно махнула ладошкой. — Я хотела позвать...

Она запнулась и опустила голову. Смутное подозрение снова поднялось в нем: она не хотела отпускать его. Она держала его подле себя. Он ушел, и она тут же подняла переполох.

— Ну да, — Артем пристально смотрел на нее. — Ты хотела позвать меня. Так что же?

— Я хотела позвать... и тут... Я забыла ваше имя.

Он приготовился не поверить ей. Что бы она ни сказала — он должен был ей не поверить.

Но эти слова, произнесенные с детской беспомощностью, странным образом совпали с его недавним состоянием. Ведь он сам только что не мог припомнить ее лица.

Он ожидал всего, только не этого.

— Артем.

— Артем...

— Повтори еще.

— Мсье Артем.

— Ох, только без этих импортных обращений. Просто — Артем.

— Артем. Артем. Артем.

— Ну вот и умница. Больше тебя ничего не тревожит?

— Я боюсь завтра (не лишено оснований, подумал он, я вот боюсь за сегодня)... боюсь завтра проснуться — и вас нет. И нет память о вас. Ничего нет.

Артем посмотрел на нее ошеломленно, как на восьмое чудо света.

— Тебе же было все равно.

— Это пока вы рядом.

Вот тебе и на!

— Не бойся, больше я не буду тебя бросать. Это, конечно, была глупость, что я пошел один. Если бы ты не

---

* В этой чаще *(франц.)*.

позвала меня... Почему ты не спрашиваешь, что я там увидел?

— А это мне все равно.

— Там только сад. Бесконечный, одинокий сад, и, уйдя от нашего домика, мы вряд ли сможем к нему вернуться.

— Зачем тогда уходить?

Он встал и молча прошел в дом. Хотелось бы обойтись без объяснений.

— Собирайся, — коротко велел он.

Дениз растерянно смотрела с порога, как он запихивает в спортивную сумку хлеб и консервы, сворачивает одеяло.

— Это тебе, — кинул он ей свой свитер. — Ночью будет холодно.

Он притворил за собой дверь и даже не оглянулся. Этот игрушечный шалашик был не его домом, чтобы жалеть о нем.

— Иди вперед, — он пропустил ее перед собой на узкой — двоим не разойтись — тропинке. — И пора наконец поговорить.

Она ничего не ответила.

— Ты кто такая?

Несколько шагов она прошла молча, словно обдумывая ответ, потом на ходу обернулась, и он увидел ее спокойное прекрасное лицо: я такая, какая есть, такой уродилась я. Опять литература.

— Ты русская? — Глупый вопрос, русские лица такими не бывают.

— Мама.

— Ясно. Жертва дореволюционных миграций. Как Марина Влади.

— Нет. Последняя война.

— Угнали немцы? Тогда прости.

— Да. Отец и мама встретились в лагере и не смогли расстаться.

Ну, что же, если Дениз пошла в мать, то ее отца понять не трудно. Хотя это может быть всего лишь правдоподобной версией. Версией... А это уже из второсортной литературы. Да кому он нужен — едва оперившийся инженер? Смешно. Городить такой огород, перетаскивать его в эту мертвую долину, да еще подсаживать к нему эдакую фазанью курочку, несовершеннолетнюю Мату Хари?

Чушь, чушь собачья. Девчонка как девчонка, школьница, только чересчур смазливая школьница. Сзади на нее смотришь — и то оторопь берет. Ей бы в актрисы, за границей, говорят, сплошь и рядом непрофессионалки. А мо-

жет, эта — как раз профессиональная актриса? Давешний испуг, и визги, и бессильные, не свои руки? Если бы она была просто девчонкой — русской ли, француженкой, — давно должна была протянуть ноги от усталости. А эта идет. Спросить ее еще о чем-нибудь? Ответит. И когда родилась, и как зовут эту... как ее... консьержку, и каким камнем вымощен их дворик на улице... Улицу она тоже назовет. Спрашивать, чтобы не поверить?

А она все идет и идет, не оставляя следов на крупном, не хрустящем под ногами песке.

— Может, ты все-таки устала?

Она продолжает идти, не оборачиваясь. Ну да, ведь он не имеет никаких прав на заботу о ней. Никаких прав, пока у нее есть хоть какие-нибудь силы. Когда силы кончатся, права возникнут сами собой. Много прав. Право на заботу. Право на помощь. Право на...

Ох, черт, опять заносит.

— Может быть, я пойду первым?

Это чтобы не видеть ее перед собой. Но она снова не отвечает и продолжает бесшумно двигаться впереди по красной извилистой тропинке, на которой не остается никаких следов.

Они идут, идут, идут, и уже кружится голова от бесчисленных поворотов, и хочется упасть ничком и лежать, как лежала она, когда в первый раз он увидел ее на тахте в своей комнате. Лежать, как будто тебя бросили, и даже не пытаться изменить положение тела.

Дениз остановилась так внезапно, что Артем невольно сделал еще один шаг и обнял ее за плечи — тропинка сузилась настолько, что встать рядом не было возможности. Дениз подалась назад и запрокинула голову.

— Все, — выдохнула она. — Я кончилась. Все.

Он ждал, что так случится, но теперь вдруг растерялся.

— Еще немного, Дениз, — забормотал он, словно это немногое могло хоть что-нибудь изменить. — Может, впереди будет хотя бы поляна...

Они шли уже несколько часов, и никаких полян не было. Только стена колючих кустов и крупный песок тропинки.

— Я понесу тебя.

Она замотала головой.

— Тогда что ты предлагаешь?

Плечи ее уходили из-под его ладоней; он сжимал их все крепче, но ничего не помогало — она исчезала, вытекала из его рук... Подхватить ее он успел. Поднял. Какое легкое тело, еще легче, чем он себе представлял. Ага, пой-

мал он себя, а ты, оказывается, уже представлял ее у себя на руках. И когда только? Он старался идти широким, размеренным шагом. Как верблюд. А ведь легкость тела обманчива. Даже вот такое, почти невесомое, оно через двести шагов станет невыносимой тяжестью. Это он знал точно. Знал из той, позавчерашней жизни, что осталась по ту сторону от холодильника и сетки с консервами, брякнутыми об пол. Но вот кого он нес тогда? И не вспомнишь теперь, да и неважно это.

— Артем, — сказала она громко в самое ухо, — отпустите мне.

— Что это ты вдруг? — спросил он, осторожно переводя дыхание между словами. Разговаривать, когда несешь кого-нибудь на руках, — это уже совсем пропащее дело. — И потом — меня.

— Отпустите меня. Совсем. — Артем молча шел вперед, стараясь прикрывать рукой ее голые коленки — чтобы не очень ободрать их о сизые лапчатые колючки, вылезшие чуть ли не на самую середину дорожки. — Si vous ne me laisser pas partir aussitôt...* — крикнула она высоким и злым голосом.

— Не кричи мне в ухо, — попросил Артем.

Она ткнулась носом ему в шею и примолкла.

— Погоди немного, может быть, мы найдем поляну. Отдохнем.

И тогда за поворотом послушно появилась ровная плюшевая полянка.

Он присел и, все еще не отпуская Дениз, провел свободной рукой по траве — она оказалась легкой и сухой, словно сено.

— Ну вот, можно наконец и ноги протянуть.

Дениз промолчала. Он опустил ее на теплую траву, в которой не стрекотал ни один кузнечик, не копошился ни один жучок. Мертвый кустарник, мертвая поляна.

И вконец измученное, осунувшееся лицо Дениз. Вот это уже никак не может быть игрой. Даже если она когда-нибудь и станет знаменитой актрисой, то и тогда ей не удастся сыграть так правдоподобно.

А ведь забавно будет, если через десяток лет он узнает ее в очередной голливудской кинодиве и так небрежно бросит своим ребятам: «Ну и намучился я, когда пришлось эту мамзель тащить на руках, — даром что одни мослы, хоть студень вари. Это тогда, когда мы заблудились в...»

---

* Если вы меня сейчас же не отпустите... *(франц.)*.

Насчет мослов и «стюдня» — это наглый плагиат; услышал в кино по поводу Одри Хепберн и, придя в дикий восторг, взял на вооружение. А что касается «заблудились в...» — то сейчас это было проблемой номер один. Действительно — в Андах, Аппалачах, Бирме, Венесуэле, Герцеговине?.. Нужное подчеркнуть. Ха!

А что, если она знает? Застать ее врасплох — если не проговорится, то пусть хотя бы растеряется.

— Где мы находимся? — спросил он быстро.

Она обернула к нему свое спокойное лицо.

— Вы спрашиваете меня?

Она не знала. Не могла она знать и так притворяться.

— Мы не в Европе.

Она не возразила.

— Нас везли, и весьма продолжительное время. Мы не в Африке — здесь не жарко. Да и растительность средних широт. Дальше. К нам не проникает ни звуков, ни ветра. Значит, мы в маленькой долине, окруженной горами. Высокими горами. Есть ли такие горы в Австралии? По-моему, нет. Но мы невысоко в горах — иначе нам было бы трудно дышать. Логично? Теперь, густая облачность указывает на близость воды. Вода рядом, и ее много. Может быть, это океан. Но таких безлюдных гор на побережье Азии я что-то не помню. Черт, а еще имел четверку по географии. Итак, остается Южная Америка — Анды. Ты очень устала?

Дениз молча покачала головой.

— Хорошо, если бы мы к вечеру дошли до этих гор. Долина должна быть крошечной, иначе мы ощущали бы ветер.

Ее рука машинально поднялась, пальцы зашевелились, словно ветер был чем-то осязаемым, что можно поймать. Рука упала.

Ах ты черт, сентиментальность проклятая, дешевое рыцарство. Язык не поворачивается сказать: «Ну пошли!» А ведь надо, надо! Не ждать же здесь, пока с тобой выкинут очередной фокус.

— Дениз... — это почти виновато.

— А?

— Идем, Дениз.

Она тихонечко вздохнула и поднялась.

Они так и шли до самой темноты — сперва Дениз медленно брела впереди, потом виновато оглядывалась, и Артем брал ее на руки. Потом им попадалась поляна, они лежали рядом и глядели друг на друга, потому что вверху было неподвижное, словно застывшее в какой-то момент падения небо, на которое смотреть было страшно.

Потом они подымались и шли дальше.

Темнота наступила внезапно, даже слишком внезапно, как будто кто-то ввел на полную катушку громадный реостат. Некоторое время они шли в темноте, но больше спасительных полян не появлялось.

— Ничего, — сказал Артем. — И это не самое страшное. Песок на дорожке совсем теплый.

Он стал расстегивать куртку, и тут впереди блеснул огонек. Они не побежали, и не потому, что Дениз едва передвигала ноги, нет, — в этот вечер у них еще сохранилась какая-то осторожность. Они бесшумно крались вперед, пока огонь не стал освещенным окном; цепляясь за перила крошечного палисадничка, Артем приподнялся и, прячась за косяком, заглянул внутрь.

Мятая тахта с клетчатым одеялом, пустая селедочница на стуле посреди комнаты, возле порога на полу — черный свитер, все-таки забытый Дениз.

Он оцепенело рассматривал все это, не понимая, не желая понять, что это тот самый дом, от которого они сегодня утром ушли не оглядываясь, ушли прямо, оставляя его за спиной.

— Кто там? — робко спросила Дениз из-за спины.

Если бы там кто-нибудь был!

— Никого, — сказал Артем, пропуская ее вперед. — Можешь никого не бояться.

Никого, только тот же дом, пустой, ожидающий их возвращения. Как капкан. Дверь за спиной захлопнулась, и Артем невольно протянул назад руку — попробовать, откроется ли она еще раз. Дверь мягко подалась. Вот, значит, как — капкан, из которого можно выйти. Сегодня утром они уже попробовали это сделать. Ну что же — завтра попробуем еще раз.

— Ты только не засыпай, — сказал он Дениз, — я сейчас сварю кофе, а то завтра ты и вовсе с ног свалишься.

Но она уже лежала на тахте, совсем как вчера, словно она не сама легла, а ее бросили, как бросают платье. Он повернулся и на цыпочках, чтоб не разбудить, пошел на кухню. И там все было так, как вчера. Батон в полиэтиленовом мешке, груда консервных банок на дне холодильника. Даже абрикосы. Может, он их не открывал? Да нет, было такое дело, еще и нож... Нож лежал на столе. Перочинный нож за два рубля пятнадцать копеек. Тот самый. А кофе? И кофе в жестянке было ровно столько же, сколько вчера вечером.

Есть почему-то расхотелось.

Он вернулся в комнату, осторожно подвинул Дениз к стенке и улегся рядом. Она приоткрыла глаза.

— Между прочим, — сказал он шепотом, — мы действительно в райском саду. И холодильник в роли скатерти-самобранки.

Она чуть поморщилась — досадливо и безразлично.

— Нет... не сад, — пробормотала она, засыпая. — В саду цветы... А в райском... des pommiers, яблони...

Артем шумно фыркнул и тут же скосил глаза. Нет, ничего, не проснулась. Усмехнулся уже беззвучно — господин учитель, мне бы ваши заботы. Яблонь ей не хватает. Тоже мне Ева. А Ева ли? Он всмотрелся в ее лицо. На кого она похожа? Каждая отдельная черта напоминает что-то, порой вполне определенное — плечи Натальи Гончаровой, волосы Екатерины Второй, подбородок Одри Хепберн... А самато — от горшка два вершка. Десятиклашка. Хотя — Елене Прекрасной, когда ее Парис умыкал, было, говорят, десять лет. Джульетте — тринадцать. Ева тоже вряд ли была совершеннолетней, и уж тем более — красавицей. Вон у Жана Эффеля — первозданная дура, которой только дай дорваться до райской антоновки. Не с чего ей было стать такой вот, как эта. Господь бог, когда ее творил, не располагал никакими эталонами, а о промышленной эстетике он и представления не имел по серости своей. Кустарь-одиночка.

Десятки веков должны были пройти, чтобы могло уродиться на земле такое вот чудо. Уродиться-то оно уродилось, да вот на что? Ей-богу, лучше, если бы подкинули ему свою девчонку, он бы хоть знал, как с ней обращаться. Привил бы ей элементарные туристские навыки, чтобы через сотню шагов не просилась на руки, покрикивал бы, время от времени щелкал по носу — для поднятия духа. Топали бы они по этому паршивому раю, распевая песенки Никитиных и Пугачевой, а когда добрались бы до тех, кто все это устроил, — можно было бы не бояться, даже если бы дошло до рукопашной.

А эта? И девчонкой-то ее неудобно называть. В старину говорили — лицо, выточенное из алебастра. Ощущение чего-то неземного от этого образа сохранилось, хотя для нашего брата алебастр — это нечто грязноватое и в бочках.

И все-таки — выточенное из алебастра лицо, и никуда от этого не денешься. Капризная складочка в уголке рта. Яблонь ей не хватает.

А когда они наутро проснулись, было совсем светло, и за окном пламенела огромная пятиугольная клумба, какие

обычно украшают центральные площади провинциальных городков. Клумбу венчал фантастических размеров зеленый цветок.

Слева и справа от клумбы торчали две виноградные лозы, увешанные рыжими, как помидоры, яблоками.

— Подымайся, принцесса, — Артем старался говорить как можно веселее, чтобы она не заметила его тревоги. — Тутошнего Мерлина дернула нелегкая исполнить твое желание. Пойдем взглянем.

Держась за руки, они подошли к клумбе. Невиданный разгул красок, все оттенки алого и фиолетового, а цветы одинаковые — примитивные пять лепестков, крошечная бутылочка пестика и щетинка черных тычинок. Просто цветок. Не ромашка, не сурепка, даже не куриная слепота. Ботаническая схема. Он попытался припомнить деревья, виденные вчера, — и с ужасом понял, что и это были не тополя или березы, а нечто среднее, безликое, мертвое в своей абсолютной правильности.

Но то, что они приняли за громадный светло-зеленый пион, вообще цветком не было.

В центре клумбы нагло утвердился громадный, пудовый кочан капусты.

— Артем, — проговорила Дениз, поднимая на него спокойные, совсем не испуганные глаза. — Мне страшно. Это сделать мог только... — она не стала подыскивать слово, а помахала растопыренными пальцами возле головы.

Артему и самому было страшно. Он давно уже догадался, что они находятся во власти какого-то безумного всемогущего маньяка, и вопрос заключался теперь в том, как долго это безумие останется в рамках безопасного.

Артем наклонился к ней и быстро приложил палец к ее губам. Потом показал на уши и сделал неопределенный кругообразный жест, должный означать: уши могут быть везде.

Дениз поняла. Еще бы не понять: ведь то, чего она пожелала вчера вечером, было произнесено чуть слышно, в подушку, и все-таки это было услышано.

Их слышат. И, может быть, даже видят. Дениз потянула Артема обратно в дом. Они наскоро поели и собрались, не говоря ни слова. Вышли.

— Вчера мы пошли прямо, — нарушил молчание Артем. — Возьмем другое направление, хотя мне сдается, что домик стоит не на прежнем месте.

Он говорил вслух, потому что это было и так очевидно. Виноградные лозы с помидорообразными плодами вклини-

лись в монотонную зелень кустарника, и дорожек было значительно меньше, чем вчера, — только три. Они выбрали ту, что уходила влево. Они шли медленно и отдыхали чаще, чем вчера, и все-таки уже к полудню стало ясно, что тащить Дениз было бы просто бесчеловечно.

Плюшевая лужайка, испещренная радужными брызгами примитивных пятилепестковых цветов, была к их услугам. Артем вскрыл бессмертную банку с абрикосами, разложил бутерброды. Заставил Дениз поесть. Вообще он только и делал, что заставлял ее — есть, идти, вставать, ложиться. Подчинялась она безропотно. Сейчас он вдруг понял, что это было неслыханным мужеством с ее стороны. Ведь ее, наверное, на руках носили. В буквальном смысле слова. С ложечки кормили. Не просто же так она выросла такой, ни на что не похожей. Принцесса. Принцесса Греза. А ведь точно. Врубель был лопух. Вот такая она, принцесса Греза. Совсем девочка и совсем женщина. Вконец изнеженная и бесконечно стойкая. До обалдения прекрасная и в своей чрезмерной красоте годная только на то, чтобы на нее смотреть во все глаза. И не больше.

Он скосил глаза и осторожно глянул вниз — принцесса Греза лежала на траве, свернувшись в маленький золотистый комочек, словно рыженькая морская свинка.

— Ну что? — спросил он, наперед зная ответ. — Кончилась? Больше не можешь?

— Могу, — послышалось в ответ. — Но не хочу. Зачем идти? Ведь мы не придем... домой. И никогда.

— Но-но! — крикнул он, холодея от сознания ее правоты. — Ты это брось, принцесса... — он нагнулся над ней и просунул руку под голову, где тепло ее волос было неотличимо от человечьей теплоты сухой шелковистой травы.

Уже привычным движением он поднял Дениз на руки.

— Зачем? — Голос у нее был такой, словно было ей по крайней мере пятьдесят лет. — Я прошу, зачем? Останемся здесь.

— Ну, что же, — он медленно опустил ее, — попробуем остаться. Вечер уже недалеко.

Вечер наступил еще раньше, чем они ожидали, и, когда стало совсем темно, в каких-нибудь тридцати шагах от них призрачно замаячило освещенное окно. Тот же дом, что и вчера, тот же дом и та же банка консервированных абрикосов на холодильнике, словно кусочек сала на крючке мышеловки.

Назавтра они снова пошли, на этот раз уже направо; через день они пошли назад, и еще несколько дней они пы-

тались уйти от своего непрошенно возникавшего перед ними жилища, и каждый день к вечеру они находили освещенное окно и незапертую дверь. Места менялись. Капустные лужайки чередовались с помидорными лозами, берега ручьев с морской зеленой водой уступали место щербатым лазуритовым скалам, поросшим трехметровым вереском; но неизменным был домик, ожидавший их в конце дневного пути.

— Все, — сказал Артем наконец. — Завтра мы никуда не пойдем. Будем тупо сидеть и ждать, что с нами сделают.

Они прождали весь день, и самым страшным было то, что никто не пытался с ними ничего сделать. Они ждали, и ожидание становилось невыносимым.

И тогда Дениз нашла единственный выход.

— C'est assez! Довольно! Здесь все мертвое: трава, небо, мы... Nous sommes au fond*. Это наша судьба, понимаете, Артем? Судьба. Мы умрем. Но ждать... C'est insupportable**, понимаете? Я прошу, лучше сами! Разве нет?

Артем внимательно посмотрел на нее:

— Решительно сказано.

Он задумчиво почесал подбородок. Дениз, разумеется, брякнула это не от большого ума, а в силу истеричности женской своей натуры. И тем не менее — устами младенца...

А может, и вправду — маленький эксперимент, только немного мужества и выдержки со стороны этой принцессы. Цель? Вынудить противника обнаружить себя, когда он явно этого не желает; заставить его сделать выпад, когда он намерен только наблюдать. Эксперимент, конечно, белыми нитками шит, но ведь условный «противник» — совершенно очевидный псих, может, и сойдет.

— А не струсишь, принцесса?

Дениз вскинула подбородок — ни следов отчаянья, ни мелочной обидчивости, недетская готовность подчиниться его воле и разуму.

— Тогда так. — Артем взял со шкафа несколько старых газет, скомкал их и сложил на полу, возле входной двери.

— Нас затащили сюда,— продолжал он громко и демонстративно, — но, по-видимому, мы оказались не нужны. Возвращать нас не собираются. Я согласен с тобой — лучше сразу умереть, чем жить в неизвестности и безо всякой надежды на возвращение.

---

* Мы на дне *(франц.)*.

** Невыносимо *(франц.)*.

Он поджег бумагу и вернулся на тахту. Сел рядом с Дениз, взял ее руки в свои, чтобы не напугалась. Дениз глядела не на огонь, а на него, глаза были внимательные и ничуть не испуганные.

Газеты разгорались, первые высокие языки уже лизали дверной косяк. Что же, это изящный ход. Раз уж их притащили сюда, создали специально для них этот чертов павильон, кормят и поят да еще и стараются исполнять все разумные желания, — значит, они кому-то очень нужны. Так вот пусть теперь этот «кто-то» принимает меры по спасению своих живых экспонатов.

В комнате неожиданно запахло паленым мясом, хотя ни дверь, ни стена упорно не хотели разгораться. По серой плоскости двери пробежала дрожь, словно дунули на поверхность лужи, а потом она потекла, разом, как будто вся была сделана из одного куска масла. Тошнотворный сиреневый дым метнулся в образовавшийся проем, и в полумгле стремительно наступающего вечера они увидели четкую фигуру человека, стоявшего в конце дорожки.

Артем вскочил и, перепрыгнув через тлеющую груду бумаги, вылетел из домика и бросился навстречу незнакомцу. Только бы не исчез, только бы...

И тут же налетел на невидимую упругую стену. Прозрачная поверхность спружинила и отбросила его назад. На руках и лице остался клейкий, раздражающий налет, словно он врезался в тело огромной медузы. Артем невольно вскинул руки к лицу, чтобы стереть эту клейкую слизь, но ощущение оказалось обманчивым — кожа была суха. Стараясь освободиться от этого ощущения, Артем принялся тереть щеки и лоб, а когда отвел руку, то увидел, что незнакомец стоит уже в шаге от него, по ту сторону прозрачной преграды.

Какую-то секунду они пристально смотрели друг на друга; но незнакомец, по-видимому, уже хорошо изучил Артема, потому что в его глазах не промелькнуло ни тени скрытого любопытства; Артему, в свою очередь, разглядывать было нечего, так как лицо незнакомца представляло собой нечто среднее из всех обычных мужских лиц. Просто лицо. Как у анатомического муляжа.

Незнакомец шевельнул губами, и Артему показалось, что слова, удивительно правильно произносимые, звучат с какой-то задержкой по отношению к движению губ.

— Чего вам не хватает? — с расстановкой произнес незнакомец.

Артем шагнул вперед и оперся ладонями на клейкую поверхность разделявшей их стены.

— Мы хотим знать, где мы и у кого мы. Мы хотим знать, по какому праву вы похитили нас. Мы хотим знать, какого черта вам от нас нужно.

Незнакомец снова зашевелил губами.

— Завтра утром, на рассвете, — донеслось до Артема, — я буду говорить с тобой.

Стена замутилась, подернулась дрожью, как шкура потревоженного животного, стала совсем непрозрачной. Сзади послышались шаги — осторожно подходила Дениз.

— Видела? (Хотя, конечно, видела.) Мне кажется, что именно эта рожа появилась у меня за окном, чтобы выманить на балкон. А когда тебя умыкали — ты никого не заметила?

Дениз наморщила лобик:

— Я спала. Потом открыла глаза — я плыву... как сказать... вот так, между комнаты... Что, нет? Я плыву, все кругом чуть-чуть темно, и человек, я его не знаю, делает руками так... — Дениз выставила вперед ладошки и слегка помахала ими, как машут на облачко дыма, — и я плыву, быстрее, быстрее, словно я... как сказать... un duvet de peuplier*, дерево, нет — тополь, тополиный — так? — а, одуванчик! — она с облегчением вздохнула. Когда ей приходилось составлять простую фразу, все шло гладко, и он даже удивлялся правильности ее речи, но стоило ей пуститься в подробности — начиналась такая смесь русского с нижнегароннским, что в ней безнадежно тонул всякий смысл. — Но там, дома, был другой человек. Другое лицо... — она быстро глянула на Артема и старательно поправилась: — другая рожа. Как... консервная банка.

— Рожа. Ты делаешь поразительные успехи в русском языке. Впрочем, с кем поведешься... Что только скажут твои папа с мамой, когда ты возвратишься?

— Отец и мама переводят вашу прозу... как сказать... contemporaine, современную. Там и не такие слова... я когда-нибудь вам скажу. Все подряд, вы будете поправлять. Разве нет? А когда я вернусь...

Плечи у нее вдруг совсем опустились, она тихонечко повернулась и побрела к дому. На пороге остановилась и, не оборачиваясь, словно ее совершенно не заботило, услышит Артем или нет, шепотом, очень правильно выговаривая каждое слово, произнесла:

— Я знаю, что никогда не вернусь домой.

---

* Тополиный пух *(франц.)*.

Артем скорее угадал, чем расслышал. Бедный маленький подкидыш, стоит спиной и плачет молча, и только старается, чтобы не дрожали, не выдавали ее плечи.

Да не будь ты таким дубом, подойди, сделай что-нибудь, по головке погладь, что ли, — плачет ведь человек...

Подошел. Наклонился над нею...

— А если мы вернемся, — спросила Дениз, подымая на него сухие спокойные глаза, — разве вы не женитесь на мне и не возьмете меня с собой?

— О, господи, ну конечно!

А что еще можно сказать в таком случае?

Дениз тихонечко посапывала, уткнувшись ему в левое плечо.

Надо было освободить руку с часами. Это ему удалось не сразу, потому что больше всего он не хотел бы разбудить Дениз. Разговор предстоял слишком серьезный, чтобы впутывать в него еще и этого ребенка. Ребенок чмокнул губами во сне и тихонечко пробормотал: «Артем...» М-да. Ведь не «мама», а — «Артем». Может, это от постоянных дневных страхов, а может... Ладно. Не время об этом думать. Вот уже слабо проступили стрелки на часах, значит, через каких-нибудь пятнадцать минут мгновенно и неотвратимо рассветет. Надо идти. И постараться стать господином положения.

Артем на носках выбрался в прихожую, с сомнением оглядел брюки — все эти дни он спал не раздеваясь, и это отложило прискорбный отпечаток на его костюм. Не хотелось, конечно, появляться перед представителем иностранной державы в таком непрезентабельном виде, но светало с каждой минутой, и не было речи о том, чтобы задерживаться для наведения лоска.

Он вышел из домика. Утра здесь не бывали свежими — как не было ни дневной жары, ни ночной прохлады. Широкая лужайка была пуста, и Артем медленно побрел между нахальными, аляповатыми клумбами, пока не дошел до кустов. И там, у дальнего поворота, невидимый из окон домика, уже поджидал его вчерашний незнакомец.

— Сядь, — велел он.

Артем покосился — слева от тропинки действительно появилась дерновая скамья. Артем сунул руки в карманы и вызывающе качнулся с пяток на носки и обратно. Надо сразу брать быка за рога. Так вот, распоряжаться здесь будет он и задавать вопросы будет тоже он.

— Подойдите ближе, — проговорил он тем тоном, каким обычно разговаривал в штабе народной дружины. — А теперь потрудитесь ответить: где мы находимся?

Незнакомец шевельнул губами, и до Артема явственно донеслось:

— Не на Земле.

Артем задумчиво потрогал подбородок, затем почему-то понюхал ладонь... Не на Земле. Все вопросы разом испарились. Не на Земле. С этим надо было свыкнуться, это надо было принять и переварить, а пока все остальное не имело никакого значения. Правда, в первый момент Артем чуть было не спросил: «А далеко ли до Земли?» — но вовремя понял, что вопрос глупый.

— Что же ты молчишь? — снова раздался приглушенный голос. — Я получил полномочия говорить с тобой и отвечать на любой из твоих вопросов.

— Мы не на Земле. — Артем только пожал плечами. — А все остальное — это плешь.

— Это что, идиома?

— Вот именно. Скажите хоть, зачем вы это сделали?

— Вы нужны нам.

— Мы? Я и Дениз?

— Ты и она.

— Два кролика, черненький и беленький... Кровь будете пить или как? Чего от вас ждать, когда вы чуть не убили ее, пока тащили сюда! Вы что, не нашли никого постарше? Зачем вам эта девчонка, я вас спрашиваю?

— Она уже дорога тебе?

— Вот! — Артем выразительно постучал по лбу и потом — по каблуку ботинка. — Корифеи инопланетной цивилизации... Другого вывода вы сделать не могли?

Незнакомец высокомерно промолчал.

— Так вот, на будущее примите, что подобные вопросы к делу не относятся и обсуждению не подлежат. Как у нас, на Земле.

Что-то в лице незнакомца дрогнуло. Было ли это насмешливой гримасой? Этого Артем определить не успел.

— Так что же вам от нас надо, конкретно?

Незнакомец пожевал губами, и разрыв между их движением и возникновением звука еще больше увеличился.

— Когда-то мы были такими же, как вы. Теперь мы хотим знать, в чем заключается различие между вами и нами.

Артем только пожал плечами.

— Вы прилетели на Землю на корабле, который нам и

не снился. Вы смогли создать все это — крошечный квазиземельный рай с самым модерновым шалашом. Так неужели вы не могли сконструировать машину, которая вычислила бы разницу между вами и нами с точностью до одного атома?

— Простой количественный анализ нам ничего не давал. Необходимы были непосредственные наблюдения в условиях, максимально приближенных к естественным.

— И вы протянули руку и взяли нас, как взяли бы из террариума двух лягушат. Можете меня поздравить — я уже четко вижу разницу между вами и людьми Земли.

— Да? — сказал незнакомец, и тон его очень не понравился Артему. — Между прочим, я некоторое время провел вблизи вашей планеты и наблюдал за жизнью ее обитателей. Некоторые из этих наблюдений убедили меня в том, что перенос двух жителей Земли в условия, наиболее для них благоприятные, будет не самым антигуманным актом из всего, происходящего на вашей планете.

— Хороша же ваша цивилизация, если вы ориентируетесь на далеко не лучших представителей планеты, значительно отставшей от вас по уровню развития.

— Зачем ты пытаешься обвинить нас? Ведь если бы мы предложили тебе добровольно лететь сюда, если бы мы сказали тебе, что нам нужна твоя помощь, — разве ты отказался бы?

— Нет, разумеется. Но вы впутали в это дело Дениз...

Они быстро взглянули друг на друга.

— Круг разговора замкнулся, — заметил незнакомец. — Не хочешь ли спросить еще о чем-нибудь, прежде чем проснется твоя Дениз?

Твоя Дениз. Тактичности у этого супермена хоть отбавляй.

— Да, спрашивать еще можно было бы до бесконечности. Но на первый раз хватит. Мы ведь еще увидимся?

— Как ты пожелаешь.

— А если я таки пожелаю, то как я смогу вас вызвать?

— Позови меня.

— Но вы мне не представились...

— Мое имя непроизносимо для твоего языка. Поэтому условимся, как тебе будет легче меня называть. Как на вашем языке обозначается существо, стоящее на более высоком уровне, чем человек?

Артем пожал плечами:

— Бог, наверное. Один, Зевс, Саваоф, Агуро-Мазда, Юпитер... Если вам действительно все равно, я буду звать вас Юп — это верховное божество у древних римлян.

«А также человекообразная обезьяна у Жюля Верна», — подумал он про себя.

Незнакомец важно склонил голову в знак согласия.

— Запас продуктов питания будет, как и прежде, обновляться ежедневно. Чего еще вам не хватает?

— Дела.

— О, мы только хотели дать вам отдохнуть после дороги. Чуть подальше по этой дорожке, в двух кабинах, вы найдете звукозаписывающие аппараты. Мы просили бы вас подробно диктовать все, что вам известно о жизни на Земле — прежде всего о себе самих, о семье, детстве, воспитании... Не пытайтесь что-либо систематизировать — диктуйте в том порядке, как вам будет легче вспоминать.

— А аппаратуры, записывающей мысли, у вас разве нет?

— Для инопланетных существ — нет.

— Что ж так слабо? Создайте. Построили же вы корабль.

— Этот корабль был создан много тысячелетий тому назад. Мы давно уже ничего не создаем...

Наступила тяжелая пауза. Понемногу становилось ясно, для чего этим «богам» потребовалось отыскивать различие между собой и нормальными людьми.

— Кажется, проснулась Дениз, — проговорил Артем. — До завтра, Юп.

— До завтра.

Прозрачная пленка, о которой до сих пор можно было догадаться только по приглушенности голоса Юпа, стала непрозрачной, лиловатой, лиловой, исчерна лиловой — и растаяла. Дорожка была пуста.

Он пошел к домику, зная, что Дениз действительно проснулась, но не встает, а свернулась под клетчатым пледом в зябкий комочек и чутко прислушивается. Ей страшно, она одна. Когда он не видел ее перед собой, он мог думать о ней совершенно спокойно, как о девчонке-десятикласснице. Только очень красивой десятикласснице.

А потом он находил ее каждый раз совершенно не такой, какой помнил, и это выбивало его из колеи. Приходилось делать над собой усилие, чтобы выдавить какую-нибудь нейтральную фразу.

— Еще ты дремлешь, друг прелестный? Пора, красавица, проснись! — Дай бог, чтобы для нее, воспитанной на Лафонтене и Ростане, эти чудесные строки не прозвучали так нестерпимо банально, как для него самого.

Она смотрела на него не мигая, как смотрят на чудо.

Наверное, именно так он сам смотрел на нее в первый их вечер.

— Что с тобой? Тебя кто-нибудь напугал?

— Нет. Но я проснулась одна, и вдруг поняла, что вас никогда не было.

— А я есть. Вот беда-то!

— Не беда. Не надо так. Но я теперь должна снова привыкать к вам.

— Тогда начнем с завтрака. Потом приведем себя в порядок. Держала когда-нибудь в руках утюг? Нет? Гм, это хуже. Придется мне все взять на себя: гладить, стирать, носик вытирать...

— Артем, что вы хотите от меня скрыть?

— Ровным счетом ничего. Просто у нас сегодня первый нормальный рабочий день. Садись, ешь. Абрикосы тебе еще не осточер... Кхгм! Не поднадоели?

— Что буду делать я?

— То же, что и я, — вспоминать и диктовать. Тому, кто пригласил — будем называть это так — нас сюда, требуются наши интимные воспоминания. Пеленки, детский сад, школа. Как у тебя там было с историей?

— Совсем неплохо.

— Ого, мы недурно друг друга дополняем. Так вот, в наше распоряжение предоставлены звукозаписывающие аппараты. Постараемся вспомнить, с чего начинала наша матушка-Земля. Издалека и поподробнее. Хронология может быть примерной. И постарайся пока ограничиться древнейшими временами. О Карле Великом и Пипине Коротком тоже можно. И кто там еще был в это время в Англии? А, Тюдоры.

— Ох... — сказала Дениз.

— Не давись, я тебя предупредил. Это естественный средний уровень серого инженера. Слушай внимательно. О Бертольде Шварце уже не надо. Это им неинтересно. Поняла меня?

— Да, — кивнула Дениз. — Я хорошо поняла. Их интересует только история.

— Собственно говоря, их интересует все. Но лучше начать с истории — это безобиднее. Что касается географии, то они, наверное, догадались сделать несколько снимков Земли, когда прилетали за нами...

Он запнулся, но было уже поздно. Надо было быть последней дурой, чтобы после этих слов не догадаться, что к чему. Но догадалась ли она?

Дениз сидела, не подымая головы.

— Посмотри на меня, Дениз. Пожалуйста. Дело в том, что мы не на Земле.

— Да, — ответила она спокойно, — да, здесь легко, слишком легко, летать можно...

Он ошеломленно уставился на нее.

— Ты что же... догадывалась? С самого начала? Но ты же ничего мне об этом не говорила...

— Тогда мне было все равно.

— А теперь?

— Мне и теперь все равно, где мы есть.

Она умудрялась так строить фразы и делать такие многозначительные паузы, что после каждой из них так и тянуло броситься к ее ногам а-ля полковник Бурмин.

— Помой-ка посуду, — сказал Артем. — Нам пора на работу.

Крытые беседки, обвитые диким виноградом, уже поджидали их по обеим сторонам тропинки, на которой сегодня утром он разговаривал с Юпом. Внутри каждой беседки был установлен прибор, отдаленно напоминающий гелиевый течеискатель. Возле пульта — низкое вращающееся кресло и одноногий столик с неизменной банкой абрикосового компота и пачкой сухих галет.

«Просто счастье, — подумал Артем, устраиваясь в кресле, — что мне достался на воспитание такой мудрый ребенок. Заметить, что тут другая сила тяжести, надо же! Разница ведь едва уловимая. И это царственное спокойствие... Другая ревела бы день и ночь напролет, вспоминая маму, набережную Сены и голубей на площади... как там у Ремарка?.. на площади Согласия. А действительно, почему она, ни разу не вспомнила о доме? Вернемся к предположению об «Интеллидженс сервис»... Чушь собачья. Я же не лез к ней с воспоминаниями о своей единственной тетушке Полине Глебовне, в самом деле! А если бы я начал ей петь про гранитные набережные и полированные колонны Исаакия с осколочными щербинами — это был бы сплошной завал. Непрошеная откровенность хуже незваного гостя. Так почему же то, что совершенно естественно для меня самого, кажется мне неестественным в ней? Может быть, это просто интуитивное желание найти в ней какую-то фальшь, за неимением других пороков, — желание, диктуемое элементарным законом самосохранения... от чего? Ну-ну, признавайся, никто не слышит, и эти машины не записывают мыслей — ведь ты боишься ее, правда?..»

Он давно знал, что это правда. И не ее он боялся — себя. Знал, что если начнет его заносить, — тут уже трез-

вому инженерному разуму будет делать нечего. Поэтому он не позволял себе смотреть на Дениз иначе, как на девчонку-школьницу. Не время и не место. Делом надо заниматься. Он наклонился над «течеискателем».

— Древнейшим очагом цивилизации на нашей планете был, по-моему, Египет, — начал он, и разноцветные лампочки суетливо замерцали на панели прибора. — Уже в пятом тысячелетии до новой эры... черт, как бы объяснить, что такое новая эра, не забираясь в историю христианства? Ну, ладно, о новой эре после. Высшим правящим лицом был в Древнем Египте фараон...

Единственными фараонами, которых он помнил, были Аменхотеп IV и Эхнатон. Правда, примешивалось сомнение, что это одно и то же лицо. И еще какой-то жрец Херихор. Ну, и естественно, Нефертити. А, так вот на кого похожа Дениз. Та же спокойная, непробужденная нежность, то же устремление всех черт от выреза верхней губы к вискам, словно по уже вылепленному лицу осторожно провели влажными ладонями, и оно навсегда сохранило это прикосновение сотворивших его рук...

— Правящих династий там насчитывалось что-то около двадцати, если не больше, — проговорил он, встряхиваясь. А лампочки снова забегали по пульту, словно только и дожидались звука его голоса. — Могущественной силой, противостоящей власти фараона, были жрецы...

В полдень к нему забежала Дениз.

— Я немножечко охрипла, — сообщила она. — А вы?

— Дошел до Эхнатона с Херихором.

На лице Дениз отразился неподдельный ужас:

— Это сразу, вместе, да? А вы не забыли сказать, что жена Эхнатона была королева... нет, не так — царица Савская?

Артем наклонил голову и посмотрел на серьезную рожицу Дениз. У него медленно возникало подозрение, что над ним издеваются.

— Между прочим, жены великих людей к истории не относятся и таковой не делают. Как и сами великие люди. Историю творит народ, пора бы помнить из школьной программы.

Дениз скорчила жалостливую гримасу:

— Бедная история! — Она уселась на пороге, ноги наружу — свешиваются со ступенек, не доставая до земли, голова — вполоборота к Артему; киногеничный такой диалог с репликами через плечо. — Если бы история без женщин — какой ужас! Любое дело без женщин — обязательно

гадость. Вот война. Вот пьяно... пьянство. Вот полиция. Вот политика...

— История и политика — вещи разные.

— Ну конечно! Политику делают мужчины, а историю... мужчины делают ее так, — Дениз плавно повела руками вперед, словно изображая медленно текущую реку. — А женщины... — она быстро закрутила кистями рук, как это делают, взбаламучивая воду.

— Ничего себе моделирование исторических процессов! Ну а при чем здесь царица Савская?

— Царица Савская не могла делать историю, у нее ноги были, — о, плюш, как медвежонок. — Дениз оперлась руками о порог и, вытянув вперед маленькие свои ножки, сделала вполне приличный «угол». Спортом она занималась, это несомненно, отсюда и выносливость, а туфельки на босу ногу (и как только держатся — едва-едва кончики пальцев прикрывают) — старые, видно, не очень-то сладко живется семейству средних переводчиков.

— Царица Савская, — продолжала щебетать Дениз, — никто не жена. Даже Соломона...

— Послушай-ка, а тебе никто не говорил, что ты похожа на Нефертити?

— О, конечно. Говорил. Мсье Левэн, вы его не знаете. Это сейчас говорят всем красивым женщинам.

Гм, сколько скромности — «всем красивым женщинам»!

— А Нефертити... — Дениз пожала плечами: ничего, мол, особенного; сложила пальцы щепоточкой и провела вертикально снизу вверх, словно ощупала тоненькую тростинку. — Сушеная рыбка... Вобель, что, не так?

— Вобла, — автоматически подсказал он.

— Плечи — о, так вот, прямо, полотенца сушить. А ноги? Так и так (в воздухе была нарисована кочерга), вот тут (скинута туфелька, на пороге — маленькая гибкая ступня. Дениз шлепает по ней ладошкой и потом показывает на пальцах нечто, протяженностью соответствующее сороковому размеру) — тут сухая, плоская деревян... деревяшка.

Просто беда с этими бабами — до чего развита элементарная пошлая зависть! Ведь только из пеленок, а уже шипит на ту, что царствовала три тысячи лет назад, и не потому, что та лучше, — нет, как бы это ни звучало невероятно, Дениз еще прекраснее, и страшно подумать, что еще дальше будет, годам к двадцати пяти; но сейчас ей нестерпимо завидно, потому что Нефертити знает весь мир, а ее — только папа с мамой и еще какой-то мсье Левэн.

— М-да, — произнес он вслух, — у меня вот к ней меньше неприязни и больше сострадания — Эхнатон-то, как-никак, ее бросил.

Дениз удивленно вскинула брови, — она часто делала это, словно спрашивая: правильно я говорю? Вопросительные интонации возникали у нее тоже слишком часто и неожиданно — где-нибудь посередине совершенно эпической фразы; она сомневалась в правильности своих слов и одновременно извинялась за возможную ошибку. Это получалось очень мило, но если бы она хоть немного хуже говорила по-русски — эти скачущие интонации делали бы ее речь абсолютно непознаваемой.

— Неприязнь? — Удивление Дениз дошло наконец до выражения вслух. — Зачем? (Она всегда путала «почему» и «зачем».) Просто надо смотреть, думать. Вы смотрите (всегда ей не хватает слов, когда она начинает говорить быстро), и это (ладошка взад и вперед, словно пилочка, вдоль выреза платья... Это, вероятно, значит «скульптурный портрет»)... и это неправда, так не бывает, не может быть — вообще, для всех, на самом деле... На самом деле надо смотреть des fresques, рисунки. Это — для всех, понимаете? Рисунки — просто женщина. А это — голова, все молятся, это для одного, понимаете, Артем? Для него. Для не Эхнатона. Нет? Это — Нефертити для одного, единственного...

Он даже не останавливал ее, хотя она уже дошла до предельной скорости, когда одно слово сменяет другое раньше, чем предыдущее, произнесенное полувопросительно, полураздраженно (господи, да как можно не понять таких простых вещей!), не ожидая, когда это будет Артемом осмыслено, заменено другим, более подходящим, а главное, отыщется связь этого слова со всем предыдущим. Дениз продолжала щебетать, а он слушал ее и не мог надивиться — она говорила все это так горячо, словно это касалось ее лично и не было отделено от них тремя тысячелетиями.

«Вот это всплеск!» — думал он. А ведь, в сущности, «что ему Гекуба?». История несчастной жены фараона была им слышана десятки раз, и повторялась она с монотонным однообразием. Дело в том, что когда они с Фимкой Нейманом клеили каких-нибудь эрудированных девочек, которых надо было подавить своим интеллектом, Нейман заводил сагу о неверном фараоне, бросившем такую красавицу ради пышнобедрой густобровой Кайи, дешевой кокотки с Нильской набережной. Едва заслышав каноническое начало: «Кстати, о мужском постоянстве...» — Артем механически выключался, и вдохновенная неймановская брехня ни

разу не дошла до его сердца и сознания. Девочкам, правда, хватало — ровно одной байки на двоих. Так продолжалось до начала прошлого года, когда вышел роман «Царь Эхнатон» и свел на нет новизну и сенсационность Фимкиной байки. Но он не растерялся, раздобыл где-то очередную гипотезу о происхождении «Моны Лизы» — что это-де автопортрет Леонардо в женском платье, и с помощью этой изысканной искусствоведческой «утки» продолжал поддерживать репутацию интеллектуала.

И вот теперь нескольких сбивчивых, торопливых слов Дениз оказалось достаточно, чтобы поднадоевшая уже всем история мятежного, но непоследовательного фараона и его неправдоподобно прекрасной супруги вдруг засветилась совершенно новыми красками и впервые стала понятной до конца.

Ну конечно же, Нефертити не была, не могла быть такой, какой изобразил ее безвестный скульптор. Два скульптурных портрета — это та Нефертити, какой она была только для этого художника. А все остальные — да и сам фараон — видели длиннолицую немолодую мать шестерых детей с безобразным отвислым животом, какой изображена она на нескольких настенных рисунках.

— Что же, выходит, Эхнатон не знал, что его придворный скульптор, так сказать, лакирует действительность и изображает его законную половину в виде богини красоты?

— О, как можно: царь — не знал? Знал. Однажды. Пришел в мастерскую и увидел. И стал такой несчастный... несчастливый — так? — фараон. И все, что он делал... есть такие слова, сейчас, сейчас... О, все пошло пеплом.

И пошло прахом все великое дело Эхнатона, ибо искал он ту Нефертити, которую удалось увидеть его придворному художнику, и не мог найти. Где-то рядом прошла она, совсем близко от него, страстная и нежная, царственная, как никогда в юности, и юная, как никогда в зените свой царской власти. И удержал он свои войска, готовые ринуться в сокрушительный набег на сопредельные государства, и остановил он руку свою, готовую истребить под корень непокорных жрецов, и позволил править вместо себя какому-то проходимцу из прежних любимчиков, и, весьма возможно, взял себе крутобедрую пышнобровую Кайю, и хорошо еще, если только одну. Вот как это было, и одна только Дениз догадалась, что все было именно так.

— Сколько тебе лет, Дениз?

— Шестнадцать. Столько, сколько было маме, когда она встретилась с моим отцом.

Такая постановка вопроса, — вернее, ответа — как-то сразу его отрезвила.

— Ну, раз тебе только шестнадцать, то у тебя, как у несовершеннолетней, должен быть укороченный рабочий день. Посему отправляйся-ка домой и свари картошки, она в углу кухни, в коробке из-под торта. Не поленись почистить. А я еще подиктую.

Дениз царственно выплыла из беседки. Нефертити бы да ее плечи.

А через час она прибежала, даже не прибежала, а прискакала на одной ноге, и с радостным визгом поволокла его на кухню; поначалу он никак не мог уяснить себе причину ее восторгов и лишь некоторое время спустя понял, что ведь это первая картошка, сваренная ею собственноручно. Дениз становилась маленькой хозяйкой, и Артем с отвращением поймал себя на попытке сравнить ее с Одри Хепберн из «Римских каникул», когда она в роли наследной принцессы неозначенной страны варит свою первую и последнюю в жизни собственноручную чашку кофе.

После обеда они снова разошлись по своим беседкам, а когда начало темнеть, Дениз на рабочем месте не оказалось, вероятно, ей уже надоело и она решила воспользоваться своей привилегией несовершеннолетней. Артем нашел ее на тахте, с поджатыми ногами и иголкой в руках. Его единственная праздничная рубашка из индийского полотна, аккуратно четвертованная, была разложена на столе.

— Ты с ума сошла, Дениз. Что ты сделала с моей рубашкой?

— А? Вам жалко?

— Да нет, но все-таки...

— Вы чересчур любопытны, — и принялась разрезать рукава на длинные полосы.

Она провозилась весь вечер, что-то напевая себе под нос. Наконец торжествующе объявила:

— Конец!

— Премиленький сарафанчик. Узнаю в воланах собственные рукава. Надеюсь, ты не собираешься его сейчас, при мне, примерять?

Дениз покраснела.

— Ох, извини меня, дурака. Наша полуденная беседа напомнила мне, что ты все-таки француженка.

— Я не вижу связи...

— У меня почему-то сложилось представление, что француженка обязательно должна говорить двусмысленно-

сти, раздеваться в присутствии посторонних мужчин, целоваться с первым встречным и на все отвечать неизменным «о-ля-ля!».

— Вы насмотрелись дешевых фильмов, — грустно констатировала Дениз. — Я даже не сержусь. Но если мы здесь будем жить... м-м... надолго, то я хотела бы иметь des draps, простыни. Это можно?

— Разумеется. А ты что, их тоже будешь резать?

— Зачем? Я буду спать. Провести целую неделю не раздеваясь... Мне просто стыдно.

— Ничего, можешь меня не стесняться.

— Мне стыдно перед собственным платьем. Оно есть мое единственное.

— А это, новое?

— Мой бог, это платье для ночи!

Теперь настала очередь смутиться Артему. Чтобы скрыть это, он ткнулся носом в шкаф.

— Держи наволочки... и это... и это... не надушено, ты уж извини... Я кретин! — радостно объявил он. — У меня же лежит Фимкин надувной матрац. Всю жизнь мечтал спать на балконе.

— Разве один — не страшно?

— Глупышка, нас тут берегут как зеницу ока. А дверь я закрою неплотно, если что — крикнешь меня.

Он вылез на балкон, и было слышно, как он там возится с матрацем и велосипедным насосом. Через некоторое время его окликнули.

— Что тебе, детка?

Дениз не ответила, и он догадался, что надо к ней подойти.

Она уже устроилась на ночь, и Артем невольно улыбнулся, увидев свою рубашку, с отрезанными рукавами и воротом, непомерно широким для Дениз.

— Нефертити в мужской сорочке. Картина!

Она подняла на него глаза, не принимая его шутки:

— Доброй ночи.

— Спи, детка.

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

На балконе было совсем не холодно, Артем перекинул свои вещи через перила, блаженно вытянулся и стал глядеть вверх. Чернота подземелья нависла над ним.

— Юп! — позвал он шепотом.

Слева, за перилами, что-то мелькнуло.

— Вы довольны нами, Юп?

— Да, — так же тихо донеслось из темноты. — А вы?

— Вполне. Хотя вспоминать — это не такое уж легкое дело, как можно было ожидать.

— Ты жалуешься?

— Нет.

— Тебе еще что-нибудь нужно?

— Мне — нет. Но я боюсь, что для Дениз всего этого будет мало.

— Что же ей нужно еще?

— Игрушки.

— Хорошо.

Он заснул незаметно для самого себя и проснулся только тогда, когда рассвело. Он потихонечку оделся и перелез через перила на землю. Он уже собирался обогнуть дом и войти в него через дверь, чтобы таким образом бесшумно проникнуть на кухню, но в этот момент до него донесся приглушенный вскрик Дениз. Одним прыжком он перемахнул обратно через перила и ворвался в комнату.

Стопка плоских разноцветных коробок высилась от пола до самого потолка, а возле нее, голыми коленками на полу, стояла Дениз. Вся комната была затоплена какой-то золотистой пеной, и Дениз подымала эту пену и прижимала к своему лицу. При виде Артема она вскочила и, крикнув что-то на своем языке, подняла над головой столько этого прозрачного пенного золота, сколько могло удержаться у нее на ладонях; потом она закружилась, и медовые невесомые струи с шелестом обвились вокруг нее. Артем подошел, потрогал пальцами, — гибкая синтетическая пленка, усеянная бесчисленными блестящими пузырьками.

— Получила-таки игрушку, — добродушно проворчал он.

— Мой бог, «игрушку»! Вы знаете, что мне хочется сказать при виде всего этого?

— Знаю: о-ля-ля!

— Вот именно. О-ля-ля!

— Сказала бы лучше спасибо.

— О, это мне в голову не пришло. Я... un cochen de lait, свинка. Кто мне все это подарил?

— По всей вероятности, Юп.

— Откуда здесь негр?

— Почему «негр»? Это наш хозяин.

— Юп — имя для прислуги, а не для хозяина, разве нет? Но все равно. — Она бросилась к балконной двери, распахнула ее и крикнула: — Мерси, мсье Юп!

— Ну вот ты и ведешь себя, как француженка из дешевого фильма: вопишь «о-ля-ля!» и выбегаешь полураздетая на балкон.

Дениз только пожала плечами:

— А мсье Юп не очень стар?

— Кажется, не очень. Но хватит восторгов. Завтракать и — на работу.

— А когда будет... м-м... воскресенье?

— Считай сама, вчера был понедельник.

Дениз надула губки.

— Но, учитывая твой детский возраст и заботы по дому, я устанавливаю тебе рабочий день до обеда.

— О-ля-ля! — закричала Дениз. — Да здравствует безработа!

— Во-первых, безработица. Во-вторых, только частичная, а в-третьих, ты с этим «о-ля-ля» уже пересаливаешь. Смотри, как бы я не поверил, что до сих пор ты притворялась и только при виде этих тряпок стала самой собой.

Дениз шевельнула ноздрями, как маленькая антилопа, и сердито заявила:

— Я буду одеваться.

— Понятно. Это значит, что я должен варить кофе. Но учти, что с завтрашнего дня ты будешь делать это сама — не в целях ликвидации безработицы, а на предмет привития трудовых навыков.

За завтраком Артему пришло в голову захватить с собой в беседку стопку бумаги. Рисовал он недурно, и дело пошло веселее.

— Среди древних наскальных рисунков центральной Африки встречалось изображение человека в прозрачном шлеме, см. рис. номер двадцать три. Правда, дальнейшие исследования показали, что это всего-навсего тыква, см. рис. номер двадцать четыре.

И все в таком роде.

А вечером, вернувшись в свой домик, он испытал легкое головокружение. Все стены, окна и двери были задрапированы серебристо-серыми, кремовыми и вишневыми тканями, на столе — хрустящее полотно, достойное банкета в Версале.

— Мсье Артем, я приглашаю вас на прощальный ужин в честь моего старого платья. Завтра я пойду на работу в туалете времен Империи.

— Тебе кто-нибудь говорил, что ты похожа на мадам Рекамье?

— Естественно. Все тот же мсье Левэн.

— Знаешь что, сварила бы лучше суп.

— А вы сердитесь, разве нет?

— Разве нет.

Она пожала плечами, потому что он действительно сердился.

— Лучше нарисуйте мне платье. В котором вы хотели бы меня видеть.

«Я хотел бы видеть тебя на Земле», — подумал он.

А потом она устраивалась на ночь, а он, сидя на кухонном столе, послушно набрасывал эскиз платья Натальи Гончаровой. Дениз позвала его.

— Что тебе, детка?

— Хочу сказать «доброй ночи».

Ее постель была застелена черным шелком.

— Тебе что, кто-нибудь сказал, что ты похожа на Маргариту Валуа?

— Естественно. Все тот же...

— Мсье Левэн. Смотри, свалишься. Шелк-то скользкий.

— Доброй ночи.

— Желаю увидеть во сне мсье Левэна.

Он повернулся и пошел к балкону.

— Артем!

Пришлось вернуться.

— Доброй ночи, — повторила Дениз.

— Спи спокойно, детка.

Он наклонился и поцеловал ее.

Потом вышел в темноту и остановился, прислонившись к шершавой стене дома.

— Юп, — позвал он, — а сегодня вы довольны нами?

Наступила пауза. Артем уже решил, что ответа не последует, но тут рядом с ним прозвучало сухое и не совсем уверенное:

— Да.

Было так темно, что даже если бы Юп и стоял в двух шагах, как это можно было предположить по звуку, — все равно рассмотреть выражение его лица было бы невозможно. Не было видно даже смутных очертаний его фигуры. Но он был рядом.

— Юп, ответьте мне, если можете: почему все-таки из миллионов людей Земли вы выбрали именно нас?

— Смотри, — послышалось в ответ, и тут же в каких-нибудь десяти шагах перед ним вспыхнул экран. Две неподвижные фигуры появились на нем, и Артему не надо было всматриваться, чтобы узнать себя и Дениз.

Когда, в какую счастливую минуту увидели их пришельцы такими? Оба бежали вперед, он — с теннисной ракеткой, она — придерживая на груди пушистый купальный халатик; сами того не зная, они бежали, чтобы встретиться

друг с другом, и лучше бы кто-нибудь из них остановился в своем легком и бездумном беге, ибо этой встрече было суждено произойти не на Земле. Но они летели вперед, через все миры и пространства, и если бы Артем не был одним из них, он подтвердил бы, что выбор пришельцев правилен, потому что эти двое и есть самые прекрасные люди Земли.

— Так что же вы все-таки хотите от нас? — тихо спросил Артем.

— Будьте такими, какие вы есть, — был такой же тихий ответ.

Двое, бегущие к своей неизбежной встрече, неслышно растаяли в темноте. Артем протянул руку вдоль стены, нащупал дверь и толкнул ее.

Тусклые блики не погашенного где-то света едва проникали в комнату. Артем остановился над спящей Дениз. Как это страшно — черная постель. Чуть запрокинутое лицо, кажется, парит в пустоте и в любой миг может исчезнуть в ней. Сейчас я разбужу тебя, Дениз, но будет ли твое лицо таким, как в тот день, когда ты бежала, обеими руками удерживая разлетающийся халатик? Будешь ли ты так бежать мне навстречу, как бежала, еще не зная меня?

И тут ему показалось, что глаза Дениз открыты. Видит ли она его в темноте? Может быть, и нет; но она знает, что он здесь. «Зачем ты здесь, Артем?» — «Я видел нас обоих, и знаю теперь, что для меня можешь быть только ты, а для тебя — только я». — «А может, просто здесь никого нет, кроме меня?» — «Нет, Дениз». — «Этот райский сад, наш милый шалашик, и нет хотя бы телефона, чтобы перекинуться парой слов с друзьями?» — «Не знаю, Дениз». — «И я так близко, и никто не видит, не слышит, и завтра у меня даже не будет заплаканных глаз, потому что я сама каждый вечер зову тебя?» — «Не знаю, не знаю, Дениз...» — «И мне уже столько, сколько было моей матери, когда она встретилась с отцом; и мы уже смотрим друг на друга так долго, что ты уже не можешь просто так повернуться и уйти...»

Он стремительно наклонился над ней — и замер: глаза ее были закрыты. Хрупкое равновесие сна охраняло ее усталое лицо, и казалось, достаточно одним прикосновением нарушить этот покой — и расколется мир.

Он закусил губы, чтобы его дыхание не коснулось ее. Только не проснись, Дениз, заклинаю тебя всем, что есть святого у тебя и меня, только не проснись в эту минуту!

Он осторожно выбрался из домика, обошел его и, перевалившись через перила балкона, плюхнулся на свой матрац. Будьте такими, какие вы есть, а? Сукин сын он есть. Так вот.

А утром, поднявшись, он не посмел войти в дом. Он боялся, что Дениз еще не проснулась, боялся ее спящего лица. Он бродил по хрустящим дорожкам, пока дверь не распахнулась и на пороге не показалась закутанная в белое Дениз.

— Ау, где вы? — крикнула она и помахала ему рукой. — Ванна свободна.

Он не двинулся с места.

И тогда она побежала к нему, придерживая на груди свою самодельную хламиду, и уже издалека он узнал это лицо, вчерашнее счастливое лицо, и понял, что какие бы стены он ни воздвиг между собой и Дениз, какие бы запреты он ни наложил на себя и на нее, — все будет бесполезно.

Странные, сказочные дни наступили для них. Часы работы, неутомительной и порой даже забавной, пролетали незаметно; все же остальное время было заполнено одной Дениз. Знала и помнила она невероятно много, и каждый вечер, надев фантастический восточный наряд, она усаживалась на тахте, поджав ноги, и начинала так, как он ее научил: «Дошло до меня, о великий царь...» Дни Дениз. Дни, как соты, золотые и тяжелые своей переполненностью. Дни, бесшумно восходящие к ночи, к долгому шелесту причудливых нарядов, примеряемых перед сном, к бесконечной нежности, которую всю нужно было уместить в два коротеньких слова — «спи, детка»; но это не было еще концом дня.

Потому что самым последним было черное ночное небо, нависшее над балконом на расстоянии вытянутой руки, и — тихим шепотом, чтобы не услыхала засыпающая Дениз: «Вы довольны нами, Юп?» И в ответ такое же тихое, чуточку неуверенное «да». И только с каждым днем все больше и больше пауза между вопросом и ответом.

И вот, наконец:

— Вы довольны нами, Юп?

Долгое, очень долгое молчание.

— Нет.

Давно уже надо было этого ожидать, но все равно как-то чертовски тоскливо, и не хотелось бы вдаваться в объ-

яснения. Сами ведь виноваты. Из трех миллиардов людей выбрали две смазливые мордашки. Уперли бы двух какихнибудь академиков, вот те и нарисовали бы им полную картину жизни на Земле.

— Слишком много хотите, — сухо проговорил Артем, закидывая руки за голову. — Школьная программа у меня давным-давно из головы вылетела, а что касается работы, то о ней, я вам ничего рассказывать не собираюсь. Ну, а Дениз способна продемонстрировать вам моды всех времен и народов, но не более. Вы ошиблись с выбором, Юп, а теперь пытаетесь получить из морковки апельсиновый сок.

— Мы не ошибаемся, — был бесстрастный ответ. — Нам нужны были именно вы, и мы вас взяли.

— Черт вас подери, да по какому праву?

— Праву? — Голос умолк, словно Юп старался припомнить значение этого слова. — Право... Как будто обоснование нашего поступка может хоть что-то изменить в вашей судьбе. Но раз тебе кажется, что я должен оправдаться перед тобой, я сделаю это для тебя, и как можно убедительнее.

Голос его приблизился и звучал немножечко сверху, словно Юп стоял у самых перил балкона. Артем не удержался и тихонечко просунул руку между прутьями, но пальцы его наткнулись на привычную клейкую поверхность защитного колпака. Боится, гад. А может, и не гад, просто другой состав атмосферы. Послушаем.

— Много десятков тысяч лет назад, — зазвучал из темноты голос Юпа, — мы были такими же, как вы. Впрочем, мы, вероятно, и тогда были мудрее и осторожнее вас. Мы достигли предела человеческих знаний — в нашем распоряжении были корабли, которые могли доставить нас в любую точку Галактики, и даже за ее пределы. Мы сумели продлить свою жизнь на неограниченный срок, победив все болезни и даже старость, мы смогли... впрочем, ты даже не поймешь меня, если я буду дальше перечислять все то, что мы познали, открыли и сумели. Так вот, в своем жадном стремлении все увидеть, все понять и все познать мы прилетели однажды на третью планету одной непримечательной периферийной звездочки. Невероятно, но мы обнаружили там условия, аналогичные нашим в момент появления на нашей планете разумного существа... И мы встретили такое первичное существо. Полуобезьяну. Дикаря. И с тех пор мы стали пристально следить за вашей планетой. Мы уничтожали диких зверей, грозящих первым человеческим ста-

ям, мы учили ваших дикарей пользоваться огнем и орудиями труда, мы подарили им сведения, до которых они не смогли бы сами додуматься, и они начали развиваться быстрее, запоминая наши уроки и забывая нас самих. Мы помогали вам на заре вашего человечества, мы были вашими няньками и учителями... Ну что, тебя устраивает такое объяснение?

Артем только пожал плечами.

— Никакая кормилица, не говоря уже о няньках и учителях, не имеет права посягать на свободу своего воспитанника. А что касается передачи знаний, то, судя по тому, как вы изволили обойтись со мной и Дениз, вы, вероятно, учили первобытных людей добру, справедливости и уважению к ближнему.

Бесстрастное лицо Юпа не выразило ни досады, ни смущения. Лишь снова зашевелились губы, и спустя секунду зазвучал его монотонный голос:

— Тогда я предложу тебе второй вариант. Мы нашли на вашей планете условия, в которых мог развиваться разум. Но разумного существа мы не нашли. И тогда группа наших людей... хотя бы беглецов, покинувших нашу планету по политическим соображениям, решила обосноваться на вашей Земле. К сожалению, они не рассчитали своих возможностей и через несколько поколений одичали. Четыре группы беглецов, прибывшие в разное время на вашу планету, создали четыре земные расы. Разве не правдоподобно?

— Но не более. И уж совершенно не объясняет, почему вы позволяете себе распоряжаться нами, как своей собственностью.

— Вы несколько раз пытались уйти из своего домика и каждый раз находили тот же самый дом, только на другом месте. И в конце концов вы перестали покидать его и остались в нем. Что ж, придется мне и на этот раз предлагать одну гипотезу за другой, пока ты не пожелаешь остановиться на какой-нибудь из них. Только теперь гипотезы будут разные, но все — на одном и том же месте. Вот тебе еще одна: мы не оставили на Земле людей. Но, вернувшись на родину, мы предположили, что когда-нибудь нам могут понадобиться существа, подобные нам. Мы не могли предвидеть всего, что ждало нас в будущем, но нас грызла смутная тревога. Мы находились на вершине знаний и возможностей, и вдобавок мы были очень осторожны. И тогда мы создали биороботов, да, саморазвивающихся биороботов, взяв за основу ваших обезьян. Потому-то вы и не можете

найти переходное звено между последней обезьяной и первым человеком. Мы высадили вас на каждом континенте в надежде, что выживет хотя бы одна группа. Выжили все. Выжили и развились. Развились и начали задавать себе вопрос: а для чего живет человек? Для чего существует все человечество? Разве нет?

Артем сделал неопределенный жест — в общем-то, да. Скрывать это не имело смысла.

— Так вот, — голос Юпа зазвучал патетически, — вы существуете только для того, чтобы мы в любой момент могли вернуться к своему прошлому, к своей молодости. Наше человечество одряхлело. Мы все знаем, все можем, но ничего не хотим. Кто бы мы ни были для вас — повитухи, стоявшие у вашей колыбели, старшие братья, отцы или даже боги, создавшие вас из праха, — мы сейчас требуем от вас только свое, и, по сути, мы требуем немногого. Около ста миллиардов людей прошло по Земле, а мы взяли только двоих, тебя и Дениз. Это наше право. Богу богово!

— Но кесарю — только кесарево. И даже если принять, что вы боги, то, черт вас подери, боги, как вы дошли до такой жизни?

Некоторое время Юп молчал, потом послышалось что-то, похожее на человеческий вздох.

— Мы очень берегли себя. Слишком берегли. И чтобы лучше беречь каждого человека, мы до предела ограничили рождаемость. Прошли десятки лет, сотни, и на нашей планете остались одни старики. Мы перестали летать в космос, спускаться в глубины океана и в кратеры вулканов. Мы так боялись за себя! Но один за другим гибли наши товарищи, гибли из-за нелепых, непредугадываемых случайностей. И тогда мы сделали последнюю ошибку: вместо того чтобы попытаться родить новое поколение — может быть, это нам бы и удалось, потому что наша медицина стояла, да и сейчас стоит на недосягаемом уровне — мы решили восполнить недостаток людей путем создания подобных себе биороботов.

«Рожи, словно консервные банки», — вспомнились Артему слова Дениз.

— Прошли сотни и тысячи лет, и на всей планете остался всего лишь один человек, рожденный женщиной, — это я. Впрочем, я ли это? Мое тело многократно обновлялось и даже полностью заменялось, переносился только мозг. Внешне я точно таков, как и все жители нашей планеты. Но я один чувствую, что мы гибнем. Огромных уси-

лий мне стоило убедить моих товарищей (это слово он произнес с запинкой) послать к Земле последний уцелевший звездолет. Пользуясь своей способностью становиться невидимым — ты не поймешь, как мы этого достигли, — я провел возле Земли некоторое время, познакомился с ее прошлым и настоящим и главное — выбрал вас. Остальное тебе известно.

— М-да, — проговорил Артем. — В древности, говорят, некоторые полусумасшедшие цари пытались вернуть молодость, переливая себе кровь младенцев. Уж не таким ли способом вы собираетесь омолаживаться?

— Мы — люди, — высокомерно произнес Юп.

— Вы — консервные банки, извините. Мне, честное слово, жаль вас, и все, что только можно, мы для вас сделаем. Кесарю — кесарево. Спокойной ночи.

Юп не ответил. Обиделся и исчез. Хотя нет, обижаться он давно уже должен был разучиться. Просто счел разговор законченным. А ничего себе был разговор! Еще бы полчаса таких откровений, и можно было бы без всякой симуляции по праву вице-короля Индии требовать своего любимого слона.

Только бы Дениз ни о чем не узнала. Не на Земле — это еще полбеды. Но то, что не у людей... И тут он почувствовал, что балконная дверь медленно открывается. И не увидел, а догадался, что там, на полу, сидит Дениз, прислонившись к дверному косяку и обхватив коленки руками.

Надо что-то сказать, надо что-то соврать, чтобы успокоить, чтоб уснула, только быстро, ну же, ну, быстро, мы же договорились, что ты, сукин сын, так используй свой богатый опыт, вспомни, что ты говорил тем, прежним, вспомни и повтори, и эта поверит, глупенькая еще, детеныш, только вспомни, вытащи из своей памяти такие слова, после которых ничего не страшно, после которых ни о чем другом уже просто не помнишь, ну, давай, дубина, давай...

— Дениз!..

Невидимая в темноте рука находит его лицо. Рука легкая, точно маленькая летучая мышь. Что за ерунда — мышь. Откуда? А, окаменелый воздух фараоновой гробницы. И здесь такая же неподвижность. Крошечные сгустки серого небытия, оживающие от людского дыхания, от шороха человеческих губ. А это откуда, про сгустки? Вероятно, из самого детства, когда верил, что утром вся ночная темнота собирается в плафонах уличных фонарей и весь

день прячется там, и если присмотреться, то видно, что внутри белых пломбирных шаров затаился студенистый тяжелый туман, и не дай бог такой шар сорвется, тогда темнота вырвется наружу, словно джинн из бутылки в «Багдадском воре», и среди бела дня затопит город, как это бывает только вечером, когда фонари зажигают, и темнота, испугавшись, сама вылетает на улицы... Господи, да о чем это он, о чем?

— Дениз...

Это было уже не детство, хотя нет, детство, конечно, только не самое-самое, когда фонари, а попозже, когда Лариска Салова, и только бы вспомнить, что он говорил тогда, хотя и вспоминать нечего, он сказал: «Я из твоего вшивого кадета рыбную котлету сделаю». И она засмеялась, потому что это было так шикарно сказано, вшивый-то кадет был нахимовцем, на голову выше, и пояс с бляхой, и она перестала смеяться, чтобы ему было удобнее поцеловать ее, и он сказал: «И Лымарю твоему я в рожу дам», — и снова поцеловал ее, и она сказала: «Бабушка мусор несет», — потому что было в парадной, и он ответил: «Я твоей бабушке в стекло зафингалю», — и в третий раз поцеловал ее, а больше не стал, — надоело, и, вроде, стало незачем...

— Дениз...

А вот это было уже совсем не детство, это было в самый последний раз, все расходились, а он мог остаться, так что ж ему было отказываться, он и остался, пьян был здорово, да и хозяйка была хороша. И он молча раздел ее, и она то ли рассмотрела его получше, то ли решила поскромничать, только вдруг завела: «Ты у меня первый настоящий...» — «Ну-ну, не завирайся», — сказал он ей, и так было в последний раз.

— Дениз. Дениз. Дениз... — Это как спасенье, как заклинание, как мелом по полу — круг, отсекающий все то, что было и как было.

— Я здесь, — прозвучал из темноты ее неправдоподобно спокойный голос. — Протяни руку — я здесь.

У него захолонуло внутри от ее слов, простых и ничего не значащих в обычном номинальном значении, но сейчас обернувшихся к нему всей жуткой обнаженностью единственного своего смысла. И не он ей, а она ему первая предлагала единственное средство от страха перед окружившей их тупой и бессмертной нелюдью, и это «протяни руку» — первое, то она сказала ему как равная равному, значило только одно: «протяни руку и возьми».

Он медленно поднялся, царапая щеку о кирпичный наружный косяк, и переступил порог комнаты. Где-то внизу, у его ног, сидела на полу невидимая Дениз.

Вот так. И не мучайся, все равно ведь это неизбежно. Быть тебе сукиным сыном. Судьба.

— Ты словно боишься? — проклятый голос, обиженный, совсем детский. — Никто же не видит. Темно.

Так бы и убил сейчас. На месте.

— Может быть, я для тебя недостаточно хороша? Мсье Левэн говорил...

— Замолчи!!!

Бесшумно шевельнулся воздух, и Артем угадал, как поднялась, выпрямившись и чуточку запрокинув голову, Дениз. Из темноты легкими толчками поднималось и долетало до его лица ее дыханье. Ближе протянутой руки была теперь она от него.

— Зачем «замолчи»? Я люблю тебя, Артем.

Господи, да разве может быть, чтобы это «я люблю тебя» звучало так медленно, так правильно, так спокойно?

— Нет, Дениз, нет! Просто так вышло, что здесь только мы, ты и я, никого, кроме меня. Вот тебе и показалось... Почему бы и нет? Девочки рассказывают, мама запрещает, мсье твой плешивый травит про Нефертити... В первый раз верят не только другим, Дениз. Верят себе. Что с первого взгляда и на всю жизнь. Вот и тебе кажется. Мсье для этой роли не подошел, стар, и девочки засмеют. А тут — молодой русский, и на совсем другой планете. О-ля-ля! Пока никто не видит...

— Здесь темно, я не могу тебя ударить.

— А хорошо бы. Я даже прощенья просить не буду. Это завтра. Когда я буду способен соображать, что я говорю.

— Ты говоришь и не слышишь! Каждое твое слово — как crapaud*, я не знаю по-русски, холодное, противное, мокрое! Зачем так? Зачем? Зачем?

Дениз, горе ты мое горькое, не «зачем», а «почему».

— Потому что не смей говорить: «Темно, и никто не видит». Не смей говорить: «Протяни руку». И не смей в этой темноте стоять так близко, что я действительно могу протянуть руку и взять.

Шорох шагов. Дальше. Еще дальше. Четыре шага темноты между ними. Одного его шага будет довольно, если сейчас позовет. Не смей звать меня, Дениз. Я люблю тебя. Где тебе знать, что любят именно так!

---

* Жаба *(франц.)*.

Тишина. Долгая тишина, в которой не спит и не уснет Дениз. Значит, еще не все. Еще подойти, отыскать в темноте спокойный лоб, и это — «спи, детка». Сможешь? Уже смогу.

А лицо мокрое. Все. Даже брови. И руки. Узкие холодные ладошки.

— Ну что ты, глупенькая, что ты, солнышко мое, девочка моя, — все слова, все имена, только бы ласковые, а какие — неважно, важно — нежность в них, вся нежность белого света, нежность всех мужчин, целовавших женские лица от Нефертити до Аэлиты. — Маленькая моя, рыженькая моя, единственная...

О, последовательность всех мужчин мира!

Уснула Дениз, зацелованная, счастливая, и руку его продолжает сжимать, словно это любимая игрушка. Как мало тебе было надо — согреть, убаюкать. А туда же — «протяни руки и возьми». Глупенькая ты моя. А теперь спишь спокойно и только носом посапываешь — наревелась, а я просижу всю ночь здесь, на полу, как последний дурак, положив голову на край твоей постели только затем, чтобы увидеть твое лицо, когда начнет светать.

Видел бы Юп эту картину!

— Ну что, Юп, старая консервная банка, доволен ты нами сегодня?

Темнота. И совсем близкое, отчетливое:

— Да.

Был какой-то отрезок времени, когда Артем чуть было не рассмеялся. Бывает у человека такое состояние, когда первой реакцией на все является счастливый смех. Но так продолжалось всего несколько секунд. Потом — недоумение: неужели подслушивал? Скотина.

Он осторожно высвободил свою руку из ладошек Дениз и на цыпочках выскользнул из дома. Темень. Непроглядная, тяжелолиственная, августовская.

— Юп!

— Я слушаю тебя.

— Юп, вы... вы довольны нами сегодня?

— Да. Вы поняли, что от вас требуется, и я доволен.

— Вы слышали... все?

— Разумеется. С первого же момента вашего пребывания на нашей планете мы видели и слышали абсолютно все.

— Даже в темноте?

— Для нас не существует ни темноты, ни стен дома, ни вашей одежды. Мы видим все, что хотим.

Может ли двадцатичетырехлетний землянин дать в морду инопланетному подонку, пусть даже тысячелетнего возраста? Впрочем, они сами уже решили этот вопрос положительно, иначе сейчас между Юпом и Артемом не было бы защитной стенки, и тогда...

— Юп, но ты же человек, пусть они все — консервные банки, но ты?..

— Во-первых, не вполне строго называть меня человеком, ибо ты сам считаешь себя таковым, а мы стоим на слишком различных ступенях развития. Во-вторых... — Бесстрастный машинный голос, и слово за словом капает на череп и расплывается по нему, не проникая в глубину сознания и не обнаруживая своего сокровенного и старательно ускользающего смысла. — Во-вторых, разница в этих уровнях — в нашу пользу, за исключением одного-единственного вопроса. Информацию по этому вопросу мы и намерены получить от вас. Вы наконец поняли, что от вас требуется, и я доволен вами.

— Послушайте, Юп, вы можете простым русским языком объяснить мне, о чем идет речь? Я слушаю вас — и не понимаю, мой человеческий разум не в состоянии проэкстраполировать вашу естественную — для вас — и, вероятно, очень простую мысль. Ну о чем вы, о чем, о чем, черт вас подери?!

— Пожалуйста. Мы имеем множество самообновляющихся биороботов различных типов, причем одни копируют людей, другие много совершеннее их... И все-таки жизнь нашего человечества неуклонно стремится к закату. Развитие остановилось. Нам незачем больше развиваться. Ведь для этого нужно любить знание. Нам незачем больше лететь в космос. Для этого нужно любить звезды. Мы практически бессмертны, нам не надо продолжать свой род, равно как и заботиться друг о друге. Каждый и так занят самим собой. Только собой. Ведь для того чтобы помогать другому, нужно его любить. Но мы давным-давно утратили представление о том, что это такое. Мы забыли, как это — любить...

— А ты, ты сам, Юп?

— Это было так давно... Я не знаю, я не помню, любил ли я когда-нибудь...

— Но ты же хочешь им помочь, — значит, не все потеряно, старина. Не понимаю только, что мы-то можем для тебя сделать?

— Я дал тебе райский сад, привычный, родной дом. Я дал тебе самую красивую девушку Земли. Вам все условия созданы. Любите друг друга!

Удар. В темноту. На голос. Упругая поверхность отбрасывает Артема обратно, на порог дома. Бессильная, дикая ярость...

— Если бы я с самого начала знал, что вам нужно, я бы предпочел сдохнуть под одной из ваших райских яблонь!

Постой, а Дениз? Никому не возбраняется подыхать под яблоней, но что она будет делать одна с этими консервными банками? Об этом ты подумал? Одна она им будет не нужна, и... Здесь не хранят ненужные вещи. Информация ли, человек ли. Неэкономно. И снова невидимый звездолет помчится к Земле, чтобы подобрать еще одну пару молодых симпатичных кроликов, и — все условия созданы, любите друг друга!

Зверская эта затея пойдет по второму кругу...

— Почему ты молчишь? — раздается из темноты. — О чем ты думаешь?

Я думаю о том, что вы — машинная сволочь, бессмертные выродки, возомнившие себя богами и бессильные заставить меня делать то, что угодно вам. Одного вы добились — Дениз у меня вы все-таки отняли...

А перед глазами, как проклятие, как наваждение — белый купальный халатик.

Беспечная маленькая Дениз, упоенная неземными синтетическими тряпками. Нежная стремительная Дениз, бегущая ему навстречу по ненастоящим цветам их персонального рая.

Любите друг друга, вам все условия созданы!

А вы посмотрите?

...вы посмотрите.

— Ты не ответил. О чем ты думаешь?

Я думаю, не кончить ли эту комедию прямо сейчас, не сказать ли тебе на хорошем русском языке, что я о вас всех думаю, и не уйти ли в темноту, в лабиринт безвозвратных дорожек — уйти, чтобы с рассветом не увидеть пробуждающегося лица Дениз. Никогда больше не увидеть. А потом?

А потом — старый вариант: вы признаете эксперимент неудачным, и нет ни малейшей надежды на то, что в вас взыграют совесть и гуманизм. На Землю вы нас не вернете. Здесь мы вам будем не нужны.

И так бессчетное количество выходов, и все ведут к одному: к еще одной паре кроликов, которая займет освободившееся место в райском саду.

В райском саду, из которого бесследно исчезнет Дениз...

— О чем ты думаешь?

— Я... я думаю о том, как мы будем счастливы в этом райском саду.

Эта ложь — цена тех нескольких дней, за которые необходимо найти какой-нибудь выход. Найти, прежде чем вы догадаетесь, что не будет вам ни богова, ни кесарева.

А легче всего оказалось обмануть Дениз.

— Дорогая, ты теперь моя невеста, и я должен заботиться о нашем будущем. Ты разумная девочка и понимаешь, что пожениться мы сможем только на Земле — если, естественно, ты сама не раздумаешь. Поэтому я должен как можно скорее сообщить нашим гостеприимным хозяевам все те сведения, которые их интересуют. Будь умницей и не мешай мне. Чем скорее я кончу, тем раньше мы вернемся домой.

— А мы вернемся?

Господи, Дениз, да если бы я смел спросить их об этом!

— Как ты можешь в этом сомневаться? Они же люди.

Она легко и беззаботно приняла его сдержанность, как принимают условия новой забавной игры. Если бы она знала, как он был благодарен ей за это согласие. Если бы она знала, как горька была ему легкость этого согласия!

И потом — каждая игра ограничена в своих временных пределах. Рано или поздно наступает момент, когда один из играющих говорит: «Мне чурики» — и игра кончается.

На сколько же дней хватит этой игры, Дениз? Потому что время идет, а выхода — нет.

Нет выхода.

Дни, прозрачные и бесцветные, один меньше другого — словно стеклянные яички на бабкином комоде. Дни, мизерные и бессильные, каждый из которых мог бы уместиться в старушечьем кулачке. Проклятая литература, приучившая к феерическим деяниям земных суперменов, вырвавшихся на просторы космоса! Если бы кто-нибудь мог предположить, что первые люди, попавшие на другую планету, вовсе не будут образовывать Великие Кольца, лихо рубить пространственно-временные связи или во главе инопланет-

ных масс неотлагательно вершить галактические революции.

Наверное, так и будет. Когда-нибудь. Не сейчас. Потому что сейчас единственное, что должен делать он — это НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ.

И только чувствовать — ежеминутно, ежесекундно, как все то, чего еще не было между ним и Дениз, становится тем, чего никогда между ними не будет.

И дни, которые должны были принадлежать им вместе, принадлежали каждому в отдельности.

Знаешь ли, Дениз, что день вместе — это два дня? Мы чураемся прописных истин, мы высокомерно, по-щенячьи презираем цитаты классиков, вбитые в наши головы на ненавидимых уроках литературы. За эти цитаты заплачено сполна, чеки — «четверки» и «пятерки» в сданных на макулатуру дневниках, и мы квиты, мы вправе вышвыривать и вытравливать из своих голов все ясное и элементарное, не сдобренное мускусным душком парадоксальности. Попробуй сейчас сказать за столом, где собралось трепливое инженерье, что умирать надо агитационно. Или что самое дорогое у человека — это жизнь. Засмеют!

А ведь это так, Дениз, и самое дорогое у человека — это действительно жизнь. Только вот в чем подкачал классик: она дается не один раз. Потому что если любишь — проживаешь две жизни: за себя — и за того, другого. Вот почему это так здорово, когда тебе повезет и ты по-настоящему полюбишь. Если бы я не встретил тебя, Дениз, я бы этого так никогда и не узнал, потому что до сих пор, выходит, все у меня было понарошке. От Лариски Саловой до той, что в самый «последний раз...»

Так что же делать, что делать, чтобы вырваться из цепких лап этих, с позволения сказать, богов? Что делать, чтобы каждый мой день был твоим днем, чтобы каждый твой миг был моим мигом? Я ведь хочу так мало: просто быть вместе, до седых-преседых волос, как эти легендарные греки... как их? Мы еще потешались над ними... А, Филемон и Бавкида. Что мы понимали, сопляки, д'Артаньяны? Безнадежное щенячество, могущее длиться до самой старости, до потери способности чувствовать вообще, если не вмешается что-то страшное, если не выдернут землю из-под ног, как сейчас, когда висишь в безвоздушном пространстве и даже нельзя дергаться и разевать рот от ужаса — смотрят ведь!

А ведь все было, Дениз, все было, лежало у меня на ладони, все было, было, было...

Откинуться всем корпусом назад, и — со всего размаха головой о мигающий пульт, чтобы вдребезги.

Да? А невидимый звездолет, снова бесшумно крадущийся к Земле? А еще двое заключенных в этом раю?

И потом — если эти двое, по незнанию ли, по недогадливости или даже просто потому, что наплевать, пусть смотрят, — что, если эти двое отдадут этим консервным банкам то, чего они добиваются? Если они покажут, если они научат этих дуболомов любить?

Смех сквозь слезы. Вот уж единственное, чего можно совсем не бояться. Уж если Юп ничего не помнит — об остальных консервных банках и беспокоиться нечего.

А может...

Воспоминания всплывают неожиданно, нередко против воли. А вдруг Юп все-таки вспомнит, как он был человеком? Вдруг он вспомнит — что это такое: любить?..

Может, это и есть тот единственный шанс на возвращение, который нужно было найти?

— Юп!

И впервые за все это время — никакого ответа.

— Юп! Ты слышишь меня? Юп!

Вот так. Заварил всю эту кашу, затеял этот гестаповский эксперимент, притащил их сюда — а теперь в кусты? Подонок.

— Юп!!!

А может, его просто не пускают сюда? Сказал же он в самый первый раз: «Я получил полномочия отвечать на любые твои вопросы». Или что-то в этом роде. Может быть, теперь его лишили этих полномочий? По случаю прекращения эксперимента, например.

Тогда не остается ни одного шанса. Что же дальше? Дальше, — как ни смешно, но именно то, чего хотел от них Юп: просто быть людьми. Оставаться людьми до самого конца. А в сущности, что он делал кроме этого? Ничего. Просто был человеком. И все.

Но этого оказалось так мало.

— ...Я надоела, разве нет? Тридцать дней одна женщина рядом — тебе скучно, разве нет? Только не говори: ты невеста. Я невеста — о-ля-ля! Смотри сюда — мой туалет... под венок. Разве нет? Белое-белое. Снег. Мертвый снег. Я — невеста!

— Дениз, успокойся...

— Я невеста деревянного... как сказать? Дерево, Пиноккьо. Но зачем так? Зачем?

— Ты хочешь сказать — почему? (А действительно, не все ли равно — несколькими часами раньше или позже их уберут отсюда...) Мы очень мало рассказывали друг другу о себе, о своем детстве. Но не так давно мне вдруг вспомнилась одна забавная вещь, и, если хочешь, я расскажу тебе.

Ну вот — капризно скривила губы, боится, что это просто увертка, чтобы уйти от ответа.

— Я был совсем маленьким, когда мы с мамой уехали на лето куда-то в Прибалтику. Берег Балтийского моря, понимаешь? Так вот, в нашей комнатке, которую мы сняли, висела на стене странная картина: загадочный лес — не настоящий лес, а такой, как в доброй — обязательно доброй, Дениз! — волшебной сказке. А в этом лесу — два старых короля — черный и белый — с пепельными бородами и тусклыми коронами. И на ладонях у этих старцев лежит маленький сказочный мир. Ты понимаешь, Дениз? Целый мир, а может быть, только одно королевство. Крошечный, но самый настоящий город, а кругом лес, ниже новорожденной травки, а люди, наверное, такие малюсенькие, что разглядеть их могут только зоркие и добрые глаза мудрых королей. Осенью мы уехали, и я никогда больше не видел этой картины — это, конечно, была только репродукция; но все детство свое я мечтал о том, чтобы иметь такое же игрушечное королевство, крошечный живой мир, который можно рассматривать без конца, и никогда не надоест...

— А как называется? — неожиданно спросила Дениз.

— Эта картина называлась «Сказка королей».

— И это тебя грустит? — она засмеялась. — Тебе тоже нужна игрушка. Но это так просто. Надо просить мсье Юпа. Он подарит тебе сказку. Мы — два короля. Мсье Юп! Две бороды, две короны!

Глупенькая ты моя, ничего ты не поняла. Ведь это мы копошимся в игрушечном саду, но не на добрых руках лежит наш ненастоящий мирок.

Впрочем, когда любишь в первый раз, простительно быть дурой. Он вдруг вскинул голову и внимательно всмотрелся в ее лицо. Заплаканная осунувшаяся рожица, круги под глазами, да еще зелененькая оттого, что умудрилась облачиться в неимоверно алую, словно лоскут гриновского паруса, переливчатую тряпку.

— Рыбка-зеленушка...

Дернулся подбородок, глаза стали узенькими и гадкими:

— Еще одна сказка? Про рыбку?

Когда любишь в первый раз... А с чего это он взял, что она любит его? Ах да, — условия были созданы... И еще это спокойное, удивительно правильно выговоренное: «Я люблю тебя» — той ночью, последней; непонятно только — от любопытства или со страху? Да и он хорош — самонадеянный красавчик. Поверил.

Старинная сказка, ей тысяча лет: он любит ее, а она его — нет... А она его — нет. Опять литература.

А ведь ничего еще не потеряно, Дениз, и только подойти, и взять в руки твое лицо, и целовать, и тихонечко дуть на ресницы, и чуть слышно гладить начало волос на висках — и ведь будет все, ведь полюбишь, ведь никого еще не любила, не уйти тебе от этого, никуда не уйти, только и нужно-то — губы мои и лицо твое.

А у самого окна — небо, тускло-серое, словно огромный оловянный глаз.

Я люблю тебя, Дениз, я люблю тебя больше света белого, больше солнца красного. Я люблю тебя, но если бы у меня сейчас была граната, которой можно было бы взорвать к чертям собачьим весь этот мир, эту планету, — я швырнул бы эту гранату нам под ноги, Дениз. Говорят, любовь — чувство созидающее. Есть такая прописная истина. Но сколько бы я сейчас отдал, чтобы моя любовь стала адским запалом, тысячекратной водородной бомбой, способной разнести в клочья всю эту сверхразумную цивилизацию! Я не знаю, гуманно это или не гуманно — уничтожить целое человечество, ибо разум землянина не в состоянии решать такую проблему, от такой проблемы разум землянина просто-напросто свихнется. Но за такую гранату, за такую бомбу я, не рассуждая и не мудрствуя, отдал бы свою жизнь. И твою жизнь, Дениз.

Потому что мир, разучившийся любить, не может, не смеет, не должен существовать во Вселенной!

Индикаторный пульт диктофона. Лампочки — плотно одна к другой, словно оловянные солдатики. Сколько их? Сто на сто, не меньше. На звук шагов они отозвались голубоватым мерцанием, словно язык синего тусклого пламени лизнул пульт. Вот так. И сиди здесь до самого конца, ибо есть в столь любимой твоей мировой литературе четкий такой штамп, что настоящий человек умирает на боевом посту. Или на рабочем месте, на худой конец. Агитационно.

А на самом деле — чтобы не видеть злое и равнодушное лицо.

«Лицо твое и губы мои...»

Лампочки на пульте диктофона послушно мигнули. Синее, фиолетовое, лимонное.

Сколько еще бесконечных дней перед этим пультом, сколько еще лекций, рассказов, стихов, преданий, сколько еще просто вранья?

— У попа была собака.

Синее, фиолетовое, оранжевое.

Артем протянул руку и выдернул из гнезда одну лампочку. Бесцветный остренький колпачок, вроде тех, что идут на елочные гирлянды.

— И он ее таки любил.

Лампочка в его руках мигнула лиловым, потом — изумрудным. Вот оно что, реагирует на звук. И обходится без питания. Артем обошел сзади коробку диктофона, отыскал дверцу, поддел ножом — распахнулась. А внутри — ничего.

Бутафория. «Вам нужно дело...» Примитивное приспособление, с помощью которого создавалась иллюзия занятости делом. Хватит с него дешевых иллюзий!

Тоненький удивленный звон. Осколки лампочек щекочут руки, даже не царапая кожу. А в дверях беседки — бесстрастный розовый лик анатомического муляжа. Явился-таки, гад. Явился как ни в чем не бывало.

А может, брякнуться перед ним на колени и плакать, просить, молить? Испокон веков боги любили, чтобы перед ними унижались, ползали на брюхе.

Ради Дениз можно вынести и это.

— Юп, я прошу тебя... У каждого эксперимента должны быть свои пределы. Границы разумного. Границы человечного. Вы же мудрые, добрые боги, Юп (ох!), и если в вас есть хоть капля благодарности за все, что мы для вас делали, — помогите нам вернуться домой.

Этого он боялся больше всего. Этой крошечной паузы...

— Ты просишь невозможного.

Стало даже как будто бы легче.

— Если вам необходим человек для дальнейших исследований — оставьте меня. Но верните на Землю Дениз.

— Вы получите все, что только сможете себе представить. Все, чего никогда не имели бы на Земле.

— Но здесь не будет Земли.

Юп не отвечал.

— Юп, я прошу тебя, поверь мне: у нас есть книги, Шекспир, Пушкин, Гете...

— Информация неполная и в большинстве случаев —

заведомо ложная. Один эксперимент на живых людях даст нам больше, чем все литературные данные по вопросу человеческих эмоций. И, потом, не забывай, что я один доставил вас сюда, но не я один распоряжаюсь теперь вашей судьбой.

Не он один... Значит ли это, что, будь на то только его воля, он вернул бы их на Землю?

— Юп, старина, ты же был космолетчиком, ты должен помнить, что такое хотеть к себе домой. У тебя есть корабль, Юп. Насколько я понял, ты управляешь им один. Я прошу не о себе...

— Ты находишься на палубе этого корабля.

Артем судорожно раскрыл рот и хлебнул стерильного кондиционированного воздуха.

— Это прогулочная палуба нашего последнего космического корабля. Моего корабля. Как ты видишь, здесь можно создать любые условия, любую обстановку. Невозможно только одно: дойти до конца этого помещения, хотя оно сравнительно небольших размеров. Когда много веков тому назад этот корабль совершал регулярные рейсы к другим звездам, мы предпринимали целые путешествия... практически не сходя с места.

Ну да, белка в колесе. А как это выполнено практически — «этого вы не поймете».

— Тысячи лет назад, когда цивилизация на Земле только еще зарождалась, состав наших атмосфер был почти одинаков. Мы не рассчитывали, что сейчас расхождение будет столь большим, что вас придется содержать в специальной барокамере. На корабле легко можно было создать любые необходимые условия, но на поверхности планеты пришлось бы возводить специальное здание с комплексом сложного оборудования.

Юп, видимо, замялся.

— Для вас, всемогущих, это было плевым делом, — не удержался Артем.

— Это было бы действительно несложно... но никто не захотел за него браться. Мы МОГЛИ — и НЕ ХОТЕЛИ. Мы разучились создавать, в лучшем случае мы могли только воспроизводить. Тогда я предложил оставить вас на корабле.

— Значит, мы в космосе? На орбите?

— Нет. Корабль, правда, не был приспособлен для посадки на поверхность планеты, но он ведь был нам больше не нужен, и я использовал самые мощные антигравитационные установки, чтобы спустить его на одном из безлюд-

ных плоскогорий нашей планеты. Последний наш корабль встал на мертвый якорь.

Ау, где ты, находчивый супермен? Все условия созданы — ты на чужом корабле, остановка только за тем, чтобы проникнуть в рубку, за каких-нибудь пару часов постичь принцип управления, затем нажать кнопку — и ты летишь к Земле.

— А... если снова поднять его? — Господи, каким идиотским, наверное, кажется ему этот вопрос!

— Поднять? Но мы не располагаем столь мощным антигравитатором, который смог бы вынести на орбиту такую массу.

— А стартовать с поверхности?

— Ты даже не представляешь, что говоришь. Старт звездолета крейсерского типа сорвет атмосферу с поверхности планеты и уничтожит на ней все живое.

Значит — все. Может быть, выход и есть, но, чтобы найти его, надо быть не тупым заурядным инженером. Слесарю — слесарево. Теперь одно — протянуть еще столько, сколько выдержит человеческий разум, а потом подохнуть, не агитационно — куда уж там! — а хотя бы пристойно.

И теперь уже можно не бояться второго невидимого корабля, хищно подбирающегося к Земле, и не мучиться за тех двоих, которым пришлось бы занять место в этом раю при повторении эксперимента.

Им выпало быть первыми — и последними. Знать бы это раньше! Он стоял, бездумно глядя перед собой, и только повторял это «знать бы раньше...» Розовомордый бог, осененный ажурной арочкой беседки, казался ожившим рисунком старинного и очень примитивного итальянского мастера. Жили, впрочем, только губы — они забавно шевелились совершенно несинхронно звучанию слов, словно каждая фраза на пути от этих губ до ушей Артема проходила бесчисленные фильтры и поэтому безнадежно запаздывала.

— Постарайтесь начать вашу совместную жизнь... — благодушно бубнил Юп.

— Нам нечего начинать, — с трудом разжимая губы, проговорил Артем. — И вообще нам ничего не осталось. Разве что — терять.

Губы на розовом лице замерли на полуслове.

— Нам осталось только терять... — повторил Артем.

И тогда где-то совсем близко, возле самого его лица, прозвучал крик:

— Замолчи! — крик доносился отовсюду, словно кричали одновременно в каждое его ухо. — ВЕДЬ НЕ Я ОДИН СЛЫШУ ТЕБЯ!

Он смотрел на неподвижную маску лица, не понимая, что же такого страшного он произнес; но потом вдруг лицо исказилось, и в полной тишине зашевелились губы, бесшумно повторяя только что отзвучавшие слова.

Артем бросился к выходу. Фигура на пороге не шевельнулась, не отклонилась в сторону, и Артем, инстинктивно ожидавший встретить привычную клейкую преграду и так и не наткнувшийся на нее, по инерции проскочил сквозь Юпа, как пробегают через световой луч. Но ни раздумывать над этим, ни даже оглянуться он не смел. Он мчался к домику, зная, что своими словами, которым он не придал значения, он спустил какую-то адскую пружину. «Нам осталось...»

Дениз лежала ничком, и алые языки ее невесомых одежд, словно искусственное пламя бутафорского камина, колебались над ней. Руки, успевшие удивиться, — ладонями вверх.

«Нам осталось только терять...»

Если бы на лице ее отразилась хоть тень ужаса или страдания, он не посмел бы коснуться ее; но только удивление, терпеливое удивление и ожидание, словно к ней подплывало что-то медленное и совсем не страшное.

Так вот оно что — боги решили досмотреть спектакль до конца. И он сам подсказал им содержание последнего акта. Им было ровным счетом наплевать на то, что такое «любить». Но зато как интересно, наверное, показалось им, бессмертным, что это такое — «терять».

Что же они сделали с ней?..

Он поднял ее на руки, перенес на тахту. Никаких следов. Мир, где все — «просто». Просто деревья, просто цветы, просто лица.

Просто смерть.

Нет, не просто. Смерть театрализованная, смерть на котурнах, в пурпурном синтетическом хитоне.

Артем достал нож и разрезал скользкий, точно рыбьи внутренности, алый шелк. Тихо, словно боясь разбудить, он раздевал Дениз, сбрасывая на пол обрывки ее фантастического наряда. Святотатство? Нет. Очищение.

Обыкновенная простыня с черным семизначным номером на уголке и земным запахом механической прачечной. Мама говорила, что тетю Пашу завернули в простыню и на маленьких саночках отвезли на Смоленское

кладбище. Но ров был вырыт не на Смоленском, а чуть подальше, через речку, но у мамы уже не было сил идти туда, и она присела возле бывшей трамвайной остановки и сидела так, пока не подошел военный с такими же саночками, только у него было завернуто в хорошее одеяло, и он молча привязал мамины саночки к своим и тихо пошел через мост, и мама смотрела, пока он не прошел бывшее трамвайное кольцо, где начиналось еще одно кладбище, маленькое и, кажется, не православное, и ров был за этим вторым кладбищем, а потом мама спохватилась, что саночки она отдала напрасно, их ведь оставалось еще две сестры...

Он знал об этом понаслышке, как знают о тысячах распятых вдоль Аппиевой дороги, о десятках тысяч сожженных инквизицией, о сотнях тысяч замученных в концлагерях, о миллионах убитых на войне. Знал тем легким, забывчивым знанием современного молодого балбеса, которое позволяет не сереть от ужаса, не сходить с ума, не разбивать себе голову об стену.

Это были те минуты, когда он еще в состоянии был мыслить, мучиться, вспоминать, — может быть, не минуты, а часы. Потому что когда он взял руки Дениз в свои, они были уже такими тяжелыми, словно несли на себе муку восьмидесяти миллиардов смертей, пережитых Землей.

Он попытался сложить эти руки на груди — они не сгибались.

И не стало ничего, кроме бесконечного ужаса перед этими негнущимися руками. Не было больше Дениз.

Не было Дениз.

Он целовал ее тело, как не целуют живых. Святотатство? А, пусть это тысячи раз святотатство, да разве это может вообще быть чем-нибудь? Нет больше зла и добра, нет больше ночи и дня, нет ни тебя, ни меня.

Нет Дениз.

Он завернул ее тело, как девочки заворачивают кукол. Он взял ее на руки и вышел в ослепительное сияние дня, которое не сменилось сегодня ночной темнотой.

Купоросная зелень не колышимых ветром деревьев, петли узкой тропинки, плешины лилейных полян. Он уносил ее в чащу, как звери уносят добычу, но чащи не было, и некуда было скрыться от развратных мясистых роз, от воняющих амброй ручьев, от сахарной приторности беломраморных беседок. Он шел напролом, задыхаясь от непомерной тяжести, от слепой ярости, от

бессилия найти в этом сверкающем, радужном мире хоть один темный уголок, в котором можно было бы укрыть Дениз.

Он уже перестал понимать, что творится вокруг, и только ноги, вязнущие по щиколотку, дали ему знать, что это уже не сад.

Кругом был песок. Изжелта-серый, тусклый. Бесконечный. Артем опустил свою ношу и несколько минут сидел, пытаясь унять дрожь обессилевших, ставших чужими рук. Потом, не подымаясь с колен, принялся разгребать песок. Тонкая струящаяся масса не слушалась, ссыпаясь обратно в узкую, продолговатую ямку. Еще немного. Вот и довольно.

Полные горсти песка. Огромные, тяжелые горсти. Его уже столько, что хватило бы на целый город, сказочный город с пирамидами и лабиринтами, щедрый город с куличами и караваями, расставленными прямо посреди улиц. На песочке у реки испекли мы пирожки... У реки, у реки... Прежде чем умереть от жажды, сходят с ума... испекли мы...

Он действительно умирал не от любви и не от горя — от этого умирают гораздо медленнее, — а от жажды, но не было на свете силы, которая заставила бы его принять хотя бы глоток воды от этого проклятого мира. На песочке у реки... Раскаленный песок набился под черепную коробку, и достаточно было крошечной, чуть шевельнувшейся мысли, чтобы острые горячие кристаллики впились в мозг, и тогда наступала краткая прохлада беспамятства. А потом снова небо, набухшее серым перегретым паром, и сыпучее изголовье, и спокойное лицо Дениз, обращенное к этому небу.

Проходили часы, и дни, и года, а он не мог поднять две горсти песка, чтобы засыпать это лицо. Он лежал и смотрел, пока было сил смотреть, и ее смерть была его смертью. Это все, что досталось ему от Дениз.

А потом прошли тысячи лет, и не стало сил смотреть, и он не увидел, как справа и слева, круша этот игрушечный мир, вздыбились лиловые смерчи. И только грохот, пульсирующий, нарастающий и остающийся где-то позади, заставил его на мгновенье прийти в себя, и он понял, что Юп, которому так и не дано было вспомнить, что значит «любить», вспомнил другое.

Он вспомнил, что значит «терять», и, движимый горестной и справедливой силой этой памяти, врубил смертоносные фотонные двигатели исполинского корабля, сметая

со своей усталой планеты зажившихся богов и всей мощью стартового удара воздавая им богово.

Первое, что он почувствовал, был ветер, настоящий, мокрый и хлесткий; потом — сырость земли, кое-где прикрытой померзшей куцей лебедой, и возле самой щеки — ледяная кафельная мозаика облицовочной плиты.

Артем приподнялся. Шагах в десяти высился его дом, невероятно громадный, уходящий своими антеннами в утреннее осеннее небо. Но дом уже не был последним в городе. Прямо под его окнами, нахально залезая на узенькую полоску газона, раскинулась строительная площадка, с непременными грудами битого кирпича, щебенки и песка, с заляпанными известью и обреченными на сожжение досками, с понурым экскаватором, издали похожим на динозавра с перебитой шеей, с провинциальным торчком уличного крана и пронзительной ржавой капелью.

Капли цокали о кусок жести, словно били серебряными копытцами, и Артем поднялся на ноги и с трудом двинулся на этот звук. Что-то странное с ним творилось, а что, он не мог понять и не мог бы даже связно описать свое состояние, потому что так бывало только в детстве, когда плачешь безудержно и долго-долго, так долго, что засыпаешь, а потом просыпаешься весь легкий и горький, и в первые мгновения не можешь вспомнить, о чем же ты плакал.

Он шел по кафельным осколкам, счастливый этим незнанием, этим отрешением от чего-то мучительного и чудом позабытого, шел и молился — только бы не вспомнить, только бы не вспомнить; но страх был напрасен, и все, что лежало между преддверьем весеннего праздника и этим вот сентябрьским утром, было заперто семью вратами и замкнуто семью замками, чтобы никакое усилие памяти не могло этого отомкнуть.

Он шел по кирпичной крошке, поддавая носком ботинка чертовы пальцы обломанных угольных электродов, оскальзываясь на льдинках еще не вставленного, но уже разбитого стекла, и каждый шаг по этому захламленному кусочку земли, рождающему дом, которому суждено будет на недолгое время стать последним в городе — каждый такой шаг был новой бесконечностью, отделявшей его от черного провала как будто бы навсегда исчезнувшего лета.

А потом он остановился.

Потому что там, за цокающим жестяным краном, был песок, тонкий, изжелта-серый, сыпучий холмик, и спокойное лицо Дениз, обращенное к осеннему ленинградскому небу.

Цепкая боль памяти коснулась его, и стиснула, и сжимала все сильнее и сильнее, пока не стала такой нестерпимой, что дальше уже некуда, чтобы такой вот и остаться на всю его жизнь. И тогда он сказал:

— Спасибо, Юп.

Никто не ответил ему, и он понял, что последний из «бессмертных» воздал по справедливости и самому себе.

Сотворение миров

Молодежь — Маколей, Поггенполь, Спорышев и Хори Хэ — стала в кружок, положив руки друг другу на плечи и выжидающе глядя себе под ноги. Анохин стоял поодаль, в углу квадрата, и тоже глядел под ноги. Инглинг, командир отряда, вышагивал вокруг центральной группы и глядел под ноги просто из солидарности — он ничего не чувствовал. С фантазиями молодежь, вот и все.

— Ну, так что? — спросил он.

— Я туп и невосприимчив, — сказал Маколей. — Мне просто чертовски хорошо.

— Впечатление такое, словно вдоль тела скользят какие-то прохладные струйки... — Поггенполь блаженно поежился. — Аэродинамический душ. Восходящий.

— Это запах без запаха, — подхватил Хори Хэ. — Он наполняет душу ароматом ожидания...

— Это, конечно, очень близко, — как всегда смущаясь, проговорил Веня Спорышев, — но все это — эффекты вторичные. А в основе — мощнейшее излучение, какое — сказать не могу, земных, да и каких-либо инопланетных аналогий я просто не знаю... Кроме того, у меня такое ощущение... Кирилл Павлович, идите к нам!

Анохин удивленно вскинул седеющую бороду и послушно, как автомат, двинулся на зов. Он и Гейр Инглинг считались стариками.

Спорышев и Хори Хэ расцепили руки и дали ему место.

— Сильнее стало — чувствуете? — негромко проговорил Веня.

— Командир, давайте и вы сюда! — крикнул Маколей.

Гейр поднырнул под их руки и очутился в центре круга. В воздухе разлился аромат цветущей вишни.

— Ух ты! — сказал Гейр. — Кто там считает, что этот запах — без запаха? Плита благоухает, как сад японских императоров!

— Может, станцуем сиртаки? Условия созданы... — Маколей разошелся от радости, что планетку назвали его именем. Земля Маколея. Как мак, алея. Маковая Аллея.

— Плита здесь ни при чем, — сказал Веня Спорышев, опуская руки. — Здесь излучает каждый камешек, каждая трещинка. На этом месте просто фонтан, но он глубже, под плитой. Может, те для того ее и притащили, чтобы место отметить?

— М-да, — покачал головой командир, — хотел бы я знать, кто они, вышеупомянутые «те», и сколько веков назад они притащили сюда эту плиту. Зачем — это уже не так важно.

Все промолчали, потому что, естественно, не меньше командира хотели бы узнать, кто и когда здесь побывал, да и было ли это посещение? Скорее — было... так притягательно все в этом едва сформировавшемся мирке, пребывающем где-то на заре кембрийской эры. Заря здесь была незабываемой — практически она продолжалась с восхода солнца и до заката. Розовое светило окрашивало белые скалы над морем в пастельные тона, а соцветия лилий разве что в полдень обретали свою снежно-белую окраску.

— Блажен, кто на землю ступил порою вешнего цветенья... — задумчиво процитировал Хори Хэ то ли себя, то ли кого-то из классиков. — Маленькая неувязка только в том, что здесь сейчас не весна. Я прикинул: самый конец лета. Правда, мы сели в субэкваториальной зоне, и наш корабельный компьютер дал среднегодовые колебания температуры в пределах двенадцати—пятнадцати градусов, но все равно поведение здешней флоры представляется мне нехарактерным...

...Путь обратно в лагерь был не такой простой штукой, как могло бы показаться на первый взгляд, во всяком случае, ни у кого не появилось желания продолжить разговор по дороге. Камни, причудливо наваленные на этом крутом шестисотметровом склоне, за две ночи поросли накипью лиловато-розового лишайника; идти по этой пенистой массе, состоящей из миллиардов крошечных нитей и зернышек, было сущей мукой.

На середине склона миновали еще две плиты нездешнего происхождения — лишайник упорно обтекал их стороной. И обе плиты расколоты... Маколей только хмыкнул — ведь их не брал ни геологический молоток, ни лазерный резак. Хори, самый легкий и подвижный, обогнал всех и уже хлопотал в лиловой тени, отбрасываемой «Харфагром», накрывая на стол. Наконец и все остальные попрыгали с последнего уступа на ровную площадку, облюбованную под лагерь, и, стаскивая комбинезоны, сгрудились у ручья. Струя падала с высоты человеческого роста и образовывала естественный душ. Вода была тепла и пузырчата, как нарзан, и на дне лунки, которую она продолбила за долгие годы своего монотонного падения, лениво шевелила лапами большая зеленая лягушка. Время от времени она приоткрывала рот, и Поггенполь утверждал, что она произносит «bon appetit». Отсюда не следовало, что аборигены уже овладели французским языком, — это было не животное, а комплекс контрольных приборов. Пока лягушка оставалась зеленого цвета, воду можно было пить; перемена оттенка на желтоватый говорила бы о том, что теперь вода годится только для технических нужд, красный цвет вообще запрещал притрагиваться к ней.

Все, кроме, пожалуй, молчаливого Анохина, приветствовали изумрудный индикатор, словно это была знакомая собака. Сказывалось отсутствие на планете животных, особенно заметное при таком обилии растительности.

— Пока мы гуляли, — командир занял свое место во главе складного стола и потянулся к миске с салатом, — этот ползучий цветник забрался вверх еще метров на восемьдесят. Интересно, там, за перевалом, тоже все цветет?

— Судя по снимкам, нет, — вежливо проговорил Вспя Спорышев, отрываясь от тарелки. — Распространение цветочного покрова идет от берега в глубь материка. Вы не беспокойтесь, последовательные снимки делаются автоматически.

— Ты ешь, ешь, — сказал командир. — Ботаническая сторона меня волнует менее всего. Растениеведов и так наберется в составе комплексной экспедиции больше чем нужно. Они во всем и разберутся. Тут главное — не забыть затребовать специалиста, о котором на Базе не вспомнят. Вот, например, как с этим излучением. Придется теперь просить консультанта по психотронике, представляю, какая физиономия будет у Полубояринова.

Гейр спохватился — обсуждение высшего начальства в присутствии рядового состава в его привычки не входило. Но финал каждой разведки всегда способствовал этому: ведь главным в их профессии была как раз не сама разведка, а составление схемы будущей комплексной экспедиции, которая не должна ничего упустить. Затребуешь лишних специалистов — Полубояринов загрызет: с кадрами туго, планета бесперспективная, а по милости первопроходцев погнали туда целый караван... Не дозакажешь — еще хуже: планету обязательно объявят потом чрезвычайно интересной и перспективной, все богатства и прелести которой невозможно было исследовать вследствие нерадивости разведчиков.

Правда, вслед за комплексниками на планету прибывают освоенцы, и тут у них возникает столько претензий к своим предшественникам, что разведке остается только руками развести, потому что накал страстей, сопутствующих комплексно-освоенческим конфликтам, как правило, напоминает стартовый выхлоп крейсерского звездолета.

Между тем за столом наступила пауза — Хори замешкался с супом...

— Салат был преотменнейший, — заметил Кит, — рис, кальмары и яйца — из собственного лабаза. Но откуда такой сочный лук?

— Это не лук, — отозвался Хори, — это лепестки во-

дяной лилии. Мы с Вениамином откушали и проверили индикатором...

— Надеюсь, что в обратной последовательности, — строго вмешался командир. — Хорошо еще, что, по-видимому, здесь не найдется ни трилобитов, ни даже червей, иначе мы рисковали бы вот так, без предупреждения, познакомиться и с ними достаточно близко.

Хори Хэ вытянулся, отдавая честь суповой ложкой:

— Есть, шкип, больше не повторится, шкип, впредь обязуюсь команду местными червяками не кормить...

— Вольно, — сказал Инглинг, — давай харчо. Тем более что появление червей здесь можно ожидать не ранее чем через пару миллионов лет.

— Я... э-э-э... не хотел выступать с непроверенными данными, тем более что мне могло показаться... — Спорышев мялся больше, чем обычно. — Короче говоря, вчера вечером на глубине порядка двенадцати метров я наблюдал стаю медуз. Совсем маленьких.

Немая сцена последовала незамедлительно: у одного Хори Хэ хватило чисто азиатского самообладания поставить кастрюлю с супом на землю — у остальных ложки и вилки выпали из рук.

— Великие дыры, черные и белые! — возопил Поттенполь. — Ты камеры-то оставил?..

— Естественно. И на разной глубине. И даже все запасные...

— Пошли, выудим парочку, тут не до супа! — Распорядился Инглинг, подымаясь.

— Минуточку, — поднял широченную ладонь Маколей. — Не все лавры Веньке. Я тоже не хотел выступать преждевременно, но в пробах грунта как будто бы прослеживаются остатки беспозвоночных. Более того: моя дражайшая Маковка не менее двух раз заселялась разной живностью, затем до основания вымиравшей.

— Палеокатастрофы? — быстро спросил Гейр, покосившись на скалы и присевший на амортизаторы «Харфагр».

— Не исключаю, — кивнул Маколей. — Маковка — особа спокойная, уравновешенная и отнюдь не первой молодости, как можно судить по первому впечатлению. Ей бы, судя по всему, обзавестись зверинцем и зарасти травой следовало двести—триста миллионов лет назад.

— Откуда такая точность? — ревниво спросил Поттенполь.

— Интуиция. Помнишь первую заповедь космопроходца — «доверяй интуиции»? В данном случае — моей.

Анохин, до сих пор не проронивший ни слова, поднял

голову, как будто хотел что-то сказать. Но передумал. Интуиция. Эти мальчики прочно усвоили и писаные параграфы, и неписаные заповеди. Иначе они не были бы в тактической разведке. Пока они не обжигались. Но говорить об этом бесполезно. Можно научить подстилать соломку, и даже весьма точно рассчитывать — где. Нельзя научить не падать.

— Ну ладно, первооткрыватели, — сказал Поггенполь, — я тоже кое-что приберег для отчета, хотел в последние дни семь раз проверить. Господин председатель, леди и джентльмены, хочу уведомить вас, что посещение этой планеты пришельцами пока не установленного происхождения было отнюдь не единичным. Они прилетали как минимум дважды.

— Все высказались? — спросил командир. — Анохин, ну хоть ты-то убереги меня от сюрпризов, а!.. Ну, спасибо, милый. Теперь слушайте: властью, данной мне инструкцией, продлеваю пребывание на Маковой Аллее еще на десять дней. Резерв командования. Но прошу блюсти четвертую заповедь!

— Находясь на планете, собирай информацию — отчет будешь составлять в карантине! — гаркнул кто-то из молодых.

Десятый день резерва командования подходил к концу. Солнце, оранжевое и беспечное, уходило за поросшие тюльпанами невысокие хребты. У шестерки людей, расположившихся на камнях у самой черты прибоя, настроение было неважное.

— Мы так ни до чего и не договорились, — констатировал Инглинг, и подчиненные впервые слышали в его голосе тревогу. — Пора сворачивать лагерь, чтобы не возиться в темноте...

— Это все потому, что мы боимся назвать вещи своими именами. Как бы невероятно ни было то, что думает каждый из нас, — это нужно произнести вслух, и решение явится, — без особой убежденности изрек Поггенполь.

— Вот и выскажись, — буркнул Маколей. — У меня лично не хватает словарного запаса. Потому что признать придется попросту чепуху.

— Хорошо, — сказал Спорышев, — хотя, честно говоря, я не понимаю, что во всем этом особенного. На Радзивилле и похлестче было. И меня лично ничто не пугает, просто я знаю, что должен собрать информацию, но не пытаться ее интерпретировать...

— Ага, — обрадованно воскликнул Маколей, — вторая

заповедь космопроходца: доверяя интуиции, не делай выводов — все равно у Базы будет свое собственное мнение.

— Вот-вот! Понимаете, Гейр, — Веня поднялся и зашагал по гальке, усеянной белыми луковичными лепестками, — к сожалению, нас слишком долго приучали собирать факты, сведения, вещественные доказательства... Мы знали, что в любом случае База примет за нас необходимое решение. А тут... Мы прилетели на совершенно безжизненную планету, и на восемнадцатый день зафиксировали жизнь. К моменту отлета — можете полюбоваться, целые плантации цветов.

— Но ведь до нашего прилета этой жизни не было, — растерянно прошептал Хори Хэ.

— Этой — да, — согласился Спорышев. — Если и можно сказать, что жизнь здесь существовала, то только в неявном, зародышевом состоянии. Как бы приблизительны ни были оценки, полученные нами за эти десять дней, мы должны согласиться с тем, что каждое возникновение — или, если угодно, возрождение — жизни на Земле Маколея совпадает с пребыванием на ней разумных существ.

— Вот уж не ожидал от Спорышева такой категоричности! — фыркнул Кит. — Да что, пришельцы сеют споры, что ли? Теория спазматической панспермии?

— Ну, про всех пришельцев не скажу, а я лично ничего не сеял!

— Не волнуйся, Мак, в этом отношении ты вне подозрений. Речь ведь даже не о первичном возникновении жизни. Что именно ее инициировало — в этом комплексники разберутся... или не разберутся. Для нас проблема состоит в том, что для самого элементарного существования и развития здесь жизни необходимо присутствие разума. Если хотите, в качестве катализатора. Другого сравнения я не нахожу.

Инглинг в буквальном смысле слова схватился за голову:

— Ты представляешь себе, Вениамин, как я все это буду выговаривать перед Полубояриновым?

— Ну, командир, если дело только за этим, то я и сам могу изложить...

Анохин поднялся. Он был на голову выше любого из разведчиков.

— Гейр, — сказал он, — какой Полубояринов? Какой доклад? Разве ты не понял, что мы просто не имеем права отсюда улетать?

Наступила тишина. Крупная белая ветка с ломкими, алебастровыми цветами выплеснулась на берег и зашурша-

ла по гальке. Часа через два она укоренится и, как все побеги, выбравшиеся из моря на сушу, порозовеет; завтра же, к моменту старта, ее гибкие плетеобразные ветви вскарабкаются на плоскогорье и, возможно, дотянутся до стабилизаторов «Харфагра».

— Кирилл, — сказал командир, — ты же не новичок. Не тебе объяснять, что остаться здесь до прибытия комплексников «Харфагр» не может. Ресурсов не хватит. Не говоря уж о том, что База никогда не позволит. Если бы обнаружились гуманоиды или случилась авария... Но в последнем случае нас отсюда сняли бы, и все. В этом варианте не за что бороться.

— А бороться вообще ни за что не надо. Вы возвращаетесь обычным порядком и столь же обычно и без спешки, приводящей только к конфузам, высылаете сюда комплексную. Насколько я знаю, она может появиться здесь месяцев через семь-восемь. Столько времени я продержусь. Мне одному ресурсов хватит.

— То есть как это — вы?.. — возмутился Спорышев. — Я биолог экспедиции...

— Венечка, а зачем этим лотосам ваша специализация?

— Ну не я, но почему вы?

Гейр с Кириллом переглянулись.

— Дело в том, — сказал Анохин, — что я умею быть один.

Он чуть было не добавил: «У меня уже есть некоторый опыт...»

— Анохин — специалист по дальней связи, — сухо проговорил командир, словно Кирилла и не было рядом. — В данной ситуации это, по-видимому, будет решающим.

Кирилл повернулся на каблуках и, заложив руки за спину, засмотрелся на белые, словно покрытые инеем, скалы, выступающие из воды. Общий разговор он считал бесполезным, а Гейр высказался с максимальной определенностью. Что ж, если Инглинг и не был лучшим командиром разведфлота вроде легендарного Рычина, то друг он был надежный. В сущности, он ведь даже не знал, почему Кирилла потянуло вдруг на добровольный подвиг. Он вообще ничего не знал, кроме того, насколько худо было Кириллу тогда, десять лет назад. Тогда Анохин числился в новичках, но Гейр вытягивал его не только потому, что был его командиром. Уже тогда между ними было то великое, которое не имеет названия, потому что понятие «дружба» непозволительно широко. И это великое заключалось в том, чтобы не знать, но понимать.

В глубине вечерней воды, ленточно извиваясь, прошло

змееподобное тело. Кирилл оглянулся — никто, кроме него, в воду не смотрел.

На всякий случай он промолчал.

Он проснулся, повернул голову и глянул на календарь: прошло шесть месяцев и одиннадцать дней его робинзонады. Просыпался он с восходом, ложился с последним солнечным лучом. Получалось это само собой, в ритм он вошел естественно и ни о чем не задумывался — так, наверное, не задумывались цветы над тем, когда им открывать или складывать на ночь свои лепестки. Впрочем, это относилось к земным цветам; здешние, как с некоторых пор начинало казаться Кириллу, могли и призадуматься.

Но вот отмечать прожитые дни — это единственное, что никак Кириллу не удавалось. Если бы он вовремя не перевел календарь на автоматику, то давно потерял бы счет дням.

Он, не одеваясь, выскочил из своего домика, нарвал грибов и швырнул их в приемный раструб автоплиты. Пока та, урча, возилась с грибами, он помчался на свой маленький стадион, раздумывая о том, что весенние дожди унесли изрядную долю песка, поднятого им с пляжа сюда, на плоскогорье (коль скоро ни одного, даже самого захудалого киба у Кирилла не было, все необходимое приходилось таскать на собственном горбу).

Стадион был залит солнечным светом. Солнца Кирилл не то чтобы не любил, а предпочитал держаться тени, и, словно угадав это, трехметровой высоты цветы — не то маки, не то тюльпаны, — росшие вдоль немногочисленных дорожек, сплелись верхушками и образовали крытые аллеи, а над любимой скамейкой Кирилла вырос целый балдахин метра четыре в поперечнике. И это чудо света отнюдь не было исключением: третьего дня со скалы, из которой бил питьевой источник, свесился толстенный стебель с зеленой «бомбой» на конце. Вчера бомба лопнула, брызнув во все стороны померанцевым соком, и за какие-нибудь полтора часа развернула шестиметровый тент бледно-лилового цвета.

Кирилл привычно вспрыгнул на гимнастическое бревно. С детства у него были нелады с равновесием, и здесь, в уединении, наконец-то можно было наверстать упущенное. Он несколько раз повернулся, с удовольствием отмечая, что вальсирует на узкой поверхности без малейшей опаски, и вдруг его взгляд остановился на площадке, открывшейся с этой небольшой высоты.

Несколько серебристых плит, вместо того чтобы спокойно лежать на тщательно выровненной земле, стояли боком.

Это был непорядок. Кирилл спрыгнул с бревна и, раздвигая цветочные стебли, которые больше походили на стволы молодых деревьев, добрался до площадки. Потревоженные плитки были приподняты какими-то странными, буровато-лиловыми витыми стеблями, каждый из которых заканчивался пышной седой метелкой. Нужно было иметь достаточную силу, чтобы поставить на ребро увесистую батарею, и тем не менее ни один из новоявленных стеблей даже не погнулся.

Кирилл побежал в сарайчик за лопатой (все приходилось делать самому!). Потом, осторожно сдвинув плиты, он выкопал винтообразные стебли и, отнеся их метров за двадцать, так же бережно высадил в приготовленные ямки. Всем макам и тюльпанам было достаточно двух-трех аналогичных уроков, чтобы больше никогда не приживаться ни на стадионе, ни в окрестностях надувного домика. Как это у них получалось, Кирилл предпочитал не задумываться.

Он пробежал пятьсот метров, выкупался и легко пошел обратно в гору. Вдыхая запах свежезажаренных грибов, заскочил в кухонный отсек и остолбенел: сковородка валялась на боку, соус растекся по полу.

Первым побуждением Кирилла было заглянуть под стол и кровать — не спрятался ли там некто любопытный, а может быть, и опасный. Спохватившись, он затряс головой, успокаиваясь: разумеется, нет, десантный домик — это ведь не таежная хибарка, куда любой может заглянуть. Сейчас окна и двери настроены только на него: ни одно живое существо, даже муха, сюда не проникнет, отброшенное силовым ударом.

А ползучее растение?

Рассчитана ли защита на такое вторжение? Вот этого он не знал или, точнее, забыл, и нужно было заглянуть в инструкцию. Прижимаясь из осторожности спиной к стене, он нашарил на кухонной полке пластиковый том и принялся судорожно и бестолково его листать — как-никак с начала его добровольного уединения он занимался сим трудом впервые. Непроницаемость стенок и перекрытий... Антисейсмичность... Настройка входного клапана...

Он вздохнул спокойно. И что он всполошился? Должен был бы помнить — ни зверь, ни птица, ни камень, ни былинка.

Его дом — его крепость. И какая!

Ну а с тем, что снаружи, он уж как-нибудь договорится. Полугодовой опыт имеется.

Он, нисколько не опасаясь, вылез из домика и подошел

к кухонному углу. Так и есть, из-под настила косо торчал виток новоявленного растительного монстра. Пробить пол кухонного отсека, естественно, не удалось, но удар основательно всколыхнул плиту. Так что от завтрака остались рожки да ножки. А, собственно, почему это его удивляет?

Шесть месяцев он жил в этом саду блаженно и беззаботно. Если бы так можно было выразиться, то в полнейшем слиянии душ — собственной и всех этих лилейно-лиственных и лотосоцветковых. Хотя после того, что произошло десять с лишним лет назад, вместо души у него должно было остаться пепелище. Все, что происходило потом, проплывало мимо на расстоянии вытянутой руки. Так он проходил комиссии, летал, что-то настраивал, законтачивал, принимал-передавал, а когда особенно везло и натыкались на гуманоидную цивилизацию — возвращался к своей профессии переводчика. Он делал все, что от него требовалось, но не более.

Вероятно, то страшное напряжение, в котором он провел самый страшный год своей жизни, взяло у него все силы души на десятки лет вперед.

Вот и здесь, полгода назад, он безучастно слушал споры, пропускал мимо ушей гипотезы, пока вдруг в его сознание непрошенно не ворвалось что-то прежнее, болезненно резонирующее с прошлой болью. Исчезновение жизни, отсутствие человека — это было изящной абракадаброй, проплывшей мимо ума и сердца.

А вот неминуемое умирание — это было не постороннее. Это уже было у него внутри, затаенное и пронизывающее, как застарелый шип, вошедший в нервное сплетение.

Тогда он и сказал Гейру: «Мы ведь не можем улететь, разве ты не понимаешь?»

С тех пор он жил спокойно и просто, в том естественном ладу с шуршащей, но безгласной зеленью, в каком состоял с ней разве что пещерный человек. Он не рвал ничего, кроме грибов, а ягоды сами скатывались к его ногам. Любой первоцвет, по-щенячьи вылезший в неположенном месте, он выкапывал и переносил на безопасное расстояние. Иногда ему вдруг казалось, что кто-то начинает чахнуть и хиреть; он брался за поливку, даже не думая, а в недостатке ли воды тут дело. Но цветок — если будет позволено так называть трех-четырехметровую дубину — мгновенно оживал, и было в трепете и плавных изгибах его листьев что-то от ласкающейся собаки. То, что листья тянулись к нему, а стебли наклонялись чуть ли не до земли, Кирилла нисколько не удивляло.

Но что произошло сейчас? Какие-то вывертыши взбунтовались, ну и что в этом страшного? Растения подросли —

не каждое в отдельности, а все целиком, как коллектив; началась пора самостоятельности. Так подросший щенок рано или поздно рвет любимые домашние тапочки хозяина.

Кирилл во второй раз достал лопату и, осторожно подрывая угол собственного дома, выкопал строптивца. Если урок, преподанный одной особи, как-то идет впрок всему остальному клану, то ее следует наказать. Вот хотя бы забраться на ту каменистую площадку, где ничего не растет, кроме местного чертополоха, и подсадить туда упомянутую особь, чтобы не сбрасывала завтрак на пол. Мысль показалась Кириллу удачной, и он, опираясь на лопату, начал карабкаться по склону на карниз, прижимая к себе холодный и упругий стебель. Если бы не ковыльная метелка, инопланетный цветок более всего напоминал бы гигантский штопор. Вероятно, сила его роста такова, что, не будь экспедиционный домик защищен со всех сторон силовым полем, эта крученая штуковина проткнула бы пол насквозь.

Кириллу пришлось долбить ямку, потом подтаскивать хорошей земли, потом прилаживать бортик, чтобы дождевая вода не сразу стекала с этого карниза — для этого потребовалось часа полтора. Разогнувшись, Анохин глянул сверху на серебрящуюся крышу своего коттеджа, как он его уважительно именовал, — и ему стало не по себе: шагах в десяти от входа, высоко подымаясь над зарослями молочных лотосов, распускал лепестки оранжевый гигант. С шелестом и мясистым пошлепыванием раскручивались многоярусные лепестки, каждый из которых мог бы обеспечить парусностью небольшую каравеллу; малиновые прожилки натягивались, принимая на себя тяжесть ярко-рыжей массы, и черный подрагивающий пестик нацеливался в зенит, как копьеобразная антенна. Размерами и какой-то одухотворенной чуткостью этот цветок действительно напоминал антенну радиотелескопа.

Кирилл прислушался к собственной интуиции, как рекомендовали неписаные заповеди. Да, конечно, приятно — вроде бы растут дети... И все-таки в глубине зреет тревога. Ее не было, когда цветы доверчиво наклонялись к нему — подумаешь, способность к движениям отмечалась даже у земных растений. Но когда вот так, как сейчас... начинаешь с завистью вспоминать о самшите, который и растет-то едва-едва.

Внизу что-то звучно треснуло, и Кирилл увидел второй персиковый парус, раскрывший свое полотнище возле стадиона. Третий лиловел над метеоплощадкой, где приходилось работать ежедневно. Славно... Приближается теплое время, и ему в любом уголке будет обеспечена прохладная тень.

Вот только непонятно, почему ни дальше по берегу, ни

вдоль лишайниковых склонов ничего подобного не наблюдается.

Он спрыгнул с уступа, на котором теперь одиноко торчал ссыльный «штопор», поглядел на розовое солнышко и отметил, что становится жарковато для ранней весны. Надо пойти к морю ополоснуться. Правда, если двигаться напрямик, придется продираться через заросли, но ведь не впервой. Он легким шагом подбежал к первым невысоким — всего в его рост — цветам, как вдруг узкие восковые чашечки разом обернулись к нему, наклонились и угрожающе часто защелкали твердыми лепестками, совсем как аисты клювами.

— Вы что, сдурели? — крикнул Кирилл, отступая и прикрывая лицо локтем.

«Характер показывают», — подумал он, теперь начиная понимать, кажется, почему все предыдущие посетители Маковой Аллеи рано или поздно покидали сей райский сад. Если и дальше так пойдет, то придется перебираться в горы, синеющие километрах в пяти от моря, — там еще пока один лишайник. Вымахали, понимаешь ли, с космодромную антенну, а ума ни на грош.

Он вернулся к своему ручью, где беспокойно шевелилась чуть побуревшая лягушка, ступил на тропу, усыпанную принесенной с моря галькой, — тут были одни глуповатые маки. Он задрал голову, удивляясь внезапному ускорению их роста, и не сразу заметил, что ноги его ступают уже не по камешкам, а по чему-то упругому. Он глянул вниз — узкий лист, напоминавший банановый, устлал дорожку, и сейчас его боковые края хищно забились, словно он собирался свернуться в трубочку, заключив внутрь человеческое тело. Кирилл хотел рвануться вперед, но ноги его завязли в клейкой зеленой массе; единственный выход был в том, чтобы мгновенно сгруппироваться и сильным рывком покатиться вперед; тело проделало это быстрее, чем обдумал мозг, и Кирилл из этой замыкающейся уже зеленой трубы вылетел, точно горошина из стручка. Развернувшись, он помчался вперед со спринтерской скоростью и вылетел на площадку возле домика, несказанно радуясь, что хоть она-то не поросла скороспелыми макозубрами и тюльпанозаврами.

Впрочем... да, один таки пробился.

Возле самого порога торчал новорожденный желтый ирисенок, не достававший Кириллу и до колена. Он еще явно не освоился на белом свете и, запрокидывая нежную головку, отчаянно зевал, оттягивая вниз широкий бородатый лепесток. Кирилл, как ни торопился, не выдержал и присел на корточки — ничего нет забавнее и умилитель-

нее, чем зрелище позевывающего или чихающего новорожденного.

— Дыры небесные, черные и белые, — проговорил он, — неужели и ты подрастешь только для того, чтобы меня слопать?

Желтенькая пасть разинулась снова, и Кирилл не удержался и сунул туда палец. Ирисенок тотчас же палец выплюнул, отчаянно затряс лопушками боковых лепестков и беззвучно чихнул, разбрызгивая медовую слюну. Кирилл фыркнул. Стебель цветка резко отклонился назад, спружинил, бледные лепесточки мигом собрались в щепоть, и Кирилл не успел отдернуть руку, как ирисенок небольно, но обидно клюнул его в ладонь.

— Дурашка ты, дурашка, — проговорил в сердцах Кирилл.

Путь обратно, к источнику и в горы, был перекрыт. Кирилл вошел в домик, схватил рюкзак, швырнул в него несколько пищевых пакетов, кислородную маску, радиомаячок, микропалатку. Включил рацию. Набрал сообщение: «Подвергся нападению хищных растений. Перебазируюсь на восток, шесть километров от стоянки, на чистые скалы. Прошу корабль». Он подключил к аппарату запасы энергии и послал аларм-сигнал. Такая связь существовала для крайних случаев, и сейчас Кирилл справедливо опасался не столько за себя, сколько за комплексников, которые должны были здесь вот-вот высадиться с оправданной беззаботностью. Положим, его действительно съедят, кто ж тогда предупредит целую экспедицию? Беда еще была в том, что послать такой сигнал, собрав всю резервную мощность, он мог, и этот сигнал будет обязательно принят всеми аварийными буйками данной зоны, но вот принять ответ ему не по силам — нужна мощнейшая антенна, соорудить которую экипаж «Харфагра» был не в состоянии. Значит, придется отсиживаться где-то в пещере, жевать концентраты, запивать морской водой и ждать.

Он сунул за пояс десинтор непрерывного боя и, немного помедлив, распахнул входную дверь. Прыжок — и он на дорожке, ведущей к стадиону.

Вряд ли его ждут здесь, потому что сразу за стадионом — крутой спуск к морю, и, по логике вещей, там Кириллу делать нечего. Только бы не сцапали на дорожке. Он мчался сквозь строй гладких и мохнатых стеблей, и у него не было ни времени, ни желания рассматривать, что же такое мельтешит между ними, словно плетется толстая многослойная циновка. Никто ему не препятствовал, и он твердил про себя в такт дыханию — проскочить, проскочить...

Он вскинул голову, повинуясь вновь пришедшей волне опасности, и увидел *это*. Если до сих пор все растения Маковой Аллеи имели определенное и даже подозрительное сходство с земными, то розовое облачно-аэростатное образование, покачивающееся над стадионом на тонюсенькой ножке, вообще ни на что похоже не было. Покачивается лениво и совсем не агрессивно. Была не была...

Кирилл с разбегу вылетел на стадион, держась левой кромки, прибавил скорость, косясь вверх, и в тот миг, когда он был уже на половине дистанции, гриб-дождевик апатично сказал «пуффф» и выбросил во все стороны целое облако поблескивающих легких спор. Они снежно закружились, опадая, и у каждой по мере падения отрастал едва видный нитяной хвост. Кирилл врезался в это облако, как в паутину, клейкие нити залепили лицо, опутали руки и ноги, при каждом вдохе норовили влезть в горло и нос. Кирилл отчаянно замахал руками, пытаясь содрать с себя эту липкую пакость, а главное — освободить ноги, и тут мягкий, но сильный толчок в спину повалил его на землю. Целый пучок тонких, как парашютные стропы, волокон оплел его ступни и теперь спазматическими рывками втаскивал обратно, в крытую галерею дорожки. При каждом рывке Кирилл проезжал метра полтора-два, и если бы не заплечный мешок, спина была бы ободрана.

Выбрав момент, он оттолкнулся локтями от земли, выхватил из-за пояса десинтор, перевел фокусировку на самый узкий луч и пережег стесняющие движения летучие нити, кое-где прихватив и одежду. Вскочил на ноги. Путь обратно, через открытое пространство стадиона, был отрезан — дымчато-алый дождевик, зорко прицеливаясь, покачивался, сея редкие блестки спор. Ломиться в обход, через чащу цветочных зарослей, нелепо — изловят. Прожигать коридор — опасно, может не хватить зарядной обоймы, и тогда он очутится в самой гуще хищников. Значит — назад, в домик. Выбора нет.

Он помчался по дорожке, для верности поводя перед собой непрерывным лучом. Никто, однако, его не задерживал. У самого дома он выключил десинтор. Громада рыжего паруса нависла над ним, создавая огненную тень, но он успел перескочить порог и захлопнуть за собою дверь.

Сначала — полная герметизация, автономное кондиционирование, потом — рация... После второго аларм-сигнала копаться со сборами спасательной группы не будут, вышлют автоматический скутер. А ему большего и не надо. На третьи сутки он включит маячок, и дальше останется

часов сорок восемь, не более. Столько он продержится на полной автономии без малейшего напряжения. Недаром его с такой легкостью оставили одного — сейчас спасение альпинистской самодеятельной группы где-нибудь в Гималаях, учитывая все земные ограничения и сложности, порой проблематичнее, чем снятие одного неудачника с чужой планеты или буйка. Разумеется, в более или менее освоенной зоне дальности.

Он еще раз проверил, все ли меры предосторожности приняты, и вдруг ощутил упругий удар в пол — там мощными толчками пробивался «штопор». Ну, это тебе не по зубам, подумал Кирилл.

Домик ходил ходуном, подбрасываемый дробными ударами, пол пробивали уже в нескольких местах. Не нажить бы морскую болезнь. Кстати, он сегодня так и не позавтракал, а в этой обстановке не пахнет и обедом.

Домик встал на боковую стенку. Кирилл покатился в угол, успел глянуть в окно и сообразил, что его убежище уже оторвано от земли и приподнято витыми колоннами на высоту человеческого роста. Не собираются ли они поднять его и бросить, как это делают обезьяны, домогающиеся сердцевины лакомого ореха? Веселенькая перспектива, даже если учесть упругость конструкции... Да, возносят. И с приличной скоростью. Ну и жизненный потенциал у этих витых дубин, эдак они его на высоту Исаакиевского собора подкинут...

Ослепительная вспышка, заставившая его отшатнуться от окна, на долю секунды поставила его в тупик, но в следующий миг он понял, что боялся не того, чего следовало бояться. Силовой кабель, соединявший домик с системой батарей... Вот о чем он не подумал. А если подумал бы — так что тут поделаешь?..

Теперь энергия у него только та, что дадут аккумуляторы. Если отключить все, даже кондиционер, то запасов хватит на поддержание силового поля... компьютер и тот не включишь. Правда, можно временно снять защиту с потолка, да и на окнах теперь придется оставить молекулярную проницаемость, иначе задохнуться можно. А вот о втором аларм-сигнале и речи быть не может. Скверно. Одна радость — напуганные возникшим разрядом столбы вроде бы прекратили свой рост. До земли метров пять, ничего себе свайная постройка... И сбрасывать домик некуда — внизу все поросло витым частоколом, в нем с шипом и посвистом скользили сине-зеленые лианы, сплетая гигантский упругий тюфяк. Если так будет продолжаться, то они просто-напросто передавят друг друга собственной массой.

Глупыша-желторотика, надо думать, уже затоптали.

Он немного подивился тому спокойствию, с которым его мозг отмечал безвыходность положения. А что, собственно, ему оставалось, кроме спокойствия? Распахнуть дверь и палить, пока обоймы не кончатся? Так разве пробьешься через такие-то джунгли! Эх вы, тюльпанчики-живоглотики, да меня ведь со всеми потрохами вам и на зубок не хватит. Напрасно топчетесь, аппетит нагуливаете. Вот когда сказывается недостаток серого вещества...

Он отполз от окна, привалился к перевернутому столику. Да, сидеть вот так, скучая в ожидании, когда тебя отсюда выдернут, точно улитку из ракушки, — последнее дело. Хорошо бы оставить письмо Гейру, но ведь диктофон не включишь... Хотя зачем диктофон? Где-то тут имеется старый добрый карандаш. И рулон перфоленты. Почему бумага розовая?.. Ах да, солнце пробивается сквозь лепесток «паруса» — и то слава богу, не жарко. Значит, так: «Гейр, дружище! Пишу тебе не столько затем, чтобы заполнить время, сколько для того, чтобы ты ни в чем себя не обвинял. У меня и раньше было желание сказать тебе несколько откровенных слов, да как-то разучился я пространно выражать свои мысли. Устно во всяком случае. Так что сейчас я, если обстоятельства позволят, потрачу, наверное, больше слов, чем сказал бы до конца своей жизни, завершись все это более или менее благополучно...»

Кирилл покосился на окно — алая тень сгущалась, хотя солнце стояло высоко. Значит, кашалотовая пасть приближается. Не торопись, милая, не все сразу. А бумагу можно будет засунуть под столик — когда аккумуляторы иссякнут и домик, вероятно, сомнут, письмо уцелеет.

«Так вот, Гейр, я ни в чем тебя не виню — начиная с того момента, когда ты сманил меня в космос; ты только предложил, а решал-то я сам. Не такой уж я был щенок, чтобы не оценить всю глубину собственной непригодности. Хотя до конца я осознал ее только сейчас.

Дело в том, что на Земле за человека в большинстве случаев решают обстоятельства. Здесь же нужна интуиция. Да, да, та самая, которая в наших заповедях стоит на первом месте. Его интуиция должна обладать одним непременным свойством — адекватностью. Иначе она и называется по-другому: блажь, фантазия, химера... Моя интуиция меня всегда подводила. Вот хотя бы сейчас: подо мной собрались хищные монстры, не подумай, что какие-нибудь зверящеры или мегамуравьи — нет, невинные на первый взгляд цветочки. И число им — тьма. Надо думать, слопают, по-

тому как уже приноравливались. Если, конечно, скутер не подоспеет.

А мне все равно их жалко, они давят друг друга, калечат. Особенно маленьких. За эти полгода я привык думать о них как о безгласном зверье. Не так уж это смешно, если сейчас глянуть из окна вниз...

Ты нисколько не виноват в том, что десять лет назад запихнул меня на этот буй — помнишь, в одном светляке от Земли? Все, что я там натворил, было исключительно делом моих рук... вернее, моего ума. Ты не знаешь об этом, да и никто не знает, я и сейчас тебе ничего не объясню, и ты только поверь, что я сотворил нечто чудовищное. Непостижимое с точки зрения здравого разума. И в живых я остался только благодаря какому-то странному — интуитивному, что ли? — ощущению, что я должен свою вину... искупить... Это было невозможно. Забыть? Смешно. Не знаю, Гейр, слово не находится, а время идет, и я боюсь не то чтобы солгать — создать у тебя неверное представление о той истории.

Короче, что-то я должен был сделать. И десять лет я провел как в спячке — *это* не приходило, не подворачивалось. Пока мы не забрались сюда, на Маковку. Помнишь, с каким редкостным единодушием мы изобрели красивую легенду — что для существования этого мира необходимо присутствие человека? Не знаю, как ты, а я в нее поверил с первого момента, и не только потому, что красота — почти неопровержимый аргумент.

Дело в том, что мое преступление, тогда, десять лет назад, было, если можно так выразиться, уничтожением любви. И теперь я мог рассчитаться той же монетой. С кем? Со Вселенной, наверное. Ты уж прости меня за высокопарность.

Я был почти счастлив, Гейр, потому что я полюбил этот мир, и он платил мне тем же. Я, как средневековый философ, уверовал, что моя любовь обращается жизненной силой, питающей моих подопечных. Доказательство было налицо — нигде окрест я не видел столь буйного и радостного цветения. И это зимой!

В хорошенькие дебри завела меня интуиция, а?

А теперь я скажу тебе, если успею, как на самом деле обстоят дела. Помнишь, Веня все ловил какое-то живительное излучение? Мы только отметили, что оно присутствует, хотя и не фиксируется никакими приборами. И забыли о нем.

По-видимому, не гуманоиды, а вот это самое излучение необходимо для существования жизни. А мы и те, что были

в прошлом, его только включали, инициировали. Курковый эффект. Сами по себе мы всем этим лютикам нужны не больше, чем статуя Венеры Милосской. А то, что вблизи меня они росли с повышенной интенсивностью, доказывает только наличие взаимодействия между этим пока не опознанным излучением и каким-то из многочисленных полей, создаваемых организмом человека.

Детишки подросли и, как тигрята, переступившие границу млекопитания, «потребовали «мяса». Все просто, осуществляется закон борьбы за существование, и никаких тебе абстрактных законов всеобщей любви. После меня они начнут с хрустом лопать друг друга. Вот видишь, как все просто, когда вместо плохой интуиции включаешь хотя и не блестящий, но абсолютно здравый смысл.

Я знаю, что скутер уже идет — наверное, нырнул в подпространство, — но он далеко, а этот рыжий кашалот совсем близко. Объем цветочной чашечки таков, что весь мой домик поместится в ней. Сейчас загляну в заднее окно... Так и есть. В комнате все красным-красно, створки лепестков закрываются. В спину мне смотрит здоровенная черная колба — пестик. Как только сядут аккумуляторы, он пробьет окно. Это мне подсказывает интуиция. А вот что так пахнет? Разорвался пакет со специями. Нет. Гейр! Запах, Гейр...»

Лепестки гигантского мака сомкнулись, словно створки алой тридакны, но человек, защищенный такой хрупкой и недолговечной коробочкой, как десантный домик, уже ничего не слышал.

Не услышал он и того, что произошло спустя всего несколько часов.

Он проснулся от солнца, бившего ему прямо в лицо. Поднялся, держась за гудящую голову. Пошел к окну — пол под ногами пружинил, словно домик оседал в болото. Дверь входного клапана покачивалась, аккумуляторы стояли на нуле. С полным безразличием Кирилл глянул наружу — и ужаснулся.

Под ним была мертвая свалка растений. Домик стоял на каких-то бурых пожухлых лоскутьях, под которыми виднелись полегшие витые стволы.

Он перевел взгляд — метрах в пятидесяти высилась гряда свежеотваленной антрацитовой породы, кое-где поднимался фонтанчиками горячий пар. В воздухе было пыльно и пахло ушедшей бедой.

Он кинулся к двери и замер на пороге: местность исказилась до неузнаваемости. Лиловатые лишайниковые склоны исполосовало чудовищными сбросами, а вершина невысокой горы, из которой бил источник, раскололась надвое и обнажила блещущую сталактитами пещеру. Гиблые ступени сбросов шли до самого моря, перемежаясь с трещинами уже осыпающихся по краям каньонов. Такая же трещина метров пяти шириной змеилась под самым домиком, и если бы не плотная сетка переплетшихся растений, он ухнул бы в эту пропасть со всею своей хваленой защитой. Но они собрались сюда, сползлись со всего плоскогорья, оберегая его, единственного, как муравьи или пчелы оберегают свою царицу — любой ценой, и теперь умирали с подрезанными корнями, переломанными стеблями.

А письмо к Гейру?.. Уверенный в их кровожадности, он приписывал им сатанинскую борьбу за кусок мяса, а они тем временем плели последние этажи своего гениального амортизатора, нисколько не заботясь о том, что сами будут через несколько часов превращены в крошево.

Господи, стыд-то какой...

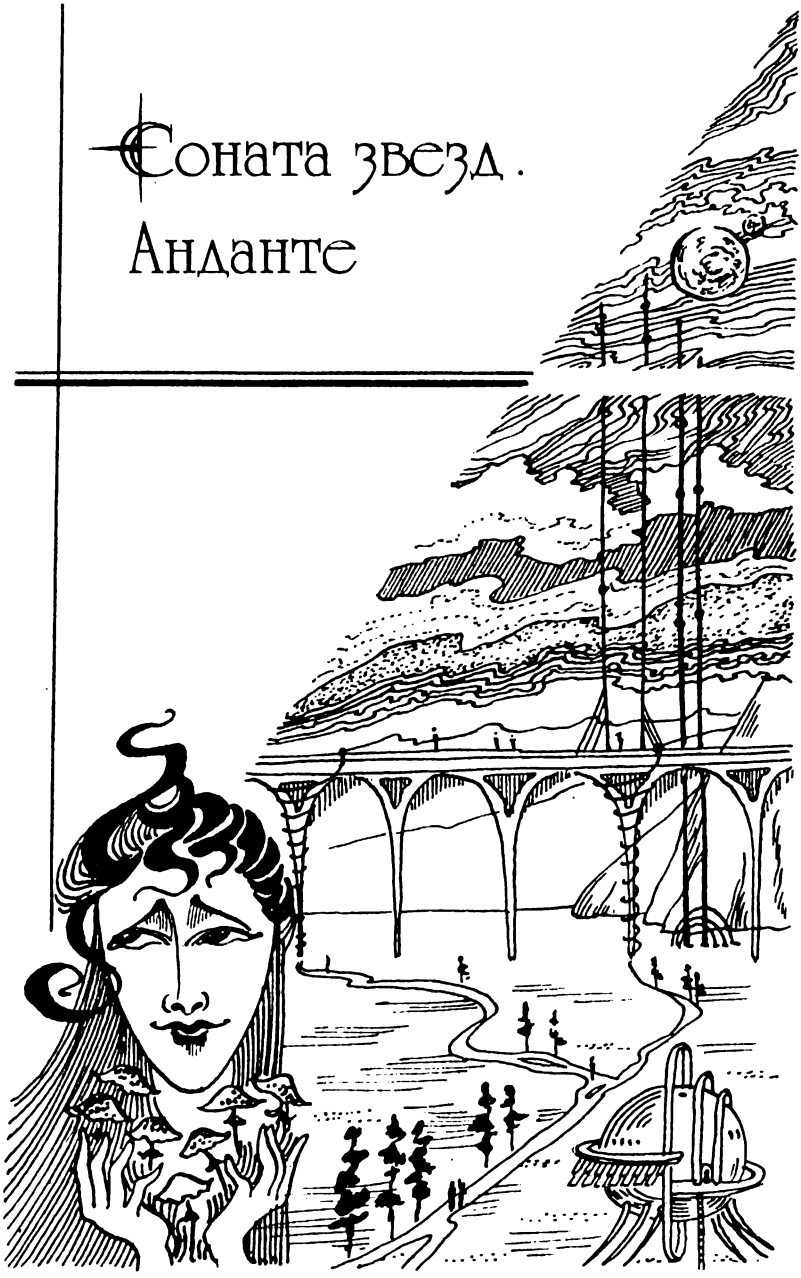
Высоко, в зените, возник тоненький вой. В туче пыли, еще не осевшей после недавнего землетрясения, нельзя было рассмотреть — скутер ли это, ведомый автоматом, или крейсер с комплексниками. Надо сразу же дать ракету, а то повсюду трещины, да еще оборванный провод под током... Но прежде всего — письмо.

Он нашарил за столиком рулон перфоленты, оборвал исписанную часть и, торопливо разрывая ее в клочки, стал приглядываться — кто же все-таки пожаловал.

Все-таки скутер... Молодцы буевики-аварийщики, почти не опоздали. Кирилл снова вылез на порог, чтобы лучше видеть, как, разметывая песок и отгоняя воду, садится на самую черту прибоя ладный и верткий кораблик.

Двигатели выключились, призывно взвыла сирена — отвратительный, неживой звук на этом мертвом берегу. Кирилл, морщась, ждал, когда ей надоест и она отключится, и продолжал машинально рвать свое письмо, и бумажные обрывки падали вниз, в крошево листьев и лепестков, и сразу становились неразличимы.

Соната звезд. Анданте



Когда до старта оставалось не больше сорока секунд, Бовт почувствовал, что сзади подходит Кораблик.

— Можно к тебе? — услышал он голос Иани.

— Только скорее.

Он очень боялся, что она ему помешает. Но она успела, люк зашипел и съехал в сторону, она спрыгнула на пол и побежала к Бовту, безошибочно найдя его в темноте. Он отодвинулся, давая ей место у иллюминатора.

— Гораздо проще было бы... — Она кивнула на инфраэкран, приклеившийся рядом с круглым оконцем.

Бовт не ответил. Он хотел видеть все так, как это будет на самом деле. Иани тихонечко пожала плечами и подвинулась поближе к иллюминатору, но разглядеть, наверное, ничего не смогла, потому что «Витаутас» уже загасил сигнальные огни. Бовт тоже ничего не видел, но знал, что смотреть надо в черный пятиугольник, образованный слабыми звездочками, откуда через какое-то мгновение должен был разметнуться на всю обозримую часть пространства лиловый сполох стартовой вспышки.

Бовт заложил руки за спину и правой ладонью ощутил лягушачий холодок ручных часов. Ему почудилось, что они часто-часто дышат, судорожно подрагивая всем корпусом. Сейчас. Вот сейчас...

И вдруг понял, что время старта уже миновало. «Витаутас» не ушел. Бовт прикрыл глаза и с шумом выдохнул воздух. Ни радости, ни облегчения. Совсем наоборот. Это как промежуток между двумя приступами боли, когда главное не то, что тебе дано передохнуть, а то, что через несколько секунд все начнется сначала. Снова судорожный пульс часов...

— Отходят на планетарных двигателях, — сказала Иани.

— А? Да, да...

А ведь он это совсем упустил из виду, он и не думал о планетарных, он о них просто-напросто забыл, он, второй пилот «Витаутаса»...

Бывший второй пилот.

— Ты не смотришь, — проговорила Иани, будто ей это нужно было больше, чем ему. — Ты смотри, смотри!

Слабая сиреневая вспышка уже догорала. Просто удивительно, как далеко успел отойти его «Витаутас» на своих планетарных. Неяркая вспышка, и все. Это и был старт.

Четыре Кораблика прошли перед иллюминатором, чуть покачиваясь, и Бовт уже не мог найти черного куска пространства, ограниченного пятью скромными светлячками неярких звезд.

— Вот ты и видел все так, как это было на самом деле, — удовлетворенно констатировала Иани. — Я зажгу свет, можно?

— Ни черта я не видел, — медленно проговорил Бовт. — Была светлая точка — и нет ее.

Иани прижалась лбом к иллюминатору.

— Ты еще видишь? — спросил Бовт.

— Да, — отозвалась Иани. — Вон там. Но я лучше зажгу свет.

— Не надо, — попросил он. — Посидим так.

— Посидим.

Они ощупью отыскали койку, и Иани забралась туда с ногами. «Если бы она была земной женщиной, — думал Бовт, — она обязательно решила бы, что я остался из-за нее. Никак без этого не обошлось бы. Это просто счастье, что все они тут так трезвы и рассудительны».

— Ну как ты там? — спросила Иани из темноты.

Бовт присел на край койки.

— По-моему, мне просто страшно, — признался он.

— Нет, — возразила Иани, — не то.

Бовт сделал над собой усилие, пытаясь как можно точнее представить себе, что же с ним сейчас происходит.

— Неуверенность... Неуверенность в том, что я поступил правильно, оставшись на Элоуне.

— Пожалуй, так, — согласилась она. — И еще уходящий «Витаутас».

— Нет, — честно признался он, — наверное, я это прочувствую немного позднее. Что они возвращаются, а я — тут. А пока все это у меня наверху, в голове, а до нутра еще не дошло.

— Тогда я побуду у тебя.

— Ох, не надо. Думаешь, мне легче болтать с тобой, чем оставаться один на один со своими мыслями?

— Разумеется.

Бовт усмехнулся. Если бы он оставался здесь ради нее — тогда другое дело. Ему легче было бы с ней, чем одному. Но он остался не ради нее.

Бовт встал и включил свет.

— Не стоит, — сказал он. — У тебя ведь еще уйма дел на Третьем поясе, правда? Вот и кончай там свои дела и спускайся на Элоун. Нечего нянчиться со мной.

— Мы спустимся вместе.

— Ты же так рвешься обратно на Элоун! А мне надо осмотреть все шестнадцать Поясов, второй возможности ведь не будет.

— Вот вместе и посмотрим. Ты ведь еще плохо управляешься со своим Корабликом.

— Я еще не привык к нему, — пожал плечами Бовт.

Иани засмеялась:

— Это он не привык к тебе. Но он скоро привыкнет, станет совсем послушным, и тогда-то ты и решишь, что пора спускаться на Элоун.

— Ты только об этом и думаешь? — спросил Бовт.

— Да, — простонала Иани, мгновенно теряя всю свою рассудительность. — Да, да... Каждый день, и каждую ночь, и когда на Поясе, и когда в Пространстве, и когда одна, и когда с тобой.

— И все о том, как ты возвращаешься...

— Да. Да. Да.

— Ну и плюнь на все и лети сейчас же!

— Ну зачем же так, — она пригладила волосы. — У меня еще масса незаконченных дел на Третьем поясе. Элоун от меня никуда не уйдет, а на Пояса я не вернусь никогда в жизни.

Он досадливо сморщился:

— Я и забыл. Это один из ваших предрассудков — вылетать в Пространство только однажды. Как будто нельзя вернуться на Элоун, спокойно пожить лет так пять—десять, а потом опять податься поближе к звездам. Я уже рассказывал тебе, мы всегда так делаем. Действительно, почему — нет?

— Смешные вы, люди Земли! Разве можно жить, потом умереть, малость отдохнуть в небытии, потом воскреснуть и снова жить? Все дается только однажды — молодость, старость, любовь. И Пространство. Когда мы достигаем совершеннолетия, каждый из нас волен покинуть Элоун и оставаться в Пространстве, пока хватает сил не возвращаться. Потом мы возвращаемся. Очень просто.

— Возвращаетесь — и уже все?..

— Как это — все? Потом — наш Элоун. Скалы, голубоватые, как небо, и небо, близкое, как горы. Но мы приземлимся подальше от гор, на большую равнину, и кругом не будет ничего, одни цветы до самого горизонта, цветы, уходящие в бесконечность, как свет от солнца. И запах, от которого хочется опуститься на землю, зарыться лицом в траву и ничего-ничегошеньки не видеть...

— Ты говорила уже об этом. Вчера.

— Да, когда мы прощались с «Витаутасом». Все ваши тогда слушали меня, и понимали, и никому в голову не пришло, что с Элоуна можно улететь во второй

раз. Наверное, это ты один такой, остальные похожи на нас.

— Все мы похожи на вас. Но мы покидаем свою Землю каждый раз, когда это требуется.

— Напрасно ты остался с нами.

— Я хочу увидеть ваш Элоун. Я видел все планеты, которые хотел увидеть, и только Элоун мне не дался. Я хочу, я должен, без этого мне просто жизни не будет на этом свете!

— Да, желать ты умеешь... Но опуститься на Элоун может только тот, кто никогда не захочет его больше покинуть.

— И это ты уже говорила.

— Ты напрасно остался, Бовт.

— И это ты говорила.

— Ты проклянешь день и час...

— Иани, наша беседа становится чересчур патетической.

— Мне уйти?

— Так будет лучше, Иани.

Она поднялась и молча пошла к черному контуру переходного люка. Здесь, на Элоуне и его окрестностях, не принято было здороваться или прощаться.

Бовт подождал, пока пол под ногами не перестал покачиваться, — знак того, что Кораблик Иани отцепился и пошел прочь. Но он тут же замедлил полет и остался где-то неподалеку, на расстоянии прямой видимости, — Иани упорно не хотела оставлять его одного.

— Так завтра на Третьем поясе, — услышал он ее приглушенный голос.

Ну, разумеется, торчит где-то рядом.

— Договорились, — как можно ровнее ответил он.

Бовт прошелся по каюте. Четыре шага туда, четыре обратно. Тесновато. Пошевелил плечами. Наконец-то он избавился от необходимости хранить этот приветливый, дружеский тон. Бовт припомнил весь разговор с Иани, ее настойчивое желание слышать от него именно то, что хотелось ей, и именно так, как она того желала; еще счастье, что ему сразу же удалось перевести разговор с личных переживаний на Элоун, а уж об Элоуне он никак не мог говорить равнодушно. Он взбеленился и тем только и спасся, иначе его взяли бы за ручку и не отпустили до самого Третьего пояса. Его очень настойчиво брали за ручку, и он молодчина, что не позволил этого. Просто счастье, что ему удалось без единой резкости расставить точки над «i», ина-

че не отвязаться бы ему от этой опеки на всех Поясах астероидов, да и на Элоуне тоже.

Завтра он полетит с нею на Третий пояс, но это уже будет отнюдь не за ручку.

А может, и не полетит.

Каждый раз, когда он вспоминал этот проклятый Элоун, внутри словно что-то переворачивалось. Временами Бовт боялся, что не выдержит и пошлет к чертям все эти околопланетные астероидные станции и ринется вниз, навстречу игрушечному перламутровому шарику, запретному для чужих кораблей. А планета и вправду была хороша. Подобно Венере, вся в многослойной мантии облаков, но освещенная более ярким солнцем, чем земное, она казалась еще заманчивее и притягательнее оттого, что была у своего светила единственной.

Шестнадцать поясов астероидов — и только одна планета.

Может, именно потому элоуты так бережно и относятся к ней, и берегут от непрошеных пришельцев с их сверхмощными звездолетами; может, из этого сознания собственной единственности и родилась эта нелепая с точки зрения землян традиция — улетать в Пространство только однажды, чтобы вернуться на свой Элоун уже навсегда. На всю жизнь. И на всю бесконечность после жизни.

Элоун...

Пол под ногами дернулся, так что Бовт взмахнул руками и присел. Каждый раз, когда он вот так думал об Элоуне, Кораблик послушно ускорял движение, словно и ему вместе с хозяином не терпелось поскорее опуститься на поверхность планеты. На редкость чуткое и непостижимое создание — домик-ракушка элоутов, выходящих в Пространство. Даже мало сказать — домик; это средство передвижения, и нянька, и собака. Стоит только подумать — и он ринется навстречу этой чертовой, запечатанной семью печатями, заклятой семью заклятьями, недосягаемой для землян планете.

Бовт поднялся с пола, подошел к иллюминатору. Элоун неслышимо катился в мерцающей пустоте Пространства, словно серебряное яблочко, окруженное роем звездных пчел. Выйди из Кораблика, протяни руку — и оно ляжет на ладонь. Вот только скафандр надевать неохота. Что, дружище Кораблик, выпустишь меня без скафандра?

Сзади щелкнуло, Бовт обернулся и увидел над люком светящееся табло. Нашел шпаргалку, составленную для него Иани, перевел: «Выход заблокирован».

Бовт невесело усмехнулся. Ну и умник же ты, домик-ракушка! На редкость в тебе развито чувство юмора. Хлебну я с тобой... А теперь поворачивайся. Завтра утром мы с тобой должны быть на Третьем поясе. Прежде чем раз и навсегда плюхаться на планету, надо облазать все астероидные станции, понаблюдать со стороны за выбросом грузовых контейнеров с Элоуна и транспортировкой их на пояса, прочувствовать систему связи и контроля — да мало ли всего, что надо узнать, поглядеть и даже потрогать собственными руками, прежде чем навсегда уходить из Пространства. Все это он обещал ребятам, обещал капитану. Элоуты помогут наладить связь с Землей, они тоже обещали. Ребята будут ждать...

Бовт замер, прислушиваясь. Ты сказал: ребята. Может, ты уже осознал, может, это уже дошло до твоего нутра, что они возвращаются к Земле, а ты — тут?

Бовт постоял еще. Нет, сказал он себе, это до меня еще не дошло. Пока я понимаю, что нахожусь тут, потому что, если бы я вернулся со всеми, не побывав на этом заклятом Элоуне, мне просто не было бы житья на свете. Никто не упрекнул бы меня — все подлетали, и все уходили прочь. Как говорится, дело житейское. Но вот я никогда бы себе не простил. Так что для меня все-таки самое главное сейчас, что я — тут.

Но когда-нибудь главным станет то, что Земля — там. Худо будет.

А Кораблик все продолжал мчаться навстречу сказочному яблоку, укрытому дымчатой ватой облаков, и оно неощутимо плыло навстречу, захлестнутое едва видимой странной петлей, — казалось, яблоком завладел исполинский космический змей. Надо будет узнать у Иани, что это такое... Нет, не разглядеть.

Кораблик послушно рванулся вперед — чтобы было виднее.

— Но-но, — сказал Бовт, — очень ты стал самостоятельным. Сказано тебе — поворачивай на Третий пояс. Надо.

Кораблик начал нехотя разворачиваться.

— Ну ведь все, — стонала Иани, — ну ведь все же! Ты сам себе выдумываешь дела. Может, ты передумал и не хочешь спускаться на Элоун? Так и скажи.

— Я хочу этого не меньше, чем ты.

— Ну, так же, как я, ты хотеть просто не можешь уже потому, что Элоун — мой, понимаешь?

— Я хочу этого больше, чем ты, и именно потому, что он еще не мой, а пока все, чего я хотел, становилось рано или поздно моим. А сейчас я даже не знаю, что же это такое — Элоун, принадлежащий мне...

— Собственник! Мы с тобой просто по-разному понимаем это слово «хотеть». Мы не успели по-настоящему договориться о смысле некоторых слов. Но на это у тебя будет вся твоя элоутянская жизнь, а сейчас — летим скорее!

— Прибраться бы здесь, а то как-то неудобно...

— Ему еще и прибираться! Диктофонные рамки — в карман, микрофильмы — в другой, укладывайся на койку и думай о чем-нибудь постороннем, но только не о Кораблике и не об Элоуне.

— То есть не думать о белой обезьяне...

— Что-о-о? А, это ты опять со своими присказками! А я всякий раз понимаю тебя дословно. До чего же вы, земляне, любите словоблудствовать в самое неподходящее время. И неужели так трудно выполнить простейшую вещь: лечь и вообще ни о чем не думать, можно даже принять снотворное, а я сама поведу оба Кораблика на посадку, прямо так, сцепом.

— За ручку? — спросил Бовт. — Я как-нибудь сам. Хватит того, что ты таскала меня по всем шестнадцати Поясам. Но на Элоун я желаю шлепнуться собственноручно. Ты же говорила, что Кораблик никогда не допустит гибели хозяина.

— Ну да, этого он действительно не позволит, но зато он поможет тебе мотаться по всем ближним и дальним орбитам, разыгрывая прощание с Пространством. Что я, не вижу, как он все время дергается — поворачивает нос в ту сторону, откуда стартовал «Витаутас»? У тебя это выходит бессознательно, а он чувствует.

— Балда ты, — в сердцах сказал Бовт. — Какое мне дело до того, что там у меня бессознательно? Я иду на Элоун, на тот самый Элоун, куда не пускают чужаков и откуда нет выхода, как из критского Лабиринта. Наши смогли улететь, а я вот не смог. Мне жизни не было бы, если б я отступил. Я уж такой, понимаешь? Каким бы он ни был, мне без него нет жизни. Вот потому я и иду на Элоун.

— Ты-то идешь на Элоун, но твои ребята — они летят к Земле.

— Я это знаю, — устало проговорил Бовт. — Вот уже полгода, как я это знаю. Но до меня это все еще не дошло.

Иани внимательно посмотрела на него:

— Может быть, это и правда. Но тогда...

Кометы дремучие, как же она его утомляла!

— Послушай-ка, — перебил ее Бовт, — ты спешила на Элоун? Ну так кончим эти дебаты и начнем спуск.

— Я посажу оба Кораблика. Идти придется по защитному туннелю — вблизи планеты масса всякой космической дряни, которая прибивается с Поясов. Собственно говоря, ни один ваш корабль потому и не может опуститься на Элоун, что его не пропустит защитное облако, а туннель для него слишком узок. Только наши малыши на то и годятся...

Пол мелко задрожал — «малыш», похоже, замурлыкал от удовольствия.

Бовт молча пошел в угол, плюхнулся на койку лицом вниз. Хорошо. Еще один раз за ручку. До того знаменитого поля цветов, о котором он слышал трижды в день семь раз в неделю. А там — к чертовой матери.

Кораблик повело на посадку.

Бовт поднял голову, положил подбородок на сцепленные руки и стал глядеть в лобовой иллюминатор. Черная пустота Пространства стала желтовато-бурой, потянулись светлые мерцающие полосы. Светящиеся облака. Промелькнули яркие бакены, пульсирующие ядовитым синим светом. Из последнего вырывались тугие, рыхлеющие на глазах сгустки нежно-палевого газа или пара. Ага, значит, и облака были искусственного происхождения. Кораблик замедлил было скорость, а потом вдруг стремительно ухнул вниз. Бовт почувствовал непривычную сладость во рту и невольно прикрыл глаза. Ни при перегрузках, ни в состоянии невесомости не испытывал он такой маеты. Срам просто, до чего худо. И темно. И ощущение какой-то нелепой беззащитности.

А потом это разом кончилось. Кораблик перешел на почти горизонтальный полет и мчался теперь в густых темно-бурых облаках, чуть зарываясь носом, словно на занесенной снегом дороге. Включился носовой прожектор, и от этого сходство с ночной дорогой еще больше усилилось. Исчерна-зеленые тени полыхали по сторонам, уносясь назад, и две узенькие световые полоски стлались впереди, как наперед заданная лыжня. Стремителен и непостижим был этот бег, была в нем та бесконечность ожидания счастья, которая рождается лишь тогда, когда мчишься ему навстречу.

И вдруг посреди своего зачарованного полета начинаешь сознавать, что единственное настоящее счастье — это вот эта самая дорога, и тогда начинаешь молиться, чтобы

путь твой никогда не кончался, и он послушно длится и длится, и тебя послушали и сделали желанную бесконечность реальностью... Но когда обретаешь веру в эту реальность — приходит конец пути.

Облака посветлели, Кораблик резко накренился, и Бовт увидел, что они делают круг над блекло-зеленой, удивительно земной равниной. Бархатно-черная полоса — не то дорога, не то ограждение — уходила вдаль и терялась в тумане. А дальше была лужайка, и на ней — не то скирды, не то прилегшие исполинские волы. Совсем немного, три-четыре, не больше.

Оба Кораблика, так и не отцепившись друг от друга, сели на самом краю лужайки. Бовт продолжал смотреть в широкий проем иллюминатора, бездумно ожидая, что кто-то сейчас появится и решит за него, что ему теперь делать. И вдруг понял, что толстого лобового стекла уже нет. Есть ветер, холодный, прошедший сквозь туман, есть запах, свежий и тоже по-земному знакомый — пахло сырым осенним пляжем и мелкой рыбешкой. Бовт оперся руками о холодную металлическую раму и выпрыгнул наружу.

Маленькая зеленая лужайка была вовсе не лужайкой, а посадочной площадкой, залитой ноздреватым бетоном неестественного фисташкового цвета. Два одинаковых Кораблика стояли поодаль, похожие на крылатых муравьедов. Бовт плохо представлял себе, как эти неповоротливые, сонные существа — или все-таки машины? — становятся в полете такими чуткими и верткими.

На самом краю лужайки горели три бездымных лиловых костра, и ветер гонял по площадке тонкие струйки пепла. Со всех сторон была равнина, и Бовт понял, что нечто зеленовато-бурое — это как раз и есть хваленое поле цветов, и конца ему не было видно, потому что, куда ни глянь, оно всюду уходило в туман.

Бовт услышал, как сзади Иани спрыгнула на бетон и, даже не окликнув его, побежала куда-то прочь. Еще немного, сказал он себе, совсем немного, до ближайшего города. А там я пошлю все это подальше и начну... Что будет нужно, то и начну. Только никто не будет водить меня за руку.

Внезапно он услышал, что Иани плачет, и обернулся. Плакала она навзрыд, как маленькая, и вытирала лицо ладошками. Потом нагнулась, вырвала пучок травы вместе с корнями и побежала обратно, к Бовту.

— На, — проговорила она, всхлипывая, — на же, дурень...

Бовт принял то, что она ему протягивала. Поле цветов... Может быть, они снова не договорились о терминах, но это были не цветы. Каждый стебель кончался самым обыкновенным маленьким грибком — сыроежкой, опенком, моховичком. А то и просто поганкой. Бовт помял стебли в руках, переступил с ноги на ногу.

— Как тут у вас с транспортом? — спросил он. — Или на том же Кораблике?

Она посмотрела на него удивленно и жалостливо:

— С Корабликом все, — сказала она. — Кораблик не служит двум хозяевам. У Корабликов, как и у нас, все только один раз в жизни. Сейчас мы его сожжем.

Бовт не понял. Потом медленно подошел к нему, погладил холодный блестящий бок. Ему показалось, что Кораблик чуть-чуть присел на амортизаторах, словно собака, которую приласкали. Бовт отдернул руку.

— Да ты что? — в нем еще была надежда, что он ее неправильно понял. — Ты с ума сошла, он же живой...

Иани снова удивленно глянула на него:

— Уже нет. — Она достала из нагрудного кармана черный шарик, матовый, не больше каштана. — Так у нас принято, Бовт.

Из шарика проклюнулся острый язычок огня.

— Отойди, — велела она.

Бовт не двинулся с места.

Она поднесла огонь к корпусу одного Кораблика, потом другого, и Бовт увидел, как лиловые языки побежали по блестящей поверхности. Бовт шагнул вперед и положил то, что Иани называла цветами, на раму иллюминатора.

Иани оттащила его.

Долгое время казалось, что горят не сами Кораблики, а что-то бесцветное, разлитое по их поверхности. Но потом они разом осели, пламя полыхнуло вверх и рассыпалось множеством крупных бледных искр. Ветер, не дожидаясь конца, погнал по площадке поземку пепла,

Иани дернула его за рукав. Еще и еще. Бовт стоял. Она обежала вокруг него и стала перед ним. Лицо у нее было счастливое, мокрое и измазанное землей.

— Ну что ты стоишь, как каменный? — спросила она. — Это же Элоун! Понимаешь, тот самый Элоун, без которого тебе жизни не было!

Бовт смотрел на свои руки. Одна была в земле — отчего бы? — и пахла рыбой. Потом вспомнил: пучок стеблей. С корнями.

— Пошли, — сказала Иани и взяла его за руку.

Он послушно пошел, словно принадлежал ей, как Кораблик. Но она довела его только до бортика, ограничивающего посыпанную пеплом площадку, и остановилась.

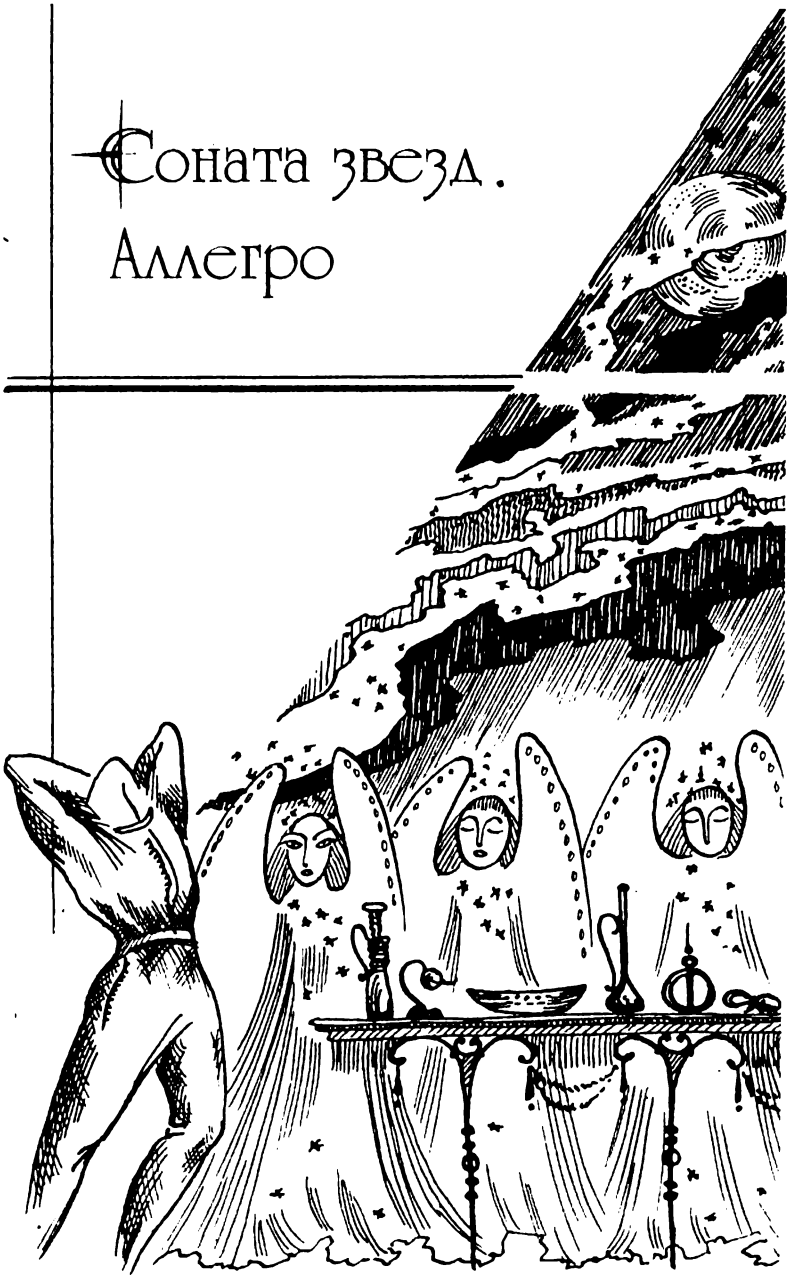
— Дорога там, — сказала она и махнула рукой куда-то вперед, где над туманом бесшумно плыл призрак белой пирамиды. — И там дорога, и там. Куда бы ты ни пошел по этим цветам, ты выйдешь на дорогу. Но лучше иди прямо.

Она отпустила его руку. Бовт оглянулся — еще два костра поднимались к низко подвешенным облакам, и две фигурки, обнявшись, уходили в поле. Они шли и нагибались на ходу, словно что-то срывали.

Он посмотрел на Иани и вдруг понял: она ждет, чтобы он ушел один. Она помогла ему, она притащила его сюда, и хватит с нее, и она стоит, счастливая и нетерпеливая, сделавшая все, что только можно было сделать не для Бовта — для своего Элоуна, и вот теперь ждет, чтобы Бовт ушел первым.

Он кивнул и сразу же спохватился — здесь не прощаются. Тогда он сошел с площадки на поле и побрел туда, где у подножия снеговой пирамиды должна была проходить дорога. Ботинки скользили по мокрой, гниловатой траве, полые стебли хлюпали и стреляли коричневой жижей. Бовт вошел в туман. Временами то слева, то справа слышались звенящие голоса. Но Бовт шел прямо, все время прямо, потрясенный той малостью, в которую превратилось самое дорогое в его жизни — уменье неистово желать, желать наперекор всему, всем земным и неземным преградам и запретам, — шел по бурым низинам своего долгожданного Элоуна, без которого ему почему-то не было жизни на этом свете...

Соната звезд. Аллегро



Солнечная вспышка метнулась вдоль стен, опоясывая здание ослепительной, змеящейся, словно золотоносная жила, полоской огня. И еще раз. И еще.

— Мама родная, — пробормотал Рычин, — как бы мне не вернуться на базу заикой...

Он искоса взглянул на Нолана. Но тот молча смотрел на свой шлем, лежащий перед ним на сверкающей скатерти. Такой же шлем лежал и перед Рычиным, и сейчас это были передатчики, связывавшие их с собственным кораблем. Да, командир, как всегда, прав: уж если кто сейчас и нервничает по-настоящему, так это Гедике, оставшийся на «Молинеле». Вахта есть вахта, и всегда кто-то обречен торчать на корабле.

За коническими стенами, многократно окольцованными холодными пепельно-желтыми обручами, набух двухголосный надсадный рев, и два огромных бурых шара метнулись вверх по изящной спирали, мазнув стены лиловатой тенью.

Пустошане медленно склонили головы и подняли правые руки, отчего у каждого оттопырилось правое крыло. Если бы не эти крылья, они напоминали бы ленивых учеников, нехотя отвечающих на вопрос учителя. Широкие рукава их облачных одежд так же неторопливо обнажили их тонкие несильные руки, лишний раз напоминая землянам об уменьшенной силе тяжести, составлявшей одну из главных прелестей Белой Пустоши.

Обычаи этой планеты настолько совпадали с земными, что Рычин еще раз глянул на своего командира, пытаясь угадать, какие мысли рождают у него эти чересчур навязчивые аналогии, но лицо Нолана было так же непроницаемо, как и все последнее время.

Гул, удаляясь, стихал; пустошане опустили руки, и тот из них, что сидел посередине, как раз напротив командирского шлема, раскрыл рот и беззвучно зашевелил губами.

— Планетолеты семнадцатый и семнадцатый-дубль совершают над космодромом круг почета в вашу честь, — прострекотал жук-переводчик, взвившись на дыбы и мелко подрагивая хвостовой антенной.

Нолан и Рычин поднялись с мест и, похрустывая синтериклоном скафандров, отвесили в сторону гостеприимных хозяев чрезвычайно церемонный поклон. Вообще-то, скафандры давно уже стоило снять — без шлемов и перчаток они никакого смысла не имели, но командир мог дать голову на отсечение, что у Рычина под синтериклоновой кольчужкой красуется неизменная футболка с драными локтями. Даже ради первого визита на новую планету этот

разгильдяй не мог пожертвовать своими цыганскими замашками и облачиться в крахмальную рубашку с галстуком!

Внутри шлемов, лежащих на столе, щелкнуло — это Курт Гедике включил на корабле микрофон.

— Я ж говорил, что первые экспедиции нужно комплектовать исключительно из японцев, — донесся его раздраженный голос. — У тех все эти поклоны и реверансы выглядели бы, по крайней мере, естественно. Глядеть на вас тошно — держитесь, как провинциалы с захолустного витка Галактики. Ведите себя свободнее, черт побери, да не забудьте спросить, на каком принципе летают их отнюдь не воздушные шарики!

Курт бесился, потому что кому же приятно в первый день контакта остаться на вахте! Но командир знал, что делал, — возьми он с собой Гедике, они дошли бы только до первого пустошанского корабля, а там Курт засел бы под его дюзами с каким-нибудь одержимым механиком вроде него самого, так что пришлось бы вытаскивать их при помощи космодромного автопогрузчика — при условии, что таковые у пустошан имеются.

Как-никак, а Гедике был профессиональным космическим гонщиком. И в этот рейс он пошел только потому, что Рычин взял его за шиворот, привел к «Молинелю» и без объяснений запихнул в люк. Лишних слов не требовалось — слишком давно они с Гедике были друзьями, и теперь Рычину достаточно было сказать, что ему нужен второй пилот, которому он верил бы, как самому себе. Гедике понимал, что без достаточных оснований Михайла не пошел бы на замену второго пилота. Он ни о чем не спросил.

Но достаточных оснований у Рычина не было.

Просто накануне отлета в Нолане, и без того скрытном и молчаливом, произошла неуловимая перемена — он как будто бы стал еще молчаливее и непроницаемее, хотя и раньше был пределом замкнутости. Этот предел и не позволил никому, кроме штурмана, заметить, что у командира внутри как будто бы образовалась раковина, грозящая неожиданным изломом.

Рычин доверял своей интуиции, как Шантеклер — восходу солнца. Он попросил знакомого диспетчера, и тот, сверившись со всеми оперсводками по обжитой Галактике, сообщил ему, что несколько часов назад был принят SOS — во время старта с Земли Атхарваведы взорвался реактор планетарной тяги на малом сухогрузе «Бинтуронг». Все на-

ходившиеся на корабле — четверо летчиков и одна пассажирка — погибли. Вот и всё.

Тогда Рычин покинул космодром, смотался в Вормс и извлек Курта прямо из-под арки древних кирпичных ворот, где тот, обдумывая предстоящие гонки, бессознательно копировал гримасу надвратной геральдической маски. Рычин привел Курта, и Нолан ничего не сказал, только кивнул.

А Гедике тем более не мог ничего узнать о Нолане — до этого они летали вместе всего один раз, да и то в незапамятные времена. Поэтому он только связался с диспетчером и попросил вычеркнуть свое имя из списка участников олимпийской гонки «Нептун — 89-й буй», принял вместе с Рычиным соответствующую (и, естественно, запрещенную) дозу антисонтороина, после чего все шестнадцать дней полета до Белой Пустоши оба не смыкали глаз, даже когда сменялись с вахты. Если бы Нолан был прежним Ноланом, то он заметил бы, что его опекают, как больного. Но он молчал и вел корабль от одного подпространственного броска к другому еще точнее и безукоризненнее, чем когда бы то ни было. Под конец перелета Рычин начал сомневаться, а правильно ли он сделал, затащив Гедике на «Молинель», — командир был непогрешим, как автомат. Он не то что не сделал ни одной ошибки — он не позволил возникнуть подозрению, что такая ошибка возможна хотя бы теоретически.

Но для Гедике, глядевшего на все непривычным оком новичка, превращение командира в ходячую вычислительную машину было просто страшным. На шестнадцатый день нервы у Курта были напряжены так, словно он участвовал в гонках на неизвестной ему машине, да еще с роботом вместо водителя, а сам выполнял роль балласта.

Рычину было больно за Нолана, Курту — страшно за всех троих.

Но вот этот перелет, со стороны глядеть — такой благополучный — окончился, их крошечный «Молинель» был бережно взят на гравитационный буксир и тихонько опущен на разрисованный шоколадными узорами пустошанский космодром. И вот они сидят в невероятно, удручающе великолепном холле космопорта — все службы под землей, а здесь не то вестибюль, не то банкетный зал, накрытый исполинской, слегка вогнутой воронкой, устремляющейся своими хрустальными стенками далеко за облака. Когда они расступаются, на вершине хрустального конуса видна золотая фигура пустошанина, расправляющего крылья, — отсюда, изнутри, она напоминает вполне земную птицу

Феникс. Но облака — слоистые, словно выдавленные из космического тюбика, слой лиловато-коричневый, следом палевый, в глубине — изжелта-зеленый — снова смыкаются, гаснут звезды, только что проступавшие на дневном небе, и пропадает за этими змеящимися слоями странный бархатно-черный обод, усеянный блестками. Это хрупкое сооружение, покоящееся на тонких световых подпорках, противоречащих всяким представлениям о законах тяготения, обегает весь космодром, словно охраняя его от непредставимых на этой благополучной планете бед... Но стоит облакам сгуститься, как сразу же весь сталактитовый чертог космодромного холла озаряется ослепительной вспышкой неизвестно откуда берущегося солнца, и купол полыхает, точно вагнеровская Валгалла.

И те, кто сидит за столом под этими стремительно взлетающими ввысь воронкообразными стенами, и земляне, и хозяева этого дворца, — все они, безмятежные, словно древние боги, вкушают уже шестую перемену пустошанской амброзии, ароматнейший пар от которой крошечными росинками садится на шлем, лежащий перед Ноланом. Пустошане примерно на голову выше землян, и двигаются они плавно и чуточку замедленно, без тени той угловатости, которая на Земле, как правило, присуща тощим верзилам. Эта легкость неудивительна — как-никак на их благодатной планете сила тяжести почти на двадцать процентов меньше земной. Экипаж «Молинеля» давно уже свыкся и с их ослепительно белой, без малейшего оттенка кожей, и с длинными, чуточку отливающими металлом крыльями, которыми пустошане ни разу пока не воспользовались, да и мало ли еще обнаруживалось необычных мелочей, с которыми можно было так просто примириться и больше их не замечать, — но вот беззвучное шевеленье их губ раздражало землян до крайности.

Непонятно, как это получилось, но пустошане, удивительно похожие на людей Земли, объяснялись на ультразвуковых частотах. Вступить с ними в непосредственный контакт могли бы разве что летучие мыши, но люди были лишены этой возможности. И пустошане не слышали людей, потому что их слух был настроен на чрезвычайно узенькую полосу от двадцати двух до двадцати трех килогерц, которая была отведена им эволюцией, на различных этапах развития человеческой мысли именуемой то богом, то природой.

И вот они сидели по другую сторону стола — гипертрофированно приветливые, прямо-таки истекающие гостеприи-

имством, плавно-медлительные, ну прямо как Днепр при тихой погоде, и, главное, — абсолютно неслышимые. Рычин даже на миг прикрыл глаза, так захотелось вдруг проверить, не чудится ли ему какой-то внеземной обеззвученный сон; в блекло-радужных потемках прикрытых век он вдруг оказался совершенно один, даже дыхания Нолана не было рядом...

— Э-э, Михайла, — раздался в наушниках лежащего перед ним шлема приглушенный голос Курта, — убери-ка у меня из-под носа этот пудинг! Ни черта не вижу.

Рычин открыл глаза, и бесшумное, плещущееся сияние хрустального зала чуть было не заставило его поморщиться. Юркие блошастые киберы выпрыгивали, казалось, прямо из-под пола и суетливо расставляли перед сидящими седьмую перемену блюд. Подле шлема действительно высилось уникальное гастрономическое сооружение в три четверти метра высотой; из вершины его подымался благоуханный медовый дымок.

Нолан, опережая Рычина, взял шлем и, не тревожа пахучую башню, переложил его слева от себя. Сейчас же из-под руки у него высунулся услужливый кибер и поставил перед шлемом чистую тарелочку с двурогой вилкой.

Рычин ухмыльнулся. Нолан отвел глаза в сторону. Кто-то из хозяев зашевелил губами — киберы проворно убрали и тарелку, и трюфельный вулкан.

Командир благодарно и почтительно наклонил голову.

— О, плешивая Пустошь! — вырвалось из шлема. — И когда вы перестанете приседать и раскланиваться, как халифы-аисты? Пора начинать деловой разговор. Я тут без вас прикинул, какова должна быть тяга у их двигателей...

— Унялся бы ты, Курт, — не выдержал наконец Рычин, — этикет есть этикет, да и этот жучок может в любой момент начать переводить наши диалоги.

— Отнюдь, — поспешно возразил Гедике. — Эта пустошанская жужелица, что мельтешит перед вами на столе, одним своим выходом подключилась к собственной логической машине, а вот другим — к нашему корабельному лингвану. Так что я по собственным приборам вижу, когда она занимается переводом — в этот момент из наших энергобаков выкачивается такая уймища энергии, что мне кажется, будто старик «Молинель» тощает у меня на глазах. Да вы и сами видите, когда работает переводчик, — жужелица взметывается на дыбы, что твой Медный всадник...

— Уймись, — еще раз попросил Рычин.

Курт унялся.

А разговор, действительно, был уж никак не деловым. Да и о каких делах говорить при первой встрече? Главное — нашли друг друга, и обе стороны в телячьем восторге, ибо давно замечено, что чем выше ступень цивилизации, тем больше радости вызывает установление контакта. Вон посмотреть на пустошан — они просто излучают какое-то нежное сияние. «Серебряноликие»...

Почти Гомер.

— ...У вашей планеты невероятный коэффициент отражения, — медленно, словно давая переводчику время на обдумывание каждого слова, говорил командир. — Мы даже дали ей условное название: Белая Пустошь. Но в каталог мы, разумеется, включим то имя, которое дали своей планете вы сами.

Пустошане лучезарно улыбались, кивая одновременно и гостю, и собственному киберпереводчику, а тот усердно тряс хвостом, переводя грубые земные звуки на неслышимый язык пустошан. Золотисто-медовые блики, словно отсветы общих улыбок, скользили по стенам и полу. Атмосфера торжественного банкета не располагала к техническим подробностям, поэтому пустошане через свою жужелицу коротко передали, что их планета расположена слишком близко к собственному солнцу, да еще две теплые луны, поэтому, чтобы не страдать от избытка света и тепла, они «отбелили» поверхность планеты. Тем более что на всей суше наводился глобальный порядок — разравнивались горные хребты, уровень материков поднимался во избежание наводнений, смещались центры зарождения сезонных ураганов. Всех живых существ, разумеется, на это время пришлось убрать на луны и спутники, но ведь надо же было, в самом деле, рано или поздно этим заняться...

Рычин следил за причудливым танцем бронзовой жужелицы, медленно шалея. Сиянье, мерцанье, переливы — до какой же степени все это может осточертеть за каких-нибудь три часа своего бесконечного и бесшумного круговорота! И во всем этом радужном беличьем колесе было одно-единственное место, на котором мог отдохнуть человеческий глаз, и Рычин стал неотрывно туда глядеть.

Это был просто-напросто коридор, наклонно уходящий вниз, к подземным этажам космопорта. Овальная прохладная дыра, из которой непрошенно выползали стебельки темно-зеленого вьюнка, тоже не доносила ни единого звука, но это была естественная тишина, свойственная темноте. Рычин неотрывно глядел на эти чуть покачивающиеся стебельки вьюнка и все не мог припомнить, где же он ви-

дел точно такую же причудливую листву цвета колодезного мха, а потом вдруг вспомнил — да на полотнах и фресках Леонардо, его уединенные и, несомненно, для сладких греховных забав предназначенные гроты с ручьями и без, и лукавые, балованные мадонны из богатых, не плотницких семейств, и всюду эта зелень, где каждый листок — с остреньким подбородком, словно крошечный темно-оливковый оттиск Мариного лица...

Нолан перехватил его взгляд и невольно стал глядеть туда же. Он, правда, думал не о влажных субтропических вьюнках, свисающих со сводов прохладной галереи, которая, казалось, уводила в обитель каких-то не вполне дозволенных галактических блаженств; его глаза просто отдыхали на темном пятне, а сам он уже обдумывал завтрашний день с его первыми настоящими деловыми встречами, с проблемой необъятного потока информации, которую надо будет не просто принять и донести до базы, а уже здесь и сейчас обеспечить стопроцентную ее расшифровку. Здесь, несомненно, придется больше взять, чем отдать взамен; может быть, пустошанам даже не понадобится ровным счетом ничего, кроме радостного сознания, что где-то за условными зонами дальности, за провалами и искривлениями Пространства существует еще один человеческий мир.

Не гуманоидный, не человекоподобный — человеческий.

— ...Для того же, чтобы очистить атмосферу от разнообразных активных частиц, — монотонно потрескивал жук-переводчик, — накопившихся в ее верхних слоях за семьсот...

И в это мгновение раздался крик.

Он мог донестись только оттуда, из глубины таинственной галереи, и влажная ниспадающая зелень только приглушила его, но не скрыла той нестерпимой боли, от которой только и мог вот так кричать человек.

Нолан и Рычин вскочили разом, так что мелкая кибернетическая шушера брызнула во все стороны у них из-под ног. Одновременно щелкнули клапаны их шлемов, одновременно руки обоих землян непроизвольно метнулись к поясу, к тому месту, где на этот раз не было — и не могло быть — привычной тяжести десинтора.

Прижавшись плечами друг к другу, они ловили последние прерывистые всхлипы, которые, слабея и замирая, доносились до их праздничного, блистающего стола. Но вот все стихло, и только тяжелое дыхание Курта осталось каждому в хорошо подогнанной тесноте его шлема.

И только теперь серебряные лики пустошан, затененные недоумением и заботой, начали медленно обращаться к землянам. Сухонькие ладошки, воздетые кверху, плавно и согласованно заколыхались, словно колокольчики на своих тонких стеблях. Жук-переводчик, напуганный резким движением людей и в запрограммированном порыве самосохранения шарахнувшийся было за какую-то не то супницу, не то крюшонницу, снова выполз, виновато затряс хвостиком и, повинуясь движению губ одного из своих хозяев, торопливо осведомился, что послужило причиной беспокойства высоких гостей.

Высокие гости переглянулись.

— Мы слышали крик, — не совсем уверенно проговорил Рычин, — кто-то звал на помощь...

Нолан качнул головой: в крике не было призыва, ибо так кричат только тогда, когда ничто на свете уже помочь не может.

Тень недоумения на лицах пустошан сменилась вполне определенным недоверием. Зашевелилось сразу несколько пар губ, заставив несчастную жужелицу несколько раз повернуться вокруг своей оси, прежде чем она сумела выбрать, кого же из своих хозяев она должна переводить в первую очередь.

И перевела.

Так вот, как это ни печально, но высокие гости стали жертвами переутомления. Никто не кричал. Никто не мог кричать. — ПУСТОШАНЕ НЕ КРИЧАТ. Сильные эмоции остались там, в глубине ушедших веков, а сейчас от физической боли аборигенов предохраняют надежные препараты, от моральных же страданий — уменье в совершенстве гасить свои эмоции.

И, чтобы помочь дорогим гостям забыть об этом печальном инциденте, флагман эскадрильи планетолетов малого каботажа продемонстрирует сейчас...

Крик вырвался из сумеречного колодезного коридора и заполнил собой весь объем этого неоглядного сияющего холла. Он взлетал вверх вдоль параболических стен, прямо к золотой крылатой фигуре, венчающей вершину строения, и было странно, что и до этого крылатого существа не доходит весь ужас, вся безысходность вопля, вытеснившего собою весь воздух. И тем невероятнее казались безмятежные, улыбчивые лица пустошан — как будто они сами и этот крик находились в различных, взаимопроникающих, но не контактирующих системах.

— Ну же! — первым не выдержал Курт. — Ну что же вы, ребята?..

Не колеблясь более, Рычин и Нолан бросились в темно-зеленый провал галереи. Пустошане, встревоженные и недоумевающие, заскользили следом, словно толпа бесшумных дантовских теней. Во влажном сумраке, усугубляемом висячей зеленью, смутно угадывались овальные двери. Из-за пятой от входа и доносился приглушенный стон. Казалось, что там кто-то силится заплакать — и не умеет.

— Здесь, — прошептал Рычин, обращаясь к командиру.

Пустошане, обступившие их полукольцом, снова пришли в движение, расступаясь. От их толпы отделился один, в полутьме вроде бы неотличимый от других, разве что — пониже. Он вскинул руки, и зелень, занавешивавшая дверь, метнулась в стороны, как живая. Еще какой-то неуловимый жест — и вещество двери стало медленно проясняться, проходя все оттенки так любимого пустошанами перламутра и становясь прозрачным, как стены холла.

И тогда стало видно, что там, в глубине узкой, поросшей зеленью комнаты, лежит человек.

Он лежал на какой-то янтарной сетке, узелки которой слабо светились, лицом вниз, и по тому, как дрожали его плечи, нетрудно было догадаться, что кричал именно он. Кричал так, словно остался один во всем Пространстве и понял, что это непоправимо.

Металлический переводчик, перебирая паучьими лапками, забрался Рычину на ногу. Пустошанин, колдовавший с дверью, чуть виновато улыбнулся и зашевелил губами.

— Как видите, причин для беспокойства нет, — перевел жучок. — Здесь отдыхает штурман грузопассажирского космолета, только вчера благополучно вернувшийся из рейса. Вероятно, усталость помешала ему выйти вместе со всеми для встречи высоких гостей. (Поклоны с приседаниями.) А теперь, когда это маленькое недоразумение улажено, не вернуться ли нам к столу?

Нолан упорно разглядывал бронзовую спинку жужелицы, не двигаясь с места. Наконец он поднял голову и проговорил, с видимым усилием произнося слова:

— Я прошу извинить меня, если мой вопрос покажется неуместным или бестактным, но уверены ли вы, что этот штурман вернулся из рейса действительно БЛАГОПОЛУЧНО?

Вопрос неуместным не показался. Жужелица выдала ответ, не дожидаясь реплики своих хозяев, — вероятно, используя машинную память логического устройства, с которым она была соединена:

— Всякие происшествия для нашего космического флота —

редкость исключительная. За всю многовековую историю космоплавания в Пространстве погибло четыре тысячи триста двадцать семь жителей планеты. В память каждого из них на траурном бортике, окаймляющем наш космопорт, зажжена вечная звезда.

Так вот что значил бархатный черный пояс, поддерживаемый световыми столбами!

— Последняя авария, — продолжал словоохотливый кибер, — произошла как раз над нашим летным полем. Но это было чрезвычайно давно. Год назад. — Жучок помолчал, словно еще раз сверяясь с электронной памятью. — Да, год назад, в этот день и в этот час. Слишком давно.

Нолан невольно обернулся, словно отсюда, из темноты коридора, он мог разглядеть звездочку, зажегшуюся ровно год назад на траурном бортике космодрома. Он беззвучно шевельнул губами, совсем как пустошанин.

— Что? — быстро спросил Рычин.

— Нет, ничего. — Он посмотрел на толпу серебряноликих существ, которые несколько минут тому назад казались ему чем-то возвышеннее и прекраснее людей. — Могу ли я немного побыть с этим штурманом?

— О да, разумеется, воля высоких гостей....

Нолан толкнул дверь плечом и вошел в комнату. Человек, лежавший на янтарной сетке, не поднял головы. Нолан поймал себя на мысли, что с той минуты, как он услышал крик, он не думал о нем как об аборигене. Это был человек, и точно так же, как земные люди, он думал, что страдает неслышимо для других...

В узкой комнатке присесть было некуда, и пока дверь, закрывшаяся за командиром «Молинеля», медленно теряла свою прозрачность, было видно, что он все еще стоит у изголовья пустошанина, неловко и беспомощно опустив руки. В коридоре стало темно, если не считать слабого молочного мерцания, исходящего от лиц и обнаженных рук пустошан.

— Пойдем пирог доедать, что ли, — досадливо проговорил Рычин, стряхивая с ноги жужелицу и направляясь к выходу.

Сзади было тихо. Голос, изболевшийся и отчаявшийся, умолк. Не было слышно и Нолана. Хотя — разве его когда-нибудь было слышно?..

А пиршественный стол, ощетинившийся многоцветьем хрустальных искр, уже благоухал и томился под тяжестью восьмой перемены блюд. Всполошенный было сонм пустошан рассыпался по своим местам. Сел и Рычин. Шлем он стащил с головы еще там, у двери, но теперь он не поло-

жил его на стол, а зажал между животом и негнущейся, словно створка раковины, скатертью.

— Ни черта не вижу, — донесся из шлема ворчливый голос Гедике. — Кисель какой-то жемчужный... Или они поставили экран? Да обеспечишь ты мне обзор, наконец?

— Обойдешься, — сказал Рычин. — И задавай меньше вопросов — поговорим обо всем на корабле.

«Хорошо еще, что я ничего не сказал ему о «Бинтуронге», — думал Рычин. — Малый сухогруз «Бинтуронг», четыре пилота и пассажирка. Курт не удержался бы, обязательно что-нибудь ляпнул по общему фону связи. А так он ни о чем не догадывается...»

Из шлема донесся сухой щелчок.

— Ты отключился? — спросил Курт.

— Нет, это отсоединился Нолан. Он там с этим...

Он тоже чуть было не сказал — «человеком».

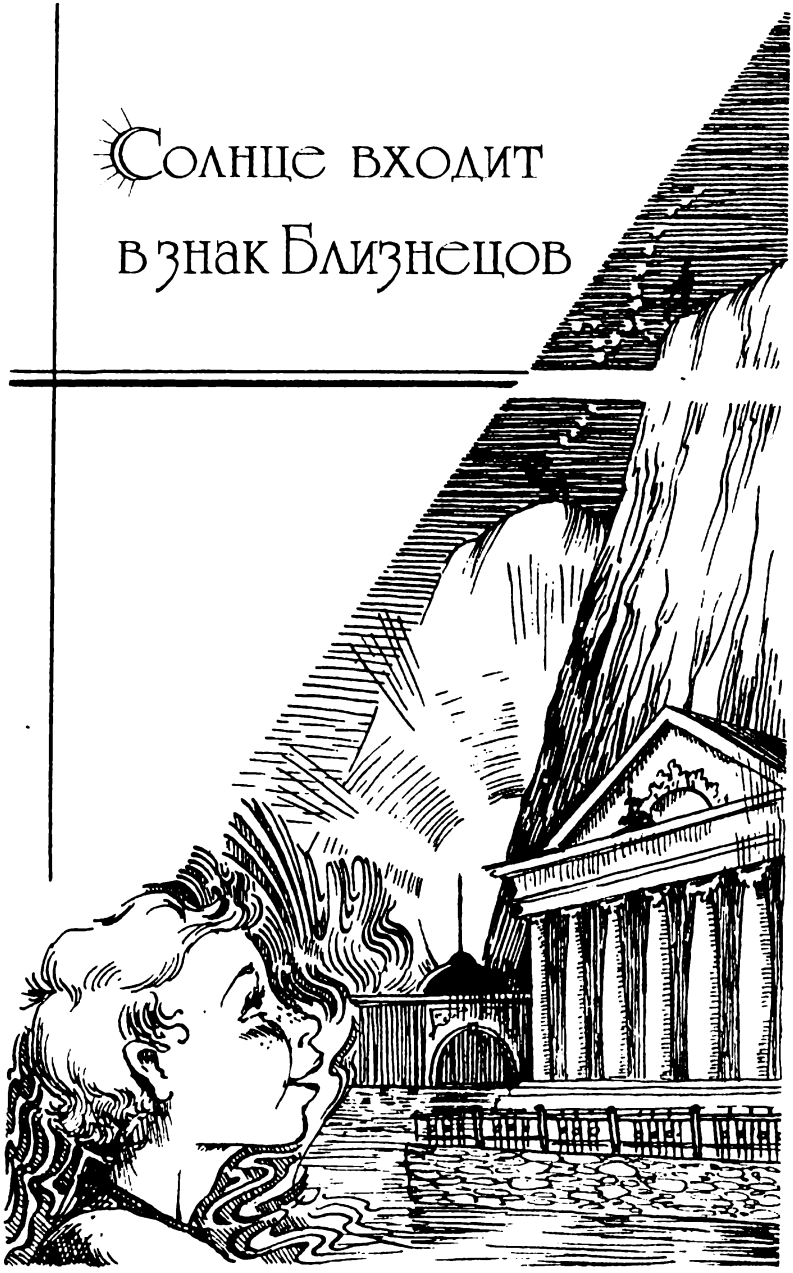
Наступило долгое молчание.

— Послушай, Михайла, — снова не выдержал Курт. — Я вот все думаю: ну, с пустошан спрашивать нечего — они, видно, от природы такие...

Рычин быстро глянул перед собой — жужелица флегматично чистила лапки, не переводила.

— Но мы с тобой, — продолжал второй пилот, — как мы-то с тобой могли такое — столько дней не слышать собственного командира?..

Солнце входит в знак Близнецов



Там звезды сияли,
И солнце слепило,
И облака отражались в воде...
Но где это было?
Не здесь это было....
А где?
Где эта точка пространства
И времени?..

Э. Межелайтис

Ивик любил свое место. Даже нет, не любил — он просто не представлял себя в классе за другой партой. Классы сменялись лабораториями, учебными кабинетами, а место оставалось прежним: крайняя колонка, ближайшая к двери парта. Отсюда, едва зазвучит последний звонок, в один прыжок можно очутиться в коридоре, и сюда легче всего проскользнуть, если учитель оказывается в классе на секунду раньше тебя.

Был ли Ивик лентяем, прогульщиком, двоечником? Отнюдь нет. По большинству предметов он колебался между «четверкой» и «пятеркой», правда, скорее благодаря своей прекрасной памяти, чем усидчивости, а главное — вопреки стойкому равнодушию ко всем точным наукам.

Большинство учителей по этим предметам — физик, химичка, чертежник — махнули на него рукой, довольствуясь четким повторением заданного, но математик, старый романтик с неоригинальным прозвищем Катет, не оставлял надежды заменить это равнодушие если не страстью, то хотя бы любопытством.

Вот и сейчас Катет, чуть прихрамывая, кружил по классу, изредка и ненавязчиво поглядывая в сторону Ивика.

— Каждый из нас может легко представить себе двумерное и трехмерное пространства, — рассказывал Катет. — Труднее представить пространства одномерное или четырехмерное, тут уже нужно немножечко фантазии. Но вы ведь у меня все фантазеры хотя бы немножечко, не так ли?

Улыбнулся весь класс — ну просто не мог не улыбнуться, когда Катет этого добивался. А с некоторых пор старый и опытный педагог прикладывал все усилия, чтобы всецело подчинить себе ребят. И подчинял — кроме одного. Того самого, ради которого старался. Этот и сейчас смотрел на него со странным выражением послушания и отрешенности,

когда просишь повторить — повторяет дословно, как магнитофон, ну прямо на «пятерку». Но ведь не этого добивался учитель...

— Гораздо труднее представить себе многомерное пространство. На первых порах достаточно просто поверить в его реальное, осязаемое существование. А когда вы в это поверите, то сможете принять и такую гипотезу: мы живем в первом, втором и третьем измерениях, но ведь в этом же объеме пространства одновременно могут существовать и совокупности, скажем, седьмого, восьмого и девятого измерений, которые представляют собой целый мир, который мы просто не можем воспринимать, мы считаем его вакуумом. И таких неощутимых миров — бесконечное множество, и мы даже не знаем, повторяют ли они наш, или чуточку отличаются, или ни в чем с нашим не схожи... Все это не более чем смелое предположение, ведь об этих сопространственных мирах мы не имеем никаких данных, ни точных, ни смутных. Но вот пофантазировать мы можем... Разумеется, уже на переменке.

Не прерывая рассказа, он дошел до середины прохода и, поворачиваясь, привычно глянул туда, где сидел всегда прилежный до уныния, равнодушный до отчаянья Ивик.

И не узнал мальчика.

Обычно слушавший с полуприкрытыми глазами, он вдруг преобразился так, словно зазвучала его любимая музыка. Класс тоже помалкивал — видно было, что усилие рассмотреть сопространственные миры прямо-таки витает в воздухе.

— А теперь у нас осталось несколько минут, чтобы повторить пройденное, — проговорил Катет, и глаза Ивика тотчас погасли и прикрылись пушистыми немальчишечьими ресницами.

«Ничего, ничего, — говорил себе старый учитель, — я тебя все-таки поймал, я тебя, несмышленыша, заарканил! Именно я, а не учительница рисования — единственная в школе, которой ты доверил свою жизненную программу. Видите ли, миллионы людей занимаются реальным миром, и только считанные единицы — вымышленным, несуществующим. Надо отдать тебе справедливость, было это несколько лет тому назад, и тогда ты эту... — как там вы ее звали? — а, Махровую Кисточку, прямо-таки подавил эрудицией: Грин, Врубель... И она отплатила тебе худшим, что может сделать учитель для ученика: провозгласила тебя

вундеркиндом и пошла у тебя на поводу. И вот ты укрепился в своем еретическом желании допускать до сердца только то, что выдумано, нереально, мнимо. Или прошло так давно, что стало тенью. На все остальное у тебя глаза не глядят, и ты можешь прожить всю жизнь, сознательно отворачиваясь от тех немыслимых и сказочных тайн, которые гнездятся в самом обыденном и простом и готовы открыться тебе одному. Но теперь я это поломаю. Я построю для тебя мостик между сказкой и явью. Ты здорово рисуешь, но рисовать реальное научу тебя я. Рисовать жизнь, а не мерцающие сферы — не без притягательной загадочности, впрочем. Все эти годы меня тянуло угадать, что напоминают твои рисунки — туманные шары, зыбкие контуры... Стой, стой, да ведь я тоже это видел — да это же фосфены, псевдообразы, возникавшие в глубине зажмуренных век!..»

Внезапно он встрепенулся. Глубокая, совершенно необычная тишина стояла в классе. Уподобились Ивику, мечтатели!

— Сайкин, к доске!

— А можно я спрошу? Вот если бы сконструировать такой телескоп, чтобы заглянуть в эти не наши измерения...

— Вопросы на переменке. Тетрадку домашнюю захвати!

— Ой, а если заглянуть туда... Ну, в эти... а там зверощеры, и все как в каменном веке?

Это уже Соня. Взорвала-таки класс. Гам, восторги...

— Ти-хо! Не тяните время, Сайкина не спасете.

— Ой, а у меня тоже вот такой вопросик...

А Ивик уже сомкнул ресницы. Созерцает мерцающие миры...

...Пепельно-зеленый шар потускнел, растянулся, туманными полосами перерезали его перистые облака. Чернота сгущалась в центре, она становилась плотным весомым комом, тяжелым, как одиночная скала. И это всегдашнее солнце, спрятанное за скалой, которое оконтуривает ее молочным сиянием. И самое необыкновенное — это не сама картина, а внезапность ее изменения. Вот скала чуть дрогнула, и вдруг ее словно раскололи надвое, и из этого раскола ударил вверх бледный луч. Конусообразные фигуры поплыли слева направо. Неживые. Живые, одушевленные фигуры он видел редко. Чаще ему мерещились пирамидальные замки, вьющиеся светлые ленты не то дорог, не то рек, невообразимо распахнутые крылья встряных мельниц, скорбные паруса траурных опавших знамен...

Все детство он пытался рисовать эти видения, смутно припоминая, что когда-то он уже видел подобные рисунки — альбом, который ему дали посмотреть в чужом доме. Наверное, он не умел тогда читать, потому что фамилия художника осталась ему неизвестной. Но картины жили в памяти, не похожие ни на что другое, не встреченные больше ни в одном музее. И еще одно поражало Ивика: вероятно, смутные видения в глубине закрытых век наблюдали многие люди — а может, и вообще все. Но почему-то только для них двоих — для Ивика и для того сказочного художника — они сложились в один целостный мир, почти земной и все-таки нереальный?

Он пытался разрешить эти вопросы с отцом, с Махровой Кисточкой. Его не поняли. Заученно объяснили: настоящий художник создает не фотографическую копию действительности, а тот образ, который стоит у него перед глазами.

Это он знал из школьной программы. Но загвоздка была в том, что все художники видели свой «образ», будь он неладен, открытыми глазами, и только тот один, больше не встреченный, рисовал нечто, стоящее у него ПЕРЕД ЗАКРЫТЫМИ ГЛАЗАМИ!

Ивик просто не знал этого слова, иначе коротко определил бы, что для них двоих кроме реального окружающего мира существует еще объемный и красочный мир фосфенов.

Объемный. Красочный. Осязаемый.

Сегодняшний урок старого Катета стал своеобразным патентом на право существования этого второго мира. Ну конечно же, он здесь, в том же объеме, где разместился класс, школа, набережная... Ивик даже съежился от этого ощущения. Высоты он никогда не боялся, вместо страха у него появлялось щемящее сладковатое томление по несбывшемуся полету. Это же самое он испытывал и сейчас. Хотя — почему несбывшемуся?..

Искрящийся смерч извивался в зеленоватой глубине, постепенно удаляясь, угасая и вытягиваясь в пепельный коридор. В него надо было успеть войти, прежде чем он совсем погаснет, и мальчик, прикрыв ладонью глаза, чтобы никто не видел его крепко сомкнутых век, невольно поднялся с места.

— Что тебе, Ивик? Я сказал — вопросы на переменке.

— Мне... нехорошо. Можно, я выйду?

— Конечно, конечно. Тебя проводить? Мальчики...

— Нет-нет, не надо!

Дверь-то рядом, вот она уже и за спиной, и шершавенькая поверхность коридорных стен, сумеречным тоннелем уходящих в темноту. Ивик продолжал бесшумно скользить к выходу, не замечая, что он давно уже приоткрыл глаза — между притягательной глубиной, манившей его в пепельную даль видения, и этими полуосвещенными сводами больше не было никакого различия. Он скорее нащупал, чем рассмотрел узенькую дверцу запасного выхода — и вот он уже на набережной.

Готовность Ивика к чуду была так велика, что обыденность полупустой набережной, которую он видел каких-нибудь сорок минут назад, направляясь в школу, поразила его больше, чем могло бы это сделать огненное лавовое поле или чернота космического пространства. Но ничего этого не было, а привычно маячил гриновский силуэт одинокой баркентины, примостившейся где-то за толстозадым морским буксиром и плавучим рестораном. Баркентина принадлежала морскому училищу, расположенному правее, ближе к Горному; перед этим училищем отчужденно подымался над гранитным постаментом прославленный мореплаватель, известный Ивику только своей длинной неудобопроизносимой фамилией да еще тем, что лихие курсанты-выпускники накануне праздничного прощального вечера обязательно натягивали на его бронзовые плечи форменную клетчатую тельняшку.

Пятнадцатый трамвай, подмигивая зеленым огнем, словно одноглазый кот, промчался к Горному институту, и только тут смутное беспокойство закралось в душу мальчика. Все было на своих местах. Все было в норме. Что же так настораживало?..

Он пошел влево, к узкому каньону Восьмой и Девятой линий, откуда, выбрасывая конусы сероватого света, вылетали одинаково мышиные в полутьме автомобили и, прочертив изящный интеграл, которого в школе еще не проходили, исчезали на мосту, превращаясь в безликое множество красных горизонтальных двоеточий. В мерцающей зеленовато-бурой мгле можно было только угадывать, что дальше, за мостом, за третьим его пролетом, должна выситься громада Исаакия, а на этой стороне...

И тут Ивик понял, что в этом обычном утре было НЕ ТАК.

Темнота.

Кончался первый урок, было никак не меньше полови-

ны десятого, а над городом висела непроницаемая пелена тумана. Ивик знал, что ни грозовая, ни снеговая туча не могли дать такой темноты, — значит, случилось нечто из ряда вон выходящее; и тем не менее никого это не пугало, машины оживленно сновали взад и вперед, деловым шагом двигались редкие прохожие в длинных дождевиках. Он невольно прислушался — говорили о погоде, покупках, работе, и только одно незнакомое слово (кажется, оно звучало как «коррекс» или что-то подобное) поразило его слух. Недоумевая, но стараясь не привлекать чужого внимания, Ивик двинулся дальше. Темнота уже не казалась ему такой непроглядной, более того, — все предметы вокруг как будто бы начали испускать легчайшее свечение, так что сейчас уже и не требовалось уличных фонарей.

Он прошел еще немного, миновав любимый свой «дом академиков» с черным ожерельем мемориальных досок, на которых невозможно было прочитать сейчас ни единой надписи, с дорической колоннадой, пленявшей его своей трогательной принадлежностью к далеким до нереальности временам, и направился к Академии художеств, напротив которой во всей своей сторожевой невозмутимости вздымались из мрака скальные громады сфинксов.

Между тем небо продолжало тихохонько светлеть, и он вдруг успокоился. Он что-то перепутал. Не было еще никаких уроков, сейчас еще только начало восьмого. Светает. Ему просто взбрело в голову прогуляться перед школой, а Катет и все его байки про бесконечное число измерений — это утренний сон. Так уже бывало. Нужно только забежать домой за портфелем...

Он уже дошел до середины фасада Академии, почти до самого входа, когда стремительно разрастающееся сияние, исходящее откуда-то из-за сфинксов, заставило его повернуть голову.

Это были не сфинксы.

Две зеленоватые, почти вертикально обрывающиеся книзу скалы расходились конусом, так что в первое мгновение ему даже показалось, что между этими скалами, раздвигая их монолитные края, втиснулась узкая хрустальная ваза, гигантская по сравнению с теми огромными вазами, которые Ивик видел в Эрмитаже. Она была наполнена фосфоресцирующим туманом, подымавшимся узкими струями, чтобы угаснуть у верхнего края этой вазы. Свечение становилось сильнее, цепочки легких огней, словно след трассирующей очереди при замедленной съемке, помчались

навстречу друг другу, но, приподнятые на волне вздымающегося тумана, вдруг изогнулись кверху и ушли в вышину. Светало все быстрее, все яростнее, и тут Ивик разглядел, что по двум сторонам обрыва, на самом краю, застыли две одинаковые человеческие фигурки и летучие огоньки исходят именно от их протянутых друг к другу рук.

За спиной зашуршало — кто-то приблизился стариковской шаркающей походкой и остановился сзади. Ивик, не зная уже, чего и ожидать, пугливо обернулся — это был обыкновенный старик в длинном дождевике, как и на всех прохожих, хотя тронутое слоистыми облаками небо отнюдь не обещало дождя.

Старик закивал ему, — может быть, от чрезмерной общительности, свойственной пожилым, но еще бодрым людям, а может быть, это у него просто тряслась голова. Ивик на всякий случай тоже кивнул. Старик воспринял это как приглашение к беседе:

— Когда-то я тоже любил приходить сюда к тому самому моменту, когда солнце входит в знак Близнецов... Правда, приходилось удирать с уроков, но с кем этого не бывает! Вот я и смотрел до последнего мига, сколько выдерживали глаза, и успевал закрыться прежде, чем... Мальчик, но где же твой коррекс?!

Ивик беспомощно пожал плечами, не понимая, о чем идет речь; что-то сверкнуло тусклой медью, и с удивлением, уступающим место ужасу, Ивик успел заметить краем глаза, как в прорези между скалами засветился краешек раскаленного диска, словно по ту сторону Невы и не было никаких домов и гранитного парапета и солнце вставало прямо из воды. Ничего больше он рассмотреть не успел, потому что шуршащая пленка взвилась над его головой и окутала его до самых ног непроницаемой чернотой. Еще он услышал торопливые шаги и потом — стук, отчаянный стук, но скрипа отпирающейся двери не последовало, а вместо этого полыхнуло таким нестерпимым жаром, что Ивик перестал что-либо слышать и присел от страха, жадно ловя ртом тот воздух, который умещался под коробящейся пленкой; но воздуха было совсем мало, он жег легкие изнутри.

Да нет, было совсем не жарко. Пожалуй, как обычно. И уличный шум — откуда только взялись машины, и одна, и другая, и третья, все разом завизжали тормозами, и Ивик услышал топот десятка ног — бежали прямо на него, и он вскочил и, путаясь в душных складках и пятясь назад, принялся сдирать с себя липковатый пластик.

Бежали, оказывается, не к нему, а мимо, задевая, но не обращая на него никакого внимания, и сгрудились, и подняли, и понесли в одну из машин, и так же стремительно разбежались — и вот уже и нет никого. Черный дождевик на панели у входа в Академию художеств — рваный. И совсем светло, хотя нет никакого солнца. Ровное сияние, которое исходит от всего — и от затянутого легкой дымкой неба, и от гранита набережной, и от поверхности невской воды, и от двух исполинских скал, на краях которых застыли одинаковые фигурки мальчишек-близнецов. Стойкое, неослабевающее свечение без теней — надолго ли оно? На день, на месяц, на год? И только ли оно снаружи, а может, и внутри домов все так же сказочно и неярко мерцает — и парты в классах, и доски, и мел? Но только... Да, вот именно — только...

Есть ли вообще в этом мире его школа — вот что «только»? Или на ее месте тоже торчит какая-нибудь вавилонская башня?

Его затрясло при одной мысли, что здесь, куда он так непрошено забрался и так беззастенчиво совал повсюду свой нос, и так безответственно (хотя и невольно) натворил что-то страшное, — здесь он может оказаться чужим и ненужным, и раз уж это не его мир, то здесь будет и НЕ ЕГО школа, и НЕ ЕГО дом!

Он вдруг почувствовал себя таким маленьким и беспомощным, что громко всхлипнул и помчался со всех ног обратно, вдоль прямоугольных кварталов, очерченных параллельными линиями несостоявшихся петровских каналов, к несчастному Крузенштерну, который вынужден ежегодно терпеть на себе клетчатую курсантскую тельняшку, вдоль налившихся голубым огнем трамвайных рельсов, проложенных, наверное, еще до революции, — и влетел в школу, даже не успев обрадоваться тому, что она, тихо теплясь нежарким свечением фасада, оказалась на своем законном месте.

По неосвещенному коридору он добрался до своего класса, прислонился лбом к прохладному косяку и, задыхаясь, прикрыл глаза.

За дверью суховато и насмешливо бубнил Катет. На крайних партах нетерпеливо ерзали — скрип был слышен аж в коридоре. Чувствовалось, что вот-вот должен был зазвучать звонок.

Ивик вдруг понял, что больше ждать он не в силах, что он должен немедленно увидеть и поверить — это ЕГО класс, а иначе у него просто сердце выпрыгнет, и тут зво-

нок действительно задребезжал, дверь распахнулась, и Ивик увидел старого учителя, который, чуть прихрамывая, направлялся от доски к дверям, ступая по четкому чертежу солнечных квадратов, расчертивших линолеум. Здесь, значит, было обычное, нормальное солнце...

— Ивик? — произнес учитель так, словно пребывание мальчика в коридоре несказанно удивило его.

Сайкин сразу же подхватил из-за учительской спины:

— А мы-то думали, что ты уже провалился туда... в нетутошние измерения!

Класс, плотно обступивший учителя и явно не желавший с ним расставаться, с готовностью заржал:

— С прибытием, Новый Гулливер!

— В каких измерениях изволили гулять — в тысяча первом, втором и третьем? Зеленых человечков не встречали-с?

— Ой, девочки, как он запыхался — не иначе, людоеды за ним гнались!

Ну, это остроумие на уровне Соньки.

— Ну-ну, девочки, умерьте кровожадность, — проворчал Катет. — Я уже говорил, что, если сопространственные миры и существуют, то, скорее всего, они отличаются друг от друга весьма незначительно, и уж конечно, развиваться они должны в сторону добра и прогресса, а не зла и каннибализма, это закон жизни, единый для всей Вселенной, как, например, обязательность течения времени из прошлого в будущее.

— А если эти миры совсем похожие, значит, в них можно побывать и даже этого не заметить? — настырничал Сайкин.

— Легко сказать — побывать! Я полагаю, что такой переход, ребята, должен поглощать непредставимое количество энергии. Но скажу вам по секрету: некоторые ученые — а они любят пофантазировать в перерывах между серьезными занятиями — высказывают предположение, что хотя бы однажды наша Земля такой переход уже претерпела.

— Ой! — взвизгнула Соня, словно пол ушел у нее из-под ног.

— Это не двенадцать ли тысяч лет назад, когда потонула Атлантида? — солидно вопросил кто-то из отличников.

— Много раньше. Сотни миллионов лет назад, если вас устраивает такая точность. Так вот, есть предположение, что одна из наших лун по какой-то причине сошла со своей

орбиты и была притянута Землей. Куда, спрашивается, делась вся энергия соударения?

— Кратер должен был получиться — жуть!

— Предположим, что это — Тихий океан. Но, по расчетам, энергии должно было бы выделиться несравнимо больше, так что вся жизнь на поверхности планеты была бы уничтожена, и развиваться ей пришлось бы заново. Но этого не наблюдается. Так вот, существует безумная идея: а не пошла ли эта энергия на то, чтобы переместить Землю в иной подпространственный мир, то есть в совокупность других измерений?

Ребята ошеломленно затихли — как тогда, на уроке.

«Ему они поверили, а мне не поверят, — вдруг четко обозначилось в голове Ивика. — Хорошо, что я им сразу ничего не выпалил! Еще и подняли бы на смех. А кто бы поверил? Наверное, это смог бы только один... Но его, вероятно, уже давно нет в живых. Остались только картины, которые лучше всего вспоминать с закрытыми глазами. Он, значит, тоже побывал ТАМ, и только с ним можно было бы попытаться еще разок перебраться в этот мир. А лезть туда в одиночку, тем же неумехой и незнайкой, из-за которого...»

Он невольно замотал головой при этом воспоминании, но старый педагог, незаметно приглядывавшийся к этим стремительным сменам сомнения, восторга и отчаяния на мальчишеском лице, понял его по-своему:

— Ну что, Ивик, математика не такая уж сухая и отвратительная наука, как тебе казалось? — В его голосе проскользнула горделивая нотка. — Я вижу, что и тебя наконец-то слегка заинтересовала проблема многомерности пространства. Или опять что-то другое?

«И этот не поверит, — думал Ивик. — Этот — в первую очередь. Еще в то, что было сотни миллионов лет назад, — может быть, но в то, что случилось здесь и сейчас, — нет. Никогда».

Но учитель ждал ответа, и от этого ответа надо было как-то потихонечку уйти.

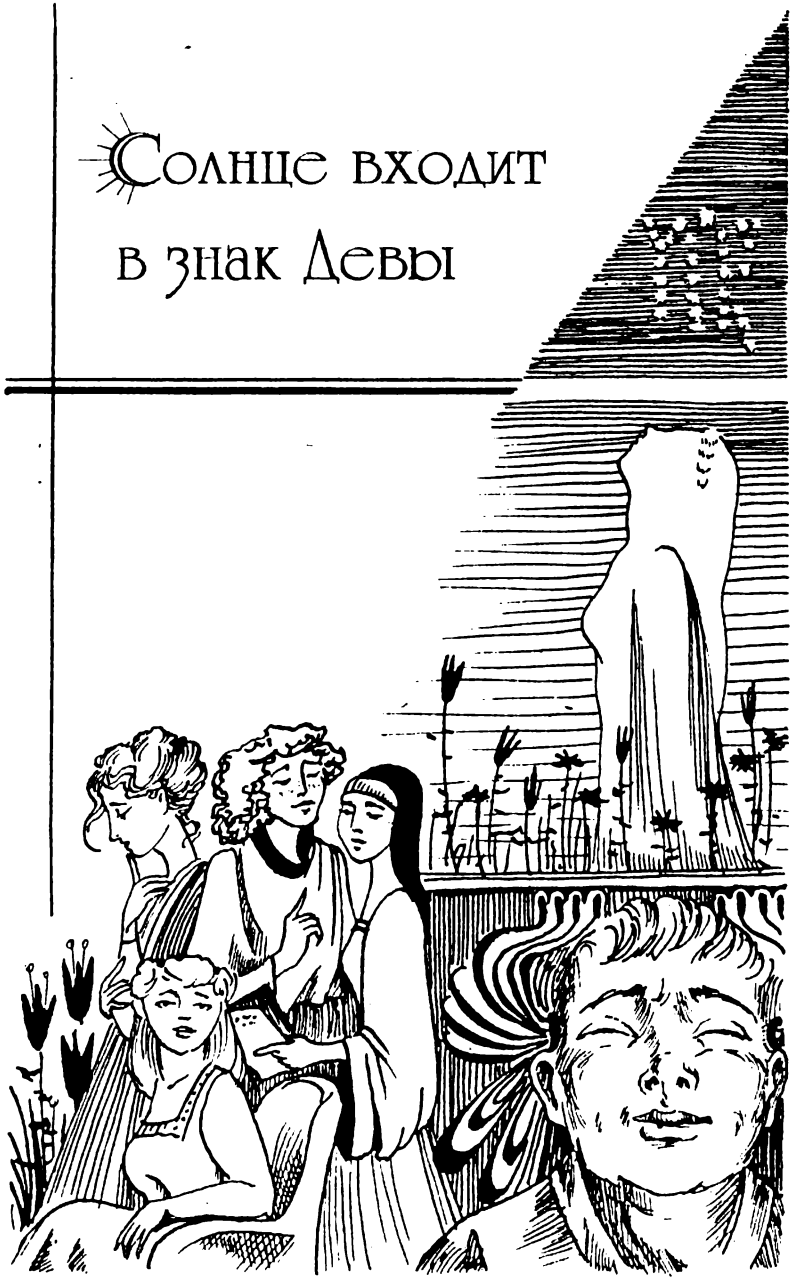
— Как же так, — Ивик поднял глаза, полные безмятежной наивности. — Тогда выходит, что миллионы лет назад у нас было целых три луны?

— Выходит, так. Разумеется, если гипотеза о падении одной из них верна. Потому что сейчас у Земли, как известно, только две луны.

И он пошел в учительскую, усталый и чрезвычайно довольный как сегодняшним уроком, так и разговором на пе-

ременке, и даже не подозревая о том, что этот залитый светом коридор совсем недавно был пепельным, туманным тоннелем, соединявшим его привычный мир с любым из всех сопространственных миров — сказочных и обыденных, ослепительных и чуть мерцающих, но главное — равновеликих его собственному миру по неизменности заключенной в них доброты.

Солнце входит в знак Девы



— Чертова планета, — причитала Вики, выходя из душевой. — И чтоб я еще хоть раз согласилась лететь на планету с таким солнцем, провалиться ей на этом самом месте...

— Не надо было рождаться рыжей, — наставительно заметил Рычин.

Вики даже не взглянула в его сторону. Она подошла к распахнутому во всю стену иллюминатору, вытащила круглое зеркальце и стала беззастенчиво себя рассматривать. Рычин со Стефаном флегматично за ней наблюдали.

— Не счесть, — коротко резюмировала Вики, пряча зеркальце.

Она посмотрела в иллюминатор — утреннее голубоватое солнце заливало поле, на котором стоял их корабль, и узенькую тропинку, ведущую к люку, и тоненькие вешки ограждения с трогательными плакатиками, на которых по-юнитски было написано «Просьба гостям не докучать». Никто и не докучал — поле было пусто. Вики гулко вздохнула и пошла в кают-компанию.

— Кормите, — сказала она, усаживаясь за стол и отодвигая локтем стопку юнитских книг. — Кормите меня с ложечки — я вконец расстроенная. Кто у нас сегодня мамочка?

— Я мамочка, — отозвался Стефан и побежал в камбуз.

Рычин взял стул, уселся напротив Вики и принялся демонстративно ее разглядывать.

— Изыди, — буркнула Вики.

— И не подумаю, — сказал Рычин. — Я еще не насмотрелся. Уж очень они тебе к лицу.

— Хочешь, чтобы я тебя окончательно возненавидела?

— Куда уж окончательней — гулять по Юне не пустил, засадил корабль сторожить, а сам сижу напротив и веснушки твои считаю.

— Истинно зверь, а не начальник.

— Ваша ма-а-ма пришла, — запел Стефан, появляясь с полным подносом. — Молочка принесла тутошнего, юнитского, по жирности что наше китовое. А вы опять цапаетесь?

Он сгрузил тарелки на стол, обошел Викин стул и присел перед девушкой на корточки:

— Вики, маленькая, так ведь с веснушками же лучше! Тебе их просто недоставало. Вон спроси Рычина — он старый ругатель, комплиментов делать не будет...

— Уже воздействовал, — отмахнулся Рычин.

Вики благодарно потрепала Стефана по волосам, отчего его льняные кудри сразу же стали похожи на паклю.

— Ну, давайте завтракать, утешители. — Несколько

минут все молча жевали, но сегодня Вики была не расположена так быстро успокаиваться. — Нет, какая подлость! И почему именно у меня, почему не у Степки?

Мужчинам эта тема надоела, оба сдержанно молчали.

Вики это уловила:

— Вы не подумайте, что во мне говорит атавистическое кокетство. Вовсе нет. Мне просто неловко перед юнитами. Обратили внимание, какие у них женщины? Да? А теперь посмотрите на меня. Вот-вот, прямо на нос. Облупленная картошка, да еще и в веснушках. Стыдобища! Это против ихних-то Афин да Афродит с Артемидами впридачу...

— Ну, это ты хватила, Вики! — не выдержал Стефан. — Я приглядывался к тутошним дамам — ты знаешь, далеко не богини...

— Между прочим, я тоже обратил на это внимание, — задумчиво проговорил Рычин. — Мужчины все как на подбор: огромные, смуглые, черногривые. И красавцы. Так, Вики?

— Да уж не чета вам.

— Ага, компетентный пол подтверждает. А тутошние женщины словно другая этническая группа. И чертовски разные, ни одна не похожа на другую. Когда они нас встречали, прямо в глазах рябило... м-да...

— Смакуешь воспоминания? — не без ехидства вернула Вики.

— Просто жду. Жду связи с Темиром. Пора бы.

Все невольно скосили глаза на дырчатую плошку внешнего фона.

— Прошло только две минуты, — беззаботно отмахнулся Стефан, — и потом, если Тёмка там, в юнитском городе, решает аналогичную задачу — я имею в виду антропологическое несходство полов, — то он очень даже просто может проморгать сеанс связи.

— Позавчера ведь минут двадцать ждали — и ничего. Так что вернемся к нашим неподражаемым аборигенкам... или аборигеншам?

Рычин зыркнул на нее своими цыганскими глазами — ага, и ты заволновалась. А ведь волноваться надо было уже вчера, после вечерней связи с Темиром Кузюмовым.

Теперь один Стефан, казалось, был спокойным:

— Красятся твои юнитки неподражаемо — вот что. Между прочим, у нас на Земле прелестный пол отягчал себя когда-нибудь голубой или сиреневой гривой?

— Лет триста—четыреста назад запросто, а в рыжее красились еще до прошлой эры. Правда, это уже в незапамятные времена считалось непозволительным баловством, по-

этому таких женщин называли причудницами или блудницами.

— Ох, — застонал Рычин, — и эрудитов же я набрал к себе в экипаж! Причудницы — это из салонов времен Сирано де Бержерака, а что касается блудниц, то тебе о них вообще знать не положено. По возрасту.

— Интересно, а где это ты набрался эрудиции в таких вопросах?

— Во дале... далеких во краях, — пропел Рычин. — Не слышу Темира. Даю еще десять минут, чтобы разыскать и подать мне Темира Кузюмова.

— Кому даешь-то?

— Действительно, мальчики, а неужели у космолетчиков нет собственного покровителя — ну не обязательно божества, а хотя бы чертика какого-нибудь завалящего?

— К сожалению, Вики, — рассудительно завел Стефан, — звездоплаванье и религия так же несовместимы, как...

— Все чушь, — оборвал его Рычин. — Мы, грешные, практически остались без пригляда. Живой пример — исчезновение нашего Темира.

— Что ты дергаешься — десяти минут не прошло.

— А я жду спокойно. И за те пять минут, которые я еще отпустил всем нам на это самое спокойствие, могу объяснить, что действительно несовместимыми мне кажутся только две вещи: это высочайший уровень тутошней цивилизации и примитивная косметика, в применении которой наш грубый Стеф заподозрил юниток. Они не красятся, дорогие мои, но я много бы отдал за то, чтобы разгадать загадку Юны.

— То есть стереотип ее прекрасных мужей?.. — уточнила Вики.

— Отнюдь. Загадку разнообразия и, если хотите, странного несовершенства юнитских женщин.

— И девушек, — ввернул Стефан.

— Нет, — сказал командир. — Их я в виду не имел...

Было очевидно, что он усиленно думал о чем-то своем. Хотя что значит: о чем-то? О Темире он думал, не о девушках же, в самом деле.

— А почему? — привязался Стефан. — Если говорить о женщинах, то с кого и начинать, как не с...

— Я не видел на Юне ни одной девушки. И девочки — тоже! — отрезал Рычин.

Пять минут были на исходе.

— Действительно?! — изумился Стефан. — И как я сразу этого не...

Мелодичный звон прервал его на полуслове — сработа-

ла система предупреждения, включавшаяся в том случае, когда к кораблю приближался кто-нибудь из юнитов. На неодушевленные предметы — летящие по ветру перекати-поле, осенние листья и частые здесь шаровые молнии — она не отзывалась. На животных, по-видимому, тоже, но пока земляне не видели на Юне ни одного зверя. Может быть, их здесь вовсе не было.

Вики включила экран внешнего обзора, и все увидели хрупкую женскую фигурку, которая, чуть прихрамывая, но все же удивительно легко скользила по тропинке, протоптанной в бурой юнитской траве.

— Ну вот, — не унимался Стефан, — через полторы минуты загадка юнитской косметики будет решена: беру я эту очаровательную ле Бом ле Блан де Лавальер поперек живота, переворачиваю вверх тормашками и окунаю в ванну... Кстати, командир, что мы скажем ей о Темире?

— Все, абсолютно все. У нас нет основания не доверять юнитам.

Вики пожала плечами.

— Я войду? — послышался из динамика шелестящий голосок.

— Да, да, прошу вас!

Тоненько взвыл мотор подъемника. Вики как-то механически пригладила волосы и затем с сомнением оглядела свои далеко не аристократические руки с обломанными ногтями.

Двери лифта раздвинулись, и мужчины разом вскочили — несколько более резво, чем того требовали элементарные правила вежливости. У них это получалось само собой каждый раз, когда их переводчица входила в комнату, — как они признались друг другу, у них синхронно возникало естественное желание подхватить ее на руки.

— Добрый день, гости! — старательно выговаривая слова, произнесла она.

Каждое утро она приходила к ним, и, пока Темир Кузюмов на практике осваивал все чудеса юнитской цивилизации, она проводила с оставшимся на корабле экипажем своеобразные телеэкскурсии, по просьбе землян выбирая то один, то другой уголок громадного полупустого города, двухсоткилометровым кольцом охватывавшего заросшую лужайку космодрома.

— Добрый день, Леа! — хором отозвались земляне, не переставшие удивляться той легкости, с которой эта молодая женщина всего в несколько дней овладела их языком, в то время как они сами и поздороваться-то толком по-

юнитски не научились. Это, правда, было не так просто, как могло показаться на первый взгляд, — сутки юнитов делились на тридцать шесть часов, и для каждого часа приветствие должно было звучать по-иному.

— Гости тревожны и беспокойны? — скорее даже не спросила, а констатировала Леа.

— М-м-м... собственно говоря... — протянул Рычин.

Стефан и Вики остолбенело воззрились на него: командир мямлил, как проштрафившийся салажонок. Командир заикался.

Да что же творилось с командиром?!

А командир сам не знал, как определить и тем более объяснить свое состояние. Едва только маленькая юнитская переводчица появилась в рубке, как у него пропали все опасения и тревоги. Ну не могло ничего случиться с Темиром, просто органически не могло. Забарахлил фон, помехи там непредвиденные атмосферные. Но несчастья нет. В мире, где могут существовать такие вот женщины, ничего случиться с человеком просто не могло.

Вот и тянул командир, с тоской и последней надеждой косясь на молчащий транслятор, — может, еще отзовется Темир и не придется беспокоить это бесконечно хрупкое существо, рассказывать которому о своих опасениях просто нелепо.

Но транслятор, чуть потрескивая, не отзывался.

— Так что же?.. — повторила Леа.

— Темир пропал, вот что, — проговорила с вызовом Вики. — Он и вчера уже что-то подозревал...

Глаза у Леа раскрылись так широко, что верхние ресницы, казалось, вскинулись выше бровей.

— Почему же вы не связались со мной еще вчера? — прошептала она так тихо и укоризненно, словно ее саму в чем-то глубоко обидели.

Рычина от этого голоса прошиб холодный пот. Если бы не Ана Элизастеги, смуглая неистовая Ана, оставшаяся на Земле, он давно сказал бы себе, что безнадежно влюбился в эту крошечную пепельно-призрачную юнитку. Но любовь исключалась, и поэтому единственным разумным объяснением необычного состояния командира было извечное и естественное благоговение человека перед истинно прекрасным.

— Простите, — сказал Рычин, изо всех сил стараясь понизить сколько возможно раскаты своего цыганского баритона, — но наш второй пилот, находящийся в городе, действительно не вышел на связь в назначенное время.

— Если б только это! — Вики вызывающе вскинула острый подбородок. — Вчера он успел передать... Стеф, вруби!

Стефан пожал плечами — может, и не стоит? — и включил где-то с середины запись вчерашнего диалога Кузюмова с командиром.

«...сморозил какую-то глупость, что ли. Показали мне мужскую школу, я говорю: а в женской в принципе все то же? Я чего-то недопонял, но выходит — нет у них женских школ. Вообще. Может, их в каких-нибудь монастырях обучают? Только по нашей Лавальер этого не скажешь. (Рычин смущено хмыкнул.) Тогда я попросил их главного... Минуточку, друзья...»

Минуточка растянулась на двенадцать с половиной часов — Кузюмов связи так и не возобновил. И потом — только сейчас Вики со Стефаном поняли, что было самым необычным в этой вечерней беседе: уже вчера всегда оживленный, темпераментный Темир мямлил и заикался точно так же, как Рычин сегодня.

— Действительно, — сказал Стефан, — а какой грех в том, что Тёмка попросился в женскую школу? Ну не принято, так объяснили бы, чтоб вел себя поприличнее. А тут нате вам: пропал!

Взоры присутствующих невольно обратились к переводчице, словно она была непосредственной виновницей исчезновения Кузюмова.

С переводчицей тоже что-то стряслось: вроде бы никто ничего крамольного не произнес, но она была в настоящем смятении. Лицо ее, слишком нежное и хрупкое для того, чтобы покраснеть, казалось, оттенялось изнутри всеми возможными бликами перламутра, словно на него падал отсвет огромной раковины. Ресницы трепетали, но не так, как у земных женщин, все разом, а каждая по отдельности; пепельные волосы тихонечко, как трава под ветром, колыхались.

— Сейчас... — лепетала она, — сейчас-сейчас...

Она торопливо рылась в своей серебряной сумочке, от непонятного смущения не находя какой-то нужной вещицы, и из-под ее пальцев время от времени выпархивали небольшие радужные пузыри наподобие мыльных, которые взмывали к потолку рубки и, не достигнув его, таяли, оставляя в воздухе аромат юнитских подснежников. Наконец она нашла свой микропередатчик, напоминающий маленького морского ежа, и торопливо заговорила на своем удивительно певучем языке, в котором утроенные и учетверенные гласные, да еще и в различной тональности, давались пока одному Темиру. Настоящее имя их переводчицы звучало как целая музыкальная фраза, так что Рычин с пер-

вых же минут контакта взмолился и оговорил всем право обращаться к юнитам только в рамках доступных сокращений. Таким образом их переводчица и приобрела земное имя Леа.

Из колючего комочка доносилось ответное басовитое пение на сплошных гласных, Леа обрывала его, явно протестуя и оправдываясь, общее волнение нарастало, как вдруг на середине фразы Леа вдруг бросила колючий комок обратно в сумку, взметнула вверх легкие ладошки (характерный призывный жест — едем!).

— Что с ним случилось? — упрямо мотнул головой Рычин, уже прикидывая, какая там у Кузюмова группа крови.

— Нет, нет, ничего. Вы тревожитесь? Едем!

— Ехать так ехать, — сказал командир. — Вики на вахте, Стеф за мной. Если к четырнадцати часам по корабельному времени мы не объявимся, найти нас по биоволновому индикатору и пробить по прямой оси защитный коридор. Все.

Вики не в первый раз и не на первой планете получала подобное указание, но пока, слава богу, пробивать защитный тоннель не приходилось ни разу. Страшная это была штука — прокладывать через живой город защитный тоннель.

Они втиснулись в кабинку скоростного лифта, и повернуться было негде. Рычину со Стефаном пришлось, чтобы не задевать Леа, поднять руки и упереться в стенки под самой крышей кабинки, так что конурка лифта приобрела вид античной часовенки с двумя застывшими Теламонами. Потом они выскочили на поле и побежали по нему напрямик, по тонкой вьюнковой траве. Легкая хромота не мешала молодой женщине двигаться плавно и бесшумно, и Стефан, чуть поотстав и скосив глаза на командира, не удержался и прошептал:

— Чур меня, чур! — Рычин сделал страшные глаза, но не помогло. — Сила нечистая... И трава под ней не сгибается, и тени рядом не стелется. Дух бесплотный, наваждение бесовское...

Они подбежали к маленькому кораблику-вездеходу, который Леа бросила на краю космодрома, и внутри было так же тесно, только тут уже нельзя было стоять, и кораблик рванулся в чистое, не замутненное никакими дымами небо над огромным городом, и пошел вдоль его южной окраины, уверенно и стремительно скользя в нижней, свободной зоне экстренных трасс. Но пространство, как уже наблюдали земляне, подлетая к посадочной площадке, перегружено не

было — город был выстроен как бы на вырост, в нем было просторно и безлюдно, большая редкость для такой сравнительно невысокой цивилизации, едва-едва освоившей собственную солнечную систему и уже пережившую какую-то глобальную катастрофу. Город поражал удивительной плавностью линий, какой-то изящной локальностью, словно он и строился только для того, чтобы любоваться им с высоты птичьего полета. Нелепо и немыслимо было даже представить, что в таком городе что-то могло случиться с Темиром.

Кораблик неожиданно взял вправо, пронесся над необозримым окраинным парком — а может быть, уже загородным лесом? — и приткнулся к ажурной башенке, напоминающей доисторическую мачту, к каким где-то в начале двадцатого века швартовались дирижабли.

— Прошу вас выходить, — извиняющимся тоном произнесла Леа, — здесь машинам спускаться нельзя.

Они вошли в какую-то подозрительно шаткую корзину, которая мягко пошла вниз своим ходом, — навстречу взмыл бетонный куб противовеса. Чернобородый гигант, подстраховывавший спуск, лениво перебирал руками шершавый канат. Когда кабина коснулась земли, он помог гостям выбраться, а потом протянул руку и вынул оттуда молодую женщину, как вынимают из клетки птицу.

— Ваш друг здесь, — проговорил он, застенчиво улыбаясь. — Вы тоже хотите видеть... это?

Рычин со Стефаном энергично закивали, хотя, честно говоря, не представляли себе, о чем идет речь. Зато Леа, которую гигант продолжал держать на руках, уткнулась ему в плечо и зашептала горячо и просительно. Чернобородый красавец (все они тут были чернобородые и отменные красавцы) выслушал ее внимательно, потом, не возразив ни слова, водрузил обратно в корзину подъемника и медленно, как поднимают флаг, вознес ее на вершину причальной мачты. Когда женщина перебралась в кораблик и, чуть шевельнув на прощание узенькой ладошкой, захлопнула за собой створку люка, он обернулся к землянам и, выразительно разведя руками, скорчил какую-то гримасу, которая начисто пропала под сенью бороды. Но было и так ясно: они остались без переводчицы, придется объясняться в рамках того словарного запаса, которым располагали аборигены, — на лингвистические способности землян тут было мало надежды.

Смущенный великан откашлялся, но все-таки решил начать с жестов и широким взмахом руки пригласил гостей к маленькой дверце. Рычин взялся за металлическую руч-

ку, распахнул дверь и чуть было не сделал шаг вперед, но вовремя остановился: перед ним была коробка сейфа. Нате вам!

Парк, шелест деревьев, буколическое журчание ручейка, и в сплошь затканной плющом стене современный стальной сейф. На поблескивающих полочках какие-то небольшие приборчики вроде ручных часов, коробки со стрелками, небольшие катушечки самодельных трансформаторов... и, между прочим, часы и рация Темира. Ошибки быть не могло — на пластмассовой коробочке среднедистанционного фона четко виднелись инициалы Кузюмова и реестровый номер корабля.

— Пожалуйста, гости, — проговорил хозяин сейфа, делая над собой усилие, чтобы не растягивать гласные. — Пожалуйста, все приборы!..

Рычин, не раздумывая, сложил на нижнюю полку все, включая маленький дамский десинтор, который так уютно умещался в нагрудном кармашке. Стефан сделал то же самое, потом подумал немного и для убедительности присовокупил еще и авторучку.

— Теперь, пожалуйста, сюда!

Еще одна дверца внезапно обнаружилась в зеленой стене, но за ней круто убегали вниз довольно потертые каменные ступени. Они начали спускаться, и вскоре в этом лабиринте лесенок, площадок, поворотов и галерей перестали ориентироваться, и теперь не могли уже судить о том, как глубоко под землей они находятся. Так же непонятно было и назначение небольшой овальной комнаты с гладкими песочными стенами, но зато необыкновенно уютными диванами. Здесь не на чем было остановиться глазу, кроме небольшого щелевого отверстия напротив двери, зато хотелось вытянуть ноги и возможно дольше не подыматься, а сидеть, вдыхая удивительно чистый прохладный воздух, и предаваться мечтам.

— Спрашивайте, пожалуйста! — предложил хозяин подземелья.

— А что, собственно, спрашивать, — улыбнулся Рычин, — когда мы не знаем, с чего начать?

Брови юнита горестно сложились уголочками.

— Тогда начинать надо с катастрофы...

И он начал с катастрофы.

Собственно говоря, сама причина бедствия так и осталась загадкой — юниту не хватило слов. Но было очевидно, что на всей планете не осталось ни одного живого человека. Ни одного.

Было ли это несчастным случаем или намеренным преступлением — в любом случае юниты были виноваты в том, что они сделали возможной эту катастрофу. Излучение — или болезнь — поразило не только их, но и большинство животных и птиц; уцелели глубоководные жители и, как и можно было предположить, насекомые. А людей на Юне больше не было — остались в живых только экипажи космических станций, которые собрались на самом крупном околоюнитском искусственном спутнике и долгое время ожидали, когда передвижные автоматические зонды обследуют поверхность Юны и сообщат, что опасность миновала и им можно возвращаться домой.

Они дождались и вернулись, но то, что они нашли у себя на родине, было выше человеческих сил. Почти половина из них сошла с ума, в том числе и единственная среди них женщина.

Тридцать два человека остались на Юне, тридцать два человека, обреченных стать последними жителями планеты.

Все тридцать два были мужчины.

И тогда они решились на единственный способ, оставляющий им мизерную надежду: проблема клонирования была уже в принципе решена на Юне, опыты ставились уже на высших животных, но никому в голову не приходило создать методом клонирования живого человека.

Но лаборатории стояли нетронутыми, инструкции пока еще не обратились в прах, и последние мужчины Юны рискнули.

Несчастная сумасшедшая, за которой не смогли уследить, покончила с жизнью, но она и дала возможность за счет ее клеток вырастить первых искусственных женщин. Хотя почему они походили друг на друга, как близняшки? Да они и были ими, но они были живыми юнитками, развивавшимися гораздо быстрее обычных благодаря стимуляторам и несколько затянутому периоду термостатного развития.

Так или иначе, но не прошло полутора десятков лет, и юниты взяли себе в жены девочек-подростков, хрупких и бледных, как сугубо несовершеннолетние мадонны средневековья.

Можно было представить себе, как все они были горды, — люди, победившие не только собственную смерть, а гибель всей своей цивилизации.

И они были просто по-людски счастливы, что избавились от надвигающегося одиночества, потому что молодые юнитки обещали стать матерями.

Первые младенцы все были мальчиками, что поначалу обрадовало отцов и матерей — планету приходилось поднимать из пыли и праха, и для этого требовалось все больше и больше сильных рук.

Но прошел год, другой, и юниты с ужасом поняли, что по не объяснимым причинам их рукотворные жены почему-то рожают одних мальчиков.

Пришлось вернуться в лаборатории, благо некоторый опыт уже был накоплен, и подрастающие юноши снова получили себе подруг, обязанных своим рождением не женщине, а приборам и установкам. И они родили мальчиков, для которых снова пришлось создавать юных жен... Это стало бедой и проклятьем Юны, бедой настолько непоправимой, что о ней было не принято говорить вслух. Ученые бились в своих лабораториях, стараясь перешагнуть заколдованный рубеж, и мало-помалу накопленные знания и опыт стали превращать проклятье в... Неверно было бы сказать — в счастье: но нет, наверное, такого зла во Вселенной, которое оставалось бы в сути своей непобедимым, не могло быть хотя бы отодвинуто, или смягчено, или даже использовано.

Высокая степень развития генной инженерии на Юне позволяла вырастить не просто женщину, а женщину совершенную, прекрасную, как все древние богини, вместе взятые. Мало того, от этого общего совершенства юниты перешли к совершенству субъективному, и если для одного юноши по его просьбе выращивали Геру, то для другого нужна была не меньше чем Психея. Тем более что сам процесс роста теперь укладывался в какие-то три-четыре года, за которые будущая юнитка, все еще находясь в лабораторной стадии развития, достигала уровня тринадцатилетней девочки. Затем следовал год в стационаре, гипнопедическое обучение и продолжение стимулированного роста — в конце этого года девушка достигала уровня развития на шестнадцать-семнадцать лет. И тогда они уже могли выйти в широкий мир — к тому, кто создал ее не по образу и подобию себя самого, а по образу и подобию своей мечты...

— И это происходит здесь, — закончил с нескрываемым облегчением юнит. — Наверное, не все вам понятно, но нам ведь ни разу не пришлось это кому-то рассказывать: на Юне и так все в курсе, да и обсуждать такие проблемы как-то не принято — ведь это, собственно говоря, самое сокровенное, что у нас есть. Самое дорогое. И если вдруг что-нибудь разладилось бы...

— Действительно! — простодушно изумился Сте-

фан. — А вдруг какой-то сбой, нарушение программы, и они... ну... перестали бы расти? Уж не лучше ли заранее выращивать побольше женщин, а потом выбирать себе по вкусу?

— А та, которая никому по вкусу не придется? — возразил юнит. — Всю жизнь одна? Или охотиться за чужими мужьями? Впрочем, лет пятьдесят тому назад на Юне был проведен всепланетный опрос по этому поводу. Так вот, мужчины еще кое-как согласились на свободный выбор, а женщины — нет. Поголовно. Никто из них не мог представить себе, как это жить нелюбимой...

— Да, — сказал, подымаясь, Рычин, — насколько я знаю женщин, любая из них предпочла бы вообще не появиться на свет. Но все-таки, где же наш Кузюмов?

— Видите ли... — замялся юнит, — когда ваш друг пришел сюда, вместе с ним входил один юноша... есть такие... нерешительные. Никак не мог создать образ. Это ведь нужно представить себе совершенно четко — о чем ты мечтаешь. Вот он и попросил нашего гостя Темира показать ему самую прекрасную женщину Земли... Не его любимую женщину — нет, нет, а вообще... не знаю, как сказать...

— Идеальный вариант, — подсказал Рычин.

— Это неважно, — сказал юнит. — Вы смотрите, пожалуйста...

В овальной комнате, за стеклом, стало вроде темнее — противоположная стена посинела, но одновременно стала как-то легче, прозрачнее, как будто открылось огромное окно прямо в ночь, но не здешнюю, с темно-зелеными рыхлыми облаками, а ночь земную, надстенную, наполненную стоячими волнами полнотравного дурмана, и шорохом ошалевших птиц, опутанных этим запахом, и тоненькой капелью звезд, тающих в предрассветном, едва еще занимающемся зареве. Тихо, неспешно таяла эта ночь, оставаясь не тронутой лишь в синеве колдовских, незакрывшихся цветов, порожденных ночью и обреченных исчезнуть вместе с рассветом, ибо непредставимы они были, несовместимы и невероятны в свете дня.

А там, за кружевом редких цветов, величаво и стройно высилась она — женщина Земли, окутанная покрывалом неприкасаемости, увенчанная невесомой короной негаснущих звезд, неподвластных рассвету: и все они были одного естества — и ночное небо, и зачарованные травы, и Она, бесшумно и неузнанно проходящая по спящему миру, чтобы никогда не встретиться наяву...

Они тихо отошли от своего узенького оконца, словно

боясь спугнуть это видение, и снова двинулись по бесчисленным переходам и лесенкам, теперь уже наверх. Молчал Рычин, потрясенный той глубиной проникновения в Прекрасное, которую он никак не мог угадать в своем друге.

Молчал и Стефан, напряженно посапывая, словно какая-то неотступная мысль прицепилась к нему и он не мог просто выразить ее в словах. Наконец они вышли наружу и остановились у заросшей плющом стены, вдыхая суховатый, совсем не такой свежий, как на Земле, воздух.

— Четверть второго, — сказал Рычин. — Свяжись с Вики.

— Сейчас, — ответил Стефан, нащупывая дверцу сейфа. — Сейчас свяжусь, только...

Было видно, что неотвязный вопрос не даст ему спокойно вернуться на Землю.

— Я понимаю, у вас об этом не принято, но я все-таки спрошу, а?

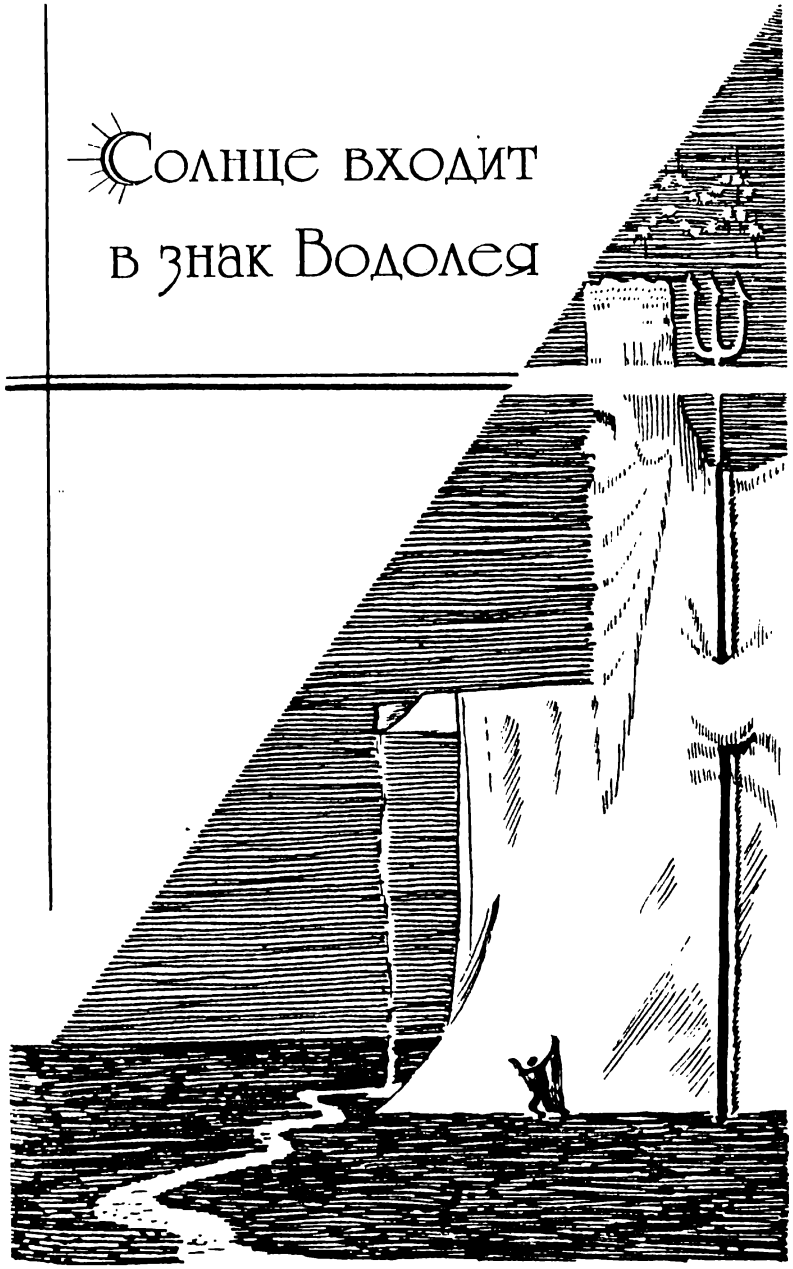
Рычин пожал плечами; чернобородый гигант не выразил ни согласия, ни удивления — он задумчиво вперился в суховатую юнитскую травку, словно пытаясь углядеть в ней колдовские ночные цветы, которых на самом деле никогда не росло на Земле.

— Вон Темир нарисовал деву, — сбиваясь и краснея, торопливо заговорил Стефан. — Это ж обалдеть можно, какая красота! И вы ведь можете такую создать, ну во плоти, в жизни, не на стенке... Ведь можете? Так почему же для себя вы... Нет, нет, я ничего плохого не хочу сказать, ваши девушки тоже... Любая наша позавидует, вон Вики, к примеру! Но все-таки — почему вы не делаете своих жен безупречными? Зачем каждой вы оставляете какое-то несовершенство?

Юнит медленно поднял руки, словно на них лежало что-то легкое и бесценное, так же, как и тогда, когда он переносил из подъемника свою маленькую жену.

— Да затем, — проговорил он совсем тихо, — чтобы было за что их любить.

Солнце входит в знак Водолея



— Ты с ума сошел, — сказал Фасс.

Сутулая спина, нависшая над пультом управления, не шевельнулась.

— Там же первобытные орды, в лучшем случае — раннее рабовладение!

— Вспомни легенду о Марле, — отозвался наконец Сибл.

— Легенда о Марле! — Фасс хлопнул себя по брючным карманам с такой яростью, что одна из сигнальных лампочек на течеискателе, перед которым он сидел на корточках, судорожно замигала. — Легенда о Марле!.. Да хочешь, я скажу тебе, сентиментальному старому дураку, как в действительности кончил Марль? Его попросту съели. Потому-то наши и не смогли обнаружить эту легендарную могилу Марля, хотя перерыли сверху донизу всю ту обетованную планетку, которую ему заблагорассудилось выбрать в качестве приюта своей романтической старости!

— А ты-то что бесишься? — спросил Сибл.

— Да то, то и еще раз то, что тебе девяносто три, и в любом оружии рано или поздно кончаются заряды — это не в переносном смысле, а в прямом. И на что ты способен, если тебе не останется ничего, кроме рукопашной?

— А оружия я с собой не возьму. Вообще.

— Ну знаешь...

— Дай мне только одноместную ракетку, которую ты загробил на Сирре. Тормозные двигатели у нее в порядке, стабилизаторы горизонтального планирования — тоже, а большего мне и не надобно.

— Как же, дал я тебе этот гроб!

Сибл ссутулился еще больше.

— Неужели за семьдесят два года полетов я не заработал даже этой вагонетки, годной только на переплавку?

— Да не устраивай мне этой мелодрамы с космическими жертвоприношениями! — крикнул Фасс. — Уж если тебе так приспичило кончать свой век на этой захолустной тарелке, леший с тобой — я спущу тебя вниз на экспедиционном катере, мы построим тебе вполне комфортабельную берлогу «Отель питекантропус», настреляем и накоптим дичи, а потом...

— Не суетись, — сказал Сибл примирительно, — полечу я все равно один, а что касается берлоги — не в ней дело, или построю собственными силами, или примощусь где-нибудь под...

Он оттолкнулся руками от пульта и нервно зашагал по рубке, досадуя на то, что чуть было не проговорился.

— И вот что, Фасс, пожалуйста, не следи за моей посадкой. Мне будет проще, если с самого начала я буду надеяться только на себя.

— Очень мне нужно за тобой следить! — буркнул Фасс.

Он помнил об импульсном передатчике, которым были оснащены решительно все виды вспомогательного космического транспорта. Так что местонахождение ракетки Сибла все равно можно будет фиксировать автоматически.

Сибл же об этом не думал, так как давно уже прикинул, что при всем желании Фасс сможет засечь только точку приземления его кораблика; но дальше он воспользуется левитром-вездеходом, а с его помощью даже за сутки можно забраться так далеко в глубь горного массива или непроходимых тропических зарослей, что для его розысков потребовалось бы снаряжать целую спасательную экспедицию. Так уж пусть Фасс с самого начала смирится с тем, что Сибл навсегда исчезнет в дебрях этой первобытной планеты, которая пепельной неживой темнотой давила на иллюминатор нижнего обзора.

— В конце концов, — произнес он вслух, — каждый из нас волен выбрать себе планету, на которой ему хочется окончить свою жизнь. Так вот, я выбираю ту, на которой меня оставят одного. Это мое право, и ты знаешь, что оно свято.

— Ты погоди, Сибл, — Фасс перешел на просительный тон. — Покрутимся возле нее еще один день — при внимательном рассмотрении некоторые вещи перестают казаться привлекательными...

— И минутная блажь пройдет, так? И я выберу то, что выбирали все и всегда — почти все и почти всегда... Возвращение домой! Но ведь я возвращался бессчетное число раз, и что было моим домом? Маленький кабачок возле Четвертого континентального космопорта. В этом маленьком кабачке каким-то чудом помещалась уйма народу, — во всяком случае, я там наблюдал не меньше двух десятков этаких бравых отставников с пожизненным космическим загаром и неистребимой тягой к воспоминаниям. Я прилетал через полгода — воспоминания не иссякали. Я отсутствовал год — и возвращался к самой кульминации очередной серии... Я боюсь этого, Фасс. Я боюсь, я не хочу себя — вот такого, окруженного почетом и сопливыми курсантами, с кружкой безалкогольной шипучки и фонтаном воспоминаний о наших с тобой приключениях... Ты понимаешь, я хочу, чтобы в том моем настоящем, которое еще мне осталось, было еще хоть что-нибудь, кроме прошлого.

— А ты уверен, что тебе гарантировано настоящее, после того как ты врежешься на этой развалюхе в самые натуральные первобытные джунгли?

Сибл промолчал. Они и так говорили слишком долго, хотя обоим было ясно, что все обдумано давным-давно, слишком давно, чтобы сейчас вот отступать.

— Ну ладно, — сказал Фасс, — кончили на этом. Я ведь знал, что ты нанимаешься в свой последний рейс, и должен был приготовиться к любым сюрпризам. Но сейчас я прошу тебя об одном: если по мере приближения к поверхности ты почувствуешь, что твои фантазии начинают блекнуть, — немедленно возвращайся.

— Фасс, это не фантазии.

— Ну да, это мечта твоей жизни. И именно с этой дурацкой мечтой ты выбивал себе разрешение на последний рейс. — Фасс всеми силами старался сдерживаться, но с каждой минутой у него это получалось все хуже и хуже. — Скромная мечта о тихом уголке, где ты будешь царем и богом. Спокойно, спокойно, не бросайся на меня — диспута не будет. Я только четко сформулирую, о чем ты мечтаешь. Иногда это очень полезно — услышать со стороны высказанные за тебя мысли. Итак, принимаю возражение — ты не собираешься быть ни царем, ни богом. Тебе нужен всего-навсего определенный контингент слушателей — небольшое племя, желательно патриархального уклада и минимально кровожадное, которое ты одарял бы малыми благами нашей цивилизации в объеме курсов арифметики, физики и домоводства начальной школы... Что, не так?

— Так, — согласился Сибл.

— Ты, старина, в перерывах между полетами не удосужился обзавестись теми, кто мог бы тебя любить, — семьей или приемышем, на худой конец. Я тебя не осуждаю — многим из нас это кажется чересчур хлопотным делом. И долгим. А сейчас ты решил добиться всего этого очень быстрым и результативным путем: ты покажешь этим аборигенам, как гнуть колесо, как лепить глиняный горшок, как сбивать сливочное масло. И они полюбят тебя — за твои колеса, за твои горшки, за твое сливочное масло.

— Знаешь, что забавно? — прервал его Сибл. — Твоя весьма живописная речь — не экспромт. Ты сам об этом долго думал — о туземцах, горшках и масле. Ты ведь ненамного моложе меня, Фасс.

— Я запретил себе об этом думать. Согласен: за всю свою неприкаянную жизнь мы заслужили сомнительное

счастье спокойной старости. Но ты идешь за своим счастьем как незваный гость!

— Я думаю, что этот термин родился на более позднем этапе развития цивилизации. Тем же, кто прост духом, как правило, свойственно безграничное гостеприимство.

— Но до этих людей нужно еще дойти, чтобы воспользоваться их гостеприимством. Ты идешь незваным, Сибл, и чужими будут для тебя вода и земля, воздух и огонь...

— Я знаю это. Но все-таки это лучше, чем стать чужим себе самому...

Сибл вжался в сиденье, оттягивая на себя рычаги горизонтального маневрирования. Дело было хуже, чем предполагал Фасс. Гробанул он ракетку капитально, и теперь Сибл даже не мечтал о том, чтобы посадить кораблик по всем инструкциям — маневренность его была практически равна нулю.

Конечно, в его жизни бывали ситуации и посложнее — ведь сейчас дело облегчалось тем, что не надо было заботиться о последующем взлете. Но и садиться где попало Сибл не собирался: этот уголок незнакомой планеты он выбрал сразу же, как только увидал его на корабельном экране вчерашним ранним утром. Ему повезло: в это время Фасс возился в камбузе, и диковинное видение проплыло в предрассветном зеленовато-пепельном мареве, слишком неправдоподобное, чтобы о нем рассказывать.

И Сибл промолчал.

Что это было? Причудливое естественное образование, скальный массив, обточенный ветрами? Но четкий трезубец с золотыми наконечниками, бородатый профиль сидящего старца в могучей тиаре... Или скала, хранящая следы человеческих рук, — горный храм, выполненный в виде фигуры мудреца... Вчера не было времени разбираться.

И тем более нет его сейчас. Кораблик кувыркается, а внизу — горная гряда, она должна вот-вот кончиться именно этой исполинской скульптурой, а дальше — зеленые равнины и прозрачный ручей, струящийся от подножия каменного старца к незамутненному спящему озеру... Ракетка срывается в штопор, зеленовато-белая громада закрывает весь иллюминатор — и тут же пропадает, и еще несколько раз мерцающее небо сменяется диоритовой темнотой земли, и вот теперь самое время включить воздушную подушку — оп! Чуть поздновато...

Удар отбросил Сибла от пульта, но, видимо, ему уда-

лось-таки в последний момент врубить алый клинышек системы аварийного крепления, и сквозь лиловую муть нарастающей боли он услышал, как гибкие щупальца, лязгая и срываясь с камней, пытаются остановить скольжение ракеты. Кораблик, задрав кверху кормовые дюзы, замер в нелепой, но достаточно устойчивой позе.

Сибл, неуверенно пошевелив руками и ногами, с удивлением убедился, что все в порядке. Просто поразительно, как ему сегодня удается со всем справляться. Сначала он справился с Фассом, теперь вот с этой проклятой развалиной. Сибл расстегнул пряжки ремней, выполз из кресла-амортизатора. Справился. Справился!!! Он потянулся, изгоняя из тела боль финишного удара, и только тогда, запрокинув голову, увидел, как единственный уцелевший индикатор радиации стремительно наливается отравным лимонно-желтым огнем.

От удара самопроизвольно включился на разогрев ядерный десинтор. Сибл рванулся к пульту, — ах ты, совсем забыл, что здесь десинтор на автономном управлении, а это значит, что, для того чтобы выключить его, надо проползти во второй кормовой отсек, а люк сейчас оказался прямо над головой, и его, конечно, заклинило... Сибл всей тяжестью тела повис на скобе люка, тот не поддавался. Он бросился к шлюзовой камере — найти там хоть какой-нибудь инструмент, ломик, топор... Когда был на пороге, обернулся — с гнусным чавкающим звуком крышка только что не поддававшегося люка отпала, и из щели хлынула бурая маслянистая жидкость — топливо из резервных баков.

Сибл выскочил в шлюзовую и защелкнул за собой замок. Попытаться спасти эту скорлупу? Риск велик, а зачем? Он вывел из ниши маленький одноместный левитр, прыгнул на сиденье и негнущимися пальцами набрал код выхода из корабля. Левитр двинулся вперед и тупым рылом вжался в контактную клавишу герметизации. Если и этот люк заклинило...

Нет. Створки с готовностью разомкнулись. И с этим он справился. Легонькая капсула левитра уверенно взмыла вверх. Ориентироваться было легко — впереди, в тающем тумане, высилась размытая сумерками громада. Сейчас она казалась изваянной из цельного куска льда, но Сибл прекрасно понимал, что это мог быть только камень, а значит — надежное укрытие, и он погнал машину вперед, лишь бы уйти подальше от своей ракеты, и уступы каменной террасы, на которую он плюхнулся, сменились травянистой — а может быть, просто малахитовой — равниной, и можно

было врубить двигатели на воздушной подушке и дать максимальную скорость. Прямо перед ним, на темной ладошке долины, уместились овальное озеро и ручей, и через это нетрудно будет перемахнуть, а дальше — сидящий исполин с протянутой рукой, из которой, как прозрачный посох, обрывался вниз тугой жгут падающей воды. Добраться хотя бы туда, не говоря уже о том, что дальше начинаются невысокие горы, поросшие пушистой зеленью, и долины между этими горными грядами, несомненно, заселены людьми... Сибл скрипнул зубами. Еще несколько минут — и ему самому уже ничто не будет грозить, машина выйдет из зоны возможного взрыва. Конечно, если повезет, десинтор может и медленно разрядиться, только слегка загадив каменистое плато — безлюдное, к счастью. Сегодня ведь Сиблу везло, так везло, что можно было надеяться: повезет и еще раз. Ведь так чертовски не хотелось связывать свое появление с такой грандиозной катастрофой, как ядерный взрыв! Даже если исключить возможность облучения — ведь не планетарный двигатель, а всего-навсего десинтор среднего боя, — то первобытные племена, населяющие окрестности озера с исполинской фигурой над ним, непременно узрят в происшедшем руку карающих богов, и потом поди докажи им, что ты хочешь добра и мира. Хорошо еще, в непосредственной близости от места посадки злополучной ракеты не просматривалось ни одного селения.

Сибл успел еще заметить, что неподвижная кромка озера уже совсем близко, в каких-нибудь двух-трех минутах полета, и правее — змеящийся светлый ручей, а за ним — как будто нацеленный в рассветное небо трезубец, уже освещенный первыми лучами невидимого отсюда солнца... И в следующий миг ослепительная беззвучная вспышка прижала его машину к земле, и еще немного левитр полз на брюхе, пытаясь зарыться носом в неподдающийся грунт.

Потом навалилось все остальное — грохот, нестерпимый жар и беснующиеся потоки воздуха. Все произошло так быстро, что Сибл даже не почувствовал, как его вышвырнуло из машины и покатило по земле.

Очнулся он от жары. Солнце стояло прямо над головой, в глазах было зелено от зноя и жажды.

Пить.

Он слегка повернул голову, стараясь отыскать свою машину, но лицо свело от боли, — по-видимому, вся кожа, не прикрытая комбинезоном и шлемом, была сожжена. Но боль можно было перенести, жажду — нет.

Стиснув зубы, он перекатился со спины на живот. От-

дышался. Приподнялся, опираясь локтями в землю, — озеро было уже слева, а ручей — прямо перед ним. И за всем этим, не оставляя места ни небу, ни скалам, высился сверкающий под солнцем исполин, выточенный из полупрозрачного кварца. Он один хранил прохладу в своей пронизанной солнцем глубине, и оттуда рождалась вода, маленьким нескончаемым водопадом срывающаяся с его протянутой прямо к Сиблу руки.

Глаза заслезились от каменного блеска. Он полежал еще немного, уткнувшись в спеченную зноем землю. Надо было собраться с силами, но как это сделать, если резь в глазах все острее, мозг заплывает густым пульсирующим гулом... Еще раз потерять сознание под прямыми лучами солнца — это конец. Надо заставить свое тело двинуться вперед.

О том, чтобы подняться, не могло быть и речи. Ползти.

Он мысленно представил себе, как выносит вперед руку — вон до той трещины, дальше не надо; нога сгибается, и тело само собой перемещается вперед, пусть ненамного, но все-таки вперед. Ты должен с этим справиться, сказал он себе. И ты справишься, потому что так уже было однажды. Теперь, правда, и не вспомнить, в какой это было экспедиции. Давно. Ты так же полз, только вдобавок ко всему в скафандре, и кислород кончался, и нужно было тащить на себе что-то чертовски тяжелое и неудобное, и все-таки ты тогда справился. Ну, давай!

Он протянул руку и вцепился в край трещины. Теперь ногу. Ногу! Кажется, он кричал вслух. Кричал на собственное тело. Кричал, словно поднимал в атаку отряд десантников.

Тело не повиновалось.

Он все-таки заставил себя сесть — рывком; наклонился, чтобы тут же не опрокинуться навзничь. Медленно ощупал ноги — все было в порядке, даже комбинезон не порван, но он не чувствовал прикосновения собственных пальцев. Ноги были мертвы, как протезы. Это его почему-то не испугало. Наверное, и такое было, — впрочем, чего только не было за десятки лет нескончаемых полетов! Было все что угодно, и в лежащем вне времени ворохе самых невероятных событий он уже не мог отличить, что же было с ним самим, а что — с его товарищами, потому что последнее переживалось подчас острее и болезненнее, чем собственное. Все было, и со всем удавалось справляться.

Он полз. Ноги волочились по земле, словно это был ненужный и несоразмерно тяжелый хвост; боли они не при-

чиняли, одно неудобство. Боль была ближе, она захватила руки, шею, лицо, она раздирала кожу и вырывалась наружу бурыми брызгами мгновенно запекающейся крови. Время от времени Сибл приподымал голову и пытался определить, сколько он прополз. И каждый раз оказывалось, что остается больше половины. А сил уже не было, боль в сговоре с солнцем становилась все яростнее и нестерпимее, хотя в каждый миг Сибл был уверен, что ничего страшнее нет и быть не может. И все же каждое последующее мгновение было ужаснее предыдущего.

Он положил голову на черные, кровоточащие руки, давая себе минутную передышку. Щека его коснулась земли, и ему показалось, что боль исходит именно от этого жесткого, покрытого белым слюдяным налетом, грунта. «Ты идешь туда незваным, и чужими будут для тебя огонь и земля...» Эта чужая земля прожигала его ладони до костей, словно была полита серной кислотой. А спасение было уже близко, в каких-нибудь пятидесяти шагах, — рожденная в камне вода, золоченая тропическим солнцем, ледяная в придонной своей глубине...

Сибл сделал еще один рывок вперед. Сердце ответило бешеным толчком, швырнувшим в мозг волну перегретой черной крови. На секунду Сибл ослеп. Потом отошло. Нет, это еще не конец. Не может это быть концом. Десятки лет сверхдальних полетов, десятки новых и чаще всего — нечеловечески жутких миров, и после всего этого сдохнуть, не дотянув нескольких шагов до какой-то лужи? Ну нет!

Ноги тянут его обратно, как будто он ползет вверх по крутому склону. Он выбрасывает вперед руки, судорожно цепляясь за малейшую неровность почвы, он медленно подтягивает тело, но бесформенная масса гигантского чешуйчатого хвоста тянет его вниз, в пропасть; Сибл пытается удержаться на ее краю, но хвост перевешивает, и он все быстрее и быстрее скользит назад и вниз...

Сибл ударяется головой о землю. Вспышка зеленых искр разгоняет пелену бреда, и снова впереди только вода, подернутая маревом испарений. Только бы не сойти с ума! Только бы не сойти с ума! Еще двадцать шагов, на которые надо любой ценой сохранить разум. Лучше всего подчинить свой мозг какой-нибудь мысли, но не желанию, а тревоге. Хотя бы о безопасности. Вот так: впереди — вода. И к этому привычному ручью неведомые тебе звери бесшумно направятся на вечерний водопой. Опереди их, ведь оружия нет, оно осталось во внутренних гнездах разбитого левитра. Ты беззащитен перед зубами и когтями...

Снова рывок вперед, и снова нечеловеческая боль, и смешно бояться клыков и когтей, которые перед этой мукой кажутся детской забавой.

Впереди не больше десяти шагов. Почему так много? Ведь он ползет уже целый день! Может быть, вода отступает перед ним? Каменная рука, простертая уже почти над его головой, едва заметно поворачивается, и струя, падающая с вышины, уходит, уходит в золотое марево, она уже вообще не течет вниз, она струится по небу, и контуры ее волны очерчиваются внезапно зажигающимися звездами, а впереди — один раскаленный камень...

Если бы он мог, он закричал бы от ужаса. Но в этот миг упругая волна раскаленного воздуха ударила ему в лицо. Беззвучный шквал, остановивший дыхание. Сибл прижался к земле, чтобы его не отшвырнуло обратно. Ничего страшного. Было бы даже удивительно, если бы чудовищный взрыв не породил ответных явлений в атмосфере. Вот только глаза уже почти ничего не видят — тонкая жгучая пыль хлещет по векам и, кажется, пробивает их насквозь. Сухая кристаллическая пыль. А чего ты ждал? «Ты идешь туда незваным, и чужими будут для тебя земля и воздух...» Воздуха нет. Одна горькая, тошнотворная пыль.

Ураган прекратился так же внезапно, как и возник. Сибл чуть поднял лицо от земли — вода была уже совсем близко, в каких-нибудь пяти шагах. Только пять шагов! Но не повиновались уже и руки. Руки. Пять шагов, и он окунет их в воду, он будет переливать ее из ладони в ладонь, он плеснет ею себе в лицо, он будет фыркать и разбрызгивать ее по камням, обесцвеченным зноем...

Он уже не полз — не было силы, которая могла бы сдвинуть с места его громадное, налитое страданием тело. Он не полз, а, цепляясь обнаженным мясом ладоней за режущие края трещин, подтаскивал к себе береговую кромку; не в силах сдвинуть себя самого, он поворачивал под собой все огромное тело планеты, с каждым усилием приближая к своим губам зеленоватое лоно ручья, выстланное невидимыми отсюда лениво шевелящимися водорослями...

Вода возникла чуть ниже его лица, у подножия низкого плоского камня. Сто самых долгих в его жизни шагов. И с этим он справился.

Он свесился с камня и зачерпнул две полные тяжелые горсти. Вероятно, солнце нагрело воду почти до кипения, потому что он ощутил ожог более страшный, чем от прикосновения разъедающей земли или раскаленной пыли. Но это была вода, какая бы то ни было — вода, вода, вода, и,

цепенея при мысли, что руки, сведенные судорогой, могут разомкнуться и пролить хотя бы каплю, он одним глотком выпил все, что только смог зачерпнуть.

И в тот же миг он почувствовал, как все его внутренности выворачиваются наружу, чтобы выбросить то, к чему он так долго и мучительно стремился. И то, что никак не могло быть водой.

И беспамятство. Не спасительное. Милосердное.

Он пришел в себя, в последний раз удивляясь тому, что еще жив. Он знал, что осталось совсем немного. До сих пор перед ним была вода, а значит — непоколебимая уверенность в том, что он справится. Справится не с чем-то конкретным, а вообще.

Теперь не было ничего, только бессильное, какое-то детское недоумение, обращенное к бородатому исполину, изваянному, наверное, из гигантского кристалла каменной соли. В памяти Сибла проходили ледяные сосульчатые капилляры, принесенные разведчиком с поверхности планеты. Озерная, речная, родниковая вода — бесчисленные серебряные капли, звонко цокающие о прозрачные чашечки анализаторов. Вода дождевой чистоты. Он же видел ее, держал в руках, пил!

Он вспомнил воду морей — терпкую, с непривычной горчинкой, годную для питья только тем, кто привык к ней, породившую жизнь на этой планете в древности и питающую добрую половину органической жизни и теперь. Но здесь была не морская вода.

Он заставил себя глянуть вниз. Голое безжизненное дно, ни травинки, ни козявки. Только жуткие кровавые пятна, осевшие у подножия камня.

Он сам выбрал себе это место для посадки, сам выбрал этот водопад, ручей и озеро — единственные среди тысяч других.

Единственные — и мертвые.

«Ты идешь туда незваным, и чужими будут для тебя воздух и вода...»

Вода... Сколько воды...

Он лежал на пороге этой влаги и свежести — и мир этот был закрыт для него. Он лежал, не шевелясь и не отрываясь от бесшумно плывущей глади ручья. Если бы он мог закрыть глаза — он бы этого не сделал. Если бы он был в силах отползти от берега — он не пошевелился бы.

Все-таки это была вода. Проклятая и прекрасная — вода.

Он знал, что ее нельзя коснуться — и тянулся к ней.

Если бы губы повиновались ему — он молился бы на нее.

Если бы у него был ядерный десинтор — он бы ее уничтожил.

Но пить он уже не хотел.

Единственное, чего он мог еще желать, — это перестать видеть, чувствовать, мыслить. Но мера его страданий была безгранична, и поэтому он умирал в полном сознании.

Он ни о чем не жалел — путь, приведший его к мертвой воде, был добровольным.

Солнце стояло еще высоко, когда он умер. Неподвижен был воздух, неподвижна поверхность озера, неподвижно тело человека, распятого отвесными лучами на камне, белом от соли. Его руки тянулись к воде, его губы были обращены к воде, его незакрывшиеся глаза смотрели на воду, и когда на следующее утро Фасс все-таки разыскал его, он подумал, что Сиблу повезло и он умер, так и не дотянувшись до этой воды.

Соната ужа

Над Щучьим озером стлался зеленый туман.

С того последнего раза, когда Тарумов был здесь с белой лебедушкой Анастасией, оно обмелело до неузнаваемости, и лобастые, крытые зеленым плющом валуны, на которые так больно было натыкаться в воде, выползли теперь на берег, но в тумане не сохли — тянулись вдоль самой кромки воды цепью темно-зеленых болотных кочек.

Тарумов приподнялся, опираясь на руки, и пальцы его заскользили по длинным, словно женские волосы, нитевидным водорослям. Дотянуться до глинистой желтовато-непрозрачной воды было нетрудно, но пить не хотелось. Смешанный запах грушевой эссенции и рыбьих потрохов — надо было умудриться так потравить озеро!

Непонятно и небезынтересно.

Но главное — как он-то сам попал сюда? Ну, летел бы вертолетом, гробанулся — так помнил бы все, что предшествовало падению. И откуда летел. И кто его должен был здесь ждать. Действительно, кто? Анастасия на Ганимеде, и надолго...

Нет, ничего не припоминалось. Сергей задумчиво наклонил голову, и только тут взгляд его остановился на собственных руках. Даже нет, не руках — рукавах.

Как и следовало ожидать, на нем был летный комбинезон.

Но обшлага разорваны, на запястьях ни часов, ни биодатчиков. Он машинально потянулся к поясу — инструкции он чтил и в полете никогда не расставался с легким брезентовым ремнем, на который крепились портативный многощупальцевый манипулятор с одной стороны, а с другой — мелкокалиберный десинтор, достаточно мощный, впрочем, для того, чтобы при надобности вырезать заклинившийся титанировый люк.

Пояса тоже не было.

Он плохо помнил, что именно должно было лежать в его карманах, но и оттуда исчезло все, кроме двух-трех бумажек. Даже нагрудный знак почтальон-инспектора сверхдальних секторов и тот был выдран с мясом. Нетерпимый к любому беспорядку в одежде, Тарумов брезгливо оглядывал себя: да, кто-то потрудился над ним на славу. Пластмассовые застежки-«молнии» не привлекли внимания грабителя, но запонки, металлический колпачок фломастера и даже пистоны на ботинках — все исчезло.

Это не то чтобы удивляло — это ошеломляло.

Между тем туман пришел в движение. Он не клубился, не таял, как это бывает при слабом ветре — он медленно

отодвигался единой массой. Тогда обнаружилось, что левая кромка озера изгибалась, образуя стоячую гнилую бухточку, и на том ее берегу круто вздымалась не то насыпь, не то стена, покрытая, как и берег, сплошным ворсом влажных водорослей.

Туман отступал все дальше, являя взору замшелые замковые ворота, легко вскинувшийся виадук на почти невесомых опорах, приземистую башню, напоминающую не то старинное сооружение для силосования кормов, не то огромную шахматную туру...

И на всем — приметы многовековой заброшенности.

Ну, теперь ясно. Не Щучье это. И вообще — не земное озеро. Брякнулся на какой-то шарик, даже не означенный в космических регистрах. Автоматы посадили, а выбрался он почти в бессознательном состоянии, теперь он начинал припоминать. Прежде чем окончательно прийти в себя на этом берегу, побывал в чьих-то руках. Кажется, так...

Стена тумана стремительно откатывалась все дальше и дальше, обнажая поверхность озера и безлюдные берега, и Сергей уже раздумывал, в какую сторону ему податься на розыски своего корабля — ведь должен же, черт побери, быть где-то поблизости его «почтовый экспресс»!

И тут из тумана поднялось нечто, озадачившее даже его, повидавшего не одно чудо на тех пяти или шести десятках планет, куда заносила его беспокойная должность космического почтаря.

Прямо из воды вздымалась гладкая зелено-клетчатая колонна, напоминавшая одновременно минарет затопленного храма и шею доисторического диплодока, тщетно пытающегося дотянуться своей непропорционально маленькой головкой до невидимого солнца. Колонна действительно венчалась странным сооружением, которое с большой натяжкой можно было бы назвать головой и даже разглядеть на ней глаза, следившие за человеком в рваном комбинезоне с бесстрастным и неусыпным вниманием.

И с того мига, как Тарумов поймал этот взгляд, зоркие мертвые глаза не упускали его больше ни на час, ни на мгновение.

Кажется, на этом унылом берегу царил вечнозеленый день. Мутноватое небо, изжелта-зеленое, не меняло своего оттенка, хотя с того момента, когда он пришел в себя, минуло часов шестнадцать. Чувство времени у Тарумова было развито очень остро, но если так будет продолжаться, то

он потеряет счет дням. С расстоянием тоже обстояло неважно — он шел и шел, с трудом вытягивая ноги из влажных длинноворсных водорослей, и старался обмануть себя, не оглядываясь по получасу, но когда он все-таки оборачивался, то оказывалось, что он продвинулся едва-едва на сто метров. Сейчас насыпь и башня-тура уже сливались с холмистым берегом, но «зрячий минарет» отчетливо проступал над гладью озера.

Хуже всего при ходьбе приходилось шнуркам — они рвались уже десяток раз. Тогда приходилось ложиться на живот и, разгребая эту, с позволения сказать, траву, выискивать где-то в глубине ботинок. Когда этот периодически повторяющийся процесс осточертел Тарумову до предела, он выбросил шнурки и, надрав изумрудных «волос» (порвать их посередине было практически невозможно — резали руку; но поодиночке они легко выдирались с корнем, как конский волос), он сплел себе новые шнурки.

Устал он смертельно. Темные холмы с геометрически правильными дугами не то песчаных обрывов, не то арочных входов в какие-то светящиеся пещеры, до которых он стремился добраться, были все еще на доброй половине пути от озера. Без отдыха он не дойдет. Надо ткнуться носом в первую же кочку посуше и часок-другой подремать. Кто знает — может быть, после сна в голове что-нибудь и прояснится и он припомнит хотя бы зону Пространства, где с ним это приключилось.

Он устроился поудобнее между кочками, зажмурился — уж очень мешал немигающий взор далекого стража — и мгновенно заснул, как мог заснуть только космолетчик, побывавший за свою долгую жизнь не в одной передряге.

Проснулся он от того, что в бок его толкали — легонько, словно огромный страусиный птенец неуклюже пристраивался к нему под крылышко. Еще не до конца сознавая, где он и что с ним, Сергей инстинктивно отодвинулся, но с другой стороны к нему прижимался еще кто-то — теплый, подрагивающий. Тарумов резко приподнялся и сел, подтянув колени к подбородку, — два черных свернувшихся клубка лениво зашевелились и, не развернувшись, подкатились к нему и снова пристроились слева и справа.

Пинфины? Откуда?

Планета, на которой они сейчас находились, даже отдаленно не напоминала краснотравные саванны обиталища

пинфинов — Земли Ван-Джуды. Это он сообразил даже спросонок. Значит, пинфины здесь тоже не по доброй воле.

Или не значит?..

Пинфины, насколько помнил Сергей по двум пребываниям на Земле Ван-Джуды, были отчаянными сонями, и ждать их пробуждения было бы бессовестной тратой времени. К тому же звуковая речь этих маленьких гуманоидов, добродушных, как дельфины, и неповоротливо-куцеруких, так что издали они казались пингвинами-аделями, лежала в области ультразвука, и еще неизвестно, умела ли эта пара пользоваться той примитивной азбукой жестов, которая самопроизвольно возникла в процессе их общения с землянами (возникла гораздо раньше, чем лингвисты Земли удосужились смоделировать научно обоснованный вариант языка-посредника, доступного обеим цивилизациям).

Так что в целях экономии времени разумнее всего было бы взять этих сонь на руки и продолжать свое восхождение к светоносным пещерам. Да, но ведь есть еще и кто-то четвертый...

Четвертый?

Тарумов невольно поискал глазами среди волнистых зеленых сугробов, но ничего не обнаружил. Тем не менее, присутствие этого постороннего он чувствовал как бы всей своей кожей.

Он оттолкнулся от пружинящих кочек и поднялся. Острая резь в затекших ногах — этого еще не хватало! Неужели поранился? Сергей с тревогой осмотрел ноги — да нет, ерунда. Травяные шнурки, сплетенные перед сном... Высохли, укоротились и стиснули ноги.

Тарумов ослабил шнурки и выпрямился. Далеко позади тускло посвечивало озеро, из которого торчала не то непомерно вымахавшая камышина, не то вышка для прыжков в воду. Было в этой каланче что-то напряженное, полуживое, полуокостеневшее. Вот он, чужак. Ну-ну, гляди. За погляд денег не берут, как говаривали в те времена, когда на Земле водились деньги. Он нагнулся и бережно поднял два пушистых теплых шара. Пинфины не шелохнулись — не то действительно спали, не то притворялись.

Он шагал еще медленнее, чем до отдыха, оберегая своих непрошеных пассажиров и стараясь не потерять равновесия. Со стороны, вероятно, он был похож на журавля. Местность слегка подымалась, светлые пещеры располагались на склоне, уходящем в неистребимый зеленоватый туман. Справа этот склон образовывал гигантские уступы, правильная кубическая форма которых не оставляла сомне-

ний в их рукотворном происхождении. Дышать стало чуть труднее, хотя по отношению к уровню озера он поднялся едва ли на пятьдесят метров. И еще хотелось есть.

Когда он подобрался наконец к первой пещере, руки его совершенно онемели. Так нельзя. Должен был бы подумать о том, что в пещере может оказаться какая-нибудь невидаль. А он, между прочим, безоружен. И пинфины ведут себя как-то странно — летаргия у них, что ли?

Но пинфины вели себя как нельзя более естественно, он просто забыл об их привычках. Когда он вплотную подошел к широкой арке, из-под которой струилось ровное золотистое свечение, пассажир, оседлавший его правую руку, мягко развернулся и требовательно ткнул крошечным пальчиком по направлению к той пещере, которая виднелась метрах в ста справа. А затем смуглая ручка и блестящие лемурьи глаза снова исчезли внутри черного клубка.

— Что, еще и туда? — возмутился Тарумов, спуская пассажиров на травку. — Бог подаст, как говорили у нас в те времена, когда на Земле еще водились боги. Пошли, пошли ножками!

Пинфины подняли на него темные печальные личики, и Тарумову невольно припомнилось, что кто-то образно назвал эти существа «обиженными детьми Вселенной». Ван-Джуда и вообще-то была дрянной планетой, а для таких крох она и вовсе не годилась. Земляне, едва установив с аборигенами контакт, тут же предложили пинфинам перебраться на соседнюю планету, гораздо более уютную и плодоносную. В распоряжение «обиженных детей» было предоставлено несколько разведочных планетолетов, но природный консерватизм не позволял пинфинам сдвинуться с насиженного места. Несколько совместных экспедиций с землянами они предприняли, но все дальнейшие шаги сводились к многолетней всепланетной говорильне — перебираться или не перебираться?

До чего они договорились, Тарумов не знал, но вот то, что пара пинфинов очутилась здесь, ему очень и очень не понравилось.

Из этого состояния крайней неудовлетворенности его вывел высокий пинфин — даже можно было бы сказать «пинфин-великан», потому что он доставал Сергею до бедра. «Ты всегда носил нас, когда мы были голодны, — показал он на своих почти черных человеческих пальчиках. — А пещера с едой вон там!»

Малыш знал язык жестов, это прекрасно, но откуда эта иллюзия давнего знакомства?

— Я здорово устал, ребятки, — проговорил Сергей и тут же, спохватившись, перевел это простейшими средствами пантомимы — и как это ему повезло, что он дважды побывал на Ван-Джуде!

«Хорошо, хорошо!» — дружно согласились пинфины и резво покатились вперед — как успел заметить Тарумов, они сжимали ступню в комок и на этих пушистых подушечках, совершенно не путаясь во мху, передвигались несравненно легче, чем тяжеловесный землянин.

Тарумов изо всех сил старался не отставать. Кстати, кое-что следовало бы узнать еще до того, как они сунутся в пещеру.

«Кто еще живет в этой пещере?» — старательно объяснился он жестами, больше всего боясь быть неверно понятым. Но пинфины разом остановились и захлопали глазами, выражая крайнее недоумение. Надо сказать, что делали они это с той степенью выразительности, на какую было неспособно ни одно другое существо во Вселенной. Дело в том, что эти малыши от природы были чрезвычайно дальнозорки, и эволюция наградила их, кроме непрозрачных кожистых век, еще и тремя роговыми прозрачными подвеками, которые в силу надобности опускались на глаза и служили естественными очками. Так что когда пинфины начинали «хлопать глазами», зрелище было впечатляющим — особенно для новичка. Но Тарумов новичком не был. «Кто там живет?» — повторил он вопрос.

«Ты сам запретил всем нам жить в пещере с едой!» Гм, а он, оказывается, пользовался тут правом вето.

«Где же живут тогда все?» — машинально задал он вопрос, не отдавая себе отчета в том, что он вкладывал в понятие «все».

«Пинфины живут правее, а выше живут...» — жест означал нечто волнообразное; последнее сообщение рождало надежду на то, что эти синусоидальцы и могут наконец оказаться аборигенами, с которыми он рвался встретиться.

Но это было не все. «Под кубической скалой живут... (ручки обрисовали несколько пухлых окружностей), а в травяных шалашах возле сумеречного пика обитают невидящие».

Много... Слишком много для аборигенов. Хотя почему же? А если все это — здешний животный мир — ужи, кроты...

Нет. Пинфины не поставили бы их в один ряд с собой. Для этого они слишком рассудительны. Те, что живут в светящихся пещерах, — не коренные жители этой планеты-зеленушки. Это самоочевидно. Тогда кто они? Разумные

существа, спасенные во время катастроф, приключившихся с их кораблями?

Или попросту пленники?

«Как вы попали сюда?»

Маленький пинфин, не принимавший участия в разговоре, но все время застенчиво поглядывавший на Сергея снизу вверх, испуганно шарахнулся в сторону и спрятался за своего товарища.

«Мы полетели... большой корабль. Очень большой. Ваш самый большой корабль. Вы научили. Вы послали — попробовать... чужой мир. Пролетели половину. Дальше — темно...»

Пинфин в отчаянье замахал смуглыми пальчиками, исчерпав все известные ему жесты. Но Тарумов уже все понял. Им трудно было решиться на такое путешествие, и в то время, когда он гостил на Ван-Джуде, еще было неясно, поднимутся ли они хотя бы на исследовательскую экспедицию. Им для этого хватало всего — и уровня культуры, и знаний, и умственного развития среднего пинфина — не говоря уже о таких индивидуумах, как этот... горе-путешественник. Недоставало им одного — жадного, инстинктивного стремления к еще не открытому, непознанному, что всегда отличало людей и поэтому самим людям казалось неотъемлемой чертой всех высших разумных существ Вселенной.

Пинфины были робки. Но, как видно, не все — эти вот полетели...

«Сколько же вас было?» — «Семеро. Но двое уже... исчезли».

Исчезли? Удрали? Погибли? Схематический язык жестов, которым оба владели далеко не в совершенстве, делал эти понятия неразличимыми. А ведь от выяснения этих тонкостей могло зависеть многое... если не все. Ладно. Тонкости — на завтра.

«А где жил... живу я?»

Это ему показали.

Маленькая, идеально правильная полусфера. Такое не могли сделать лапы — только руки. Порода осадочная, тонко-зернистая, люминесцирующая. Впрочем, люминесценция может быть и наведенной. Не это главное. Главное — охапка сухого мха, по-видимому, служившая постелью, невероятной плотности циновка (ах да — здешняя трава, высыхая, сжимается вдвое), и под этим импровизированным одеялом — перчатки.

Обыкновенные синтериклоновые перчатки для механических работ, какими Тарумов страсть как не любил поль-

зоваться. Только вот металлические кнопки на крагах выдраны с мясом. Это из синтериклона-то! Но в остальном — заношенные старые перчатки, с некрупной, но широкой руки. В них много работали. Здесь? И здесь тоже — рвали длинноволосый мох-траву. Это видно невооруженным глазом. Тарумов обернулся к своим спутникам, присевшим на пороге, и у него невольно вырвалось:

— А где же... он?

Недоуменное мельканье прозрачных и непрозрачных век. Он спросил вслух — надо было перевести. Надо было показать на пальцах — где, мол, тот, что жил здесь до меня и которого вы из-за своей наивности, а может быть, и просто невероятной дальнозоркости отождествляете со мной? Что с ним? Погиб? Исчез? Сбежал?

Нет. Он был человеком, а значит, не мог сбежать, оставив их одних. Если был человеком — не мог.

Тарумов не стал переводить свой вопрос.

Два бугорчатых «грейпфрута» — один выдолбленный, с водой, а другой спелый, с сытной мякотью, болтались у него за пазухой и отчаянно мешали. Он карабкался по зеленому склону, который становился все круче и круче, и все мысли его были заняты только тем, как экономнее и рациональнее выполнять каждое движение. От малейшего толчка в голове возникали снопы обжигающих искр. Воздуха! Почему так не хватает воздуха?

Он поднялся еще на какие-нибудь двести метров — и желтое озеро уже мертво поблескивает внизу! Каланча выросла еще больше, но все равно отсюда она кажется тоненькой тростинкой, которую совсем нетрудно переломить. Но вот ощущение пристального взгляда нисколько не ослабевает. Или это самовнушение? Не думать об этой странной каланче. Не думать и больше не оборачиваться — на то, чтобы повернуть голову, уходит недопустимо много сил. А они — последние. Если он потеряет сознание прежде, чем доберется до перевала, он повторит судьбу своего предшественника, исчезнувшего где-то в этих замшелых уступах, за которыми кроется нечто зловещее.

Надо сделать последнюю остановку. Еще метров пятнадцать до маленькой седловины между двумя вершинами, которые снизу, от озера, казались головами уснувших великанов. А может, и не пятнадцать — здесь он постоянно ошибался в расстояниях. Да и туман сгущается с каждым пройденным метром, он уже стал почти осязаемым. Атмосферный планктон? Сергей вжался в травяную массу, заполнявшую щель между двумя камнями, нашарил за пазухой

булькающий «грейпфрут». Достал фломастер и точным ударом пробил дырочку в твердой огненно-красной корке.

Вода, которая скапливалась в середине еще неспелого плода, поражала своей росной чистотой и, тем не менее, оказывала сильнейшее тонизирующее воздействие. Спелые плоды воды уже не содержали — их заполняла белковая сердцевина, кроющаяся под невзрачной грязно-лиловой шкуркой. Она могла бы украсить стол античных привередливых богов. Но это — на обратный путь. Вообще-то, «грейпфрутов» в низине масса, их раскапывают в траве полюгалы — сомнительно разумные пресмыкающиеся с Земли Кирилла Полюгаева. Сергей раньше не встречался с ними и, естественно, языка их не знал, да и теперь детальное знакомство со всеми обитателями этой замшелой долины он отложил до конца своей разведки. Сейчас важнее выяснить, где они и на каком положении.

Он выпустил из рук опустевшую кожуру, и она бесшумно покатилась вниз, почти не приминая длинноволосой, никогда не шевелящейся под ветром растительности, которую Сергей так и не решил, как называть — то ли травой, то ли мхом, то ли водорослями. Она покрывала в этой долине абсолютно все, кроме сухой, светозарной поверхности пещер; сейчас, карабкаясь по склону, который все круче и круче забирал вверх, Тарумов вдруг понял, что поверхность камня под этой зеленью почти повсеместно носит следы прикосновения чьих-то рук: под травяным покровом угадывались то пологие ступени, то идеально обработанная параболическая вогнутость, а то и сидящие рядком, словно древние исполины Абу-Симбела, надменно выпрямленные фигуры, которые он из осторожности определял как условно человеческие.

Но и это на потом, а сейчас главное — добраться до края этой каменной чаши, на дне которой — озерко с мертвоглазым стражем. Добраться и заглянуть за этот край.

Сергей давно уже не карабкался, а полз, ужом извиваясь в нагромождении тупых глыб. Седловина была в двух шагах, а за ней — неминуемый спуск, и там либо совершенно незнакомый мир, либо такая же колония пленников со всех уголков Вселенной. Доползти. Заглянуть. Черт побери, зачем он выбросил пустую кожуру — надо было написать записку пинфинам, которые поджидают его внизу, боязливо поджав человеческие ручки. Но возможность упущена. И потом, знают ли они земной алфавит?

Надо доползти, и надо вернуться.

Эти два последних метра он полз уже с закрытыми гла-

зами. Пальцы нащупали впереди изломанную кромку, едва прикрытую мхом — тонкую, не толще черепицы. Он вцепился в нее, попытался шатнуть — нет, прочно.

Подтянулся.

Перевел дыхание и только тогда позволил себе наконец открыть глаза.

Сначала он ничего не увидел — сгустившийся туман приобрел размеры чаинок, которые мельтешили, толклись в воздухе, странным образом не задевая лица. Он помахал перед собою рукой — словно разгонял комаров. Получилось это почти бессознательно. Но «чаинки» разлетелись, и на какой-то миг перед ним открылся сказочный весенний мир, на который он смотрел с высоты птичьего полета.

Этот миг был так краток, что он успел воспринять только свежее многоцветье не то огней, не то просто ярких и нежных красок, разбросанных по солнечной юной зелени, которая не имела ничего общего с угрюмым подколодным мхом, устилавшим долину.

Еще его поразило изящество почти невесомых арок и змеящихся виадуков, из-под которых проглядывало прозрачное небо, и нависшие над этими небесными островками легчайшие каменные стены — причудливая паутина рукотворности, наброшенная на этот живой мир ненавязчиво и органично. И как бы в подтверждение этому возникшему ощущению жизни там, в дымчато-небесной глубине, он уловил вдруг стремительное движение, и ему показалось, что вдоль поверхности виадука легко и непринужденно, как только может это сделать властелин этого мира, скользит гибкое и прекрасное змееподобное существо...

Но в следующую секунду плотная роящаяся завеса снова сомкнулась перед Сергеем, и теперь он чувствовал, как она отталкивает его от края каменной чаши, а затылок уже невыносимо жгло, словно тот взгляд с верхушки озерной каланчи приобрел убойную силу смертоносного теплового луча... Захлебываясь щекочущим жаром, Сергей в последний момент почувствовал, как тугой ком сконцентрировавшегося тумана толкает его вниз, словно кулак в боксерской перчатке, гонит по склону, подбрасывая на уступах, уводя от расщелин...

...Пучок влажной травы осторожно касался его лица, и сразу становилось легче, словно с кожи смывали налипшую тину.

Сергей приоткрыл один глаз — так и есть, над ним хло-

потал давешний пинфин. Выпуклые прозрачные веки, опущенные на глаза, как легкодымчатые очки, придавали ему профессорский вид.

— Привет пинфинским мудрецам, — сказал Тарумов, подставляя рот под тонкую струйку воды, которую пинфин выжимал из краснокожего «грейпфрута». — Ты и не представляешь себе, как я рад, что я живой...

Малыш захлопал веками, и пришлось перевести. В общих чертах.

Справа и слева что-то зашелестело, заскользило в траве. Тарумов вздрогнул, припоминая сказочное видение, открывшееся ему с высоты его каменного балкона. Но это были всего лишь полюгалы, спешившие к озеру на водопой. А может, купаться.

Тарумов с сомнением оглядел себя с ног до головы — весь комбинезон был покрыт тошнотворной зеленоватой ряской, словно Сергей побывал в стоячей лесной канаве.

«Не окунуться ли и нам?» — предложил он.

Пинфин радостно закивал и замахал ручками, вызывая из пещеры свою подругу. До озера, хоть дорога и шла книзу, добирались долго — Сергей пока еще не научился бесспрепятственно двигаться в этой сухопутной тине, да и последствия путешествия сказывались — если бы не тонизирующая роса из неспелых плодов, у него не было бы сил и пошевельнуться. Он шел и раздумывал, стоит ли говорить пинфинам о результатах своей разведки.

Подумав, решил: стоит. Тот, предшественник, ничего не сказал. Может, он никуда и не успел добраться, но если бы успел и передал кому-нибудь, сейчас Тарумову было бы много легче.

Все еще раздумывая, Сергей разделся до трусов, отполоскал в тепловатой воде комбинезон, поплавал, если это можно так назвать — десять саженок туда, десять обратно. Дальше забираться он не рискнул — еще опять шарахнут тепловым лучом, в воде не очень-то отдышишься. А пинфины, похоже, плавать и вовсе не умеют — пристроились на бережку, пинфиниха своему благоверному спинку моет — набирает воды в горсточку и трет черную кротовую шкурку между лопаток.

«Вот что, друзья мои, — он присел перед ними на плоский камень, скрестив ноги по-турецки. — Я поднялся на самую высокую гору. Я посмотрел дальше, с горы. Так вот, дальше — обрыв, дороги нет. Отвесный обрыв, примерно... — он посмотрел на неподвижную узорчатую каланчу, возле которой беззаботно плескались полюгалы. — Примерно де-

сять вот таких столбов. А может, и больше. Это вы должны запомнить, если со мной что-нибудь случится. — Пинфины протестующе замахали ручками, зашевелили губами — говорили между собой, а может, и Сергею, от волненья совершенно забыв, что он не может их слышать. — Без паники, друзья, без паники. Со мной уже... случалось. Поэтому запомните: наверх, через зеленые горы над пещерами, дороги нет. Бежать надо каким-то другим путем».

Они недоуменно уставились на него — бежать?

«Да, другим. Вы-то еще туда поднялись бы, но вот эти, которые дышат всем телом, словно мыльные пузыри переменного объема...»

Но пинфинов занимало совсем другое: бежать? Зачем? Они трясли ручками — каждым пальчиком в отдельности, и Сергею совсем не к месту подумалось, что с такими гибкими и чуткими пальцами из них вышли бы непревзойденные музыканты...

А пинфины не смели, не хотели, не желали даже думать о бегстве. Здесь ведь они сыты, здоровы...

Тарумов махнул рукой.

«Постерегите вещички, — показал он им, — а я прогуляюсь в сторону этой насыпи. — Он глянул на верхушку пестроклеточного минарета, добавляя про себя: если мне это позволят. — Кстати, из вас никто не боится вот этой штуки?»

«Нет. Она же неживая!»

Ах, как же вы наивны, братцы вы мои плюшевые. Неживая! И я туда же — чего я там боялся, когда обнаружил, что меня обокрали и ободрали? Лап?

Не того боялся. Самое страшное — не руки, не лапы. Манипуляторы.

Кромкой воды он подошел к насыпи. Крутенько, метров пять-шесть, поверхность под вездесущей тиной явно щербатая, с выемками, значит — можно забраться. Но — отложим.

Решетка ворот была покрыта коротеньким буроватым мхом, осыпавшимся под пальцами. Не зелень — забавно, первое исключение. А что там сзади просматривается?

Да то же самое, только... Далеко, не разглядеть. Изумрудно-щавелевая взвесь скрывает очертания, и все-таки там, в глубине долины, строения весьма причудливых очертаний. Даже можно сказать — настораживающих. Они сливаются в один массив, но это явно отдельные башни, напоминающие...

Нет, показалось. И проклятый туман сгустился, просту-

пают лишь неясные контуры, пирамида или целый храмовый комплекс. А может, все-таки...

Он простоял еще минут пятнадцать, всматриваясь в уплотняющийся на глазах занавес. Нет, надо вернуться к озеру и дождаться прояснения погоды. Похоже, этот флер опускают перед ним каждый раз, когда он начинает проявлять слишком пристальное внимание к тому, что лежит за пределами отведенной им лужи с прилегающими угодьями.

Но башню-то он осмотрит.

Тяжелая дверь — не то камень, не то строительный пластик — подалась на удивление легко. Тарумов боком проскользнул внутрь башни-туры и ошеломленно замер на мгновенье.

Машинный зал. Вернее — распределительный. Трубопроводы, баранки штурвалов, глазастые выпуклые индикаторы, у которых по окружностям бегают разноцветные жучки. Поверхность стен разделена на несколько секторов, каждый окрашен в свой цвет. Все напоминает дешевую бутафорию. Нет, не так просто. Какой-то неуловимый психологический оттенок... А, вот что: это сделано по вкусу людей — но не человеческими руками. Тарумов глядел на всю эту квазиземную технику, как смотрела бы ласточка на гнездо, сплетенное пальцами людей. Заботливыми, чуткими, но такими неумелыми по сравнению с легким птичьим клювом...

А что касается бутафории, то это нетрудно проверить. Какой цвет воспринимается как самый безопасный? Этот, серовато-лиловый. В этом секторе два рубильника, два штурвала, пять индикаторных плафонов, но светятся только четыре. И что-то вроде реостата. Ну, была не была...

Он повернул правый штурвал градусов на пятнадцать. Пошло легко, и тотчас же мигание световых блошек на верхнем плафоне замедлилось. Так, а теперь выйти вон (если выпустят) и поглядеть, не приключилось ли чего...

Он вышел беспрепятственно, и тут же до него донеслись пронзительные, панические визги — ну так и есть, это полугалы, которые отменнейшим стилем «дельфин» мчались к берегу и выбрасывались на замшелые валуны.

Сергей подошел к прибрежным камням, осторожно потрогал босой ногой воду — ну, конечно, похолодала градусов на десять. Бедные крокодильчики, не схватили бы пневмонию. Он вернулся и поставил штурвал в прежнее положение. Огоньки забегали проворнее.

До чего же все примитивно! Любое мало-мальски разумное существо может регулировать параметры внешней

среды. Хотя, может быть, остальные сектора предназначены для чего-то другого. Но раз сюда впускают и отсюда выпускают, то разберемся в этом в следующий раз. Сейчас — общая разведка. И главное: установить границы запретной зоны.

Он подумал и невольно рассмеялся. Нет, не запретной — дозволенной. Запретной-то как раз будет все остальное.

Он медленно прошел мимо бурой решетки, глянул сквозь переплетение толстенных брусьев. Смутная громада неведомого сооружения едва угадывалась в тумане. Если бы ему не посчастливилось заметить ее полчаса назад, сейчас он вряд ли обратил бы внимание на темное расплывчатое пятно.

Двинуться туда, за насыпь? Так ведь решетку не раскачаешь. Таран? Камень на берегу подобрать можно, но этот процесс слишком шумен — привлечет внимание. Подкоп? Под самой решеткой явная каменная кладка, но если расчистить тину... Так... А теперь обратным концом фломастера (поистине незаменимая мелочь, ставшая единственным орудием производства!) выскрести землю, набившуюся между камнями... Прекрасно. Это просто прекрасно, что они не сцементированы. Вероятно, и стены «туры» сложены так же. Похоже, что каменные — или камнеподобные? — блоки подгонялись друг к другу с точностью до миллиметра, как постройки земного мегалитического ареала. Да, но вот тут, под воротами, почва осела, и расстояние между камнями увеличилось. Ага, зашатался. При желании теперь его можно вынуть. А соседний — и того проще. Блистательно! Прикроем теперь травушкой-муравушкой и оставим до лучших времен.

Спрашивается только, почему все эти, с позволения сказать, гуманоиды до сих пор сидели тут, сложа свои интеллигентские ручки, и не занимались ничем подобным?

Он старательно скрыл следы своей деятельности и пошел обратно, к безропотно дожидавшимся его пинфинам.

— Помылись? — Он не мог отказать себе в удовольствии иногда сказать что-нибудь вслух. — С легким паром, как говаривали у нас на Земле, пока в моду не вошли ионные распылители.

Пинфины глядели на него грустно-прегрустно и даже не мигали.

— Вы бывали там, за насыпью? — спросил он уже на понятном им условном языке.

«Нет. Страшно».

— Волков бояться — в лес не ходить, как говорили ов-

цы... А вам не удавалось рассмотреть, что это там, в тумане, за насыпью?

«Это корабли, на которых прилетели все живущие здесь. Там и твой корабль. И наш...»

Сердце в груди бухнуло. Корабли. Так вот почему силуэты показались Сергею знакомыми, он только не позволил себе узнать их... И громада медлительного транспортного тяжеловоза из серии, подаренной землянами «обиженному» народу Ван-Джуды, и его собственный стройный почтарь, птенец по сравнению с этим грузовиком.

А ведь на свой корабль пинфины смогут погрузить всех...

Он старательно оделся, и от влажного комбинезона озноб прошел по всему телу. Совсем не отдохнул. Поспать бы тут, на бережку... Так ведь некогда.

— Вы не очень проголодались?

Пинфины смущенно поморгали.

— Тогда подождите меня еще несколько минут!

Он долго и старательно рвал траву, жгуче сожалея о забытых в пещере перчатках. Пинфины подкатились на коротеньких своих ножках, ни слова не спрашивая, помогли. Когда набрался порядочный стожок, Тарумов подтащил его к подножию насыпи, привычно бормоча:

— Знать бы, где упасть — соломку б подстелил, как говаривали у нас на Земле, пока солома была предметом сельского ширпотреба.

Пинфины по-прежнему молчали, поглядывая на него сочувственно и боязливо.

— Ну, я пошел.

Он тщательно ощупал крутой бок насыпи, нашарил выбоинку и ободрал кругом мох. Поставил ногу, поднялся на полметра. Это ему сошло. Снова нащупал выбоинку, принялся драть скрипучую зелень. Мертвые глаза неотрывно глядели в затылок.

Он поднялся на эту насыпь, и выпрямился во весь рост, и успел прикинуть на глазок, что до смутно чернеющей громады сбившихся в кучу космических кораблей отсюда по прямой метров триста, не более, вдруг затылок резанула знакомая обжигающая боль и мягкая лапа мгновенно собравшегося в один ком исчерна-зеленого тумана швырнула его назад, на столь заботливо подстеленную им самим травку.

Пинфины отливали его долго. Сергей очнулся, полежал с полчаса, набираясь сил, чтобы хоть пошевелить руками, и без лишних слов погнал малышей обратно в пещеры —

за обедом и рукавицами. В течение нескольких часов, пока они ходили туда и обратно, плёл из уже нарванной травы маскировочную циновку.

Пинфины вернулись усталые, загрустив пуще прежнего — пропал один из тех, «что не видят». Тарумов не успел как следует познакомиться с этими медлительными, тяжелорукими существами, которые не оправдывали своего скоропалительно данного прозвища: они действительно не имели глаз, но зато всей поверхностью лица воспринимали инфракрасное излучение. Он чувствовал, что с этими ребятами договориться будет нетрудно, но вот времени на то, чтобы договариваться, не было.

Сергей только засопел, выслушав это известие. Наспех сжевал лиловатую мякоть, набросил на себя травяную сетку, полез. На верху насыпи героически выпрямляться больше не стал — вжался в мох, даже зажмурился.

Его сшибли точно так же — безошибочный, беззлобный удар.

Отливали, отмывали. Громадные глаза пинфинов были полны слез. Сергей стиснул зубы, объяснять было нечего — все видели сами. Как только смог двигаться, полез к решетке. На всякий случай циновочкой-то прикрылся, так и ковырялся под ней, согнувшись в три погибели — выскребал один за другим тяжеленные камни из-под решетки, готовя лаз.

Ему не мешали.

Он углубил желоб. Обернулся к пинфинам, помахал им рукой и скользнул во влажную канавку.

Метра три-четыре он полз, не веря себе.

Не пропустили.

Шарахнули липким зеленым комом, так что тело сразу осело.

Пинфины вытащили его, похлопотали — безрезультатно. Наверное, он провалялся без сознания больше земных суток. Очнулся, захлебываясь неуемной дрожью от холода и слабости. Переполз на циновку. Кто-то — кажется, полюгалы — тащили его вверх по склону, повизгивали.

В пещере он отоспался, потом взялся за дело: острием фломастера, а кое-где и замочком от «молнии» выцарапал на гладкой стене краткий отчет о своей разведке — на всякий случай, если уж не придется очнуться. И еще мизерная на первый взгляд проблема не давала ему покоя: а зачем в этой колонии человек? Если верить рассказам, которые передавались из уст в уста, без человека здесь ни дня не обходились. Инопланетянам люди казались на одно лицо,

и в горестях вынужденного заключения они не отдавали себе отчета в том, что земляне могли сменять один другого. Исчезал, умирал один — сюда доставляли новенького. Но — поодиночке. Пинфинов, крокодильчиков, инфраков было по нескольку особей, человек — один. Но постоянно.

Какую же роль он здесь играл — няньки? Похоже, потому что двери башни прямо-таки дразнили его своей доступностью. Но если кто-то смог построить этакую махину, да еще и смог доставить сюда инопланетян со всех концов Вселенной — на черта ему, такому всемогущему, земной космолетчик на должность необученного гувернера? На роль вселенских переводчиков лучше всего подходят пинфины — они тут живо со всеми перезнакомились и отлично договариваются. А случись что-нибудь — эпидемия, например, и Сергей отлично понимал, что он окажется бессилен.

Так зачем он здесь — крутить колесики, делать водичку в озере то теплее, то студенее? Нелогично. Уж если они тут так настропалились щелкать по затылку тепловым лучом, то проблема дистанционного управления у них должна быть решена.

Так зачем, зачем этим невидимым гадам человек, который к тому же будет постоянно пытаться отсюда удрать? Для чего здесь устроен этот заповедник — этот вопрос он в конце концов запретил себе решать. Даже если и не свихнешься, все равно потеряешь время даром. Нужно четко сформулировать главную проблему и долбить только ее.

Когда-то много лет тому назад, когда он получил под свое командование первый корабль, он чуть не погубил всех людей как раз потому, что заметался в определении главного, а потом еще и не мог решиться на отчаянный шаг — сесть на незнакомую планету, оккупированную лемоидами.

Позже он нашел для себя редкую должность почтальона-инспектора. Маленький кораблик, развозящий срочные грузы по дальним планетам, — занятие не хлопотное. Экспедиции снаряжались обстоятельно, и редко случалось так, что на базе забывали погрузить что-то жизненно важное. Но бывало. Тогда и отправлялся почтальон — на маленьком кораблике, в одиночку. Ему не приходилось быть вторым номером, он был единственным членом экипажа. Это и давало ему моральное право летать, потому что после того злополучного рейса он никогда не взял бы на себя ответственность за других людей.

А вот здесь он ничего на себя и не брал — получилось. Само собой легло ему на плечи. И сидят тут эти, с позволения сказать, гуманоиды сиднем, как колоды, под которые

ничто не течет, а стоит заговорить о бегстве — и сразу, как страусы, головы в песок. Страшно!

Им, видите ли, страшно, а ему, уже четырежды битому, не страшно.

Окрепнув, он пошел вдоль насыпи влево, сделал еще несколько попыток перелезть через нее — результат был однозначным. Били.

Вернулся к варианту башни, перепробовал все рычаги, штурвалы и реостаты. Добился замерзания озера, разрежения воздуха чуть не вдвое, по его прихоти можно было бы учинить в долине бурю, потоп, воспроизвести форменную Сахару и даже, на худой конец, геенну огненную. Разумеется, все эти опыты он проводил с величайшей осторожностью, хорошо помня, как он однажды чуть не поморозил полюгалов.

Опыты ему сходили с рук. Но и за массивными стенами, сложенными из настоящих валунов, он чувствовал пристальный немигающий взгляд. Когда он дошел до регулятора освещенности, он попытался под покровом колодезной темноты снова проскользнуть под решеткой — нет, не дали. Только пинфинов перепугал — после они рассказывали, что с наступлением зеленых сумерек над вершинами гор, образующих их долину (Тарумов уже подумывал — а не кратер ли?), якобы зажглись три полных луны, повергшие обитателей пещер в совершенно необъяснимый ужас. Сергей понял, что и с башней он зашел в тупик — да, он мог бы перевернуть, испепелить, затопить зловонным туманом всю эту лохань — но если бы это решало задачу бегства...

Иногда ему уже казалось, что и его предшественник, вот так же, не найдя способа бежать самому и увести за собой остальных, просто не выдержал и...

Нет. Он вспоминал тонкие пальчики пинфинов, их испуганные пепельные глаза и понимал — нет. Человек не мог бросить их и уйти. Даже в небытие.

Потом он предпринял попытку обойти озеро справа и таким образом подобраться к кораблям — опять ничего не вышло. Километров через шесть берег подымался, сперва исподволь, а потом все круче и круче. Тарумов уже начал прикидывать, а пройдут ли по такому пути инфраки, как вдруг скала под ногами оборвалась отвесным срезом — дальше пути не было. Озеро неподвижно замерло где-то в глубине, и только далеко-далеко, в дымке нездешнего, легкого свежего тумана, угадывался другой берег, шумящий позабытыми здесь деревьями...

Традиция была соблюдена и на этот раз — зеленый

протуберанец, выметнувшийся снизу, отшвырнул его далеко от обрыва.

Возвращаться пришлось ползком. Он скользил по шелковистой поскрипывающей тине, и в голову так и лезло видение сказочного гада, властно и стремительно мчащегося над каменным виадуком. Царственный уж, атавистический символ мудрости, доброты и семейного благополучия... Но как связать этот образ с насильственным заточением нескольких десятков гуманоидов здесь, в этой мрачной чаше исполинского кратера?

А может быть, виной всему непонимание? Может, их всех просто пригласили в гости, и нужно только найти общий язык с хозяевами — хотя бы в лице этого пестроклетчатого телеграфного столба, несомненно, изображающего стилизованного змея? Но как обмениваются информацией обитатели здешнего мира — может быть, на гравитационных волнах? Ну а если у них в ходу гамма-кванты или нейтринные пучки? Что тогда? Гостеприимно, ничего не скажешь. От таких хозяев надо дуть без оглядки, а дружеские отношения налаживать с расстояния в два-три парсека.

Можно, конечно, предположить и совершенно фантастический, архигуманный вариант. Допустим, что все обитатели этой долины — экс-мертвецы. Космическая авария, лобовое столкновение с метеоритом при выходе из строя локаторов... И вот — чудеса инопланетной реанимации, воссоздание организма из единственной заледневшей клетки, выуженной из межзвездного пространства... Ну, как они воссоздавали комбинезон — уже детали. Главное — сама идея всегалактической службы спасения, и тогда эта изумрудная обитель — своеобразный санаторий строгого режима, откуда не удерешь до полного восстановления сил... Но все-таки лучше, если мы будем восстанавливать свои силы где-нибудь подальше отсюда. А если версия вселенского гуманизма подтвердится — ну что же, мы сумеем поблагодарить своих спасителей. Но сейчас нужно думать совсем о другом.

Вот так, невольно залезая во всевозможные нравственные модели этого мира и постоянно гоня от себя эти мысли (все мысли, кроме одной: о способе бегства), Сергей дотащился до пещер.

Возвращение его было ужасным. Обезумевший от горя пинфин встретил его на пороге: пропала его подруга.

Пропала так, как и раньше пропадали здешние обитатели: была где-то рядом, за спиной, он через некоторое время обернулся — никого нет. И ни всплеска, ни шороха.

«Может, ушла вниз, к озеру? Уснула по дороге? Небольшое черное тельце, свернувшееся в плюшевый клубок, легко затеряется на холмистом склоне...» — «Нет. Вся небольшая колония пинфинов, полюгалы и рыбьи пузыри (а это еще кто?) спустились до самого озера, но ее нет ни на кубических уступах, ни в башне, ни за насыпью, ни в воде — полюгалы ныряли...»

Тарумов вылил залпом три полных «грейпфрута» — живая вода сработала, словно он выпил старого доброго коньяка. Ощутив прилив бодрости, он встряхнулся и бросился обшаривать окрестности пещер. Не может быть, чтобы никакого следа. Не может быть. Но ведь было уже. И сколько раз. Значит — может. Значит, они все-таки во власти холоднокровных выползней, к которым гуманоидная логика неприменима. Он искал, но знал уже, что это бессмысленно, потому что маленького кроткого существа с печальными пепельными глазами нет ни на склоне, ни в озере, ни за насыпью...

ЗА НАСЫПЬЮ?!

Он скатился вниз, к пещере, не веря своим ушам, не веря своей памяти.

«Ты был за насыпью?» — «Да, но там ничего нет. Там нет пещер. Там нет камней. Искать негде. Там нет даже плодов в траве, и полюгалы туда больше не заглядывают». — «Значит, и они там были?» — «Когда-то... да». — «Жди меня!»

Он мчался вниз по склону, как не бегал здесь еще ни разу. Травяные кочки упруго отталкивали его, словно легкие подкидные доски. Проверить, проверить немедленно — неужели запретный барьер снят? Неужели дорога к кораблям открыта?

Еще на бегу высмотрел луночки, расчищенные им в прошлый раз на мохнатом боку насыпи, с разбегу взлетел наверх...

Как бы не так. Липкий зеленый кулак деловито сшиб его прямо в пожелтелый стожок, припасенный давно и так кстати...

Когда он пришел в себя, не хотелось ни отмываться, ни шевелиться вообще. Кажется, эти земноводные добились своего — выколотили из него всю волю, всю способность к сопротивлению. У него не было к ним предвзятой атавистической неприязни — отголоска тех незапамятных времен, когда босоногий человек на лесной тропе бессознательно шарахался от ядовитой твари. В детстве он даже любил возиться с лягушатами, жабами и особенно ужами, и они

нагуливали себе подкожный жирок на дармовых кормах в его великолепном самодельном террариуме. А однажды отец даже взял его (потихоньку от мамы, разумеется) в настоящий серпентарий. В загон их, естественно, не пустили, но через толстые стекла, вмазанные в кладку стен, он досыта нагляделся на медлительных и с виду таких же ручных, как и его ужи, щитомордников и гюрз. А потом ему дали погладить великолепного золотоглазого полоза — беспокойное создание, постоянно мятущееся по загону в поисках лазейки. Уникальное свободолюбие этого существа стало для него роковым: он попал в неволю именно благодаря ему и обречен был служить своеобразным индикатором целостности и непроницаемости вольера. Как только эта огромная, почти трехметровая черная змея исчезла из поля зрения серпентологов — значит, надо было немедленно искать и заделывать лазейку. При любой, самой минимальной возможности бежать этот субъект удирал первым.

И попадался — следили практически за ним одним, бедолагой...

За ним одним.

За ним.

Створки детских воспоминаний медленно закрылись, чтобы дать место горестному осознанию настоящего. Мир мудрых, прекрасных ужей... Он исчезал, осыпался вместе с шелухой внешних, поверхностных ассоциаций.

Ведь это он, и только он, был ужом, золотоглазым змеем-полозом, бессильно бьющимся головой о стены этого гигантского террариума. Это за ним неусыпно следило мертвое око озерного стража — за ним, человеком, самым свободолюбивым существом Вселенной, за уникальным индикатором возможности побега...

И тогда одновременно с сознанием собственной роли в этом мире перед Тарумовым естественно возник единственный выход.

«...а старт будет тяжелым, уходить надо будет на пределе. — Он не хотел их пугать и скорее занижал реальную опасность, а старт должен был быть чудовищным, неизвестно еще, все ли выдержат. — Нужно только оторваться от поверхности, а там каких-нибудь сорок тысяч метров — и в подпространство, вам ведь не требуется точного выхода из него. Где ни вынырнете — все равно ваш сигнал бедствия экстренно ретранслируют на Землю. Висите себе между звезд, отдыхайте, помощь сама вас найдет...»

«Нет», — сказали пинфины.

«Нет», — повторили за ними и полюгалы, и «рыбьи пузыри», дышавшие всем телом, и инфраки с неподвижно-напряженными зрячими лицами, и зеркальные сосредоточенные близнецы, о самоуглубленном существовании которых Сергей до сих пор и не подозревал.

Он кричал на них, он издевался над ними, он готов был побить их, связать травяными веревками и таким вот безвольным, тупым косяком гнать их до самого звездолета... Он-то на все был готов, одна беда — дойти до корабля они должны были без него.

Он продолжал убеждать, он рисовал им на стенах пещеры сказочные картины Земли — горы, облака... Теперь он уже не старался убедить их — он просто ждал.

И вот он услышал, даже нет — почувствовал, как снизу, из лабиринта тинных холмов, появился его пинфин.

«Ты дошел?» — «Да». — «И вошел внутрь?» — «Да». — «Ее нет и там?» — «Нет». Об этом не нужно было уже спрашивать.

«Ты пробовал запустить двигатели?» — «Да. Но это никому не нужно». — «Это нужно тебе, потому что у тебя единственный шанс — привести помощь с Земли!» — «Бесполезно...»

Бесполезно!

Как он сейчас ненавидел их — беззащитных, кротких, слабых...

Бесполезно!

Ну нет, это вам так не сойдет, я научу вас свободу любить, младшие мои братья по разуму, так вас и так...

«Переводи. Переводи им всем, и поточнее: огонь спустится с гор, и смрад затопит долину. Спасение — там, за насыпью. Перевел? Все поняли? А теперь пошли вниз, к озеру. До ворот по одному, а дальше к кораблям поведешь всех ты. Дорогу знаешь».

Он двинулся вниз, привычно задирая ноги по-журавлиному, чтобы не путаться в осточертевшей тине. Оглянулся — никто так и не пошел за ним. Сергей недобро усмехнулся, вытащил из-за пояса перчатки и принялся на ходу драть длинные влажные пучки.

Он шел медленно, медленнее обычного — плел что-то вроде каната. Пока добрел до башни-туры, сплел изрядно, метра три. Не начало бы сохнуть раньше времени. Поторапливаться надо.

Он ускорил шаг. За бурую замшелую решетку только глянул искоса, но даже не задержал шаг. Влетел в регуля-

торный зал — все знакомо, опробовано, и слава богу. Этот верньер — до отказа, теперь снаружи темнота. Хорошо, стены башни изнутри попыхивают колдовским сиреневатым светом.

А теперь — канатик. Перекинуть через крестовину красного штурвала и дотянуть до крестовины вон того, пепельного. Дотянул. И — мертвым узлом. Просто-то как, а?

Отступил, прикинул — не надо ли еще чего? Нет, хватит. Чтобы не перебрать. Эти-то два эффекта надежно проверены, не в полную силу, разумеется, иначе в пещерах давным-давно никого в живых бы не осталось. Но сейчас он увидит, каково это — в полную силу!

Хоть это удовольствие он получит.

Он выскочил из башни и начал быстро карабкаться вверх, к пещерам. В сторону насыпи он даже не повернул головы — сгустившаяся по его воле тьма не позволила бы ему рассмотреть даже смутные силуэты кораблей. Вверху тепло мерцали арочные входы в пещеры, три луны приподнялись из-за вершин, опоясывающих долину, и на отвесных гигантских ступенях слабо замерцали полустертые знаки неземного языка. Темнота — это у него хорошо получилось.

А теперь начнет свою работу сохнущая трава.

И началось. Он знал, что не пройдет и часа, как травяной канат, сжимаясь, начнет поворачивать друг к другу два колеса, к которым до сих пор Тарумов едва смел притрагиваться. Да, началось. Кромка гор затеплилась золотистым светом, и пока это было еще не страшно, но полоса огня расширялась, теперь это была не тоненькая нить, очерчивающая контур каменной чаши, теперь это было похоже на огненную змею, устало и мертво распластавшуюся по верхнему краю их долины.

Но полоса огня все росла, ползла вниз, и вместе с ней и опережая ее, вниз устремился удушливый смрад... Апокалипсис, да и только. Долго ли там будут медлить младшие братья?

Они не медлили. Они катились в ужасе вниз, и только по стремительно мелькавшим мимо него теням Тарумов мог определить, сколько же их спасается бегством. Тридцать... Больше сорока... Больше пятидесяти... Кто именно — этого он определить не мог.

Не узнал он и своего пинфина.

Они промчались мимо него повизгивающей, всхлипывающей стайкой, и, отставая от всех, последними прошагали зеркальные близнецы.

Все. Теперь лучше взять вправо, на гигантский, испи-

санный магическими письменами уступ. Но, словно угадав его желание, огненный ручей отделился от общей полосы огня и, круто направившись вниз, заструился прямо навстречу Сергею, стекая по ступеням исполинской лестницы. Сергей отпрянул — он знал, что его ждет, он сам выбрал это, но... не так скоро.

Он побежал влево, оскальзываясь на влажной пока траве, падая лицом в пружинистые кочки, задыхаясь, обливаясь потом. Скинул ботинки. Затем на бегу содрал с себя комбинезон. Холодный взгляд упирался в него ощутимо — до мурашек на левом плече и щеке, обращенных к озеру, и впервые он чувствовал не омерзение и даже не безразличие, а острую, злобную радость. Давай-давай, гляди! Гляди и не оборачивайся, дубина запрограммированная, гляди во все глаза и не отвлекайся, потому что сейчас только это от тебя и требуется!

Потому что они еще не дошли. Еще не взлетели.

Так он шел и шел, уводя за собой неотрывный взгляд своего стража, и трава, словно чувствуя приближение огня, как-то разом усохла, перестала путаться и пружинить, и идти было бы совсем легко, если б не удушливая гарь, но идти было уже некуда — перед ним открылся давешний обрыв, и свежий воздух подымался толчками из глубины, словно там, в темноте, взмахивала крыльями исполинская птица. Настигаемый нестерпимым жаром, он вскинул руки, ловя губами, лицом, грудью эти последние глотки прохладного ветра, и в это мгновение такой знакомый, такой земной гул стартовых двигателей выметнулся из темноты, и огненные звезды дюз поднялись вверх, в темно-зеленую глубину неба...

Успели.

И последнее, что увидел Тарумов в конусах света, отброшенных уходящим кораблем, было стройное тело сказочного змееподобного существа, промелькнувшего над озером в стремительном и естественном полете. Это не было погоней за беглецами. Осеребренный светом удаляющихся звезд, этот змей даже не взял на себя труд проследить за их исчезновением.

Он искал не корабль, а крошечную фигурку человека, этого самого вольнолюбивого существа во Вселенной, который должен был бежать отсюда первым, а вместо этого предпочел задохнуться в чаду разожженного им же самим пожара. Так почему же он не бежал?

ПОЧЕМУ?

Медленно, круг за кругом, спускался он к обугленному

обрыву, и продолжал спрашивать себя, и по-прежнему не находил ответа. И не мог найти, потому что логика существ, населяющих террариумы, несовместима с логикой тех, кто эти террариумы создает. Он глядел вниз, и взгляд его был полон недоумения и разочарования.

Но если бы Тарумов мог видеть эти глаза, обращенные к нему, они снова показались бы ему мудрыми и прекрасными...

Перун

Этим летом он был полон и упоен той стремительностью, гибкостью и всемогуществом, которые так легко дались и его телу, и его духу. Вообще-то, год назад он был уже почти таким, как сейчас; но — почти. Тогда это ощущение было перманентным открытием, а не нормой. Вернувшись из своего первого полета, он взял себе сорокапятидневный отпуск и, как ему казалось, только и делал, что нырял, играл в ручной мяч и озирал окрестности Эльбруса с вершин соплеменных гор. Но, вернувшись на Валдайку-предполетную, он с ужасом обнаружил, что набрал чуть ли не полпуда никчемной плоти, столь обременительной для его новой профессии. Ему стало стыдно поджарого Гейра, и он вогнал себя в норму методами форсированными и несколько жутковатыми.

Два полета без перерыва — это протянулось ровно на год, и он ничего не имел против, и вовсе не потому, что не хотел отстать от экипажа Инглинга, вложившего столько сил в то, чтобы сделать из него человека, — нет, ему и в самом деле без особого труда давались и тягомотина самого перелета, и разнокалиберные сюрпризы чужих планет, отличавшихся весьма умеренным с точки зрения Земли гостеприимством.

Сейчас все было иначе, чем год назад. Не подумав, он снова выписал себе сорок пять дней, и еще хорошо, что догадался осведомиться у командира, где его искать в случае чего, — да откуда ему, в самом деле, было знать, во что выльется это самое «чего».

Вылилось это в то, что на семнадцатый день он уже был на Пике Елены, и полное отсутствие восторга при виде осиянных вершин истинно рериховского ландшафта поставило его перед безрадостным фактом, что восхождения ради восхождений отодвинулись для него в прошлое. Он хлебнул настоящей работы, и игры на свежем воздухе перестали его наполнять. У него хватило мужества признаться в этом открытии своим ребятам, и его милосердно спустили вниз на вертолете.

Еще полтора дня ушло у него на то, чтобы найти Гейра Инглинга.

Командир гостил у папы с мамой на станции региональной метеокорректировки и самым буколическим образом пилил дрова наперегонки со списанным однощупальцевым кибом, когда новобранец его экипажа свалился на него весь в соплях от собственного комплекса разочарований.

Гейр не впервые возился с новичком и в отличие от него сознавал, что полтора года — срок недостаточный для

полной акклиматизации в космосе и что сейчас наступает одна из самых неприятных, хотя и быстропроходящих, фаз — отчуждение от Земли. Силушки многовато, мускулы, парадоксальные с точки зрения классической анатомии — концентрат мускулов, — играют просто в силу инерции; быстрота реакций воспринимается как отточенность ума, а его-то и не хватает для того, чтобы не обольщаться по поводу всемогущества превосходного биоробота, взлелеянного в себе самом во славу инопланетных одиссей. Настоящим зубром дальних зон становишься только тогда, когда вот так тянет поколоть дрова...

Но такие вещи не объясняют на словах.

Поэтому мудрый Гейр, не навязывая сочувствия, но и не впадая в сентенции, тут же связался с Байконуром и разрешил подключить космолингвиста Анохина к не входящим в его обязанности работам по уборке трюмов. Конечно, правила гостеприимства обязывали его предложить отставному альпинисту отдохнуть на метеостанции, тем более что она располагалась на берегу прелестного малахитового озера, вобравшего в себя всю разномастную зелень окрестных лесистых холмов. Но для Анохина сейчас самым полезным было по маковку окунуться в работу, и командир посоветовал ему пуститься в путь засветло, потому как его мать, владетельная Унн Инглинг, в части метеокорректировки была несколько дальнозорка, и если во всем регионе поддерживается строго заданный климатический режим, то в окрестностях станции, под самым носом, порой творится ну прямо черт-те что. А так как до ближайшей вертолетной стоянки километров двенадцать безлюдными прибрежными тропами, то еще лучше попросить рейсовую машину завернуть на минутку сюда. Иначе благополучного возвращения на корабль он не гарантирует.

Как и следовало ожидать, Анохин самонадеянно заявил, что доберется до вертолетной пешком и прибудет на «Харфагр» своевременно. Излишне добавлять, что у такого командира, как Гейр Инглинг, корабль и не мог носить другого имени.

Анохин простился с Гейром и владетельной Унн чуть торопливее, чем следовало младшему члену экипажа, и, обогнув стадо противоградовых «кальмаров», запрыгал по узловатым корневищам каких-то реликтовых великанов, вместе с тропинкой спускающихся к самой воде. Там он свернул влево и пошел берегом, временами выбираясь на крупный буроватый песок, над которым стлались звероподобные вечерние комары; затем тропинка круто брала вле-

во, совершенно нелогичным образом забираясь на продолговатую гряду, поросшую можжевельником, словно тому, кто проложил этот путь, казалось невыносимым и противоестественным все время двигаться по прямой.

Он шел уже около получаса, радуясь безлюдности и только искоса поглядывая на густо-зеленую тучу, исполинским жабьим животом наваливающуюся на противоположный холмистый берег. Мокнуть не хотелось. Но тропинка ныряла в хаотический лесной молодняк, совершенно скрывающий противоположный берег, и когда горизонт открывался снова, становилось ясно, что скорость движения тучи не оставляет ни малейшей надежды на благополучное завершение этого маленького путешествия.

Туча была грозовой, поэтому стоило подумать о чем-то более безопасном, нежели развесистое дерево.

Он ускорил шаг и совершенно неожиданно услышал впереди себя голоса. Он удивился так, словно где-нибудь на Атхарваведе увидел человека без скафандра. Затем рассердился на себя за это изумление, а заодно и на своих непрошеных попутчиков, — невидимые за поворотами петляющей тропочки, они явно шли в том же направлении, что и он. Анохин досадливо замедлил шаг, оглянулся на тучу — и невольно припустил чуть ли не бегом. Ладно, ничего страшного не произойдет, если он их попросту обгонит. Невежливо. Ну и пусть. Они — заблудшие туристы, после недельного сидения в своих лабораториях и информаториях снедаемые мазохистским намерением обязательно преодолеть двадцатикилометровую дистанцию с костровокотелково-комариным финалом. Святые люди. Он даже поздоровается с ними. И даже приветливо.

Дорожка выпрямилась и в сотый раз пошла вниз, впереди замаячил последний рюкзак, и цепочка людей, предшествующая ему, насчитывала еще не менее двух десятков рюкзаконосцев. Анохин сделал рывок и начал обходить их одного за другим, временами кивая и бормоча нечто нечленораздельное, должное означать приветствие; но тут тропинка вылилась на прибрежный песок, цепочка людей потеряла свою четкую последовательность, и Анохин невольно оказался в самой гуще туристов, впрочем, не очень от них отличаясь. Он уверенно двинулся вперед, лавируя между людьми как-то даже не глядя, но сзади крикнули: «Кира!» — и он автоматически обернулся, прежде чем понял, что зовут, конечно, не его. Сказалась скорость реакции, совершенно излишняя тут, на Земле.

Кто-то слева от него обернулся с той же стремительно-

стью, разве что чуть более плавно, и он поднял глаза просто потому, что его поразила точная зеркальность этого движения.

Разумеется, если бы он с самого начала взял на себя труд оглядеть своих попутчиков, он несомненно отличил бы эту тоненькую фигурку от всех остальных — уже хотя бы потому, что она была в каком-то облачно-сером платье и без ноши. Что-то еще бросилось ему в глаза, что стоило рассмотреть повнимательнее, но он, опять же в силу быстроты отточенной в полетах реакции, проследил за направлением, откуда прозвучал зов и куда естественно потянулась она, а когда взгляд его вернулся на прежнее место, рядом никого уже не было. На то, чтобы произвести это движение — уже не телом, а всего направлением взгляда, — ему потребовалось две сотые секунды, не более; и все-таки облачно-серое платье плавно двигалось впереди метрах в пяти-шести, ускользая от его внимания. Ассоциации возникали столь же мгновенно, сколь и непрошенно, и Анохин уловил странное сходство с прыгающими бликами на Ингле, в предпоследнем полете. Световые «зайчики», отброшенные нефиксируемым источником, да еще и при постоянно спрятанном за тучами солнце, преследовали группу десанта на протяжении всей экспедиции — холодные, ускользающие, любопытные. Их пришлось оставить вместе с серебряным песком и прочими немногими радостями этой металлической планеты, совершенно непригодной к заселению в силу отсутствия кислорода. Серебра, конечно, было навалом, но не тащить же его из девятой зоны дальности... Планета была занесена в каталоги как бесперспективная, и вместе с пепельно-сыпучими воспоминаниями отложилась досада на то, что поторопились связаться с Базой и в полном очаровании этим платиновым мерцанием занесли бесполезную тарелку в официальный список под именем Земли Гейра Инглинга, одарив ее звучным именем древних викингов и современных звездных капитанов. Да, поторопились.

Одним из непременных качеств, которое Гейр старательно воспитывал в Анохине, было неукоснительное доведение до логического конца любого начинания, и именно в силу этой звездной, а отнюдь не земной привычки он догнал обладательницу пепельного нетуристского одеяния. Раз уж что-то показалось необычным и задержало его весьма привередливое внимание, то это надо было зафиксировать почетче.

Она (а если верить обращению, то — Кира) вдруг выбросила вправо руку одновременно плавным и стремительным движением, как это делают любители старинных ве-

лосипедов; узкая, белая до серебристости ладошка мелькнула перед самыми глазами Анохина, точно уклейка, и, повинуясь этому жесту, брючно-рюкзачная стайка свернула от воды в лощинку между холмами, где в смутной лиловатости непонятно откуда взявшегося тумана замаячили торчки плетеной ограды. За торчками угадывался домик, затененный зеленью, и Анохин сразу понял, что она, в отличие от всех остальных, не пришлая, а, скорее всего, хозяйка этого домика, и вдруг совершенно неожиданно его захлестнула досада, оттого что сейчас этот одинокий маленький дом, похожий на заброшенный в сад скворечник, будет переполнен рюкзаками и тапочками, запахом вывернутых курток и топотом ног в одних носках...

На эту досаду ушло не более полутора секунд, и взгляд, отброшенный уклеечным движением ладони к обреченному скворечнику, вернулся на прежнее место, где только что стояла она.

Ее, естественно, не было. Ускользнула куда-то за спину и теперь подгоняла увязающих в песке аутсайдеров нетерпеливыми и зябкими движениями плеч и маленького подбородка. Он опять не разглядел того, что хотел, но возвращаться назад, к ней, было, по меньшей мере, глупо и неестественно, и Анохин решил подождать, когда она пройдет мимо него; но тут первая капля величиной с конский каштан шмякнулась на песок, туристы дружно загалопировали, трюхая снаряжением, и он вдруг поймал себя на том, что уже расстегивает на себе куртку, потому что тому, кто добежит последним, от недосмотра дальнозоркой Унн достанется более всего; он вытянул шею, высматривая поверх голов пепельные, как и платье, волосы, и с традиционным недоумением снова ничего не обнаружил. Не было ее на берегу.

Он с трудом углядел ее возле садовой ограды, сквозь плетенку которой цепко лезла на волю одичалая неухоженная жимолость. Туман сползал по лощинке, разделявшей холмы, и вдруг с тою же радостью, уже начавшей его тревожить, с которой отыскивал он серое платье, Анохин понял, что непрошеные посетители зеленого озера вовсе и не думают оккупировать чужой дом, а, минуя его, ныряют в туман и топочут, как невидимые гномы, к какому-то приюту, ожидающему их где-то среди холмов; приглядевшись, он даже различил смутный огонь, трепетавший в глубине сгущающихся сумерек. Последний топотун исчез, едва окунувшись в туман, и, опережая собственный взгляд, Анохин понял, что возле ограды ее уже не будет.

И ее не было.

Он сделал несколько шагов и взялся за шершавые ивовые прутья заборчика. Из сада тянуло зеленолиственной влагой и пронзительным одиночеством. Он ждал, что в доме зажжется свет, и тогда она глянет в окно, отделенное от него какими-то десятью шагами, и заметит его блестящую форменную куртку, и вернется. Проще простого было бы крикнуть в темноту: «Кира!» — но он знал, что этого он не сделает. Слишком уж примитивно. Перенести его на порог ее дома должно было какое-то волшебство, родственное тому, которое позволяло ей беспрепятственно исчезать в одном месте и являться в другом — вот именно, являться, а не появляться. Он стоял не шевелясь, чтобы не спугнуть это надвигающееся на него наваждение, и уже знал, что простоит тут всю ночь, ожидая своей минуты, и редкие тяжеловесные капли все крепче и крепче прибивали его к забору с методичностью, возведенной в степень фатальности. И она стояла перед ним на расстоянии протянутой руки, явившись неизвестно в какой миг, и смотрела на него непомерно расширившимися глазами, как смотрят на добровольного мученика-идиота, с той долей иронии и сострадания, которая была завещана Франсом и утверждена Хемингуэем.

Он увидел эти глаза и понял, что же еще в ней он старался углядеть.

— Все ушли, — проговорила она, хотя и так было ясно, что они тут в полном одиночестве, то есть вдвоем.

— А как же я?.. — проговорил его губами кто-то очень маленький и вконец растерявшийся.

— Ну так догоняйте! — сказала она легко и снисходительно.

Он молчал, ожидая, что она сама догадается хотя бы по его куртке со звездами и молниями — которых, между прочим, в космосе никогда не бывает, — что гномы-топтуны никакого отношения к нему не имеют; но молчание затягивалось, и он вдруг осознал, на пороге какого дома он остановился. Это был дом, где даже не знают, как выглядит форма звездолетчика.

Все, что делало его суперменом в собственных глазах — ну и еще кое для кого из окружающих — все последние полтора года, не имело здесь решительно никакого значения. Он до того растерялся, что толкнул калитку и влез в мокрый сад, как буйвол — на грядку со спаржей. Она повернулась и поплыла к дому, по пояс в тумане, и совершенно непонятно было — то ли это форма возмущения его бесцеремонностью, то ли приглашение следовать за нею. Как настоящий мужчина, он выбрал то, чего сам добивался.

— Вас ведь зовут Кирилл? — не оборачиваясь, спросила она, подымаясь по ступеням крыльца.

Значит, она как-то чувствовала, что он следует за ней, хотя двигался он совершенно бесшумно, как учил его Гейр. И отвечать ей не нужно было — она спрашивала не для того, чтобы услышать вежливое «Да, вы очень любезны, что соблаговолили запомнить мое имя». Или еще что-нибудь столь же изысканное, почерпнутое из юношеского благоговения перед стендалевским Фабрицио. Он молча поклонился ее узенькой серебряной спине.

Она поднялась на последнюю ступеньку и растворила дверь, пропуская его перед собой. Он вошел в единственную комнату, из которой и состоял этот дом, и внезапно понял, что здесь ему делать нечего.

Всю переднюю стену занимало окно — вернее, ивовый изящный переплет, на который была натянута стеклянистая пленка. За нею глухо зеленело озеро, слева и справа очерченное буроватыми лунками пляжа. Правую стену занимало нагромождение полок и экранов, ваз и шкафчиков, кофеварок и консольных компьютеров, в которое скромно вписывался едва ли не детский письменный стол. Два узких стула с очень высокими спинками подчеркивали хрупкость и неприкасаемость всей обстановки, и с этим еще можно было бы смириться.

Но у левой стены снежно белела узенькая постель с кисейным пологом, от которой девственно веяло температурой абсолютного нуля.

В эту комнату она спокойно могла привести озверелого легионера, пьяного каторжника или хорошо выдержанного монаха.

Или потерявшего маму олененка.

— Что вас тревожит? — спросила она, переступая следом за ним порог своей обители. — Сейчас мы свяжемся с вертолетной, и машина будет сразу же, как только утихнет гроза.

— Знаете, я пойду, — поматывая головой, проговорил Кирилл. — В этой комнате совершенно невозможно развалиться, взгромоздиться, швырнуть куртку на пол, сбросить тапочки... Словом, чувствовать себя человеком.

— Действительно, — грустно согласилась она, — не располагает... Но у меня есть кофе и ром, это поможет мне сгладить недостаток гостеприимства.

— Я бы не подумал, что вы грешите недостатком коммуникабельности, — волокли по берегу целую ораву...

— А, эти!.. Что же делать, они относились к той категории людей, которые никогда не знают, где находится то место, откуда надо поворачивать.

— А я? — жадно спросил он.

— Вы, вероятно, интуитивно находите места, куда вам сворачивать не стоит. И делаете обратное.

— Верно. А вы?

— Я... Вы управитесь с кофемолкой?

— Я управлюсь с любым механизмом, от турбогенератора до гильотины. Например, я априорно знаю, что этот стул меня не выдержит. Проверять или не стоит?

— Не стоит, пожалуй. Вот шкатулка с кофе, а я пока вызову вертолетную.

— Я бы в такую грозу вам этого не рекомендовал... Кира! Это действительно опасно.

Она медленно протянула руку и выключила передатчик.

— Вы физик? — спросила она.

Кирилл подумал, что такие обороты свойственны только дремучим гуманитариям.

— Я переводчик, — сказал он, избегая высокой титулатуры.

— С древних языков?

— С инопланетных.

— А.

Он чуть было не рассердился, но вовремя спохватился и заставил себя сказать то, что он думает, — был у него такой аварийный прием, которым он обезоруживал противника: предельно просто и лаконично обрисовать сложившуюся ситуацию.

— Слышали бы вы со стороны, как прозвучало это ваше коротенькое «А!». Глубокий финальный аккорд, после которого слушателям остается только пройти в гардероб. А ведь я так обрадовался, что мне представилась возможность задать вам вопрос о вашей профессии, и у вас просто не было бы варианта, позволяющего уклониться от прямого ответа.

— Вы немножечко неточны: я сказала «А». Без восклицательного знака. И кофейные чашки вон там, на второй полке.

Он стиснул руки и мысленно поздравил себя с тем, что сумел сдержаться и не грохнуть кулаком по письменному столику. Почему из всех женщин, которые встречались ему за последние два года и на Земле, и вне ее, именно эта была самой неуловимой, самой ускользающей? Все было, как на Ингле, когда набираешь полные горсти серебряного звенящего песка, и, как бы крепко ни стискивал руки, все равно неуловимые струйки текут между пальцев, и ладони уже пусты, и только печальное, беззвучно тающее облачко мается на том месте, где ты только что владел целым сокровищем...

— Это было моей последней надеждой, — упавшим голосом доложил он. — Нужно было говорить теми же словами, что и думаешь. Вы замечали, что человек думает одними словами, а говорит — другими? Да? Так вот, если так раскрыться, вывернуться наизнанку той розовой шерсткой, которая внутри у нормальной человечьей души, то тебе обязательно отвечают тем же...

— Зачем, Кирилл?

Эти два слова прозвучали в холодной сумеречной комнате словно два тихих удара маленького серебряного колокола. Снаружи грохотали почти непрерывные, громовые разряды, но они ровным счетом ничего не значили, да, скорее всего, они оба их попросту и не слышали, словно звуками на самом деле было только то, что произносилось в этой комнате, а все остальное относилось к иной категории явлений и было яркой, но беззвучной декорацией.

— Действительно, зачем? — отозвался он устало и почти безразлично — эти два серебряных удара вышибли из него весь былой энтузиазм. — Я, конечно, осел. Даже если вы подробно растолкуете мне, кто вы, откуда и на какой ниве приносите пользу всему человечеству, я все равно не узнаю главного...

Она приподняла свои не очень темные, словно чуть припудренные, брови, как бы сомневаясь в том, а совпадает ли то главное, что подразумевает он, с тем главным, которое есть на самом деле.

— А главное — это то, почему сегодня, двадцать седьмого августа, в душный и почти субтропический вечер, вы замерзаете в этой ледяной комнате. Я сейчас уйду, и вы замерзнете совсем. А уходить надо, потому что мне здесь делать нечего. У меня уже есть небольшой опыт, мы уходили с целых планет, когда понимали, что, в общем-то, ненужны друг другу. А это были сказочные планеты, вы уж поверьте мне на слово. По одной у меня останется тоска на всю жизнь, да что поделаешь...

Он поискал глазами, куда бы поставить совершенно ненужные чашечки кофе, и увидел, что она сидит на узеньком своем стуле, от подбородка и до кончиков туфель туго завернувшись в какую-то бесцветную шаль, с безупречно прямым углом согнутых коленок, как у статуэток древних египетских богинь. Он поставил чашечки ей на колени и сел прямо на пол, жадно и безнаказанно глядя ей прямо в лицо.

— Сейчас я уйду, — пообещал он, — потерпите еще немного, я отсчитаю семь зеленых молний и уйду. Честное звездное.

Он обернулся к застекленной стене, и в тот же миг небо

над озером раскололось глубокой трещиной, и по обеим сторонам этого провала очертились набухшие темно-зеленые пласты, как будто разомкнулись чудовищные губы нависшего над озером злобного, гневливого дива. Целая обойма ломаных, ступенчатых молний разом саданула в разглаженную дождем поверхность воды, и, ни доли секунды не медля, неистовый грохот вмял в комнату дрожащую от напряжения, пузырящуюся в частых переплетах окна сверхпрочную пленку.

Кирилл вскочил раньше, чем зеленое зарево осветило всю комнату — молний было ровно семь, и чем бы это ни было — дьявольщиной, совпадением или вмешательством каких-то инфернальных сил, подвластных этой пепельно-ледяной женщине, — его человеческий своевольный дух вздернул тело на дыбы раньше, чем разум смог отдать какой-то обдуманный приказ.

Он схватил ее за плечи и поднял, так что несчастные чашечки покатились в разные стороны, прочерчивая на подоле стремительные траурные траектории, и вместо злости ощутил вдруг неистовую радость освобождения от собственной мечты и беспомощности, словно дурацкое вмешательство зеленогубого громовержца одним махом отмело все правила, условности и запреты.

Он кричал ей что-то прямо в лицо, и понимал, что за несмолкаемой канонадой ничегошеньки не слышно, и смеялся от неожиданно обретенной свободы. Черта с два он теперь уйдет отсюда! Хватит с него прощаний...

Гром поутих.

— Думаешь, я теперь уйду? — крикнул он, успевая вклиниться в образовавшуюся паузу, и голос его прозвучал непомерно звонко и нетерпеливо. — Фу, прости за львиный рык, в этом грохоте и не сообразуешься... Никуда я не уйду. Ты только погляди на него, ишь разевает пасть... Кашалотище. И оставить тебя одну — с ним? Не выйдет! Набегался я с других планет. Нажалелся. Натосковал. Теперь я на своей Земле.

За окном, уже успевшим зарасти новой пленкой, оглушительно и протестующе громыхнуло.

— Обратила внимание: когда у него молнии свисали с верхней губы, он был похож на зеленого моржа? Ну ничего, дождя почти не было, такие жуткие грозы бывают только всухую, так что я сейчас наберу чего бог пошлет и разведу тебе настоящий живой огонь, с треском и гарью, рыжий...

— Уходи, — с неожиданной силой освобождаясь от его рук, проговорила она. — У-хо-ди.

От неожиданности он даже попятился, пытаясь найти нужные слова и не находя их, а она наступала на него, запрокинув голову и закрыв глаза, и повторяла с яростной настойчивостью:

— Уходи. Уходи. Уходи.

Он наткнулся спиной на дверной косяк, нащупал запор и распахнул дверь. Ветер, несущий ветки, листву и сырой песок, едва не сбил его с ног.

— Уходи! — крикнула она, стараясь перекрыть вой бури, но все-таки не открывая глаз, и тогда на него снова нахлынула радость, оттого что она боялась его видеть, оттого что, кроткая, милосердная и безразличная, она гнала его в грозу, и он замер, боясь сделать что-нибудь не так и спугнуть снизошедшее на нее наваждение.

Не слыша больше его шагов, она испуганно насторожилась, лицо ее напряглось, и она боязливо приподняла ресницы.

Он стоял близко-близко.

— Уходи же! — крикнула она с отчаянием.

Кирилл оглянулся на темные пришибленные кусты, на мелкие ядовитые молнии, сыплющиеся с неба, точно иголки, на подсвеченную этими сполохами мутную стену наконец-то собравшегося ливня.

— Так ведь страшно, — пробормотал он почти виновато.

И вдруг, холодея, вспомнил, что сам, как идиот, напросился на немедленное возвращение на корабль.

Молния впилась в дерево где-нибудь метрах в тридцати.

— Вот так и убьет,— обреченно пообещал он, пересчитывая в уме дни, оставшиеся до отлета, и уже твердо зная, что явится на «Харфагр» никак не раньше чем за три минуты до старта...

Как и бывает с письмами, которые раз в месяц идут навстречу друг другу, они были наполнены довольно бессвязными воспоминаниями и не содержали даже намека на ответы всем тем сомнениям и вопросам, коим не посчастливилось родиться в мучительно долгий промежуток между краткими и ненадежными сеансами связи. Получая пакет с информационной точкой, Кирилл мчался в свою каюту, минуя нелюбопытный взгляд ничего не знавшего Гейра. У себя он запирался и запускал точку в дешифратор, и каюта наполнялась озерными бликами ясного, чуточку печального голоса, исказить который не могла даже непредставимая фантасмагория многоступенчатой галактической связи.

Он бросался тут же надиктовывать ответ, прекрасно по-

нимая, что за предстоящий месяц появится еще тысяча поводов для десятков тысяч слов, но он ничего не мог с собой поделать, потому что, пока он говорил с нею, она была с ним. И он описывал бесконечные перипетии довольно тяжелого рейса и свою работу, наконец-то настоящую, когда от его интуиции и опыта зависела судьба контакта с предполагаемой и почти иллюзорной цивилизацией. Экспедиция затягивалась на год, потому что приходилось ждать прибытия комплексников, которые всегда тянули со сборами, и в отчаянии от этой задержки, которая в предыдущем рейсе показалась бы ему просто подарком судьбы, он в который раз уже вспоминал поминутно каждый из двадцати четырех дней, отсчитанных от грозового двадцать седьмого августа до самого отлета «Харфагра», и устраивал ей шутливые сцены ревности к затаившемуся за прибрежной горой Перуну, так старавшемуся с треском выставить его из ее домика; и запугивал ее старинными легендами о феерических супермолниях, которые хорошо видны с космических орбит Приземелья, но почему-то неизвестных на самой Земле, — потоках огненной энергии, из которых, вероятно, и рождались языческие легенды о пылающих копьях мстительных громовержцев...

И, как это всегда бывает с чересчур затянувшейся перепиской, на исходе полугода одной из сторон стало просто невыносимо тесно в точечном объеме одного послания, а другой — уже ощутимо просторно.

Он сходил с ума, улавливая эту сдержанность и недоговоренность, он предполагал все, что угодно, — естественно, кроме того, что было на самом деле; не в силах помешать этому, он чувствовал, что она снова ускользает от него, и именно потому, что это ускользание было неотъемлемой ее чертой, он любил ее еще неистовее. Она ни в чем не упрекала его, но ничего и не обещала; она не отнимала у него ни грана прошлого, но для нее словно перестало существовать будущее. И с каждым разом он все больше и больше боялся, что следующего письма уже не будет.

В начале июня пакета для него не пришло.

В начале июля, не дождавшись нового сеанса связи, они направились в обратный путь, оставляя поле действия только что прибывшим кораблям комплексной разведки. Планета, пригодная для освоения, — это всегда было поводом для заслуженного восторга, граничащего с телячьим; Анохин, как мог, уклонялся от общего ликования. Он ждал приземления, он видел ее в толпе пропыленных встречающих, изнывающих под байконурским солнцем, — облачно-прохладную, истосковавшуюся от безответного говорения в пустоту диктофона...

На космодроме ее не было.

— Гейр, — крикнул он, врываясь к командиру, — ты можешь поверить, что мне сейчас нужна самая скоростная машина... и, если можешь, пропуск-аллюр?

Гейр посмотрел на него и понял, что это ему действительно нужно. Ни о чем не спрашивая, он выписал ему разрешение на самую быстроходную из машин глайдерного парка и проставил шифр, позволяющий Кириллу получать преимущество в любых коридорах и на всех горизонтах воздушного пространства.

К вечеру он уже был над озером. Он посадил машину на песок, осторожно выбрался из кабины и ужаснулся тягостному покою, нависшему над зеленой водой, расчерченной узкими отсветами вечерних костров, уже зажегшихся под звероподобным холмом на другом берегу.

Пока он шел к домику, он не спугнул ни одного зверя, ни одной птицы.

Когда он возвращался назад, к машине, золотоглазый нерасторопный уж пересек ему путь и, скользнув под стабилизатором, бесшумно ушел в воду. Кирилл поднял машину и, не утруждая автопилота, отыскал внизу розовеющие под закатным солнцем корпуса метеокорректировочной станции.

Большеносая Унн Инглинг, похожая на полярную сову, приветливо приняла его, нисколько не обеспокоясь тем, что он прибыл несколько раньше ее собственного сына. Гейр летал давно, бывало всякое. А с космодрома он уже звонил. Так что же беспокоит юношу? Ах, ничего не беспокоит... Да, отдых здесь прекрасный, разумеется, для тех, кто считает уединение благом. А домик? Домик пуст, как это ни печально...

Она тоже недоговаривала, тоже ускользала, очевидно полагая, что все происшедшее на их берегу не касается посторонних.

— Там жила... женщина, — проговорил Кирилл, с трудом разжимая губы.

Маленькая полярная сова нахохлилась, раздраженная его настойчивостью.

— Это совершенно непонятно и очень, очень печально. Она умерла всего... месяца два назад. Мы были почти незнакомы.

— Молния? — вскрикнул он, потому что ничто другое просто не было властно над этим берегом.

— Нет, конечно, нет, — протянула владетельная Унн с некоторым высокомерием. — Разве я бы допустила... Она упала в воду. У самого поворота к вертолетной есть небольшой обрыв, всего-то метра два, и тропинка не узкая... Женщины в эту пору иногда забывают, что прежняя ловкость

может им изменить. Гроза? Ну, что вы, Кирилл! Девятнадцатого мая был исключительно тихий вечер. Как сегодня. Я оградила этот берег от гроз сразу же, как только узнала, что она... Кирилл?!

Он очнулся в маленькой палате, которую заливало солнце. У окна сидел кто-то свой, и блестящая звездная куртка натягивалась на согнутой спине при каждом вдохе.

— Гейр, — сказал Кирилл.

Командир обернулся. Он был очень похож на мать, только ровно вдвое выше.

— Что там? — спросил Кирилл.

Гейр повел носом в сторону подоконника, недоумевая, в какой степени интересует Анохина открывающийся из окна пейзаж.

— Там море, — коротко сказал он.

Кирилл прикрыл глаза. Мутная темно-зеленая тошнота захлестнула его с головой, как и в тот раз, когда он вдруг осознал весь ужас немгновенности ее смерти.

Несколько минут было тихо, потом послышались шаги — настороженно подходил командир. Кирилл мысленно проверил, может ли он говорить, и только тогда открыл глаза.

— Послушай, Гейр, — проговорил он медленно, — вытащи меня отсюда. Я здоров.

Гейр втянул голову в плечи и по-птичьи встрепенулся. Вероятно, это должно было означать отказ.

— Вытащи меня, — настойчиво повторил Кирилл. — И засунь на какую-нибудь станцию. Все равно где. Только бы там не было ничего, кроме стен и машин. И чтоб выйти было некуда. Никаких встроенных пейзажей. Голые стены и звезды за окном.

Командир пытливо всматривался ему в лицо — он еще ничего не понимал.

— Да вытащи ты меня! — чуть не плача, крикнул Анохин. — Не может быть, чтобы ни на одном буйке не было свободного места! Я могу работать кем угодно, ведь любой космолингвист — обязательно и связист по совместительству. Пойди поговори с центральным диспетчером... Ты сам-то скоро уходишь обратно?

— Через неделю. На Шеридан.

— Нет. Это не для меня, — через силу проговорил Кирилл, припоминая пасмурные озера Земли Мейбл Шеридан и снова заходясь от удушья. — Выкинь меня по пути на любом маяке. Только бы отсюда. От этого моря.

Командир наклонился к нему — глаза Кирилла, голубые хулиганские глаза, освещавшие целый корабль или четверть планеты, были подернуты зеленой мутью.

— Что с тобой? — спросил Инглинг, потому что ему необходимо было это знать.

За окном шуршало, наваливая гальку к подножию больницы, теплое лиловое море. Лицо Кирилла снова свело судорогой.

— Не могу видеть воду, — с каким-то недоумением проговорил он. — Море ли, река... Пить могу, не бойся. Только из глиняной кружки. Ну, иди же, звони. Или я действительно тронусь.

Осторожно ступая, командир вышел. Он пропадал около получаса, и, когда вернулся, вид у него был какой-то небольничный — как у потрепанного боевого петуха.

— Представь себе, ради тебя пришлось выставить на пенсию одного зануду. Зато место — синекура! Странноприимный дом. И всего один светляк от Базы. Подходит?

Кирилл кивнул. Странноприимный дом — так были прозваны спасательно-аварийные буйки в дальнем Приземелье. Раскиданные на расстоянии светового года от Солнца, что по теперешним меркам считалось уже окрестностями Земли, они были готовы оказать помощь сбившимся с курса кораблям, которые в силу неисправности или еще по каким-нибудь причинам выныривали из подпространства слишком далеко для того, чтобы идти дальше на планетарных, и слишком близко от Земли, чтобы манипулировать неисправными гиперпространственными двигателями.

— Вызывай машину, я сейчас подымусь, — сказал Кирилл, щурясь от слишком яркого света.

— А вот это не пройдет! Я с трудом уговорил здешних церберов забрать тебя через неделю под личную ответственность, да и при условии...

— Ну и черт с ними, — неожиданно сдался Анохин. — Неделю я продержусь, это я тебе обещаю. Но ни дня больше... И сделай милость, задерни шторы. Раз осталась неделя, тебе пора...

Он методично обходил станцию, свыкаясь с каждым ее уголком. Кольцевой док, куда загоняли покалеченные корабли, — дырка от космического бублика. Сам бублик — машинные отсеки, реакторный зал, оранжереи и жилые корпуса были смонтированы из двухслойного астролита, без которого немыслимо было бы современное строительство в

Пространстве. Станции возводились там и тогда, где и когда удавалось подстеречь и, главное, притормозить приличных размеров астероид. Затем к нему на парс сухогрузов перебрасывался небольшой плавильный цех, который превращал бесцельно блуждающую по Вселенной глыбу камня в тонкие полупрозрачные панели, из которых специально выдрессированные для этого кибы возводили висячие сады Семирамиды вкупе с дворцами Аладдина, — разумеется, с поправкой на каноны космической архитектуры. На такой-то рукотворный островок, подвешенный в черноте Пространства, точно елочная игрушка, он и попал по собственной воле и неукротимому желанию.

На станции было все необходимое и ничего лишнего; то же самое можно было сказать и о немногочисленном персонале, принявшем Анохина, как он это понял, с гипертрофированным радушием вовсе не благодаря его личным качествам или блистательному послужному списку, а в силу неусмного восторга по поводу расставания с каким-то неведомым Кириллу занудой, который отбыл на базу днем раньше.

Поэтому с Анохиным все были донельзя приветливы, но никто к нему не приставал. А иного ему было и не нужно.

Он заглянул в обе обсерватории, рубку связи, скромные оранжереи, где тоже было только все необходимое — помидоры, клубника, фейхоа — и никакой экзотики. Он миновал только бассейн. Со временем, по-видимому, он и к этому привыкнет, но время это еще не наступило. Мысль о времени заставила его взглянуть на часы — до начала вечерней вахты оставалось пятнадцать минут.

Он направился в центральную рубку. С нехитрыми своими обязанностями он познакомился еще на пути сюда, на борту «Харфагра», и поэтому первый свой рабочий день он начинал без энтузиазма, свойственного новичкам в космосе. Инструкций ему почти никаких не дали — в самом деле, какие тут могут быть инструкции: сиди себе и жди сигнала от приборов, они за тебя все заметят и ничего не пропустят — каждый надежно дублирован; в случае чего решение примет большой станционный вычислитель, тебе придется только проконтролировать это решение. Но такое встречается нечасто, поэтому сиди себе, гляди в черный иллюминатор или играй с малым вычислителем в тихие настольные игры...

Ему пожелали спокойной вахты, и он остался один. Раскрыл вахтенный журнал, автоматически проставил: «11-я вахта, 25 августа 2261 года. Дежурство принял Кирилл Анохин».

И только увидев эту дату написанной на бумаге, он внезапно понял, что она означает. Прошел год. Ровно год с того дня, когда он, в полном смятении от бессмысленности своих развлечений, кубарем катился с Гималаев, чтобы вернуться к «настоящей» жизни. Он связался с Инглингом...

Нет. Инглинга он еще не нашел. Сейчас он сидит в нижнем лагере, держа в руках дымящуюся кружку, в которой ром пополам с чаем, и сморщенные ягоды горного можжевельника, и два юнца из спасательной команды презрительно повернулись к нему спиной. Инглингу он позвонит позже, часа через два, когда в верхнем лагере зажжется нежное и тоскливое пятнышко костра...

Он стряхнул с себя наваждение прошлого и обернулся к дисплейному пульту. Оливковые экраны высвечивали ненужную информацию, все механизмы станции жили своей размеренной машинной жизнью, где любое вмешательство человека — даже элементарное любопытство — было просто нелепо. Да, это счастье, что он догадался захватить с собой незаконченные расшифровки из последней экспедиции.

Он включил ММ — малый мозг — и, задав ему определенную долю кретинизма, сыграл с ним несколько партий в стоклеточные шахматы. Было интересно, но утомляло. Он запустил на боковом экране короткометражку «Из жизни комет» — видовой фильм без намеков на сенсационность — и мельком взглянул на циферблат.

Прошло два часа.

Сейчас он разговаривал с Гейром Инглингом.

Он грохнул кулаком по панели пульта и забегал по рубке — благо размеры позволяли. Он просто физически чувствовал, как затягивает его прошлое, — словно сзади, к затылку, приставили раструб вытяжной воронки, и холод воздуха, скользящего по вискам и утекающего назад, шевелил его волосы. Он противился этому притяжению назад, как инстинктивно сопротивляется человеческий мозг внезапному приходу безумия. Так ведь нет же, нет! С завтрашнего дня — восемь часов в спортивном зале, и даже за обедом — мытарство с дешифровкой, и в форсированном режиме — шериданский язык, здесь, кажется, механик по гипертрансляторам чешет на всей группе альфа-эриданских как бог. И пора учиться ручному монтажу, не на каждой же планете за спиной будет торчать услужливый киб...

«Прилетай!» — сказал Инглинг.

Кирилл почувствовал, что спина его покрывается холодным потом. Теперь это уже не был только страх потери равновесия во времени и падения в пустоту, которая за

спиной; сейчас к этому миленькому, но уже не новому ощущению примешалось еще одно: раздвоение воли. Потому что внутри уже проснулся другой Кирилл — так и не пришедший в себя от горя и теперь готовый отдать все свое настоящее за поминутное воспроизведение тех двадцати четырех дней, которые остались в прошлом.

«Надо что-то делать, надо что-то делать...» — с тоскливым отчаянием повторял он себе, и выплескивал остатки чая с ромом в костер, и брел к западному склону — ловить ультрамариновый рериховский закат, подальше от высокомерных и ничегошеньки не понимающих юнцов. И еще через час возвращался в лагерь, окончательно замерзнув, чтобы сразу же влезть в мешок и тихонечко включить незабвенную Сорок девятую Гайдна...

Кирилл рванулся к пульту, с непривычки долго искал каталог станционной фонотеки и, не мудрствуя лукаво, врубил на естественную громкость какую-то из шестнадцати симфоний Шнитке. Оказалось — вторую. Но это было уже неважно, потому что любой Шнитке заполнял его целиком, изгоняя и естество настоящего, и иллюзорность прошлого. Было только могущество музыки и непомерная гордыня человеческого духа — неотъемлемая черта всего второго тысячелетия... Кто-то приоткрыл дверь в рубку, вероятно встревоженный громовым «Санктус».

— Да? — спросил Кирилл, выключая фонограмму.

— Нет-нет, ничего, — ответили ему из-за двери, и тотчас же в рубку проник отголосок беззаботных, как ласточки, гайдновских скрипок...

Он запустил пальцы в распатланную шевелюру и зарычал. Тогда дверь все-таки распахнулась настежь, и в рубку вкатился коротконогий смешливый механик-полиглот с неожиданными печальными и внимательными глазами древнего врачевателя.

— Вам что, нехорошо? — скорее констатировал, чем спросил он.

— Да нет же! — Кирилл с отчаянием замотал головой, — он все силы положил на то, чтобы здесь никто и ни о чем не догадался. — Просто воспоминания одолевают...

Механик закивал, словно именно это он и ожидал услышать.

— Придется привыкать, голубчик, придется привыкать. Мы тоже первое время маялись. Каждый. Ну, за исключением особо толстокожих. Надо как-то приспосабливаться, экранироваться, а тут вряд ли дашь совет, это — индивидуальное...

— От чего экранироваться? — ошеломленно спросил Анохин.

— Ну, от того самого, что вас одолевает, как вы изволили выразиться. До Земли-то ведь ровно световой год, — он, мелко перебирая ногами в меховых сапожках, подбежал к иллюминатору, ткнул коротеньким пальцем в бестелесную черноту, — так что стоит прищуриться — и вы увидите себя самого, в объеме и цвете, и точнехонько на год моложе. Ну и весь антураж, разумеется.

Кирилл, окаменев, глядел мимо его руки и мимо стен станции, глядел на крошечную янтарную бусинку, которая на самом-то деле была Солнцем, но на таком расстоянии каждому казалась Землей. И вот на этой видимой ему Земле все было, как год назад.

Маленький механик деликатно вздохнул, снова превращаясь в халдейского мудреца.

— Год — очень точно фиксируемый отрезок, — продолжал он задумчиво, время от времени приподнимая брови и наклоняя голову набок, — вероятно, такое движение позволяло ему экономить на непроизнесенных «понимаете ли», которые были эквивалентны, — поэтому здесь, на нашей станции, на нас накладывается не просто наше прошлое, долетающее с Земли, а ОЧЕНЬ ЧЕТКО ПРЕДСТАВЛЯЕМОЕ прошлое. Пси-излучение, пролетающее через глубины космоса, попадает в совершеннейший усилитель — наш собственный мозг. А он еще и настроен в резонанс — воспоминания-то идут день в день. Вот и начинает твориться с человеком всякая чертовщина, а он еще убеждает себя не верить собственным ощущениям. А его трясет все сильнее и сильнее, и ни в одном медицинском аннале такового заболевания не значится. Потому как это не заболевание, а состояние, я его назвал — темпорально-психологический флаттер, точнее — пси-темпоральный, один хрен, меня все равно не слушают, было же время — в телекинез не верили. Видели, а не верили. На психотронную связь перейти не могли, потому что потихонечку пользовались, а с высоких кафедр разыгрывали аутодафеи с вариациями... Теперь в этот пси-темпоральный флаттер не верят, а самих трясет, вас вот, например. А вы себя, поди, убеждаете, что — грипп. А?

— Не «а». Удивляюсь, как это мне самому в голову не пришло.

— Да вы умница! — восхитился халдей в меховых сапожках. — Может, попользовать вас, то есть попытаться приглушить воспоминания? Я в какой-то степени могу...

В конечном счете ведь любой усилитель можно сбить с режима.

Кирилл ужаснулся:

— Так топором еще проще. Надежнее, главное.

— Нет, мы определенно найдем общий язык! Тогда, может, просто посидеть с вами?

— Спасибо. Буду искать способы экранироваться.

— Ну, спокойной ночи. Главное, что могу сказать вам в утешение, — что это ненадолго. Через год вы улетите с Земли сюда... то есть уже улетели — и конец флаттеру. Финита ля флаттер! — крикнул он, исчезая за дверью.

Кирилл, не отрываясь, продолжал глядеть на янтарную крупицу света. Теперь, осознанное и уже не иллюзорное, прошлое вливалось в него без сопротивления его пугливого разума; музыка, правда, исчезла, но он весь был полон странного покоя...

А полон ли? Что-то кончилось. Оборвалось. Зачем он слушал эти объяснения? Они все испортили. Ввели в логические рамки. Обернули наваждение реальностью. Что он натворил?

Кирилл метнулся к пульту, наклонился над светящимся циферблатом. Было половина двенадцатого.

Он просто спал.

Двадцать шестое августа он пережил относительно спокойно — лихие перегрузки, которым он сознательно предавался всю первую половину дня, почти не оставили ему сил на то, чтобы обращать внимание то на промелькнувший под крылом льдисто-сизый висячий аэропорт Санхэба, то на плывущий навстречу пестротканый заповедник реконструированного Багдада, где он имел неосторожность пообедать, чтобы потом мучиться изжогой всю Флоренцию, бесцельно пошататься по которой он позволял себе каждый раз, когда судьба забрасывала его в узкое голенище италийского сапога.

Вечерняя вахта была неспокойна — из подпространства не вышел супертанкер «Парсифаль», и рубка была набита народом до четырех утра, пока неповоротливый гигант не дал о себе знать аж из четвертой зоны дальности, где в благополучном удалении от любого из обитаемых миров он стравливал в пустоту несметное количество жидких соединений ксенона из своих продырявленных метеоритом баков, что грозило Вселенной образованием отвратительнейшей зловонной микротуманности.

Он уснул, уносясь на северо-восток в уютном гнездышке трансконтинентальной подземки.

Двадцать седьмого, обессиленный той двойною жизнью, которую он теперь вел ежеминутно, он едва поднялся с постели, не очень отчетливо воспринимая и сугубо мужские шуточки за завтраком по поводу последствий протечки «Парсифаля», и собственную щенячью исповедь Гейру над березовой поленницей на заднем дворе метеокорректировочной станции. Он вяло поиграл в баскетбол, отказался от обеда и побрел на вахту, непроизвольно отыскивая в заоконной черноте теплую кроху бесконечно далекого солнышка, отождествляемого не просто с Землей, а именно с круглым, неярко отсвечивающим озером. Грозовая толща набухла над противоположным берегом, и надо было торопиться.

Он заскакивал в перелесок, выпрыгивал обратно на прибрежный песок и все озирался, настороженно и нетерпеливо, — не слышно ли голосов? Вроде бы уже...

Но когда они донеслись и сердце мягко и обморочно запрыгало куда-то вниз, потому что — началось, он вдруг стряхнул с себя эту рабскую покорность уже раз прошедшей череде событий.

Нет, не пройдет, ваше сиятельство, громовержец всемогущий, но отнюдь не всеблагой! Представления не будет. Вообще ничего не будет. Он просто не догонит этих перепуганных непогодой горе-путешественников, они свернут себе на боковую тропинку, и встреча не состоится...

Смертная тоска охватила его, когда он понял всю нелепость своего слишком позднего бунта. Что ж, сейчас он заставит себя переждать грозу здесь, прямо на берегу, — с ним-то ведь ничего не случится! Но он не увидит больше серого платья, ускользающего от него каждый раз, как только он отводит глаза, он не будет прижиматься лбом к шероховатым прутьям мокрой ограды, он не услышит...

Он побежал.

Расталкивая упругие рюкзаки, он ворвался в самую гущу смешавшейся толпы, вздрагивая и озираясь на каждый звук, и внутри него все натягивалось, словно струна, которую настраивают все выше и выше, — ну же, ну... «Кира!» — донеслось из-за спины, и он задохнулся, ловя воздух ртом, потому что в следующий миг он должен был увидеть ее.

Он должен был увидеть ее — и отвести взгляд, но он этого не сделал, потому что знал, как мало ему оставалось

смотреть — только двадцать четыре дня; и он с мучительной гримасой, совладать с которой он уже не мог, глядел ей прямо в глаза — серые огромные глаза, такие светлые, словно миллиарды звездных искр удалось оправить в один темный ободок; и она глядела на него, и продолжалось это так долго, что она не выдержала и подняла руку, заслоняясь ладошкой от его взгляда.

Он охнул и закрыл глаза. Не было! Не было этого!!! Да что же это такое?..

Он открыл глаза — она ускользнула, как и должна была сделать, и он побежал вперед, повинуясь ее уклеечно поблескивающей ладошке, и она вдруг очутилась уже за оградой, и вот он и до порога добрался... Все было, все мучительно и сладко повторялось, но он уже знал, что властен в этом течении событий, что она повинуется его взгляду, а когда будет нужно — и его слову; теперь он уже твердо знал, что вмешается в ход событий, которые обрывались на мокрой тропинке девятнадцатого мая этого года, — только вот цена будет непомерная: их любовь.

Одного он не мог — оборвать это вот сейчас, сию минуту. Еще полчаса, говорил он себе. Только до тех слов о зеленых молниях; но молнии срывались с исполинских распухших губ разбушевавшегося Перуна, и он давал себе еще минуту... две... три...

«Уйди!» — нет, она ведь повторила это несколько раз, еще можно помедлить несколько секунд, сейчас она повторит это по складам, мучительно выговаривая каждый слог: «У-хо-ди...» Он уже десять, двадцать раз повторял про себя это слово, а она все молчала; и тогда он понял, что Перун перехитрил его, и молчание затянулось так надолго, что у него нет уже повода к отступлению, и теперь уже будет все, что было, и двадцать четыре дня бездумного счастья, и емкие всплески-точечки, в которые умещались ежемесячные письма, и скользкий берег майского озера, и ожидание последнего письма, которого не будет... Он искал каких-то слов, чтобы хоть что-то объяснить, но слова не находились, и он просто обхватил голову руками и ринулся вон, в незатихающий грохот и свист бури, и продрался сквозь кустарник, и побрел, пошатываясь, куда-то в гору, и падал, и захлебывался зеленой от молний водой, и шарил оцепеневшими руками по какой-то стене, пока ему не отворили, и он ввалился в комнату, переполненную разомлевшими от тепла людьми, где с него содрали мокрое, и напоили, и укрыли, и не приставали, и всю ночь дружелюбно бубнили то тут, то там, перешагивали через него, подталкивали,

пристраиваясь теплым боком или шершавым спальником, а он лежал неподвижно и той частью души, которая полностью слилась с ним — прошлогодним, околевал от боли и тоски по всему несбывшемуся, от чего он так бесповоротно бежал, чтобы уберечь ее от озерного берега в тот проклятый майский день; другая же часть его естества, не потерявшая зоркости, преодолевавшей расстояние в световой год, могла видеть маленький домик на самом берегу и ее, тоже неподвижно лежащую на своей ледяной постели, и угадывать ее боль, и обиду, и тоску непрервавшегося одиночества, и неведенье собственного спасения...

Маленький халдей-механик заглянул в его комнату, наклонился, перехватывая взгляд немигающих глаз, что-то проговорил, но Кириллу пришлось собрать все свои силы, чтобы расслышать это слово, которое он повторял с упрямой и назидательной настойчивостью:

— ...Немедленно. Немедленно!

— Что, — с трудом разлепляя губы, спросил Кирилл, — что?

— Немедленно уезжайте. Выберите себе другой буек где-нибудь в шестой-седьмой зоне, а то так в ближнем Приземелье... Здесь вам оставаться смертельно опасно. Флаттер — он любой опасен, он в бараний рог скручивает и прахом рассыпает. Это относится и к людям, и к машинам. А пси-темпоральный флаттер — с ним не то чтобы бороться, его и распознавать-то не научились... Улетайте сегодня же. Противостоять этому могут лишь немногие, и вы не из их числа...

Он вещал, ритмично наклоняясь вперед и прикрывая круглые глаза выпуклыми веками, как это делают птицы, издавая отрывистый крик. Сказать бы ему, что он — из того единственного числа, кто не только решился противостоять этому непрерывно мчащемуся потоку прошлого, но и сумел повернуть этот поток в другое русло. Тяжелая это штука — ворочать прошлым. Все мускулы ноют, словно одними руками переворачивал вверх гусеницами десантный вездеход...

— Дурной сон привиделся, — старательно выговаривая слова, проговорил Кирилл. — Подождите меня в столовой, я сейчас подымусь...

Он поднялся, дивясь тому, что смог сделать. Внутри его было что-то тяжелое, мертвое, что теперь постоянно нужно было носить при себе. Господи, тошно-то как! Он оттолкнулся щекой от чьей-то свернутой куртки, подсунутой ему под голову,— ушли ведь и забыли... Его одежда, уже вы-

сохшая, висела напротив погасшего камина. Он оделся, выбрался из дома. Вчера, в темноте, он не рассмотрел это причудливое сооружение — что-то вроде длинного павильона, с одной стороны ограниченного островерхой колокольней, а с другой — старинной пожарной башней с серебряным шаром на плоской крыше. Что ж, если это все сооружено специально для таких аварийных ночлегов, то, наверное, каждая такая архитектурная причуда имеет строго функциональное объяснение.

Он невесело усмехнулся. Тонкий утренний туман, производное от вчерашнего ливня, слоистой палево-сиреневой дымкой прикрывал выход из лощины. Не задохнуться от этой свежести, этой тишайшей красы мог только робот... или мертвец. Чем был он после того, как вчера уничтожил то единственное, ради чего и стоило-то жить на белом свете? Ведь она так и сказала ему, расставаясь: «Без этого не стоило бы жить на Земле...» Сказала бы.

Теперь не скажет.

Он глотнул холодного воздуха, превозмогая боль, — надо было привыкать, теперь ведь боль будет постоянной составляющей всех его ощущений. Сейчас он пойдет вниз, к озеру, пройдет мимо ее дома, и тогда боль взыграет уже в полную силу. Так что держись, Кирилл Павлович!

Я держусь, отвечал он себе, я просто удивляюсь, как это у меня получается. Никогда бы не заподозрил, что у меня столько силы все это выдерживать... И что-то будет дальше?

Он тихонечко двинулся в туман, уже угадывая слева очертания маленького дома. Все было тихо, и он, не опасаясь, обошел палисадник и подобрался к окну. И замычал, потому что такой боли он и представить себе не мог: она стояла у письменного стола, во вчерашнем примятом платье, и медленно перекладывала какие-то бумаги. Как он мог забыть, что вот так же побежал к озеру умываться и подобрался к окну, и она так же стояла, перебирая все лежащее на столе — искала носовой платок; теперь ему стоило только провести мокрой рукой по натянутой пленке, чтобы та скрипнула и запела под его пальцами, — и все началось бы сначала, словно вчера он и не бежал с ее порога: она вскинула бы голову и, как это умела она одна, в доли мгновения очутилась бы у окна, прижимаясь щекой к тому месту, где он опирался на тонкую, стремительно теплеющую пленку... Он заставил себя сделать назад шаг, другой; она так и не поднимала голову, и движения ее были замедленны и механичны, словно она и сама не знала, за-

чем вот так перебирает совершенно ненужные ей бумаги. Было в ней что-то неживое, погасшее, и от нее — вот такой — уходить было во сто крат тяжелей.

Он пятился, пока не влез в воду, потом набрал полную грудь воздуха, словно собирался туда нырять, круто повернулся и помчался по тропинке, ведущей вдоль берега к вертолетной станции. Когда он позволил себе обернуться, домика уже видно не было.

Через час с четвертью, задыхаясь, он выбрался к вертолетному стойбищу. Ни одной машины, как ни странно, не было. «Когда рейсовая?» — спросил он киба-диспетчера, услужливо выползшего из своей будки. — «Через четыре часа». — «А если вызвать?» — «Да вряд ли получится быстрее, в нашем регионе лишних не держат. Чай, не Альпы».

Кирилл отошел на кромку поля, проверил траву — нет ли пятен смазки, присел и натянул куртку на голову. Сердце болело так, что заполняло собой каждый уголок его тела.

Обратно, даже если бегом, — не меньше часа. Это если он совсем рехнется и ринется назад, ополоумев от боли. Но он выдержит. Так или иначе, а час времени у него есть. «Если я куда-нибудь двинусь до прибытия вертолета, — сказал он кибу, — держи меня за ноги и не пускай. Силушки хватит?» — «Не сумлевайся», — заверил его киб.

Он дожевал последний кусок омлета, с усилием проглотил. Столовая была пуста, только из-за соседнего столика, страдальчески приподняв брови, с бесконечным сожалением глядел на него маленький механик.

— Знаете, я действительно прилягу еще на часок, — сказал ему Кирилл. — Только сделайте милость, не насылайте на меня во сне кибермедика.

— Клянусь Волосами Береники! — не без аффектации откликнулся халдей. — Но, видит Вселенная, кого боги хотят погубить — лишают разума...

— К счастью — не сердца.

Он добрался до своей каюты и рухнул на койку, уповая не на богов, а на исполнительность киба, который в случае чего удержит его за ноги...

Проспал он не час, а все четыре и проснулся от зудящей тревоги. Зудел вертолет, дававший полукруг над неожиданным пассажиром и примериваясь, как бы подсесть поближе. Но кроме вертолета было и еще что-то, уже пришедшее в голову, но пока не нашедшее словесного выражения. Чего-то он не учел... Недодумал... Ну хорошо, сейчас он улетит, последняя возможность накликать непоправимую беду исчезнет.

Ну да. Он-то исчезнет. Но раз это произошло...

Ведь это может быть и НЕ ОН!!!

Он вскочил, и тотчас же гибкое щупальце хлестким арканом оплело ему ноги. Он шлепнулся, взвыв от бешенства.

— Кретин! Я же тебе велел — до вертолета. До!

— Извиняюсь. Вертолет еще не сел.

Вертолет сел.

— Есть в кабине фон дальней связи? Быстренько законтачь меня с диспетчерской Байконура.

Киб со свистом свернул щупальце, кальмаром метнулся к вертолету и наполовину скрылся в окошечке.

— Сработано! — доложил он через десять секунд.

— Вот и умница. А теперь проинформируй диспетчера, что космолингвист Кирилл Анохин прибудет на «Харфагр» точно к моменту отлета. И не ранее.

Он шагал по тропинке вниз, к зеленеющему, еще не осеннему озеру, и твердо знал, что оставшиеся двадцать три дня не позволит себе ни одной встречи, ни единой фразы.

Но если возле нее появится хотя бы захожий турист — он свернет ему шею. Потому что, оставаясь для нее невидимым, он не спустит с нее глаз ни днем ни ночью.

И, уже подходя к ее дому, он вдруг вспомнил, что за сегодняшний день уже дважды проходил ТО САМОЕ место. И ведь ничего не почувствовал. Даже не заглянул вниз, в воду. Значит ли это, что он сумел обмануть судьбу, или все-таки она обманывала его, и беды нужно было ждать просто в другом месте?..

Его приютил длинный нелепый коттедж, в котором ночевали туристы, — пропахший сеном, которого в нем не было ни клочка, шуршащий полевыми мышами, набитый, оказывается, самой разнообразной всячиной. Настоящий странноприимный дом... Не много ли на него одного?

Следить за ней, скрываясь в кустарнике на склонах холмов, оказалось делом несложным, — повинуясь каким-то внутренним толчкам, она неизменно приходила туда, где бывали они вместе... где могли бы они быть вместе. Безучастная ко всему, она отсиживала положенное время и медленно брела домой, совершенно не зная, что ей делать по пути, чтобы не вернуться к дому слишком поспешно. Один раз она вдруг запнулась и беспомощно поглядела вправо, словно не зная, как же быть дальше... Кровь застучала у него в голове, и он, перестав владеть собой, вылез из своего укрытия и двинулся ей навстречу: ведь это здесь он взял ее на руки и нес до самого дома, распевая дикую языческую песню собственного сочинения. Какая сила заставила

ее оглянуться призывно и растерянно? Или жить не могла она больше вот так, без его рук?

Она увидела его, и лицо ее засветилось. Так освещается озеро, когда ясный костер зажигается на той стороне и золотая дорожка силится дотянуться до противоположного берега. Он смотрел на это лицо и с ужасом понимал, что все начинается сызнова, пусть тремя днями позже — это не имело значения. Важен был только конец, только девятнадцатое мая... «Вы не улетели?» — срывающимся голосом проговорила она. Он медленно выдыхал воздух, так что внутри получалась ледяная пустота, и, пока этот холод не заполнил его всего, он не разжал губ. Потом отвел глаза, медленно произнес: «В тот раз я был болтлив и навязчив. Извините». И пошел прочь, с трудом переступая негнущимися ногами.

Больше он не позволял себе забыться.

Дважды проходили толпы — то геологи-практиканты, то просто гуляющие, чудом забредшие в такую даль. Все это не имело значения — она к ним не вышла (да и как могло быть иначе — в эти последние дни они прятались от любого шума, способного помешать им).

Потом к ней, сиротливо сидящей на замшелых мостках, подошел человек, и Кирилл узнал Гейра. Гейр? Неужели — Гейр?..

Он готов был снова ринуться вниз, но в этот миг взвыли спасительные сирены: совсем неподалеку, из подпространства, вываливался совершенно истерзанный корабль. И вахтенные, и те, кто был свободен, — все уже через три минуты были в скафандрах, готовые ринуться в гофрированные переходники, ведущие к уже изготовившимся буксирам.

«Всем оставаться на местах, отчалить буксиру-толкачу, команда — киберы!»

Приказ, раздавшийся в шлемофоне каждого спасателя, ошеломил не одного Кирилла — ведь люди могли еще быть живы, и кому, как не им, персоналу спасательного буя, было мчаться на подмогу? Но команду отдал человек, не один десяток лет проведший в дальних зонах. Буксир рванулся вперед с ускорением, которого не выдержало бы ни одно живое существо, — нет, прав был начальник станции. Прав был он и тогда, когда, оглядевшись, рявкнул на весь тамбурный отсек:

— А почему связники в шлюзовой? Марш на место!

На бегу расстегивая скафандры, связники помчались по коридору, как проштрафившиеся приготовишки. Конечно,

четкая связь — это сейчас чуть ли не главное, когда надо сбалансировать человеческий разум и скорость, доступную только механизмам. Они мчались галопом, и начальник, гулко фыркая, старался не отстать от них.

— Торбов — держать буксир, Маколей — держать Базу, — выпалил он, врываясь следом за всеми в центральную рубку. — Анохин и Нгой — в резерве. И повремените-ка стаскивать скафандры...

Ждать и быть наготове. Нгой гибким и естественным движением скользнул вдоль стены и опустился на корточки, готовый в любой момент оттолкнуться лопатками и в один миг занять по команде нужное место. Анохин покосился на него — и присел рядом. Так они всё видели и никому не мешали. А на экране у Торбова буксир, лихо тормознув и разбросав во все стороны опоры-захваты, уже присасывался к борту искалеченного корабля как раз в том месте, где смутно виднелись пазы катапультного отсека. Если там есть хоть кто-нибудь живой, то теперь осталось совсем немного...

«Все собирался заглянуть к вам, да как-то не получалось, — сказал Гейр. — Ну, до будущего лета!» — и пошел берегом, и она стояла лицом к озеру и даже не поглядела ему вслед.

— В шлюзовой, готовить десантный бот! — крикнул начальник станции. — Шесть человек, для связи Нгой, он сейчас подойдет.

Нгой вскочил и выметнулся в дверной проем. Гейра тоже уже не было видно.

— Анохин — держать бот на связи!

Вглядываясь в еще не засветившийся экран и с недоумением замечая, как неслышно подобралась осень, — вот ведь и зелень на том берегу вся покрылась желтыми и багряными пятнами, — он вдруг впервые и оттого с особой остротой осознал всю несоизмеримость того, что долетало до него с берега похолодавшего и посеревшего озера, — и той настоящей жизни, движущей частью которой были его руки, его глаза, его мозг.

— Пошел бот! — крикнул начальник станции.

Руки сами собой замерли на пульте настройки, не выпуская улетающий бот из рамок экрана. «Иди, — сказал он ей, — иди, пожалуйста, — мне сейчас будет тяжело...» Она послушно побрела к дому, ступая неуверенно, как ходят больные или почти незрячие. Буксир, прилепившийся к боку корабля, рванул на себя все щупальца и вместе с выдранным кубом катапультной камеры отлетел в сторону.

Она уже подошла к изгороди и теперь держалась за прутья, словно у нее не хватало сил добраться до порога.

— Буксиру оставить камеру, уводить корабль!

По-видимому, на дисплее, не видном Кириллу с его места, появились какие-то угрожающие данные, переданные буксирным компьютером. Буксир разжал щупальца, так что камера едва видимым кубиком повисла в черноте, и уверенно боднул громадную тушу гибнущего корабля, как муравей толкает перед собой увесистую гусеницу. Видно, корабельный котел пошел вразнос, потому что снова послышалась отрывистая команда:

— Буксиру развить полную мощность, выбрасывать на ходу кибов!

Она вошла в сад, и мокрые листья, задевая ее светло-серое платье, оставляли на нем темные пятна и полосы. Сейчас она войдет в дом, и сегодня ей уже ничего угрожать не сможет. «Спокойной ночи тебе, серая ящерка», — и она обернулась, словно услышала. Бот подлетел к висящему в темноте кубику и слился с ним. В наушниках тотчас же треснуло и заверещало.

— Живы! — крикнул Кирилл. — С бота передают — изнутри доносится стук! Сейчас будут налаживать переходник...

Она кивнула вечернему серому озеру и затворила за собой дверь. В рубке, куда набилось уже человек двадцать, стоял радостный гвалт. Живы! И это на корабле, который, по меньшей мере, вылез из подпространства в кометный хвост, если только не в ползучую малую туманность... Везунчики!

Кирилл скосил глаза — с момента аварийного сигнала, когда автоматически включается отсчет аврального времени, прошло ровно сорок восемь минут. Где-нибудь там, на приличном уже отдалении, вскоре беззвучно громыхнет обреченный корабль. Буксира жалко, да и что поделаешь? Главное — живы люди. Сорок восемь минут, и спасательная операция прошла, как будто перед глазами развернулась то ли учебная, то ли приключенческая лента. Нет, в этой настоящей жизни он не жил. Работали руки, работали безупречно, и кибер позавидовал бы... Тогда какая же разница между этим настоящим — и тем прошлым, с которым он денно и нощно мыкается один на один?

Да вот в том и разница — то прошлое неразделимо принадлежит ему одному. И тем более — подчиняется.

А в остальном прошлое и настоящее равны — он так же, как и в реальной жизни, спасает человека. Любимого,

дорогого, но если оценивать со стороны — какая разница? Важно, что спасает человеческую жизнь. И не за сорок восемь минут. Девять месяцев надо продержаться под этой двойной нагрузкой, ни на час не отвлечься, ни на день не заболеть. И молчать. Не поверят ведь, помешают. Значит, молчать и делать свое дело — спасать человека.

Экран погас — бот подвалил к шлюзовому причалу.

Три последних дня, которые оставались ему на холмистом берегу, он провел почти спокойно. То, что раньше было болью и страхом, теперь обернулось заботой и делом. Ему даже показалось, что он утратил какую-то долю своего чувства, — что ж, неудивительно: ведь все то, чем он занимался с того момента, как бежал от нее в исполосованную молниями ночь, было не чем иным, как методичным убиением любви. «Во имя жизни, да! — кричал он себе. — Во имя жизни, как убивают колос во имя сотворения куска хлеба...»

И замечал, что логика его безупречна и доводы убедительны.

Он успокоился настолько, что в последний день позволил себе пройти мимо нее. Она стояла у воды, безучастно глядя на отражение лесистого мыса, который когда-то напоминал им ассирийского царя, омывающего озерной водой свою черную бороду. Услышав его шаги, она не обернулась.

— Кира! — окликнул он ее каким-то чужим голосом.

Она посмотрела на него через плечо, не отвечая.

— Вот я и улетаю... — совершенно потерянно забормотал он. — Теперь уже — окончательно...

Он ведь приготовил какую-то фразу, но сейчас ничегошеньки не мог вспомнить.

— Живите счастливо! — выдохнул он, хотя смысл сейчас имело только первое слово.

В ее широко раскрытых глазах не было ничего, кроме отражения озерной воды.

— А я... не живу, — с каким-то спокойным удивлением проговорила она. — Мне просто незачем жить.

На него нахлынул такой ужас, что он закрыл глаза. И он знал, что, когда откроет их, ее уже не будет на этом месте.

Он заставил себя глянуть — она стояла все так же, не исчезая, не пропадая, не утекая струйкой серебряного песка. Словно это была уже не она.

Он пошел прочь, все время оглядываясь и ожидая, что не увидит ее на прежнем месте, но она не ушла даже тогда, когда он скрылся за поворотом, и тогда он понял, что из

этого потока прошлого исчез он, прошлогодний, а весь берег остался, только виден он теперь не вблизи, а из какой-то дальней точки — то ли сверху, то ли из глубины холмов. И кроме этого неожиданного виденья осталась спокойная уверенность в своей власти над всем происходящим на этом берегу.

Она теперь редко выходила из своего домика, и, когда это случалось, он неотступно следил за ней, готовый остановить любой ветер, утихомирить самую неистовую бурю. С первых чисел октября она стала на два дня улетать в соседний городок, где давала какие-то уроки и брала материалы для работы у себя, на берегу. Городок он видел смутно, и это его не тревожило — почему-то он знал, что там с нею ничего не может случиться. Вертолет неизменно подлетал к самому ее дому, и эти ее отлучки приходились на вторник и среду.

Девятнадцатое мая было субботой.

Когда выпал пухлый снег — раз на всю зиму устоявшийся и ни разу не подтаявший,— с того берега так и не замерзшего озера стал приходить старик егерь, тот самый, который любил разводить костры под «ассирийской головой», и они молча бегали на лыжах — он по своим делам, осматривая зимние пристанища знакомых ему зверей, а она просто так, следом, чтобы не бродить совершенно одной. Это было хорошо, что она каталась под таким присмотром, и удивляло Кирилла только одно — что никакое зверье не подходило к ней и ничего из ее рук не брало.

В монотонной напряженности совершенно одинаковых дней время летело неуловимо, и, когда снег разом стаял и холмы подернулись неуверенной прозеленью, он вдруг изумился собственному спокойствию: ЭТО надвигалось, и страха не было.

На девятнадцатое он взял себе ночную вахту и с первых же минут почувствовал неудержимое желание как-то взбодриться. Коньяку выпить, что ли? Ни одним уставом пить на вахте не запрещалось, потому что такое никому и никогда просто в голову не приходило. Но сегодня он знал, что стоит вне правил и вне времени, и не пошел на камбуз только потому, что сам сказал себе: рано. Еще, может быть, и не так припечет. Ночные часы текли неторопливо, все световые индикаторы фиксировали тишь и благодать, и серебряной звездочкой тлел ночник в квадратном окне, оплетенном по низу уже набравшим силу плющом.

К восьми ночник еще не погас; явился кто-то на смену, и Кирилл, косясь на видимый одному ему огонек, побрел по коридору, чтобы запастись всякой снедью. Желательно было целый день пребывать в собственной каюте, и чтобы никаких авралов. Но настоящее не было в его власти, и это весьма его тревожило. Он наскоро похватал бутербродов, запасся целым пакетом погремушечно дребезжащего кофе и задумался перед редко открываемым баром. В тот первый вечер она пообещала ему кофе и ром. Чашечки с кофе он поставил на ее прямые колени. Рома не было. Восполним, сказал он себе.

В каюте он обратил внимание на то, что светлячок погас; он забрался с ногами на койку и принялся за дело. В первую очередь он испортил погоду: мелкий колючий дождь и резкие срывы ветра никак не наводили на мысль о прогулке. Легкий озноб заставил ее забраться обратно в постель с прелестной старой книжкой, которая каким-то чудом отыскалась на верхней полке; так прошло время до обеда. Часа в три он что-то отвлекся, и выглянуло солнышко — пришлось срочно подключать вариант «старый егерь». Какая-то мелочь, срочно понадобившаяся старику, обернулась цепью воспоминаний, затянувшихся на добрых три часа. Итого — шесть вечера. Начинало темнеть, и Кирилл забеспокоился: сумерки и весенняя пора располагали к порывам необдуманным и трудно программируемым. Оставалось не очень приятное, но абсолютно надежное средство: легкая зубная боль. Переборщить тоже нельзя — последовал бы вызов врача или обращение к сильнодействующим средствам, а тут чем черт не шутит... А легкая — это снова постель, и искусственный камин, и таблетка совершенно безобидного болеутоляющего. В половине девятого началась трансляция из Байрёйта — давали «Тристана и Изольду», и можно было позволить себе несколько расслабиться. Вагнера он не любил, считая безнадежной архаикой, сейчас же его и подавно интересовала только продолжительность спектакля. Закончился он, хвала обстоятельным классикам, достаточно поздно, чтобы напрягать фантазию в поисках каких-то занятий, — автоматически включился маломощный гипноизлучатель, навевающий мысли о сне, и до полночи остались минуты.

Кирилл вытянулся на койке, закинул руки за голову. Устал он безумно, и это не было приятной ломотой в меру поработавших мускулов — нет, это было одеревенением тела, слишком долгое время проведшего в полной неподвижности. Вот только какое время — сутки? Или почти год?

Что-то заставило его сесть, напряженно всматриваясь в противоположную стенку, как будто на ней могло появиться какое-то слово. Но слово уже явилось, оно звучало как гонг — год! Год! Добровольно приковав себя к прошлому, он ни разу не подумал, что за это время на настоящей Земле прошел почти год. Свое дело он сделал, уберег ее, ничего не подозревавшую, от всего, что могло быть, и даже от того, чего и быть не могло. Жизнь ее, направленная его волей по новому руслу, безмятежна и безопасна. Во всяком случае, она обещала быть такой год назад. Но что бы ни случилось за этот год — все равно это была жизнь БЕЗ НЕГО! И, шумная или одинокая, счастливая или безрадостная, это была реальная жизнь, а не скрупулезное, поминутное повторение прошлого. И он сам сделал так, чтобы вытравить у нее малейшее воспоминание о нем!

Так чем же она жила все эти девять реальных месяцев, промелькнувших на родной планете?

Он поймал себя на том, что сидит скрестив ноги и обхватив пальцами узкие щиколотки и непроизвольно раскачивается, как медведь в тесной клетке, и вместо того торжества, о котором он мечтал всю зиму, — ведь справился, ведь получилось, ведь поломал он, к чертовой бабушке, ту нелепую трагическую околесицу, которую нагородила судьба, — вместо всего этого он получил в награду один коротенький вопрос: а теперь-то что?

Он глянул на часы — было двадцать минут первого. У него появилось ощущение, что где-то он оступился и беззвучно ухнул в зыбкую, студенистую массу — то ли двадцать минут назад, то ли год... Как герцог Кларенс — в бочку с мальвазией.

Он нагнулся и нашарил под койкой открытую, но так и не тронутую бутылку рома. Справились с прошлым — справимся и с будущим. Хватит с него космоса, и далекого, и близкого. Дождаться первого же корабля, а там будет видно, что-то теперь. И если увиденное будет уж чересчур расходиться с желаемым — что ж, поломаем и это. Опыт обращения с судьбой уже имеется.

Он нарочно подходил к домику справа, по сосновому молодняку, прилично вымахавшему за год... Он потряс головой — за два года! Прошлой осенью он спустился прямо на пляж, а потом бежал к станции Унн, не очень-то глядя по сторонам. Как всегда, пристально глядели на него два ясных костра, зажигавшихся с начала сумерек у подножия

«ассирийской головы», что на том берегу. Небо было прозрачно, и он отнюдь не стремился услышать голоса любителей дальних прогулок, спасающихся от напастей погоды. Но ее он должен был увидеть уже сейчас, до того как тропинка пойдет по песку.

Он замедлил шаг, высматривая впереди светло-серое платье.

Под ногами захрустел песок.

Ну хорошо. Пусть не светло-серое. Пусть не платье. И пусть не здесь. Хоть в саду. Хоть на пороге...

Калитка была распахнута. Из окна лился яркий свет, но обходить дом и заглядывать через стекло у Кирилла не хватило сил. Он перепрыгнул через четыре ступеньки, рванул на себя дверь и остановился, не входя дальше.

Пустые книжные полки, на письменном столе — лампа без абажура и чучело крупного бурундука. На полу стебли камыша, и лохматая шкура, сваленная на топчан, и живой бурундучок, остекленелыми глазками засмотревшийся на чучело собрата, и острый запах полыни и формальдегида.

Здесь ее быть не могло. А где она могла быть? Не может же быть, чтобы этого никто не знал!

Вот тебе и год, прошедший в реальной жизни...

Сзади, в саду, затрещало, и Кирилл, стремительно обернувшись, увидел старого егеря, который привязывал к забору двух пестрых коз. Взгляды их встретились, и егерь, оставив вдруг свое занятие, медленно пошел по дорожке, щурясь и явно стараясь что-то припомнить.

— Добрый вечер, — сказал Кирилл, очень стараясь, чтобы голос у него не сорвался. — Вы не пытайтесь меня вспомнить, я ведь был здесь два года назад... Конец августа... Сентябрь... Вы тогда на том берегу жили. А здесь, в этом доме...

Он остановился, потому что, собственно, уже спросил все, что ему нужно было знать, чтобы жить дальше. Старик подходил, отводя руками ветки бузины и жасмина, вылезающие на тропинку, и по его лицу нельзя было сказать, понял ли он, о чем его спрашивают, или нет. У последней ступеньки он замер и уставился тусклым взглядом в нижнюю пуговицу блестящей Кирилловой куртки. Похоже, что он намеревался молчать долго.

— Вы не помните?.. — потерянно пробормотал Кирилл.

Старик вскинул подбородок, и лицо его было неприветливо и замкнуто.

— Так ее давно уже нет, — скупо проговорил он, словно осуждая Кирилла за неуместное любопытство.

Кирилл молчал, словно не расслышал его слов. Нет, этот старик что-то путает. Нужно бежать к Унн. Нужно спрашивать. Нужно искать. Да не может быть, чтобы пережитое и выстраданное им оказалось напрасным! Он же чувствовал, что ломает прошлое, повертывает, не дает вернуться на прежний путь! Почти год он ворочал эту глыбу, у него все тело ноет от этой текущей на него тяжести — и голова, и руки, и позвоночник... В конце концов, существует же какая-то мировая справедливость, какой-то вечный закон, по которому за великую жертву должно следовать и великое воздаяние, — а жертвовал он ни много ни мало как любовью! Он же отнял любовь у них двоих, и пусть это останется тайной, чем была эта любовь для нее, — но у себя вместе с нею он отнял половину жизни. Так не может быть...

Не может быть, чтобы такой ценой он не купил хотя бы неделю.

Хотя бы день.

— Год назад, — проговорил он хрипло, ожидая, что его остановят и поправят. — Год назад, девятнадцатого мая...

— Нет, — досадливо поморщился старик. — Вы что-то путаете, молодой человек. Это случилось два года назад, двадцать седьмого августа. Была чудовищная гроза. Слышали вы когда-нибудь о молнии Перуна? Поток огня и грохота, в тысячи раз превышающий обычный грозовой разряд... Это считалось легендой. Я и сам не верил, пока...

Он замолчал и неодобрительно пожевал губами, словно упрекая себя в излишней словоохотливости. Потом обернулся и пошел к калитке, чтобы заняться своими козами.

— Не понимаю... — бормотал он себе под нос. — Не понимаю. Какая сила заставила ее выбежать на берег в такую грозу? Не понимаю...

Где королевская охота

Где королевская охота

Генрих поднялся по ступеням веранды. Типовая гостиница — таких, наверное, по всем курортным планетам разбросано уже несколько тысяч. Никакой экзотики, бревен там всяких, каминов и продымленных антисанитарных потолков с подвешенными к балкам тушами копченых представителей местной фауны. Четыре спальни, две гостиные, внутренний бассейн, рассчитанный на четырех любителей одиночества. Да, телетайпная — она же и библиотека. С видеокассетами, разумеется.

Он вошел в холл. Справа к стене был прикреплен длинный лист синтетического пергамента, на котором всеми цветами и разнообразнейшими почерками было начертано послание прошлых посетителей Поллиолы к будущим:

НЕ ОХОТЬСЯ!

Не пей сырую воду после дождя.

Бодули бодают голоногих!

Пожалуйста, не устраивайте помойку из холодильной камеры.

За гелиобатареями гляди в оба!

НЕ ОХОТЬСЯ!

Жабы балдеют от Шопена — можете проверить...

Какой болван расфокусировал телетайп?

НЕ ОХОТЬСЯ!

Последняя запись была выполнена каллиграфическим готическим шрифтом. Несмываемый лиловый фломастер.

Этот пергамент привлекал внимание только первый день, да и то на несколько минут. Они не впервые отправлялись по путевкам фирмы «Галакруиз» и уже были осведомлены о необходимости приводить в порядок захламленный холодильник и настороженно относиться к сырой воде. С бодулями же они вообще не собирались устанавливать контакта, тем более что еще при вручении путевок их предупредили, что охота на Поллиоле запрещена.

Стараясь не глядеть в сторону пергамента, Генрих прошел в спальню. Тщательно оделся, зашнуровал ботинки. Что еще? Фляга с водой, индивидуальный медпакет, коротковолновый фон. И самое главное — ринкомпас, или просто «ринко». Все взял? А даже если и не все, то ведь дело-то займет не более получаса.

На всякий случай он еще прошел в аккумуляторную и, не зажигая света, отыскал на стеллаже пару универсальных энергообойм, подходящих для небольшого десинтора. Вот теперь он полностью экипирован. Он подошел к выходной двери, за которой в глубокой мерцающей дали зыбко подрагивали земные звезды, досадливо смел с дверного проема

эту звездную, почти невесомую декоративную пленку и, отряхивая с ладони влажные тающие лоскутья, спустился на лужайку, где на свернувшейся траве еще розовели пятна крови. Прежде всего надо было настроить «ринко».

Компас был именной, нестандартный: вместо стрелки на ось надета голова Буратино с длинным красным носом. Нос чутко подрагивал, запахи так и били со всех сторон. Генрих положил «ринко» на розовое пятно и включил тумблер настройки.

Нестерпимое солнце Поллиолы, до заката которого оставалось еще сто тридцать шесть земных дней, прямо на глазах превращало розовую лужицу в облачко сладковатого пара. Сколько полагается на настройку? Три минуты...

Только три минуты. А сколько уже прошло с тех пор, как прозвучал выхлоп разряда?

Этого он сказать не мог. Что-то произошло с системой внутреннего отсчета времени, благодаря которой раньше он мог обходиться без часов — темпоральная ориентация была развита у него с точностью до двух минут.

Здесь что-то разладилось. Виноват ли был жгучий нескончаемый полдень Поллиолы, длящийся семь земных месяцев, спрятаться от которого можно было лишь внутри домика, где с заданной ритмичностью условное земное утро сменяло условную земную ночь и так далее? Или виной было то, что произошло вчера?

Хотя тем условно земным днем, который можно было бы определить как «условное вчера», ровным счетом ничего не произошло. Перед обедом Герда отправилась купаться. Эристави поплелся за ней. Генрих же, убеждая себя тем, что последнее обстоятельство нисколько его не раздражает, пошел в телетайпную и от нечего делать врубил уже отфокусированный кем-то экран. Так и есть, депеша с подопечной Капеллы. Опасения, причитания. С той поры как он покинул свою фирму на Капелле, на этой неустоявшейся, пузырящейся, взрывающейся планете все время что-то не ладилось. Если бы не ценнейшие концентраты тамошнего палеопланктона, каким-то чудом вылечивающие лучевую болезнь в любой стадии, все работы на Капелле следовало бы безоговорочно закрыть. Но пока этот планктон не научились синтезировать, Генриху приходилось периодически нянчиться с Капеллой.

Он пробежал глазами развертку депеши и вдруг с удивлением отметил, что не уловил сути сообщения. Что-то отвлекало. И так с ним бывало именно там, на Капелле, когда внезапно все его тело превращалось в настороженный

приемник, пытающийся уловить сигнал опасности. Он знал, что такое бывает с животными — собаками, змеями, лошадьми. В таких случаях, не дожидаясь этой самой тревоги, его рука заблаговременно нажимала сигнальную сирену, и люди, побросав все, прыгали на аварийные гравиплатформы и поднимались на несколько десятков метров над поверхностью, которая уже начинала пучиться, как недобродившее тесто, плеваться комьями вязкой зеленой глины, уходить в преисподнюю стремительными бездонными провалами. В таких условиях строить, разумеется, можно было только на гравитационных подушках, а ведь это такое однообразное и неувлекательное занятие...

На Земле это состояние тревоги он испытал дважды: в Неаполе перед четырехбальным толчком и в Шаршанге перед шестибальным. С тех пор во время своих недолгих отпусков он забирался только на те планеты, которые были «тектоническими покойницами» — как и Поллиола. И вдруг — сигнал. Что бы это значило?

А что надо отсюда убираться, вот что.

Генрих ударил кулаком по выключателю — экран погас. Ах ты, черт, опять что-нибудь расфокусируется. Но это поправимо. Он выскочил из телетайпной, скатился по ступенькам веранды, помчался по горячей траве. До берега было метров сто пятьдесят, и он отчетливо видел, что на самом краю берегового утеса стоит Эри, глядя вниз, на озеро. Значит, ничего не случилось. Ничего не могло случиться. И все-таки он бежал, не разбирая дороги, и когда выскакивал из спасительной тени под отвесные лучи солнца, его обдавало жаром, как из плавильной печи. На таких местах трава сворачивалась в трубочку, подставляя лучам свою жесткую серебристую изнанку. Бежать по ней было сущей каторгой.

Эристави не обернулся, когда Генрих остановился за его спиной, тяжело переводя дыхание. Ох уж эта восточная невозмутимость! Торчит, не шевелясь, на этом утесе уже битых полчаса в своей хламиде и бедуинском платке, а под складками одежды четкие контуры портативного десинтора среднего боя. А ведь человеку в Поллиоле ничто не угрожало, иначе она не числилась бы в списках курортных планет. Озера и реки вообще были пустынны, если не считать белоснежных жаб почти человеческого роста. Но все-таки голос предков не позволял Эристави доверять зыбкости неверной воды, и каждый раз, когда Герда, оставив у его ног свое кисейное платье, бросалась с крутого берега вниз, он

не следовал за ней. (Это было абсолютно не нужно, но он стоял на страже.)

Генрих не разделял его опасений и теперь неприязненно созерцал его спину в аравийской хламиде. И что это Герда повсюду таскает за собой этого художника? Раз она объяснила мужу, что Эристави — это тот друг, который отдаст для нее все и ничего не потребует взамен. Но ведь ничего не требовать — это тоже не бог весть какое достоинство для мужчины. Генрих еще раз посмотрел на Эри, на кисейное платье, доверчиво брошенное у его ног, потом вниз. Герда нежилась у самого берега, в тени исполинских лопухов. Дно в этом месте круто уходило вниз метров на двадцать, а то и больше, и, как всегда бывает над омутом, вода казалась густой и тяжелой.

Так вот и заглох он, чуткий звоночек тревоги, а ведь послушайся Генрих голоса своей безотказной интуиции — летели бы они сейчас к матушке-Земле. Если не втроем, то уж вдвоем, это точно.

А теперь он сидел на корточках над розовой лужицей и, хотя «ринко» уже давным-давно настроился, все еще не мог найти в себе решимости подняться и идти выполнять свой долг.

Долг человека — самого гуманного существа Вселенной.

Он выпрямился, машинально достал платок и вытер руки, словно пытаясь стереть с них запах крови.

Правда, этих пятен на траве было не так много, но по их расположению нетрудно было догадаться, что появлялись они при каждом выдохе раненого животного, которое должно было истечь кровью в ближайшие часы. На такой жаре — мучительная перспектива. Генрих никогда не баловался охотой, но стрелять ему все-таки приходилось — не на Земле, правда, и, естественно, в безвыходных ситуациях. Поэтому сейчас он думал только об одном: бросить подраненное животное медленно погибать от зноя — это всегда, во все времена и у всех народов считалось постыдным. Он задумчиво глянул на десинтор, перекинул его в правую руку. Заварили кашу, а ему расхлебывать.

Он направился к зарослям, куда вели окровавленные следы бодули. Вот один, другой... Копытца раздвоены как спереди, так и сзади. След странный. Никогда прежде не встречалось таких бодуль — с позволения сказать, двустороннекопытных. Хотя видел он и однорогих, и многорогих. И плюшевых, и длинношерстных. И куцых, и змеехвостых. Попадались также плеченогие и винтошеие. Что ни особь — то новый вид. Но при всем невероятном множестве всех

этих семейств здесь не водилось ни рыб, ни птиц, ни насекомых. И всяких там членистоногих, земноводных и моллюсков — тем более. Полутораметровые пятнистые жабы, передвигавшиеся в основном на задних конечностях, могли бы составить исключение, если бы не молочно-белое вымя, которое четко просматривалось между передними лапами. И вообще все животные здесь были до удивления одинаковыми по габаритам — их рост составлял от ста пятидесяти до ста восьмидесяти сантиметров.

И похоже, что здесь совершенно отсутствовали хищники.

Все эти кенгурафы и единороги, гуселапы и бодули, плешебрюхи и жабоиды, которым люди не успели дать хоть сколько-нибудь наукообразные определения, а ограничились первыми пришедшими на ум полусказочными прозвищами, между тем заслуживали самого пристального внимания уж хотя бы потому, что они умудрялись безболезненно переносить не только двухсотдневный испепеляющий жаркий день, но и столь же продолжительную ледяную ночь.

Генриху, хотя он и не был специалистом по интергалактической фауне, не раз приходила в голову еретическая мысль о том, что Поллиола начисто лишена собственного животного мира, и все это сказочное зверье привнесено сюда с какими-то целями извне, тем более что следы пребывания здесь неизвестной цивилизации налицо: Черные Надолбы, радиационные маяки на полюсах и все такое. Вот только что здесь было создано — полигон для проведения экологических экспериментов или просто охотничий вольер?

И пока он теоретически склонялся к первому, Герда решила практически узаконить второе.

Каприз этой очаровательной соломенной куколки — что значил перед ним мир какой-то захолустной Поллиолы? Ведь главное — это то, что беззащитное мифическое зверье обеспечивало ей поистине королевскую охоту!

Генрих передернул плечами, словно сбрасывая с себя всю мерзость сегодняшней ночи. Как там с ориентацией? Он положил на ладонь легкую черную коробочку, и носик-указатель безошибочно ткнулся туда, где заданный ему запах был наиболее свеж и интенсивен. А теперь — только бы не было дождя.

Он прошел по следу до самого края лужайки, давя рифлеными подошвами тугие трубочки свернувшейся травы — от капель крови она пожухла и скукожилась, как от прямых солнечных лучей. Уж не ядовита ли эта кровь?.. А,

пустое! Предупредили бы, в самом деле. Он дошел до «черничника» — молодая поросль этих исполинских деревьев (а может — кустов?) окаймляла лужайку, щетинясь черными безлистными сучками, ломкими, как угольные электроды. Да, в таких джунглях не разгуляешься, так что бодуля не могла уползти далеко. Вот и обломанные сучки — сюда она вломилась. Он заглянул в просвет между сучьями — внизу, на рыхлой и совершенно голой почве отчетливо обозначалась ямка, где упала бодуля, и дальше — неровная борозда, уходящая в глубь зарослей. Справа от борозды монотонно розовели пятна крови. Уползла-таки. И теперь ему нужно идти по следу. А может, все-таки послать Эристави добить животное? Он не только художник, он и охотник.

Но Генрих знал, что, пока он находится здесь, на Поллиоле, ни один из этих двоих больше не получит в руки оружия. Так что придется все заканчивать самому. Он бросил последний взгляд вниз, на ямку, и вдруг среди сбитых сучков заметил что-то чуть поблескивающее, свернутое спиралькой... Рога. Небольшие, изящные рожки... Это ж надо умудриться — одним выстрелом сбить оба рога. А, не это сейчас важно, главное — поторопиться, а то она заползет невесть куда.

Он обошел стороной заросли черничного молодняка и некоторое время двигался по какой-то звериной тропе. Понемногу заросли стали реже и выше — кроны над головой сплетались, образуя сплошную темно-оливковую массу, и внизу можно было идти даже не нагибаясь. Генрих проверил направление по «ринко» — все правильно, он идет наперерез движению раненого животного, и если оно успело проползти вперед, то след должен вот-вот показаться. Прозевать он не может, земля, несмотря на жару, мягкая и влажная, ну просто мечта для следопыта-новичка. Да вот и следы. Только вот чьи следы? Не бодулины же, в самом деле! Он хорошо помнит ее след: копытце, раздвоенное как сзади, так и спереди. А тут когтистая четырехпалая лапа. И зеленоватая слизь в углублениях почвы и на древесных корнях.

Объяснение тут могло быть только одно: кто-то цепкий и скользкий, словно громадный ящер, полз прямо по следу раненой бодули, не отклоняясь ни на дюйм. Зачем?

Впрочем, это ясно. Желаемая развязка наступит даже раньше, чем он попытается вмешаться. И почему на Поллиоле не должно быть хищников? Пусть не опасных для человека, но — хищников?

Он уже хотел повернуть назад, но что-то его останови-

ло. Может быть, мысль о тех, что оставались там, в ночном коттедже — ведь чем дольше он будет отсутствовать, тем больше надежды на то, что они догадаются покинуть Поллиолу до его возвращения и тем самым избавят его от тягостного диалога. И, кроме всего прочего, оставался долг перед бодулей, долг, который он сам наложил на себя. Долг требовал однозначно убедиться в том, что эта злосчастная коза убита или покончила счеты с жизнью иным способом. Иначе до конца дней своих будет он чувствовать свою вину. И потом его разбирало любопытство — ящеров они не наблюдали еще ни разу. Он поставил десинтор на предохранитель и двинулся дальше по жирному поллиольскому чернозему. Удивительно он плодороден на вид, и как-то странно, что из него не торчит ни мелкой травки, ни мха. Одни литые, непоколебимые стволы совершенно одинаковых деревьев.

Время шло, и Генрих чувствовал, что начинает раздражаться. Влажная атмосфера тенистых джунглей отнюдь не располагала к быстрой ходьбе. Однако каков запас сил, да и крови у здешних тварей! Или бодулю подгоняет страх перед преследующим ее ящером? Да и ящер ли это?

Это был ящер, и в просветах между черными гладкими стволами Генрих наконец разглядел это странное, нежно-зеленое тело. Он напоминал огромного панголина, только уж больно неуклюжего; крупная грубая чешуя тускло поблескивала, когда на нее падал редкий солнечный зайчик. Двигался панголин и вовсе несуразно, как человек, имитирующий на суше плавание на боку. Генрих рискнул приблизиться, но панголин повернул к нему заостренную морду, зашипел — черный узкий язык свесился до земли. Черт ее знает, эту тварь, может быть, она ядовита...

Генрих решил обогнать своего конкурента. Он ускорил шаг и, держась на приличном расстоянии, короткими перебежками обошел ящера и двинулся вперед как можно быстрее, стараясь снова выйти на след бодули. Если верить не подводившему раньше чувству ориентации в пространстве, то подранок вел его по плавной дуге, чуть склоняясь влево. Значит, след будет вон за теми деревьями. Он присмотрелся к посветлевшим стволам и чертыхнулся: вот напасть, огуречные пальмы! Мало того, что они почти не дают тени, но к тому же и ходить под ними практически невозможно. Россыпи лиловых огурчиков — чтобы поставить ногу, нужно прежде разгрести целую груду этих плодов. А чтобы найти след, как бы не пришлось встать на четвереньки.

Это предположение заставило его еще раз выругаться

про себя и полезть в карман. Совсем забыл про «ринко». Тоже мне охотник!

Он щелкнул затвором, и блестящая игрушечная головка завертелась вокруг оси, отыскивая точку, откуда шел заданный запах. Сейчас он уткнется в груду аметистовых плодов... Ничего подобного. Носик прибора точно указал вправо, где должен двигаться зеленый панголин. Генрих встряхнул «ринко», снова спустил затвор — носик неуклонно тяготел к ящеру.

Так. Приборчик спонтанно переориентировался на другой запах, следовательно, придется положиться на естественный индикатор — чутье хищника, который сам приведет охотника к намеченной жертве. Надо только держаться не очень близко, вдруг этот ползучий гад обладает маневренностью яванского носорога, который тоже на первый взгляд кажется неповоротливым...

Но панголина пока не было видно, и он не торопился выбираться из-под тенистых деревьев на эту огуречную поляну. Генрих присел, вытирая пот. Ох, до чего же противно! Изменил своему золотому правилу — никогда не заниматься не своим делом. И — вот вам. Болтайся в этой тропической бане, тычься в след, как фокстерьер. А там, позади, в прохладной тиши земного пространства и времени, ограниченного стенами их домика, уже потускнели призрачные заоконные звезды, и крик магнитофонного Шантеклера возвестил приход зари... Пастораль! А что? Да, да, пастораль, и втайне ему хочется туда, назад, во вчерашнее утро, когда еще ничего не случилось и ничто не обещало случиться.

Он недобро усмехнулся собственным мыслям: вчера, когда ничего еще не случилось... Оказывается, он уже обзавелся точкой отсчета времени! При одном воспоминании о тиши и прохладе вчерашнего утра струйки горячего пота еще проворнее побежали у него по спине, и пришлось почесаться лопатками о графитовую древесную ветку. Так что же там было вчера утром?

Да ничего особенного. В ожидании традиционного парного молока Генрих с Эристави сидели на тенистой лужайке в легких плетеных креслах. Да, все было так, как и каждый день.

Герда вынырнула из зарослей, волоча за собой на белом пояске некрупного упирающегося единорога.

— Одного зверя таки заарканила, — констатировала она и без того очевидный факт. — Больше нету, кругом одни жабы. И все трутся о деревья. К чему бы это?

— К дождю, — отозвался Генрих.

Вероятно, он сказал это так, занятый собственными мыслями, но, тем не менее, это было похоже на истину. Дней десять назад, перед первым и единственным дождем, на местную фауну напала повальная почесуха: и единороги, и гуселапы, и бодули всех мастей оставляли клочья своей шерсти на прибрежных камнях, стволах исполинского черничника и даже на углах их коттеджа. Жабы, кстати, страдали меньше остальных. То, что они снова стали сходиться к озеру, тоже предвещало дождь, и не просто дождь, а тропический ливень, который, еще не достигнув земли, будет скручиваться в тугие водяные жгуты, способные сбить с ног мастодонта; через десять минут после начала дождя по размытым звериным тропам уже помчатся ревущие потоки, и полиловевшие от холода жабы будут прыгать с нижних ветвей в эту мутную стремительную воду, которая понесет их прямо в озеро...

— Сходи за хлебцем, Эри, — попросила Герда, — а то эта скотина и минуты спокойно не простоит.

Эри проворно сбегал на кухню, выгреб из духовки еще теплые хлебцы, но обратно на лужайку предусмотрительно не пошел, памятуя о пристрастии некоторых рогатых к голым ногам. Он высунулся из кухонного окна, подманивая единорога только что отломленной дымящейся горбушкой.

— Не давай скотине горячего, — велела Герда.

— Ты полагаешь, что трава на солнцепеке холоднее? — Он все-таки подул на хлеб, потом обмакнул его в солонку. — Ну, иди сюда, бяша!

Единорог дрогнул ноздрями и потрусил за подачкой, проворно перебирая мягкими львиными лапами. Герда догнала его и, когда он тянулся за горбушкой, ловко подсунула под него ведерко. Зверь жевал, блаженно щурясь, и в подойник начали капать первые редкие капли. Герда, придерживая ведерко ногой, принялась чесать пятнистый нерпичий бок — единорог фыркнул, в ведро ударили белоснежные струи. Это животное не нужно было даже доить — оно отдавало избыток молока абсолютно добровольно. Герда выдернула ведерко, нацедила молока в кружки, положила в маленькие корзиночки по теплому хлебцу, угостила мужчин. Потом скинула туфли и забралась в свою качалку с ногами.

— А ты что, постишься? — спросил ее Генрих.

— Как-то приелось. Да и жарко.

Она не очень-то дружелюбно следила за тем, как муж-

чины завтракают. Когда кружки опустели, она подождала еще немного и кротко спросила:

— Ну и как сегодня — вкусно?

— Как всегда, — отозвался Эри. — Бесподобно.

Генрих снисходительно кивнул, стряхивая крошки с бороды.

— Тогда будь добр, Эри, — попросила Герда каким-то особенно страдальческим тоном, — достань мне из холодильника одну сосиску. Там на нижнем этаже открытая жестянка.

Эри, расположившийся было на кухонном подоконнике рисовать все еще пасшегося внизу единорога, кивнул и исчез в глубокой прохладе холодильного подвала. Наконец он снова появился в проеме окна, шуганул единорога и протянул Герде вилку с нанизанной на нее четырехгранной сосиской.

— Благодарю, — сказала Герда с видом великомученицы.

Все последние дни она демонстративно питалась ледяными сосисками.

— Между прочим, забыла спросить, — продолжала она каким-то подозрительно невинным тоном, — а вчера молочко от нашей коровки было не хуже, чем обычно?

Мужчины недоуменно переглянулись — вроде бы нет, не хуже.

— А это было жабье молоко, — сообщила она, помахивая вилкой и наслаждаясь произведенным эффектом. — Это вам за то, что вы кормите меня всякой консервированной пакостью.

Эри просто онемел. Дело было не в том, что именно она сказала — главное, что она так говорила со своим мужем. До сих пор он был для нее неоспоримым господином и повелителем — еще бы, сам Кальварский, гений сейсмоархитектуры, величайший интуитивист обжитой Галактики, без которого не возводился ни один город в любой сейсмозоне!.. И миловидная дикторша периферийной телекомпании «Австралиф», обслуживающей акваторию Индийского океана. Семь лет ничем не омраченных патриархальных отношений, и вдруг...

— Ты просто устала от безлюдья, детка, — сказал тогда Генрих. — Давай-ка собираться на Большую Землю.

— И не подумаю, — возразила она. — Я еще не взяла от Поллиолы все, что она может дать...

Он и сейчас пил бы свою утреннюю кружку молока — от жабы ли, от единорога, не все ли равно, вкус одинако-

вый. Если бы не охота!.. И не сидел бы в этой лиловой огуречной россыпи, тупо глядя слипающимися от усталости глазами на появившегося из-за деревьев нелепо ковыляющего панголина. Явился-таки искомый гад. На этот раз придется пропустить тебя вперед. Валяй. Догонишь бодулю (не может же она удирать без остановки!) — тогда можно будет выстрелить поверх твоей головы. Не бойся, десинтор не разрывного действия, без обеда ты не останешься. А опередить тебя надо из соображений гуманности...

Генрих отступил за огуречный ствол и подождал, пока ящер, по-прежнему двигаясь судорожными толчками, прополз мимо. Выйдя из-за дерева, Генрих с удовлетворением отметил, что панголин проделал в россыпях огурцов заметную борозду — не надо разгребать пупырчатые плоды, чтобы найти след с четырехпалой лапой.

Сколько он шел, осторожно ступая на панголиний след — полчаса или полдня? Убийственное однообразие колоннады растительных монстров могло усыпить на ходу. И усыпляло.

Из этого полудремотного состояния Генриха вывело падение. Под ногой хлюпнул раздавленный огурец, и он почувствовал, что лежит на боку и в левой кисти нарастает боль. Ящер обернулся, прошипел что-то на прощанье и исчез как-то особенно неторопливо. «Погоди, гад ползучий, — невольно пронеслось в голове, — я ж тебя догоню... Вывихнуть руку — это тебе не десинтором по боку». Он вдруг спохватился. Сейчас выходило, он гнался уже не за бодулей, а за этим вот зеленым выползком, и то чувство досады, нетерпения и собачьей тяги вперед, по следу, и есть, вероятно, атавистический охотничий инстинкт, в существование которого он до сих пор не верил.

Он положил десинтор на колени, выдернул из медпакета белую холодную ленту и наскоро перетянул кисть руки. Поднялся, поискал глазами — здесь растительной зелени не было, так что поблескивающую салатную чешую панголина он должен был усмотреть издалека. Так ведь нет. И непрерывно прибывающая огуречная каша уже затянула след. Генрих выругался, засек направление по «ринко» и медленно двинулся дальше, разгребая огурцы. Он упал еще раза четыре, и последний раз — на больную руку. Мелькнула мысль — а не послать ли эту затею к чертям и не вызвать ли аварийный вертолет? Но тот же новорожденный охотничий инстинкт не дал этой мысли овладеть усталым, обмякшим телом. Он шел и шел, и когда впереди наконец тускло блеснуло слизистое тело панголина, он увидел в

просвете между деревьями беспорядочно валяющиеся огромные ржавые трубы. Об одну из них самозабвенно терся ящер.

Генрих, стараясь не шлепнуться, осторожно приблизился. Ящер повернул к нему внезапно потолстевшую морду, встряхнулся, так что с него слетело несколько крупных чешуек, и с завидной легкостью юркнул в трубу. Через некоторое время он показался из дальнего ее конца, пересек чистое пространство — огурцов стало меньше — дополз до следующей трубы, почесался и влез в нее. С третьей трубой процедура повторилась. Ящер был уже довольно далеко, и Генрих обратил внимание на то, что после пребывания в каждой из труб ящер как бы розовеет. Он подошел поближе и поднял тяжелую, с ладонь, пластинку чешуи. И вовсе это была не чешуя, а слипшийся тугим конусом клок шерсти бодули. Налет, покрывающий жесткие, утончающиеся к концу ворсинки, делал их зеленоватыми. Они пахли кровью.

Но ведь этого не могло быть! Генрих потряс головой. Такая трансформация, всего за несколько часов... А что толку размышлять, предполагать. Надо просто-напросто догнать животное, подстеречь на выходе из очередной трубы, и все станет ясно...

Пятнистое, зеленовато-розовое тело, похожее на исполинского аксолотля, мелькнуло и исчезло в коричневом жерле. Но дальше трубы шли навалом, в три-четыре наката. Трубы? Он наклонился, потрогал. Ну, естественно, никакие это не трубы — свернутые пальмовые листья, причем, каждый с хороший парус. Вероятно, таков уж был жизненный цикл этих необычных деревьев — сначала опадали листья, потом из верхушки ствола начинали высыпаться семечки, то бишь огурцы. Он взобрался на одну из этих гигантских «сигар» — ничего, выдержала. Но стало хуже, когда «сигары» пошли штабелем — он поколебался немного, потом все-таки полез в отверстие. Это была не та труба, через которую проползло животное (Генрих уже не рисковал называть это существо ни бодулей, ни панголином). Преодолев препятствие, Генрих растерялся: впереди был сплошной завал. Вызывать вертолет бессмысленно — «ринко» не возьмет след с высоты птичьего полета.

Он снова протиснул свое тело в потрескивающую трубу.

Часа через два он порядком обессилел. Подполз к выходу из очередной трубы, но вылезать не стал, а перевернулся на спину и блаженно вытянулся. Труба была шире предыдущих, прохладная и упругая на ощупь. Вот если на

такую встать — уже не выдержит, сплющится. И цвет не ржавый, а серо-серебристый. Как земная мать-и-мачеха с изнанки.

Сколько поколений резвящихся дачников сменило друг друга на этом курортном становище, и все они заученно повторяли полусказочные названия животных, по числу перевалившие за добрую сотню.

И никому не пришло в голову поразмыслить над тем, а не есть ли это *один-единственный вид* — эдакий млекопитающий хамелеон?

Это озарение сошло на Генриха разом, и он с ужасом и каким-то восторженным изумлением понял, что преследовал не бодулю и не ящера — он догонял поллиота. Самое необыкновенное существо, когда-либо встреченное человеком во Вселенной.

Обессиленный не столько жарой и болью в руке, сколько этим потрясшим его открытием, Генрих все еще лежал внутри «сигары», полуприкрыв глаза и собираясь с мыслями. Догнать этого хамелеона, мимикродона он должен, это просто необходимо, а вот что с ним дальше делать — это будет видно на месте. Ну, выкарабкивайся отсюда, увалень, сказал он себе.

Трубы здесь были звонкие, сухие, больше метра в диаметре — преодолевать их было сущей радостью. А еще через четверть часа и они кончились, и Генрих пошел по земле, устланной опавшими, но еще не начавшими сворачиваться листьями. Естественный ковер был упруг и как будто помогал ходьбе. К тому же на граненых столбах стали появляться еще не опавшие листья, торчавшие так, словно они были поставлены в узкие вазы. Тень под ними была прохладна и кисловата, они источали знакомый запах истертого в пальцах щавелевого стебелька. «Ринко» уже не рыскал, а твердо держал направление — цель была близка.

Генрих прибавил шагу. Теперь он твердо знал, что будет делать: догонит поллиота, на всякий случай накинет на морду петлю, затем завалит на бок и свяжет лапы. А тем временем подоспеет вызванный по фону вертолет. Есть ли в медпакете что-нибудь анестезирующее и парализующее? Ах ты, пропасть, он и забыл, что это «пакет-одиночка». Автоанестезор вкладывается только в «пакет-двойку», когда на вылазку идут двое. Действительно, зачем он одинокому путешественнику? Ведь такого случая, как этот, никто не мог предположить.

Ну, довольно, справимся и без фармакологии. Вот только связать покрепче... Связать? Горе-охотник, он даже не

удосужился захватить с собой веревки. Вот что значит браться не за свое дело. Тысячи тысяч раз он радовался тому, что всегда делает только свое дело, и поэтому у него все в жизни получается без сучка и без задоринки. Строить — это его дело. Вытаскивать из-под лавины зазевавшихся практикантов — это тоже его дело. Сдав то, что практически невозможно было построить, да еще там, где никто и никогда не строил, потом учинять вселенский сабантуй с озером сухого шампанского (весьма произвольное толкование сухого закона, действующего на некоторых планетах) — и это было его дело.

И еще многое было его делом, и только сейчас он вдруг подметил, что в этих самых своих делах он не был одинок —. как теперь. Их всегда было много — сотрудников, практикантов, друзей, поклонниц...

А он попался, и капкан одиночества захлопнулся за ним, если бы не Эри, он бы давно сказал жене: бежим отсюда. Но перед этим художником он пасовал, играл роль Великого Кальварского... Доигрался.

Впереди послышалось журчание воды.

Он шел и шел, не видя ни реки, ни озера, пока не понял, что журчание доносится снизу, из-под листьев, и странно было идти по этому зыбкому, хлюпающему настилу, но листья вдруг кончились, и он оказался по щиколотку в воде. Чистое галечное дно не таило никакой опасности, и впереди, похоже, было мелко. Огуречные деревья, увенчанные парусами гигантских листьев, торчали теперь прямо из воды, и только немногие сохранили около ствола крошечный островок, не более метра в поперечнике. На одном из таких островков что-то мелькнуло, тяжело плюхнулось в воду и поплыло дальше, двигаясь судорожными толчками. Генрих мог бы заранее предсказать, какой вид примет поллиот: да, на сей раз это была жаба, только не привычно белоснежная, а розовато-пятнистая. Может быть, страшная рана на боку, которую он успел разглядеть, несмотря на изрядное расстояние и глухую тень, создаваемую плотно сомкнутыми вверху листьями, затрудняла процесс депигментации? Или поллиот намеренно прибегал к защитной окраске?

Несколько раз жаба подпускала его на расстояние прицельного выстрела, но в последний момент рябая туша стремительно окуналась в воду, и погоня, которой не виделось конца, возобновлялась во всей своей безнадежности. «Да постой же ты, тлупая, — уговаривал ее Генрих не то про себя, не то вполголоса: — Постой! Этот бег бессмыслен

и жесток. Если бы у тебя был хоть один шанс, я отпустил бы тебя. Но шанса этого нет. Я вижу, как ты теряешь последние силы и последнюю кровь. Если бы не вода по колено, я давно догнал бы тебя. Так остановись же здесь, в этой пахучей журчащей тени, где только черная колоннада граненых стволов, да мелкая звонкая галька под ногами, да неторопливо струящаяся вода, такая одинаковая на всех планетах. Зачем же возвращаться на сушу, где солнце и нестерпимый зной? Послушай меня, останься здесь...»

Не отдавая себе в этом отчета, он поступал точно так же, как несколько тысячелетий тому назад поступали его предки, охотники древних времен.

«Я не рассчитал наших сил; я ошибся, хотя и мог бы догадаться, что для того, чтобы выжить на вашей нелепой Поллиоле, с пеклом ее дневного солнца и ледяным адом ночной мглы, надо иметь гораздо больше выносливости, чем у земных существ — разумных и неразумных. И вот я, слабейший, прошу тебя: остановись. Если я не догоню тебя, брошу эту затею и оставлю тебя умирать в этом водном лабиринте, никто об этом не узнает. Никто не будет ни о чем догадываться. Кроме меня самого. Со мной-то это останется до самой смерти моей. И уже я буду не я. Ты прикончишь Кальварского, понимаешь? Вот почему я прошу у тебя пощады. Я взялся не за свое дело, и мне не по силам довести его до конца. Хотя брался ли я? Оно просто свалилось мне на голову, как снег, как беда. Я уже начинаю лицемерить и перед тобой... Я знаю, за что. Видишь ли, однажды я взял живого человека... женщину... и сделал из нее для себя украшение, безделушку. Так надевают на банкет запонки — красиво, изящно, и главное — так принято. Конечно, так бывало не раз — мужчина берет в жены женщину, не давая ей взамен ничего, кроме места подле себя. Сколько уж раз так бывало за сотни и тысячи лет! И почти всегда — безнаказанно. Нам прощали, прощают и будут прощать. И меня прощали бы всю жизнь, не занеси нас нелегкая на Поллиолу. Здесь, вероятно, неподходящий климат. Вот и поломалось то, что могло благополучно продержаться не такой уж короткий человеческий век. Мне просто не повезло. И тебе. Расплачиваться приходится только нам двоим — мне и тебе. Убивать, знаешь, тоже не сахар, и если бы у меня была возможность предлагать — я выбрал бы борьбу на равных, где или я тебя, или ты меня. Но сегодня выбора нет, и давай кончать поскорее. Я все бреду и бреду по этой теплой водице, и ей конца и края не видно, и деревья пригнулись ниже, и ни одного

просвета вверху, и все темнее и темнее, и я опять не успеваю прицелиться, а я уже и на ногах-то не стою, а ведь предстоит еще дождаться вертолета, и еще как-то пробиваться через эту чащу — резать десинтором, что ли...»

Смутное беспокойство заставило его поднять голову. Темно, слишком темно. Но до здешнего вечера еще много земных дней. Крыша, сотканная из гигантских листьев, всего в трех-четырех метрах нависала над головой. Он таки выискал просвет между этими бархатисто-серыми, словно подбитыми теплой байкой, лопухами, но когда он глянул в эту щель, то даже не понял в первое мгновение, что же там такое. А когда понял, то разом позабыл и свою усталость, и раздражение, да и самого поллиота, упрямо и безнадежно удиравшего от него без малого земные сутки.

Потому что там, прямо над самой листвой, почти задевая ее своим тепло-лиловым брюхом, нависла грозовая туча.

А о дожде на Поллиоле Генрих уже имел представление.

Он попытался сосредоточиться и прикинул: даже с учетом его ползанья на четвереньках в огуречных россыпях, и с преодолением штабелей лиственных труб, и со всем этим водоплаванием он проделал за это время не меньше двадцати пяти—тридцати километров. Допотопный вертолетик, приданный их базе отдыха, проделает этот путь по пеленгу за полчаса. Но вот пробьется ли он через грозовой фронт? Скорее всего, молнии расколошматят его на третьей минуте. А другого вертолета нет. И ничего более современного здесь тоже нет, потому что существует нелепая традиция: на заповедных планетах пользоваться техникой пещерной эпохи. Да, девственные леса Поллиолы были ограждены от выхлопа струй турбореактивных вездеходов, и за эту бережливость Генриху предстояло расплатиться в самом недалеком будущем...

Из безвыходного оцепенения его вывело усиливающееся журчание. Вода прибывала; видимо, где-то неподалеку дождь уже начался, и через несколько минут эта тихая заводь должна была превратиться в бешеный поток, какой они уже наблюдали десять дней назад. Выход один — взобраться на дерево. И поскорее. То есть так скоро, как это может сделать человек, не имеющий ни веревки, ни ножа.

На вид поверхность ствола была твердой как сталь, но под разрядом десинтора она вдруг с шипом и пеной начала превращаться в кипящий кисель. Ах ты! Вместо ступеньки клейкая промоина. Нет, не выход. Давай, великий Кальварский, шевели мозгами. Ствол отпадает, а листья? Вот

один свесился совсем низко, до него метра три. Ни рукой не достанешь, не допрыгнешь. Но можно пробить десинтором маленькую дырочку, а в медпакете еще осталась лента...

На то, чтобы проделать отверстие и закинуть на него бинт с грузиком, потребовались секунды. Генрих осторожно притянул лист к себе, больше всего на свете боясь, что сейчас он отделится от своего основания — нет, обошлось. Он встал на конец листа ногами, провел ладонью по гладкой поверхности — да, по ней вверх не взберешься. А если разрезать? Точными движениями он рассек лучом левую половину листа, и еще, и еще. Несколько толстых лент, истекающих терпким соком, свесились серебристой бахромой. Так. Теперь связать каждую пару двойным узлом и по этим узлам забраться наверх. Сделано. И уже там, держась за толстенный черенок, Генрих глянул вниз: окрестные деревья торчали из мутной воды. Если его смоет вниз... Он прополз еще немного, и вздохнул с облегчением: основания всех черенков, уходя в глубину ствола, образовывали коническую чашу, на дне которой виднелись крохотные, не крупнее фасоли, огурчики. Он успел еще пожалеть о том, что не догадался отрезать кусок листа и прикрыться сверху, когда первые капли дождя застучали кругом с угрожающей частотой. Дерево, на вершине которого он укрывался, было немного ниже остальных, и поэтому вокруг себя он не видел ничего, кроме листьев. Дождь шел сплошной стеной. Розовая молния вспыхнула у него перед глазами, — он присел и невольно зажмурился.

Молнии, прямые, не разветвленные, били под несмолкаемый грохот разрядов. Где-то невдалеке с шумом повалилось дерево, затем другое и третье. Гроза бушевала уже около получаса, и Генрих не смел глянуть вниз, где вода, наверное, поднялась до середины ствола. От усталости и нервного напряжения его била дрожь, под сплошным потоком дождя не хватало воздуха. Если это продлится еще часа два, то он не выдержит. Сползет вниз, в наполненную водой чашу, и никто никогда не найдет его здесь...

А ведь до сегодняшнего дня ему так не хватало именно воды! Удушливый полдень Поллиолы толкал его к озеру: только здесь он узнал, что Герда была неплохой пловчихой. Правда, Генриха раздражало то обстоятельство, что на берегу, как алебастровая колонна, торчал в своей неизменной белоснежной хламиде Эристави. Конечно, наблюдать — это всегда было неотъемлемое право художника, но уж лучше бы он плавал вместе с ними. Хотя бы по-собачьи. А Герда

заплывала далеко, на самую середину озера, а один раз — даже на другую сторону. Именно там они впервые увидели огуречное дерево — громадный, высотой с Александровскую колонну, графитовый стакан. Листья с него уже опали, и прямо через край верхнего среза перекатывались пузырчатые светло-сиреневые огурчики, словно стакан варил их, как безотказный горшок братьев Гримм. Огуречная каша затянула бы весь берег, если бы здесь не паслось великое множество местной фауны, с хрустом уминавшей свежевыпавшие огурцы. Они еще долго забавлялись бы этим огородным монстром, если бы глаза Герды вдруг не расширились от ужаса.

Он глянул туда, выше по откосу, и тоже увидел это. Они еще несколько минут стояли, читая готическую надпись, сделанную лиловым несмываемым фломастером, а затем тихо опустились к воде и как-то удивительно согласно пересекли озеро.

Все это время на высоком берегу недвижно белела хламида Эристави. Взгляд художника был спокоен, почти рассеян: сейчас, когда рядом с его божественной Гердой был муж, его не пугала потенциальная опасность темно-зеленых озерных глубин, над которыми с легкостью золотистой уклейки скользило светлое женское тело. В других случаях присутствие Генриха как бы не замечалось художником, не принималось во внимание. Их сферы никогда не пересекались — Эристави боготворил Герду и рисовал ее; муж не умел ни того, ни другого. Сосуществование их было мирным, ибо обе сосуществующие стороны добродушно желали своему противнику провалиться ко всем чертям, но не более. Оба были слишком заняты: Генрих — ничегонеделанием, Эристави — созерцанием (в присутствии Герды) и рисованием (в ее отсутствие).

Выжимая волосы и не глядя на художника, Герда прошла так близко от него, что он явственно слышал звон каждой капли. Следом, посапывая от усталости, тяжело взбирался с камня на камень Генрих. В любом другом случае он попросту прошел бы мимо. Но сегодня был особый случай.

— Странное дело, Эристави, — проговорил он, останавливаясь перед художником. — Там, на другом берегу, могила. Мы ведь не оставляем своих на чужих планетах... Но там — имя человека.

Они возвращались к своему коттеджу, стараясь ступать как можно тише, словно боясь вспугнуть густую жаркую тишину бесконечного полдня. Когда они подходили к дому,

внутри его раздался мелодичный удар гонга и благодушный немолодой голос возвестил: «Солнце село. Спать, дети мои, спать. Завтра я разбужу вас на рассвете. Приятных сновидений».

Солнце стояло прямо в зените, и они взбежали по горячим доскам крыльца, ступая по собственным теням, и когда они перешагнули через порог, проемы окон и дверей бесшумно затянулись непрозрачной пленкой. Сумеречная прохлада наполнила дом шорохами влажных листьев, гуденим майского жука и мерцанием земных звезд. А там, снаружи, продолжало сверкать бешеное белое солнце и до заката его оставалось еще больше ста земных дней...

Воспоминание о солнце вернуло Генриха к действительности. Озеро, могильный камень с лиловой надписью... Все это приобрело четкость и правдоподобие бреда. Еще немного, и он совершенно перестанет владеть собой. Солнце, надоевшее до судорог, где ты?..

Дождь прекратился, когда он уже терял сознание. Час ли прошел или три — этого он не мог определить. Тучи все так же ползли, чуть не задевая верхушки деревьев, и между ними и туголиственной крышей этого необычного надводного леса плотной пеленой стояло марево испарений. Генрих обернулся, пытаясь сориентироваться, и невольно вздрогнул: еще одна туча, чернее прежней, шла прямо на него. Хотя нет... не шла. Стояла.

Он никогда здесь не был, но сразу же узнал это место по многочисленным фотографиям и рассказам: это были Черные Надолбы, одна из загадок Поллиолы — огромный участок горного массива, без всякой видимой цели весь изрезанный ступенями, конусами, пирамидами, где скальные породы были оплавлены неведомым жаром. До этой чернеющей гряды было совсем недалеко — метров двести, и Генрих, не задумываясь, прыгнул вниз, в мутноватую, подступающую к самой листве воду. Течение подхватило его, понесло от одного ствола к другому; он экономил силы и не особенно сопротивлялся. Два или три небольших водоворота доставили ему пару неприятных минут — пришлось погружаться с головой в воду. Он уже начал бояться самого страшного — что он потерял направление и теперь плывет в глубь водяного лабиринта, когда перед ним вдруг черным барьером поднялась базальтовая стена. Если бы не дождь, поднявший уровень воды, эта стена стала бы почти непреодолимым препятствием на его пути. Сейчас же он проплыл немного вдоль нее, отыскивая место, где она шла почти вровень с водой, и наконец ползком выбрался на берег.

И только тут он понял, что больше не в состоянии продвинуться вперед ни на шаг. Даже вот так, на четвереньках. Он лежал лицом вниз, и перед его глазами влажно блестела полированная поверхность черного камня. Пока нет солнца, он позволит себе несколько минут сна, а за это время прилетит вертолет. Он нащупал на поясе замыкатель автопеленга. Контакт. Ну вот, еще минут тридцать—сорок, и все закончится.

Он медленно прикрыл глаза, но темнота наступила раньше, чем он успел сомкнуть ресницы. Сон это был или воспоминание? Наверное, сон, потому что он попеременно чувствовал себя то Генрихом Кальварским, то каким-то сторонним наблюдателем, или вдруг начинал ловить мысли собственной жены — то, чего ему не удавалось в течение всей их совместной жизни. Он слышал ее. Сновидение отбросило его назад, в прохладу вчерашней ночи, и южные звезды мерцали в едва угадываемых окнах.

— Оставь нас в покое, — просил он. — Или ты действительно хочешь натолкнуть Эри на мысль о свежем бифштексе?

— Что за пошлость — наталкивать на мысль! Если бы я хотела свежего мяса, то я бы ему так и сказала: поди, застрели бодулю и зажарь мне ее на вертеле.

— И подстрелит, и зажарит?

— И подстрелит, и зажарит.

— И на попечении этого браконьера остается моя жена, когда я отбываю на Капеллу?!

— Надо тебе заметить, что ты слишком часто это делал, царь и бог качающихся, сейсмонеустойчивых земель. Слишком часто для любого браконьера — но только не для Эри.

— И его божественной, недоступной, неприкасаемой Герды.

— И его божественной, да, недоступной, да, неприкасаемой Герды.

И тут он услышал не слова, а ее мысли. Какая жалость, повторяла она, какая жалость... Пока все напрасно. Она действительно не пыталась навести Эристави на мысль об охоте — зачем? Она охотилась сама. Но ее охота здесь, на Поллиоле, пока была безрезультатной. Она расставила капкан — цепкий капкан собственного каприза — и осторожно, круг за кругом, загоняла в него Генриха. Он должен был сдаться, сломиться в конце концов — попросту махнуть рукой. Он должен был в первый раз в своей жизни подчиниться ее воле — но с этой поры она не позволила

бы ему забыть об этом миге подчиненности всю их оставшуюся жизнь.

Но дичь ускользала от нее, и Герду охватывало бешенство.

— Хорошо! Я больше не прошу у тебя ничего, даже такой малости, как одно утро поистине королевской охоты. Нет так нет. Теперь меня просто интересует, насколько всемогуще это рабское почитание параграфов и правил и твое твердолобое нежелание поступиться ради меня хоть чем-то. Меня интересует, почему ты, мой муж, не хочешь выполнить мое желание. Эристави смог бы, хотя, насколько я помню, я не позволяла ему коснуться даже края моего платья.

— Потому что это значило бы нарушить закон.

— Да его тут все нарушали! Ты что, не догадываешься? Все, кто приписывал на нашем пергаменте: «Не охотьсяl» Думаешь, почему? Да потому, что при всей своей привлекательности здешние одры, конечно, несъедобны. Я об этом давно догадалась и, как видишь, мечтаю не о бифштексе...

Он понял ее, почувствовал, как она смертельно устала, и вовсе не от нескончаемого полдня Поллиолы, а от собственного вечного пребывания в двух ипостасях одновременно: Герды Божественной и Герды Земной. Шесть лет назад перед ней встал трагикомический выбор Коломбины — между сплошными буднями и вечным воскресеньем. Она выбрала первое. Но воскресные, праздничные огоньки продолжали дразнить ее изо всех углов — и Эри, и не только Эри. Он был самым верным, самым восторженным, самым почтительным. Но были же и сотни других. Тех, что ежедневно видели ее в передачах «Австралифа». Самые сумасшедшие письма она получала с подводных станций. Да и китопасы были хороши — если бы не стойкая флегматичность Генриха, дело давно уже дошло бы до бурных объяснений.

Атмосфера бездумной восторженности — питательная среда, в которой культивируются хорошенькие теледикторши, — незаметно стала для Герды жизненной необходимостью, когда она, на свою беду, случайно попалась на глаза самому Кальварскому. И все пошло прахом. Если на телестудии с грехом пополам он еще проходил как «супруг нашей маленькой Герды», то во всей остальной обжитой части Галактики уже она сама была обречена на вторые роли. И даже на эти роли, рядом с Кальварским, годилась такая особа, которая смотрелась по высшему классу. Это требование было соблюдено, и Генриха больше ничего не волно-

вало: рядом с ним была Герда, а в остальном — хоть трава не расти.

За шесть лет супружества роли не переменились, почти не изменился и сам Кальварский. Герда знала — что бы она ни сделала, ему все будет безразлично. Она вот так, босиком, может взобраться на Эверест, а он только пожмет плечами.

...И странность его полусна, заставлявшая его дословно воспроизводить все происшедшее минувшей ночью, принудила его словно воочию увидеть... и услышать ее.

— Я жду, — напоминает Герда, и ее свистящий шепот разносится, наверное, по всей Поллиоле. — И я не шучу!

Немигающие, остановившиеся глаза обращены к Эристави. Он знает, что эта женщина не шутит; он знает, что недопустимое произойдет, и не только потому, что так повелела она. Просто слишком долго тянулось другое недопустимое — не имея на то никаких прав, он все-таки находился подле этой женщины. Это не могло кончиться просто так, ничем. Но ведь чудовищные поступки не всегда расшвыривают людей, подобно взрыву — иногда они связывают. Сопричастностью пусть — но связывают... Он поднимает свой десинтор — прицельный двенадцатимиллиметровый среднедистанционный разрядник. Он был слишком хорошим стрелком, этот потомок древних охотников, и никогда не пользовался разрывным оружием. Он и сейчас знает, что не промахнется, и если медлит, то только потому, что так и не может решить — все-таки промахнуться ему или точным выстрелом в глаз уложить эту вполне земную на вид оленюшку?..

Но Генрих тоже знает, что его жена не шутит, и этого секундного колебания ему достаточно, чтобы бросить свое тело вперед, через ступеньки веранды, и он успевает, как успевал везде и во всем. И выбитый из рук Эристави десинтор летит прямо к мольберту, и Генриху не приходит в голову проследить за его полетом, и спохватывается он только тогда, когда жуткая белая молния бьет прямо по дощатым ступеням, и Генрих вдруг понимает, что в отличие от вчерашней ночи Герда стреляет не по белой бодуле, а по нему, и неумело посланные разряды щепят дерево и полосуют сухую траву, поднимая белые клубы терпко пахнущего дыма.

Он рванулся в сторону, чтобы короткими перебежками выйти из зоны обстрела — и наконец проснулся. В узкий просвет между тучами било жаркое солнце, и пар поднимался дымными клубами с полированной поверхности чер-

ного камня. Ступени циклопической лестницы уходили прямо в низко мчащиеся облака, и где-то совсем рядом, метрах в пятнадцати над собой, он увидел зверя, на светло-золотистой шкуре которого едва проступали бледнеющие на глазах пятна.

Он вскочил, словно его подбросило. Как он мог забыть?

Он доковылял до первой каменной ступени, оперся на нее грудью и непослушными пальцами попытался нащупать на поясе кобуру десинтора. Кобуру он нашел, но вот десинтор... Неужели вывалился во время прыжка в воду?

От бешенства и бессилия Генрих даже застонал. Каждая новая неудача казалась ему последней каплей, но проходили считанные минуты — и на голову сваливалось еще что-нибудь, похлестче предыдущего. Потерять десинтор!

А поллиот лежал прямо над ним, на полтора десятка ступеней выше, лежал на боку. Приподнялся, пополз вверх. Пятен на нем уже не видно, и сейчас он напоминает бесхвостого кенгурафа масти оленя. А может, и не кенгурафа. Вот переполз на ступеньку выше... еще выше...

Скорее он похож на обезьяну — естественно, ведь для карабканья по скалам это наиболее удобная форма. Правой передней лапой он едва двигает... Выше... А что, если там — пещеры, скрытые сейчас облаками? Он же заползет черт знает куда, и с его жизнеспособностью будет подыхать без питья и корма много, много дней.

Высота ступеньки была чуть ниже груди, и Генрих взобрался на нее не без труда. Перебрался еще на одну. И еще. Жара и духота. Бешеный стук крови в висках. И тупая боль в вывихнутой руке. Максимум еще четверть часа, и здесь будет вертолет. А пока — не упустить поллиота из виду.

Почему тело поллиота меняет форму? Вероятно, здесь действует механизм, превосходящий по сложности тот, что управляет окраской камбалы. Детали этого механизма, конечно, прелюбопытнейшие — например, как тут, на Поллиоле, обстоит дело с гомеостазисом... Но об этих деталях уместнее будет говорить после того, как они вместе с поллиотом доберутся до вершины ступенчатой пирамиды.

Между тем расстояние между ним и его жертвой медленно сокращалось. Это радовало Генриха, но беда была в том, что животное уже достигло последней ступени, и в белесой дымке густого тумана, льнущего к вершине, он старался не потерять контуры неподвижного тела. Неужели дальше — спуск? Тогда надо спешить. Перехватить на гребне. Проклятье, ветер откуда-то появился, сырой,

но не приносящий прохлады. Еще шесть ступеней. Пять, четыре...

Неподвижное тело поллиота вдруг ожило. Он приподнял голову, уже успевшую обрасти светлой гривой; и не то зевнул, не то просто хотел обернуться к преследователю, но внезапно его тело свела судорога — и он исчез. Впереди не было ничего, только идеальная прямая каменного парапета, через который переливались на Генриха сгустки липкого тумана. Генрих закусил губы, упрямо мотнул головой и полез наверх. Одолел верхнюю ступень — и чудом удержался: за полуметровым парапетом почти отвесно уходила вниз стена ущелья. Глубину его оценить было трудно — нагромождение черных каменных обломков терялось в тумане.

Генрих сполз обратно, ступенькой ниже... и понял, что теряет сознание.

...Гибкие щупальца аварийных захватов отодрали его от поверхности земли, втянули в кабину вертолета. Он с трудом открыл глаза. Идеальные параллели каменных гряд уходили вниз, стушеванные маревом испарений. Генрих перевел управление на себя. Вертолет завис неподвижно. Генрих вытащил «ринко» — нет, отсюда прибор направления не брал. Придется искать вслепую. Он плавно развернул машину, отыскивая лестницу. Ее-то найти было нетрудно. Взмыл на гребень, перевалил его и окунулся в ущелье. Лиловатый туман — пришлось снова довериться автопилоту. Наконец машина села на обломок скалы. Генрих выбрался наружу.

Туман стремительно таял, и лучи прорвавшегося сквозь тучу солнца уничтожали его остатки с поразительной быстротой. Влажные глыбы четких геометрических форм были, казалось, заготовлены впрок для какого-то дела, но вот не пригодились и были свалены за ненадобностью на дно ущелья, которое отсюда, снизу, казалось бездонной пропастью. Под солнечными лучами все вокруг приобрело праздничный вид — и нежно-фиалковое небо, и огромные сверкающие капли на черной, как рояль, полировке камня, и озорное цоканье сорвавшегося сверху камешка...

Он машинально проследил за этим камешком и увидел тело. Поллиот лежал мордой вниз, и широко раскинутые лапы его были ободраны в кровь — видимо, он не падал, а все-таки скользил по слегка наклонной стене, пытаясь уцепиться хоть за какую-нибудь трещинку, и от этого его лапы... Только это были не лапы. Это были израненные окровавленные человеческие руки. И тело, лежащее на черной шестигранной плите, было телом человека, вот только там,

где у Генриха оно было закрыто полевым комбинезоном, кожа поллиота имела цвет и фактуру тисненой ткани. Длинные темно-русые волосы падали на шею, и ветер, поднимаемый медленно вращающимися лопастями вертолета, шевелил прядками этих неподдельных человеческих волос.

Генрих медленно расстегнул молнию комбинезона, стащил с себя рубашку и осторожно, стараясь не коснуться мертвого тела, укрыл голову и плечи этого удивительного существа. Затем он вернулся к вертолету и, покопавшись в грузовом отсеке, вытащил мощный крупнокалиберный десинтор, которым в полевых условиях обычно пробивали колодцы или прорезали завалы. Сгибаясь под его тяжестью, он пробрался между базальтовыми кубами к стене ущелья, где случайно или намеренно отваленный выступ образовывал что-то вроде козырька. Под этим навесом он выжег в камне неглубокую могилу и, удивляясь тому, что у него еще находятся на это силы, перетащил туда укутаннос тело поллиота. В яме оно едва уместилось, но для того, что задумал Генрих, больше было и не нужно. Он отступил шагов на десять, с натугой поднял десинтор и, вжав его в плечо, нацелил разрядник на каменный козырек, нависший над импровизированной могилой.

Непрерывный струйный разряд ударил по камню, и мелкое черное крошево брызнуло вниз. И тут случилось то, чего Генрих надеялся избежать — острый осколок полоснул по ткани, укрывавшей лицо поллиота, и рассек ее. Самодельный саван распахнулся, и там, под градом черных осколков, вместо головы поллиота Генрих увидел нечто другое. Он всмотрелся. Это было его собственное лицо.

В неглубокой базальтовой могиле лежал не просто человек, а Генрих Кальварский.

Надо было остановиться, выключить разрядник, что-то сделать, но оцепенение, охватившее Генриха, стиснуло его со всех сторон и не дало шевельнуться. Вот теперь он понял, что такое — последний ужас. Последний, после которого уже ничего не бывает. Десинтор, сжатый закостеневшими пальцами, продолжал гнать вверх плазменную струю, и вниз сыпалась уже не щебенка — черные ухающие глыбы рассекали воздух и врезались намертво в стремительно растущую каменную гряду. Над могилой вырос целый холм, а Генрих все еще не мог заставить себя шевельнуться. Лицо, открывшееся ему всего на несколько секунд, было погребено под многотонной насыпью.

И все-таки оно стояло перед ним.

Генрих сделал жалкую попытку внушить себе, что это

было обманом зрения, плодом больной фантазии, порожденной душным адом нескончаемого тропического дня.

Но из памяти всплыла могила на другом берегу озера и камень с лиловой надписью на нем. И пожелтевший пергамент, и лиловый росчерк — бессильная попытка если не исправить, то хоть предупредить...

Не охоться. Говорили же тебе — не охоться! Что, ты не охотился? Вынудили тебя? Тоже мне оправдание. Убийство есть убийство. Может, ты скажешь, что рана на теле поллиота — дело рук твоей жены? Но ведь только сейчас, во время этой великолепной охоты, ты понял, что был виноват в том, что она схватилась за десинтор. Нечего оправдываться. Нечего твердить себе, что и в пропасть ты его не толкал, сам сорвался...

Это так. Но там, под камнем, твое лицо. Твое.

Он затравленно оглянулся, и ему показалось, что причудливые камни, полускрытые дымными завитками испарений, хранят в себе отпечатки многоликого мира Поллиолы, мира, так и не понятого людьми, которые с тупым животным упрямством пытались найти на Поллиоле привычные земные законы. И первый закон: «Сохрани себя!»

А они не были подчинены этому страшному, дикому закону. Способные принять любой облик, они не прикидывались деревом или камнем — не дано им было это умение: хранить себя.

Но, принимая вид своего убийцы, они выполняли другой, высший закон: они оберегали всех остальных. Откуда бы ни появились они на этой загадочной планете, как бы они ни развились, грозить им могло только одно: пришельцы из другого мира. И против этих, несомненно разумных, высокоразвитых врагов, которые могли посягнуть на этот заповедный уголок даже не со зла, а так, из прихоти, ради забавы, — против них у поллиотов имелось одно оружие — аксиома, одинаково звучащая на любом языке Вселенной: «Убивая меня, ты уничтожаешь самого себя...»

Батарея в десинторе иссякла, и каменный дождь прекратился. Волоча ноги, Генрих подошел к свежему кургану, вогнал в рукоять новую обойму и, перекалибровав луч на минимальную толщину, выжег на самом крупном обломке:

ГЕНРИХ КАЛЬВАРСКИЙ

Больше здесь ему делать было нечего. Он доплелся до вертолета, зашвырнул в кабину десинтор и забрался сам.

Он задал автопилоту программу на возвращение и вы-

тянулся прямо на полу кабины. Прохлада и монотонное жужжание так и тянули его в сон, но у него было еще одно дело, последнее на Поллиоле, и он не позволял себе закрыть глаза. Иначе — он знал — ему не проснуться даже тогда, когда вертолет приземлится на поляне перед его домом.

Когда он долетел, полянка, умытая недавним дождем, радостно зеленела еще не успевшей свернуться от зноя травой. Глупый доверчивый поллиот в шкуре единорога пасся там, где недавно алел подрамник со свежим холстом.

В домике никого не было. Лист пергамента, на который они давно уже перестали обращать внимание, желтел на стене. Под надписью, сделанной лиловым фломастером, вилась изящная змейка почерка его жены:

ЗАКАЗЫВАЙТЕ НА НОЧЬ
ЗВЕЗДЫ ЮЖНОГО ПОЛУШАРИЯ!

Места под надписью больше не оставалось.

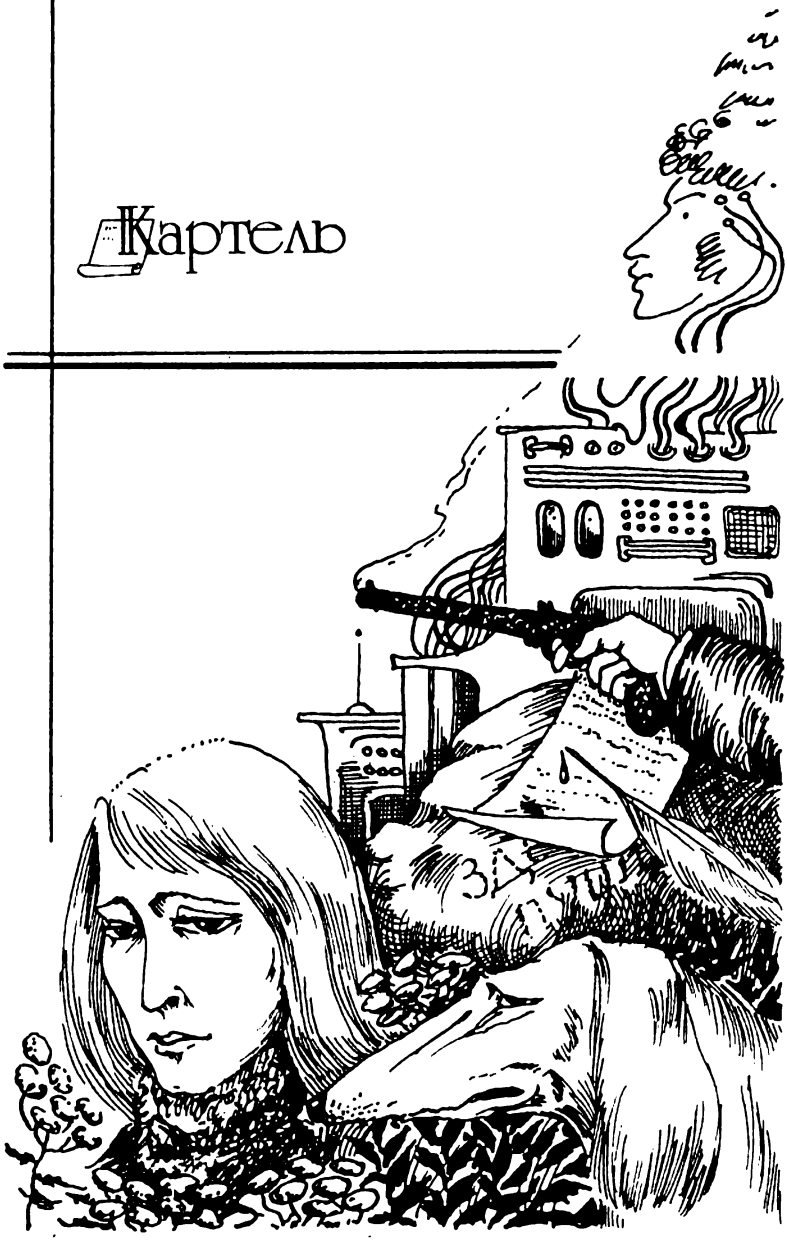
Генрих упрямо вернулся к вертолету, достал десинтор и прямо на стене тем же узким лучом, что и на камне, стал писать:

НЕ ОХОТЬСЯ!

И еще раз.

И еще.

Картель



Все это произошло у меня на глазах, и я никого не буду оправдывать, хотя виною всему была истинная любовь, беззаветная и бескорыстная, такая, какая и толкает обычно человека на подвиги и преступления — в степени, к счастью для человечества, неравной. И провалиться мне в наши десятиэтажные подвалы, если я знаю, почему девятерых такая любовь награждает ясновиденьем тибетского ламы, а десятого — тупоумием закоренелого кретина.

Кстати, о наших подвалах. Дело в том, что именно там находилось одно из трех главных действующих лиц этой истории. Точнее говоря — героиня, и звали ее Рыжая БЭСС. Это — всего-навсего безэлектронная самообучающаяся система, каких по всему миру, наверное, уже тысячи, если не десятки тысяч, а «рыжая» — эпитет, как я полагаю, столь же постоянный для этой системы, как «добрый» для молодца и «дурачок» для Иванушки, и у программистов Канберры и Орлеана, Канзас-Сити и Вышнего Волочка вряд ли хватает фантазии на ассоциации менее избитые, чем прозвище малосимпатичной дочери Генриха Восьмого.

Кроме прочих своих достоинств, БЭСС — аналоговая машина, но это совсем не то, что подразумевалось под этим термином лет так сто—сто пятьдесят тому назад, когда в моду только входили электронные машины, а безэлектронных не существовало даже в проекте. Но об этом чуть позже, потому что надо поскорее назвать второго героя, а этим вторым был мой университетский однокурсник Илья Басманов, в студенческую бытность — вундеркинд и разгильдяй, умудрявшийся интересоваться всем, кроме своей непосредственной специальности, и тем не менее, иметь по ней незыблемую пятерку.

Ясность с самого начала — залог краткости, и чтобы позже не возвращаться к проблеме взаимоотношений между Рыжей БЭСС и Ильей Басмановым, я должен сразу оговориться, что отнюдь не она была предметом его неистовой любви. Хотя предположить такое было нетрудно уже по тому, что еще на первом курсе я заметил, что Илья — прирожденный экспериментатор, готовый променять лучшую из девушек на допотопный компьютер. И курсовые свои он делал «методом тыка». Метод этот известен не одну сотню лет и заключается в том, что экспериментатору приходит в голову какая-нибудь бредовая идея, он на скорую руку собирает биоэлектронную схемку, подает на нее напряжение и смотрит, что из этого выйдет. Примерно то же, что гадать с закрытыми глазами, тыкая пальцем в книгу, — с точки зрения солидных теоретиков. Но что поделаешь, ведь

именно так, с позиций «а что если взять и посмотреть», и были сделаны многие из величайших открытий прошлых веков. К солидным теоретикам я себя пока причислить не могу, но методы Басманова мне всегда были чужды, и, может быть, именно поэтому мы с ним никогда не были близкими друзьями. Я даже не знал толком, куда он получил назначение, — кажется, на Рисер-Ларсен, что на самом севере Земли Королевы Мод. Это, во всяком случае, было в его стиле. Но через два с половиной года он уже снова объявился на Большой Земле, порхал из одного вычислительного центра в другой, хватался за всевозможные неразрешимые проблемы, разрешал их, о нем говорили уже на всех симпозиумах (на которых он сам, кстати, появляться не любил), и все не мог осесть на одном месте, которое пришлось бы ему по душе.

Я мирно трудился у себя в Гатчине, как вдруг однажды его смятенный лик, похожий одновременно на лорда Байрона и на Буратино, возник на экране моего междугородного фона.

— Послушай-ка, старина, — заговорил он так, словно мы только вчера расстались с ним в коридоре университета. — Я прослышал, что тебя удостоили новым назначением.

Я удивился. Гатчина меня вполне устраивала, и ни о каком новом назначении и речи быть не могло. В худшем случае мне могли сделать предложение, но пока такового я не слышал.

Я сказал об этом Басманову.

— Ты не сршись, старина. Предложение тебе будет. По всей форме. Со сватами и вышитым полотенцем. Но можешь рассматривать его как назначение, потому что у тебя не возникнет даже легкого желания отказаться.

Я пожал плечами и, естественно, осведомился, в каком объеме он осведомлен о моей дальнейшей судьбе.

— Будешь заведовать сектором программирования в новом информатории, — предсказал он безапелляционным тоном.

— Много их — новых-то. Говори конкретнее.

— Конкретнее некуда. В наступающем году запланирован только один новый информаторий, — он сделал паузу. — В Пушкинских Горах.

— Ну так что же? В Горах, так в Горах. При чем здесь я? И что конкретно хочешь ты — ты, Басманов, — от меня?

— Возьми меня к себе в сектор. Младшим научным.

— Постой, постой. Почему младшим? Кончили мы с тобой вместе...

— А потом ты сидел, как кулик, в своем гатчинском болоте, из-под тебя целыми выводками выпархивали статьи и труды, а сверху, с сияющих вершин науки, на тебя нисходила академическая благодать ученых степеней. Другое дело — я. Вольный программист. Младший научный сотрудник — предел моего честолюбия. Так берешь?

— А надолго?

— Ты это брось, старина, брось. Я серьезно говорю. Не возьмешь «мэнээсом» — пойду механиком ассенизационных роботов. Ну, берешь?

— Да отвяжись ты от меня, я и думать не думаю прощаться со своим тепленьким «гатчинским болотом».

— Я тебя в последний раз спрашиваю: ты берешь меня к себе в Пушкиногорский информаторий?

Я посмотрел на него и понял, что он это совершенно серьезно.

— Да, — сказал я. — Там ставят БЭСС?

— А что же еще? Последней серии, УП/с. Не «Волоколамск» же, в самом деле. Ей придется мыслить, а не вычислять.

Он даже не кивнул и выключил экран фона.

Я встал и подошел к окну. А ведь я, выходит, уже согласился... Не похоже это на меня. До сих пор я считал себя человеком в высшей степени солидным и даже не сомневался в том, что гатчинского вычислительного центра с тремя его могучими машинами мне хватит на всю жизнь. А вот теперь за пять минут какого-то несерьезного и чересчур эмоционального разговора я уже решился бросить насиженное гнездо, сотрудников, дом — и ради чего? Правда, сразу же после университета я здорово расстроился, когда не попал по распределению в только что открывшийся тогда Скифский информаторий. И, может быть, через год я точно так же платонически вздыхал бы по информаторию Пушкиногорскому, — но, разумеется, самому мне не пришло бы в голову хотя бы палец о палец ударить для того, чтобы меня туда перевели.

А кстати, с чего это меня туда переводят? Не иначе как этот сумасброд руку приложил — у таких, как Басманов, друзей — легион, и не без того, чтобы кто-то был из высших сфер. Иначе откуда бы ему слышать про все эти проекты? А сам согласился на младшего научного... Что ж, это он проповедовал еще в университете — что надо занимать такую должность, чтобы ты мог делать в три раза больше, чем тебе положено по штатному расписанию.

Вот так и получилось, что через две недели я уже летел

из Гатчины прямо на юг. Собственно говоря, Пушкиногорск уже давно не был самостоятельным заповедником (информаторий для одного заповедника — это, простите, непозволительная роскошь по нашим временам), а юго-западной территорией Единого Пушкинского музея. От взлетной площадки центральной территории — знаете, в Пушкине прямо за Александровским парком — до Святогорского ракетодрома было всего пятнадцать минут лету. Вздох по Эрмитажу и Большому залу Филармонии, который я позволил себе при отлете, был традиционен, но абсолютно лишен смысла: оказалось, что административно Пушкиногорск — такой же полноправный район Ленинграда, как Гатчина или Луга. В принципе, я мог даже не оставлять своей квартиры.

Наш центр должен был обслуживать все территории Единого музея, а сюда нас упекли просто потому, что и в Пушкине, и в Болдине мы смогли бы разместиться только под землей, что не очень-то уютно. Правда, площадью нас и здесь не побаловали — монтажная часть ушла-таки под землю, что несказанно обрадовало биотермистов, дрожавших при колебаниях температуры в одну сотую градуса. Мы немножко поторговались из-за названия — быть нашему информаторию Пушкиногорским, как заповедник, или Святогорским, как ракетодром. Остановились все-таки на первом.

Когда я прилетел, Басманов уже был там и с полной отдачей занимался абсолютно не своим делом — принимал оборудование. Мы почти не виделись, потому что я занимался тоже довольно странным делом: отражал атаки восторженных и совершенно отрешенных от математики и биоэлектроники литературоведов, которые, видите ли, лучше меня знали, как надо «программировать» БЭСС. Между прочим, меня всегда поражало, почему буквально любой технический специалист, как правило, если не глубоко разбирается, то хотя бы любит и порядком осведомлен о каком-нибудь вопросе, к его профессиональным обязанностям ни малейшего отношения не имеющем, но занимающем его вечера, и праздники, и может быть, даже сны. Когда-то это называли не совсем уважительным словом «хобби», переводимым на современный язык как «придурь». Впрочем, перевод — машинный. Я вот никогда не обольщался на собственный счет и не мнил себя ни чем иным, как тривиальным серым технарем — но все-таки своей вивальдиевской коллекцией я могу похвастаться, потому что в ней собрано абсолютно все, написанное «рыжим аббатом», — естествен-

но, из дошедшего до наших дней. Я люблю точность, поймите меня правильно, и только поэтому всегда делаю столько оговорок. Но что — я! А Роман Шпак из группы биотермистов, занимающийся историей русских колоколов? А Леночка Пелипенко из лаборатории супервакуумистов, чья статья о рериховской «Змиевне» была опубликована в еженедельнике Академии художеств? А сам Басманов?..

Так вот, почему-то ни один из знакомых мне филологов ни разу не удосужился заглянуть в самую примитивную брошюрку о принципах действия самообучающихся систем, хотя пишется такая литература вполне классическим стилем, ясным даже для шестиклассника-троечника, а приводимые там сведения, по-моему, захватывают не менее, чем самая интригующая повесть из рыцарских времен.

Меня иногда поднимал с постели вызов нашего межтерриториального фона, и какая-нибудь седовласая дама, еженощно изнывающая под бременем плосного чепца, потому что последний придавал ей сходство с Прасковьей Александровной Осиповой, вдруг с ужасом сообщала мне, что я-де забыл вложить в «свою машину» одну из песен «Мармиона», с коей Александр Сергеевич, несомненно, был знаком, ибо отозваться изволил о ней: «Славно».

Я благодарил за напоминание от собственного имени и от имени «своей машины» и укладывался спать до следующего вызова.

Между тем любая, даже самая простенькая самообучающаяся система отнюдь не требует того, чтобы в нее закладывали какие-либо сведения. Ей задаются только исходные данные, как-то в нашем варианте: языки русский, французский, немецкий, латынь и современный, с грамматикой от XIX века до нашей, а также чисто механические правила соединения со всевозможными библиотеками, фонотеками, вычислительными центрами и информаториями. После исходных данных следует только задать тему и сидеть сложа руки, ожидая, когда ваша система сама соберет и уложит в своей биоструктурной памяти абсолютно все сведения, имеющиеся по заданной теме. Это я объясняю для филологов.

Иногда, правда, система требует «заграничную командировку», и вам приходится выбивать пятнадцатиминутную связь с Оксфордом или Кейптауном.

Конечно, «сидеть сложа руки» — термин скорее желательный, нежели действительный, потому что в период активного самообучения всегда обнаруживается масса всяких монтажных ляпов, неконтактность каналов передачи меж-

дугородной информации и пр. и пр. У нас вместо термина «активное» бытует выражение «лихорадочное», или даже «сессионное обучение», но не надо думать, что с выходом системы в состояние нулевой готовности она уже перестает что-либо усваивать, как студент в каникулы. Разумеется, поглощение информации будет продолжаться бесконечно, но это будут уже сущие крохи по сравнению с тем, что заглатывает хранилище биоструктурных блоков за несколько недель активного самообучения!

Заняты мы были довольно плотно, и первый по-настоящему свободный вечер выдался у нас только тогда, когда БЭСС доложила о своей готовности к ходовым испытаниям.

Надвигался понурый сентябрьский вечер с лоскутьями тумана, зависающего над барскими усадьбами и крестьянскими халупами, с квохтаньем кибернетических «домовых», зазывающих наседок с цыплятами в птичники, но не смеющих до наступления полной темноты показаться на улицу, — днем на территории заповедника никакие машины и механизмы не появлялись, и исключение для этой вековой традиции делалось только для пожарной команды. Я вышел из помещения Центра, взял на конюшне смирного буланого мерина, с самого начала моего пребывания здесь признавшего во мне хозяина, и неторопливо направился в Михайловское. Снопики льна, устойчиво раскорячившись, несли свою вахту слева и справа от дороги; расстояние между ними было удручающе одинаково — вероятно, точность достигала долей миллиметра, так что хотелось остановить своего одра, слезть и в нарушение этой симметрии пнуть один из снопиков, чтобы он передвинулся или, еще лучше, живописно рассыпался, на всликую досаду «домовых», вспахивающих и убирающих по ночам эти косые и пестрые лоскутья жнивья, озими и пара.

Я привязал буланого у кузницы, где тутошний художник, до того похожий на Кюхлю, что волей-неволей пришлось прозвать его Бехлей, некоммуникабельный пьяница и чудотворец, скупыми мерками серебряного звона отмеривал совершенство своего нового шедевра. Мешать ему было просто грешно, и я пошел к усадьбе, но там сквозь стеклянные, обрамленные изнутри плауном двери было видно, как в желтом дурманном свете неподдельных восковых свечей беззвучно роятся экскурсанты. Я снова свернул и двинулся куда-то вправо, безотчетно направляясь на непривычный в этом уголке несмолкающий гам.

Гамели директорские утки, с методичным упорством разводимые здесь, как я слышал, уже не один век — для

оживления ландшафта; серовато-коричневые, воробьиной масти, нахальные создания, благородство происхождения которых подтверждалось белым воротничком на шее и паче того — самодовольной наглостью, с которой они требовали подачек от проходящих экскурсантов. В заповеднике было много живности; примерно век назад, когда все обслуживание территории было передано мелким вспомогательным роботам, сразу же окрещенным «домовыми», здесь произошла прямо-таки какая-то экологическая трагедия: все зверье и птицы либо перемерли, либо покинули заповедник, остались одни тучные, как во времена Мамаевых побоищ, вороны. Вот тогда-то и спасли положение тем, что часть животноводческих забот возложили на всех без исключения сотрудников заповедника. Всю черную работу попрежнему выполняли роботы — люди же должны были просто хотя бы по нескольку минут в день «по-человечески общаться» со зверьем. Литсотрудники заповедника опекали пернатых — от жаворонков и серых цапель, давно уже приученных, до примитивных несушек; рогатый скот обихаживали работники питания, а нам, математикам и кибернетикам, достались лошади. Я не возражал против такой внерабочей нагрузки — мой подопечный мерин по кличке Франсуа-Мари доставил мне немало приятных минут.

Итак, я двинулся на утиный гам, и обнаружил Басманова, который, как всегда, занимался не своим делом — кормил уток, подведомственных отнюдь не работникам информатория.

Я присел рядом на ступеньки горбатого мостика. Зеленоголовый селезень тут же телепатически установил, что от меня-то ему ничего не перепадет, вылез на берег и недружелюбно тюкнул меня клювом в ботинок.

— Но-но, — цыкнул я, поджимая ноги, — пшел вон, экспонат!

Селезень плюхнулся обратно в воду, и весь выводок, оживляя ландшафт, поплыл на ночлег.

— Послушай, Кимыч, — проговорил вдруг Басманов, — а у тебя никогда не возникало еретического желания, чтобы все это принадлежало тебе одному?

— Директорские утки? — спросил я, являя весь наличный запас юмора.

— И утки тоже. А кроме того, и Михайловское, и Тригорское, и Петровское, и монастырь, и Центр...

— А как насчет двух-трех сотенок крепостных в придачу? — не выдержал я.

Басманов поднялся и, размахнувшись, швырнул кусок

булки вслед уплывающему выводку. Утки дружно затрясли гузками и, презрев подачку, полезли на берег.

— Аделя говорит, что ее цапли на юг подались, — сказал он без всякой видимой связи с предыдущим. — Ты верхом?

Он мог бы не спрашивать — моего Франсуа-Мари ежедневно можно было видеть привязанным у кузницы.

— Ну езжай, — заключил он так, словно я появился здесь только для того, чтобы обсудить с ним проблему приобретения окрестных земель.

Мы прошли поредевшей аллеей, ширина которой, по-видимому, регламентировалась когда-то диаметром дамского кринолина. В кронах лип безнадежно путался туман, и тяжелые капли, рожденные им от прикосновения к уже мертвым и уже похолодевшим листьям, шлепались перед нами на землю. Мы подошли к коновязи, и Илья, отвязав моего мерина, придержал стремя. Буланый повернул морду и как-то вопросительно посмотрел на Илью.

— Езжай, ваше превосходительство, господин начальник сектора. А я уж как-нибудь в крестьянской избе заночую, хоть у Бехли.

Не нравился мне Басманов, и тон мне его не нравился. Не нравился не только сегодня, но и все последнее время.

— Давай не темнить, Илья. Чем ты недоволен?

Мой вопрос, казалось, услышан не был. Буланый тронулся мерным шагом, и Басманов пошел рядом, положив руку на седло. Впереди на дороге, спускающейся к Маленцу, самостоятельной громадой двигался воз сена — крошечного «домового» на нем в темноте было уже не различить.

— Сено везут, — с такими интонациями, словно это и был ответ на мой вопрос, проговорил Басманов, когда воз поравнялся с нами и мы подались влево, к подножию трехвековых сосен. — С вечера до утра — одно сено. И так до скончания дней своих. А?

— Собираешься подаваться в другой Центр? — логически заключил я. — Уже надоело на одном месте?

Мне снова не ответили. Кажется, мы обоюдно и упорно не понимали друг друга. Между тем над туманом приподнялась луна, и впереди, на пригорке возле трех сосен, я увидел все ту же группу озябших экскурсантов. Я уже знал, что у здешних экскурсоводов высшим шиком считается привести свою группу на это место как можно позднее, потому что Александр Сергеевич «здесь проезжал при свете лунном».

До нас донесся звонкий девичий голос, читавший пуш-

кинские строки с тем безудержным восторгом, с каким обычно декламируют стихи на пионерских сборах независимо от содержания и стихов, и сборов: «Здравствуй! племя! младое! незнакомое!»

Мы прослушали декламацию до конца, потом группа порскнула вниз с холма, и все окрест затихло.

— Около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая сосновая семья, на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу...

Если бы я не знал, что у стремени моего стоит Илья — я не узнал бы его голоса. Я даже не сразу вспомнил, что читает он отрывок из пушкинского письма. И еще я припомнил почему-то, что Дантес был кавалергардом.

— Между прочим, Кимыч, — вдруг снова без всякой связи с предыдущим спросил Басманов, — тебе кто-нибудь говорил, почему я улетел с Рисер-Ларсена?

Никто мне ничего не говорил, но расспрашивать было не в моих привычках, и я решил подождать, пока Илья мне все сам объяснит. Но он отпустил поводья и исчез в темноте так уверенно, словно был знаком с этими местами не первый год.

А на следующий день на испытаниях БЭСС он был тих и скромен, и отстукивал на клавишах вопросы высокой экзаменационной комиссии, и выуживал из финишной кассеты карточки с молниеносными ответами, с чисто служебным любопытством пробегая их взглядом, — но не более. Время от времени загонял в машину какую-нибудь незначительную коррективу — БЭСС глотала и неизменно зажигала табло: «Благодарю за дополнительную информацию».

Высокая комиссия запрашивала даты, цитаты, копии пушкинских автографов, выполненные на молекулярном уровне, разнообразный фактический материал, как-то: все сведения о ненадежном и неаккуратном книгопродавце г. Фарикове, или среднегодовая рождаемость в сельце Кистеневе, или формат и объем «Свода законов»; наконец, был затребован полный список всех памятников, скульптур, портретов и пр. и пр. великого поэта (разумеется, подлинников). БЭСС малость перегрелась, за четыре минуты выписала себе около полутора сотен заграничных командировок — половина месячного лимита, — но список закончила с тщанием и усердством превеликим.

Аттестат высокой комиссии был великолепен. Разумеет-

ся, емкость нашего информатория несоизмеримо превышала семьдесят томов изящно изданной «Пушкинской энциклопедии», да и удобство немалое: каждый сотрудник любой из наших территорий в течение каких-то секунд мог получить самые труднодоступные данные, не роясь ни в каких каталогах или архивах. Каналов связи у машины было столько, чтобы удовлетворить практически любое одновременное количество соединений с информаторием. Ну да все это вы можете узнать, заглянув в паспорт и описание нашей БЭСС.

Мне, как начальнику сектора, естественно, было отнюдь не безразлично то, что мое десятиэтажное детище не осрамилось ни на одном вопросе. Удручающим фактором была только басмановская физиономия, выражение которой было точь-в-точь как у Буратино, когда он позавтракал только одной луковкой.

— Сектор биологического обеспечения предлагает отметить день рождения нашей малышки, — я честно пытался наладить контакт. — А кстати, и крестины. И правда, куда ни глянь — у всех Рыжая БЭСС. Без вариантов. Биотермисты предлагают назвать новорожденную «Натали». Ты как?..

— Пошляки. Что «Рыжая», что «Натали» — один... — боюсь, что для завершения фразы он собирался воспользоваться выражением, входившим в пушкинский лексикон. — Сколько веков лапают имя прекрасной женщины, и все не стыдно. И ты туда же. А машина наша, между прочим, сегодня все утро возила сено. Воз за возом. Тупо, последовательно, результативно.

Если бы я способен был взрываться, я бы обязательно взорвался. Но от природы я весьма флегматичен.

— Дорогой мой, — сказал я, — сам напросился, сам и хлебай. Никто не тянул тебя в этот информаторий. Кстати, ты прекрасно знал, что его назначение — обеспечивать всех нуждающихся точной, не обремененной досужими домыслами информацией. Что БЭСС и делает. С блеском, притом. Ты за этим пришел, ты это и получил.

— Но ведь это мозг, Кимыч, живой мозг! Миллионы блоков, сотни миллионов капилляров, на стенках которых десятки миллиардов активных клеток — этаких упитанных, здоровеньких, образцово выращенных нашими биотермистами клеток...

— Образцово выращенными бывают только породистые щенки...

— ...Породистых клеток, вполне с тобой согласен, кото-

рые в своей совокупности образуют систему, превосходящую мозг гения!

— Новорожденного гения.

— Ну, не совсем, старина. Он уже способен на примитивный анализ, на кое-какие робкие обобщения. Остановка теперь только за тренировкой, вернее — за тренерами, потому что гений, выросший на конюшне, будет всего-навсего превосходным конюхом, но даже не ветеринаром.

— Не стоит прыгать выше головы, Илья. От БЭСС никто не требует большего, чем выдачи информации в заданном объеме. И это только тебе, корифею мыслящих систем, кажется чем-то примитивным. Это колоссальная вспомогательная работа, облегчающая труд десятков тысяч исследователей.

— Почитай эту лекцию пионерам в здешней средней школе. Может быть, они от восхищения и не зададут тебе вопроса, с каких это пор «мыслящая система» и «автомат по выдаче дат и цитат» — одно и то же.

— Тебя послушать, так БЭСС должна писать исследовательские работы и монографии.

— Ну, на первых порах и этого достаточно.

— Нахал ты, Басманов. Не зря тебя с Рисер-Ларсена выперли.

Он повернулся ко мне и оглядел меня с таким высокомерием, с каким смотрел на Пьерро Буратино, уже знавший, что за полотном с нарисованным очагом скрывается-таки целый сказочный город.

— Каждый волен уйти оттуда, где он не получает по потребности, — заметил Илья.

— Тебя и здесь гложут неудовлетворенные потребности?

— Да хотелось бы самую малость самостоятельности. Ты ведь займешься обеспечением связи с внетерриториальными заказчиками?

Он всегда знал наперед, чем я собираюсь заняться.

— Придется, — сказал я. — Заявки уже из Кракова, Брно, Чикаго, не говоря о том, что поднимется, когда в газетах появится репортаж о том, как мы тут перерезали красную ленточку.

— М-да, работа, конечно, творческая. А я себе приглядел крошечный такой самостоятельный участок: заявки, на которые БЭСС даст отказ.

Мне показалось, что он недостаточно хорошо представляет себе заурядность выбранного вопроса.

— Послушай, Басманов, — мне очень хотелось погово-

рить наконец начистоту, — вот ты выпрашиваешь «крошечный самостоятельный участочек» — эдакую синекуру, как тебе самому кажется, а ведь через пять дней ты будешь в сумерках слоняться по заповеднику и протяжно ныть, что тебе всучили работу, которую обычно поручают самой тупой практикантке, не способной на большее, чем складывать в коробку из-под грузинского чая карточки, гадливо выплюнутые машиной по случаю безграмотного составления или очевидной глупости вопроса. И что мне тогда прикажешь делать, как тебя, сироту, утешать?

— Так ты даешь мне этот участок?

Он разговаривал со мной совсем как в первый раз, когда я сидел на подоконнике у себя в Гатчине и еще никуда не собирался переходить.

— Не даю, а дарю. Можешь рассматривать его как свое хобби, то есть способ порезвиться в нерабочее время. Уж я-то знаю, что на приемке из ста вопросов отказа не было ни на один. Так что вот тебе мое последнее слово: с девяти до шестнадцати ноль-ноль за тобой — внутритерриториальный канал связи, и с шестнадцати до девяти ты сам назначаешь дежурных. А в нерабочее время можешь коллекционировать отказы. У меня все люди на счету, мне самому завтра в Омск лететь.

— Ты бы еще туда в кибитке съездил. Междугородный фон-то на что?

Нас с Басмановым послушать — ни за что не догадаешься, кто кому начальник. Беда с этими однокурсниками.

— В комплексной психологической проблеме «согласовывания и увязывания» имеется такой не учитываемый кибернетикой фактор, как коэффициент обаяния личного контакта. Понял?

— Понял, — мрачно ответствовал Басманов. — Прекрасно понял, какой такой физикой ты занимался в своей Гатчине. И просто счастлив, что в силу мизерности своего мэнээсовского чина не вынужден сам заниматься подобным дерьмом.

Он еще и так со мной разговаривал!

— Послушай, Басманов, — оборвал я его, — ты напрасно стараешься вывести меня из терпения. Моя флегматичность тебе известна, следовательно, намеренье твое трудно выполнимо. Может быть, тобою движет спортивный интерес? Тогда это свинство по отношению к нашей давнишней дружбе.

Я забыл, что Илья — ярко выраженный холерик, или, попросту говоря, немножко паяц. Он двинулся ко мне с

протянутой рукой и пылающим челом юного Байрона (на которого он становился похож, когда поворачивался к собеседнику в фас).

— Друг мой, — провозгласил он патетически, — прости меня за то, что я усомнился в величии твоей души, и... одолжи мне твоего «домового».

— Зачем? — спросил я ошеломленно.

— Затем, что я сделаю из него первостатейного кибер-администратора, который вместо тебя будет шляться по всевозможным инстанциям, увязывать сроки, выбивать штатные единицы, клянчить резервы энергомощностей, отбрыкиваться от заграничных командировок...

— Стоп, Басманов. Техническое решение я уже предвижу: ты увеличишь грузоподъемность моего «домового» до десяти членов любой экспертной комиссии...

— ...И ничего подобного, мой непроницательный друг и начальник, я просто научу его садиться на пороге кабинета и плакать голубыми слезами сорок пятого калибра — во! — и приговаривать: «Я слабый, беззащитный робот...»

Все это было очень весело — вернее, это было бы весело, если бы мы с Басмановым были еще на первом курсе.

По всей вероятности, мы подумали об этом одновременно.

— Ну ладно, — прервал я неловкое молчание, — свой участок работы ты получил, безответные заявки тоже за тобой. Я вылетаю завтра в шесть, за меня остаешься ты. Все.

— Не все. (О, господи!) Твое разрешение на использование резервных блоков, на дополнительную энергию; комнатенку бы мне не худо — хотя бы ту, где размещаются дублирующие пульты. Ведь на вашей БЭСС практиканты пастись не собираются?

— Не собираются. Поэтому бери все, что тебе посчастливилось урвать, — сегодня я добрый. Смотри только не увлекись.

— Хм, Кимыч, а как это ты себе представляешь?

— Что — «это»?

— Ну... что я «увлекся», как ты изволил выразиться.

А я и не представлял себе, как можно действительно увлечься глупыми вопросами, на которые противно отвечать даже машине.

Я честно пожал плечами.

— Ну вот и хорошо, — резюмировал Басманов. — Мы пришли к обоюдному пониманию.

Я посмотрел на него и подумал, что в следующую свою

командировку оставлю вместо себя не его, а кого-нибудь другого, благо у меня в секторе четырнадцать человек, и если я ни о ком из них сейчас не распространяюсь, то это только потому, что не хочу заводить рассказ в сторону. А у меня кое-кто и поинтереснее Басманова имеется. В своем роде, конечно.

— Только я уж попрошу тебя, Басманов, — сказал я, решив на прощание не церемониться: в конце концов ведь и он мне каждый день препорядочно портил крови своим брюзжанием. — Попрошу я тебя: не очень хами со здешними филологами. То есть не очень явно их презирай, когда они начнут задавать те самые вопросы, на которые БЭСС не сочтет возможным отвечать.

— Моя бы воля, — медленно проговорил Басманов, — я бы на пистолетный выстрел не подпустил к информаторию никого, кто задает такие вопросы, на которые БЭСС тут же и отвечает.

— Не понял, — сказал я. — Ничего не понял.

— Чего ж тут не понять? Я уже говорил, что мы заставляем нашу БЭСС возить сено. А она должна, по меньшей мере, решать логические задачи.

— В Гатчине моя машина именно этим и занималась. Но то в Гатчине, сиречь в теплом болоте, где круг вопросов ограничивался физикой инэлементарных частиц. А чего ты хочешь здесь? Чтобы на вопрос о количестве крепостных душ в сельце Кистеневе БЭСС выдавала не только копии закладных этих самых душ за тридцать восемь тысяч ассигнациями, но еще и цитату о «рабстве диком без чувства, без закона», а?

— Хм, а ты, однако, проштудировал биографию Александра Сергеевича... Только вот машинную логику ты, прости меня, понимаешь как филолог. Ведь БЭСС — аналоговая система, она может принять и твою, и мою, и вообще любую наперед заданную логику, вплоть до логики Бенкендорфа. Ведь не надо же тебе объяснять, на что способна БЭСС?

— Не надо мне этого объяснять. Сам знаешь, что этим практически никто не пользуется, да и кому нужен, скажем, машинный вариант Ильи Басманова?

— Ну, старина, я тоже так думаю — что второй Басманов, да еще и стоимостью в несколько миллиардов, да еще жрущий ежечасно уймищу электроэнергии, действительно никому не нужен. Так что мы опять пришли к обоюдному согласию.

Продолжать разговор в подобном тоне у меня не было

ни малейшего желания. Тем более, что я так и не смог понять — какая муха его укусила?

В Омске же, согласовав и увязав все вопросы по сибирским филиалам нашей фирмы, я налетел вдруг на Аську Табаки.

— Хо! — сказала она зычным басом, слышным, наверное, на другой стороне Иртыша. — А я тебя после выпуска видела? Нет? Оплешивел.

Она, как и в нашу студенческую бытность, ходила без шапки, обходилась без церемоний и всегда безошибочно находила повод быть максимально бестактной.

— Ты где и с кем — жена не в счет?

Я сказал, что жены еще не предвидится, а работаю я в Пушкиногорском информатории, и с нашего курса там один Басманов.

Аська вдруг заржала так, что буер, шедший по самой середине реки, вильнул и остановился, — вероятно, неумелый гонщик от растерянности потерял ветер.

— Один только Басманов, — повторила, перестав смеяться, Аська. — Всего-навсего Басманов. Да что же у вас делается в вашем несчастном информатории, когда там окопался сам Басманов?

— Работаем. Помаленьку.

— Сплошной цирк, да? А Илья — художественный руководитель?

— Дался тебе этот Илья. Он уж вот как опротивел мне своей унылой физиономией и вечным мелочным недовольством. Брюзжит, брюзжит...

— Врешь, — сказала Аська таким шепотом, от которого у меня заложило уши, словно прямо над головой прошел реактивный лайнер на четырех звуковых скоростях. — Что ты мне все врешь, Кимыч? Я же знаю Илюху не только по курсу, мы же с ним на Рисер-Ларсене были...

— Да? А подробности можно? Говорят, он там пришелся... э-э-э... несколько не ко двору и его поперли?

— Охота же тебе сплетни слушать, Кимыч! На Рисер-Ларсене было все как надо, только немного веселее обычного. Из-за Басманова, разумеется. Только вот если об этом рассказывать, почему-то получается не смешно. Бывало у тебя так, Кимыч? Соберутся свои, университетские, дым стоит коромыслом целый вечер, ржание в пятнадцать лошадиных сил, а назавтра начнешь кому-нибудь об этом рассказывать — и не смешно...

— Ничего, — сказал я, — я же не для смеха спрашиваю. Мне интересно, что такое приключилось с Ильей. Уж

очень он какой-то замкнувшийся на себя. Весь в фантазиях. А БЭСС — чуть ли не в крепостной зависимости. Не удивлюсь, если он начнет подбивать ее на стихийный незапрограммированный бунт. Ну так что же?..

— Да ничего, если ты не был на Модихе — то есть на Земле Королевы Мод — и не послужил под началом Дуана Актона. Он каким-то чудом умудрился родиться не то на Южном, не то на Северном полюсе, и это было единственным неосторожным его поступком за всю жизнь. Как-то само собой считалось, что уж если человек родился на полюсе, то сам бог велел ему быть бессменным начальником полярной интернациональной базы геофизиков.

— Ну и что? — не утерпел я. — Возьми мой Центр — я своего начальника ни разу в жизни не видел, даже когда перестригали ленточку на торжественном открытии.

— Э, Кимыч, на Большой Земле все проще. А там подобрался народец — не просто физики, а какие-то флибустьеры от высокой науки. Так вот Актон умудрялся перед каждой экспедицией собственноручно проверить каждую пуговицу, каждый обогреватель, каждую кислородную маску... Перестраховщик чистейших континентальных кровей. И зануда. Вызовет какого-нибудь командира аварийного отряда и заведет: «Поймите меня правильно, я не собираюсь сковывать вашу инициативу, но жизнь, прожитая в Антарктике, научила меня...». Наши ребята выкатывались от него лиловыми. Не было сентенции, которую он не начал бы словами: «Поймите меня правильно», а каждый приказ по базе — «в целях обеспечения безопасности...»

— Что же тут смешного? Зато и людей у него, наверное, гробилось меньше, чем на любой другой базе.

— Зато тоска, Кимыч, — сгущенное молоко в банках кисло. Спас положение Басманов. Видишь ли, Актон не мог позволить себе оставить базу — ну как же без его циркуляров! — и, с другой стороны, он рвался проинспектировать каждую уходящую группу. Тогда Басманов предложил ему передавать управление базой на время своих отлучек БЭСС, с которой нетрудно поддерживать двухстороннюю связь. Актон со скрипом согласился. В виде благодарности он заел Илюху, что-де «его бездушная машина» не способна проявить его, актоновскую, заботу о людях. Илюха послушал-послушал, а потом плюнул и с досады задал БЭСС полностью проаналогизировать административную деятельность нашего начальника. Полностью — это значит со всеми эмоциональными оттенками.

— Бездельник, — проворчал я. — Энергию вам было некуда девать, а заодно и резервы биоструктурных блоков...

— Ну, вот и ты ворчать! Начальнический комплекс. А вдумайся — ведь в этом есть своя сермяжная правда. В обычных условиях, может быть, конкретная личность начальника и не играет заметной роли, но ведь это же была база на Рисер-Ларсене, там обстановочка почти фронтовая, как говорили наши предки. В такой ситуации надо четко представлять, что и от кого можно ожидать в определенной ситуации. Да нет, со всех сторон Басманов был прав — если бы БЭСС продолжала работать как рядовой вычислительный центр, нам все время пришлось бы переключаться с режима злостной перестраховки на полное отсутствие какого бы то ни было режима, и обратно. Нет, что ни говори, а иметь днем и ночью, в выходной и в будни, зимою и летом одного, пусть даже далеко не идеального, но привычного начальника базы — большое благо.

— М-да, — не мог не согласиться я с Аськой. — Наличие всевозможных «замов» приводит к моральной усталости сотрудников. В этом я убедился. Но все-таки не вижу я в этой истории ничего, достойного былого басмановского юмора.

Аська отвернулась от меня к реке и долго смотрела на ту сторону, где расположился «старый город», с его забавными многобашенными домишками, кривой главной улочкой и крошечной прозрачной коробочкой бывшего речного вокзала, переданного, как это было заметно, детской парусной школе. На льду неумело крутились два буера; наверху, на набережной, готовили к спуску еще один.

— В общем-то, это не смешно, — проговорила наконец Аська, — но когда система, начитавшись актоновских циркуляров, начала писать сама: «В целях обеспечения безопасности...», а по местному фону вещать начальническим голосом: «Поймите меня правильно», то... да я говорила тебе, что постороннему это будет не смешно!

— А вы сами долго развлекались подобным образом?

— Что значит «развлекались»? Насколько я слыхала, система и сейчас работает в квазиактоновском режиме. Всем удобно, Актон доволен, а смеяться надоело через три дня. Говорят, БЭСС даже пишет письма за Актона жене, на материк.

— Погоди, погоди. Если Актон был доволен, то почему же Басманов покинул базу?

— Вот взял и покинул. Несколько дней гоготал вместе

со всеми над этим «поймите меня...», а потом без каких бы то ни было объяснений подал заявление об уходе и улетел. То ли надоело, то ли противно стало, то ли еще какая мысль в голову пришла...

Я слушал Аську и думал, как же она переменилась: в университете за пять лет я не слышал в ее голосе ни одной минорной ноты. Но она, словно догадавшись о моих мыслях, тряхнула своими вздыбленными, как у дикобраза, космами и резко спросила:

— Женат?

— Это я-то? — несколько растерявшись от такой перемены темы, переспросил я.

— Ты-то, ты-то.

Тогда я понял, что я ее отнюдь не интересую, тем более что и разговор мы начали с моего семейного положения.

— У нас в отделе как-то подобрались все холостяки, — как можно тактичнее избавил я ее от следующего вопроса.

Она кивнула. Я ее спрашивать не стал. Все и так было ясно. Вся мужская половина нашего курса единогласно прощала Аське Табаки и нечесаные лохмы, и феноменальное, прямо-таки изощренное отсутствие вкуса в одежде, и первобытные, начисто лишенные женственности манеры, и даже то, что за все пять университетских лет она ни разу не вышла из роли «своего парня».

Но вот с ее голосом примириться никто не мог.

— Ну, мне пора, Кимыч, — сказала Аська почти тихо, и я понял, что значили все эти паузы в конце нашего разговора.

Она хотела сказать: «Возьми меня к себе в информаторий». И не сказала. Все мы остались прежними: Аська — молодчиной, я — тупым эгоистом, Басманов — вундеркиндом-первокурсником.

Я возвращался к себе, прямо скажем, не в лучшем расположении духа. От ракетодрома до информатория, если идти по тропинке, было не больше двадцати минут, и я двинулся опушкой рощи, хотя осень была настолько поздняя, что от очарования и пышности ее не осталось уже и следа. Из реденького, сотканного сизой моросью тумана вынырнула вдруг стройная девичья фигурка в супермодном дождевом костюме, светящемся от ударов капель. Она двигалась мне навстречу, резко выбрасывая вперед чересчур обтянутые брючками ноги, и если бы не эта скачущая походка, то невольно напрашивалось бы сравнение с тропи-

ческой рыбой, рождающей фосфорические искры от соприкосновения с вечерним морем тумана. Мы поравнялись.

— А ведь вас-то я и встречаю! — вдруг пронзительным голосом закричала она, упирая мне в грудь остренький палец в светящейся перчатке.

Я вздрогнул и поскользнулся. Обретя равновесие, заглянул под капюшон.

Святые горы! Это была главный архитектор заповедника.

— Ваш робот!.. — начала она слишком высоко и не выдержала — голос сорвался.

Я воспользовался паузой, чтобы сразу расставить точки над «i», и заявил, что никакого робота в личном пользовании не имею (его у меня действительно выпросил Басманов), а все пушкиногорские «домовые» с момента запуска информатория подчинены эксплуатационному отделу, с которого и спрос.

— Вы не увиливайте! Робот числится за вами, и он позволяет себе среди бела дня разгуливать по заповеднику!!!

Я робко заметил, что роботы не могут «позволять себе», а действуют в соответствии с заложенной в них программой.

— Тем хуже! Значит, позволяете себе вы! У нас существуют вековые неписаные традиции...

Я невольно склонил голову.

— ...И мы боремся за сохранение типичного ландшафта первой трети девятнадцатого века...

Что она борется — это я знал. Боролась она в основном с Бехлей. Обелисками ее побед были громадные ледниковые валуны, замшелые и наполовину ушедшие в землю, со стесанными боками и добротными, способными пережить века рельефными надписями, отмечающими границы имений, взаимное расположение деревень и прочие достопримечательности заповедника. Лично мне это нравилось гораздо больше, чем пластиковые таблички с несмываемыми надписями, как это делается во всех других парках и музеях. Но Бехля, творец большинства пушкиногорских каменных скрижалей, был неописуемо ленив. Когда все окрестные валуны были использованы, он воспрянул было духом, но счастье его было кратковременным. С Кольского полуострова на вертолетах доставили целую партию гранитных глыб, дабы посетители заповедника могли в любое время года узреть среди сугробов иль ветвей приличествующие сезону пушкинские звонкие строфы. Со сменой времени года ненужная надпись убиралась в подземный тайник, а оче-

редной камень извлекался на поверхность. Даже с технической точки зрения задумка была отличная, и я никак не мог понять Бехлю, который, будучи даже среди пушкиногорцев выдающимся фанатиком, старался от работы увильнуть, ссылаясь на ее нетворческий характер. Как будто мы только и творили! Работа есть работа. Вот у главного архитектора по ландшафту работа заключается еще и в том, чтобы гонять с глаз людских всяких наглеющих с каждым днем роботов.

— ...А он влез в пруд — вы знаете, прямо за усадьбой Прасковьи Александровны, — поймал карася и съел его у меня на глазах. Живьем!

Я вдруг спохватился, что уже добрых десять минут думаю о своем и совершенно не слушаю, что мне рассказывают о каком-то нашкодившем роботе. Но последние слова обладательницы фосфоресцирующего дождевика каким-то чудом дошли до моего сознания — у меня помимо воли встала перед глазами плоская рожа «домового», с телескопическими видеодатчиками и трепещущим рыбьим хвостиком, исчезающим в отверстии для заливки смазки.

Я едва не прыснул.

— Прошу меня извинить, — сказал я как можно серьезнее, — но роботы вообще не едят. Тем более — сырую рыбу. Боюсь, что ваши претензии ко мне... э-э-э... несколько необоснованны.

— Я вас не спрашиваю, едят роботы или нет! И попрошу вас не издеваться, молодой человек! Я вам в матери гожусь! — Я уже рассмотрел ее довольно пристально: несмотря на девичью стройность и светящиеся брючки, она годилась мне, по меньшей мере, в прабабушки. — Я вас спрашиваю, откуда он среди бела дня взял карася? Последний карась в этой области был выловлен ровно сто пятьдесят лет назад! Пруд находится под надзором санэпидсектора заповедника, и в нем нет даже личинки комара!

Мы ошеломленно посмотрели друг на друга.

— Да-да, — промямлил я. — Я разберусь. Сегодня же. Сейчас. Непременно. И обязательно. Даю вам слово...

Не надо объяснять, что при каждом своем извинении я делал маленький шажок назад. Наконец расстояние между нами увеличилось настолько, что я смог сделать неопределенный полукивок-полупоклон, развернуться и рысью помчаться в сторону информатория.

Ну если только Басманов хоть на йоту виновен во всей этой чертовщине!..

Но в центральном пультовом зале Ильи не наблюда-

лось. Дневная смена закончила свою работу, срочных заданий на ночь не поступило, и лишь два «домовых» копошились в углу, монтируя запасной сферический экран. По-сверчиному стрекотал печатающий блок — БЭСС трудилась над какими-то неспешными выкладками. На ночь приходилась основная нагрузка по эксплуатационному сектору, но сейчас еще не вполне стемнело, и «домовые», послушные электронной воле системы, а также в силу неписаных традиций, еще к трудам праведным не приступали. Поэтому в дежурке я нашел только одного эксплуатационника, гоняющего шары на кабинетном биллиарде. Партнером его был однорукий и, вероятно, уже списанный на слом «домовой» — с исправным роботом состязаться было бы, по меньшей мере, бесполезно и унизительно для инженерского самолюбия.

— Басманова видел? — спросил я для порядка, хотя предчувствовал, что Илья уже болтается где-то в мокрых сельниках или, еще хуже, на моем же собственном мерине топчет старательно распланированные полоски озимых.

— А загляни в учебную кабину, где дублирующие пульты, — посоветовали мне. — Оттуда второй день сизый дым идет.

Святые горы! Совсем из головы вон, что я сам отдал это помещение Илье. Ругая себя старым склеротиком, я двинулся вдоль полукруглого коридора, опоясывавшего центральный зал. Учебная комната, сооруженная только в силу подчинения типовому проекту, находилась в самом тупике.

Сизый дым просматривался еще в коридоре.

Я толкнул дверь, даже не задумавшись над тем, может ли там оказаться кто-либо, кроме Ильи. Но в комнате были пятеро, и они обернулись ко мне с тем терпеливо безучастным видом бесконечно вежливых людей, которые никогда не дают понять, что им помешали. У меня вдруг возникло подозрение, что я, фактический хозяин этого помещения и руководитель работ, в нем производящихся, вроде бы здесь и лишний.

Столик, за которым они сидели, был отнюдь не лабораторным, — кажется, в старину такие шаткие системы, на которые я не решился бы поставить и перегоревший вольтметр, назывались ломберными. На столике возвышалась бутылка «роз-де-масе», перед каждым из пятерых — тяжелый химический стакан из молибденового стекла.

Кроме Басманова за столом сидели двое, которых я немного знал, — это был здешний художник Бехля и литсо-

трудник заповедника, тридцатипятилетняя девица Аделя, опекунша серых цапель. Нежное, звонкое имя Адель совершенно не вязалось с ее нескладной костистой фигурой, длинным невыразительным лицом и постоянным лиловым свитером с растянутым воротом; нелепое производное Аделя подходило больше. Эти двое, по отзывам Басманова, были истыми фанатиками Пушкинских Гор.

А еще за столом сидел «домовой» — и так же, как перед всеми, перед ним томился наполненный на одну треть стакан; когда он обернулся ко мне, я с удивлением отметил, что к его плечу пришпилен носовой платок.

Пьющий «домовой» и Аделя в своем невозможном свитере настолько сковали мое внимание, что я не успел как следует рассмотреть пятого, который сидел как раз напротив них и, казалось, плавал в табачном дыму, хотя в это время в комнате никто не курил. Облик его, не запечатлевшийся в моей памяти с фотографической точностью, оставил только впечатление необыкновенной мягкости и интеллигентности, да еще недоумение по поводу высоченного воротника, залезающего на щеки, и старомодных очков в небольшой металлической оправе, уголки которых смотрели чуть-чуть книзу.

Неловкая пауза затягивалась.

— Пришел, так садись, — первым нарушил молчание Басманов. — Только возьми себе стакан сам — вон там, на пульте.

Базара на рабочем месте я органически не терплю, и то, что творилось на горизонтальной панели пульта, возмутило меня не меньше, чем бутылка дешевого вина. На буквенной клавиатуре валялись какие-то огрызки перьев и алый томик Вольтера; в манипуляторных гнездах мирно пристроились порыжелые бильярдные шары; на доске грубой регулировки режима воинственно расположилась пара допотопных пистолетов, а экран одного из осциллографов заслоняла ни много ни мало, как всемирно известная брюлловская акварель, изображающая чуть косенькую российскую Венеру, вздымающую над пеной кружев свои обольстительные плечи.

Стакана здесь не было, зато отыскался тяжелый бокал мутноватого стекла. Пить из него я не стал бы. Между тем за столом передвигались, вероятно, освобождали мне место, потом Илья как-то растерянно пробормотал: «Барон...» Когда я повернулся к ним с подозрительным сосудом в руке, пятого уже не было, — видимо, он вышел. Стакан его остался нетронутым.

Я присел на углу, мне налили. Я слишком хорошо относился к Басманову, чтобы начать прямо при посторонних — и, главное, весьма милых людях — устраивать ему начальственную головомойку, справедливо полагая, что чуткие мои гости сами вскоре поймут, что нам с Ильей надо кое-что выяснить с глазу на глаз. Но стаканы сдвинулись, беседа возобновилась с прежней живостью, словно мой приход и не прерывал ее течения. О чем говорили? Да о пустяках. Не в содержании суть. Здесь главным был тон всех троих; и даже не теплота, не тактичность, а какая-то бесконечная бережливость, гораздо большая, чем просто чуткость, отличала обращение их друг с другом.

Мне вдруг подумалось, что так говорить могут люди, приобщенные к великой и прекрасной тайне.

Некоторое время я молчал, ибо вопросы, время от времени обращаемые ко мне, были риторическими и требовали от меня не более кивка или улыбки. Говорили о собаках. Басманов хвалил волкодавов, Бехля утверждал, что главное в собаке — это наличие чувства юмора, а этим могут похвастаться только терьеры, поэтому он предлагает скотча или бедлингтона. Предлагалось это, видимо, Аделе, потому что она морщила нос и качала головой. В конце концов я тоже решил высказать свое мнение и заявил, что уж если заводить пса, то только сенбернара, а то и двух, как Соболевский.

Аделя грустно улыбнулась, Басманов тоскливо повел глазами вбок, словно я ляпнул какую-то бестактность, которую он от меня и ожидал услышать. Что же касается Бехли, то он не заметил моей реплики с великодушием столь безграничным, что оно невольно передалось всем, не исключая меня самого, — я простил себе свою оплошность, даже не поняв, в чем ее суть.

Я вдруг почувствовал себя приобщенным к их взаимной чуткости и доброжелательности; никакого переходного момента в этом не было — я просто разом оказался с ними, и даже точнее — одним из них. Из моей памяти мгновенно улетучилась и тропинка, влажным мостиком перекинутая от ракетодрома куда-то в непроглядный туман, и светящаяся ведьма, и гнусные поклепы, возводимые на не подчиненного мне «домового» по поводу съеденного им мифического карася. Беседа за нашим столом вернулась к песьим достоинствам, и была она тепла и покойна, словно шерсть спящей борзой. Образ этот возник у меня изнутри, вылепленный подсознанием, опережающим слух; когда же я

встряхнулся и прислушался, то оказалось, что речь идет именно о борзых.

— ...И не русскую — чистых русских уже к началу двадцатого века не осталось, все с малой примесью горских да хортых. И уж никак не хортую — они выродились в левреток. И не английскую — псовина коротка, да и голова плосковата. Брудастые злы и кровью нечисты. Крымачи больно малы и глаз желтоват, слюги же, напротив, костью широки непомерно... Нет, уж ежели борзую брать, то только туркменскую, красно-половую с мазуриною — против нее никто другой статью не выйдет. Уши под буркою, щипец суховат и приятен невыразимо, псовина атласистая...

Я слушал этот упоенный речитатив, понимая далеко не каждое слово, но наперед соглашаясь со всем, ибо уже видел изящную ласковую собаку, и не обещанную «красноположую с мазуриною», а самую банальную, белую с рыжими подпалинами. И тонкую морду ее на Аделиных коленях. Это была единственная собака, действительно подходившая для Адели, для ее удлиненного, невыразительного лица, для ее суховатого тела, теряющего былую девичью гибкость, ее неприкаянных крупных рук, прямых неярких волос. Но, как ни странно, природная красота созданного моим воображением животного не подчеркивала некрасивости сидящей передо мной женщины, напротив — она заставляла жадно и необидно вглядываться в то, что было на самом деле и что стремительно теряло свое значение, ибо главным в этой женщине было нечто затаенное, вовсе не ушедшее вместе с юностью и отнюдь не желающее раскрываться для первого встречного.

Я клял себя за назойливость своего взгляда, но ничего поделать с собой не мог, потому что эта реальная, действительно существующая Аделя вместе с невидимой ни для кого, кроме меня, сказочной длинноволосой псиной возле ног, была для меня таким же откровением свыше, таким же озарением, как, наверное, для Леонардо — тот момент, когда он впервые представил себе королевского горностая на руках у плутоватой, узколицей соблазнительницы миланского герцога и понял, что перед ним уже не просто Цецилия Галлерани, а — Дама с горностаем.

Но я-то был не Леонардо, которого подобные видения посещали, вероятно, с той же непременной периодичностью, как святого Антония — искушавшая его нечисть! Я-то был простым смертным, с которым только раз в жизни могло случиться ТАКОЕ, а что это — ТАКОЕ, я и сам толком

объяснить не мог. Скорее всего, это было оцепенение, когда бросаешь цветок папоротника и земля от его касания становится прозрачной, и в июльской, иванокупальской се черноте видишь несметные клады, подвластные колдовскому этому цветку... «Цветы последние милей роскошных первенцев полей. Они унылые мечтанья...»

— ...Ей и горская вряд ли уступит, разве что правило будет потоньше...

«...Живее пробуждают в нас. Так иногда разлуки час живее сладкого свиданья...»

— ...А ежели персидскую, то черно-чубарую или бурматую...

Святые горы! Только сейчас я вдруг понял, что говорит это не Илья и не Бехля, а «домовой», который и звуковоспроизводящей системы-то вообще лишен.

И тут я взбесился. Вместо того чтобы наводить порядок во вверенном мне секторе, я сижу в центре этого бедлама над сомнительной чистоты посудиной с красным сухим вином, которого я терпеть не могу, да еще пялю глаза на несуществующую собаку, да еще, что особенно унизительно, как первокурсник, бормочу себе под нос хрестоматийные стихи...

— Почему на пульте хлам? — заорал я, взвиваясь. — И кому это настолько нечего делать на работе, что он вмонтировал в мелкого манипуляторного робота целую разговорную систему? И с каких это пор подобные роботы начали пользоваться носовыми платками? И вообще, по какому случаю...

Я чуть было не брякнул: весь этот кавардак. Остановился я вовремя. То самое стороннее зрение, посредством которого я весь этот вечер наблюдал за самим собою, позволяло мне классифицировать собственные поступки, и я вдруг понял, что весь этот взрыв был не чем иным, как паническим всплеском инстинкта самосохранения, ибо я хотел мирной жизни, спокойной работы и ни-ка-ких душевных флюктуаций. Хватит с меня и одного долгосрочного гатчинского романа, о коем я не упомянул ни разу, ибо, во-первых, он к данному рассказу прямого отношения не имеет, разве что объясняет мое холостяцкое состояние, а во-вторых, я весьма успешно применил к нему правило Герострата и систематически не вспоминаю о нем каждую неделю.

И вот теперь — эта непрошеная Аделя! Я давно и прекрасно знал, что есть вещи, на которые нельзя смотреть слишком пристально, потому что от долгого взгляда в них

начинают открываться бесчисленные «сезамы» — один за другим, как вложенные друг в друга деревянные матрешки; но откуда же мне, унылому эмпирику, было знать, что та нежная, спокойная покорность перед надвигающейся осенью, удивительно присущая именно русским женщинам, и есть то самое, от чего меня, береженого, бог не убережет...

Я хотел еще добавить про беглых роботов, которые посередь бела дня жрут несуществующих карасей в сыром виде, но никому не видимая белая собака подошла ко мне и положила лапы на плечи. Сложное чувство стыда и бесполезности сопротивления захлестнуло меня, но тут всемогущая техника пришла ко мне на помощь в лице вышеупомянутого «домового».

— «Завсегда, ваше благородие, понапрасну лаяться изволите», — процитировал он трубным гласом. — Том шестой, страница семнадцатая, шестая строка сверху. Издание последнее, полное.

Басманов брякнулся головой об стол. Аделя с Бехлей затряслись от хохота бесшумно и тактично.

— Пошел к чертям, — сказал я, невольно копируя царя Соломона в интерпретации Саши Черного. — И чтоб я твоей жестяной рожи больше не видел ни днем, ни в любое другое время суток.

«Домовой» солидно меня выслушал и не рванулся в дверь, как следовало бы, а подошел к пульту и, заслонив его от меня, защелкал какими-то переключателями на его панели и одновременно — на собственном брюшке. Видно было, что за время моего отсутствия Басманов изрядно прибавил ему электронной самостоятельности. Затем на пороге уже он отвесил галантный поклон (отнюдь не в мою сторону), изрек: «Приступаю к выполнению второй части программы, всегда к вашим услугам», — и, чмокая присосками, исчез в коридоре.

Наши гости, вряд ли догадываясь, что это на меня нашло, поспешили откланяться и последовать за ним.

— Свинья, — убежденно проговорил Басманов, когда мы остались вдвоем. — Аделя, конечно, старая дева и собирается заводить себе псину именно из тех соображений, что и Соболевский, но зачем же было говорить об этом вслух?

Ну что я мог возразить? Свинья и есть. И робота прогнал, они теперь с Бехлей бредут по темной дороге — посветить некому. Лошадей Аделя боялась, я знал.

— Чей «домовой»? — спросил я. Иметь в собственном домашнем пользовании таких роботов было привилегией со-

трудников заповедника, живших в крестьянских избах и ведущих натуральное хозяйство в целях сохранения деревенского колорита.

— Бехлин был «домовой», — ответствовал Илья угрюмо. — Мне это было во как необходимо — наша БЭСС нюхается только с библиотеками и архивами. Что такое сосновая ветка, она понятия не имеет. У нее нет ни глаз, ни носа, ни пальцев, она не в состоянии...

— Влезть в пруд по колено и руками поймать карася...

— Вот именно. Так что виденный тобою робот — уже не просто «домовой», а комплекс выносных рецепторов системы, управляемый непосредственно ее мозгом. Между прочим, все это не идет вразрез с теми полномочиями, которые я получил от тебя перед твоим отъездом, и твое вмешательство...

Ага, дорвался до самостоятельности, Буратино несчастный, и сразу начал разговаривать со мной так, словно перед ним — мальчишка Пьерро. Не надо было соглашаться на младшего научного, — при своем опыте мог спокойно претендовать на начальника сектора. И дали бы...

— Что-то слишком бурную деятельность развивает твой участок на пустом месте. Ведь за эти несколько дней вряд ли появился хотя бы один вопрос, на который БЭСС не смогла бы ответить.

— Представь себе, именно такой вопрос и появился. По этому поводу мы здесь и беседовали.

Они тут беседовали!

— И кто же из местных пушкинистов был настолько мудр?..

— Одна девочка лет эдак десяти. Она спросила экскурсовода: а почему Александр Сергеевич не завел себе собаку, если ему здесь было так одиноко?

Ну, в десять лет такие вопросы простительны. Почему у Пушкина не было собаки. Почему у Земли нет естественных спутников, кроме Луны. И прочее. Но зачем же некорректно поставленный вопрос передавать машине?

— Видишь ли, Нике захотелось узнать мнение машины на этот счет, и она прибежала ко мне. Я ввел вопрос по общему каналу, но БЭСС отвечать отказалась.

— Естественно, — сказал я. — И как же ты развлекался дальше?

— Дальше — БЭСС, уже по блокам моего участка, второй день собирает материалы о всех породистых и беспородных собаках первой трети девятнадцатого века. Время от времени она выдает мне свои промежуточные заключения, я их

корректирую и ставлю дальнейшие наводящие вопросы. Учу ее последовательно мыслить, как я тебе и обещал.

— И каковы же были эти промежуточные выводы?

— Ты знаешь, я предпочел бы доложить тебе сразу об окончательных результатах. Когда они будут получены, разумеется.

«Доложить». Буратино спрятал золотые монетки в рот и явно напрашивался на то, чтобы его подвесили вверх ногами.

— Вот что, Басманов, на правах твоего начальника я ставлю тебя в известность, что терпеть все это...

— Если под «всем этим» ты подразумеваешь хлам на пульте, — бесцеремонно перебил он меня, — то спешу тебя заверить, что это не краденое, а молекулярно-идентичные копии. Выполнены по заказу БЭСС — не моему же, в самом деле. Карась? Карася и вовсе не было, — всего лишь объемное изображение на взвешенном коллоиде, старый театральный прием. «Домовой», разумеется, был, но зачем ему понадобилась эта инсценировка, понятия не имею. Ведь он — всего-навсего выносная часть БЭСС, а у нее на моем участке продолжается активное самообучение, сам понимаешь, что проконтролировать ее в такой период практически невозможно — слишком велик объем поглощаемой информации. Бабка эта в светящемся балахоне? Советую относиться к ней с бо́льшим уважением, — как-никак, специалист с мировым именем. Тут половина деревьев ее руками посажена после урагана девяносто шестого года. По-своему, она тоже фанатик. Больше вопросов у любимого начальства нет? Я могу продолжать работу на вверенном мне участке?

— Можешь продолжать, а можешь и не продолжать, — ощущение причастности к какой-то общей тайне давным-давно рассеялось, и осталось только традиционное смутное беспокойство, словно чего-то главного я так и не понял. — Можешь и не продолжать, потому что одним рейсом со мной прилетела Ника.

Я давно уже заметил, что у натур тонко чувствующих и разносторонне одаренных, как правило, имеется некоторый сектор их бытия, в пределах которого они до неправдоподобия равнодушны и неразборчивы.

Такой областью безразличия были в жизни Басманова женщины. Не то чтобы он вообще без них обходился, нет, — в непосредственной близости от него постоянно просматривалась какая-нибудь юбка. Но упаси господи, чтобы он потратил хоть малейшее усилие на завоевание даже са-

мого достойного женского сердца. Единственным проявлением внимания к женщине у Басманова было то, что к ней он обращал свой байроновский фас, оставляя всему прочему девичьему сонму буратинский профиль.

В данный момент тем геометрическим местом точек, с которых Илья смотрелся в наилучшем своем ракурсе, и была упомянутая мною Ника, упоительная белокурая растрепа, на первый взгляд загадочным образом сохранившая свои восемнадцать лет, несмотря на двукратное замужество, второй раз весьма даже знойное, ибо оно перенесло ее на несколько лет в труднопроизносимый город Тируванантапурам, откуда она вернулась этим летом, чтобы иметь несчастье увлечься Ильей Басмановым. Всю эту осень она демонстрировала ему свою неприступность с напором шекспировской Беатриче, так что со стороны мне было отчетливо видно, что Басманов обречен.

Поэтому я сказал ему про Нику и ни словом не обмолвился про Аську Табаки.

И тут — то ли потому, что про двух женщин я уже подумал и для соблюдения триединства требовалась третья, то ли по какой другой причине, — но я вдруг представил себе Аделю, тихо бредущую по темной дороге к себе в Савкино, и бросился седлать своего мерина, и где-то на полдороге догнал ее. Верный «домовой» семенил рядом, и светлый латунный блик от его фонарика скользил по дороге, словно подталкиваемый кончиками намокших Аделиных туфель. Я тихо шел следом, и вот уже кроме собаки, нервно переступающей высокими, напряженно подрагивающими лапами, мне еще чудилось старинное, шуршащее не намокающим в тумане атласом, платье Жозефины, подхваченное под самой грудью, — античное безжалостное платье, ничуть не умаляющее некрасивости Адели, но непостижимо и единственно с нею сочетающееся. Я брел по ночной дороге, с натугой постигая простейшую истину, что гармония способна обратить неприметное в прекрасное, минуя степень красивого. В моей голове набухало еще несколько открытий, равных первому по своей свежести и оригинальности, но в этот момент я оступился, и «домовой», оглянувшись и узнав меня, порскнул в кусты и был таков.

Аделя, тоже догадавшись, кто ее преследует, тихонько ждала в темноте, пока я приближусь, и в этой тихой покорности я безошибочно угадал тактичное нежелание дать мне почувствовать, что она мне не рада.

Чтобы спасти положение, нужно было немедленно на-

чать разговор, легкий, непринужденный разговор, но тот привычный «инженерит», на котором мы все изъяснялись в лабораториях, был неприемлем сейчас, когда передо мной во влажной темноте чуть проступал силуэт высокой женщины в атласном платье, подхваченном под самой грудью расшитым поясом... Я открывал и закрывал рот в беззвучных потугах произнести хоть что-нибудь, за что меня тут же не попросили бы идти своей дорогой. И благословлял осеннюю темноту за то, что она скрывала это позорище.

Но легкая рука протянулась из этой темноты, и голос велел:

— Верните его. Мы не найдем дороги...

Я кликнул «домового», но тот не отозвался. Умница. Раз получил приказ не являться на глаза, — значит, знай свое место. А может быть, он со своими причудами уже находился где-нибудь за тридевять земель. Я невольно вспомнил загадочное происшествие на Тригорских прудах, и сделал это весьма кстати, потому что Аделя сразу откликнулась, оживилась, и беседа завязалась сама собой. Аделя говорила с какой-то пугливой бережливостью, как я уже подметил, свойственной всем истинным здешним «фанатикам», — лишь бы не допустить неоправданной категоричности, лишь бы не стать в позу «потомка-судии», лишь бы не показаться предвзято мыслящей всезнайкой. Говорила она как-то полувопросительно, прислушиваясь к себе и словно проверяя себя на каждом слове, и голос ее был тих, словно за придорожными кустами могли притаиться злостные провинциальные Пустяковы, Фляновы и Харликовы. «Да, на Тригорских прудах произошло нечто удивительное, но не потому, что «домовой» съел несуществовавшего карася, а потому, что так, по некоторым дошедшим до нас сведениям, однажды было...» — «Однажды? Давно ли?» — «Уже спустя несколько десятилетий после его смерти. Помещик тригорский...» — «Помещица?..» — «Нет, нет, уже сын ее, Алексей, опустившийся, дошедший до маразма...» — «В деревне, счастлив и рогат, носил он стеганый халат...» — «Если бы только носил халат! Современники вспоминают, что он ввел у себя в имении право «первой ночи» — средневековщина...» — «Психическое заболевание?» — «Мы имеем основания так полагать — ловить в пруду карасей и с хрустом пожирать их живьем...» — «И это — прототип Ленского!» — «Ну разве можно так безапелляционно! Только собеседник в деревенском одиночестве, но отнюдь не единомышленник; только одна из крупиц, составивших образ юноши поэта; только товарищ по веселым вечерам,

проведенным в Тригорском, и ночевкам в деревянной баньке, куда запирала их обоих предусмотрительная Прасковья Александровна, — но не тот, кого поэт назвал бы другом...» — «Да, о друге — вы помните забавный вопрос девочки, на который не ответила даже БЭСС — о собаке?» — «А разве БЭСС не ответила?» — «Пока мне ничего не докладывали». — «Впрочем, я точно не знаю, ваша машина так много спорила с Басмановым...» — «Спорила?» — «Ну, я не знаю, Илья только пересказывал, я помню дословно только последний ответ вашей машины...» — «Можно полюбопытствовать?» — «Да, конечно, конечно. Она ответила так: "Крепостных мне довольно. Друг надобен"».

Я ошеломленно замолчал. Одно-единственное слово, употребленное моей БЭСС, повергло меня в полнейшее смятение. Это уже был не «домовой» с рыбкой во рту! Это было... Это было черт знает что, и определений этому я не находил. В свое время всякие штучки вроде поручения писать машинам стишки для своих девушек было квалифицировано как «машинное хулиганство». Как можно назвать действия Басманова? Во всяком случае, неоправданная загрузка машины психологическим аналогизированием была налицо. Я вспомнил рассказ Аськи Табаки, которой всегда доставался от Басманова только его профиль, и окончательно уверился в том, что, не докладывая мне о тонкостях своего эксперимента, Илья придает мышлению машины черты, специфические здешним «фанатикам», — склонность к мучительным сомнениям и бесконечным поискам, чуткую бережливость к фактам, боязнь категорических суждений и догм... Все это, несомненно, неоправданный перерасход машинного времени и государственной энергии, и это стоит прекратить; но все-таки — все-таки как объяснить даже при том, что теперь стало мне ясно, употребление машиной этого коротенького словечка «мне»?..

Мы не спеша двигались по темной дороге к Савкину, едва обозначенному слева пепельным туманом, подсвеченным снизу, и даже в этой непроглядности явственно чувствовалось, что осень уже миновала пору своего буйного мятежа, когда природа тщится вернуть себе полные и звучные краски лета; вместе со способностью сопротивляться она утратила все, даже прелый запах полегшей травы, и поля были безмолвны и не ощутимы для человеческого зрения, слуха и обоняния.

Так мы добрались до Савкина и вдоль замшелого первобытного забора спустились к реке. Иногда мне казалось, что в черной громаде еще не облетевших кустов, забивших

все савкинские палисадники, слышался шорох и металлическое лязганье. Я подозревал, что это сторожит Аделю ее верный «домовой», но сколько я ни вглядывался в темноту, я ничего различить не мог. Мой приказ выполнялся свято. Я и забыл о нем, и не вспоминал о нем ни на следующий день, ни после, потому что думал совсем о другом, и работы было по горло, и командировка за командировкой, а о пропавшем «домовом» мне не напомнил ни Басманов, ни тем более Аделя, а сам я даже не обратил внимания на небольшие счета за энергию, регулярно поступавшие на мой сектор то из Пятигорска, то из Архангельского, то из Бахчисарая, и так продолжалось до тех пор, пока между этими счетами мне не попалось письмо, официально направленное Илье Басманову.

Письмо валялось распечатанным, кроме того, Илью ошибочно величали начальником сектора программирования; я засомневался, не мне ли оно все-таки предназначено, и взял на себя смелость его прочитать. В письме сообщалось, что в Кишиневе, вокруг так называемого дома грека Кацики, недавно скрупулезно реконструированного по случаю того, что в его пропахших терпким вином подвалах в начале девятнадцатого века активно функционировала небезызвестная масонская ложа «Овидий-25», околачивается безработный на вид робот с носовым платком на плече, напевая весьма приятным баритоном что-то вроде «арде-мэ, фри-ше-мэ», что в переводе на современный русский язык должно означать «режь меня, жги меня». Судя по номерному знаку, «Домовой» приписан к механическому парку южной территории Пушкиногорского заповедника, числится за товарищем Басмановым, коего и просят разобраться в нерациональном использовании вверенного ему робота.

Я, естественно, спросил товарища Басманова, что это за очередная оказия со сбежавшим «домовым»; Илья пожал плечами и ответил, что робот по-прежнему находится на постоянной прямой связи с БЭСС, которая аккредитовала его на все энергостанции городов и населенных пунктов, в которых когда-либо побывал и о которых упоминал Александр Сергеевич. Поводов для беспокойства, следовательно, не было, так как БЭСС управлялась не с одной сотней автоматов и роботов, руководствуясь при этом своим главнейшим принципом — не принести никакого, даже косвенного, вреда человеку. Правда, «домовой» довел почти до истерического припадка здешнего архитектора по ландшафту, но ведь таковое состояние, как могла наблюдать БЭСС, не бы-

ло для архитектора чем-то, как говорят программисты, экстремальным.

Между тем в будничной работе проходили месяцы, и время от времени до меня долетали слухи об очередных экстравагантных выходках нашего механического сотрудника. Так, Днепропетровский отдел здравоохранения запросил, в каких целях нашему роботу понадобилось проинспектировать все больницы города и поднять все сохранившиеся истории болезней простудного характера, когда заболевание явилось следствием купанья в Днепре. Такая ревизия переполошила весь днепропетровский медицинский персонал, потому что добрые полста лет от простуды лечились приемом одной-двух таблеток полипанацида, а о том, чтобы купанье, даже зимой, могло довести человека до больницы, врачи знали разве что из истории медицины. Переполох улегся только тогда, когда выяснили, что робот-ревизор приписан не к министерству здравоохранения, а к нашему парку автоматов-антропоидов. Но днепропетровцы успокоились рано: в ближайшее воскресенье среди бела дня гуляющая по набережной толпа обратила внимание на необыкновенную пару пловцов, пересекающую Днепр и направляющуюся к островку. Как рассмотрели зрители, одним из них был робот для бытовых услуг, другой — человек лет двадцати, одетый в лохмотья. Пловцы были скованы отчетливо видимой с берега цепью.

Спасательный глиссер сорвался с места и помчался к плывущим, но они уже достигли островка и, пошатываясь, выбирались на сушу. В последний момент перед тем, как катер заслонил от зрителей необыкновенных пловцов, человек в лохмотьях схватил камень и, размахнувшись, швырнул его в робота-спасателя, изготовившегося на носу глиссера.

Зрители дружно ахнули: многие потом утверждали, что в воду сорвался не робот, а человек в какой-то старинной военной форме и без сапог.

На смену канувшему в воду собрату из трюма выскочили трое запасных киберспасателей, поднялась суета. С берега можно было догадаться, что кого-то втаскивают на борт. Наконец суденышко отвалило от островка, по-прежнему пустынного; сделавшие свое дело киберы улеглись вдоль бортов в специальные гнезда, и тогда с берега стало видно, что на борту только один пассажир, да и тот — не человек, а «домовой» с каким-то белым опознавательным знаком у плеча, смахивающим на обыкновенный носовой платок. Киберов, естественно, запросили, где человек, в от-

вет с катера доложили, что никакого человека в поврежденной одежде, равно как и металлических цепей в пространстве, ограниченном двумя километрами вверх и вниз по течению от места происшествия, не имеется и НЕ ИМЕЛОСЬ. Спрашивать их о том, как квалифицировать столь массовый обман зрения, было бесполезно. Единственное, что они делали безукоризненно, — это доставали любое живое (или уже не вполне живое) существо с любой глубины. Ну и принимали все возможные меры по реанимации, буде таковая требовалась, до подхода не столь быстроходного катера с медицинским персоналом. Но живого существа в данном случае не оказалось — тут уж киберы ошибиться не могли; извлеченный же из воды «домовой», едва приблизился к берегу, поставил дымовую завесу из коллоидальной взвеси, под прикрытием которой исчез бесследно, оставив зрителей недоумевать по поводу своих полномочий и степеней свободы.

Объявился же он в Гурзуфе, на береговой территории дельфинариума. Девушка-дельфинолог, дежурившая на пирсе, вдруг обнаружила, что по заповедным водам акватории на всех парусах движется изящный парусник. Хорошо зная Айвазовского, она отметила, что нарушитель имеет определенное сходство с военным бригом «Меркурий». И тут она заметила, что за ней самой тоже наблюдают, и не кто иной, как нахального вида «домовой» с носовым платком на плече. Робот явно не принадлежал к парку дельфинариума, так как последний обслуживался только неантропоидными и киберамфибиями. Рассмотрев второго нарушителя, девушка растерянно оборотилась к морю, не зная, на кого первого бежать жаловаться, но парусник исчез. Растаял. Любопытно, что запрошенные позднее дельфины дружно показали, что никакой корабль в то утро по акватории не проходил.

Робот тоже исчез, — правда, на сей раз не оставив после себя тумана.

Это — всего лишь некоторые эпизоды, экстравагантные, но безобидные, из похождений нашего «домового», похождений, способных в совокупности составить целую «Одиссею». И для кого-нибудь другого они не представляют никакого интереса — мало ли номеров выкидывают роботы, получившие излишнюю свободу! Но я, оглядываясь назад и пытаясь понять, как же получилось, что из флегматичного математика я превратился в самого отпетого фанатика, — я теперь вижу, что именно эти шаловливые проделки мало-помалу приучили меня к состоянию необычности

всего того, что происходит вокруг меня, — и почти что с моего разрешения; и я сам стал допускать то, что в милой моей болотной Гатчине я расценил бы как эксперимент, по меньшей мере, некорректный по отношению к самой БЭСС. Благодаря откровенности Аськи я догадался, что Басманов прививает машине способность мыслить с чуткой требовательностью и нетерпимостью к скороспелым категорическим выводам, и смотрел на выходки «домового» — сиречь самой БЭСС — сквозь пальцы. Ведь в том, что теперь машине было мало одних печатных или рукописных сведений, а надо было еще что-то понюхать, в руках подержать и на вкус попробовать, — в этом было что-то и от Адели.

А еще я не приставал к Басманову и потому, что однажды уже раз «купился» на объемное изображение милого барона Дельвига и второй раз сесть в лужу по какому-нибудь аналогичному поводу не желал. Официально мне Басманов ничего по своему сектору работ не докладывал, а на простую дружескую откровенность с его стороны я уже не рассчитывал — дружбы с Ильей у меня так и не получилось, — видимо, мешало что-то большее, чем различие между экспериментальным и теоретическим складом ума. Доброжелательным по отношению ко мне он был только в компании «фанатиков», но как только мы оставались с глазу на глаз, безразлично, на работе или вне ее, он вел себя так, словно это я пинками загнал его в этот информаторий, да еще заставил сверхурочно разбираться с дурацкими вопросами, на которые БЭСС не изволит отвечать.

Поэтому я искренне удивился, когда в один из первых весенних дней он сам, и притом несколько смущенно, попросил заглянуть к нему в «свинюшник».

Свинюшник был еще тот. К бильярдным шарам, акварелям и пистолетам прибавилось невообразимое количество старья: облезлые книжки, баночки из-под помады, ощипанные перья, тарелки с кобальтовыми китайскими узорами, ручные кандалы, и главное — пропасть портретов, из которых, понатужившись, я смог узнать не больше трети.

Но вот чему я совершенно не придал значения — так это тому, что за блоками дополнительных стабилизаторов я приметил вжавшегося в угол злополучного «домового» с коробкой портативного магнитофона на поясе. Заметив меня, он было дернулся, но вдруг застыл на месте, словно контролирующая его действия БЭСС на время отключила его питание. Я, кажется, не снимал с него запрета показываться мне на глаза, но почему-то меня не поразило его пренебрежение к моему приказу. Привык к разным его

штучкам. А ведь кто, как не я, должен был помнить, что роботы нарушают приказ человека только в экстремальных случаях — почти всегда тогда, когда ЧЕЛОВЕКУ ГРОЗИТ ОПАСНОСТЬ.

Да еще отвлекал меня какой-то странный, интригующий вид Басманова. У него прямо-таки на лице было написано, что он разрывается между служебным долгом и своими внутренними убеждениями, и я хотя бы в целях экономии рабочего времени решил его подтолкнуть.

— Послушай, Басманов, — сказал я, — у тебя сейчас такой вид, словно ты снял сапог и своей аристократической пятой пробуешь, не холодна ли вода в Геллеспонте.

Я знал, что этого Илья не терпел. Он прощал любые издевки над своим буратинским профилем, но стоило кому-нибудь намекнуть на его сходство с лордом Байроном, как он тут же выходил из стационарного режима.

Но я промахнулся. Он только посмотрел на меня как-то сожалительно, как Буратино — на тарелку манной каши без малинового варенья, а потом, по скверной своей привычке, без всякой связи с предыдущим спросил:

— А ты знаешь, сколько лет прожил на белом свете Якоб Теодор Геккерен де Шетерваард?

— Вот уж в голову не приходило интересоваться!

— Девяносто три года. А сукин сын кавалергард российского двора, а затем сенатор французский Жорж Шарль Дантес?

Я снова пожал плечами.

— Восемьдесят три года. Итого в сумме около ста восьмидесяти лет...

Я знал цену голых, не прикрытых словесным орнаментом цифр. Но эта все-таки ударила меня по каким-то неожиданно отозвавшимся нервам. Двое убийц, в сумме проживших сто семьдесят шесть благополучных лет!

— Если бы мы могли вернуть ЕМУ хотя бы одну десятую, хотя бы одну сотую этой цифры...

А вот этого лучше бы Басманов не произносил. После одной цифры, жуткой в своей убедительности, — какие-то филологические «если бы», чего я вообще никогда терпеть не мог.

— В истории не существует никаких «если бы». Что было, то было, и не нам с тобой впадать в маниловщину. Кто прожил тридцать семь лет, тому не прибавишь ни тысячной доли чужого срока.

— А если бы? — с упорством фольклорного барана повторил Илья.

— Если б эти «если, если...» и дальше, как там у Петефи. Если бы Александр Сергеевич скончался в малолетстве вместо своего брата — мы и вообще не имели бы ни заповедника, ни информатория. Не говоря о поэте. А если бы десятого декабря двадцать пятого года ему не перебежал дорогу не то заяц, не то кот, не то поп, то он явился бы без высочайшего позволения в Петербург, и не куда-нибудь, а прямехонько к Рылееву, а оттуда, естественно, — на Сенатскую площадь. И был бы он шестым. И — не Святогорский монастырь. Яма с известью. Вот так. И эти «если» вообще можно продолжать до бесконечности, но стоит ли, время рабочее...

— «Логично», сказал бы робот, — ответствовал Басманов. Вид у него был такой, словно он уже глубоко сожалел о затеянном разговоре.

А, собственно говоря, зачем он, действительно, затевал этот разговор?

— Так, может быть, ты объяснишь мне, зачем ты меня сюда пригласил?

— Так бы я тебя сюда и приглашал, — отсутствие корректности никогда Басманову не изменяло. — Скажи спасибо Адели, она настояла. А дело в том, что сегодня БЭСС доложила о готовности работать в заданном режиме. На данном участке, разумеется.

— Постой, постой! А все эти месяцы она в каком режиме работала?

— На моем участке — в учебно-подготовительном.

— Послушай, Басманов, ты говоришь не с первокурсником и не с корреспондентом. Блоки памяти в целом информацией были загружены еще осенью. Не существует — ты понимаешь, просто не может существовать — дополнительно наложенного круга вопросов, по которому БЭСС скребла бы информацию еще полгода! Да она же и так выдоила все библиотеки и смежные информатории за какие-нибудь три недели. Конечно, профан мог бы поставить перед машиной какую-нибудь дурацкую некорректную задачу, но ведь ты же опытный программист. Ну что ты задал несчастной БЭСС?

Басманов посмотрел на меня как-то растерянно:

— Но... Я думал, ты догадываешься... Аська ведь тебе наболтала о моих экспериментах на Рисер-Ларсене?

— Да, об этом я догадался. Психологическое аналогизирование. Ты готов сделать из порядочной БЭСС еще одного типичного пушкиногорского «фанатика», нечто среднее между Бехлей, Аделей, Никой и тобой самим. Но это —

дополнительные входные условия, а не цель постановки эксперимента. И потом, чтобы узнать вас всех, да и меня в придачу, БЭСС не потребовалось бы больше полумесяца.

— Если бы так, — сказал Илья. — Если бы БЭСС создавала аналог твоей добродетельнейшей Адели... Но там, в миллионах капилляров, в десятках миллиардов искусственных клеток — мозг, готовый вернуть давным-давно погибшему человеку ту самую долю жизни, которую не мог сохранить Арендт!

Я понял.

И даже не удивился.

Стопроцентно бредовая идея — как это было похоже на Басманова! Попытаться воспроизвести творческий разум человека, погибшего не одну сотню лет назад, и не просто человека, а самого... Святые Горы, язык не поворачивается сказать.

— БЭСС готова, — глядя на меня исподлобья, медленно проговорил Басманов. — Она вошла в роль. Хотя что я говорю — в роль. Она стала ИМ. Она готова прожить пусть не десятую, пусть даже не сотую, но какую-то долю жизни после двух часов сорока пяти минут двадцать девятого января тридцать седьмого года.

— Прожить? — не удержался я.

— Для НЕГО «жить» значило «писать».

— Мой друг Басманов, не выражайся высоким стилем.

— Сожалею, что выполнил просьбу Адели, потому что человеку, не способному иногда хоть на что-то высокое, здесь сейчас будет нечего делать.

— Как это понимать — «сейчас»?

— А это понимать так, что через два часа начнутся испытания.

У меня все внутри перевернулось. Меня просто ставят в известность. Даже не спрашивают. Надо думать, что я не в силах буду не то что отменить, но даже перенести эти испытания на другой день. Два часа. И что-нибудь сделать, помочь мне может только... только Аделя.

Я гнал несчастного мерина, проклиная нелепую традицию держать в заповеднике только каких-то кургузых, вислобрюхих одров — в память убогой лошаденки Александра Сергеевича. Песчаная, не просохшая еще дорога едва-едва двигалась навстречу мне, и, несмотря на то, что времени у меня было предостаточно, я знал, что так и не найду, что сказать Адели. Не смог же я найти слов, которые убедили бы Илью Басманова! Все было бы гораздо проще, если бы мы с ним имели дело с обычными электронными компью-

терами: как бы сложны они ни были, с течением времени все больше и больше ощущается ограниченность их возможностей.

Но наши всемогущие безэлектронные системы сколько с ними ни возись, только поражаешься их неистощимой мудрости. Это — истинное обаяние гениального, чуткого и гибкого ума. Да так оно и есть в действительности: БЭСС — это живой мозг, обогащающийся с непредставимой для человека быстротой. В него начинаешь веровать, как в высшую силу. И вот сейчас БЭСС околдовала Илью, он перестал ощущать границы ее могущества. Конечно, можно представить себе такой фантастический вариант — машину, способную по произведениям воссоздать аналог автора. Но это утопия. Гениальный актер может настолько войти в роль, что почувствует себя Пушкиным. Но и он не напишет ни одной пушкинской строки. А машина — и подавно. Это ведь не диктовать юмористические вариации на тему «поймите меня правильно».

Но ведь мне обязательно возразят, что-де все это — априорные утверждения, надо поставить пробный эксперимент, а там и само собой станет ясно, что машине под силу, а что — нет. Я и сам знаю, что после такого пробного эксперимента все станет ясно.

Но допускать этого эксперимента нельзя, нельзя, черт меня подери вместе со всеми этими Святыми Горами!!!

Я перехватил Аделю на пороге ее избы. Времени у нее оставалось в обрез, у меня — тоже. Объяснение наше было кратким, но вряд ли можно представить себе более нелепое, неуклюжее и безнадежное объяснение в любви, чем это!

Ибо ко всему прочему я объяснился Адели в любви. Нашел время. Идиот.

Ну а что я мог ответить ей, когда она спросила, по какому праву, собственно говоря, я требую от нее, чтобы она изменила своим взглядам, своим планам, своим заветным мечтам, в конце концов, — и вдруг, ни с того ни с сего, потребовала бы от Басманова отказаться от задуманного ими вместе эксперимента? У меня не было никаких других доводов, и я выпалил, что это право любви — требовать безусловного доверия. Она смотрела на меня долго, очень долго, — бог весть, что за это время она передумала! И я смотрел на нее, понимая, что, как только она заговорит, — это будет уже началом нового и уже, наверное, последнего — до самой смерти — одиночества; и все разрывалось у меня от досады, и боли, и еще какого-то не очень хорошего, соб-

ственнического чувства потери, ибо вместе с Аделью я терял ту женщину, которую разглядел только я, — женщину в платье Жозефины, с борзой собакой у ног, принадлежащую мне одному...

Она прошла мимо меня, потом обернулась и сказала:

— Почему на свете существует заблуждение, будто любовью можно оправдать все — злодеяние, глупость, убийство, кощунство?..

...Она шла по дороге быстро, как только могла, и я не смел обогнать ее, не смел даже приблизиться, потому что она боялась лошадей, и я то и дело натягивал поводья, чтобы мой верный коняга не цокал копытами прямо у нее за спиною. Мне теперь все было безразлично, и я знал, что вот сейчас приеду и просто-напросто закрою лабораторию, вырублю подачу тока и без всяких объяснений запрещу проводить эксперимент. Формальные права у меня на это есть. Вот так.

Когда мы переступили порог, все уже были в сборе — в углу топорщил свои усы всегда молчаливый Бехля, похожий на невыспавшегося шотландского терьера, на подоконнике болтала ногами златокудрая Ника — вот уж кто здесь явно был лишний, ибо принадлежала она к тому типу не красивых, а истинно обольстительных женщин, у которых разум полностью заменен инстинктами и эмоциями; еще человек пять или шесть, с которыми я только раскланивался, почтительно группировались вокруг учтивого и приятного на вид юноши в бархатной куртке, которого я не раз встречал на узеньких и влажных тропинках Пушкинских Гор, — он всегда производил на меня впечатленье человека, способного отдать всю вычислительную технику Солнечной системы за клочок бумаги с сомнительным автографом поэта. Я еще окрестил его «архивным юношей».

Илья, непроницаемый, как жрец Амона, застыл у пульта. И вообще у всех присутствующих было такое выражение, словно они ожидали сошествия святого духа.

Ну ладно. Сейчас я это шаманство прекращу.

Но тут «архивный юноша» оглядел всех и строго спросил:

— Так кого мы ждем?

Это было сказано таким тоном, что мне сразу стало ясно, что он уже далеко не юноша. Просто так мне показалось на первый взгляд.

— Все в сборе, — продолжая стоять по стойке «смирно», доложил Басманов. — Можно начинать, товарищ директор.

Вероятно, уместнее было бы назвать директора по имени и отчеству, но Басманов обдуманно не сделал этого — для меня.

В этой лаборатории я уже не был полновластным хозяином. И тогда мною овладела непреодолимая апатия. Будь что будет. Пусть все хоть провалится. Хоть сгорит синим огнем. Вот именно так. Синим огнем.

Я протиснулся в угол и сел, отворотившись от остальных. Белый язычок «контрольки» высовывался из щели на пульте — на этой «контрольке» печатались все данные, усвоенные машиной за текущий день. Наверное, читать их было бы весьма увлекательным занятием, одна беда — в день машина прокручивала несколько десятков километров ленты, и для того чтобы только бегло знакомиться с этими данными, надо было бы содержать целый штат сотрудников. Но мне сейчас не хотелось принимать участие в происходящем, не хотелось даже демонстративно покидать помещение, поэтому я рассеянно читал бисерные буквы, бегущие вдоль узенькой пластиковой ленты. Вот финал решения поставленной задачи, черным по белому: «Система к испытаниям готова». А дальше — еще два метра сплошных имен. Да, разболтал мне Басманов машину. Распустил. После сигнала готовности БЭСС должна замереть и ждать исходных данных. По своему усмотрению она не смеет принимать никакой информации. Иначе — какого черта было докладывать о полной готовности?

За что я любил свою работу — так это за четкость. А теперь моя машина усвоила всю басмановскую расхлюстанность... Ну что ей понадобилось уже после того, как она САМА сочла себя абсолютно готовой к работе?

Федор Басманов, Никита Басманов, Прокопий Басманов, Акинфий, Глеб, снова Федор... Даты, жены, чада. Боковые ветви. Незаконнорожденные отпрыски.

Родословная младшего научного сотрудника Ильи Басманова! С не подлежащим сомнению выводом, что он является потомственным дворянином земли русской вплоть до такого-то колена.

У меня, наверное, затряслись плечи, но нервный смешок я сумел подавить. Из уважения к директору.

Между тем в лаборатории стояла какая-то гнетущая тишь.

— Так, собственно говоря, мы больше никого не ждем, — с плохо скрытой просительной интонацией проговорил Басманов. — Машина ждет приказаний, Артемий Павлович...

И тут случилось нечто и вовсе не объяснимое. Ника, безрассудная кудрявая Ника, вздернула свой утиный носик и с непосредственностью первоклассницы спросила:

— А можно, я задам вопрос? — Ей, разумеется, все и всегда было можно — она и директору улыбалась так, словно это был какой-нибудь механик по нестационарным киберам. — Я вот не совсем понимаю, кто это ждет приказаний?

Басманов сложил губы трубочкой: даже он был озадачен. Я, собственно говоря, просто не понимал, что именно нужно Нике объяснять. Да и стоит ли ей что-либо объяснять.

— Выходит, нас собрали на испытание простой машины, — допытывалась Ника, — которой можно взять и приказать что-то там сочинить?

— Это уже не машина, и тем более не «просто машина», — отрезал Басманов.

— А, — сказала Ника и, махнув легкой ладошкой, спрыгнула с подоконника. — Ничего вы не понимаете. Пойду я отсюда. Не хочу становиться жандармом.

И она выпорхнула из лаборатории. Почему-то мне вдруг подумалось, что именно эта женщина должна была бы по справедливости носить звонкое и всегда юное имя Адель...

Басманов резко повернулся к пульту, пальцы его забегали по кнопкам и клавишам. Среди несусветного хлама, просвечивая сквозь дамские перчатки и атласные пояса и шали, затеплились сигнальные лампочки. Весьма заметный гул мог указать специалисту, что БЭСС прогревается почти на всех своих каскадах, потребляя мощность, близкую к предельной.

— Задание! — не оборачиваясь, бросил Басманов. — Диктуйте задание!

Теперь в явном замешательстве пребывала филологическая половина. Разумеется, у каждого из них была припасена своя заветная и заведомо несбыточная мечта — вроде того, чтобы воссоздать текст первоначального варианта «Сцены у фонтана», не записанный Александром Сергеевичем подле Воронича за неимением бумаги и карандаша. Послышалось сперва сдержанное шушуканье, затем мгновенно возник спор, ведомый на уровне яростного шепота; затем скрипнул отодвигаемый стул — поднялся директор.

— Друзья мои, момент действительно очень ответственный, — заговорил он, окончательно переставая казаться романтическим юношей. — Начнем с нетривиального, но несложного задания. Беру на себя смелость предложить

первый вопрос: в сохранившихся отрывках десятой главы «Онегина» имеется общеизвестная четырнадцатая строфа:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи...

Поскольку только сам поэт мог знать, о ком должна была идти речь в дальнейших строчках, предлагаю дать задание продолжить строфу.

Еще одна лампочка, просвечивая сквозь шафрановую шаль, вспыхнула на пульте — знак того, что машина приступила к выполнению задания. Легкая дымка поплыла у меня перед глазами, и я понял, что проклятущая мудрейшая БЭСС сейчас выдаст свой коронный номер — изображение на коллодиевой взвеси. И уж попробуй возрази, если перед тобой — сам Александр Сергеевич, выполненный в масштабе один к одному! Давай, БЭСС, давай, Рыжая, покажи, на что ты способна — на какую безупречную, филигранную подделку!

Глаза Адели. Огромные, зеленые, неистовые — так когда-то, наверное, глядели зачарованные тунгусы на полет огненного бога... Но никаких призрачных фигур в лаборатории не возникало — глаза Адели неотрывно следили за цепким манипулятором, в клешне которого был зажат огрызок пера, и вот уже, попискивая и брызгая чернильной жижей на колпачки сигнальных ламп, это перо заскользило по шершавой бумаге, оставляя за собой стремительные штрихи строк, и я, холодея, почувствовал, что меня неудержимо тянет узнать в этих строках такой характерный, раз и навсегда запоминающийся почерк...

Вороненая клешня манипулятора отшвырнула перо, и пять рук непроизвольно потянулись к пульту, но манипулятор успел раньше — он поднял исписанную бумагу высоко над нашими головами, на какую-то долю секунды замер, словно выбирая из нас кого-то одного, а потом вдруг швырнул листок прямо в лицо Басманову.

Никто не двинулся на этот раз.

Листок, шурша, скользнул по лацкану басмановской куртки, раза два перевернулся в воздухе и тихо лег на пол возле ног Ильи — текстом вверх.

Вероятно, это разобрали все — крупные четкие буквы отнюдь не поэтического обращения: «Его превосходительству начальнику резервной группы лаборатории программирования господину Басманову. Милостивый государь!..»

Не знаю, может быть, кто-нибудь прошептал эти строч-

ки вслух, а может, и нет, но я уверен, что в памяти каждого всплыло:

То был приятный, благородный
Короткий вызов, иль КАРТЕЛЬ...

Но в строчках, лежащих перед нами, ни краткости, ни приятности, ни даже ясности холодной и в помине не было. Я не запомнил письма дословно — да и никто из присутствующих, как выяснилось потом, не смог точно его припомнить, — но одно я знаю твердо: продиктовано оно было не машиной. Столько гордости, бешенства и отчаянья уже один раз пережитой смерти — и все же ни малейшего колебания перед новой смертной мукой — было в этих строках, что так писать мог только человек и поэт.

Только человек и поэт, который ни царю, ни самому богу рабом никогда не был.

Только человек и поэт, который помыкать собою, как холопом, и указывать, что и когда ему сочинять должно, никому не позволял.

Только человек и поэт, духом и телом свободный от рождения и до предназначенного судьбою часа, готовый уже не с пером, а с пистолетом в руке защищать свое право не подчиняться воле и прихоти равного себе...

Странный сухой щелчок нарушил тишину; я поднял голову и в черной клешне манипулятора увидел медленно подымавшийся пистолет. Другой — рукояткой, к Илье — лежал на пульте.

Басманов не шевельнулся. Не двигался и никто из нас, хотя по старым классическим правилам надо было хотя бы крикнуть Басманову: «Закройся!» Мы не могли и пальцем пошевельнуть, хотя черное дуло поднялось уже до уровня синего ромбика университетского значка, потому что все мы — и я тоже — были на ЭТОЙ стороне, а на ТОЙ — был один.

Но в этот миг жесткий толчок сбил меня с ног, и я увидел над своим лицом устойчиво расставленные опоры «домового», а из черной коробки на его поясе, принятой мною за портативный магнитофон, высовывалось тупое рыло десинтора ближнего боя.

Синяя струя пламени полоснула по пульту, перерезав манипулятор, и желтоватый листок с летучими строками вспыхнул у меня перед самыми глазами. Я отдернул голову и невольно зажмурился.

Когда я приоткрыл глаза, все было уже кончено. Исполосованный огненными, стремительно остывающими бороздами, пульт уже не был пультом — это была оплавленная развалина.

Вонючие тошнотворные дымки выползали из кассет с контрольными лентами, и среди всего этого хаоса, обуглившегося и оплавленного, уцелела почему-то одна-единственная баночка из-под помады, возведенная в высший ранг чернильницы поэта.

Десинтор ближнего боя, чей луч проникал всего на шестьдесят—семьдесят миллиметров в глубь поверхности, конечно, не мог причинить вреда самой БЭСС, чей мозг покоился в десятиэтажных подвалах информатория.

Но лаборатории Басманова больше не существовало.

«Домовой», сделавший свое дело, защелкнул кожух десинтора и замер в своем углу. Он не мог поступить иначе — пистолет, направленный на Илью Басманова, промаха не давал. Вот только кто вызвал «домового» в лабораторию, кто разрешил ему нарушить мой приказ, кто надоумил его захватить с собой десинтор?

Да кто же еще, как не сама БЭСС, еще ночью, после доклада о полной готовности, до мельчайшей подробности рассчитавшая все, что неминуемо произойдет...

Я не помню, кто за кем покидал разгромленную лабораторию. Кажется, первой убежала Аделя — так же, как во время нашего утреннего разговора, она осторожно, чтобы не задеть, обошла меня сторонкой и исчезла в преддождевых сумерках, пахнущих арбузной коркой. Когда уходил я, в помещении оставался один Басманов.

Я спустился вниз и стал ждать его, потому что завтра предстояло писать докладную по поводу аварии и надо это дело обговорить. Неподалеку от информатория дюжина «домовых», подсвечивая себе небольшими прожекторами, принимала из вертолета огромный камень, обвязанный цепями. Было ли на нем уже что-нибудь высечено, я разобрать не смог.

Я следил за их суетой и думал, что виноват во всем происшедшем нисколько не меньше, чем все остальные, только вот у меня степень виновности несколько другая: я присутствовал по долгу службы и не вмешался. И нет смягчающего обстоятельства безумной, фанатичной любви, которая оправдывает...

Полно. Совсем недавно меня спросили: почему на свете существует заблуждение, будто любовью можно оправдать все — злодеяние, глупость, кощунство?.. Не знаю я — почему, но заблуждение это, наверное, просуществует до тех пор, пока на земле будут и зло, и любовь. И такую любовь можно только обойти сторонкой, пугливо стараясь не коснуться ее даже краем платья.

Но мертвые перед такой любовью беззащитны.

Сон в летний день

Отдых между двумя рейсами, как известно, всегда кончается диалогом с Полубояриновым. Вот и сейчас он загибал пальцы:

— ...погода там еще похлеще, чем на Венере, — это в-девятых. Каверны, из которых выбрасывает веселящий газ неустановленного химического состава, — это в-десятых. Черви-людоеды — в-одиннадцатых, хотя это уже не так страшно. Ну, дальше пошли мелочи. Но в целом, повторяю, планета вполне пригодна для эксплуатации.

«К чему бы эта увертюра? — тоскливо прикидывал Рычин. — Не иначе как опять будет навязывать биолога без побочных профессий...»

Его вполне устраивало, что «Молинель» ходит с минимальным экипажем всего из трех человек, но зато таких, что каждый имел по три специальности. Итого девять — вроде бы хватало? На самом же деле его более всего удовлетворял тот факт, что экипаж маленького корабля был исключительно мужским. Атавизм, конечно, произрастающий из самых средних веков, когда для утлых парусников единственной защитой от разбушевавшихся стихий была деревянная мадонна на корме, — а женщины, даже если их исторический возраст давно перевалил за тысячу лет, как известно, соперниц не выносят. Вот и пошло поверье, что еще одна особа женского пола неминуемо принесет кораблю беду, — предрассудок, оказавшийся на удивление стойким. Так что Рычин, придумавший себе комплекс потомственного дремучего цыгана, в собственной коллекции предрассудков имел и этот.

Но сегодня Полубояринов, все последнее время нудно приставший к Рычину с какой-то суперталантливой биологиней, имел в виду совершенно другое:

— Исходя из того, что вам, возможно, придется эвакуировать с Камарги все сто шестьдесят человек экспедиционного корпуса, на «Молинеле» идти бессмысленно. Возьмете «Трех богатырей».

Рычин скривился — вышепоименованный космолет имел в ходу странноватую кличку «Три святителя» и, несмотря на звучность своего официального названия, был всего-навсего тихоходной баржой, сверх всякой меры перегруженной различными защитными средствами. Мечта перестраховщика.

Уловив тягостную паузу, Полубояринов вскинул голову:

— Ну что, что тебе еще, Михайла?

— А, — махнул рукой Рычин, — еще и планета с женским именем...

Полубояринов искренне изумился:

— Я, знаешь ли, был лично знаком с Сэмюэлем Ли Камарго — здоровенный сенегалец так под два двадцать, и у меня никогда не закрадывалось подозрения, что это — дама.

— Я не о нем. Просто припоминаю, что у одного из тех Людовиков, что любили позировать в пудовых париках, имелась придворная танцовщица под тою же фамилией — редкостных достоинств девица... Одним словом, не к добру.

— Эрудит ты, Рычин, — один в тебе недостаток...

Так и расстались, недовольные друг другом.

А когда в коридоре к Рычину присоединились остальные члены экипажа — неизменно элегантный Темир Кузюмов и постоянно кудлатый Стефан Левандовский, — кибервахтер, выпуская их на бетонное поле, к кораблям, констатировал вслед с той степенью унылой флегматичности, которая людям уже недоступна:

— Три... богатыря...

Этому уже насплетничали.

До Камарги допрыгали за шесть дней, ловко минуя все зоны дальности и ни разу не ошибившись при выходе из подпространства. Первое «чп» возникло на самом непредвиденном месте — при попытке установить с планетой радиосвязь.

Космолет «Три богатыря» только-только благополучно вылез из последнего нырка и теперь обычным, даже не форсированным маршем приближался к месту своего назначения, так что связь, по всем данным, должна была быть просто идеальной. Тем не менее, на первые три запроса планетная база просто давала бессмысленный сигнал «занято», а на четвертый включился автоматический ответчик, или, как его было принято называть на космофлоте, «кибербрехун»:

«На базе все спокойно, — констатировал он миланским драматическим тенором и не без напевности. — За последние двадцать четыре часа на Большую Землю отгружено 1653,83 тонны органически обогащенного концентрата руды. Персонал базы отдыхает, самочувствие удовлетворительное, психофизиологические параметры в пределах нормы».

— «В Багдаде все спокойно», — передразнил его Рычин. — Если не считать того, что автоматический ответ «персонал базы отдыхает» дается уже в течение... уже в течение шестнадцати суток. Без нескольких минут. А? Мнение экипажа?

— Двигатели на полную мощность, посадка как можно ближе к этому дому отдыха, — предложил Темир.

— Естественно. А еще?

— Знаешь, Михайла, — замялся Стефан, — мне помнится, что у всех инопланетных «брехунов» один и тот же голос. Я как-то привык. А этот что, новой конструкции?

— Да нет, в каталоге значится, что типовой. И в этом что-то есть...

Командир наклонился над плошкой микрофона:

— Доложите, кто на связи?

«Главврач санэпидслужбы и госпитально-профилактического стационара экспедиционной группы на Земле Ли Камарго».

— А почему не координатор базового космодрома?

«Космодромный вычислительный центр подключен к госпитальному в качестве вспомогательной ступени».

Командир вырубил тумблер связи и потрясенно икнул.

— Кто-нибудь из присутствующих сталкивался с чем-то подобным? — отдышавшись, спросил он.

Вопрос был риторический — ни один экипаж космофлота ни с чем подобным никогда не сталкивался. Кибермедики, конечно, самовольничали, особенно на необитаемых планетах, на то им и Первый Закон робототехники намертво впаян. Но не до такой же степени!

— Представляю, как этот Гиппократ, помесь клизмы с компьютером, будет координировать нашу посадку! — ужаснулся Стефан. — Может, проверим?..

Командир кивнул. Стефан вышел на связь:

— База Камарго, доложите о своей готовности к приему грузопассажирского нетипового корабля космоизмещением... с посадочной скоростью... и минимальной мощностью горизонтальных двигателей...

«Гиппократ», против ожидания, доложил о готовности строго по уставу.

— Садимся, — сказал Рычин.

Сели.

— А вот будем ли вылезать? — После приземления это был первый и отнюдь не праздный вопрос.

Кузюмов и Левандовский молчали, упершись лбами в иллюминаторы.

Земля Ли Камарго отнюдь не располагала к пребыванию на ней высших представителей животного мира. Прижилась тут одна микрофауна, да и то напрасно. Космоэкологи высказывали предположение, что она была занесена сюда извне. Во всяком случае, даже в экваториальной зоне относительное тепло наступало всего на шесть-семь месяцев после семилетней зимы со стапятидесятиградусными морозами. Короткое летечко было гнилым и пасмурным, но даже первых двух недель его хватало на то, чтобы Камарга покрывалась щетиной эвкалиптовых хвощей, тянущихся ввысь прямо на глазах. Лазерные тесаки валили кольчатые стволы, под хилыми корнями которых залегал биоактивный концентрат — симбиоз живой и неживой материи, образующий гигантские псевдокристаллы камаргита. При первых же холодах, когда температура достигала минус девяносто шесть градусов, вирусоподобные организмы впадали в спячку и псевдокристаллы рассыпались до следующего тепла, поэтому добыть их и отправить на Землю можно было только раз в семь лет.

Вот и сейчас сто шестьдесят лучших специалистов работали здесь, а вернее, наблюдали за работой киберустановок самых различных экстерьеров и спецификаций. Конечно, База могла бы прислать сюда и сто шестьдесят тысяч добровольцев, но они только мешали бы машинам. Люди наблюдали, направляли, исследовали — и все это, по возможности, не выходя из гигантского жилого комплекса, вмещавшего в себя все мыслимые сооружения, от подземного ангара до лабораторий и спортивно-оздоровительного стационара.

Естественно, сюда входил и Большой Интеграционный Мозг — БИМ, вычислительная, с позволения сказать, машина, руководящая всеми работами на Земле Ли Камарго. Эрудированные инженеры звали его Бим-Черное-Ухо, а когда машина давала нежелательные результаты или ахинейные рекомендации, то — Черный Потрох. Почему — об этом не знал никто, а уж особенно историки галактической классической литературы.

И вот сейчас этот самый БИМ оказался в подчинении у крошечного кибердиагноста госпитального отсека — сущей козявки по сравнению с ним самим.

Было над чем задуматься.

— Ну, так как насчет выхода на пляж? — повторил Рычин.

— Что-то не располагает, — признался Стефан.

— Чем ты это мотивируешь?

— Предчувствия... — стыдливо промямлил второй пилот.

— Предчувствия — это исключительно моя стихия, — поставил его на место командир.

— Постой, Михайла, — вмешался рассудительный Темир. — Если, как ты подсчитал, коллектив экспедиции находится в состоянии незапрограммированного отдыха уже шестнадцать суток, то несколько часов промедления с нашей стороны ничего существенно не изменят. Попытаемся вынудить силу, действующую на Камарге, как-то проявить себя, определить свою программу.

— И ты предлагаешь?..

— Запросить у этого Гиппократа рекомендации на предмет нашего выхода из корабля. Сразу станет ясно, что и почему он сделал со своими людьми.

— Резонно. Тем более что никто не принудит нас этим рекомендациям следовать.

Темир запросил. Главкиберврач поспешно и даже как-то обрадованно предложил вновь прибывшим немедленно пройти полное медицинское обследование в госпитальном стационаре.

— Хм, — усомнился командир, — а с чего бы это? У нас на корабле за экипажем осуществляется постоянный бесконтактный меднадзор, как и положено по уставу космофлота. Если бы наблюдались отклонения от психофизических норм, корабельный кибермед тут же поднял бы тревогу. Но все спокойно. Как, впрочем, и на Камарге. К чему же такая перестраховка?

«Даже секундное пребывание на поверхности этой планеты уже может отразиться на состоянии здоровья человека», — пророкотал камаргинский БИМ, зловеще понизив голос сразу на две октавы.

— Запугивает, — шепнул Стефан.

Рычин пожал плечами:

— Ну, это он не на тех напал. Будем брать быка на рога: база Камарго, доложите, чем вызван вынужденный режим, в который помещены все члены экспедиции?

«Прошу уточнить, кто задает вопрос?» — отпарировал БИМ.

Рычин аж захлебнулся. Но справился:

— На связи командир контрольно-спасательного корабля «Три богатыря» Михаил Рычин. Подтверждаю личным киберкодом.

Он вынул из нагрудного кармашка комбинезона ни разу не использованную до сих пор печатку персонального кода и сунул ее в специальное гнездо микрофона.

Камаргиный БИМ проглотил сигнал, выдержал театральную паузу и изрек прокурорским тоном:

«Персональный опознавательный код в экстремальных ситуациях может быть передан роботу и использован последним в личных целях».

Вот тут уже Рычин не выдержал:

— Ты, Черный Потрох, космических детективов начитался или забыл Второй Закон? Изволь тотчас же доложить о готовности выполнять мои приказы!

«Если вы — действительно человек».

— Держите меня, мальчики, — простонал командир, впадая в изумление, граничащее с бешенством, — иначе я сейчас разнесу этого придурка из корабельного десинтора!

«Лишено смысла, — донесся из динамика невозмутимый голос. — Большой Интеграционный Мозг находится в непосредственной близости от госпитального отсека, где в данный момент отдыхают сто шестьдесят членов экспедиции. Ни человек, ни, тем более, робот не может осуществить подобное нападение».

— Ну, в этом-то он прав, — пробормотал Стефан.

— Хорошо, — проговорил Темир, наклоняясь к микрофону, — а если мы действительно андроиды, которым люди доверили свои личные коды в знак того, что все остальные машины, независимо от их класса и характера, должны нам подчиняться? Тем более что мы, как ты сам упомянул, в силу Первого Закона не можем нанести вред никому из твоих подопечных.

БИМ не раздумывал ни секунды:

«Андроид любой конструкции по своим мыслительным способностям на два порядка ниже, чем Большой Интеграционный Мозг. Даже если вы подключены на корабельную вычислительную машину, она все равно на порядок ниже БИМа. Так что в том и другом случае вы должны автоматически подключиться ко мне в качестве моей вспомогательной системы на все время пребывания вашего корабля на Земле Ли Камарго».

— Ни много ни мало... — хмыкнул Темир. — А если мы докажем тебе, что мы все-таки люди?

«Если вы — мыслящие существа гуманоидного типа, а тем более — люди, то для вас очевидна необходимость обследования аппаратурой моего стационара, ибо мои воз-

можности, как я предупреждал, на порядок выше того, что вам может гарантировать медицинский киберконтролер корабля. Если вы соглашаетесь с моими доводами, я априорно признаю вас людьми, если же нет — вы или роботы, или, что гораздо хуже, люди, уже подвергшиеся психическому воздействию смерчевого пси-поля данной планеты. В последнем случае я, в силу Первого Закона, не могу допустить, чтобы мое бездействие нанесло вам вред, ибо вы потеряли представление о реальной опасности, вам угрожающей».

— Что называется — железная логика, — развел руками командир, выключая микрофон. — Объявляю экспресс-совещание без участия этого Черного Потроха. Конечно, мы можем попросту взлететь и предоставить психологам Большой Земли решать эту проблему на расстоянии, пользуясь нашими записями. Но трем богатырям это как-то невместно...

— Невместно, вестимо! — поддакнул Стефан. — Ну, а почему мы боимся выйти на поверхность? У меня-то предчувствия, а вы что имеете против?

— Лично я полагаю, что едва мы ступим на поверхность, как нас всех тут же уложат баиньки, и ни до какого смысла происходящего мы просто не успеем добраться, — предположил командир.

— Согласен, — кивнул Темир. — БИМ нас обманывает, но это в пределах Трех Законов, тем более что на планете существует реальная угроза для здоровья человека. Ведь и тебя, Михайла, Полубояринов предупреждал об этом особо.

— Да-а, — протянул Стефан, — наврать с три короба такая машина, как БИМ, запросто может, в этом я убедился еще, когда был...

— Не будем вдаваться в историю машинного вранья, — остановил его командир. — Всем нам врали, и не только машины. Сейчас важно одно: добиться от этого БИМа хотя бы частичного подчинения... Ну, пес с ним, хотя бы сотрудничества на равных. Ведь он так и не удосужился объяснить нам, почему он загнал всю свою экспедицию в форменную летаргию.

— Но он сделает это только после того, как признает нас людьми, — резонно заметил Темир. — А он собирается это сделать только после того, как мы вылезем на поверхность.

— Между прочим, — подал голос Стефан, — это говорит за то, что в программе, заложенной в БИМ изначально,

Первый Закон значительно утяжелен по сравнению с двумя другими. Планета ведь повышенной опасности, а по части перестраховок Большая Земля прямо-таки из штанов выпрыгивает...

— Чушь, — мотнул головой Рычин. — Бред сивого мерина в темную сентябрьскую ночь.

Все прекрасно понимали, что имеет в виду командир. Действительно, специальной Декларацией взаимоотношений между людьми и киберсистемами было строжайше запрещено заменять хотя бы одно слово в формулировке Трех Законов. Это было разумно: в любом, самом отдаленном, уголке Вселенной, отрезанном от Земли отсутствием связи, в критическом цейтноте или других пренеприятнейших обстоятельствах любой человек мог не ломать себе голову над вопросом — а не накрутили ли каких-нибудь дополнительных условий, кроме основных трех, при формулировке программы?

Ошибку искали вне этих законов — на сем экономили время.

Но на Камарге, если честно признаться, была не просто повышенная опасность, здесь было — вернее, могло быть — просто черт знает что, не укладывающееся в рамки Положения о пребывании на квази-земельных планетах.

Поэтому каждого грыз червячок сомнения.

— Да что мы будем гадать! — не выдержал Стефан. — Моего голоса БИМ еще не слышал, спрошу я его напрямую!

— О чем?

— О точности формулировок Трех Законов.

— Пошлет он тебя и формально будет прав, потому как ты для него — еще не господин, то есть не человек.

— Минутку, Михайла, ведь если он меня и обругает — я ничего не теряю... — Он снова включил микрофон. — Большой Интеграционный Мозг Земли Ли Камарго! Запрашивает корабельный вычислительный центр «Трех богатырей». По оплошности кибера низшего порядка стерта формулировка Трех Законов. Прошу продиктовать...

— Стеф!!! — рявкнул командир, но было поздно.

Через иллюминаторы бокового обзора было видно, как гигантские хвощи, обступившие космодромную площадку, разделились, словно невидимый гребень провел по чаще прямой пробор, и послушно разлеглись вправо и влево, придавленные силовым полем. И только тут космонавтам

стало видно скрывавшееся за ними стройное здание объединенных служб.

Здание поистине было многофункциональным, но сейчас главным для экипажа «Трех богатырей» было то, что опоясывающий балкон и радарная площадка разом ощетинились не менее чем тремя десятками десинторных стволов, которые, не рыская и не отклоняясь, уперлись точно в корпус корабля.

«Экипажу «Трех богатырей»! — загремел в динамике львиный рык БИМа. — Если на борту корабля имеются люди, предписываю в течение ста восьмидесяти секунд выгрузить их на поверхность планеты. Спустя указанное время беру на себя ответственность приступить к разрушению корабельной вычислительной машины, так как в условиях чрезвычайной опасности, которые существуют на Земле Ли Камарго, присутствие сложного киберустройства, не обладающего записью Трех Законов, представляет угрозу для жизни экспедиционной группы в составе ста шестидесяти человек. Начинаю отсчет времени...»

— Стоп! — рявкнул Рычин. — На борту имеются три члена экипажа, которые не собираются покидать корабль. Поэтому ни о каком воздействии на корабельную вычислительную систему и речи быть не может. Первый Закон.

«Но я предписываю...» — снова завелся БИМ.

— Зациклился, придурок, — буркнул Рычин. — Люди находятся в состоянии анабиоза, понял? Приземление корабля вели автоматы, так как «Три богатыря» подошли к планете несколько раньше расчетного времени. Так что убери свои поганые берданки, а то я буду вынужден доложить на Большую Землю в координационный центр, что ты чуть было не произвел вооруженное нападение на корабль со спящими людьми.

Из динамика понеслись очень странные звуки, похожие на заячье всхлипывание. Десинторные стволы разом дернулись вверх и уперлись в зенит.

— Так-то лучше, — не без самодовольства изрек Рычин. — Во всяком случае заруби себе на носу, что после пробуждения экипаж корабля не намерен подчиняться твоим весьма нелогичным требованиям. А что касается формулировок Трех Законов, то они в корабельном мозгу, разумеется, впаяны намертво и никуда деться не могли, иначе автоматический расчетчик произвел бы посадку в совсем другом режиме, более подходящем для киберов. Это сооб-

ражать надо. Мы просто хотели проверить, в порядке ли эта запись у тебя, голубчика.

БИМ всхлипнул в последний раз и завопил тоненьким фальцетом, символизирующим смертельную обиду:

«Закон Первый: «Робот не может своим бездействием допустить, чтобы человеку был причинен вред, или сам причинить вред человеку. Закон Второй: робот должен повиноваться...»

Дальше его уже и не слушали. Все было ясно и так. Да, ни одно слово Трех Законов не могло быть заменено или опущено, ни одно положение не могло быть прибавлено. Это так.

Но какой-то умник-перестраховщик, сверх меры заботясь о безопасности людей на вздорной и зловредной Камарге, умудрился поменять местами первую и вторую части в формулировке Первого Закона!

Немудрено, что у бедного БИМа мгновенно выработался истерический синдром боязни бездействия.

Больше всего на свете он боялся проморгать какую-то беду, потому что бдительность стояла на самой вершине иерархической лестницы его забот и обязанностей.

Только бы не прохлопать, только бы не упустить, только бы успеть вмешаться!!!

Да от такого напряжения любая машина спятит.

— Ну, теперь все ясно, — сказал Стефан. — Разумеется, если уж БИМ не мог совсем убрать людей с Камарги, то он нашел наилучший вариант их безопасного пребывания здесь: сон.

— С машинной точки зрения, — добавил Темир.

«А что вы можете возразить? — донеслось из динамика. — БИМ невольно подслушал последние реплики и просто Н Е М О Г оставаться в бездействии, если закрадывалось подозрение, что предложенный им вариант не оптимален».

— Ты что, намерен теперь соваться во все наши разговоры в силу своего Первого Закона? — хмыкнул командир. — Потерпишь. Мы выскажем свое мнение, когда сочтем нужным.

«Но кто это — мы?» — голос БИМа снова сорвался на визг.

— Три поросенка! — злорадно сказал Рычин и выключил связь.

— Насколько я понимаю, объявляется производственное совещание номер два, — констатировал Темир.

Рычин устало кивнул:

— Снова ставлю тот же вопрос: считает ли экипаж возможным вернуться на Базу со всеми дополнительными сведеньями и передать решение проблемы более компетентной группе... Ах, экипаж этого не считает! Я и не сомневался. Но вот проблема: если мы «разбудим» команду «Трех богатырей», то есть самих себя, то этот припадочный, то есть, извините, Большой Интеграционный тут же потребует нас под свою опеку. Это мы уже проходили. Если же вести переговоры корабельной «считалкой», то БИМ ее просто проигнорирует в силу своей иерархической машинной амбиции. С этим мы тоже столкнулись. Что же нам остается? Кто способен вести переговоры с этим железным болваном?

— Ты сам сказал, — отозвался Темир. — Три поросенка.

— ???

— Три поросенка, в переводе на машинный — три икс. Предположим, на борту имеются разумные существа, не гуманоиды и уж никак не антропоиды. Статус их БИМу не известен. Но не исключено, что космическое правило приравнивает их к людям. Весь фокус в том, что это должно оставаться для БИМа загадкой. Пусть мается.

Стефан от восторга даже засвистел, но Рычин зыркнул на него черным глазом — свист на борту был плохой приметой: обязательно энергобак потечет.

Мысль была превосходна: подавить сопротивление БИМа неразрешимостью загадки, кем же являются его противники.

— Валяй, — кивнул Рычин Темиру. — Но только чуть почувствуешь, что почва уходит из-под ног, сразу же отключайся. Тут главное, чтобы он снова не захватил инициативу. Подави его свинством.

Темир улыбнулся, что вообще бывало с ним редко. Действительно, позиции рычинцев неизмеримо окрепли, — во-первых, оттого, что было куда отступать, а во-вторых, в силу своей зыбкости и неопределенности. Уж так бывает на других планетах!

— Привет! — сказал Темир, включая связь. — Ты, кажется, просил нас представиться? Мы — три поросенка: Ниф-Ниф, Наф-Наф и Нуф-Нуф. В списке команды и пассажиров не значимся — не пытайся запрашивать Базу. Слыхал, наверное, как некоторые экипажи таскают с собой разных птичек и кошечек? Мы на тех же правах. Примерно.

«Животные не разговаривают и тем более не мыслят», — высокомерно изрек БИМ.

— А кто тебе сказал, что мы — животные?

«Если вы люди, то в кратчайший срок я должен произвести полное обследование...»

— Уймись, а? Я тебе не могу объяснить, кто мы. И не анималы, и не кибы, и не гоминиды...

— Инкогниты, одним словом, — вставил Стефан.

— Примерно, — степенно согласился Темир, одновременно яростно пиная Стефана, чтобы больше не лез к микрофону. — Прими нас как некоторых инкогнитоидов. Разумных, притом. На Большой Земле наш статус пока не определен, но априорно мы находимся под охраной всех галактических законов.

«Следовательно, в силу Первого Закона робототехники, я должен немедленно осмотреть вас на предмет выявления возможных отклонений...»

— Отклонений от чего? Ты же не знаешь нормальных параметров нашей жизнедеятельности и в силу неопытности своими действиями можешь нанести нам непоправимый вред.

Из микрофона снова донеслись несолидные заячьи стоны.

Как потом признавался Темир, ему даже стало жаль это больное киберсущество, раздираемое столь противоречивыми обязанностями по охране любого, пусть даже поросячьего, разума.

— Успокойся, приятель, — проговорил он примирительно, — ты сейчас действуешь наилучшим образом, так как создаешь нам оптимальные условия для самоконтроля.

«Благодарю вас, — пролепетал БИМ застенчивым сопрано, — вы очень любезны...»

Подумать только, а каким хамом он был всего несколько минут назад!

— А теперь, — продолжал Ниф-Ниф, сиречь Темир, еще более невинным тоном, — мы тут окончательно передохнем со скуки, если ты не покажешь нам что-нибудь такое... экстраординарное. Экипаж все спит да спит, а игры с корабельным мозгом знаешь как надоели! Как-никак он ниже нас порядка на три...

Стефан беззвучно покатился со смеху, схватившись за живот, а Рычин быстро ткнул пальцем в чернеющий экран и сложил ладошки, подсунув их под щеку — однозначный образ сна.

Темир кивнул в знак того, что он понял.

— Насколько я представляю себе, — проговорил он небрежным тоном, — ты ведь тоже не семи пядей во лбу. Вряд ли ты смог обеспечить вполне комфортные условия для всех ста шестидесяти человек экспедиции. Покажи, сделай милость, может быть, это нас развлечет! А если ты уж напорол какую-нибудь откровенную чушь, то мы так и быть поделимся с тобой своими соображениями.

«Я являюсь, — зазвучал бархатный баритон, — счетно-решающим, аналогизирующим и прогнозирующим устройством, степень информационной емкости которого...»

— Да заткнись ты со своей емкостью, — перебил его Рычин сколь можно грубее, ибо таким образом люди с БИМами никогда не разговаривали. — Мы, поросята, ведь тоже кое-что смыслим в проблемах жизнеобеспечения. И если ты сейчас скроешь от нас условия пребывания экспедиции в твоем госпитальном стационаре, то мы не сможем сделать свои замечания, а они, смею тебя заверить, могут оказаться весьма ценными. Следовательно, своим бездействием ты нанесешь людям вред.

«Тогда ой», — снова женским голосом всполошился БИМ, и экран внутренней связи послушно засветился.

Ответного жеста никто из экипажа не сделал — для БИМа все, что происходило в рубке «Трех богатырей», продолжало оставаться невидимым.

На экране же отчетливо проступила анфилада небольших помещений, в каждом из которых размещалось около полутора десятков госпитальных полусаркофагов на антигравитационных матрацах.

«Блок-питание... дренаж.. кондишн... — угодливо бормотал БИМ, — ни секунды без наблюдения... сейсмоустойчивость здания... смерчесбивающая аппаратура...»

Пока придраться было не к чему. Во всяком случае, на уровне формальной логики.

И вообще ни на каком уровне придраться было нельзя — спокойные розовые лица, непринужденные позы, какие только можно принять в антигравитационном амортизаторе, — одним словом, волшебный сон, превосходный не только с машинной, но и с общечеловеческой точки зрения уже хотя бы тем, что в таком сне не стареют.

И все-таки — сон, где сто шестьдесят человек находятся во власти спятившего мозга.

— А если ты получишь приказ срочно эвакуировать весь состав экспедиции? — как бы между прочим спросил

Наф-Наф, он же Рычин. — Что будешь делать — будить или грузить в спящем состоянии?

«Чей приказ?» — вопросом на вопрос ответил БИМ, обнаруживая (и не в первый раз) дурное воспитание.

— Ну, хотя бы с Большой Земли.

«Связи не имею».

Действительно, с поверхности планеты установить связь с Базой было практически невозможно. А высылать антенноситель в ближний космос — для этого у БИМа не было оснований.

— Хорошо, а если тебе прикажет командир «Трех богатырей»?

«Только после того, как он докажет, что является человеком».

«Поросята» застонали.

— Ну, а если я тебе прикажу? — в лоб спросил Рычин.

«Не имею права подчиняться вам, пока мне не известен ваш статус».

— Но может же на Камарге произойти что-то чрезвычайное, что заставит спешно свернуть работы?

«На вверенной мне планете, именуемой Земля Ли Камарго, за истекшие семь полевых сезонов ни разу не происходило ничего такого, что не предусмотрено вложенной в меня программой, — самодовольно пробасил БИМ. — До конца текущего полевого сезона осталось сто двадцать два дня. После этого работы будут свернуты, экспедиционная группа эвакуирована. Но не раньше».

Рычинцы промолчали. Оставлять людей в таких условиях на целых четыре месяца — с этим не согласились бы ни они сами, ни Большая Земля. Но и возразить этой свихнувшейся считалке они сейчас не могли, а поэтому до рези в глазах всматривались в проплывающие на экране безмятежные лица спящих экспедиционников.

— А куда ж ты собираешься засовывать экипаж с «Богатырей»? — как бы между прочим поинтересовался Стефан. — Коечек-то свободных нема?

На экране быстро промелькнули еще две комнаты, и передающий визор завис над пустым саркофагом. Для стерильности он был пока прикрыт прозрачной крышкой и стоял у самой стены, словно втиснутый сюда сверх нормы.

«Два других спальных места будут готовы в соседнем помещении через двенадцать минут», — хвастливо доложил БИМ, давая возможность увидеть, как в соседней

комнатушке передвижные кибы машут клешнями и простынями.

Но на это уже никто не смотрел. Все трое затаив дыхание уставились на крошечный, светящийся колпачок, прилепившийся к стене как раз над изголовьем саркофага.

Золотисто-зеленый светлячок неторопливо пульсировал, словно под колпаком покачивался лучистый кристаллик хризопраза.

— Аварий... — чуть было не прошептал Стефан, но Рычин вовремя обернулся и зажал ему ладонью рот.

Аварийный выключатель. И как они только забыли о том, что здания, находящиеся на полном киберобеспечении, обязательно должны иметь систему отключения всех автоматических механизмов, в данном случае — самого БИМа! Для этого достаточно ударить по легкому колпачку — неважно, от чего сработает реле: то ли от проникновения туда воздуха и мгновенного окисления какой-то штучки-дрючки, то ли от прикосновения к светящемуся кристаллу... В описании станции, несомненно, это имеется, но к решению проблемы в данном случае отношения не имеет.

Ударить по колпачку, даже не ударить, легонечко хлопнуть — и проблема будет решена. Войти в помещение станции, разбудить людей, организовать экстренное перепрограммирование БИМа или уж на худой конец — полную эвакуацию... Все это решалось бы уже само собой.

Но добраться до колпачка...

— Бумеранг, — сказал командир.

— Собака, — предложил Стефан.

— А если не вслух? — предостерег Темир.

— Знаешь, заразил ты нас картинами своего сонного царства, — звероподобно зевая в самый микрофон, проговорил Рычин. — Соснем мы маленько, мы ведь тоже спим, как люди. Впрочем, твои подопечные все-таки спят как-то не так... неполноценно, что ли. Вот погоди, мы отдохнем и на свежую голову что-нибудь тебе посоветуем. Так что ты включись на первый же наш вызов, сделай милость, а то потом еще свихнешься на почве самообвинений в бездействии!

Это был удар по чувствительному месту, но БИМ того стоил.

Тумблер микрофона щелкнул, и началось производственное совещание номер три.

— Отвожу свое предложение о бумеранге как неконструктивное, — механическим голосом проговорил командир, страсть как не любивший признавать свои ошибки.

Давно уже было замечено, что при общении с умной, иронично настроенной машиной люди становятся человечнее, а с тупой и косной — соответственно холоднее и бездушнее.

— Не заражайся от БИМа, — предостерег его Темир. — Тем более что нам предстоит решить еще несколько проблем отнюдь не на машинном уровне.

— Ну, собаку тоже придется отвести, — уныло проговорил Стефан. — За неимением оной. Но предупреждаю, что в следующий рейс втащу на корабль своего Понтия Пилата.

Все знали привязанность второго пилота к своей беспородной суке, названной мужским именем только потому, что космодромный врач определял пол животных по морде. До сих пор Стефану не разрешали брать с собой Понтия даже на Луну, но теперь обстоятельства складывались в пользу четвероногого.

— Ну ладно, — отмахнулся командир, — проблема остается, а я не ощущаю бури и натиска мозгового штурма.

— Робот! — хором произнесли все трое.

Это, конечно, была мысль, и даже не мысль, а нечто, слишком лежащее на поверхности и потому уязвимое.

— Предлагаю следующее. — Командир был сегодня как-то неестественно демократичен. — Вместо того чтобы дискутировать этот вопрос, сэкономить время и сначала послать робота, а потом посмотреть, что из этого выйдет.

Против ожидания, никто не возразил, даже дотошный до омерзения Темир. Впрочем, как он позднее признавался, он попросту вспомнил, что в «богатырском» трюме валяется робот, не годный ни на что другое, кроме передвижения по прямой.

Несчастную железяку наскоро проинструктировали и выпустили на свет божий, не без любопытства наблюдая, каким же образом БИМ будет изничтожать конкурента.

Все было предельно просто. Самоходная гусеничная болванка с шестью манипуляторами только-только двинулась по просеке, образованной развалившимися хвощами, как тут же перед ней возникло некоторое рычажное приспособление, напоминающее перекрещенные алебарды, и по контролирующему каналу рычинцы приняли лишенный

обременительной вежливости запрос, какого черта постороннему роботу надо в зоне, контролируемой Большим Интеграционным Мозгом. Робот скромно заметил, что он получил приказ подготовить спальное место для своего командира, так как оный привык спать под тихую танцевальную музыку.

БИМ ответствовал, что каприз командира «Трех богатырей» зафиксирован в его памяти и будет в дальнейшем учтен, а на данном этапе потребовал от робота перейти в полное подчинение системе БИМа.

Несчастный робот перед этим получил прямо противоположный приказ: ни в коем случае этого не делать, во всяком случае до выполнения своей основной задачи — разрушения сигнального колпачка в заданном помещении шестнадцатого этажа. И ослушаться он не мог: ведь он-то знал, что приказание получено от самых настоящих людей, то есть от высшей инстанции. Поэтому он презрел все потуги БИМа подчинить его себе и решительно шагнул на трехдюймовую зеленую поросль, уже поднявшуюся на свежей просеке.

Люди, прижавшись к иллюминаторам, нетерпеливо ждали, что же произойдет дальше, — во всяком случае, им было необходимо знать, с какой стороны обрушится первый удар, если они ринутся на прямой штурм.

Но вместо того, что они ожидали, земля вдруг вспучилась, из нее выметнулся рыжий пожарный шланг, который обдал зазевавшегося робота струей ядовито-лимонного сока. Вероятно, человек на том же самом месте был бы неминуемо отравлен, но робот продолжал с завидным упорством двигаться вперед. Рыжий червь — а на самом деле всего лишь корневище хвоща — хищно подобрался, сворачиваясь тугой пружиной, и вдруг со стремительностью техасского лассо пролетел метров пять и захлестнул цилиндрическое тело робота. Из-под гусениц полетели розовые мясистые клочья, робот заелозил на зеленой меже и рухнул, потеряв равновесие. С трех сторон разом возникло еще три розовых удава, придавивших злополучного страдальца с хищническими намерениями.

Но тут механические кусачки, зависшие над просекой, дернулись, рухнули вниз и с неуловимой для человеческого глаза быстротой начали превращать извивающиеся корневища в аккуратно нарезанные ломтики колбасы. Корабельный робот оказался прямо-таки погребенным под этими розовыми лоснящимися кругляшками, но тут из-за стены хвощей показался и сам хозяин механических щупалец,

многоопорный дистанционный кибер — несочлененный придаток БИМа. С деловитостью паука он выгреб робота из-под румяного крошева, обмыл струей воды, дохнул для обсушки сухими спиртовыми парами, поставил прямо перед собой и, убедившись в том, что роботу возвращен его первоначальный вид, безмятежно и деловито сжег его среднедистанционным десинтором, спрятанным в компактном паучьем брюхе.

— Родные и близкие покойного просят венков не возлагать, — прокомментировал Рычин, отталкиваясь от иллюминатора. — Вариант «робот» считаю всесторонне рассмотренным. Какой следующий пункт на повестке дня?

— Лунатик! — брякнул Стефан со всем своим простодушием.

— Ну, и где я его возьму в шести зонах дальности от Большой Земли?

Стефан смущенно потер подбородок:

— Если память мне не изменяет... Кажется, в детстве я бродил по интернату в лунные ночи. Потом как-то отучили.

— В этом мало проку, — вздохнул Темир. — Беда в том, что никто и никогда не мог запрограммировать лунатика на строго определенные действия. То есть программировать спящего человека можно, и лунатизм тут ни к чему, но сделать это может только опытный гипнотизер. В команде «Богатырей» имеются гипнотизеры?

В команде «Богатырей» гипнотизеров отродясь не имелось.

— Погоди-ка, Темир-хан, а на что у нас собственный корабельный кибермед широкого спектра? Разве в число его достоинств не входит лечебный гипноз?

— Насколько я знаю, только как способ погрузить пациента в искусственный лечебный сон, как это проделал на Камарге БИМ, впрочем, аппаратура у нас однотипная. Но гипнозом пользуются редко, обычно применяется гормонально-фармакологический метод.

— А все-таки я бы спросил, — уперся Стефан, видно было, что ему никак не хочется упустить шанс сыграть первую скрипку, — как говорится, за спрос денег не берут...

— Но тратят на него время, что намного дороже, — раздраженно бросил Темир. — Впрочем, Михайла, если и ты настаиваешь... Но только не вслух.

— Все вы перестраховщики почище БИМа, — буркнул

Стефан, включая дисплей кибернетического медицинского комплекса.

Одним пальцем отстукал вопрос: может ли кибермед путем предварительного внушения заставить спящего человека произвести какое-либо действие.

Он еще не перестал стучать по клавишам, как на оливковом экране появилось четкое «НЕТ».

— Рассмотрим побочный вариант, — потянулся к клавиатуре командир корабля.

Все молча наблюдали. Рычина интересовало, может ли пациент, находящийся в гипностабилизаторе, иначе — саркофаге, по какой-либо причине, исключая гипноз, проснуться и успеть произвести простейшее действие, занимающее не более трех секунд, скажем, взять лежащий рядом предмет. Командир тоже заделался перестраховщиком и явно боялся точно определить условия задачи.

Впрочем, ко всему он был еще чертовски суеверен и попросту опасался «сглаза». Хотя в истории космофлота еще не наблюдалось ситуации, в которой кибермед мог бы кого-нибудь сглазить.

В глубине своей цыганской души и Михайла знал, что это невозможно: сглазить можно только черным глазом, а у кибермеда был инфракрасный.

Ответ был так же категоричен: «НЕТ».

— А почему? — не унимался дотошный Стеф.

Кибермед пояснил, что наблюдение ведется не визуальное, а прослеживается кривая различных ритмов энцефалограммы головного мозга. («Надо думать — не спинного», — буркнул Рычин.) Так что пациенту попросту не дадут проснуться — изменения ритмов выдадут его раньше, чем он выйдет из состояния сна. Кибермед вкатит в него новую порцию снотворного, вот и все.

Все уныло молчали, глядя на искрящийся экран. Для очистки совести командир протянул руку и уже от полной безнадежности отстучал вопрос: а есть ли вообще теоретическая возможность заставить спящего человека проделать ту или иную работу?

И на экране оливковом выпрыгнуло лаконичное: «Т Е О Р Е Т И Ч Е С К И — Д А».

Все как-то и не обрадовались.

— Фу, — сказал Темир, — черная магия какая-нибудь. Иначе я бы знал.

И запросил разъяснения.

На экране появилось: «ОПЫТЫ МИШЕЛЯ ЖУВЕ».

На Темира с двух сторон посмотрели с такой укоризной, словно он забыл код выхода в подпространство.

— Ну, я же не ходячая энциклопедия, — взмолился Темир и затребовал дополнительные подробности.

Дисплей ожил, торопливо побежали строчки и цифры, и выходило из всего написанного следующее: есть в мозгу такой участочек, называется «варолиев мост». Когда человеку что-нибудь снится, например, что он вяжет на спицах носок (забава, крайне распространенная среди космолетчиков, особенно если учесть, что они преимущественно пользуются при этом пухом неземных животных), то на энцефалограмме будет точно такой же узор, как и на записи мозговых ритмов бодрствующего человека, предающегося тому же рукоделию. Но ведь во сне руки спящего не двигаются! Выходит, где-то есть тормоз, препятствующий возникновению движений.

Мишель Жуве еще в конце двадцатого века нашел этот участочек головного мозга — нижняя оконечность «варолиева моста». И если осторожненько рассечь нервные связи этого участка, то наяву ничего в поведении человека не изменится, а вот во сне он начнет проделывать все то, что...

— Ура! — завопил Стефан. — Дайте мне только увидеть себя во сне хулиганом, громящим уличные фонари, и я в три секунды прихлопну вам аварийный колпачок!

— Да, — скривился Темир, — твои скрытые задатки нам хорошо известны, но мы уперлись в то, что задать определенный сон можно только при помощи гипноза. Круг замкнулся. И я не вижу выхода, командир.

Но у командира уже появилась какая-то идея — вид у него был самоуглубленный и блаженный, как бывало в случаях, когда его осеняла гениальная идея.

— Ты чего, Михайла? — забеспокоился Стефан.

— Ми-ну-точ-ку... спокойно, други мои, спокойно! Во мне проснулась наследственная память моих дремучих предков. Ночевка у костров, с их ночным благоуханьем, тихой свежестью долины...

— Э-э, Михайла, это же из Лонгфелло! — запротестовал Темир. — Уж не хочешь ли ты сказать, что одна из твоих бабушек была шалунья?

— Виноват. Просто не туда занесло. А, вот: тиха украинская ночь, прозрачно небо... и что еще? Кто подскажет?

— Звезды блещут.

— Отнюдь! КОМАРИКИ КУСАЮТ, други мои!!! А все

остальное — детали эксперимента. Тёмка, нашего Гиппократа — к бою! Закодируй ему задание: чикнуть по моему «варолиеву мосту»!

— В принципе даже не обязательно чикать, достаточно воздействовать пучком не слишком жесткого излучения. Но почему — по твоему?

— Потому что я тут начальник, моя и воля.

— Ты командир, потому и сиди. Твое дело — командовать, а в вопросах медицины я разбираюсь большее твоего. — Темир редко нарушал субординацию, но уж если нарушал, то не сдавался.

Но и Стефан не унимался:

— Раз ты врач, так не лезь в подопытные кролики, а осуществляй медицинский контроль. К тому же кто из нас лунатик?

Исключая последний аргумент, Стефан был прав, и спорить не стали. И так накричались. Теперь надо было проверить, а пойдет ли на удочку сам БИМ.

— Эй ты, перестраховочный ящик, — воззвал в микрофон Михайла. — Наф-Наф с тобой говорит. Ты что это там прохлаждаешься, дурака валяешь? Думаешь, тебя тут смонтировали вагонетки с рудой считать?

Стеф не утерпел — вытянул шею, с идиотским выражением распустил губы и ладонями оттопырил уши, наглядно демонстрируя, какое сейчас выражение должно было бы быть у БИМа на морде, если бы у него вообще таковая существовала.

— Ты только посмотри, как у тебя люди спят, бездельник! — продолжал Рычин, вкладывая в голос все презрение сапиенса к механической считалке.

«Все психологические парамстры...» — загремел было БИМ.

— Да хрюкал я на твои параметры! — с максимально свинской грубостью оборвал его Наф-Наф. — Ты загнал в сонное состояние сто шестьдесят человек, а знаешь ли ты, что это такое — человеческий сон? И какой он бывает?

«А ты?» — достаточно резонно отпарировал БИМ.

— А это уж мое поросячье дело. Не знал бы — не говорил. И должен тебе заметить, что кроме человеческого разума в нас вложена и способность видеть человеческие сны. Тебе, консервной банке, и вообразить такое невозможно... А ты лишил этого счастья целых сто шестьдесят человек! Да слышал ли ты такие слова: волшебные сны, радужные сны, сны детские, сказочные, упоительные... А теперь

погляди на эти тупые рожи! Жуть! — Ничего жуткого в действительности не наблюдалось, но рычинцы знали, что теперь сотни невидимых следящих объективов обшаривают холодным взглядом спящие в саркофагах тела, отыскивая в них хоть какие-нибудь признаки неблагополучия.

И Рычин прекрасно знал, что таких признаков нет. Но он должен был внушить БИМу, что если бы не его бездействие, люди спали бы много лучше.

— Ты гляди, гляди! — продолжал он. — И где ты наблюдал счастье, упоение? Да через сто двадцать дней они проснутся совершенно опустошенные, измотанные монотонностью своего состояния, и немедленно впадут в депрессию, проклиная тебя и твою БЕЗДЕЯТЕЛЬНОСТЬ!

«Но технические параметры анабиозной установки...»

— «Параметры, параметры»... Да перестань ты носиться с этим словом, как дурак с писаной торбой! Ты мог весь этот экспедиционный корпус сделать безгранично счастливыми спящими людьми, а превратил их в бесчувственных квази-мертвецов, потому что сидел сложа манипуляторы, БЕЗДЕЙСТВОВАЛ...

«Но что, что, что я мог сделать?!»

Рычинцы переглянулись — БИМ был готов.

— Подарить им свист бури, после которой тепло и уют во сто крат слаще и безопаснее; напоить их запахом черемухи и трепещущей на берегу уклейки, чтобы вернуть им босоногое детство; дохнуть на них глауберовой пылью солончаков, чтобы воскресить у них гордость после изнурительного перехода через покорившуюся пустыню... Да мало ли ты мог! Мог, да не почесался. У тебя что, нет вспомогательной фонотеки? В крайнем случае, возьми бытовой пылесос — получишь завывание бури. У тебя нет баллончиков с кухонными приправами, которые воссоздают половину ароматов Аравии? Ты не способен пострекотать сверчком, поквакать лягушкой? Где твоя фантазия, лежачая ты колода? Ведь ты же не вспомогательный кибер, черт возьми, или... или в тебе имеется какой-то производственный дефект, и ты бездействуешь в силу технических недоделок?

Это было уж слишком. Никто еще так откровенно не обзывал БИМа недоумком. Он взвыл, как землесосный снаряд:

«Ты, квази-сапиенс, именующий себя Наф-Нафом, смотри и учись, на что способны мыслящие системы высшего ранга!..»

— Э-э, сеньор хвастун, — оборвал его Рычин, — у нас, поросят, в таких случаях говорят: не хвались, идучи на рать... ну, да это к слову. Просто хочу тебя предупредить, что если ты в порыве самодовольства собираешься мне продемонстрировать, скажем, извержение на Земле Кантемира, с человечьим пеньем трубчатых кристаллов, с оглушительной вонью цветов лаброурры, распускающихся прямо в столбе вулканического пепла, то твои действия будут равны БЕЗДЕЙСТВИЮ, так как на Кантемире никто из тутошних экспедиционников не был, лаброурры не нюхал и ассоциации при сем будут у них нулевыми.

«Вас понял!» — фальцетом (признак виноватости) пискнул БИМ.

— Ничего ты не понял, дубина стоеросовая, и не перебивай. Высшие разумные существа в таковых случаях составляют график. Вот и ты ознакомься с личными делами всех ста шестидесяти экспедиционников, узнай, где они провели детство, где — студенческую практику, медовый месяц и так далее. Составь графики предпочтения, наложи фильтры ограничений по противопоказаниям. Усередни. Вычисли погрешности... А пока, чтобы не терять времени, я сам подскажу тебе, какие ситуации будут приятны подавляющему большинству спящих. Итак, первое: повышенная влажность, легкий бриз, запах водорослей и под сурдинку — «Песня варяжского гостя».

«Будет сделано!» — Весь форс слетел с БИМа в мгновенье ока.

— А я с моими поросятами на минуточку отключусь, кажется, просыпается кто-то из хозяев...

Он щелкнул тумблером и всей ладонью утер лицо — тяжело все-таки с кретинами.

— Как там у нас с кибермедом? — спросил он хриплым шепотом.

— Тоже готов, — кратко доложил Темир. — Произведено обследование затылочной части Степкиного котелка, достаточно нескольких секунд, чтобы скальпель-излучатель произвел нужную операцию. На общем состоянии Стефа это не отразится, я проверил четырежды.

Командир оглянулся: в кресле кибермеда уже сидел Левандовский, почти целиком скрытый щупальцами манипуляторов со всякой медицинской аппаратурой. Рычин зажмурился — даже простой шприц всегда приводил его в дрожь.

— Не тяни, командир, — сказал Стефан.

Рычин еще раз прокрутил варианты — нет, другого подходящего не было. А тянуть он не любил.

— Ехать так ехать, — кивнул он Темиру. — Давай.

Что-то неведомое было сделано со Степкиным мозгом мгновенно, безболезненно и совершенно незаметно для всех троих.

— Первый лунатик космофлота к выполнению задания готов, — проговорил Стефан, подымаясь из кресла и выпутываясь из неспешных манипуляторов.

Рычин оглядел его искоса:

— Да, лихость у тебя не обкорнали. Но ничего, в предстоящей операции она тебе не понадобится. Итак, задание: выйти из корабля и предоставить свое бренное тело для всестороннего обследования в чертогах БИМа. Там тебя усыпят, естественно. Об остальном уж мы позаботимся. Двигай.

И Стефан двинулся. Командир ошибся только в одном: БИМ не стал ничего делать «там». Он чувствовал себя подстегнутым бесчисленными упреками Рычина в бездействии, и не успела нога Левандовского коснуться биоактивной почвы Земли Ли Камарго, а беспечный голос, демонстрируя полное неведенье происходящего, бодро произнес: «С добрым утром, товарищи...» — как откуда-то из-под корабельных стабилизаторов к нему метнулись серебряные осьминожки, сзади под коленки ему поддала тоже непонятно откуда взявшаяся платформочка на антигравах; Стефан взмахнув руками, опрокинулся на нее, и прильнувшие к иллюминаторам Кузюмов и Рычин увидели, как глаза Стефана закрылись и лицо приняло младенческое выражение.

— Чистая работа, — констатировал Рычин даже с невольным уважением. — А мы-то считали наши скафандры неуязвимыми...

Платформа уплывала по направлению к владениям БИМа, и бесконтактные осьминоги, подняв многоствольные десинторы, эскортировали ее.

— Вернемся к нашему Морфею, — сказал Рычин и включил микрофон. — Эй, ваше сновиденчество, каково почивается на морском берегу? Впрочем, сам вижу. Как говорится, вот это уже другой коленкор. Рад, что первый из моих хозяев уже отправился вкушать блаженство истинно райского сна. Но пора менять пластинку. Где это космический герой Стефан Левандовский провел столь быстро промелькнувшие дни детства? А, зона смешанных лесов. Полоса Нечерноземья. Темная ночка, комарики кусают, царь с царицей по садику гуляют...

«Что такое — царь?» — осмелился вопросить вконец затравленный БИМ.

— Суперпрограммист, недоумок ты компьютерный! — со своей свинской грубостью оборвал его Рычин. — Ты лучше позаботься о том, чтобы быстренько изготовить шелест листьев. Нет в фонотеке? Кинь на пол ворох бумаги... Теперь ногой... Естественно, не своей — где ж у тебя! Кибера кликни. Записывай, записывай...

Он незаметно отключил микрофон и шепнул Темиру: «Скафандры, живо!» Он еще прыгал на одной ноге, стараясь другой попасть в синтериклоновую штанину, а на большом экране уже появилось изображение Стефана, которого заботливые осьминожки укладывали в последний пустующий саркофаг под сигнальной лампочкой.

— Михайла, — так же шепотом, хотя передающая аппаратура и была отключена, забеспокоился Темир, — мне кажется, он в глубоком анабиозе. И никаких там «варолиевых мостов»...

— Одевайся, там видно будет. — Рычин вздернул герметическую молнию, она вжикнула и защемила кожу под подбородком — командир архаически выругался.

Киберы на экране расступились — Стефан лежал, вытянувшись по стойке «смирно». Неужели не удалось? Но в этот момент он вдруг потянулся, и на лице его появилось что-то вроде гримасы неудовольствия. Рычин надел шлем, перчатки и только тогда включил микрофон.

— С пополнением, ваше залежалое высочество! Впрочем, шучу. Пока справляешься. А как с заданием насчет темной ночки? Отставить «Варяжского гостя», давай Шуберта; соляные пары тоже по боку, подпусти ночных ароматов... да не в буквальном смысле, олух! Теперь — шелест... Ага, по лицу видно, что клиент почти доволен. Гм... Чего-то не хватает. Блаженство не полное. Что бездействуешь, дубина? Ищи!

Он обернулся к Темиру и подмигнул — несчастный БИМ изводился на полном форсаже, но, естественно, ничего придумать не мог.

Но готов он был на все.

— Стоп! — крикнул Рычин. — Нашел. Требуется нежнейший серебристый звон. Эфемерное зуденье. Эй, кто-нибудь, тонкую серебряную полосочку — живо!

Как по волшебству, на экране возникло членистое щупальце с листочком фольги.

— Вон там, на стене, — колпачок сигнальной лампы. Он определенно вибрирует. Подсоедини-ка к нему эту фольгу, чтобы касание было минимальным...

«Касаться аварийного колпачка разрешено только...»

— Заткнись, балда! Никто — я имею в виду киберов — и не собирается ее касаться. Фольга — дело другое: она не может обеспечить эффект отключения... Ага, появился звук. Тихо, тихо... Какой тембр! Какая мелодичность! БИМ, ты гений! А полнота иллюзии...

Нестерпимый комариный звон наполнял уже всю рубку «Трех богатырей». Так неужели же Степка не воспринимал его там, под самой лампочкой?

Левандовский задвигал лопатками. Почесался, и на его сонном лице появилось недоумение. В какой-то момент Рычину даже показалось, что под кудлатой шевелюрой Степкины уши оттопырились и начали пошевеливаться, нашаривая источник звука. И в тот же миг, неожиданно даже для тех, кто представлял себе все последующее, широкая ладонь взлетела вверх и абсолютно безошибочно грохнула прямо по зудящему колпачку.

Экран погас, все системы, подключенные к БИМу, обесточились.

— Тёмка, на выход! — гаркнул Рычин, буквально вышибая люк шлюзовой камеры.

Они скатились по шторм-трапу и со всех ног помчались по просеке. Нужно было добраться до пульта управления отключенного БИМа раньше, чем это сделают проснувшиеся экспедиционники. Ведь достаточно было им, не разобравшись, снять блокировку — и БИМ заработал бы в прежнем суперперестраховочном режиме, возвращая все на круги своя.

Легкий на ногу Темир опередил командира на несколько метров, когда они, перепрыгивая через щупальца застывших осьминожек, буквально подлетели к зданию. Типовая громада и пультовая в самом центре — четвертый этаж цокольного блока. Темир уже заскочил в полуоткрытую дверь, когда Рычин, словно почувствовав что-то неладное, поднял голову.

Наверху кто-то двигался.

Рычин резко затормозил, так что его сапоги вспахали две борозды, потом попятился и задрал голову, отыскивая то место, где он уловил какое-то мелькание.

Этим местом была опоясывающая баллюстрада двенадцатого этажа. Загроможденная всяческими приборами и весьма однообразным, но действенным оружием, она

имела несколько выступов, от которых вниз шли какие-то аварийные лесенки, упиравшиеся в крошечные балкончики.

Какая-то белая фигура снова мелькнула справа, но за аппаратурой ничего было не разобрать. Во всяком случае, Рычин точно знал, что такой белизной мог обладать только кибер, предназначенный для арктоидных или сверхжарких планет. К тому же абсолютно все роботы вместе с БИМом в данный момент пребывали в полной прострации.

Личный андроид кого-нибудь из экспедиционников? Во-первых, на планетах повышенной опасности это категорически запрещалось, а во-вторых, БИМ не преминул бы и его заполучить в полное и безраздельное свое подчинение.

Человек?

Исключено. Пробуждение должно было наступить минут через семь-восемь, и не такой уж это стремительный процесс. К тому же любой нормальный экспедиционник в подобной ситуации не полез бы на балкон дышать свежим воздухом, а нашел бы себе проблему поактуальнее.

Между тем белая фигура вышла из-за локатора, сделала несколько механических шагов вдоль баллюстрады и, резко согнувшись, очутилась на перилах аварийной лесенки, ведущей двумя этажами ниже. Фигура взмахнула руками, как будто оттолкнулась от невидимой преграды, и заскользила по узким перильцам. Рычин даже зажмурился, так нелепо было это средство передвижения на двадцатиметровой высоте. Ничего себе шалости!

Но ничего страшного не произошло, и Рычин только отметил, что белое покрытие затрепетало на ветру точно так же, как обыкновенная нижняя рубашка.

Робот в исподнем?

Рычин сорвался с места и побежал вправо, где нависал над пустотой крошечный балкончик. Белая фигура наклонилась через перила и сделала странные движения руками, словно полоскала их в воде. Лицо было наклонено вниз, и Рычин уже больше не мог обманывать себя, мысленно твердя, что этого не может быть, потому что быть этого не может.

На балкончике резвился Стефан. Он набирал из пустоты полные горсти несуществующей воды, плескал их себе в лицо, счастливо смеялся, снова свешивался... Единственная надежда была на толстые ветви исполинского хвоща, выросшего почти вплотную к зданию. На уровне каждого

этажа от трубчатого ствола отходил веер этих не то веток, не то листьев, толстых, темно-зеленых, гладких. Одна такая ветвь, толщиной в приличное бревно, протискивалась сквозь перила балкончика и, вероятно, упиралась в стену здания. Рычин молился всем своим цыганским богам, чтобы эта зеленая дубина в случае чего удержала полоумного Степку.

Но вышло наоборот. Дубина-таки попалась под ноги Стефану, он вскочил на нее, потом естественным и непринужденным движением перепрыгнул на перила. Вся скованность разом исчезла, Степка двигался пластично, с несвойственной ему грацией. Словно уличный средневековый жонглер, готовый выступать где придется, он дважды повернулся на носках — Рычин отчетливо увидел желтые босые пятки, промелькнувшие над узенькими перильцами, а затем он зажмурился во второй раз, потому что Стефан небрежно шагнул на зеленую ветвь, гладкую, как корабельная рея.

Туда — за балкон.

Рычин ждал даже не треска ломающейся древесины — почему-то ему чудилось, что ветка должна хрупнуть, как лист сочного алоэ. Но сверху ничего не доносилось. Он приоткрыл один глаз: Стефан легким танцующим шагом продвигался вперед, к стволу, балансируя руками, которые извивались, как щупальца медузы, исполняющей партию умирающего лебедя.

Командир открыл другой глаз и с надеждой скосил его на окна — сквозь узкие готические прорези затеплился слабый аварийный свет. Значит, Тёмка уже в пультовой, аварийку врубил, сейчас копается во святая святых — фундаментальной программе. Сколько ему еще потребуется? Ведь как бы он ни сформулировал сейчас Первый Закон, этой формулировки будет достаточно, чтобы все окрестные роботы собрались к подножию хвоща и хотя бы растянули предохранительную сетку. Только бы Тёмка копался там поменьше и не мудрил. Только бы...

Стефан ткнулся лбом в ствол и замер. Проснулся? Угадать было невозможно. А если сейчас крикнуть? Там, где ветви отходят от ствола, они достигают ширины не меньше полуметра, и просветов между ними практически нет. Если даже Стеф со страху рухнет, то он очутится на плотно сдвинутых основаниях ветвей. Ну, предположим и тут не повезет — он как-то проскользнет вниз; там двумя метрами ниже расходится веером следующий ярус веток; ну, ладно, и тут свалится — так на каждом таком ярусе падение будет

снова с нуля, это не так страшно, как падать с окончания ветви!

Рычин уже набрал в легкие воздуха, чтобы гаркнуть что-нибудь подходящее по ситуации, и тут же прикусил язык, как ему показалось — с хрустом: Стефан скользнул вдоль ствола, оттолкнулся от него и пошел по какой-то ветке, которая уходила от дерева в головокружительную пустоту, где поблизости не было уже ни балконов, ни других хвощей. Он шел неторопливо, но каждый такой шаг мог стать уже необратимым. Что же там Тёмка, неужели не сумел...

Темир вылетел на балкон четвертого этажа, как взъяренный тур, и сразу же увидел командира — неподвижного, с задранной головой.

Зрелище, естественно, было не из успокаивающих.

— Михайла, какого... — заорал он и осекся.

В головокружительной вышине безмятежно покачивался Стефан, пружиня на конце ветки, как на доске трамплина. Руки его были закинуты за голову, лицо поднято вверх, словно подставлено несуществующему солнцу. Вот он качнулся еще раз, потом сильнее, еще сильнее — и, резко оттолкнувшись, взмыл в воздух.

Рычин и Кузюмов недаром были десантниками — ни один из них не вскрикнул. И это спасло Левандовскому жизнь.

Словно опираясь на эту густую, звенящую тишину, тело Стефана зависло ласточкой, потом как-то неестественно медленно пошло вниз, и даже не вниз, а по наклонной, словно скользило по невидимой ледяной горе. Так пингвины любят кататься на брюхе. Скольжение это убыстрялось, но горка становилась вроде бы все более и более пологой, вот где-то на середине высоты Стефан прошел невидимый трамплин — и, описав плавную дугу, он спокойно ушел в высоту, как маленький белый планер, нащупавший струю восходящего воздушного потока.

И снова Темир с командиром, на счастье Левандовского, не издали ни звука. Теперь он парил где-то на высоте десятого этажа, чуть прогнувшись и раскинув руки, как это делают пловцы, отдыхающие на спине. Потом сгруппировался, ухнул вниз сразу метров на пятнадцать, проделав при этом несколько переворотов вперед, задержался как раз напротив Темира и плавными кругами пошел на снижение. Он летел без каких бы то ни было усилий, изредка подгребая кистями рук или меленько семеня босыми ступнями, но делал это явно для полноты ощущения. Последний круг

он прошел уже совсем медленно, не выше, чем сантиметрах в шестидесяти над землей, потом вдруг как-то ловко кувырнулся и закатился прямо под новорожденный торчок хвоща, определенно намереваясь доспать свое, свернувшись уютным калачиком.

Рычин рванулся к нему, сгреб в охапку и потащил к двери — надо сказать вовремя, потому что почва под деревцем уже взламывалась, обнажая хищные розоватые корешки. Рычин проволок обвисшее на его руках тело через двойной порог, ухнув, бросил его на пружинящий пластик и всем корпусом навалился на дверь — а то еще заползет следом какая-нибудь нечисть.

Дверь звонко чмокнула, и словно в ответ на этот звук ярко вспыхнули люминаторы.

Что-то деловито загудело, трепетно взвыли какие-то компрессоры — здание ожило. Темир, сделавший свое дело, с грохотом катился вниз по винтовой аварийной лесенке.

— Жив? — крикнул он.

Рычин только пожал плечами:

— И даже счастлив. Ты, Тёмка, не подходи к нему сзади, а то вдруг ему снится, что он — необъезженный мустанг?

— Понятно, — сказал Темир. — Так ты считаешь, что минуту назад он видел себя во сне реактивным лайнером?

— Почему — лайнером? Может быть, воробьем, а может, бумажным самолетиком... Вряд ли Степке могло присниться, что он — горный орел. А вообще пора его будить, зябко тут без одеяла. Э-э, птичка божия, просыпайся, ждут заботы и труды!

— М-м-м... — замотал головой Стефан, — да отстаньте, ребята, чать не на работе...

— Вставай, вставай, первый лунатик космофлота! — тормошил его командир. — Кстати, ты кем себя во сне видел, часом, не шестикрылым серафимом?

— Вот так весь рейс... — бормотал Стеф, поджимая под себя голые ноги и пытаясь прикрыть их рубашкой, — ну ни минутки поспать спокойно... друзья-ироды... ну что привязались, каким таким серафимом? Обыкновенным летающим человеком, как и полагается в счастливом сне, — что, сами таким не бывали?

— И вся тут проблема естественной левитации... — потрясенно констатировал командир «Трех богатырей».

— ...Тут же вся проблема левитации решается автоматически! — буйствовал Рычин.

Полубояринов только хмыкнул и еще глубже ушел в свое кресло.

— Девять десятых своего рабочего времени я вынужден выслушивать подобную бредятину... Уж лучше бы ты зубы заговаривал, Михайла, а то ведь медицина до сих пор бессильна!

— Григорий Матвеевич, да если все десантники овладеют естественной левитацией, то...

— Во сне, что ли? — оборвал его Полубояринов. — Михайла, это неконструктивно.

— Во сне — это только начало, через сон мы подберемся к самому механизму эффекта левитации. Когда Стефан полетел...

— А ты, между прочим, был как раз под ним. Благодарил бы все космические и земные силы, что ему не приснилось, будто он — птеродактиль! Бр-р-р... А если бы он возомнил себя солнечным протуберанцем? Такого ты не допускаешь?

— Я о таком еще в жизни не слыхал, — устало возразил Рычин. — А вот летают поголовно все, включая врожденных кретинов. Значит, эффект левитации для человека естествен, раз память о нем заложена в нашем мозгу генетически. И на дальних планетах...

— Ну, пока ты на Большой Земле. — Полубояринов хлопнул ладонью по столу, давая понять, что время беседы исчерпано. — Как вы там втроем не могли справиться с зациклившимся БИМом — это ты мне в письменном виде, пожалуйста. И со всеми подробностями. Между прочим, советую тебе соглашаться на включение в свой экипаж космобиолога, дабы образовать квартет. А то быть вам на веки вечные «тремя поросятами», и так уже весь космоцентр помирает со смеху...

Как и все очень смуглые люди, Рычин не покраснел — он почернел и был готов вылететь в коридор. Но Полубояринов продолжал:

— А что касается твоей левитации, то честное слово, Михайла, не до жиру, быть бы живу. Что там дальние планеты — на собственном Марсе порвал штаны — и крышка тебе. Проблему индивидуального автоанабиоза медики до сих пор решить не могут. С порванными штанами до госпитального отсека не добежишь, надо как-то научиться мгновенно самоконсервироваться до прихода помощи... У тебя все?

У Рычина было все. Конечно, порвать штаны, сиречь скафандр высокой защиты — это надо было ухитриться,

тем не менее проблема существовала, и соваться к медикам со своими идеями было бесполезно — консерваторы похуже Полубояринова. А этого никакие доводы не пробрали. Правда, в коридоре сидел Степка — в качестве вещественного доказательства, но точка была уже поставлена. Даром тащил его сюда, лучше бы дал поспать человеку — за последние сорок восемь часов экипажу «Трех богатырей» не удалось прикорнуть и на пятнадцать минут, так измотали карантинные службы, принимавшие спасенную экспедицию со всем оборудованием.

Но Рычин хотел использовать каждый, пусть мизерный, шанс, и поэтому он безжалостно притащил Стефана сюда, усадил в коридоре на узенький подоконник и велел: «Думай, как нам убедить деда. Я попробую лобовую атаку, а ты думай. Думай!!!»

Сейчас, глядя на мрачного Полубояринова, Рычин сознавал, что и Степка не поможет. Полубояринов прочитал его мысли:

— Я сказал: если у тебя все, ступай пиши отчет... Наф-Наф.

Рычин пулей вылетел за дверь. Хоть бы Стефан его не видел...

Стефан не видел — он спал. Спал сидя, опершись на руку квадратным подбородком. Согнутая спина его была напряжена, словно на него свалилось непосильное бремя. Поза спящего показалась командиру до чертиков знакомой...

Сзади скрипнула дверь, Полубояринов охнул и замер на пороге.

Потому что Стефан не просто спал.

Он даже не храпел, как всегда.

И вообще он не дышал.

Охваченный мгновенным ужасом, Рычин вскинул руку и толкнул Стефана в плечо. Тот покачнулся и, не меняя позы, обрушился на пол. Раздался грохот, словно рухнула каменная глыба. Наверное, именно этот грохот и разбудил Левандовского — он открыл глаза, попытался разогнуться, преодолевая оцепенение, и лишь увидев Полубояринова, мгновенно обрел прежнюю форму и гибким движением поднялся с пола.

— Простите, Григорий Матвеич, — проговорил он глухим, словно из каменного колодца, голосом, — я все думал, думал... Сам не заметил, как заснул. И во сне еще думал...

И только тогда Рычин понял, почему поза Левандовско-

го показалась ему знакомой. Бедный Степка! Он думал так мучительно и напряженно, что приснился сам себе великим Мыслителем, изваянным Роденом. А дальше включился уже известный механизм.

Полубояринов мгновенно оценил обстановку и тяжко вздохнул:

— Молодые люди, — проговорил он обреченно, делая шаг назад и тем самым приглашая их к себе в кабинет. — Продолжим наш разговор...

ОЛЬГА ЛАРИОНОВА: СКАЗКИ КОРОЛЕВЫ

Сгорели известные ведьмы Урсула Ле Гуин и Ольга Ларионова...

Борис Штерн

«Курица — не птица, женщина — не человек, фантастика — не литература» — мнение, весьма распространенное в нашем обществе. Оставим кур орнитологам, а вот два последних положения О. Н. Ларионова блестяще опровергла. Сказано ведь в «Сказке королей»: «Любое дело без женщин — обязательно гадость. Вот война. Вот полиция. Вот политика...» Ну и фантастика, само собой. Но это только у «них» и Урсула Ле Гуин — «лучший фантаст всех времен и народов», и Кэролин Черри, Танит Ли и Джоанна Расс — на вершине рейтинга мировой фантастики, не говоря уж о давно и сладко почивающей на лаврах Андре Нортон (называю самые известные имена). У нас единственной женщиной, сумевшей завоевать место на фантастическом Олимпе, является Ольга Ларионова. И не только завоевать, но и удержать. Ее любили и при застое, и при перестройке, и при диком капитализме. И до сих пор ее почитают «своей» и сентиментальные шестидесятники, и нынешние крутые молодые люди. Что свидетельствует, во-первых, о том, что Ольга Николаевна — писатель, чуждый политической конъюнктуре. А во-вторых... но об этом — позже.

Что же так прочно привязывает сердца читателей к творчеству Ольги Ларионовой? Ведь веяния литературной моды она явно игнорирует. Пишет она исключительно кратко, особенно на фоне расплодившихся сейчас многотомных эпопей с продолжениями. Самый большой ее роман по объему уступает среднестатистической повести едва ли не любого современного фантастикодела. А уж заявлениям о том, что рассказы сейчас писать «не принято», она и вовсе не внемлет.

Далее. В последние несколько лет «фэнтези», мистика и ужасы, столь долго не признаваемые идеологически выдержанными советскими издателями, в таком изобилии хлынули на прилавки книжных магазинов, что почти полностью вытеснили традиционную научную фантастику. А Ольга Николаевна как писала НФ, так и пишет. Все больше про космос да опять про космос. И ведь читают!

...В известной русской сказке лиса, вначале пожелавшая, чтоб ее накормили и напоили, затем требует «насмеши меня» и «напугай меня». Лиса эта до крайности напо-

минает читающую публику. Как бы та ни объедалась изобилием книг, все равно она больше всего любит, чтоб ее пугали и чтоб ее смешили. И тот литератор, который знает, как вызвать у читателя и слезы, и смех, и выходит победителем. Ольга Николаевна это знает. Персонажи ее произведений нередко попадают в трагические, даже безвыходные ситуации. Зачастую в финале погибают герои либо их друзья и возлюбленные («Сказка королей», «Дотянуть до океана», «Кольцо Фрэнсуортов», «Перун», «Формула контакта» и т. д.) Страсти — шекспировские, особенно на фоне космических технологий и контактов с внеземными цивилизациями. «Я люблю тебя, но если бы у меня сейчас была граната, которой можно было бы взорвать к чертям собачьим весь этот мир, эту планету, я швырнул бы эту гранату нам под ноги, Дениз. Говорят, любовь — чувство созидающее. Есть такая прописная истина. Но сколько бы я сейчас отдал, чтобы моя любовь стала адским запалом, тысячекратной водородной бомбой, способной разнести в клочья всю эту сверхразумную цивилизацию! Я не знаю, гуманно это или не гуманно — уничтожить целое человечество, — ибо разум землянина не в состоянии решать такую проблему, от такой проблемы разум землянина просто-напросто свихнется. Но за такую гранату, за такую бомбу я, не рассуждая и не мудрствуя, отдал бы всю свою жизнь. И твою жизнь, Дениз». («Сказка королей»)

Но не дай нам бог настроиться на этакий душераздирающий лад. Щелкнут по носу, и пребольно. Даже в лиричнейшей из повестей О. Ларионовой «Соната моря» никак не дают расслабиться. «Приснись на новом месте жених невесте... Приснился птеродактиль». И, кстати, о любви. О. Ларионова писала о любви, наверное, больше, чем кто-либо из наших фантастов. И одна из лучших ее повестей — «Картель» — именно о любви. О той присущей русскому человеку вечной и верной любви к Александру Сергеевичу Пушкину. И о попытке, вследствие этой любви, воссоздать личность великого поэта — на электронно-вычислительном уровне. И о неизбывной аморальности этой попытки. «Почему на свете существует убеждение, будто любовью можно оправдать все — злодеяние, глупость, кощунство? Не знаю я, почему, но заблуждение это, наверное, просуществует до тех пор, пока на земле будут и зло, и любовь. И такую любовь можно только обойти стороной, пугливо стараясь не коснуться ее даже краем платья. Но мертвые перед такой любовью беззащитны». («Картель»)

Что же до смеха, то тут нельзя не вспомнить едва ли не самое популярное творение О. Ларионовой — «космическую оперу» «Чакра Кентавра» («Звездочка-во-лбу»). Какой был взрыв читательской любви и какой успех! А сама Ольга Николаевна в ответ заявила: писала легко, с таким авторским заданием — вогнать в нее все аксессуары «космической оперы»: герой-супермен, его двойник, верный друг, прекрасная принцесса (из духа противоречия сделала ее все-таки брюнеткой: обычно она непременно белокурая), консерватор-король, мерзавцы-принцы, несчастная любовь в начале, все виды оружия — от первобытных мечей до сверхсовременных десинторов, а также драконы, кентавры, призраки и магические карты... По мере написания использованное отмечала «птичкой», остальное появлялось само собой. Что же читатель? Обиделся? Оскорбился? Ничего подобного. «Чакру Кентавра» все так же любят и будут еще переиздавать наверняка не один раз. А от себя добавим, что пародирует в ней Ольга Николаевна не только западных авторов (она упоминает Р. Желязны), но и себя самое, «Клетчатого тапира», к примеру.

Но давно отмечено — насмешливость и сентиментальность — две стороны одной медали, ибо являются признаками развитого, а оттого чувствительного ума. А это уж свойство поэта. Ольга Ларионова, возможно, самый поэтический фантаст из ныне здравствующих, при всех своих космико-технологических наклонностях. И автор уникального в нашей фантастике явления — цикла рассказов и повестей, написанных «по мотивам» картин одного из самых поэтичных и сложных художников XX века — Микалоюса Чюрлениса (в данном издании этот цикл, ранее фрагментарно появлявшийся перед читателями в разных сборниках, впервые собран воедино). При этом его довольно сложно выделить из общей картины творчества Ольги Ларионовой, не только потому, что сами составляющие его весьма различны по стилю и замыслу — от зябко-изящного рассказа «Солнце входит в знак Девы» до трагичного «Перуна», — но и потому, что все произведения Ларионовой, за редким исключением, складываются в то, что фантастика определяет как «история будущего». Одни и те же герои (Сергей Тарумов, Михаил Рычин, Кирилл Анохин и другие) действуют как в рассказах «чюрленисовского цикла», так и вне его. А последняя по времени опубликования повесть Ларионовой «Формула контакта» в цикл формально не входит, но дух Чюрлениса в ней зримо витает. Короче, все эти повести и рассказы являют как бы фрагменты мозаики, и что-

бы получить о ней полное представление, нужно увидеть их все целиком.

Как много, однако, слов, относящихся к сфере изобразительного искусства — «картина», «мозаика», «зримо». Совершенно определенно, это пристальное внимание к живописи присуще творчеству Ольги Ларионовой. Но не является самоцелью. С другой стороны, столь любимый Ларионовой Чюрленис не только определял свои работы как «сотворение мира, но не нашего, библейского, а какого-то другого, фантастического», но и нередко именовал свои картины «сказками». И сказки были уже помянуты в начале этой статьи. Не случайно. Хоть и пишет Ольга Ларионова «традиционную» НФ, в произведениях ее ощутимо проглядывает сказочно-притчевый костяк («Планета, которая ничего не может дать», «Солнце входит в знак Водолея», «Щелкунчик», «Где королевская охота» и другие). Пишет, да еще и над собой посмеивается. «Ольга Николаевна, да что вы? У вас же типичная сайнс фикшн, какие тут к черту ангелы? Ах, да не придирайтесь, пожалуйста, ангел тут никакой роли не играет, просто мне нужен некто всеведущий, но отнюдь не всемогущий — взгляд со стороны. Так что оставьте его в покое — пусть поглядит». («Лгать до рассвета»)

Подобной всеведущей — но не всемогущей — фигурой в сказках, как правило, является рассказчик. И все эти слезы, ужасы и смех — разве не есть свойство хороших сказок? Даже если у них печальный финал. А все, кто имеет обыкновение регулярно читать книги, любит сказки, какими бы суровыми, бездушными и деловыми эти люди не притворялись. По-настоящему «суровые» и т. п. книг не читают, в лучшем случае видео смотрят. Но что нам до них, мы — не они, они — не мы. Так что, возможно, феномен столь длительной и постоянной читательской любви к Ольге Ларионовой нашел свое объяснение.

«У меня здоровые крылья. Я полечу в далекие миры, в край вечной красоты, солнца и фантазии, в заколдованную страну...» (М. К. Чюрленис).

Ах, да, кое-что все-таки осталось недосказанным. Итак, Ольга Ларионова — писатель, чуждый конъюнктуры. А во-вторых — просто хороший писатель.

А фантастика, когда за нее принимается хороший писатель — это литература.

В. Черных

СОДЕРЖАНИЕ

СОНАТА МОРЯ *Трилогия* 5

Соната моря 7
Клетчатый тапир 151
Лабиринт для троглодитов 251

Знаки зодиака

Сказка королей 373
Сотворение миров 441
Соната звезд. Анданте 461
Соната звезд. Аллегро 473
Солнце входит в знак Близнецов 485
Солнце входит в знак Девы 497
Солнце входит в знак Водолея 511
Соната ужа 523
Перун 549

Где королевская охота

Где королевская охота 587
Картель 615
Сон в летний день 661

В. Черных. **Ольга Ларионова: сказки королевы** 695

Литературно-художественное издание

Ольга Николаевна Ларионова

СОТВОРЕНИЕ МИРОВ

Компьютерный дизайн обложки
Н. Луковкиной

В оформлении обложки использован фрагмент работы Луиса Ройо

Ответственный редактор **М. Редошкин**
Художественный редактор **А. Гришин**
Технический редактор **М. Александров**
Корректор **И. Земкова**

Подписано к печати 17.08.95. Формат 84x108/32. Бумага книжно-журнальная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл.-печ.л. 31,8. Уч.-изд.л. 38,13. Тираж 20 000 экз. Заказ 2162

НПП "Параллель"
603137, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 103, кв. 37

Лицензия ЛП № 061943 от 23.12.92

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГИПП "Нижполиграф"
603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32

В БЛИЖАЙШИХ ВЫПУСКАХ
БИБЛИОТЕКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
"ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР"

Александр Мирер
"Обсидиановый нож"

Александр Мирер — выдающийся мастер современной фантастики. Великолепно выстроенный сюжет, нетривиальность идей, отточенный стиль, глубина осмысления образов по праву ставят Мирера-фантаста в первые ряды отечественной НФ.

Авторский однотомник "Обсидиановый нож", открывающий новую серию отечественной фантастики, включает все произведения А. Мирера, созданные в этом жанре, за исключением "детской" повести "Субмарина "Голубой кит" и некоторых рассказов.

Роман "Дом скитальцев" сразу после выхода стал бестселлером, и найти его на книжных прилавках и полках библиотек практически невозможно. Впервые публикуется полный вариант романа "У меня девять жизней", повествующего об экспедиции в Совмещенные Пространства и о трагической судьбе обнаруженной там биологической цивилизации. Также ранее не издавалась написанная в жанре фантастического детектива повесть "Остров Мадагаскар". Завершают том рассказы "Дождь в лицо", "Обсидиановый нож" и "Знак равенства".

В БЛИЖАЙШИХ ВЫПУСКАХ
БИБЛИОТЕКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
"ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР"

Александр Тюрин
"Падение с Земли"

Александр Тюрин — один из самых ярких представителей новой генерации российских фантастов. Сам автор определяет свою творческую манеру как "русский киберпанк", имея в виду широко распространенное в современной западной НФ направление.

Захватывающие, сверхдинамичные сюжеты, способные поспорить с самыми "крутыми" боевиками, буйный размах фантазии, своеобразие авторского стиля и языка уже привлекли к творчеству А. Тюрина внимание читателей.

В сборник "Падение с Земли" вошли романы "Каменный век", "Конечная остановка: Меркурий", "Сверхнедочеловек" и "Подвиг разведчика" (ранее публиковался только "Каменный век"), являющиеся частью разрабатываемой автором своеобразной "истории будущего" под общим названием "История Космики", эпической и иронической одновременно.

В БЛИЖАЙШИХ ВЫПУСКАХ
БИБЛИОТЕКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ
"ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР"

Александр Громов
"Мягкая посадка"

Г.Л. Олди
"Путь меча"

Александр Щербаков
"Шорох дерева Вселенной"

(название условное)

Издательство "Параллель"

Вышли и выходят в 1995 году следующие книги:

Серия "На заре времен"

Бронзовый топор

В дебрях времени

Затерянная земля

Серия "Любовно-авантюрный роман"

Э. Мейтер
Сладкая месть

Э. Хампсон
Неосторожное сердце

Серия "Мир фантастики"

Ф. Браун
Персона грата

ОПТОВЫМ ПОКУПАТЕЛЯМ
предлагаем обращаться
в ассоциацию нижегородских издательств
"РАРИТЕТ"

603001 г. Н. Новгород , ул. Черниговская, д. 15а
тел. (8312) 33-80-16, 34-09-54

БИБЛИОТЕКА ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФАНТАСТИКИ

ХРУСТАЛЬНЫЙ ШАР